



Филипп  
Доллингер

# ГАНЗЕЙСКИЙ ТОРГОВАЯ ИМПЕРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ от Лондона и Брюгге до Пскова и Новгорода Союз





**Филипп Доллингер**  
**Ганзейский союз. Торговая империя**  
**Средневековья от Лондона и Брюгге до**  
**Пскова и Новгорода**

Philippe Dollinger  
The GERMAN HANSA



# Введение

Ганзейский союз, который начинался как объединение северогерманских купцов, а в середине XIV в. превратился в содружество городов, – уникальная организация в истории Средневековья. Правда, в тот период союзы городов не были редкостью; они существовали как в Германии, так и в Италии. Но ни одно такое объединение не просуществовало так долго и не распространилось так широко, как Ганза. В дни расцвета в Ганзейский союз входили почти 200 городов – как приморских, так и расположенных вдали от моря. Сфера влияния Ганзейского союза простиралась от залива Зейдерзе на западе до Финского залива на востоке и от Тюрингии на юге до Балтийского моря на севере. Более того, прочие городские объединения создавались в политических целях, для защиты автономии и конституции входивших в них городов. Главными же целями образования и существования Ганзы являлись защита своих купцов в зарубежных странах и развитие торговли. Такие цели не помешали Ганзе подменить собой слабую имперскую власть; таким образом, она превратилась в передовую политическую силу в Северной Европе, способную вести победоносные войны с соседними государствами. Правда, войны, которые вела Ганза, всегда преследовали экономические цели.

Тем не менее Ганза оставалась необычной организацией, которая озадачивала правоведов своего времени. Она не считалась суверенным государством, так как существовала в рамках Священной Римской империи, а входившие в ее состав города в той или иной степени сохраняли верность местным правителям, как духовным, так и светским. Ганза была аморфной организацией; ей недоставало правового статуса. В ее распоряжении не было ни собственных финансов, ни собственной армии и флота. Ганза не имела ни общей печати, ни чиновников, ни органов власти, за исключением Ганзейского собора (Hansetag), да и тот созывался редко, через неравные промежутки времени, и на нем ни разу не присутствовали представители всех городов.

Но несмотря на такие структурные недостатки и столкновение интересов, неизбежное в союзе столь разных и столь далеко расположенных друг от друга городов, Ганза сумела просуществовать почти 500 лет. Тайну ее долголетия следует искать не в принуждении, которое не играло заметной роли, а в объединявшем членов союза стремлении к реализации общих интересов. Их солидарность основывалась на желании контролировать торговлю на севере Европы. Историческая функция Ганзы на самом деле заключалась в том, чтобы снабжать Западную Европу теми продуктами Восточной Европы, в которых она нуждалась, а взамен снабжать Восточную Европу некоторыми предметами первой необходимости, главным образом сукном и солью, из Западной Европы. Пока продолжалась такая экономическая взаимозависимость, Ганза сохраняла жизнеспособность.

Историю Ганзы можно датировать с известной степенью точности с середины XII до середины XVII в. Ее зарождение отмечено основанием на вендской территории около 1159 г. города Любека, западноевропейских ворот на Восток. Любек вскоре стал, и впоследствии оставался, главой Ганзы – не только по причине выгодного географического положения на Голштинском перешейке, между Балтийским и Северным морями, но и благодаря предприимчивости его жителей. Вскоре в новом городе обосновались немецкие купцы из Нижней Саксонии, Вестфалии и Рейнской области и, по примеру скандинавов, начали торговать с другими странами. В тот период Балтийское море считалось не замкнутым пространством, ограниченным обледеневшими берегами, а в первую очередь торговым путем, который предоставлял легкий доступ к русским рекам. Далее можно было попасть на крупные рынки Новгорода и Смоленска, куда по длинным и трудным дорогам поступали редкие и драгоценные товары из дальних стран, с берегов Белого моря, а также из Византии и мусульманских земель.

Немецкие купцы не только торговали по всему балтийскому побережью, но и активно закладывали новые города, создаваемые главным образом для торговли. В новых городах они обеспечивали себе преобладающее влияние. В то же время купцы осваивали и Северное море. По нему ходили в Норвегию, Нидерланды и Англию, где они укрепляли давние торговые связи между Кёльном и Лондоном.

К середине XIII в. ганзейские купцы обладали почти торговой монополией на обоих морях. Их коммерческая деятельность велась вдоль большой оси Новгород – Ревель – Любек – Гамбург – Брюгге— Лондон. В XIV в. они расширили и развили сухопутные торговые пути, связывавшие их с югом Германии и Италией. Кроме того, налаживались морские связи с атлантическими портами Франции, Испании и Португалии.

Однако именно в то время во многих странах проявились первые признаки сопротивления экономическому подъему Ганзы. Новые конкуренты, особенно голландцы и жители юга Германии, успешно бросали вызов ганзейской монополии. Главным образом для того, чтобы отразить эту угрозу, в третьей четверти XIV в. Ганза из объединения купцов превратилась в объединение городов. В таком виде союзу легче было отстаивать интересы своих участников за рубежом. Несмотря на ряд выдающихся успехов, усилия Ганзы не только в экономике, но и в политике не сумели помешать экспансии конкурентов. К началу XVI в. упадок Ганзы стал очевиден всем. Однако важно точно очертить суть этого упадка. Так, он не затронул судьбу самих городов; некоторые из них, например Гамбург и Данциг, в начале Нового времени даже переживали заметный рост и процветали. Не наблюдалось и спада в объеме торговли, которая в целом считалась успешной. Вот лишь один пример: экспорт зерна из Померании, Пруссии и Польши достиг беспрецедентных цифр. Но все большую долю в растущем товарообороте захватывали новички. Экономическая структура Ганзы плохо приспособлялась к новым условиям. Кроме того, Ганза больше не обладала достаточным политическим влиянием для того, чтобы противостоять монархиям того времени. Поэтому участники Ганзейского союза невольно задавались вопросом, не влечет ли за собой принадлежность к сообществу, при всех жертвах, которые подразумевало участие, больше недостатков, чем достоинств. Начиная с того времени, несмотря на несколько достойных попыток вернуть утраченные позиции, Ганза была обречена.

Датой ее роспуска можно считать 1630 г., когда был заключен более тесный союз между Любеком, Гамбургом и Бременом. Этот союз фактически занял место Ганзы. Однако обычно датой роспуска Ганзы принято считать 1669 г., когда в последний раз заседал Ганзейский

собор (Gansetag) и последняя попытка восстановления Ганзейского союза не достигла успеха.

Это великое объединение, сначала купцов, а затем городов, получило название, которое сохранилось в веках, – Немецкая ганза, Наша Theutonicorum, dudesche Hense. Уже в Средние века появилось множество домыслов относительно происхождения и значения слова «ганза». Теории выдвигались самые причудливые. Слово германское и очень древнее, оно встречается еще в Готской Библии Вульфилы, где использовано в значении «отряда воинов». В XII и XIII вв. слово «ганза» было распространено довольно широко, от Сены до Эльбы, а также на юге Германии; оно относилось к купцам, иногда к группам купцов за границей, платившим подати. Именно в этом смысле в начале XIII в. слово употреблялось применительно к участникам «Фламандской ганзы» в Лондоне. Вначале она тоже была объединением торговцев, а затем превратилась в объединение городов.

И лишь сравнительно поздно группы купцов севера Германии стали, в свою очередь, называться «ганза». Впервые данное явление прослеживается в Англии, в королевской грамоте от 1267 г.: судя по всему, купеческие союзы называли так потому, что их устав был аналогичным уставу «Фламандской ганзы» в Лондоне. Вскоре после того «ганзами» стали называть также небольшие группы гамбургских купцов в Утрехте и Осткорке, а также купцов из Любека в Хукена-Звейне. С Запада название постепенно распространялось на другие ганзейские регионы. Однако лишь в 1343 г. король Норвегии и Швеции, обратившись в письме к universos mercatores de Наша Theutonicorum, впервые применил слово «ганза» ко всему сообществу северогерманских купцов, а не просто к отдельной их группе в какой-то зарубежной стране, вскоре после чего Ганза превратилась в союз городов. Судя по всему, даже после своего образования союз еще довольно долго не назывался Ганзой, что, впрочем, не мешало ему стать главной, единственной и неповторимой Ганзой, а его скромные предшественники были забыты.

Здесь следует остановиться на одной терминологической проблеме, а именно: какое слово лучше описывает отношения входивших в Ганзу городов, одновременно свободные и довольно тесные? В немецком, английском и французском языках употребляется слово «лига». Оно способно ввести в заблуждение, так как «лига» подразумевает

общественное или политическое объединение, чем Ганза не являлась. Более того, многочисленные лиги, как общего характера, так и региональные, создавались внутри самой Ганзы. Они образовывались с конкретными целями и на заранее оговоренные сроки. Но они никогда не были тождественны Ганзе, и необходимо всегда помнить разницу между двумя типами таких объединений. Более того, даже в Средние века Ганза отказывалась признавать применительно к себе такие определения, как «общество», «лига» или «собрание». Можно употребить такие расплывчатые термины, как «Ганзейское объединение» или «корпорация»; но лучшим решением было бы, несомненно, принять термин «Ганзейское сообщество» или «Ганзейский союз», не забывая о том, что они включают в себя такие оттенки значения, употребительные в Средние века, как *communis mercator*, *der gemene korman*, *die gemene stete* («купечество», «купцы вообще», «все купцы», «все города»).

К концу XVIII в. о Ганзе почти совсем забыли. Интерес к ее истории возродился в начале XIX в., после издания первой посвященной ей крупной монографии Георга Сарториуса (1803–1808). Систематические исследования Ганзейского союза появились главным образом после публикации таких крупных коллекций источников, как «Любекский реестр», собрание «Ганзейских протоколов» (*Hanserezesse*) и «Ганзейских актов» (*Hansisches Urkundenbuch*). Наверное, еще более важной стала начатая в 1871 г. публикация обозрения *Hansische Geschichtsblätter*, подлинной опоры ганзейской историографии. Обозрение выходило регулярно со времени своего основания, кроме периода Второй мировой войны.

Позже историей Ганзы занимались многие ученые. Среди них следует упомянуть Карла Копмана, Вильгельма Штида, Дитриха Шефера, Эрнста Денелла, Вальтера Штайна, Вальтера Фогеля, Фрица Рёрига и Пауля Йохансена.

Думается, излишне указывать, что нарисованный ранее образ Ганзы, по крайней мере некоторых ее аспектов, претерпел существенные изменения. Главным образом это произошло из-за довольно свободной, почти расплывчатой структуры сообщества. Так, одно время «настоящей» Ганзой считалась лишь Ганза городов, а на все, что предшествовало ее образованию, смотрели как на своего рода предысторию, на организацию в процессе созревания. Теперь



признано, что сообщество купцов в XII в. так же олицетворяло Ганзу, как и сообщество городов в XIV в. Сходным образом расцвет Ганзы относили к разным периодам. Некоторое время принято было считать, что расцвет Ганзы наступил чуть раньше середины XV в.; в то время ганзейское сообщество в самом деле включало самое большое число городов и вело торговлю вплоть до самой Португалии. Однако современные историки склоняются к мнению, что период расцвета сообщества лучше передвинуть на последнюю треть XIV в., сразу после образования Ганзы городов и победоносного Штральзундского мира. Именно с того времени Ганза решительнее сохраняла уже полученные преимущества с помощью выработки сложной системы законов и правил, чем занималась новыми приобретениями. Ее конкуренты уже начинали оспаривать ее превосходство не только в своих странах, но и в пределах самих ганзейских владений. Короче говоря, при датировке периода расцвета сейчас больше принято полагаться на внутренние критерии. Наконец, если в авангарде изучения Ганзы всегда шла экономическая история, что вполне естественно, внимание ученых главным образом сосредотачивалось на экономической политике, более легкодоступной благодаря многочисленным уставам и указам. Однако с некоторых пор растет интерес и к количественным показателям, которые помогают точно оценить объем торговли. В результате возродилось внимание к последнему этапу истории Ганзы, которым ранее несколько пренебрегали, поскольку именно к тому периоду относится больше всего документов, связанных с данной областью исследований. Самыми ценными из них стали знаменитые «зундские сводки», где приведены декларации об уплате пошлин за проход через пролив Зунд (Эресунн).

Наконец стало принято считать, что узконациональный подход не самый лучший для изучения данной темы и Ганзу не следует рассматривать как исключительно немецкое явление. Ученые стараются показать, что Ганза дала странам, с которыми она торговала, и какую роль играла в их культурном развитии.

**Часть первая**  
**От Ганзы купечества к Ганзе городов**  
**(XII–XIV вв.)**

# **Глава 1**

## **Северная Европа в первой половине XII в.**

### **Торговля в Северной Европе**

Северное и Балтийское моря можно назвать северным аналогом Средиземного моря. Эти три моря обеспечивали устойчивую связь между Востоком и Западом, хотя на севере маршрут затрудняла конфигурация побережья, из-за чего корабли вынуждены были пускаться в долгий обходной путь вокруг мыса Гренен и через Датские проливы.

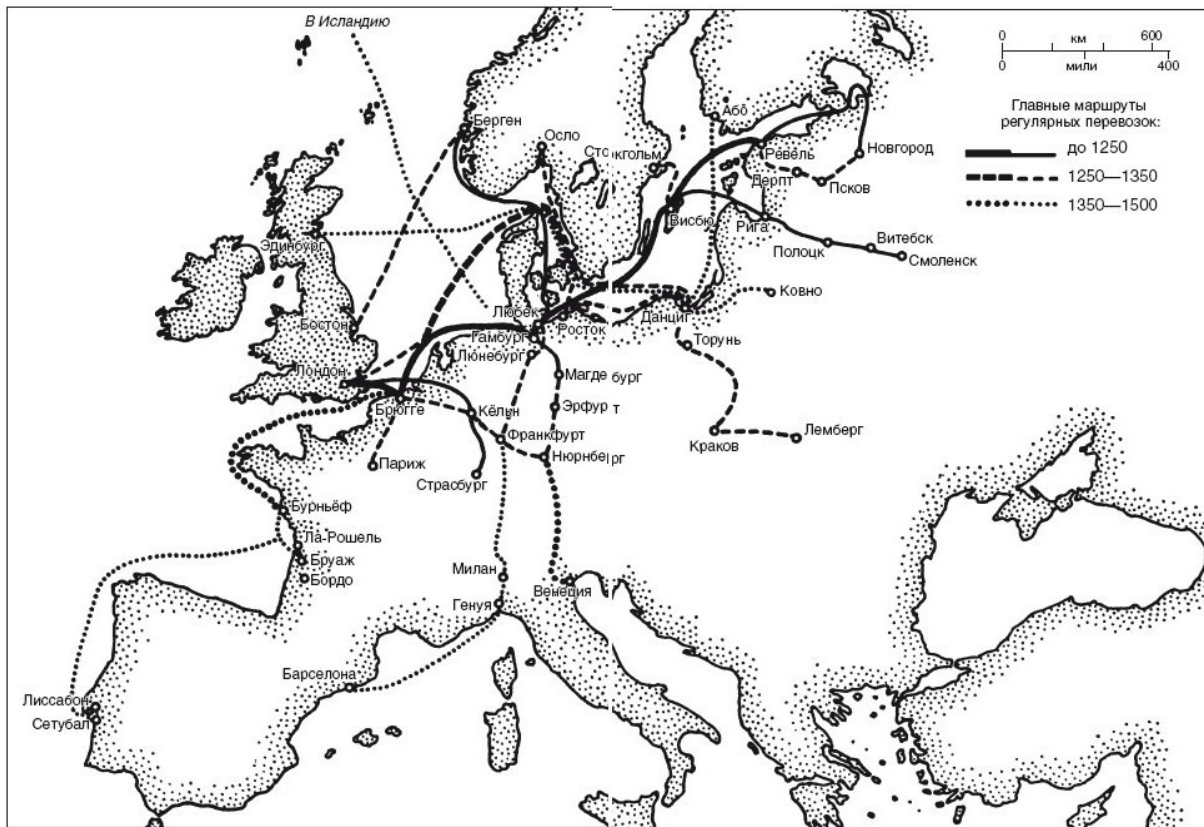
В первой половине XII в. немцы еще играли относительно скромную роль в коммерции на двух северных морях, которым через несколько лет суждено будет всецело подчиниться их владычеству. И на Северном море, и на Балтике в то время господствовали скандинавы. Шире всех там развернулись норвежцы. Самую активную торговлю они вели с Англией, особенно с Бостоном, благодаря многочисленным колониям, которые там основали викинги. То же справедливо и в отношении Ирландского моря, которое, благодаря многочисленным скандинавским поселениям на обеих сторонах Бристольского залива, превратилось поистине в «норвежское озеро». Помимо того, норвежцы и датчане регулярно торговали с континентальной Европой. Они посещали Бремен и Утрехт, где их присутствие отмечено с 1122 г., Кёльн и, возможно, продвигались даже дальше, во Фландрию и Нормандию. На Западе они добирались до Исландии и Гренландии, на Востоке ходили почти по всему Балтийскому морю. На быстроходных судах, длинных и узких, они перевозили продукцию своих стран, в первую очередь вяленую рыбу, шкуры и кожу, соленое масло, древесину, а также восточные товары, которые они привозили из балтийских портов. Такая коммерческая деятельность – в то время, судя по всему, она еще не находилась в кризисе – во многом носила сельский характер, хотя постепенно сосредотачивалась в новорожденных городах, в Бергене и Трондхейме на атлантическом побережье, а также в Осло и Тёнсберге на проливе Скагеррак.

На южных берегах Северного моря самыми активными были фламандцы, чья торговля расширялась, и фризы, чья торговля приходила в упадок. Фламандцы торговали главным образом с Англией. Из Виссана, Брюгге и Аарденбурга они совершали рейсы в Лондон, где у них имелась собственная ассоциация, Лондонская ганза. Фламандцы продавали главным образом свое сукно, производство которого росло, а также, возможно, уже в то время, французское вино. Назад они везли шерсть, необходимую для их текстильной промышленности, а также олово, свинец, кожи и шкуры, купленные напрямую у производителей. Начиная с того времени самым крупным торговым центром Нидерландов становится Брюгге. Наряду с фламандскими купцами большую активность проявляли купцы из областей вокруг Мааса, то есть из Юи, Льежа, Нивеля и Динана. Они возили в Англию рейнское вино, металлические изделия, драгоценные камни, предметы роскоши из Регенсбурга или даже Константинополя и доспехи из Майнца. В одном английском указе примерно от 1330 г. излагаются условия, при которых «лотарингцы» могут ввозить и продавать свои товары в Лондоне.

Кроме того, фламандцы торговали с Северными Нидерландами, с Северной Германией, со Шлезвигом и, возможно, со Скандинавией. Но главенствующее положение в тех краях по-прежнему занимали фризы, которые развивали торговлю на Балтике. К концу XI в. в шведской Сигтуне существовала фризская гильдия. По не до конца выясненным причинам влияние фризов постепенно ослабевало. Возможно, главную роль сыграла нелюбовь фризов к городской жизни в то время, когда город становился главной движущей силой хозяйственной деятельности. Как бы там ни было, постепенное схождение фризов со сцены – через 200 лет их роль взяли на себя голландцы – предоставило ганзейским купцам выгодную возможность. Они сумели воспользоваться уходом фризов и занять их место, став главными двигателями судоходства и торговли на Севере. Тиль, который в XI в. еще процветал, в XII в. пришел в упадок, что доказывает и перевод имперской таможни в Кайзерверт. Тиль уступил свое место конкуренту, Утрехту. Благодаря выгодному географическому положению Утрехт лучше подходил и для речного судоходства. Его все чаще посещали фламандцы, жители Рейнской области, Саксонии, а также датчане, норвежцы и даже сами фризы. Кроме того, часть



товарооборота Тиля перешла к Ставорену на заливе Зейдерзе.



*Распространение ганзейской торговли*

Именно тогда немецкие моряки и купцы, особенно выходцы из Кёльна и Бремена, начали захватывать все большую долю в североморской торговле. В начале XI в. король Англии Этельред II Неразумный предоставил свою защиту «купцам Священной Римской империи», приравняв их к лондонцам и сочтя «достойными хороших законов». Эти *homines imperii* были по большей части купцами из Тиля, но имелись среди них и уроженцы Кёльна, города, который издавна торговал с Англией, а также Бремена, чьи торговые связи с Англией начались еще до 1100 г. Кёльнским купцам, расширявшим торговлю, не позднее ИЗО г. предоставили право проживать в Лондоне, хотя купцам из Тиля и Бремена отказали в таком праве. В какое-то время – точная дата неизвестна – они приобрели дом на берегу Темзы, расположенный выше Лондонского моста по течению. Там они устроили свою штаб-квартиру, и там находилась колыбель

будущей ганзейской фактории (конторы). В 1157 г. Генрих II взял кёльнских купцов, их товары и их поселение под особую защиту, предоставив им право продавать свое вино на том же рынке – то есть на тех же условиях, – что и французское вино<sup>[1]</sup>. В то время рейнское вино на самом деле составляло основной товар кёльнцев, хотя к нему следует добавить металлические изделия и доспехи, производимые в Кёльне. В обратные рейсы грузили главным образом шерсть и, в меньшей степени, металлы и продукты питания.

Желание торговать вело кёльнских купцов не только на запад, но и на северо-запад, в Данию. Там они закупали товары и продукты с Востока и продавали свое вино и, как можно предположить, фламандское сукно, а также известковый туф из Андернаха, который применялся при строительстве нескольких датских церквей, особенно собора в Риббе. Вначале уроженцы Кёльна нанимали фризские суда, но позже все чаще вели торговлю на собственных кораблях. О росте интереса Кёльна к морю свидетельствует его участие в Крестовых походах XII в. А в 1102 г. в составе христианского флота, ставшего на якорь у Яффы, упоминаются корабли из низовьев Рейна под командованием некоего Хадеверка, уроженца Вестфалии. В 1147 г. корабли из Кёльна образовали основной костяк немецкого контингента, который примкнул к английской и фламандской эскадрам в Дартмуте и принял участие в захвате Лиссабона перед отплытием в Святую землю.

Не меньшую активность, чем Кёльн, проявлял Бремен. Примерно в 1025 г. Адам из Бремена, который, судя по всему, был склонен к преувеличениям, написал, что «купцы со всего света встречаются в Бремене». Особенно оживленная торговля велась со Скандинавией, которая входила в церковную провинцию Бремена. Торговые отношения продолжались и после учреждения в 1104 г. архиепархии в Лунде: в конце XII в. король Норвегии жаловался на чрезмерное количество вина, которое немцы разгружали в порту Бергена.

В тот же период оживленная торговля велась и на Балтике. Из Балтийского в Северное море попадали чаще не долгим путем через Гренен, а через Шлезвигский перешеек. Корабли с запада плыли вверх по течению реки Айдер и разгружали свои грузы в Холлингштедте; затем либо грузы посуху перевозили в Шлезвиг, либо сами суда волоком доставляли в устье реки Шлей, проделывая путь примерно в

15 км. В середине XI в., после уничтожения Хедебю западнославянскими отрядами, Шлезвиг стал важным торговым центром всего региона. В некотором смысле он стал первым прототипом Любека как западноевропейского порта на балтийском побережье. Здесь фризские, саксонские и, возможно, фламандские торговцы встречались с датскими, шведскими и русскими купцами.

И все же балтийская торговля главным образом находилась в руках обитателей Готланда. В XI в., после обращения его жителей в христианство, остров приобрел большое военно-морское и торговое значение. На Готланде не возникали крупные города. Там были больше развиты сельское хозяйство и морская торговля. Судя по всему, коммерческая деятельность сводилась к нескольким временным поселениям, окруженным деревнями и обнесенным земляными валами. Одно из таких поселений находилось на месте будущего Висбю, лучшей гавани на западном побережье острова.

Похоже, что фермеры-моряки Готланда совершали рейсы во все края. Их можно было встретить и в центральной части Швеции, где они наносили регулярные визиты в Сигтуну, занявшую место Бирки на озере Молар. Но прежде всего они ходили в русские земли традиционным путем «из варяг в греки» и там вели обширную торговлю. Набеги викингов прекратились после XI в.; теперь скандинавы торговали главным образом с Новгородом, который тогда подходил к пику своего расцвета. Готландцы основали там торговую факторию и построили церковь Святого Олафа, которая впервые упоминается около 1080 г. «Готский двор» вскоре принял и германцев, которые затем создали такое же собственное учреждение, «Немецкое подворье» или «Двор Святого Петра» (Peterhof). Готландцы возили в Новгород товары стран Запада, в том числе фламандское сукно – ипрское сукно упоминается около 1300 г., – а назад везли меха и воск, а также восточные предметы роскоши, ввезенные из Византии, Киева и Смоленска. Кроме того, они, возможно, находили те же товары в факториях на южном побережье Балтийского моря, в Штеттине и Юмне на реке Одер, где Адам из Бремена упоминает присутствие греческих купцов, а также в Труссе в устье Вислы. Возможно, готландцы совершали каботажные рейсы и вблизи Самбийского полуострова в поисках янтаря. Кроме того, они все чаще ходили в Саксонию. В 1134 г. император Священной Римской империи Лотарь

III предоставил им освобождение от таможенных пошлин и свою защиту «на территории всей Священной Римской империи»: они попадали туда либо через Шлезвиг, либо напрямую через вендские земли, если там не наблюдалось междоусобицы. Судя по большому количеству английских монет, зарытых на острове в XI в., готландцы добирались до самой Англии.

На Балтике торговали не только скандинавы. В первой половине XII в., вследствие возвышения Новгорода, там значительно, хотя и на короткое время, выросло присутствие русских купцов. Особую активность русские «гости» проявляли на острове Готланд, где обнаружены остатки православных церквей, а также в Штеттине, который часто посещала группа новгородских купцов. Более того, в Новгородской летописи упоминается, как русских купцов в 1134 г. ограбили в Дании; то же самое повторилось 20 лет спустя, во время династических войн. Помимо русских, следует упомянуть торговые вояжи вендов с Рюгена, а также пруссов и эстонцев, которые, однако, не отходили далеко от своих берегов. Несмотря на то что их присутствие в Штеттине и Шлезвиге хорошо задокументировано, немцы, судя по всему, не играли большой роли в торговле на Балтике до основания Любека.

Зато сухопутная торговля на Северо-Германской низменности, что вполне естественно, находилась главным образом в руках немцев. Однако на северо-западе они сталкивались с жесткой конкуренцией со стороны фламандцев и купцов из области Мааса. Самую большую активность проявляли купцы из Гента, которые приезжали в Кёльн, чтобы обменять свое сукно на пшеницу и вино. Они часто выбирались и за пределы Кёльна, либо на восток, за медью из Гарца, либо на юг, в сторону Кобленца, где покупали вино непосредственно у производителей. Но начиная с середины XII в., когда архиепископ сделал Кёльн главным рынком, поездки гентцев вверх по Рейну прекратились. Кроме того, на Кёльнскую августовскую ярмарку приезжали купцы из Мааса, из Льежа, Юи и Динана; они привозили свои металлические изделия. Отмечено также присутствие торговцев из Вердена, хотя о природе их сделок ничего не известно; их главное занятие, работоторговля, в начале XI в. подошла к концу.

Уроженцы Кёльна считались самыми предприимчивыми из немцев. И пусть до конца XI в. они редко отваживались выбираться на запад,



тем не менее они активно действовали на юге и востоке. Они богатели в основном благодаря вину, за которым ездили в Рейнскую область и Эльзас. Однако их можно было встретить и в Австрии, на рынке в Энее, где они продавали вяленую рыбу и сукно, а покупали кожи, воск и, возможно, венгерскую руду. На востоке их, как и фламандцев, особенно привлекали медь и серебро Гарца. Эти металлы, на которые существовал большой спрос, вывозились во все стороны. Отчасти металлы вывозили сами саксонцы, главным образом на запад, по великому торговому пути Магдебург – Гослар – Зост – Дортмунд – Кёльн. К концу XI в. в Госларе, как и в других растущих городах Нижней Саксонии и Вестфалии, развивалась металлическая промышленность, продукция которой поставлялась на дальние рынки. Севернее находились соляные копи Люнебурга, известные с X в. Оттуда соль отправляли в Рейнскую область; впрочем, объем тогдашней торговли солью невозможно оценить. Кроме того, купцы из саксонских городов регулярно наведывались в Шлезвиг. В Зосте в конце XIII в. упоминается некое «шлезвигское братство»: такой термин мог войти в обращение только до основания Любека.

На Эльбе, пограничной реке Священной Римской империи, находились два города, которые имели важное значение для торговцев. Одним из них был Бардовик. Там саксонские купцы переходили реку вброд практически в последней точке перед тем, как она впадала в море, по пути на вендскую территорию. Особенно часто они ездили на остров Рюген, где покупали рыбу. Бардовикские таможенные пошлины, назначенные императором и взимаемые герцогом Саксонским, приносили значительный доход имперской казне. Вторым таким городом стал Магдебург, важный центр миссионерской деятельности в языческих странах за Эльбой. Там же находился центр материковой водной транспортной системы, которая играла важную роль в войнах против вендов. Процветающий купеческий квартал Магдебурга служил местом встреч для саксонских и славянских торговцев. Очевидно, Магдебург в то время был оживленным торговым центром, хотя мы почти не располагаем точными подробностями того, какого рода сделки там заключались.

Итак, в первой половине XII в. на севере Европы торговали купцы из разных стран. Хотя немцы и проявляли некоторую инициативу, они играли в торговле относительно скромную роль. Лишь самые

прозорливые люди могли предвидеть, что через сто лет обстоятельства круто переменятся в их пользу.

## Политические, религиозные и демографические факторы

В начале XII в. граница Священной Римской империи и христианского мира в целом приблизительно проходила по рекам Эльбе и Заале, как и за триста лет до того. Несмотря на отдельные успехи, проваливались предпринимавшиеся в X и XI вв. попытки, направленные на то, чтобы подчинить восточные территории и обратить их население в христианство. Вначале Оттон I Великий организовал марки за Эльбой. Он же учредил в Бранденбурге и Хафельберге епархии, которые входили в церковную провинцию бременской архиепархии. Но все усилия свелись на нет к концу X в., когда поражения Оттона в Италии вызвали восстание славян.

Между Эльбой и Одером жили различные славянские племена, которые никогда не объединялись в сколько-нибудь обширный политический союз: вагры в восточном Гольштейне, бодричи в Мекленбурге, померанцы на Одере, лютичи, самые многочисленные и самые беспокойные, в Бранденбурге, гавеляне на реке Хафель. Эти языческие племена, раздираемые междоусобицами, но привыкшие к войне из-за постоянных битв с саксами, очень ревностно относились к своей независимости. Завоеванные, они переходили в христианство и платили дань; как только опасность проходила, они отказывались и от первого, и от второго.

Весь XI в. немцы почти не добивались успеха, тем более что после прекращения Саксонской династии императоры утратили интерес к этим регионам. Представителей Салической (Франконской) династии, выходцев с юга Германии, больше занимала Италия и борьба за инвеституру; ни Генрих IV, ни Генрих V не хотели и не могли вторгаться за пределы Гарцских гор.

Единственным устойчивым результатом Саксонской династии стало учреждение польской церкви, которая сохранилась благодаря обращению правящей династии. Впрочем, с политической точки зрения такой результат приносил лишь небольшие преимущества: после основания архиепархии в Гнезно в 1100 г. польская церковь освободилась из-под германского влияния. Весь XI и начало XII в. польские князья, как вассалы Священной Римской империи, так и независимые, стремились приобрести королевский титул и

распространить свое влияние на народы, жившие между Одером и Эльбой, что порождало частые стычки в пределах империи. Таким же беспокойным оставалось и положение на севере. Королевство Дания, куда входили Шлезвиг, Ютландия, острова и Скания, находились, как принято было считать, под германским влиянием, поскольку датская церковь входила в архиепархию Бремен – Гамбург. Такая зависимость закончилась с созданием Лундской архиепархии (1104), но отношения между двумя поименованными областями оставались теплыми, так как они по-прежнему объединялись против разбойничьих набегов вендов.

Тем не менее с самого начала XII в. условия благоприятствовали постоянному продвижению немцев вдоль Эльбы. Миссионерские усилия удвоились. В регионе Одера епископ Отто Бамбергский, по наущению Болеслава Польского, между 1124 и 1127 гг. предпринял две миссии к померанцам. Его усилия увенчались успехом, несколько тысяч человек перешли в христианство, и для них построили церкви. В то же время архиепископ Бременский посылал миссионеров под руководством Вицелина в Гольштейн, главным образом в Старый Любек. Несмотря на то что успехи миссионеров перемежались набегам язычников, после 1140 г. христианство сделало решающий шаг вперед благодаря прибытию в те края многочисленных немецких поселенцев. Какое-то время принято было считать, что полномасштабная военная экспедиция окончится полным обращением местных жителей в христианство. В 1147 г. Бернар Клервоский повелел жителям севера Германии идти Крестовым походом на язычников-славян, хотя изначально поход замышлялся в Святую землю. Эльбу перешли две большие армии, при поддержке поляков и датчан, однако им не удалось захватить укрепленные поселения лютичей и бодричей. Они вынуждены были отступить, и великий Крестовый поход так и остался отдельным эпизодом.

С политической точки зрения правление Лотаря III, непримечательное в остальных отношениях, сыграло в том регионе решающую роль. Лотарь, ставший с 1106 г. герцогом Саксонским, получил обширные владения, и он действовал с властными полномочиями, каких не доставало его предшественникам. В 1125 г., когда он стал германским королем, он не пренебрегал интересами саксов. Он успешно вмешался в династическую борьбу в Дании; он добился подчинения мятежных бодрицких вождей, Прибыслава и



Никлота, и в конце концов вынудил Болеслава приехать в Мерсебург и засвидетельствовать почтение от имени Померании и Рюгена. Но главное, он принял важные решения, которые окончились консолидацией восточногерманских территорий. Как герцог

Саксонии, в 1110 г. он сделал Адольфа I, графа Шауэнбурга, графом Гольштейна. Его сыну суждено было стать основателем Любека. В 1134 г., став императором Священной Римской империи, Лотарь передал Северную марку Альбрехту Медведю, который приступил к ее методичному завоеванию. Наконец, выдав свою дочь замуж за Генриха Гордого, он закрепил за своим зятем титул герцога Саксонского. В 1142 г. титул перешел к сыну Генриха, Генриху Льву. Таким образом, были основаны три династии, которым суждено было сыграть решающую роль в германской колонизации восточных земель. Если же вспомнить, что Лотарь III предоставил готландским купцам привилегии в герцогстве Саксония, возможно на взаимной основе, становится очевидным, что он был главным инициатором политической и торговой экспансии немцев.

Однако ни королевской воли, ни княжеского тщеславия, ни миссионерских проповедей было бы недостаточно для того, чтобы изменить природу извечного конфликта славян и немцев. Решающим фактором стала иммиграция нескольких сотен тысяч немцев, волны которой следовали одна за другой в XII–XIV вв. Перенаселенность запада Германии, растущее оскудение культивируемой земли, избыточное дробление крестьянских хозяйств в сочетании с освобождением крестьян от барщины привели в движение и поддерживали эмиграцию из всех западных регионов. В ней принимали участие жители Саксонии, Вестфалии, Рейнской области, а также голландцы, фламандцы и жители Франконии. Их привлекали обещание земли и перспектива быстрого преуспевания. Первая волна иммигрантов в середине XII в. главным образом направлялась в Гольштейн и Бранденбург. В знаменитом отрывке, написанном около 1170 г., Гельмольд из Босау описывает эту блестяще успешную колонизацию: «Теперь же, когда Бог одарил герцога нашего и других государей счастьем и победой, славяне частью перебиты, частью изгнаны, а сюда пришли выведенные от пределов океана народы сильные и бесчисленные, и получили славянские земли, и построили города и церкви, и разбогатели сверх всякой меры». Заселение земли

крестьянами повсюду сопровождалось основанием купеческих городов, которые позже сделали возможным основание и рост Ганзы.

## Рост городов

Развитие Ганзы фактически неразрывно связано с развитием городов. И по сути своей, и во всех своих проявлениях Ганза была городской. Ее рождение во второй половине XII в. совпало с концом долгого эволюционного процесса более старых городов и началом основания новых городов, количество которых резко увеличилось в XIII в.

На северо-западе Германии почти все будущие ганзейские города, игравшие в союзе важную роль, были старинными, давно основанными. Их городская сущность развивалась постепенно в X–XIII вв. Развитие это описывают часто, но оно различалось в зависимости от места. Характерными признаками служат: рост населения в определенных благоприятно расположенных поселениях по мере того, как из сельской местности туда переезжали ремесленники, а купцы основывали постоянные учреждения; слияние в каком-то укрепленном месте купеческого квартала – который на севере Германии назывался *wiek* – и более старого административного центра, церковного или светского; создание единого свода законов, присущего для данного города и его обитателей, в котором особо оговаривались вопросы недвижимости и торговли; создание сообщества жителей самоуправляемого города, часто связанных воедино присягой; преобладающее влияние в данном сообществе (по крайней мере в важнейших центрах) купцов, иногда объединенных в гильдию; захват власти богатейшими семьями, или патрициат; растущая независимость города по отношению к местному лорду-феодалу; и, наконец, развитие административных учреждений во главе с жителями самоуправляемого города. В развитом, сформированном городе управляющим органом повсеместно становился совет (*Rat*), возникший лишь в самом конце XII в.

В обсуждаемом регионе старейшим городом, основанным еще в римский период, был Кёльн. Благодаря своей экономической значимости и раннему развитию Кёльн играл важную роль в росте городов на северо-западе Германии. Он заслуживает названия «матери немецких городов», данного Планицем.

В течение всего Средневековья Кёльн оставался средоточием интенсивной коммерческой деятельности. Новый этап в его развитии начался в эпоху Каролингов и вторжений норманнов. Между римским валом и Рейном вокруг просторной прямоугольной рыночной площади поселилась колония купцов. Главную роль в ней, несомненно, играли фризцы. Впоследствии по этому образцу разбивали площади во многих других торговых городах. К середине X в. торговый квартал и город были обнесены защитным валом. С ростом населения, в начале XII в., возвели еще один вал, в пределы которого вошли новые поселения. Площадь города выросла до 197 гектаров. Эта цифра остается непревзойденной для всех современных Кёльну европейских городов, за исключением Константинополя. Ближе к концу века поселения обнесли еще одной защитной стеной; благодаря ей общая площадь города увеличилась до 401 гектара. В то же время совершенствовалась политическая структура Кёльна. Его обитатели, разделенные церковными приходами, объединялись под управлением купеческой гильдии в единое городское сообщество, а его административным органом служили присяжные (Schoffen) архиепископского суда. Это сообщество в 1074 г. росло вокруг архиепископа; в 1106 г. горожане приняли общую присягу, которую шесть лет спустя признал сам архиепископ. Начиная с того времени город стал самоуправляемым. Им руководил влиятельный «клуб богачей» (Richerzeche), в который входили крупные купцы и владельцы недвижимости. У «клуба» имелась собственная печать, а к середине XII в. появилась ратуша; однако городской совет (Rat) появился лишь в 1216 г. Наконец, важным этапом экономического развития Кёльна стало формулирование уже в XI в., гораздо ранее, чем где бы то ни было, кодекса гражданских законов. Структура купеческой гильдии, права гильдии на рыночные здания и законы, связанные с недвижимостью, сильно повлияли на кодексы законов более новых городов по всей Германии. Конечно, не следует преувеличивать ту роль, которую сыграл Кёльн в развитии подобных учреждений в других городах. Вопреки ранее сложившемуся мнению, кёльнское право не настолько повлияло на городское право Зоста; гильдия не всегда играла решающую роль, как и коллегия Schoffen; главное же, что в нескольких городах на Рейне, а также в Зосте и Любеке, городские советы возникли раньше, чем в

Кёльне. Тем не менее правда, что в основном Кёльн инициировал развитие городов на северо-западе Германии.

У городов на правом берегу Рейна не было римских «предшественников». Обычно они возникали вокруг крепостей, воздвигнутых после завоевания Саксонии Карлом Великим. Ядром будущего города становились собор и епископский замок или королевский дворец, как в Дортмунде и Зосте. Многие из этих городских поселений в IX–XI вв. наделялись правом держать рынки, что вносило больший или меньший вклад в их развитие в зависимости от того, насколько выгодным было их географическое положение для экономического роста.

Подобно городам к западу от Рейна, хотя и несколько позже, эти средневековые города образовывались путем слияния светского или церковного «ядра» и купеческого квартала. Самым ранним примером такого слияния может служить Магдебург: стена вокруг города, заложенная Оттоном Великим, была закончена в 1023 г. В основном такое слияние происходило лишь в XII в., как в Госларе (1108), Дортмунде, Хильдесхайме, Бремене и Эрфурте (около 1150). Кроме того, в первой половине XII в., вскоре после Кёльна, там возникали сообщества жителей самоуправляемых городов, иногда наделенные важными административными функциями. В Зосте и Хальберштадте уже в 1105 г. жители управляли поставками продовольствия, палатой мер и весов и отправляли правосудие в случаях мошенничества, связанных с вышеуказанными сферами. Кроме того, они сами избирали судей и присяжных.

Решающим фактором в эволюции городов стало формулирование городского законодательства, в котором местные обычаи сочетались с королевскими и феодальными правами и заимствованиями из зарубежных кодексов. Хотя до XIII в. такие кодексы законов не всегда записывались, некоторые из них восходят к первой половине XII в. В Вестфалии старейшим является Зостское городское право, которое распространялось на несколько соседних городов. Позже оно, хотя и с изменениями, было принято в Любеке, а оттуда распространилось по побережью Балтики вплоть до Эстонии. Дортмундский кодекс законов, в котором прослеживаются фламандское и рейнское влияние, был принят большинством городов Вестфалии. В Дортмунде находился верховный суд, который принимал апелляции и истолковывал законы.



В Саксонии несколько городов к северу и югу от Гарца приняли госларское городское право. Но самой обширной сферой влияния обладал Магдебургский кодекс: с конца XII в. его приняли, с вариациями, несколько сотен восточноевропейских городов, где его считали по преимуществу «германским законом».

Конец XII в. стал временем появления новых городов, основанных в определенную дату и принявших через несколько лет все типично городские особенности. С топографической точки зрения их отличают от более старых городов более регулярная планировка и улицы, проложенные в шахматном порядке. Хотя тщеславие светских и церковных владык вызывало избыточный рост городов, лишь немногие из них на левом берегу Эльбы способны были соперничать с крупнейшими старыми городами. Среди самых успешных новых городов следует упомянуть Липпштадт в Вестфалии, где было принято Зостское городское право. Липпштадт был основан в 1168 г. вассалом Кёльнского архиепископа. Кроме того, упоминается Штендаль в Альтмарке, основанный Альбрехтом Медведем.

Однако не следует проводить слишком резкое различие между старыми и новыми городами. Развитие нескольких старых городов началось после появления за их стенами нового округа, или, по сути, города-близнеца. Так произошло с Люнебургом и – в первую очередь – с Гамбургом, который стал оживленным морским портом только после того, как Адольф III, граф Гольштейна, в 1188 г. основал купеческий город напротив архиепископского города.

Одной из отличительных особенностей севера Германии стало большое количество двойных или даже множественных городов. На одном и том же месте в разное время часто возникали два или три городских поселения, и их функции не всегда четко различались. Вместо того чтобы объединиться в единый город, они развивались независимо, и каждый сохранял собственную городскую стену, сообщество граждан и даже свой городской совет; слияние шло очень медленно и иногда перемежалось периодами регрессии. Самым примечательным примером такого развития служит Брауншвейг, где в Средние века находился самый крупный город в Нижней Саксонии. На правом берегу реки Окер уже в X в. существовала торговая фактория, Alte Wiek, а на левом берегу главное место занимал герцогский замок и укрепленная церковь, вблизи которой в XI в. вокруг прямоугольной

рыночной площади заложили торговый квартал (Altstadt). Во второй половине XII в. там основали два новых города, Хаген на правом берегу и Нойштадт на левом. Вплоть до 1296 г. в Хагене и Нойштадте существовали отдельные городские советы. Лишь в 1269 г. учредили единый городской совет для всех образований. Единый совет занимался делами, представляющими общий интерес. Однако и более старые организации продолжали свое существование; они были наделены полномочиями, подробных сведений о которых почти не сохранилось. Сходным образом, в Хильдесхайме было три города, каждый со своим советом: Альтштадт (XI в.), Даммштадт, квартал фламандских ткачей (конец XII в.) и Нойштадт (начало XIII в.). В Оснабрюке Старый город и Новый город (середина XIII в.) не объединялись до 1306 г., а в Гамбурге слияние произошло уже в 1215 г., менее чем через 20 лет после основания Нового города. Позже по подобному образцу развивались события на востоке Германии. Данная схема прослеживалась в Бранденбурге, Берлине – Кёльне, Данциге, Кёнигсберге и Ревеле.

До какой степени подобная схема развития городов была характерна для славянской территории до немецкой колонизации? Согласно одной ранней теории, ныне признанной несостоятельной, городская жизнь во всем своем многообразии была привнесена на славянские земли немцами, которые закладывали города на девственной территории или рядом с простыми рыбацкими деревнями. Недавние исследования доказали: не только в Польше, но и в Мекленбурге – Померании в X–XII вв. вырастали городские центры в результате процесса, сходного с тем, что наблюдался в Западной Европе.

Благодаря археологическим находкам и летописям Адама Бременского (ок. 1075 г.) и Гельмольда из Босау (веком спустя) можно заключить, что славянские города изначально представляли собой крепости, но, помимо военных и религиозных учреждений, они могли включать один-два неукрепленных торговых центра, в которых время от времени останавливались иностранные «гости» – фризские, германские или скандинавские купцы. О таких поселениях бодричей, как Ольденбург, Деммин или Ратцебург, известно мало, помимо их военной роли; однако в Зюзеле жила колония из 400 фризов, а в Старый Любек славянский князь Генрих в начале XII в. пригласил

нескольких купцов и ремесленников, живших за крепостным валом XI в.

Относительно померанских городов мы располагаем более обширными сведениями. Помимо Бельгарда и Кольберга, упоминаемых как крепости, весьма оживленными центрами торговли были Юмне на острове Воллин в устье Одера, а также Штеттин. По словам Адама Бременского, первый считался «самым большим городом во всей Европе». Длина поселения составляла 4 км, а его обширные торговые отношения объясняют предположительное присутствие там «славян, греков, варваров и саксов». В начале XII в. город уже переживал упадок, но то, что христианские миссионеры в 1140 г. основали там епархию (которую вскоре перевели на другую сторону пролива), доказывает, что он сохранял некоторую значимость. Юмне идентифицируют со сказочной Венетой из скандинавских саг. Согласно легенде, из-за безнравственности его обитателей город поглотило море, но моряки иногда слышат его церковные колокола, которые звонят под водой.

В то время самым густонаселенным из померанских городов был Штеттин. Примерно в 1160 г. хронист Герборд насчитывал там 900 семей, то есть около 5 тысяч человек. Город защищал герцогский замок, вокруг которого, несомненно, обосновались несколько представителей аристократии (*primates*). Они управляли городом и созывали собрание «народа» по своему желанию. Наряду с укрепленным городом основывались колонии купцов, в которых, после миссионерских экспедиций Оттона Бамбергского, немцы становились еще многочисленнее. Сходные городские поселения за деревянными стенами были обнаружены и в Польше – в Познани, Гнезно, Калише, Бреслау и Кракове, – а также в Пруссии, в Трусце возле Эльбинга. Судя по всему, главным недостатком этих славянских городов было отсутствие кодекса законов, который защищал бы купцов. Этим объясняется популярность немецких законов, которые начиная с XIII в. принимали даже чисто славянские города. Возможно, именно поэтому, а также вследствие притока немецких колонистов, призванных местными правителями благодаря их предприимчивости в коммерции и ремесленному мастерству, в ганзейской сфере влияния новые города почти полностью стерли все следы более раннего городского развития.

## **Глава 2**

# **Основание немецких городов на востоке и Готландского сообщества (ок. 1150 – ок. 1280)**

### **Основание Любека**

Ближе к середине XII в. миграция немцев на восток, начавшаяся за пятьдесят лет до того, внезапно ускорилась. Подобно другим великим властителям, Адольф II фон Шауэнбург, граф Гольштейна и вассал Генриха Льва, герцога Саксонии, пожелал заселить свои земли и в конце концов подчинить себе язычников-бодричей, которые по-прежнему были хозяевами восточного побережья Гольштейна. По этой причине, говорит Гельмольд, он послал вербовщиков даже в Голландию и Фландрию, чтобы пригласить крестьян в больших количествах переселяться в Гольштейн. Те охотно откликнулись на его призыв.

В то же время граф решил основать торговое учреждение на побережье Балтики. Место для будущего города тщательно исследовалось. Вероятно, вначале выбор пал на Ольденбург, крупный вагрский центр. Основав там епархию, Оттон Великий приказал уничтожить старое поселение, и, хотя позже его отстроили, оно прозябало почти в забвении. Однако то место оказалось слишком отдаленным. Гораздо лучше был расположен старый Любек на реке Траве; он находился чуть ниже по течению, чем будущий город. Его жители обратились в христианство, и город постепенно начал процветать. Но разрушение города в 1138 г. показало, что его довольно трудно защищать от врагов.

Наконец, Адольф II остановился на слиянии рек Вакениц и Траве, примерно в пяти километрах от разрушенного поселения. Место оказалось выбрано хорошо. Две извилистых реки почти целиком окружали продолговатый полуостров площадью около 135 гектаров; болотистые берега полуострова облегчали его оборону. Расположенный примерно в 20 км от устья Траве, город почти не рисковал стать жертвой случайного набега пиратов. Траве была достаточно глубока для того, чтобы по ней проходили корабли того

времени, а выбранное место оказалось едва ли не самым узким на Голштинском перешейке, примерно в 50 км от Гамбурга: ему предназначено было привлекать купцов.

Гельмольд оставил нам красочное описание волнующей закладки нового города<sup>[2]</sup>. Стремительный рост Любека возбудил зависть Генриха Льва, который как мог старался его уничтожить, сначала враждебными действиями, затем – основав конкурирующий город, который он назвал Лёвенштадтом, «Львиным городом». Однако вскоре события подтвердили, что Лёвенштадт заложили в неудачном месте. В конце концов герцог заставил своего вассала уступить свои права. С того времени новый Любек, основанный в 1158–1159 гг., быстро добился процветания, благодаря многим привилегиям, которые ему предоставили.

Хотя рассказ Гельмольда достаточно подробен, он не проливает света на многие проблемы, которые волнуют современных историков. Поскольку тогдашние источники совсем не раскрывают подлинные подробности основания города, нам приходится полагаться на документы позднейшего времени для изучения плана города и прибегать к сравнительному изучению грамот об основании других городов XII в. 50 лет назад Фриц Рёриг опубликовал свою знаменитую версию «консорциума предпринимателей». Он предполагал, что, подобно тому как происходило во Фрайбурге-им-Брайсгау, группа любекских купцов получила от герцога в совместное пользование все городское поселение на том условии, что они устроят на том месте торговый город. Затем группа купцов якобы поделила землю между собой, включая небольшие участки вокруг рыночной площади, которые сдавались ремесленникам. Данную точку зрения подтверждало изучение владений участками вокруг рынка, насколько ее можно было воссоздать с помощью городского земельного реестра, который, однако, составлен лишь в 1285 г., через сто с лишним лет после основания города. Наконец, на основании распределения собственности в конце XIII в., Рёриг предположил, что патриции, то есть семьи, представленные в городском совете в тот период, вели свое происхождение от отцов-основателей.

Данная теория ранее получила широкое распространение, но сегодня частично опровергнута. По-прежнему кажется вероятным, что основание Любека стало результатом предоставления места группе

поселенцев или их вождю: указ об основании Нового города Гамбурга (1188) дает точный отчет о таком процессе. С другой стороны, мнение о том, что земля некогда была в общем владении, в наши дни единодушно отрицается. Куда вероятнее, что участки – каждый размером около 100 на 25 футов – с самого начала находились в частном владении и за них платили оброк, который быстро отменили. Более того, Рёригу не удалось убедительно доказать связь изначальных поселенцев и патрициев, живших в конце XIII в.; нигде не подтверждается, что обширные городские имения знатных семей в том виде, в каком они зафиксированы на 1300 г., были построены еще в середине XII в., а в отдельных случаях было неопровержимо доказано, что они построены гораздо позже. Не является вероятным и утверждение Рёрига о том, что вся площадь, занимаемая Любеком, – 135 гектаров – подвергалась официальному планированию, согласованному консорциумом. После своего основания в 1159 г. город несомненно включал в себя лишь ограниченный район вокруг большого прямоугольного рынка, который окружали лавки. В северо-восточном его углу появились торговые ряды, а вскоре и ратуша. Примитивное поселение 1143 г. оставалось отдельным на участке, который невозможно точно очертить, – возможно, оно находилось возле церкви Святого Петра. Другие отдельные поселения возникли на севере полуострова, вокруг герцогского замка; они выходили на перешеек. На юге же, у впадения Вакеница в Траве, появился церковный квартал. Наконец, Рёриг, как и многие другие ученые, склонен был преувеличивать роль основателей, стремившихся основать город совершенно нового типа, целиком привязанный к крупномасштабной международной торговле (Fern-handelsstadt). Его критики, напротив, придавали большое значение той роли, какую сыграли при основании города герцог и его приближенные, а также влиянию вестфальских образцов и многочисленных черт, позаимствованных у более ранних городов. Несмотря на эти поправки, гипотеза Рёрига, вполне состоятельная во многих отношениях, долгое время служила стимулом для исследования важного аспекта средневековой истории. Ее отголоски ощущаются и сегодня.

Население нового города стремительно росло. К его обитателям, вернувшимся из Лёвенштадта, присоединялись жители Старого Любека, который к тому времени прекратил свое существование.



Возможно, ряды горожан пополняли и немецкие купцы из Шлезвига, уничтоженного в 1156 г., а также жители Бардовика, намеренно снесенного самим герцогом, решившим оказывать предпочтение Любеку всеми доступными ему средствами. Уже в 1160 г. он добился перевода Ольденбургской епархии в Любек, а вскоре после того почти одновременно началось строительство кирпичных церкви Святой Марии возле рынка и собора. С того времени в течение нескольких веков в городе наблюдался устойчивый рост населения. С запада, главным образом из вестфальских городов, приезжали ремесленники и купцы. Эти иммигранты или селились в Любеке, или, прожив там какое-то время, снова пускались в путь к новым городам на Балтике, на остров Готланд или в Швецию. Так как город, в сущности, был центром торговли, Генрих Лев, не теряя времени, предоставил свою защиту русским и скандинавским купцам, которые часто наведывались туда, а также освободил любекских купцов от пошлин на всей территории Саксонии.

Для процветания Любеку важно было примириться с Гольштейном и положить конец набегам язычников. В 1160 г. Генрих Лев подчинил себе всю территорию бодричей. Их вождь, Никлот, погиб в бою. Кроме того, Генрих Лев захватил Шверин, где учредили епархию. Однако через 4 года Прибыслав, сын Никлота, несмотря на обращение в христианство, снова попытался поднять восстание. Но его мятеж был последним. В 1167 г. он пошел с немцами на мировую и признал себя вассалом Генриха Льва. Тот дал ему в ленное владение Мекленбург, область бодричей. Этот лен, который в 1348 г. стал герцогством, оставался в руках потомков славянского князя до XX в. С тех пор была обеспечена связь Любека с морем, и торговый путь стал легче благодаря присоединению сельской местности, главным образом по берегам Траве. В последующие столетия город неуклонно расширялся.

Городские учреждения развивающегося поселения известны главным образом из «почетных привилегий» (*jura honores-tissima*), подтвержденных в 1188 г. Фридрихом Барбароссой. Не похоже, чтобы граждане самоуправляемого города образовали объединение под присягой. Герцог наделил город определенными экономическими и административными полномочиями. Главным образом горожане (объединение граждан) управляли созданным там монетным двором. Из объединения граждан образовался городской совет, хотя его

существование можно доказать лишь начиная с 1201 г. По предоставленному герцогом Зостскому городскому праву горожане оставляли себе часть прибыли от отправления правосудия. Кроме того, их мог судить только городской судья (*advocatus*), назначаемый герцогом. В дальнейшем привилегии были расширены.

Однако после конфликта с императором Фридрихом Барбароссой Генриха Льва в 1180 г. судили и лишили почти всех владений. Любек оказался в щекотливом положении. Так как город сохранил верность герцогу, Фридрих Барбаросса лично осадил его; тем не менее он признал подчинение Любека и подтвердил его привилегии. Имперское покровительство стало первым шагом к статусу имперского города, предоставленному Фридрихом II в 1226 г. Но император был далеко, а граф Гольштейна, воспользовавшись разделом герцогства Саксония, в 1192 г. заново восстановил свою власть над городом. Его амбиции служили источником постоянной угрозы для независимости Любека.

Еще более серьезная опасность внезапно возникла в конце столетия со стороны Дании. Вальдемар Великий, объединивший королевство, а также его сыновья, Кнуд IV и Вальдемар II, приступили к завоеваниям. Воспользовавшись слабостью германской короны, они навязали свое господство правителям Мекленбурга и Померании. Любек вначале сопротивлялся завоеванию. Но когда пришло известие, что торговую флотилию, направлявшуюся на ярмарку в Сканию, захватили датчане, город сдался. Взамен подтверждения привилегий Любек признал Вальдемара Победителя своим господином. Последний затем захватил Гольштейн, навязал свое владычество Гамбургу и архиепископу Бремена и начал захват Эстонии. Господство Дании в Северной Европе казалось незыблемым, тем более что молодой Фридрих II, у которого имелись и другие трудности, признал правление Вальдемара над всеми территориями за Эльбой.

Однако датская гегемония оказалась непрочной. После того как граф Шверина похитил Вальдемара и посадил в тюрьму, все захваченные земли восстали. Освобожденный, король тщетно пытался восстановить свое положение. В 1227 г. датские войска были разбиты в великой битве при Борнхёведе, в которой, судя по всему, не последнюю роль сыграли граждане Любека, его власть была уничтожена одним ударом. В наши дни битву при Борнхёведе иногда называют событием величайшего значения, которое на века

определило ход истории в Северной Европе, сравнимое с битвой при Бувине, где примерно в то же время решалось будущее Западной Европы. Подобная точка зрения преувеличена. Датское владычество в Средние века переживало длительные периоды спада, и победа не изменила бы положения дел надолго. Ясно одно: победа при Борнхёведе увеличила престиж Любека на берегах Балтийского моря.

Годом ранее Фридрих II своей грамотой расширил привилегии города. Любек получил статус имперского города (*civitas imperii*). Такой статус, которым не наделили больше ни один город за Эльбой, предоставил Любеку превосходство, которое, вместе с его материальным процветанием, закрепило ведущее положение в своих краях. Меньше чем через 100 лет после своего основания преобладание Любека проявилось в полную силу. Любек был самым густонаселенным и преуспевающим городом Северной Европы; его корабли бороздили Балтийское и Северное моря, его купцы торговали в русских землях, Скандинавии и Англии. В истории средневековых городов едва ли можно найти другой пример такого внезапного и такого блестящего успеха.

## Готландское сообщество

Основатели Любека в первую очередь стремились вести морскую торговлю. Горожане немедленно начали строить корабли, чтобы купцы, проживавшие в городе или приезжавшие из внутренних областей, могли совершать рейсы на остров Готланд и на Русь. Возможно, уже тогда – и точно несколькими годами позже – в гавани Любека строились первые когги (одномачтовые палубные парусные суда). Эти суда нового типа появились во второй половине XII в.; в XIII и XIV вв. когги стали основным типом судов ганзейского флота. Благодаря широкому корпусу и легкости в управлении когг оказался лучше приспособленным к ведению торговли и колонизации, чем скандинавские суда.

Все, кто хотел торговать на Балтике, должны были договариваться с готландцами. Генрих Лев это понимал. Он примирил немцев и готландцев, находившихся в состоянии войны, заставил их поклясться в вечной дружбе (1161) и подтвердил привилегии, предоставленные последним в герцогстве Саксония Лотарем III. С того времени немецкие купцы могли ездить на остров Готланд. После основания Любека они по инициативе Генриха Льва, признавшего их вождя Олдериха своим представителем и предоставившего ему законные полномочия, сходные с теми, какие готландцы получили в Саксонии, образовали сообщество, скрепленное присягой.

Так было основано Сообщество немецких купцов, регулярно посещавших Готланд (*universi mercatores imperii Romani Gotlandiam frequentantes*), которое можно считать своего рода прообразом Ганзы. В Сообщество входили купцы не только из Любека, но и из вестфальских и саксонских городов. Уже в 1165 г. купцы из незначительного городка Медельбах торговали на Руси. Постепенно к ним присоединялись купцы из новых городов, основанных на славянских землях в Прибалтике. К сожалению, наши источники почти не указывают на состав Сообщества. Судя по всему, каждый год купцы из разных городов выбирали старшину (*Oldermann*) и клялись соблюдать устав Сообщества и оказывать друг другу помощь. Возможно, на старейшей любекской печати (впервые оттиснутая на документе в 1226 г.), на которой изображены два человека на борту корабля, приносящие

присягу, представлена именно эта сцена. В XIII в. во главе Сообщества стояли четыре старшины, которых выбирали соответственно купцы Любека, Висбю, Зоста и Дортмунда. Они обладали теми же полномочиями, которые позже получали главы ганзейских контор. Они вершили суд над своими товарищами и по необходимости выступали их представителями перед зарубежными властями. Сообщество имело свою печать, украшенную геральдической лилией. Возможно, она символизировала королевскую защиту, которую получили купцы, поскольку на некоторых печатях Генриха Льва и императора Генриха IV также присутствует эта эмблема.

Несмотря на падение Генриха Льва и растущую слабость имперской власти, Готландское сообщество, при поддержке городов-участников, стремительно развивалось. Хотя вначале средоточием их деятельности оставался остров Готланд, вскоре члены Сообщества следом за скандинавами отправились в прибрежные страны сначала на Балтийском, а затем и на Северном море. Они торговали, закладывали поселения, получали привилегии от местных правителей и заключали с ними торговые договоры, которые скрепляли печатью Сообщества.

Однако сама важность Готланда объясняет, почему многие немецкие купцы вскоре решили переселиться туда насовсем, а не наносить визиты время от времени. Они обосновались в Висбю, на западном побережье острова, где уже имелось поселение скандинавов. В середине XII в. там построили несколько церквей. Неизвестно, когда и почему на Готланде основали немецкий город, на печати которого также присутствует геральдическая лилия, но с надписью: *Sigillum Theu-tonicorum in Gutlandia manentium*. Более того, вскоре начали различать купцов, которые просто посещали остров (*frequen-tantes*), и тех, которые жили там постоянно (*manentes*).

И скандинавское поселение, в свою очередь, превратилось в город с собственной печатью, на которой был изображен ягненок. Таким образом, Висбю стал двойным городом, в котором у каждого сообщества вначале был свой совет; вскоре две половины слились, но все принимали как должное, как позже в шведских городах, что советников следует выбирать среди представителей обоих народов. С другой стороны, по некоторым сведениям, городской свод законов с самого начала был общим для всего города.

Висбю стал весьма оживленным центром торговли. Очевидно, ее стимулировали ярмарки, на которых купцы, поселенцы, миссионеры и крестоносцы пополняли запасы перед тем, как отправиться на Русь или в Швецию. Его развитие шло стремительно и сравнимо с развитием Любека. К середине XIII в. город был окружен каменной стеной длиной в 11 200 футов; он занимал площадь примерно в 90 гектаров. В наши дни там еще можно видеть развалины 18 средневековых церквей. Самая большая, церковь Святой Марии, которую построили немцы между 1190 и 1225 гг., была приходской церковью немецкой общины. Благодаря материальному процветанию Висбю росло и его политическое влияние. Город все чаще выступал от имени всего Готландского сообщества и защищал интересы немецких купцов на Руси. Именно в Висбю представители новгородской конторы ежегодно отдавали на хранение казну. Городской совет Висбю выступал в качестве апелляционного суда в спорах, которые возникали в самой конторе. Но эти притязания вступали в противоречие с притязаниями Любека, который с конца XIII в. получал признание своего превосходства почти от всех немецких городов. Процветание Висбю окончилось так же внезапно, как и началось.



## Экспансия на Русь и в Ливонию

Одновременно с регулярным посещением Готланда многие немецкие купцы следом за скандинавами отправились на Русь. Их привлекал Новгород, важный рынок восточных товаров, мехов и воска, который тогда находился на пике процветания. В Новгороде немцев вначале не отличали от готландцев со «двора Олафа». Сохранился текст торгового договора, заключенного в 1189 г. князем Ярославом с немцами и готландцами совместно. В договоре оговаривались некоторые привилегии для русских купцов, Ярослав гарантировал им защиту жизни и товаров, а также предоставлял определенные льготы. Но в некоторых статьях договора даже в такой ранний срок к немцам обращаются отдельно. Это старейший известный договор, заключенный ганзейскими купцами с иностранным князем, но в нем упоминается какой-то более ранний договор.

По мере того как немцев в Новгороде становилось все больше и князь Константин в 1205–1207 гг. предоставил им привилегии, купцы приобрели на краю рыночной площади участок земли, который получил название «Немецкого подворья» или «Петрова подворья» (Peterhof). В конце XII в. они уже построили там каменную церковь. Скорость, с какой немецкие купцы проникали в русские земли, поразительна. Ее можно объяснить лишь услужливостью готландцев, которые, по крайней мере вначале, строго придерживались условий пакта с Генрихом Львом и выступали в роли советчиков, хозяев и собратьев-купцов в Новгороде для тех, кто позже совершенно их вытеснит.

Самые ранние правила для «Немецкого подворья», составленные примерно в середине XIII в., дают некоторое представление о структуре первой конторы и о трудностях похода в Новгород. Корабли и купцы, прибывающие с Готланда, собирались в устье Невы у острова Котлин (Кронштадт). Там выбирали старшину, который в пути управлял всем караваном. Товары обычно перегружали на суда помельче. После того как на борт поднимались русские лоцманы, корабли поднимались вверх по Неве через необитаемые земли, где им угрожали шведские и карельские пираты. Они выходили в Ладожское озеро и заходили в порт Ладога, возле которого им принадлежали

церковь и кладбище. Там необходимо было снова перегрузить товары, так как на Волхове было много порогов. Работы велись с помощью корпорации владельцев буксирных судов (vorschkerle). Наконец, немецкие «гости» прибывали в Новгород.

Похоже, с самого начала такое путешествие совершали две разные группы купцов. Представители первой группы, «зимние гости» (Winterfahrer), отправлялись в путь зимой, а второй группы, «летние гости» (Sommerfahrer), – летом. Те, кто прибывал осенью, зимовали на «Немецком подворье», поскольку зимой можно было купить лучшие меха. В обратный путь они выходили весной с первой оттепелью, обычно до прибытия летних купцов, которые оставались в городе на более короткий срок, до начала осени. Поэтому в определенный период времени подворье пустовало: два ключа, которыми оно открывалось, передавались на хранение архимандриту Новгородскому и аббату монастыря Святого Георгия. С другой стороны, купцы забирали сундук с казной, который они отдавали на хранение в Висбю, а четыре ключа, которыми сундук отпирался, поручались четверем старшинам Готландского сообщества из Висбю, Любека, Зоста и Дортмунда. Сначала до Новгорода можно было добраться только по рекам. Но в новгородской летописи имеется запись от 1201 г. о героическом прибытии группы немецких купцов, которые пришли большей частью по суше со стороны Двины. Позже появились «сухопутные гости» (Landfahrer). Они отправлялись в путь как зимой, так и летом; выходили из Риги или Ревеля и шли через Псков, время от времени присоединяясь к группам тех, кто добирался до Новгорода водным путем («водные гости», Wasserfahrer). Судя по всему, последние сохраняли некоторое преимущество перед остальными.

Новгород был не единственной целью немецких купцов на Востоке. Вскоре после основания Любека они, по-прежнему идя по стопам скандинавов, стремились распространить свою деятельность на прибалтийские страны и дальше. Направляясь вверх по Двине, они проникали на русские рынки в Полоцке, Витебске и, главное, Смоленске в верхнем течении Днепра. Но тамошние условия сильно отличались от новгородских. Прибалтийские страны населяли племена, которые еще были языческими: литовцы на юге, ливы и летты в нижнем течении Двины, эстонцы на берегу Финского залива. Поэтому торговля там была сопряжена с большим риском и коммерция

велась рука об руку с обращением в христианство, завоеванием и основанием новых городов.

Начиная с 1184 г. Майнхард, готландский миссионер, который пришел с несколькими спутниками из Гольштейна, обратил в христианство ряд ливонцев и построил церковь в Юкскюлле в нижнем течении Двины. Через два года архиепископ Бременский, мечтавший продолжить великую традицию церковной экспансии на север, сделал его епископом Ливонским. Но скоро стало очевидно, что только полномасштабный Крестовый поход способен обеспечить христианизацию края. Новый епископ, Альбрехт (1199–1229), доказал свою ценность, взяв на себя эту задачу и доведя ее до успешного завершения. Он добился поддержки папы Иннокентия III, короля Германии Филиппа Швабского, короля Дании, который в то время властвовал над Северной Германией, архиепископа Лундского и города Любека. Главное же, он заручился активной помощью Готландского сообщества, которое оснастило сотни крестоносцев и обеспечило их доставку в Ливонию.

Экспедиция оказалась успешной. В 1201 г. Альбрехт основал Ригу, разместил в городе купцов и укрепил его. Кроме того, он ввел там право Висбю. Позже его заменило гамбургское право, которое, в свою очередь, было заменено любекским. Ригу сделали епархией, отдельной от церковной провинции Бремен. В 1245 г. она стала архиепархией. Для завершения завоевания и обеспечения защиты края в 1202 г. был создан военный орден, Братство воинов Христа (*Fratres Militiae Christi*), который в народе назывался орденом меченосцев от изображения на их плащах красного меча с крестом тамплиеров. Важно, что вступать в новый орден имели право не только аристократы, но и купцы. Несмотря на сопротивление язычников, завоевание прибалтийских стран прошло сравнительно легко. Повсюду оно сопровождалось основанием торговых факторий. Такие фактории появились, например, в Дерите, который в 1224 г. стал городом и центром епархии, и в Ревеле, где в 1230 г. обосновались 200 немецких купцов бок о бок с датскими и шведскими колонистами.

В этом процессе колонизации немецкие купцы, либо как солдаты, либо как торговцы, играли весьма важную роль. Они не собирались позволять архиепископу или меченосцам забирать все их политические права. Так, в 1226 г., когда предприняли Крестовый

поход на остров Эзель, папский легат решил, что город Рига должен получить треть добычи. Город передал Готландскому сообществу половину его доли, которая состояла в землях к югу от Риги, на Курляндском побережье, на Эзеле и в Эстонии.

Однако преобладающее влияние странствующих купцов оказалось кратковременным. Как и на Готланде, ливонские города, предоставив купцам равные права со своими гражданами, постепенно вводили для них ограничения. В тех краях первостепенное значение имели сильные оборонительные укрепления. В 1236 г. литовцы нанесли сокрушительное поражение меченосцам, и опасность угрожала обращению в христианство и колонизации в целом. Дело спасло то, что язычникам не удалось воспользоваться удачной возможностью, а также вмешательство Германа фон Зальца, великого магистра Тевтонского ордена, который как раз отправился на завоевание Пруссии. Он спешно отправил в Ливонию отряд рыцарей, которые восстановили порядок. Выживших меченосцев приняли в Тевтонский орден, который под руководством ланд-мейстера постепенно расширял свои завоевания до Псковско-Чудского озера. Однако задачу не довели до конца. На юге экспедиции против самогитов окончились неудачей; подчинить их не удалось. В результате государство Тевтонского ордена осталось расколотым на две части, Пруссию и Ливонию. Даже в позднее время сообщение между ними осуществлялось только по морю. На севере Тевтонский орден в течение следующих ста лет обязан был признавать суверенитет Дании над Эстонией, а также подчинение своей епархии Лундской архиепархии. Датское владычество, однако, не мешало растущему процветанию немецких городов Ревеля и Нарвы, где было введено любекское право. Ревель все чаще и чаще становился базой для операций и сборным пунктом для немецких купцов, которые отправлялись в Новгород по морю или по суше.

Рыцари Тевтонского ордена не так охотно, как их предшественники, готовы были взирать на разделение власти. Они значительно ограничивали влияние и епископов, и городов. Рига и Готландское сообщество потеряли обширные территории, приобретенные ранее, а Рига стала подчиняться гамбургскому праву вместо права Висбю. Любекское право было там неприемлемым, так как Любек подозревали

в распространении своих законов в политических целях. Впрочем, торговля в тех краях находилась под надежной защитой.

В глазах немецких купцов Рига в основном была перевалочным пунктом, откуда можно было отправляться в русские города в верховьях Западной Двины. В 1212 г. экспедиция, возглавляемая архиепископом Альбрехтом, вынудила полоцкого князя признать право немцев на свободный проход по реке. Воспользовавшись этой привилегией, купцы продвигались до самого Витебска, а оттуда – в Смоленск, где находился основной рынок, который поддерживал коммерческие отношения с Черным морем, Суздальским княжеством и Новгородом. В качестве привилегированного сообщества немецкие купцы приобретали дома в Смоленске и построили собственную церковь. Они даже получили право продавать в кредит – что позже было строго запрещено самой Ганзой – и торговать за пределами города. Договор 1229 г.<sup>[3]</sup>, из которого взяты эти сведения, интересен благодаря именам немецких свидетелей, которые гарантировали его подлинность. Туда входят четыре купца из Риги, три с острова Готланд, по двое из Любека, Зоста, Мюнстера, Дортмунда и Гронингена и один купец из Бремена. Список свидетелей служит ценным доказательством того, что в Готландское сообщество входили купцы из разных городов и все они были заинтересованы в торговле с далекой Русью.

Однако процветание немецкой фактории в Смоленске никоим образом нельзя сравнивать с новгородским. Русские города на Западной Двине, Витебск и, главное, Полоцк, вскоре настояли на своих правах основных рынков, и потому немецким купцам нельзя было вести торговлю за пределами их стен. В результате начиная со второй половины XIII в. последние все реже отправлялись в Смоленск, а Полоцк стал самым дальним пунктом, где немцы и русские встречались для торговли.

Энергия, с какой немцы стремились на Русь в поисках воска и мехов, легко объясняется большим спросом на эти товары в Западной Европе. Однако в тот период (конец XII – начало XIII в.) трудно определить, где находились главные рынки сбыта: конечно, это были немецкие города, возможно, уже Фландрия и, возможно, Шампанские ярмарки. Известно, что сами ганзейцы не возили туда восточные товары. Они предоставляли доставку главным образом фламандским

торговцам, которые покупали их в городах Саксонии и Вестфалии. Однако точных доказательств такой «логистики» у нас нет.



## Основание немецких городов на Балтике

Наряду с продвижением в сторону Готланда и Руси, определенные успехи наблюдались и в Восточной Германии. Хотя процесс колонизации там шел немного медленнее, он оказался более тщательным. Завоевания, христианизация и проникновение на местные рынки сопровождалось притоком крестьян-поселенцев, особенно многочисленных в последней трети XIII в. Результатом стала германизация края вплоть до реки Одер и за ее пределами. Немцы способствовали закладке новых городов и селились даже в более отдаленных краях.

Все местные правители между Эльбой и Одером, как немцы, так и славяне, приветствовали колонистов и основание городов. Последние строились вокруг крепостей, рынков, торговых факторий и складов. Хотя процесс разнился от места к месту, общими были следующие черты: по приглашению местного властителя вокруг прямоугольной рыночной площади закладывалось поселение, а рядом с ним строились приходская церковь и ратуша. С самого начала или через несколько лет после своего возникновения поселение считалось городом и получало конституцию и свод законов: любекское право на побережье, магдебургское право или одно из его производных в краях, удаленных от моря. Вначале подвластные земскому начальнику (Vogt), города вскоре сами начинали управлять своими делами с помощью городского совета (Rat), куда входили представители самых влиятельных семей из числа горожан. Город, находившийся под защитой замка местного феодала, обносили частоколом, который спустя некоторое время заменяли каменной стеной. Если поселение процветало, вскоре рядом с ним возникал второй и даже третий город. Такой «новый город» (niuwe stat), который иногда был лишь ненамного моложе «старого города» (olde stat), в свою очередь, получал конституцию, отдельный городской совет и собственный крепостной вал. Слияние двух городов в одно образование и строительство единой стены вокруг них обычно происходило гораздо позже.

Города редко возникали на целине. Обычно их закладывали рядом с крепостями, замком или уже существующими славянскими деревнями. Сначала в новое поселение включали и местных жителей-славян, чей

статус различался в зависимости от места, но славяне, по закону или фактически, не могли получить гражданство, которое предусматривалось только для немцев. По городскому уставу, дарованному в 1257 г. герцогом Болеславом немецким колонистам, славянам запрещалось селиться даже в далеком Кракове, будущем ганзейском городе. Запрет оставался в силе более полувека.

В XIII в. на побережье Балтики возникло множество новых городов, которым суждено было стать преуспевающими центрами торговли. В планировании и подготовке такого преуспевания видную роль играл Любек. Оттуда же часто приезжали и купцы-основатели. Первым из новых городов стал Росток. Он был основан на месте славянского поселения с собственным рынком, куда регулярно наведывались скандинавы. Рынок процветал в XII в.; но его обитатели значительно поредели из-за войны. Около 1200 г. в тех краях обосновалась колония немецких купцов, а в 1218 г. правители Мекленбурга признали поселение городом и даровали его обитателям любекское право, совет, состоящий из десяти членов, и освобождение от таможенных пошлин на территории всего княжества. Примерно в 1230 г. вокруг рыночной площади выросло второе поселение и церковь Богоматери, а позже возникли еще два небольших города. В 1262 г. герцог слил их все в одно образование, чтобы в будущем существовал только один городской совет и на всей территории применялось одно право. Около 1300 г. все поселение обнесли каменной стеной.

Висмар, хотя и находился ближе к Любеку, развивался медленнее Ростка. Здесь около 1200 г. появилось не старейшее немецкое поселение, а второе, группировавшееся вокруг церкви Богоматери. В 1228 г. поселение получило статус города. В середине XIII в. к нему добавился еще один новый город и всю территорию окружили частоколом, который заменили каменной стеной лишь около 1400 г. Согласно старейшему сохранившемуся городскому реестру за 1250–1270 гг., о происхождении обитателей города можно судить по их именам: половина прибыла из окружающих районов, почти треть из Гольштейна, Саксонии, Вестфалии и Нидерландов. Однако все они попадали в Висмар через Любек.

Довольно необычна история возникновения Штральзунда в Померании. Город заложили прямо на побережье, напротив острова Рюген. Он тоже образовался путем слияния трех немецких поселений,

второе из которых, построенное вокруг церкви Святого Николая, стало городом в 1234 г. Новый город получил ростокское, то есть любекское, право. Штеттин на Одере ранее был большим славянским поселением. Однако уже в XII в. в нем имелось два немецких квартала. К XIII в. они, скорее всего, сильно разрослись. Поэтому в 1237 г. герцог Померании решил «предоставить городу немецкое право вместо славянского», которому тогда подчинялись его обитатели. Возможно, жители Штеттина вначале получили любекское право, но шесть лет спустя его заменили магдебургским. Закладка двух крупных портов, которым суждено было играть важную роль в Ганзейском союзе, продолжилась и в XIII в., когда были основаны несколько городов поменьше: Грайфсвальд (1241), будущий университетский город, центр епархии Каммин, Анклам, Кольберг и др.

На левом берегу Вислы находился Данциг, о древней истории которого известно довольно мало. В конце X в. на том месте имелся замок, вблизи которого в следующем столетии вырос квартал местных купцов. Немецкое поселение, несомненно появившееся с конца XII в., получило статус города при князе Святополке в 1238 г. Возможно, город получил любекское право, которое в 1343 г. заменили кульмским, производным от магдебургского. Но деловой центр Данцига развивался на месте еще одного поселения XIV в., Рехштадта, возникшего вокруг церкви Богоматери. Таким образом, город развивался не менее чем из пяти «ядер».

Вдали от побережья колонизацией активно занимались маркграфы Бранденбургские. Но в тех краях даже те города, которые вступали в Ганзейский союз, развивались медленнее из-за менее выгодного географического положения. В одном из старейших, Бранденбурге, «двойном» городе на реке Хафель, основанном в 1170 г., но объединившемся лишь в XVIII в., находилась резиденция епископа, а также размещался апелляционный суд маркграфства. Города, выросшие на противоположных берегах Шпрее, Берлин (около 1230) и Кёльн, после неудачной попытки слияния, предпринятой в XIV в., объединились лишь в 1709 г. Берлин, хотя и играл более важную роль, чем считалось ранее, благодаря торговле зерном и лесом, приобрел влиятельное положение лишь в XV в., когда стал резиденцией Гогенцоллернов. Наконец, Франкфурт-на-Одере (1253), несмотря на предмостное положение на реке, долгое время оставался довольно

незначительным. В тех краях города, как и те, что закладывались силами местного населения или немецких мигрантов, в Силезии и Польше, жили в основном по магдебургскому праву.

Если бы немецкая колонизация ограничилась первой спонтанной волной, германизация края закончилась бы к западу от низовьев Вислы. Но одно почти случайное событие, которому суждено было иметь непредвиденные последствия, позволило распространить колонизацию дальше на восток. Таким событием стало завоевание Пруссии рыцарями Тевтонского ордена.

Пруссы, балтийское племя, долгое время сохраняли верность своим богам. Хотя Восточное Поморье (Помереллия) и Данциг, расположенные на левом берегу Вислы, перешли в христианство уже в XI в., все попытки польских миссионеров обратить в христианство племена, жившие на правом берегу Вислы, оказывались тщетными. В 1222 г. там вспыхнуло восстание, и все достижения были сведены на нет. Епископ Пруссии, назначенный Иннокентием III, попал в плен. С тех пор пруссы участвовали в своих опустошительных набегах на христианские земли. Наконец правитель Мазовии, вассал короля Польши, в отчаянии обратился к Герману фон Зальца, великому магистру Тевтонского ордена. Герман искал для своих рыцарей новое поле деятельности после того, так как орден вытеснили с Востока. После продолжительных переговоров в 1230 г. заключили соглашение. Тевтонский орден получал округ Кульм и все территории, которые тот отвоюет у пруссов, на правах независимой и автономной собственности.

Так были заложены основы еще одного германского государства, которое еще укрепилось после 1236 г., когда были приобретены сначала Ливония, а затем Эстония. В тех краях Тевтонский орден обладал почти абсолютной властью, если не считать определенных прав, переданных епископам. Однако понадобилось более полувека военных действий, чтобы обеспечить безопасность границ и окончательно подчинить пруссов, которые с помощью литовцев оказывали ожесточенное сопротивление. Из-за этого завоевание в тех краях проводилось гораздо более жестко, чем в других местах. Прежних обитателей по большей части убили или депортировали.

Одновременно с замирением Пруссии Тевтонский орден более систематически, чем другие правители, занимался колонизацией

сельских и городских районов Пруссии. Поселенцев привлекали по большей части из Силезии и Центральной Германии, откуда в первую очередь вербовались сами рыцари, а позже – из различных частей на севере Германии.

С началом колонизации на правом берегу Вислы заложили два города, Торн (Торунь) и Кульм, под охраной замков. В 1233 г. Герман фон Зальца дал им грамоту (Kulmer Handfeste), на основании которой позже предоставлялись льготы другим прусским городам. Кроме того, новые города получали обширные земельные владения, часть доходов от отправления правосудия, магдебургское городское право и определенную степень административной автономии. При этом Тевтонский орден сохранял контроль над укреплениями и переложил на плечи горожан тяжкое бремя воинской повинности. Судьба двух городов складывалась по-разному. Великий магистр рассчитывал, что Кульм станет столицей Пруссии. Он сделал Кульм резиденцией епископа и местом заседаний апелляционного суда. Однако его планам не суждено было сбыться, и Кульм оставался второстепенным городком. Зато Торн, который находился на границе с королевством Польским, быстро рос и преуспевал благодаря товаропотоку по Висле. В XIV в. Торну предстояло стать самым влиятельным прусским городом после Данцига.

Хотя Любек в тех краях не играл почти никакой роли, он принимал активное участие в возникновении прибрежных городов. Любекские корабли поддерживали экспедиции Тевтонского ордена, а его купцы внесли существенный вклад в основание Эльбинга (1237) на восточном рукаве Вислы, неподалеку от древнего поселения Трусо; в результате в городе, единственном во всей Пруссии, действовало любекское право. Вплоть до середины XIV в., когда функции Эльбинга взял на себя Данциг, Эльбинг считался главным прусским портом. В 1337 г. он был расширен благодаря новому поселению, которое объединилось со старым лишь в 1478 г. Наконец, на Земландском или Самбийском полуострове, последнем регионе, завоеванном Тевтонским орденом, на реке Прегель заложили Кёнигсберг, который, судя по всему, получил свое название в честь короля Оттокара Богемского, участника Крестового похода 1255 г. Кёнигсберг возник на месте трех городских поселений; в одном жили рыцари Тевтонского

ордена, в другом находилась резиденция епископа, а в третьем селились купцы. Поселения объединились лишь в 1724 г.

Характерные черты прусских городов объясняются особенными обстоятельствами их основания. Они более регулярны в плане, чем города, расположенные между Эльбой и Одером; их улицы расположены в безупречном шахматном порядке. То же можно видеть в Бреслау и Кракове. Кроме того, долгое время эти города сохраняли ярко выраженный военный характер с замками и укреплениями. Наконец, их строгое подчинение великому магистру Тевтонского ордена объясняет, почему последнего позже приняли в Ганзейский союз, – он стал единственным территориальным правителем, который получил такую привилегию.

## Экспансия в Скандинавию

Деятельность купцов Любека и Готландского сообщества главным образом была направлена в сторону Руси. Но вскоре они обратили свои взоры и на Скандинавию. Волна немецкой миграции в XIII и XIV вв. была направлена главным образом в города полуострова. Размах «экспансии на Восток» и ее политические последствия не затмевают «экспансии на север», которая едва ли уступала первой по своему значению.

Почти сразу же после основания Любека город завязал торговые отношения со Швецией. После 1173 г. Генрих Лев заключил договор с Кнутом Эрикссоном, по которому шведы освобождались от таможенных сборов в Любеке. Начиная с того времени в Швецию начали переезжать немецкие иммигранты. Похоже, что там они весьма способствовали развитию городов. До их приезда города в Швеции только начинали развиваться; жители поселений, которые были довольно небольшими, формировали зачатки городских общин под властью королевского управляющего (galkare), которому помогали руководители административных районов. Немцы ввели повсюду городские советы по образцу тех, что существовали в их родных городах. Как и на востоке, они обычно селились группами, либо в уже существующем городе, либо по соседству с ним, вокруг прямоугольной рыночной площади, рядом с которой они строили свою церковь. В шведские города приезжали не только купцы, но и немецкие ремесленники. О степени их значимости свидетельствуют многочисленные немецкие заимствования в шведском языке; главным образом они связаны с обозначением тех или иных ремесел.

Сначала немцы мигрировали на юг Швеции, особенно в Кальмар, который стал по своей сути вполне немецким. Начиная с середины XIII в. они селились главным образом в Центральной Швеции. Призванные регентом, ярлом Биргером, немцы, судя по всему, играли важную роль в основании Стокгольма (около 1251 г.). Создание этого города преследовало двойную цель: политическую, чтобы укрепить новую династию Фолькунгов, и экономическую. Стокгольм призван был оживить торговлю в краю, пострадавшем после разрушения Сигтуны в 1187 г. Ярл Биргер и его преемники всячески старались

привлечь в Швецию немецких купцов и ремесленников, чтобы новый город получил выгоды от их богатства, энергии и технических познаний. В шведских хрониках короля Магнуса обвиняют в избыточной благосклонности к иностранцам.

Возвышение Стокгольма и Центральной Швеции во второй половине XIII в. ускорило благодаря открытию медных рудников в Фалуне. Похоже, что и там немаловажную роль сыграли немцы. В те края переселялись шахтеры из Гарца. Даже шведские историки согласны с тем, что по своему типу тамошние шахты напоминают шахты в Раммельсберге в окрестностях Гослара. В тот период немецкие названия появляются во всех городках шахтерской местности. Особенно следует выделить Вестерос, центр торговли медью. В тамошний городской совет входили шесть немцев и шесть шведов. Известно, что в XIV в. граждане Любека владели долями шведских рудников.

Хотя не похоже, чтобы немцы образовали большинство населения в каком-либо шведском городе, их влияние в ремесленных цехах и в торговле, а потом и в городских органах управления, в течение долгого времени было преобладающим. В 1345 г. король издал указ, согласно которому городские советы должны были состоять наполовину из шведов и наполовину из немцев. Данное правило даже в более поздние годы часто нарушалось в пользу немцев.

Большое количество немецких иммигрантов и их ведущая роль в коммерции представляли серьезную угрозу национальному развитию Швеции. Экономика страны могла попасть в слишком большую зависимость от Ганзы. Однако опасности удалось избежать. Во-первых, Швеции, в отличие от Норвегии, удавалось развивать сельское хозяйство, особенно животноводство. Населению страны не приходилось зависеть от импорта немецких зерновых. Во-вторых, главной причиной стало то, что шведский королевский дом с самого начала стремился ассимилировать иностранцев, а не предоставлять им привилегии в ущерб своим подданным. Уже в 1251 г. в договоре, заключенном ярлом Биргером, имелось условие: уроженцы Любека, которые обосновались и живут в Швеции, «обязаны подчиняться законам страны и должны отныне именоваться шведами». Данное мудрое предписание призвано было предотвратить образование немецких общин, привилегированных пусть и не по закону, но



фактически, и поощрить слияние двух наций. В небольших городах внутри страны такое слияние завершилось в XIV в.; в более же крупных городах оно реализовалось лишь в конце XV в.

В Дании, особенно в Шлезвиге, что вполне естественно, немецкие иммигранты были еще многочисленнее, чем в Швеции. В Шлезвиге немцы подчас составляли большинство городского населения: на это указывает, в частности, городское право Тондерна (1243), основанное на Любекском праве и написанное на нижненемецком языке. Даже на островах, особенно в Копенгагене, среди купечества и ремесленников преобладали жители немецкого происхождения. И все же Дания не имела большого значения для ганзейских купцов, которые почти ничего там не покупали, кроме крупного рогатого скота.

Совершенно другим было положение в Скании благодаря промыслу сельди. По свидетельству Саксона Грамматика (конец XII в.), на западном берегу полуострова сельдь водилась в такой изобилии, что ее можно было ловить руками и она мешала судоходству. Рыбные промыслы там определенно были очень старинными. Но крупная торговля соленой рыбой началась лишь после того, как Любеке кие купцы стали возить туда соль из Люнебурга. О ранних этапах этого промысла почти ничего не известно, лишь то, что центром его была ярмарка в Сканере, на полуострове, носящем то же название; возможно, речь идет о самом начале XIII в. Вскоре к купцам из Любека присоединились другие из городов Саксонии и Вестфалии, а потом из портов, появившихся на побережье Балтийского моря, даже таких дальних, как Данциг и Рига. Некоторые из городов приобрели участки земли возле Сканера – по-датски они назывались *ved*, а по-немецки *vitte*. Там происходила засолка и заключались сделки во время ярмарки.

Ближе к середине XIII в. ярмарка в Скании стала международной, потому что ее начали посещать норвежцы, англичане и голландцы. В текстах их называют «кругосветными мореплавателями» (*umlandsfarer*), потому что их корабли шли в обход Ютландии. Хотя соленая рыба оставалась самым важным товаром, на ярмарке продавались также шерстяные и льняные ткани, соль, зерно, шкуры и пиво. Однако процветание Скании было недолгим. Вскоре немцы поняли, что сканская международная ярмарка составляет конкуренцию их собственной торговле между востоком и западом. К концу XIII в. им

удалось добиться запрета на проход в Балтийское море для фламандских, фризских и английских кораблей, и в Скании остался только сельдяной рынок, который монополизировали ганзейцы.

В Норвегии первые упоминания о купцах из Любека относятся примерно к концу XII в. И здесь они шли по пятам скандинавских купцов и приехали в Берген, самый оживленный порт в стране, который давно налаживал торговые связи с Бременом. Представители Любека торговали рожью, мукой и солодом для сушеной трески, рыбьим жиром, маслом и кожами. Неизвестно, как начинались эти отношения, но письмо Хокона IV (1248), в котором он просит Любек о поставках зерна, чтобы избежать сильного голода, доказывает, что к середине XIII в. Западная Норвегия уже зависела от поставок продовольствия с севера Германии. Если же вспомнить, что в XII в. норвежцы успешно торговали со всеми странами, имевшими выход к Северному морю, невольно испытываешь удивление. Похоже, что с тех пор население страны существенно выросло, а норвежским фермерам не только не удавалось увеличить урожай, но и, из-за конкуренции со стороны зарубежного зерна, им пришлось переключаться на другие виды деятельности, чему король тщетно пытался помешать своим указом (1260). Более того, традиционные норвежские суда не были приспособлены для перевозки больших количеств рассыпных продуктов.

Любек не преминул воспользоваться таким благоприятным положением. Любек и другие вендские города получили важные привилегии. Им разрешалось торговать как оптом, так и в розницу. Купцы освобождались от государственных пошлин. По закону им предоставлялась охрана. Доминирование немцев вскоре стало настолько заметным, что короли пытались избавиться от него, но проба сил (1284) привела лишь к консолидации ганзейского превосходства в Норвегии.

## Торговая экспансия на Запад

Начиная с XIII в. немецкая торговля начала проникать за пределы Северного моря, в Англию и Нидерланды, хотя, в отличие от восточных и северных регионов, еще не принимала формы обширной иммиграции и колонизации. Она сохраняла строго коммерческий характер по мере того, как группы купцов устанавливали все более тесные отношения с английскими портами и с Брюгге.

Как мы видели, Кёльн и Бремен уже давно торговали с Англией. Новым в XIII в. стало появление в Северном море, в стремительно растущих количествах, купцов с востока Германии – позже их стали называть «истерлингами» или «остерлингами». Главным образом, они прибывали из Любека, но были также купцы из Висбю, из таких прибалтийских портов, как Росток, Штральзунд, Эльбинг и Рига, а также из удаленных от моря саксонских городов. Они еще не добирались до Англии напрямую с Балтики. Путешествие вокруг Ютландии казалось слишком долгим и опасным, поэтому они добирались из Любека в Гамбург по перешейку, а дальше отплывали в Англию или Фландрию. Регулярные морские рейсы из Балтийского в Северное море появились лишь во второй половине XIII в. Немецкие купцы брали пример с английских и фламандских кораблей, которые посещали ярмарки в Скании.

После приобретения своих первых привилегий в Лондоне в 1157 г. кёльнские купцы значительно расширили сферу деятельности в Англии. Они воспользовались политическим союзом между династиями Вельфов и Плантагенетов. В 1175 г. они получили право свободной торговли по всему королевству, и Ричард Львиное Сердце, в благодарность за три корабля, которые немцы оснастили для его Крестового похода, освободил их лондонское подворье от всех налогов. Судя по всему, в начале XIII в. жители Любека и купцы из других городов с востока Германии начали регулярно посещать английские порты. Сначала их корабли заходили в Ярмут, Линн, Гуль и Бостон, а затем в Лондон; возможно, там они тоже шли по стопам готландцев.

Вполне естественно, кёльнские купцы не обрадовались притоку новичков; они смотрели на «истерлингов» как на незваных гостей. Их

неприязнь была столь очевидна, что Фридрих II счел нужным вмешаться. В грамоте, которую он даровал Любеку в 1226 г., он призывал кёльнцев прекратить преследовать граждан города Любека, которым он предоставил равные привилегии с кёльнскими купцами. Уступки не имели большой практической ценности, но английские короли не могли не относиться доброжелательно к иноземцам, которые привозили в страну восточные товары: воск и меха. В 1237 г. Генрих III подтвердил привилегии купцов Готландского сообщества и освободил от таможенных сборов все товары, которые они покупали или продавали в его владениях. Тридцать лет спустя, поскольку дела «истерлингов» шли в гору, король наделил их равными правами с кёльнскими купцами. В 1266 г. купцам из Гамбурга, а на следующий год – из Любека предоставили право образовать свою Ганзу по примеру кёльнских купцов. Именно в этих двух документах впервые встречается слово «ганза», применяемое по отношению к группам купцов с севера Германии.

Долгое время предоставленных привилегий оказывалось недостаточно для того, чтобы положить конец распри между Кёльном и Любеком. Конечно, непросто было добиться согласия между интересами давней рейнской торговой оси и новой оси Восток – Запад, поистине ганзейским торговым путем. Однако вскоре все они признали, что существование трех конкурирующих сообществ пагубно отражается на них. Особенно остро недостатки ощущали вестфальцы, которые занимались как торговлей по Рейну, так и с Востоком. Поэтому они взяли на себя роль посредников. В 1281 г. им удалось наконец достичь примирения. С тех пор в Лондоне официально существовала одна «немецкая Ганза», управляемая старшиной, которого выбирали сами купцы, а на должности утверждал город. Важно, что в тот решающий год старшиной и тремя его преемниками становились уроженцы Дортмунда. В том же году мэр Лондона предоставил им привилегии. Известно, какие обязательства накладывались на немцев: они платили ежегодную ренту в размере 40 шиллингов за свое место собраний, а также участвовали в охране и ремонте одних городских ворот, Бишопсгейт.

По сути, три конкурирующие группы немецких купцов образовали федерацию. Истинное слияние произошло лишь в XV в. Кёльнские купцы вместе с купцами Динана сохраняли исключительный контроль

над ратушей, и после 1324 г. они больше не принимали к себе купцов из других немецких городов. Тем приходилось строить собственные здания на «Стальном дворе». Тем не менее можно сказать, что в 1281 г. в Лондоне учредили ганзейскую контору.

Лишь сравнительно поздно, в первые годы XIII в., первые немецкие купцы из Кёльна появились во Фландрии. Удивительно, учитывая короткое расстояние от Рейнской области. Кроме того, Брюгге всегда занимал уникальное место в истории Ганзы. Очевидно, такая аномалия объясняется конкуренцией со стороны фламандских купцов. Они по-прежнему активно вели дела не только в Кёльне, но и в Бремене, и в Гамбурге, и в Саксонии, и даже в городах Прибалтики.

Однако во второй четверти XIII в. количество немецких купцов, которые регулярно посещали Брюгге и другие порты на Звейне, значительно возросло. Купцы из Кёльна и Вестфалии, скорее всего, добирались туда по суше, а большинство купцов из Бремена, Гамбурга и Любека приплывали морем. В противовес тому, что случилось в Лондоне, между купцами из Кёльна и Любека во Фландрии не возникало никаких конфликтов. У первых не было давних привилегий, которые они могли бы отстаивать; в городах Фландрии они главным образом торговали в розницу своими винами. А для покупки сукна с целью его последующей перепродажи в Англии больше подходили другие города Фландрии и Брабанта.

Растущее значение немецкой колонии во Фландрии доказывается любопытным проектом, одобренным Маргаритой, графиней Фландрии, в 1252 г.: основание привилегированного купеческого квартала возле Дамме, в котором должны были вместе проживать немецкие купцы. Этот «Новый Дамме» стал фламандским аналогом лондонского «Стального двора» и новгородского «Петрова подворья». Однако замысел осуществить не удалось, может быть, из-за чрезмерных требований, которые выдвигали немцы, и отсутствия особого желания со стороны граждан Брюгге. Скорее всего, их возмущало появление в городе группы привилегированных иностранцев. Может быть, и немцы, разбросанные по разным портам на Звейне, поняли, что в рассеянии есть свои преимущества. Какой бы ни была причина, в результате в Брюгге появилась лишь одна из четырех крупных ганзейских контор. Кроме того, в Брюгге немцы не уединялись в отдельном квартале, а жили среди местного населения.

Такое решение не могло не привести к важным последствиям не только для торговли, но и для культурных контактов.

В 1252 и 1253 гг. графиня Фландрская наделила немецких купцов рядом привилегий. Одна из них предоставлялась исключительно «подданным Священной Римской империи, которые регулярно посещали Готланд». Они получали право на защиту по закону, а также на сокращение таможенных пошлин, выплачиваемых в Брюгге и Дамме, что было изложено весьма подробно. В последнем городе у них имелась собственная весовая. Эти привилегии, которые позже были расширены, заложили основу процветания ганзейской торговли во Фландрии.

В последующие годы ганзейская торговля росла, хотя точно определить степень ее роста невозможно. Расширение ганзейской торговли шло одновременно с возвышением Брюгге, который стремительно превращался в центральный рынок западного мира, где можно было встретить купцов из всех стран. Англичане, шотландцы и ирландцы привозили шерсть, необходимую для текстильной промышленности; голландцы и фризцы приводили крупный рогатый скот; купцы из Ла-Рошели и Байонны привозили свое вино. В Брюгге приезжали все обитатели Пиренейского полуострова: баски, наваррцы, кастильцы и португальцы. Они привозили шерсть и средиземноморские фрукты. Поскольку значение Шампанских ярмарок сокращалось, в Брюгге приезжали итальянцы. Там образовалась целая итальянская колония, и город вскоре стал главным финансовым центром Северной Европы. С конца XIII в. генуэзские, а позже венецианские галеры везли грузы специй напрямую в Звейн.

Привлеченные почти безграничными коммерческими возможностями, предлагаемыми Брюгге, туда приезжали и немцы, которых становилось все больше. Уроженцы Бремена везли свое пиво, которое в те времена пользовалось большим спросом. Самыми многочисленными были купцы из Любека и Гамбурга; в их честь даже получили свои названия две улицы в городе (1282, 1306). Наделяя привилегиями немецких купцов во Фландрии, Филипп Красивый особо выделил представителей вендских городов, Эльбинга, Готланда и Риги: эти «истерлинги» привозили в Брюгге меха, воск, поташ и зерновые. Среди городов Саксонии самую большую активность проявлял Брауншвейг, что подтверждает тот факт, что несколько

старшин брюггской конторы были уроженцами этого города. Из вестфальских городов самую важную роль, несомненно, играл Дортмунд, пока Кёльн оставался в стороне. Все эти купцы прибывали в Брюгге главным образом для того, чтобы купить фламандское сукно, широкий ассортимент которого удовлетворял любую клиентуру.

Хотя центром их притяжения оставался Брюгге, немецкие купцы часто посещали и другие фламандские города и особенно ярмарки, главным образом в Тору и Ипре. Сохранились переводные векселя за 1272–1286 гг., в которых немцы выступают кредиторами: 16 из Любека, 9 из Кёльна, по 2 из Гамбурга, Брауншвейга и Дортмунда. Наконец, ганзейцев можно было встретить и на Шампанских ярмарках, где во второй половине XIII в. упоминаются главным образом купцы из Кёльна, а также из Вестфалии и один купец из Магдебурга. Но и здесь Любек выходит на первый план: согласно указу Филиппа Красивого (1294), его граждане имели право возвращаться любым путем, каким они пожелают, если они везли немецкие товары, однако если они приобрели товары во Фландрии, то обязаны были возвращаться только через Бапом. Сохранилась одна запись, связанная с гражданином Любека, который обосновался в Труа и выступал от имени своего родного города.

## **Упадок Готландского сообщества**

Таким образом, немногим более чем за сто лет ганзейская торговля в северных морях распространилась с поразительной быстротой. Немцы вытесняли конкурентов везде, не только на Балтике, но и на Северном море. Они даже не давали готландцам ходить через датские проливы на запад, а фризам, фламандцам и англичанам – на восток. Немецкие купцы забрали в свои руки торговлю между Норвегией и Англией. Во всех приморских странах они приобретали важные привилегии, которые придавали новый стимул их коммерческой деятельности.

Движущей силой для такой экспансии стало Готландское сообщество. Однако в середине XIII в. эта организация пришла в упадок. На первый взгляд, парадоксальное событие на деле было вполне закономерным. Простому братству странствующих купцов не под силу были задачи, которые становились все сложнее по мере расширения деятельности. Вдобавок основным источником власти и силы Готландского сообщества стала поддержка городов, особенно Любека, откуда большинство купцов начинали свои странствия, и Висбю, главного центра торговли. По мере роста городов, которые выстраивали отношения друг с другом и наращивали политическое влияние, они все чаще с неодобрением смотрели на сообщество, претендовавшее на автономию. Принимаемые этим сообществом решения способны были вовлечь города в дорогостоящие и опасные предприятия.

Вот почему Готландскому сообществу суждено было исчезнуть. Начиная со второй половины XIII в. оно, по сути, прекратило свое существование. Свидетельством тому является соглашение, заключенное в 1280 г. между Любеком и Висбю; позже к соглашению присоединилась Рига. Три города договаривались объединить усилия и ресурсы для защиты против всех нападков и убытков, которые несли немецкие купцы, торговавшие на территории от Зунда до Новгорода. Ранее такими делами занималось Готландское сообщество, но оно в документе даже не упоминается.

Можно было ожидать, что место прежнего сообщества займет новая организация для защиты купцов в форме ассоциации заинтересованных городов. Но в то время, когда только начинали



складываться первые региональные городские союзы, создание столь широкой организации было бы преждевременным. Зато Любек и Висбю как будто идеально подходили для совместного решения задач. Но поскольку каждый из городов стремился продемонстрировать свою власть, между ними разгорелся конфликт. Борьба была краткой, так как могущество и сфера влияния Любека придавали ему неоспоримое превосходство. В 1293 г. на соборе вендских городов приняли решение перенести из Висбю в Любек апелляционный суд для новгородской конторы. Все заинтересованные города должны были вынести свой вердикт. Почти все без исключения города от Рейнской области до Пруссии согласились с подобным решением. Только Рига, Оснабрюк и, может быть, еще один или два вестфальских города, которые ревниво отнеслись к превосходству Любека, встали на сторону Висбю. Преобладание Любека было бесспорным: как написали в то время представители двух городов<sup>[4]</sup> на Зейдерзе, Любек был признан главой купеческих городов Северной Германии.

Однако теоретически Готландское сообщество еще существовало. Похоже, Любек боялся, что Висбю воспользуется этим в попытке укрепить собственное влияние. Поэтому на соборе вендских городов 1298 г. Любек внес предложение лишить Готландское сообщество печати, которой могут воспользоваться, дабы скреплять нежелательные для многих городов документы. Таким образом, спустя долгое время после того, как Готландское сообщество перестало функционировать фактически, подошло к концу и его юридическое существование.

Тем не менее оно сыграло немаловажную роль, объединив купцов из многих немецких городов от Кёльна до Риги, как портовых, так и удаленных от моря. Сообщество координировало их действия и добивалось для них льгот и привилегий в зарубежных странах. Хотя Готландское сообщество прекратило свое существование, общий интерес, ставший причиной его возникновения, никуда не делся. Но лишь в середине XIV в. эта первая форма ганзейской организации сменилась другой, Ганзой городов.

## **Глава 3**

### **К Ганзе городов (ок. 1250 – ок. 1350)**

#### **Первые городские союзы**

Уже в середине XIII в. города пытались отобрать у Готландского сообщества право защиты немецких купцов за границей. Хотя созданию полномасштабного союза мешала политическая обстановка, этапом на пути создания такого союза стали региональные городские объединения. По всей Германии недавно возникшие города сталкивались с анархией, вызванной упадком имперской власти, и потому образовывали альянсы, призванные сохранять мир и защищать их привилегии. На севере самым крупным городским объединением стала недолговечная Лига рейнских городов (1254). С другой стороны, там же, на севере, более мелкие группы демонстрировали большую эффективность и стабильность, чем на юге. Однако ни тогда, ни позже подобные городские лиги не были специфически ганзейскими: в первую очередь они создавались не в коммерческих целях, а для защиты политических интересов и борьбы против посягательств удельных правителей.

В 1246 г. одновременно возникли два союза городов: один в Вестфалии, второй в Нижней Саксонии. В первый союз вошли Мюнстер, Оснабрюк, Минден, Херфорд, Косфельд «и другие присоединившиеся к ним города»; целью союза было обеспечить свободный доступ на свои рынки и сообща защищаться от всех агрессоров. Семь лет спустя возник еще один союз, соединивший Мюнстер, Дортмунд, Зост и Липп-штадт. Эти коалиции несколько раз продлевались и окончились почти постоянной ассоциацией городов Вестфалии, ведущую роль в которой играл самый важный из них, Дортмунд. Лига саксонских городов начиналась как альянс Мюндена и Нортхайма; она вошла в полную силу двадцать лет спустя. Тогда власти Гента, раздраженные оскорблениями, которые вынуждены были терпеть его купцы, провозгласили, что в отместку будут конфискованы товары всех саксонских купцов в пределах его территории. Люнебург, Кведлинбург, Хальберштадт, Хельмштедт, Гослар, Хильдесхайм,

Брауншвейг, Ганновер и Вернигероде немедленно подали протест, к которому примкнули Гамбург, Штаде и Бремен, а позже Магдебург. После периода слабости в начале XIV в. лига саксонских городов под руководством Брауншвейга стала одной из самых организованных.

Однако для истории Ганзы куда важнее образование так называемой Вендской лиги или лиги вендских городов. Строго говоря, этот термин, который впервые встречается около 1280 г., применим только к новым городам на вендской территории, то есть к Любеку, Килью, Висмару, Росток, а позже Штральзунду, хотя туда обычно включают Гамбург и Люнебург, так как они по большинству вопросов были тесно связаны с остальными городами. Ядром лиги послужил задуманный в 1230 г. союз между Гамбургом и Любеком. Гамбург предложил соседнему городу предоставить равные права гражданам Любека, которые проезжают через его территорию, и выразил желание поддерживать традиционную дружбу между двумя городами. В 1241 г. они заключили официальный договор, договорившись делить расходы по защите от разбойников дорог между Гамбургом и Любеком. Кроме того, два города договорились, что преступников, изгнанных из одного города, изгоняют и из другого. Новый договор подписали в 1259 г., а четыре года ранее заключили денежное соглашение, где устанавливался одинаковый номинальный курс пфеннига, который чеканили в обоих городах. С того времени Гамбург и Любек часто совещались по всевозможным вопросам, и, несмотря на неизбежные разногласия, альянс, основанный на взаимодополняющих интересах двух городов, постоянно креп.

Сначала сближение с новыми городами на Балтике шло с трудом. Похоже, Любек беспокоило растущее процветание его соседей, которые вполне могли стать конкурентами. В 1249 г. Штральзунд был разграблен любекским флотом. Кроме того, известно, хотя и лишь в общих чертах, что в те годы отношения между Любеком и Ростком также были весьма напряженными. Однако Висмару в 1256 г. удалось примирить их. Оба города отказались от всех исков о компенсации за понесенный ущерб. Три года спустя три города согласились объединиться для борьбы с пиратством, и в 1264 г. в Висмаре был подписан договор о союзе сроком на один год. Новый договор, как и предыдущий, заключался для борьбы с пиратством, но помимо того в нем оговаривались вопросы взаимопомощи на случай войны с каким-

либо территориальным правителем, а также некоторые вопросы гражданского права. Любопытная подробность: все решения союза должны были применяться к городам, где использовалось любекское право, а таких было особенно много на побережье Балтийского моря. Очевидно, Любек намеревался воспользоваться широким распространением своего права в политических целях. Но попытка оказалась безуспешной – несомненно, из-за сопротивления, оказанного на востоке. Любеку пришлось довольствоваться поддержкой вендских городов. В 1265 г. они подтвердили свой союз, на сей раз не ограничивая срок действия договора, и торжественно договорились о ежегодных консультациях по вопросам, представляющим общий интерес. С тех пор Вендскую лигу можно считать постоянной: она укреплялась благодаря присоединению к ней померанских городов, в число которых, помимо Штраль-зунда, входили Грайфсвальд, Штеттин и Анклам.

Вендская, саксонская и вестфальская лиги были отдельными союзами, но довольно скоро выказали тенденцию в важных вопросах выступать заодно. Например, в 1280 г., когда вендские города решили перенести брюгтскую контору в Аарденбург, Любек попросил другие города дать свое согласие на такой шаг. Многочисленные консультации и совещания укрепляли связь между группами городов в различных областях.

Именно так региональные лиги вносили свой вклад в учреждение Ганзы городов. Тем не менее не следует делать скоропалительных выводов и считать Ганзу результатом слияния или сплавления региональных союзов. Дело в том, что Ганза городов отличалась от обоих понятий по своей структуре и своим задачам. Она возникла благодаря общности интересов тех городов, которые выражали желание действовать заодно. Ганза защищала тех купцов, которые и сами сначала объединились в Готландском сообществе.

Позже в других частях ганзейских владений возникали другие союзы. Так, в конце XIII в. можно отметить группировку прусских городов, которая в XIV в. превратилась в прочную ассоциацию. В отличие от более ранних образований, члены которых подчинялись различным сюзеренам, все прусские города считались подданными Тевтонского ордена. По этой причине великий магистр оказывал большое влияние на их решения, особенно вначале. Зато ливонские

города, которыми Тевтонский орден управлял не так строго, начали действовать заодно уже в конце XIII в., хотя организованную группу сформировали лишь во второй половине XIV в.

## **Первые пробы силы: Фландрия и Норвегия**

Укрепленная городскими союзами, Ганза в последней четверти XIII в. начала активно вмешиваться в дела за границей с целью защиты интересов своих купцов. Излюбленным ее оружием, которое оказывалось весьма действенным, была блокада, то есть приостановка всей торговли. В действительности такая форма мести была известна давно, но вплоть до того времени блокада считалась своего рода благоразумным ответом на нападки или преследования, которым подвергались немцы. Позже ганзейские города начали прибегать к совместным действиям, чтобы вынудить «виновных» – город или страну – пойти на уступки.

Уже в 1277 г. данную схему применили на востоке. После того как на Ливонию напали русские и литовцы, немецкие купцы из Любека и остальных заинтересованных городов, действуя вместе с Тевтонским орденом и ливонскими епископами, провозгласили, что больше не поедут в Новгород. Всем, кто нарушал запрет, грозили смертная казнь и конфискация товаров. Но неизвестно, какими были результаты этого начинания.

Куда более серьезные последствия имела приостановка ганзейской торговли с Брюгге в 1280 г. Конфликт с немецкой колонией нарастал в течение нескольких лет. Судя по всему, граждане Брюгге, раздосадованные тем, что графы Фландрии предоставляли иностранцам различные льготы и привилегии, то и дело пытались свести их на нет. Кроме того, иностранцам, количество которых постоянно росло, не очень нравилось, что их обязывали торговать только с гражданами Брюгге. В городе все чаще вспыхивали мятежи; опасность угрожала жизни и имуществу иностранных купцов.

Конечно, ганзейцы не отважились бы действовать в одиночку. Но другие иностранцы, особенно испанцы, были встревожены не меньше. Поэтому Любек послал в Брюгге своего представителя, члена городского совета Иоганна Довая, для консультации с ними. Естественно, о запрете торговли со всей Фландрией речи не шло; такой шаг повредил бы и интересам иностранцев. Запрет должен был коснуться только Брюгге. Таким способом можно было заручиться доброй волей графа Фландрии, необходимой для успеха операции. Но

вначале необходимо было перевести все учреждения в другое место. Выбор пал на соседний город Аарденбург. Любек принял меры предосторожности; он попросил главные саксонские, вестфальские и прусские города, а также Висбю поделиться своим мнением. Все города, с некоторыми оговорками, касавшимися деталей, высказались в пользу перевода. С тех пор ганзейские и большинство иностранных купцов обосновывались в Аарденбурге, власти которого поспешили предоставить им щедрые привилегии.

В Брюгге сразу же болезненно ощутили на себе отъезд тех, кто обеспечивал процветание города. Вынужденные пойти на решительные уступки, отцы города начали переговоры. Два года спустя немецкие и другие иностранные купцы вернулись. Вдобавок к прежним привилегиям они получили уступки, касавшиеся мер и весов, и право напрямую вести дела с другими иностранцами. Экономическое оружие, в виде перевода конторы, оказалось очень действенным. Ганзейцам не пришлось почивать на лаврах; в следующие 150 лет та же операция с переменным успехом повторялась еще 4 раза.

Двумя годами позже, в 1284 г., Ганза, поощренная собственным успехом, провела новую пробу силы, на сей раз в Норвегии, где ганзейские привилегии также считались избыточными. Король попытался отнять некоторые льготы, и немецкие купцы жаловались на «несправедливость», которую они вынуждены были сносить. Узнав, что норвежцы напали на корабль и ограбили его, собрание вендских городов, которое состоялось в Висмаре, постановило прибегнуть к блокаде. Запретили экспорт в Норвегию зерна, муки, овощей и пива. Нарушителям грозили штрафы и конфискация товаров. В датских проливах разместили корабли для борьбы с контрабандистами. Вендские города заручились поддержкой городов Померании, Риги, Висбю и даже некоторых североморских портов. С другой стороны, Бремен отказался сотрудничать с другими городами. За это его купцов лишили ганзейских привилегий. Подобное отношение симптоматично: налицо конфликт старых и новых коммерческих методов, пример которых уже был подан ссорой кёльнских и любекских купцов в Англии. Бремен имел давние торговые связи с Брюгге и не хотел участвовать в событиях, которые наверняка окончились бы предпочтением балтийских городов.

Блокада увенчалась полным успехом. Лишившись немецкого зерна, норвежцы не могли покупать его ни в Англии, ни в других местах. «Тогда, – сообщает летописец Детмар, – начался голод столь великий, что они вынуждены были примириться». Мирные переговоры велись при посредничестве шведов. Норвегии не только пришлось заплатить штрафы за финансовые убытки, которые она причинила, но и предоставить льготы и привилегии ганзейским купцам. Согласно записи в договоре от 1294 г., им позволялось свободно торговать в норвежских портах до самого Бергена на севере; покупать, продавать и строить склады внутри страны, не платя пошлины ни в королевскую, ни в местную казну; и перевозить свои товары исключительно на своих кораблях. Немцы были связаны единственным ограничением: им запретили торговать севернее Бергена. Данное условие неукоснительно соблюдалось.

В последующие годы ганзейцы использовали полученные привилегии для укрепления своего господства. Они постепенно забрали в свои руки всю торговлю в портах на восточном побережье Англии, поскольку английские купцы таких привилегий не получили. Вдали от моря они приобретали многочисленные владения и вытесняли местных купцов, даже тех, кто торговал в розницу. Кроме того, многие немецкие ремесленники, особенно сапожники, обосновались в Бергене и вытеснили норвежских ремесленников. Столкнувшись с такой неприятной ситуацией, король Хокон V в конце своего правления (1316–1318) попытался положить ей конец. Он охотно запретил бы немцам торговать за пределами городов или проживать в них зимой, потому что именно те, кто зимовал в городах, прибирали к рукам розничную торговлю как в городах, так и в сельской местности. Кроме того, король обложил налогом экспортеров трески и масла и ограничил вывоз этих товаров, сохранив его лишь для тех, кто ввозил в страну муку и ячмень (для пивоварения). Последняя мера задумывалась как защита от голода, однако ее результат оказался совершенно другим: норвежская экономика стала еще больше зависеть от немцев. Новые правила так и не вступили в силу и не достигли своей цели. Нестабильность королевского дома, слабость среднего класса, теплый прием, какой оказывали иностранцам местные аристократы, но главное – острая потребность в



немецком зерне гарантировали ганзейцам более сильную позицию в Норвегии, чем в любой другой стране.

Зато блокада Фландрии, предпринятая в 1280 г., хотя вначале была необычайно успешной, в длительной перспективе почти не возымела действия. Скоро жившие в Брюгге немецкие купцы снова принялись жаловаться на ограничения их свободы деятельности. После 1305 г. ганзейцы решили снова перевести контору из Брюгге в Аарденбург, поскольку жалобы купцов не увенчались успехом: в первую очередь они требовали компенсации за убытки, понесенные при обмене денег. Двумя годами позже, после бесплодных переговоров, решение о блокаде было принято. На сей раз из Брюгге в Аарденбург эмигрировали только немецкие купцы, но им снова удалось заручиться поддержкой графа Фландрии Роберта III Бетюнского, который пожаловал им охранную грамоту с перечислением всех льгот и привилегий. Немцы не хотели постоянно держать свою контору в Аарденбурге, как и 25 лет назад. Брюгге считался незаменимым. Трудные переговоры вели не вендские города (там возникли внутренние разногласия), а представители Саксонии. Переговоры затягивались. Конец им положил лично граф Фландрии, который запретил иностранцам в Аарденбурге взвешивать товары мерами больше 60 фунтов. После этого немцы вернулись в Брюгге (1309), который предоставил им значительные привилегии. Город урегулировал как денежные, так и торговые вопросы. Были подробно определены права иностранных купцов по стратегическим продуктам, мерам и весам, обмену и транспортировке. Кроме того, зафиксировали права и обязанности посредников и землевладельцев.

Таким образом, вторая проба силы снова окончилась несомненным триумфом ганзейцев. Грамоты 1307 и 1309 гг., подтвержденные в 1338 г., на протяжении почти двух столетий служили основой их притязаний и основой их коммерческого процветания во Фландрии. Хотя современные историки не располагают цифрами, способными это доказать, ясно, что за следующие пятьдесят лет ганзейцы значительно расширили торговлю. Особенно большую роль в экспорте английской шерсти во Фландрию суждено было сыграть купцам из Вестфалии.

У нас почти нет сведений о тогдашней структуре брюггской конторы. Неизвестно даже, группировались ли купцы в общине в зависимости от городов или своего происхождения. Только в 1347 г.

контора составила свою первую конституцию<sup>[5]</sup>, согласно которой община проживавших в Брюгге немецких купцов разделялась на три части, или трети (derdendeel). В каждой трети избирали по два старшины и имелась собственная казна. В первую треть входили купцы из вендских и саксонских городов, во вторую – из городов Вестфалии и Пруссии, а в третью – купцы из ливонских городов и Висбю. Несколько необычное разделение на трети сохранится и в Ганзе городов.

## **Датская агрессия и кризис Ганзы в начале XIV в.**

В конце XIII в. могло показаться, будто Ганза, укрепившаяся благодаря успешным интервенциям за границей, вот-вот обретет четкую структуру под управлением Любека и других вендских городов. Однако этого не произошло. В начале XIV в. вендские города пережили серьезный кризис, который подверг их солидарность суровому испытанию. Опасность угрожала сплоченности самой Ганзы, и образование Ганзы городов пришлось отложить.

Причиной кризиса стало стремление правителей на севере Германии восстановить свою власть над городами, ставшими практически независимыми. Так, графы Гольштейна со времен Генриха Льва не мирились с полным своим недопущением в Любек. Но в течение столетий их попытки восстановить свое владычество в городе оставались безуспешными. И герцоги Мекленбурга хотели восстановить свои права на Висмар и Росток. Но для осуществления планов правителям требовались деньги и войска. Предоставить им желаемое собирался король Дании Эрик VI Менвед. Последовал ряд беспорядочных военных действий, в результате которых вендские города часто оказывались разделенными на два противоборствующих лагеря.

В сущности, Эрик Менвед оживил политику экспансии на север Германии, которую вел за столетия до него Вальдемар Победоносный. Около 1300 г. герцог Мекленбурга, чья казна опустела после конфликта с маркграфом Бранденбурга, уступил Дании свои права на город Росток и его территорию. Эрик немедленно вступил во владение городом, не встретив сопротивления. Через два года он добился от короля Альбрехта I из династии Габсбургов подтверждения грамоты, дарованной Фридрихом II, по которой признавалось владычество Дании над областями к востоку от Эльбы. Любек, как имперский город, стал исключением, но никакого практического действия это не возымело.

В то время Любек был вовлечен в ожесточенную борьбу с графами Гольштейна, союзниками герцога Мекленбургского. Для этого Любек заключил союз с герцогами Саксонии и Шлезвига, а также с Гамбургом. Любек обращался за помощью к другим вендским городам, но получил лишь письмо с выражением сочувствия от

Ростока. В 1307 г., когда окрестности Любека пришли в запустение, а сам город был осажден, городской совет вынужден был обратиться за помощью к королю Дании. Последний поспешил примирить враждующие стороны, но Любеку пришлось признать его своим покровителем (Schutzvogt) на десять лет и выплачивать ему ежегодную дань в размере 750 марок. Таким образом, все вендские города оказались, прямо или косвенно, подчинены Эрику. Но такое положение дел оказалось недолгим. Штральзунд, Грайфсвальд, Росток и Висмар, решив сопротивляться притязаниям их владык, в 1308 г. заключили оборонительный союз. Примкнуть к союзу приглашали и Любек, но он отказался из страха навлечь на себя гнев Эрика. Когда же два года спустя Любек согласился вступить в союз, то только на четком условии, что союз не будет направлен против короля Дании.

Такая политика, которая, по словам хрониста Детмара, «весьма благоприятствовала его преуспеянию», нанесла серьезный удар по престижу Любека. Приняв покровительство Дании и отказавшись помогать соседям в борьбе за независимость, «глава Ганзы» показал себя недостойным ведущей роли, которую он прежде исполнял столь блестяще. Последствия не замедлили себя ждать. Любек не принимал участия в переговорах, которые в то время велись с графом Фландрии с целью вернуть в Брюгге немецких купцов, эмигрировавших в Аарденбург. Висбю, находившийся на другом конце ганзейского мира, воспользовался положением, чтобы вернуть себе апелляционный суд новгородской конторы. Наконец через несколько лет король Хокон У начал принимать меры, призванные ослабить положение ганзейских купцов в Норвегии.

Тем временем Эрик IV и его вассал, герцог Мекленбурга, решили взять вендские города силой. Первым нападению подвергся Висмар. Несмотря на помощь, присланную Ростком и Штральзундом, Висмар вынужден был капитулировать после осады, которая продолжалась несколько месяцев, и принять условия, предъявленные князем (1311). За Висмаром настала очередь Росток, который оказал коалиции правителей ожесточенное сопротивление. После первых поражений городской совет выразил желание заключить мир, но в городе вспыхнул мятеж, начатый ремесленными гильдиями, которые склонны были сопротивляться до конца. Одних членов городского совета убили, других выслали, и место старого городского совета занял новый.

Таковыми были самые ранние из тех «демократических» революций, которые позже столь часто происходили в приморских городах. И все же капитуляция была неизбежной (декабрь 1312 г.). Росток пришлось заплатить огромный штраф в 14 тысяч марок и присягнуть на верность королю Дании, представителем которого выступал герцог Мекленбурга, а чуть позже восстановить прежний городской совет. Через несколько лет нападению подвергся и Штральзунд (1316). Но благодаря вмешательству маркграфа Бранденбургского город успешно защищался и получил подтверждение своих привилегий.

Несмотря на последний успех, положение оставалось серьезным: угрозе подвергалось будущее всей Ганзы. С материальной точки зрения города обеднели из-за военных действий. С политической точки зрения почти всем им пришлось согласиться с урезанием своей независимости. С нравственной точки зрения отказ Любека от своих полномочий и отсутствие солидарности среди вендских городов разоблачили слабость ганзейской связи. Казалось, что отныне каждому городу придется мириться со своим территориальным правителем и отказаться от сотрудничества с другими городами. Это означало бы конец Ганзы.

Однако после смерти Эрика Менведа в 1319 г. положение стремительно улучшилось. Дания истощила и финансовые, и военные ресурсы, и коронные земли по большей части распродавались своим или иноземным аристократам. Так как королевская власть была бессильна, королевство впало в анархию, и уже не возникало вопроса о продолжении экспансии. Зато северогерманские правители поспешили воспользоваться ситуацией и напали на Данию. Это означало, что они оставили попытки распространить свою власть на города в своих владениях и вместо того оказывали им помощь в их начинаниях. На протяжении 20 лет Дания превратилась в область для экспансии немцев, особенно представителей знати. За ними следовали купцы, ремесленники и даже крестьяне. Поскольку поводов для разногласий больше не было, вендские города снова могли действовать сообща и восстановить былую власть в Ганзе.

Главную роль в истории этого проникновения в Данию, со всеми беспорядочными взлетами и падениями, играл более активный из двух графов Гольштейна, Герхард по прозвищу Великий. На протяжении 15 лет он был фактическим королем Дании, тем более что страна в

течение восьми лет оставалась без правителя. Герхард даже присоединил к своим владениям герцогство Шлезвиг, которое впервые в истории объединилось с Гольштейном под властью немецкого князя.

Приток немцев в Данию имел неблагоприятные последствия для ганзейских интересов. Бесчинства иммигрантов вызывали националистическую реакцию. В 1332 г. в Скании убили несколько сотен немцев, среди них многих купцов. Главное же, общее беззаконие спровоцировало опасный рецидив пиратства и разбойничества. Герхард старался оказывать разбойникам отпор с помощью Любека и Гамбурга, но его успехи были лишь частичными. Союз между городами и 13 правителями севера Германии, образованный в 1338 г., также оказался неэффективным.

Смерть Герхарда, которого в 1340 г. убил датский аристократ, казалось, способствовала продолжению смуты. Новый граф Гольштейна был недвусмысленно враждебно настроен по отношению к городам и, при поддержке Швеции, нападал и на корабли, и на территорию Любека. Встревоженные такой агрессией любекские бюргеры, которые к тому же боялись распространения пиратства, поддерживали притязания на престол нового датского короля, молодого Вальдемара IV Аттердага. Дания, фактически управляемая немецкими аристократами, погрузилась в анархию, и невозможно было предвидеть, что Вальдемар, после 20 лет терпеливой трудной работы, станет влиятельным правителем и опасным врагом Ганзы. Пока он охотно демонстрировал добрую волю, предоставил привилегии Любеку и обещал помощь вендским городам. В 1343 г. он уступил Сканию Швеции; тремя годами позже продал свои владения в Эстонии Тевтонскому ордену за 19 тысяч марок и как будто отказался от экспансионистской политики в тех краях, которая так часто тревожила ганзейские города. На самом деле таким образом Вальдемар копил ресурсы, необходимые для восстановления королевской власти, чтобы позже возобновить планы своих предшественников, связанные с севером Германии.

Однако в середине XIV в. эта угроза еще не была очевидной. После долгого периода несчастий Ганза, несмотря на нападения пиратов, снова процветала. Укрепилась солидарность между членами сообщества, и Любек восстановил свою ведущую роль. После кризиса правители относились к городам с вполне понятным недоверием,

стремились подчинить их, чинили препятствия на пути их объединения и втягивали города в авантюры, противоречившие их интересам. Благоразумная политика, которой позже Ганза придерживалась по отношению к Дании, была основана на горьком опыте.

## **Экономическая экспансия в первой половине XIV в.: Англия**

Несмотря на политический кризис, первая половина XIV в. характеризовалась устойчивым экономическим ростом Ганзы. К сожалению, нам мало известно о периоде, который непосредственно предшествует периоду ее величайшего процветания. Статистических данных мало, протоколы нескольких региональных соборов не слишком информативны, а тексты охранных грамот почти не содержат подробностей.

И все же признаки растущей активности ощущались почти повсеместно. С прибытием большого количества иммигрантов продолжало расти население городов, и многие из них расширили свои границы. Мы уже отметили активность ганзейцев во Фландрии и их растущее влияние в Скандинавии. Что касается востока, в летописи 1311 г. упоминается, что город Псков захватил почти 50 тысяч мехов, принадлежавших немецким купцам. Зимой 1336/37 г. на «Немецком подворье» остановились 160 торговцев, что указывает на процветание новгородской конторы. Тевтонский орден в 1309 г., подавив остатки сопротивления в Пруссии, учредил свою штаб-квартиру в Мариенбурге; такой шаг способствовал развитию торговли, которая стала очень важной в конце XIV в. Но подобные сведения остаются весьма фрагментарными.

Однако есть один регион, где экономический рост Ганзы можно рассматривать гораздо подробнее, и этот регион – Англия. И здесь немцы сумели расширить привилегии, предоставленные им в XIII в. В 1303 г. Эдуард I пожаловал всем иностранцам, независимо от национальности, важную привилегию, известную под названием *carta mercatoria* (Купеческая хартия), которая компенсировала им рост таможенных пошлин на экспорт шерсти и шкур. Они освобождались от всех налогов и сборов в пределах королевства; им разрешалось селиться в любой части страны и там вести оптовую торговлю как с иностранцами, так и с местными жителями. Кроме того, иностранные купцы получали законные гарантии и защиту от посягательств королевских чиновников. Правда, столь широкие привилегии и льготы возбуждали настолько ожесточенное сопротивление английских



купцов, что Эдуарду II пришлось их отменить. Конечно, гнев местных купцов вызывали в первую очередь итальянцы, ставшие самыми влиятельными из всех иностранцев в Англии. Зато немцам удалось добиться подтверждения своих привилегий и в конечном счете стать единственной группой, которая выгадала от Купеческой хартии. Кроме того, для них был отменен принцип коллективной ответственности в случае долгов или преступлений, совершенных одним из них. Наконец, Эдуард III, которому ганзейцы, предоставившие займы, помогли в 1327 г. взойти на престол вместо своего отца, был благосклонен по отношению к ним. В годы своего долгого правления он всячески отстаивал их интересы.

Рост операций, совершаемых в Англии ганзейцами в первой половине XIV в., среди прочего, свидетельствует о том, что все больше немцев переселялось в Англию на постоянное место жительства. Первые случаи приобретения английского гражданства, о чем имеются записи 1309 г., сначала принимали форму гражданства того или иного города. Так как подобный шаг сталкивался с практическими трудностями, начиная с 1324 г. королевская власть начала «натурализовать» иностранцев, предоставляя им равные права и экономические привилегии с английскими купцами на территории всей страны. В первую очередь такие услуги предоставлялись самым влиятельным из ганзейцев, кредиторам короля. Среди них были два выходца из видной Дортмундской семьи Зюдерман, а позже многие другие. В то время и позже, во второй половине XIV в., английское гражданство можно было сравнить с получением ганзейских привилегий, и такая форма натурализации, которая порождала более тесные отношения как с английскими купцами, так и с королевским двором, значительно расширяла влияние и сферу деятельности ганзейцев.

В то время ганзейцы в основном ввозили в Англию рейнское вино (на нем специализировались купцы из Кёльна), древесину и зерно из Пруссии, а также русские меха и воск. Следующий инцидент доказывает, насколько важным считали англичане импорт воска, монополией на который обладали немецкие купцы. В 1309 г. воска было мало, и цена на него выросла вдвое. Ганзейцев обвинили в заговоре против короля из-за того, что они якобы придерживают товар.

Их подвергли допросу, и купцам лишь с большим трудом удалось доказать свою невиновность.

В то время английскими статьями экспорта были в первую очередь шерсть, а во вторую – металлы. Благодаря системе экспортных лицензий, установленной Генрихом III во время конфликта с Фландрией, а также таможенным сводкам, мы располагаем статистическими данными – первыми из доступных – о доле немцев в торговле шерстью. В 1273 г. из общего количества в 32 784 мешка шерсти, весивших примерно по 166 кг каждый, которые экспортировал 681 купец, 1440 экспортировали до 49 ганзейских купцов. Ганзейцы занимали в списке экспортеров только пятое место, значительно отставая от англичан (11 415), итальянцев (8000), французов вместе с фламандцами (7150) и купцов из Брабанта (3678). Их доля составляла 4,4 % от общей стоимости экспорта, или 6,7 %, если считать только иностранных купцов. Таким образом, их положение было довольно скромным; однако не следует забывать, что шерсть была для них лишь побочным промыслом. Через три года цифры оставались примерно такими же. В 1303 г. в Бостоне ганзейцы уплатили 33 % «новой пошлины» на экспорт шерсти, а в 1310–1311 гг. – 54 %. Максимум был достигнут в исключительные годы 1339–1342, когда ежегодный экспорт вырос до 3500 мешков.

С конца XIII в. некоторые ганзейцы, особенно вестфальские купцы из Дортмунда, по примеру итальянцев выступали также кредитными банкирами. Они давали займы небольшие суммы обычным лондонцам или значительные суммы – королям. Самый ранний известный пример относится к 1299 г., когда Эдуард I занял 500 марок стерлингов у группы ганзейцев, куда входил один уроженец Любека, один – Кёльна и один – Дортмунда. Сходным образом в 1317 г. Эдуард II несколько раз занимал разные суммы у различных членов семьи Ревеле из Дортмунда всего на 416 фунтов стерлингов.

Однако особую важность немецкие займы приобрели при Эдуарде III. Для того чтобы вести войну с Францией, королю требовались крупные суммы денег. Его главными кредиторами были англичане или итальянцы, но он обращался за финансовой помощью и к ганзейцам. В обмен он предоставил им экспортные лицензии на вывоз шерсти в мешках, урезал для них таможенные пошлины и передал им на откуп

сбор пошлин у других. В 1338 г. он занял 1200 фунтов у четырех купцов из Дортмунда, двое из которых принадлежали к семье

Зюдерман, в обмен на что он предоставил им лицензию на экспорт 400 мешков шерсти. В том же году, во время триумфальной поездки вверх по Рейну, он занял 750 фунтов у четырех кёльнских купцов. Чуть позже он производил другие займы у купцов из Дортмунда – в одном случае речь шла о 5 тысячах фунтов. Суммы были сравнительно небольшими. Для сравнения можно вспомнить, что в 1339 г. он был должен 210 тысяч фунтов банкам Барди и Перуцци и 76 тысяч фунтов – англичанину Уильяму де ла Полу. В феврале он передал в залог большую корону архиепископу Трира за 50 тысяч гульденов, а позже – малую корону и корону королевы разным кёльнским финансистам почти за 10 тысяч гульденов (более 1500 фунтов).

Для того чтобы эффективнее отстаивать свои интересы, его немецкие кредиторы в 1339 г. образовали консорциум, куда входило не менее 13 участников. Большинство из них были крупными вестфальскими купцами. С ними был и новичок, Тидеман Лимберг, самый храбрый и активный из этих спекулянтов. В первый год консорциум дал королю в долг 18 с лишним тысяч фунтов, которые выплачивались по большей части в различных городах Нидерландов. В мае 1340 г. они предоставили королю новый заем в размере 8300 фунтов в обмен на экспортные лицензии на 3386 мешков шерсти и право взимать таможенные пошлины в 15 английских портах, пока долг не будет выплачен<sup>[6]</sup>. В течение следующих двух лет те же лица предоставили королю новые займы на общую сумму около 10 тысяч фунтов. Наверное, самой крупной услугой, какую консорциум оказал Эдуарду III, стало спасение королевской короны, которую его кредиторы угрожали продать: 45 тысяч гульденов передали архиепископу Трира, 4400 гульденов – кредиторам из Кёльна. В 1344 г. регалии удалось вернуть.

Тогда же состоялся роспуск немецкого консорциума: король, уступив давлению со стороны английских купцов, отказал ему в праве взимать таможенные пошлины. Более того, большинство членов консорциума боялись риска, который подразумевали подобные операции, и склонны были отказаться от финансовых спекуляций. Банкротство Барди и Перуцци, случившееся в 1345 г., и растущая враждебность со стороны английских купцов подтвердили

правильность их решения. Со временем они все больше ограничивались чисто коммерческими операциями. Лимберг отказался от своих планов одним из последних. Крупные финансовые операции, проводимые вестфальскими купцами в Англии по примеру итальянцев, можно считать уникальным явлением в истории Ганзы. Тем не менее пример вестфальцев наглядно показывает, какое влияние приобрели в Англии немецкие купцы. В последующие столетия их влияние в основном поддерживалось благодаря тому, что они ограничивались коммерческой деятельностью.

## **«Черная смерть» (1350)**

В период самого стремительного роста ганзейские города, как и всю Европу, охватила эпидемия бубонной чумы – «черной смерти». Осенью 1349 г. эпидемия вспыхнула в Швеции и Пруссии. Скорее всего, ее занесли туда на кораблях из Англии. Чума двигалась по долине Рейна, от одного берега к другому, и в декабре достигла Кёльна. Для ганзейской области в целом 1350 г. стал катастрофическим. Эпидемия на севере Германии распространялась с запада, из Фризии и Ютландии, а также с Готланда. Летом эпидемия достигла своего пика. Одним из последних, в начале 1351 г., ее жертвой пал Бранденбург.

Видимо, на севере Германии эпидемия свирепствовала сильнее, чем в других местах. Конечно, не следует принимать за чистую монету поистине фантастические цифры, приводимые в хрониках. Скорее всего, они свидетельствуют лишь о кошмарных воспоминаниях о болезни. Так, по мнению Детмара (конец XIV в.), во многих городах в живых оставался лишь каждый десятый; по сведениям Раймара Кока (XVI в.), в Эльбинге болезнь унесла 9 тысяч, в Мюнстере – 11 тысяч, а в Любеке – 90 тысяч (!) человек. И все же некоторые подробности довольно убедительны. По словам Генриха из Ламшпринге, во францисканском монастыре Магдебурга эпидемию пережили всего три монаха, а в его собственном монастыре – двое из десяти; по словам другого хрониста, в одной усадьбе в Восточной Пруссии в живых осталась лишь одна служанка, которая с важным видом расхаживала в пышных нарядах своей госпожи.

Похоже, что Бремен пострадал от эпидемии больше других городов. В списке жертв, составленном по приказу городского совета, содержится 6966 имен, к которым следует добавить 1000 неопознанных мертвецов. К сожалению, мы не знаем точной численности населения города в тот период, но едва ли там проживало больше 12–15 тысяч человек, поэтому следует прийти к выводу, что чума унесла больше половины жителей, а может быть, и две трети. В Гамбурге из 34 пекарей умерло 12, из 21 члена городского совета – 16. В других городах известно лишь количество умерших членов городского совета: 11 из 30 в Любеке плюс 2 клерка из 5,42 % в

Висмаре, 36 % в Люнебурге, 30 % в Бремене, 27 % в Ревеле. Не стоит думать, что такое же процентное соотношение характерно для всего населения в целом, ведь члены городского совета иногда были больше остальных подвержены заражению, но иногда, наоборот, им легче удавалось покинуть город, чем обычным бюргерам. Однако можно смело предположить: количество жертв в ганзейских городах едва ли составляло меньше четверти населения.

Легче представить себе катастрофические беспорядки, вызванные чумой, чем добыть свидетельства того времени. Судя по всему, в то время наблюдался резкий спад в производстве сельскохозяйственной и промышленной продукции, паралич сухопутных и морских перевозок и полный застой в коммерции, вызванный смертью ведущих предпринимателей и их помощников. Еще труднее представить и немедленные, и долгосрочные последствия эпидемии для развития ганзейских городов.

С демографической точки зрения похоже, что численность городского населения довольно быстро восстановилась благодаря притоку людей из сельской местности. Вполне возможно, что на несколько лет им облегчили вступление в права гражданства. Во всяком случае, рост числа новых горожан наблюдался повсеместно. В 1351 г. в Любеке появилось 422 новых гражданина против средней цифры в 175 человек за период 1317–1349 гг. В Гамбурге и Люнебурге эти цифры составляют соответственно 108 против 59 и 95 против 29. На протяжении 10 лет приток жителей оставался заметным, а затем снизился. Можно смело утверждать, что за 15 лет, прошедших после эпидемии, население городов сравнялось с прежним уровнем или даже превзошло его. Городские советы, вынужденные заменять умерших, скорее всего, выбирали новых членов из представителей самых богатых и влиятельных городских семей. В Любеке среди членов совета появились всего два или три новых имени. В целом чума как будто никак не изменила патрицианскую структуру городских советов.

Что касается недвижимости, сразу после эпидемии происходили такие же потрясения, как и в других сферах, однако через несколько лет все успокоилось. Из-за «черной смерти» возникали многочисленные операции по переходу собственности. В Любеке, где погибло не менее 27 % владельцев недвижимости, 10-процентный налог на наследство в 1351 г. был в 10 раз выше, чем в 1350, а в 1353 г.

оставался в 8 раз выше. Перевод собственности получил дополнительный стимул благодаря тому, что наследникам часто приходилось продавать унаследованную недвижимость, так как они не в состоянии были выплачивать налог на наследство. Не приходится сомневаться в том, что после эпидемии большее богатство сконцентрировалось в меньшем количестве рук, что, в свою очередь, наверняка вызвало рост спроса на предметы роскоши. Правда, никаких конкретных доказательств этому нет. Кроме того, можно заключить, что на какое-то время упал спрос на повседневные товары широкого потребления.

Наконец, эпидемия чумы стала причиной довольно тяжелого финансового кризиса. Денег стало меньше, а обменный курс вырос. Беспорядки повлияли в основном на мелкие предприятия, но пострадали и более крупные, поскольку вкладчики предпочитали покупать ежегодную ренту, которую они считали меньшим риском. В самом деле, спад как будто не затронул рынок ежегодной ренты. Однако и в данной области кризис оказался кратковременным. Во всяком случае, в Любеке положение вернулось к норме примерно к 1355 г.

Остается ответить на один вопрос: каковы были долгосрочные последствия «черной смерти» для Ганзы? Ясно, что сокращение численности населения Западной Германии означало прекращение эмиграции на восток. Чума усилила спад, уже ощущавшийся в первой половине XIV в.; тем более что эпидемии, более или менее опустошительные, прокатывались по Европе регулярно, каждые 10–15 лет. Также ясно, что прекращение эмиграции стало в высшей степени пагубным для роста и укрепления немецких городов на востоке. Они лишились притока крестьян, которые и составляли основную массу переселенцев. Не до конца ясно, оказались ли последствия эпидемии столь же катастрофическими для городов и, следовательно, для коммерческого развития Ганзы. Обычно вспышки эпидемий в городах, вызывавшие смерть большого числа жителей, довольно быстро компенсировались притоком населения из сельской местности. Хотя мы не располагаем точными статистическими данными, население ганзейских городов в XV в., возможно, было больше, чем в середине XIV в. Следовательно, можно сделать вывод о том, что «черная смерть» стала всего лишь драматическим эпизодом в истории Ганзы.

## **Глава 4**

### **Ганза городов: великая держава в Северной Европе (ок. 1350 – ок. 1400)**

В третьей четверти XIV в. Ганза, оправившись от временно нарушенного единства, столкнулась с двумя решающими испытаниями: экономическим конфликтом с Фландрией и войной с Данией. В ходе этих битв она выработала новую структуру, которую долгое время вызревала и готовилась. Сообщество немецких купцов сменилось другой организацией, точнее, подчинилось ассоциации ганзейских городов, которая в будущем начнет защищать интересы купцов за границей и в то же время приобретет контроль над деятельностью своих составляющих. Победоносная за границей, Ганза городов теперь постепенно приобретала положение великой державы в Северной Европе, которое она сохранит на протяжении примерно 150 лет.

#### **Конфликт с Фландрией и образование Ганзы городов**

Еще до 1350 г. отношения Брюгге и Ганзы снова ухудшились. Основной предпосылкой для такого ухудшения стала война между Англией и Францией. Купцы несли большие потери на суше и на море и в силу полученных привилегий требовали возмещения убытков и от города Брюгге, и от графа Фландрии. Им отвечали отказами или отсрочками. Вдобавок купцы жаловались на то, что им приходится платить таможенные пошлины, от которых их ранее освободили. Вследствие этого Любек, настроенный решительнее остальных городов, задумал снова перевести контору из Брюгге.

Конфликт ожесточился из-за одного инцидента, произошедшего в 1351 г. Английские каперы захватили корабль из Грайфсвальда в устье Звейна, отбуксировали в открытое море и там ограбили. Пиратов, арестованных позднее в Слэйсе, подвергли пытке и, в результате давления со стороны ганзейской конторы, казнили. В наказание Эдуард III приказал конфисковать собственность ганзейских купцов в



Англии. Правда, позже он аннулировал свой приказ и, злясь на недомолвки Брюгге, перевел назад в Англию основной рынок шерсти.

Недовольная этим, контора предъявила новые требования, главным из которых было право иметь собственную весовую, чем уже пользовались английские и испанские купцы. Привилегию им предоставили, но единственным результатом уступки стали дальнейшие требования, особенно возмещение ущерба жертвам пиратов.

Эти споры имели значительные последствия для Германии. Хорошие отношения с Брюгге представлялись жизненно важными почти для всех ганзейских городов, и в целом считалось, что необходимо вмешаться для защиты привилегий, которым угрожала опасность. Вместе с тем многие города пришли в беспокойство, увидев, как контора берет на себя инициативу на переговорах с фламандцами без каких-либо официальных полномочий. Города боялись, что их вовлекут в международные конфликты. Старое недоверие к независимому положению купцов, которое стало важным фактором в подавлении Готландского сообщества, снова проявилось по отношению к брюггской конторе. Любек решил созвать делегатов от городов, чтобы разобраться с делами во Фландрии. Это собрание, устроенное в 1356 г., можно считать первым полномасштабным собором ганзейских городов. К сожалению, неизвестно, какие города прислали своих представителей, но не приходится сомневаться, что делегатов было много и что на соборе были представлены все части Германии.

Самым важным решением собора 1356 г. стало посольство в Брюгге. Его возглавил член городского совета Любека Якоб Плесков. Туда вошли делегаты от трех ганзейских третей: вендско-саксонской, вестфальско-прусской и готландско-ливонской. Судя по всему, посольство не добилось каких-то существенных результатов в переговорах с городом Брюгге и графом Фландрии. С другой стороны, оно решительно вмешалось в дела немецкой конторы. От имени городов посольство подтвердило свод законов, который контора утвердила в 1347 г., однако подробнее очертило права и обязанности шести ее старшин. И пусть это не такой важный шаг, позже он служил свидетельством того, что контора, до того времени независимая, теперь подчинялась власти объединенных городов, а ее решения в

будущем вступали в силу только после одобрения городами. Города, которые отныне по закону, а не просто по факту, выражали свое мнение посредством общего собора, учреждали свою власть над купцами за рубежом. Особенно очевидно это стало десять лет спустя, когда контору в Брюгге, которая по собственной инициативе издавала указы, касавшиеся денежных дел, немедленно призвали к порядку на соборе в Любеке и велели не предпринимать никаких действий без одобрения городов.

В течение следующих двадцати лет города взяли под свой контроль и другие три конторы. В 1361 г. в Новгород прибыло посольство, возглавляемое двумя членами городских советов Любека и Висбю. Посланники сообщили обитателям «Немецкого подворья», что в будущем те не имеют права выпускать ни одного указа без согласия Любека, Висбю и трех ливонских городов. Данное решение подтвердило не только подчинение контор Ганзе, но и растущее влияние ливонских городов, которое вначале было очень слабым. Контора в Бергене, куда по большей части стекались купцы из Любека, менее склонна была демонстрировать независимость – более того, в реальности она никогда не была независимой. В 1343 г. король Магнус Эрикссон, подтвердив прежние привилегии вендских городов, официально признал статус конторы. В 1365 г. контора запросила одобрения для ряда принятых ею правил. Судя по подробному ответу Любека, город получил практически полную власть над конторой. В лондонской конторе, как и в брюггской, уже в конце XIII в. появился собственный устав; в последние годы правления Эдуарда III ее встревожили новые «дотации», которые обязаны были выплачивать немецкие купцы. «Дотации» сочли нарушением ганзейских привилегий. Переговоры ни к чему не привели. Поэтому в 1374 г. Лондонская контора обратилась к городам. В Лондон направили посольство, возглавляемое двумя членами городских советов, одним из Любека и одним из Эльбинга. Посольство повело переговоры и добилось удовлетворительных результатов, хотя и не без труда. Неизвестно, представляла ли контора свои законы на одобрение в данном случае. Скорее всего, представляла. Во всяком случае, с тех пор подчинение было полным, тем более что привилегии лондонской конторы в годы правления Ричарда II постоянно находились под угрозой.

Итак, четыре главные конторы, игравшие важную роль в структуре Ганзы, удалось подчинить без труда. Можно назвать очень немного случаев, когда какая-либо из них позже пыталась сбросить ярмо зависимости. Иного трудно было ожидать. Когда иностранные государства пытались урезать привилегии немецкого купечества, они прибегали к поддержке городов. Только города способны были оказать им действенную защиту. Власть Ганзейского собора над купеческими общинами за рубежом виделась и необходимостью, и выгодой.

Однако ганзейскому посольству в Брюгге в 1356 г. не удалось разрешить спорные вопросы между Фландрией и немецкими купцами. В последующие месяцы отношения стали еще более напряженными. Город Брюгге, которому очень нужны были деньги, обложил новыми налогами коммерческие операции. Обесценивание валюты вызвало рост цен со стороны землевладельцев, брокеров и перевозчиков, а понятие основных продуктов питания распространилось на соль и зерно, которыми ранее иностранцы могли свободно торговать друг с другом, «с корабля на корабль». Все вышеуказанные меры сочли нарушением ганзейских привилегий. И все же главным поводом для жалоб оставался отказ выплачивать компенсации. Любек в особенности требовал решительных ответных действий. По его инициативе был созван еще один Ганзейский собор, на котором предстояло решить вопрос о переводе конторы. Впрочем, собор в Любеке, который прошел в январе 1358 г., не отличался полной представительностью. На соборе были представлены вендские, саксонские и прусские, но не вестфальские и не ливонские города – очевидно, последние не хотели рисковать. Зато Висбю и шведские города прислали свое письменное одобрение. На соборе приняли решение о блокаде Фландрии.

Ганза предприняла смелый шаг, особенно если сравнить блокаду 1358 г. с более ранними. Больше не делалось попыток разграничить город Брюгге и графа Фландрии; их считали равно ответственными за нарушения ганзейских привилегий. Поэтому блокада была направлена на всю Фландрию, включая Антверпен и Малин (Мехелен), недавно приобретенный графом Луи де Малем. От немецких купцов потребовали до 1 мая покинуть Фландрию и переехать в Дордрехт. Ганзейским кораблям запрещалось заплывать за Маас. Им разрешалось вести торговлю только севернее Мааса, ставшего

своеобразной границей. Кроме того, запрещалось продавать товары фламандцам или купцам, которые направлялись во Фландрию. Соответственно покупать товары из Фландрии также запрещалось. По возвращении домой немецкие купцы обязаны были представить сертификаты, выпущенные городскими властями Нидерландов, в которых они вели дела. Данное обязательство распространялось даже на корабли, которые отправлялись в Англию, Шотландию или Норвегию, потому что капитаны могли поддаваться искушению и по пути наведаться во фламандские порты. Предусмотрели и случаи, когда суда могли оказаться в запретной зоне из-за встречных ветров или шторма: им тоже запрещалось выгружать грузы во Фландрии. Любое неповиновение, как города, так и отдельного лица, каралось вечным исключением из Ганзы.

Блокада, пагубная для обеих сторон, особенно тяжело сказывалась на Брюгге, который всячески пытался положить ей конец. Но ставки были настолько высоки, что переговоры тянулись целых два года. Фламандцы безуспешно пытались минимизировать действие блокады. Они предоставили Кампену все привилегии, которыми пользовалась Ганза, на том условии, что Кампен будет поставлять Брюгге немецкие товары. Власти Брюгге пытались переманить на свою сторону Кёльн; но, вопреки их ожиданиям, Кёльн настаивал на еще более строгой блокаде. И все же последствия блокады сказались не сразу, тем более что полностью предотвратить контрабанду не удалось. Однако оскудение потока восточных товаров вызвало резкий спад фламандской экономики. 1359 г. в Нидерландах выдался неурожайным, поэтому дефицит прусского зерна ощущался особенно остро. Зимой того года из-за сильных дождей повозки с зерном из Пикардии не смогли преодолеть вброд Сомму. Весной 1360 г. вендские города решили перекрыть датские проливы, чтобы помешать судам прусских контрабандистов перевозить зерно в Нидерланды.

В конце концов фламандцам пришлось, более или менее полностью, признать требования противной стороны. Летом 1360 г. заключили мир, блокаду сняли, и в сентябре немецкие купцы вернулись в Брюгге. Ганзейцы добились подтверждения всех своих привилегий; во избежание двояких толкований они описывались очень подробно. Отдельные льготы и привилегии даже расширились. Например, им впервые предоставили право вести розничную торговлю. Более того,

охранные грамоты были скреплены не только печатями Брюгге, но также и Гента, Ипра и графа Фландрии, что гарантировало их действие по всей Фландрии. Наконец, достигли соглашения по ожесточенно оспариваемому вопросу о компенсациях. Долю графа установили в размере 1500 гульденов, доли Ипра и Брюгге – по 155 фунтов. В течение следующих трех лет выплаты производились пунктуально.

Итак, экономическая война окончилась сокрушительной победой Ганзы. Она продемонстрировала, что более тесный союз между городами и принесение в жертву местнических интересов в конце концов приносят свои плоды. Важно, что Бремен, чье купечество оставалось вне Ганзы с конца XIII в., именно тогда попросил о повторном вступлении в Ганзейский союз. Город приняли обратно, но на довольно жестких условиях<sup>[7]</sup>. По всей Северной Германии стало известно, что единственным способом для отдельных городов достичь процветания стала принадлежность к Ганзе.

Однако положение было еще опасным, и преимущества, полученные во Фландрии, вскоре снова подверглись сомнению. Во Фландрии, как и в других местах, ганзейцы вынуждены были постоянно бороться ради сохранения своего привилегированного статуса. Бороться приходилось как с правителями зарубежных стран, так и с потенциальными конкурентами. Видимо, в то время никто особенно не обращал внимания на то, что фламандцы предоставили те же привилегии, что и ганзейцам, двум городам, не входившим в Ганзу: Кампену и Нюрнбергу. Однако такой поступок способствовал возвышению двух самых опасных в будущем соперников Ганзы – голландцев и представителей юга Германии.

## **Война с Данией, Кёльнская конфедерация и Штральзундский мир**

Всего через несколько месяцев после успеха на Западе серьезные известия вызвали испуг во всех ганзейских городах. Вальдемар IV Аттердаг неожиданно высадился на острове Готланд, разгромил поспешно собранную крестьянскую армию, захватил и разграбил Висбю. Почти на триста лет острову предстояло оставаться под властью Дании.

После своего восхождения на трон 20 лет назад Вальдемар терпеливо трудился, копил финансы, выкупал коронные земли, принуждал к повиновению некоторых своих аристократов и восстанавливал армию. Весной 1360 г. он добился возвращения Скании от шведов. Уже тогда ганзейцы пришли в замешательство из-за высокой цены, которую Вальдемар потребовал за подтверждение их привилегий и льгот. Завоевание Готланда развеяло последние сомнения. Король Дании бросал Ганзе прямой вызов. Конечно, Вальдемар выражал готовность подтвердить привилегии Висбю и не возражал против того, чтобы Висбю оставался в Ганзе. Впрочем, за прошедшие полвека город утратил ведущее положение на Балтике, каким он обладал в XIII в., и его закат оказался вполне очевидным. Тем не менее Висбю оставался одним из крупных ганзейских городов. Он обладал коммерческой и стратегической ценностью для вендских городов благодаря своему положению на пути в Стокгольм. Главное же, своей агрессией Вальдемар подтверждал намерение вернуть датскую гегемонию в северных морях. Война стала неизбежной.

На соборе вендских и померанских городов, который созвали в Грайфсвальде, решено было приостановить торговые отношения с Данией. Для финансирования войны собор обложил налогом в четыре пенса на фунт корабли и товары, которые экспортировались из ганзейских городов. Заключили союзы с королями Норвегии и Швеции, герцогом Шлезвига и графами Гольштейна. Но такое благоприятное начало ни к чему не привело. Великий магистр Тевтонского ордена, обещавший принять участие в войне, ограничился финансовой помощью, как и графы Гольштейна. Кампен и другие города на Зейдерзе по-прежнему торговали с Данией, сделав таким

образом блокаду неэффективной. Все бремя войны легло на вендские города. В апреле 1362 г. флот из 52 кораблей, в который входило 27 коггов, отплыл в сторону Копенгагена. Но флотоводец Иоганн Виттенборг, бургомистр Любека, совершил роковую ошибку, высадив на берег часть войск для осады Хельсингборга. Воспользовавшись этим промахом, Вальдемар напал на ганзейский флот и захватил 12 больших кораблей. Виттенборгу пришлось довольствоваться лишь перемирием, которое позволило ему увести остатки экспедиции назад в Германию: чуть позже он расплатился жизнью за свое поражение.

Военная неудача породила беспокойство в Ганзе, которое продолжалось несколько лет. Вторую военную экспедицию так и не снарядили. Начали переговоры с Данией; они тянулись три года и окончились неустойчивым миром. Даже вендские города разошлись во мнении относительно распределения расходов за военную кампанию. Как и полвека назад, не удалось решить, не грозит ли солидарности городов серьезная трещина.

Однако этого не произошло. Времена изменились. Сплоченность сообщества укрепилась благодаря конфликту с Фландрией; больше ее невозможно было погубить одной неудачей, пусть и крупной. В 1366 г. в Любеке состоялся всеобщий собор. Там приняли ряд мер, направленных на укрепление авторитета городов, особенно благодаря тому, что управлять конторами с тех пор могли только лица, имеющие права гражданства<sup>[8]</sup>. Более того, Вальдемар IV, вместо того чтобы сеять раздор между своими противниками, на свою беду, объединил их против себя. Он захватил прусские суда в Зунде и относился к прусским купцам не лучше, чем к остальным ганзейцам. В результате великий магистр Винрих фон Книпроде лично приехал в Любек и предложил военный союз. Кроме того, Вальдемар не так снисходительно, как раньше, относился к городам на Зейдерзе. Поэтому они вскоре выказали готовность принять участие в нападении на Данию. Более того, в феврале 1367 г. дворяне низложили короля Швеции Магнуса Эрикссона и посадили на его место Альберта, сына герцога Мекленбурга, который также был настроен в пользу интервенции. Единственным союзником Вальдемара оставался Хокон VI, король Норвегии, за которого Вальдемар выдал свою дочь.

Сначала вендские города не горели желанием возобновлять военные действия. Они не выказали большого воодушевления по поводу

предложения великого магистра, и только после того, как Зейдерзе и прусские города заключили союз, они снова взяли на себя инициативу в нападении на Вальдемара и Хокона. Для принятия окончательных решений созвали всеобщий собор в Кёльне.

Этот собор 1367 г. во многом можно считать исключительным в истории Ганзы. Во-первых, необычным было место проведения собора: единственный раз Ганзейский собор проводился в Кёльне, несмотря на отдаленное положение этого города. В данном случае у Кёльна имелось важное преимущество: туда можно было легко попасть голландцам, чье участие было необходимым для успеха. Кроме того, собор стал доказательством желания тактично вести дела с важным городом на Рейне, не подчеркивая первенство Любека.

Необычным было и участие в соборе трех групп городов, которые не входили в Ганзу. Речь идет о городах на Зейдерзе, представленных делегатами от Кампена, Эльбурга и Хардервейка, а также городов Голландии и Зеландии, представленных делегатами от Амстердама и Бриля. Все делегаты согласились принять решения собора.

Наконец, чтобы усилить военные приготовления, города решили заключить более тесный союз, чем в прошлом, настоящую лигу (*verbund*), которая получила необычное название – Кёльнская конфедерация. Она была рассчитана не только до конца войны, но и на три года после нее. На самом деле договор продлевали до 1385 г. Такие предпосылки, казалось, готовили дорогу к переменам в структуре Ганзы.

На соборе в Кёльне очень подробно рассматривали финансовые и военные меры. Как в 1361 г., но под более жестким контролем все товары и все корабли, входящие в ганзейские порты и покидающие их, облагались пошлиной с веса (в фунтах). Для упрощения сбора ставка – которая колебалась в узких границах – оговаривалась в различных имевших хождение валютах: фламандской, любекской, померанской, прусской и ливонской. Были определены количество кораблей и солдат, которые предоставлял каждый участник. Союзники должны были отправить флотилии из Северного и Балтийского морей. Перед атакой флотилии встречались в Зунде<sup>[9]</sup>.

Сначала участие в Кёльнской конфедерации принимали не все ганзейские города. На соборе в Кёльне присутствовали представители только вендских и прусских городов. Но в последующие месяцы



большинство морских портов от Финского залива до устья Рейна более или менее явно выразили свое согласие на участие в кампании. Правда, некоторые из них не выказали большого энтузиазма, среди них Бремен и прежде всего Гамбург, чье исключение из Ганзы тогда обсуждалось. Под тем предлогом, что их истощили местные войны, гамбургские бюргеры отказались принимать участие в военных операциях и предложили только финансовую помощь. Города вдали от моря, которые не интересовала морская война, также отнеслись к предложениям довольно вяло. Вестфальские города не предложили даже дотаций. Вот лишь один пример серьезных разногласий в пределах Ганзы, которые были так часты в ходе ее истории и которые были поистине неизбежны ввиду различия в положении и интересах такого большого числа городов.

Коалицию очень укрепили альянсы со Швецией, Мекленбургом и Гольштейном, а также с датской аристократией, которая восстала против Вальдемара. Король как будто не понимал грозящей ему опасности. В решающий момент перед нападением ганзейцев он нашел уместным покинуть свои владения и искать союзников на севере Германии. Союзников он не нашел, и поражение датчан казалось неизбежным. Вендский и голландский флоты разрушили Копенгаген до основания, выведя из строя его порт, и грабили побережья Дании и Норвегии, в то время как граф Гольштейна устраивал набеги на Ютландию. С помощью шведов ганзейцы перешли границы Скании. Сопротивление оказал только Хельсингборг. Вскоре Норвегия, на которой блокада сказалась особенно тяжело, попросила о перемирии и получила его. В Скании операции продолжались до капитуляции замка Хельсингборг 8 сентября 1369 г., что вынудило государственный совет Дании просить мира. Ганза согласилась приостановить военные действия, несмотря на противодействие отдельных правителей, желавших воспользоваться положением и продолжать войну.

Мир с Данией заключили в Штральзунде 24 мая 1370 г. Ганза не требовала новых торговых привилегий, а удовольствовалась подтверждением прежних. Ее купцы получали полную свободу торговли. Кроме того, отменялись возросшие налоги, которыми облагали немецких купцов в Скании с 1361 г. Однако Ганза добилась ряда стратегических выгод. Кёльнская конфедерация получала во

владение на 15 лет четыре крепости, охранявших пролив Зунд, – Хельсингборг, Мальмё, Сканёр и Фальстербу, – а также две трети доходов от зундских пошлин. Таким образом, Ганза много лет владычествовала в Зунде. Наконец, датский государственный совет обещал, что после смерти Вальдемара IV его преемника выберут лишь после совета с городами Конфедерации.

Таким образом, новая проба силы окончилась триумфом Ганзы; и на сей раз победы достигли не одними экономическими средствами. Более того, города доказали, что способны выставить действенные армии и флоты. Их поддерживали влиятельные правители, но города больше не были их вассалами, как 50 лет назад. Они сами управляли ходом важнейших операций. Кроме того, города сохраняли инициативу как во время войны, так и во время мира. В конце концов они бросили своих союзников и заключили сепаратный мир с врагом. Так же им пришлось поступить позже, в войне за датское престолонаследие. Штральзундский мир отмечает появление в Северной Европе новой силы, которая заменила былую власть Священной Римской империи. Новая сила не была суверенной державой, поскольку входившие в нее города с юридической точки зрения оставались подданными многочисленных территориальных правителей. Единственным ее основополагающим принципом являлось желание отстаивать свои коммерческие интересы, если понадобится, с оружием в руках. Столь необычное явление было уникальным для Европы того времени.

Через пять лет одно из условий Штральзундского мира пришлось пересмотреть. Оно касалось датского престолонаследия. Вальдемар IV умер в 1375 г., оставив только двух дочерей. Маргарет была замужем за Хоконом VI, королем Норвегии, а Ингеборг была женой Генриха Мекленбургского, брата короля Швеции. Ганза, которой пришлось выбирать между союзом либо с Данией и Норвегией, либо с Мекленбургом, Данией и Швецией, склонялась к первому варианту, в отличие от немецких правителей, которые благоволили последним. Датский государственный совет принял решение в пользу молодого Олафа (1376–1387) при регентстве его матери Маргариты. В знак признания Кёльнской конфедерации Норвегия также подписала мирный договор и подтвердила все привилегии ганзейцев.

Ганза явно выбрала меньшее из двух зол, потому что мощь Дании представляла не такую опасность, как амбиции немецких правителей.

Тем не менее ганзейцы не ослабляли бдительности, и договор о существовании Кёльнской конфедерации несколько раз продлевался. Есть даже основания полагать, что конфедерация сделалась постоянной организацией, которая во многом отождествлялась с Ганзой. Однако единственной причиной ее существования оставалась угроза со стороны Дании. Как только установился мир, ее единственной функцией оставался контроль над датскими крепостями и частью доходов от зундских пошлин. В 1385 г., когда, в соответствии с условиями мирного договора, замки вернули Дании, возник вопрос, продлевать ли существование Кёльнской конфедерации или заменить ее союзом другого типа. Согласно общему мнению, отличному от мнения великого магистра Тевтонского ордена и прусских городов<sup>[10]</sup>, ни в продлении, ни в замене не было смысла. Очевидно, городам не хотелось заключать слишком тесный союз, который слишком отчетливо подразумевал политическое и военное сотрудничество. Никому, за исключением крайних случаев, не хотелось идти на жертвы. Поэтому Кёльнская конфедерация не оказала продолжительного влияния на структуру Ганзы, хотя и помогла укрепить ее изнутри. Однако успех конфедерации запомнился; ее взяли за образец те города, которые в XV в., правда безуспешно, пытались создать более прочные союзы, известные под названием *tohopesaten* (буквально «стоящие вместе»).

## Эмбарго 1388 г

Было бы ошибкой считать, что победа ганзейцев облегчила положение немецких купцов за границей. Наоборот, во многих странах ближе к концу XIV в. нарастало напряжение. Ганзейские купцы пытались закрепить успех, строго требуя соблюдения своих привилегий, а зарубежные города, которые испытывали давление со стороны собственных купцов, неохотно признавали привилегированное положение немцев, которое казалось им неоправданным. Даже местные правители, хотя и более благосклонные по отношению к ганзейцам, считали определенные юридические и финансовые льготы угрозой для своего суверенитета. Наконец, отношения не могли не отравлять постоянные требования возмещения ущерба. В результате часто возникали трудноразрешимые разногласия, особенно с Англией, Фландрией и Русью. Дела обострились в 1388 г., когда во всех трех местах одновременно действовало эмбарго. Тем не менее Ганзе удалось избежать открытых военных действий. Более того, руководители ганзейцев того периода, особенно Якоб Плесков из Любека и Вульф Вульфлам из Штральзунда, не позволяли себе почивать на лаврах, вспоминая о былых победах. Они решительно выступали против сторонников войны. Тем самым они в полной мере доказывали, что ганзейский здравый смысл, который состоял в сочетании твердости с глубинным желанием мира, на самом деле единственная политика, которая способна была обеспечить процветание сообщества.

К концу правления Эдуарда III обострились отношения с Англией. Германию беспокоил рост английской торговли на Балтике. Начиная примерно с 1350 г. английские «Купцы-авантюристы» регулярно заходили в Эльбинг, Данциг и Штраль-зунд, выгружали там английское сукно и принимали на борт строевой лес, зерно и медь с Карпат. Англичане снимали дома и арендовали корабли. Вначале их принимали очень хорошо. Тевтонский орден традиционно тепло относился к англичанам из-за того, что многие английские рыцари участвовали в Крестовых походах против язычников-литовцев. Но вскоре экспансия стала настолько заметной, что английским купцам запретили торговать в розницу, продавать свои товары за пределами

городов, торговать напрямую с другими иностранцами и нанимать ганзейские корабли. Немцам же не разрешалось перевозить свои товары на английских судах. После 1370 г. ганзейцам, получившим полный контроль над Зундом, удалось почти полностью вытеснить конкурентов с ярмарок в Скании. Все эти меры не могли не ухудшить отношений между Ганзой и Англией. Кроме того, главным поводом для недовольства ганзейцев стали препятствия, которые им чинили в Англии. Так как больше всего в Англии в то время было представителей Пруссии, вскоре Тевтонский орден начал призывать к решительным мерам, в то время как вендские города склонялись к умеренности. Уже было отмечено, что в 1357 г. лондонская контора обратилась к ганзейским городам с просьбой добиться упразднения дополнительных «дотаций». Через два года, когда на престол взошел Ричард II, положение усугубилось, так как новый король оказался более восприимчивым, чем Эдуард III, к давлению со стороны своих купцов и парламента. Он начал отказываться продлевать льготы, требовал предоставления ему точного списка ганзейских городов, чтобы привилегии получали только те, кто имел на них право. В последней просьбе ему было отказано. Но вместо того чтобы разорвать отношения, что предлагал Тевтонский орден, Любек снова послал в Лондон Якоба Плескова. Ему удалось добиться желаемого продления привилегий. И все же его миссию нельзя считать полностью удачной: король не удовлетворил просьбу о компенсациях. Да и впоследствии улучшения добиться не удалось. Ганзейцам пришлось платить дополнительный процент с каждого фунта стерлингов и каждой тонны груза, главным образом за импортные товары, но также и за определенные сорта английского сукна, вывозимого из страны, особенно за грубошерстяную материю. В 1385 г. положение внезапно изменилось к худшему: на Звейне английский флот напал на немецкие корабли, среди которых было шесть прусских судов. Великий магистр Тевтонского ордена разорвал торговые отношения между Пруссией и Англией. Но вендские города по-прежнему были настроены более примирительно. Английским купцам позволили заходить в балтийский порт Штральзунд. Однако жалобы на бесчинства англичан учащались, и в 1388 г. вендские города тоже решили захватить английские товары, которые хранились на складах в Штральзунде. В отместку Ричард II приказал конфисковать ганзейские товары в Англии. Война казалась

неминуемой. Но начались переговоры, которые вскоре привели к соглашению, поскольку открытый конфликт не был выгоден ни одной из сторон. Конфискации отменили, подтвердили ганзейские привилегии, а англичанам позволили вести оптовую торговлю в прусских морских портах, даже с иностранцами.

Похоже, соглашение было выгоднее англичанам, чем немцам. «Купцы-авантюристы» обосновались в Данциге, образовали ассоциацию под управлением своего «губернатора» и купили там дом. Несмотря на протесты, они продолжали торговать не только оптом, но и в розницу и создавали торговые товарищества с ганзейцами, расширяя таким образом сферу своих операций. Зато немцев в Англии по-прежнему облагали таможенными пошлинами, которые они считали несправедливыми, а на их корабли по-прежнему нападали пираты. В результате в 1398 г. великий магистр Тевтонского ордена денонсировал соглашение, достигнутое за десять лет до того. Хотя враждебные действия начались не сразу, англо-ганзейские отношения оставались напряженными, и время от времени какой-нибудь инцидент еще больше усугублял их. Опыт показал, что невозможно было урегулировать такие отношения посредством подробных юридических документов. С нестабильностью приходилось мириться, приноравливаясь к обстоятельствам и текущему уровню взаимного расположения. Кроме того, стало очевидным, что несогласованность действий вендских и прусских городов пагубно отражается на немецких интересах.

После договора 1360 г. отношения с Фландрией на протяжении почти 15 лет оставались почти теплыми. Однако немецкие купцы все больше жаловались. Брюггская контора направила Ганзейскому собору список жалоб, указывая, что Брюгге отказывается наказывать виновных, которые нападают на ганзейских купцов и причиняют им убытки. Кроме того, город отказывается выступать в роли поручителя для своих землевладельцев. Брюгге обложил налогом импортируемую треску; запретил импорт пива из Гамбурга; отдельные виды сукна оказались низкокачественными и т. д. Ганза в ответ просто послала в Брюгге посольство, которое ничего не добилося. Старшины брюггской конторы, решив, что их бросили, попытались действовать независимо. Не поставив в известность Ганзейский собор, зимой 1377/78 г. они приказали всем немецким купцам тайно покинуть Брюгге. Но об их

замысле стало известно, и граф Луи Маль пришел в такую ярость, что арестовал ганзейцев и конфисковал их товары. Понимая, что на помощь извне рассчитывать не приходится, руководство конторы вынуждено было уступить и обещать, что купцы останутся во Фландрии. Кроме того, старшин обвинили в том, что они действовали за пределами своих полномочий. С огромной горечью контора сообщала Ганзе об этих событиях: «Поскольку граждане городов наши хозяева, пусть они подумают об унижении, которое доставили нам, потому что мы не желали отказаться от наших привилегий!»

Ганзейский собор не остался совершенно равнодушным к такому несчастному положению дел. Он направил протест графу Фландрии, отказываясь признать достигнутое соглашение, поскольку оно было принято без совета с городами, и начал переговоры. Но момент был выбран неудачно. Фландрия переживала период смуты. Ткачи захватили власть в Генте, Брюгге и Ипре. Гражданские беспорядки, отсутствие безопасности на Звейне, контрибуция, взимаемая Брюгге с купцов, – все это впервые вынуждало ганзейцев эмигрировать в голландские порты. Дело значительно ухудшилось, когда Филипп ван Артевельде, захвативший власть в Генте, оккупировал Брюгге. Сокрушительное поражение Артевельде при Вестросебоке в 1382 г. от французской армии, которая поспешила на помощь графу, вызвало общее бегство иностранных купцов из Брюгге, которое продолжалось несколько месяцев. В конце концов в городе осталось не больше 20 ганзейцев. На протяжении нескольких лет торговля между немецкими городами и Фландрией почти полностью прекратилась.

После смерти Луи Маля в 1384 г. начались переговоры с его преемником, Филиппом Смелым. Но ганзейцы предъявляли непомерные требования. Они хотели не только получить огромную компенсацию за причиненный ущерб, но и требовали, чтобы город возвел и содержал часовню во искупление ареста их купцов в 1378 г., а также заказал три заупокойные мессы по жертвам беспорядков. Переговоры зашли в тупик, тем более что Ганза страдала от внутренних распрей. Великий магистр Тевтонского ордена и прусские города, которые в тот период были особенно агрессивно настроены по отношению к Англии, хотели продолжить переговоры, а вендские города решили перевести контору из Брюгге. В конце концов в

выигрыше оказался Любек: 1 мая 1388 г. на Ганзейском соборе приняли решение о блокаде Фландрии.

Применяемые методы оказались примерно такими же, как и тридцать лет назад. В контору Брюгге послали приказы, которые надлежало как можно дольше держать в секрете. Конторе приказано было переехать в голландский Дордрехт. Ганзейцам снова запретили пересекать Маас и торговать с фламандцами или другими в запретной зоне. Для борьбы с контрабандой вновь ввели обязательные сертификаты о происхождении товаров, ввозимых в Германию. Более жесткие меры коснулись и тех представителей нейтральных стран, которые пытались разгружать фламандские товары в ганзейских портах. В отличие от 1358 г., их не просто отказывались впускать, но и конфисковали их товары – таким образом недвусмысленно демонстрируя, насколько влиятельнее стало международное положение Ганзы.

Следует отметить одно крупное различие между двумя эмбарго. В 1358 г. ганзейцы единодушно согласились прекратить всякую торговлю с Фландрией. На сей раз Тевтонский орден и прусские города, не желавшие прерывать переговоры, возражали против предложенных мер так решительно, что добились особых уступок для себя. Им разрешили продавать фламандцам янтарь, на который у них была монополия. Кроме того, они добились разрешения покупать в Мехелене сукно, необходимое для гардероба рыцарей, и им разрешили посещать ярмарки в Брабанте, хотя они и устраивались в запрещенной зоне (1390). Города на Зейдерзе, особенно Кампен, также не выказывали желания вводить блокаду или активно бороться с контрабандистами, заходившими в их порты, особенно с представителями Пруссии. Такое двурушничество припомнили Кампену несколько лет спустя, когда город просил принять его в Ганзу.

Всем этим объясняется, почему мирные переговоры продолжались целых четыре года, несмотря на уступчивость фламандцев, которых часто поддерживал великий магистр Тевтонского ордена. Ганзейцы, которые вначале проявляли непреклонность, в конце концов отказались от требования искупительной часовни, если виновные совершат паломничества в Рим, Сантьяго-де-Компостелу и на Святую землю, а четыре «руководителя Фландрии» принесут официальное извинение за аресты 1378 г. Самые ожесточенные споры велись из-за



компенсаций. В конце концов договорились об 11 тысячах фунтов, а также о возмещении убытков, понесенных ганзейцами. Было постановлено: если фламандец нападет на купцов в границах графства Фландрии, Гент, Брюгге и Ипр выплачивает пострадавшим компенсацию в случае неплатежеспособности преступника. Если ущерб будет причинен иностранцем, даже за пределами графства (это условие касалось пиратства в открытом море), и, если попытки получить компенсацию от родного города виновного окажутся бесплодными, герцогу и трем городам надлежит арестовать всех граждан города, отказавшегося платить компенсацию, находящихся в их пределах. Таким образом, привилегии ганзейцев существенно расширились.

Осенью 1392 г. Фландрия выплатила половину требуемой компенсации. Любеку подтвердили прежние привилегии; кроме того, граждане Любека получили от Филиппа Смелого новые льготы. После этого немецкие купцы вернулись в Брюгге. Ганза снова одержала победу. Но ее результаты оказались еще более эфемерными, чем прежде. Фламандские города не склонны были бесконечно поощрять привилегии, которые они считали избыточными. Еще до того, как подписали мирный договор, они договорились между собой противодействовать любым новым требованиям ганзейцев. С другой стороны, положение герцога Бургундского было гораздо более сильным, чем у городов и даже у его предшественников. Поэтому он мог сопротивляться требованиям ганзейцев. Неуклонное расширение его власти над большей частью Нидерландов вскоре сделало бесполезным экономическое оружие, доселе столь эффективное. Ганзейцам пришлось бы перевести контору в такое отдаленное от Фландрии место, что данный шаг можно было считать бесполезным с экономической точки зрения. Наконец, отношение Тевтонского ордена показало, как трудно было добиться единства, необходимого для успеха Ганзы. Таким образом, блокада 1388 г. знаменует собой последнюю крупную победу ганзейцев в Нидерландах.

И в Новгороде в то время положение складывалось не менее напряженное. Посягательства на привилегии, инциденты и нападения случались постоянно, тем более что русские требовали от ганзейцев компенсацию за набеги на их территорию тевтонских рыцарей из их ливонских владений. Уже в 1367 г., когда рыцари ограбили

окрестности Пскова, Новгород арестовал немецких купцов. Этот шаг привел к репрессиям против русских купцов в Ливонии. Тевтонский орден запретил экспорт в русские земли соли и сельди. К запрету присоединилась и Ганза.

Нормальные отношения возобновились в 1371 г., но пятнадцать лет спустя снова ухудшились, и началась война. В 1388 г. Ганза решила действовать. В обычное время она, возможно, и не спешила бы с таким шагом, но тогда из-за блокады Англии и Фландрии важнейшие рынки сбыта для русских продуктов оказались отрезанными – удачная возможность для того, чтобы прервать и торговлю с Новгородом. Для того чтобы эмбарго оказалось действенным, Ганза вначале провела переговоры с ландмейстером Тевтонского ордена, затем с шведскими и прусскими городами. Важно было не допустить попадания на Русь товаров через Финляндию, Ливонию или Литву. Хотя блокада, судя по всему, не была строгой, она достигла цели. В 1392 г. ганзейская делегация под руководством члена городского совета Любека Иоганна Нибура отправилась через Дерпт в Новгород на мирные переговоры. Жалобы обеих сторон были урегулированы. Продлили и подтвердили существовавшие к тому времени договоры, основанные на принципе обоюдности прав для немцев в Новгороде и русских на Готланде и в Ливонии. Свобода и безопасность ганзейцев были гарантированы даже в случае войны между Новгородом и Швецией или Тевтонским орденом.

Данный договор, который в русских летописях назывался «Нибуровым миром» или «Нибуровым крестоцелованием», определял русско-ганзейские отношения на протяжении целого столетия. На него ссылались всякий раз, когда возникали разногласия – а они оставались такими же многочисленными, как и в прошлом. В то же время делегация воспользовалась своим присутствием в Новгороде для демонстрации власти Ганзы над тамошней конторой. Не посоветовавшись со старшинами конторы, делегация обложила налогом операции по ремонту «Петрова подворья», тогда пришедшего в полуразрушенное состояние, и изменила ряд положений его устава.

## **«Виталийские братья» и борьба с пиратством**

В последней четверти XIV в. Ганзе пришлось столкнуться с угрозой, хотя и не новой, но оказавшейся более серьезной, чем в прошлом: с пиратством.

Внезапное возвращение этого бедствия в северные моря стало результатом беззакония, вызванного амбициями Мекленбургского дома. Как известно, в 1364 г. королем Швеции избрали Альбрехта, сына правящего герцога. Альбрехт надеялся обратить поражение Вальдемара в свою пользу и сменить его на датском троне. Поэтому мекленбуржцы отказались вступать в Ганзу при Штральзундском мире. Но это им не помогло. Пять лет спустя их ждала очередная неудача. После смерти Вальдемара Альбрехт отрекся от престола в пользу Маргариты, которую Ганза признавала регентом Дании. Начиная с того времени мекленбуржцы допускали пиратство по отношению к конкурентам. Естественно, ганзейские суда не стали исключением. Поэтому в 1376 г. Ганзейский собор объявил войну пиратству. В течение двух лет с кораблей и грузов взималась пошлина; деньги шли на оснащение боевых кораблей. Важно, что Росток и Висмар, которые находились в Мекленбурге, уклонялись от исполнения своих обязательств. Поэтому войну с пиратами вели почти исключительно Любек и Штральзунд. Вскоре отступились и прусские города, и предусмотренная военная кампания зашла в тупик.

В последующие годы положение мекленбуржцев ухудшалось, а власть Маргариты укреплялась. В 1380 г., после смерти мужа, Хокона VI, ее признали регентом Норвегии от имени ее сына Олафа. В 1389 г., когда восставшие шведские аристократы свергли Альбрехта и посадили его в тюрьму, Маргарита стала также королевой Швеции. Однако Стокгольм сохранил верность Альбрехту благодаря поддержке немецкого населения города.

Оказавшись в отчаянном положении, мекленбуржцы повели пиратскую войну с удвоенным пылом. В сенсационном указе они обещали открыть свои порты «всем, кто на свой страх и риск выйдет в море, чтобы причинить вред королевству Датскому». На их призыв откликнулись многие. Рыцари, горожане, крестьяне и преступники всех мастей спешили записываться в отряды под руководством

мекленбургской знати. Росток и Висмар стали пиратскими базами, там вооружали и оснащали корабли, планировали набеги, хранили и делили награбленное. Вскоре из-за пиратов судоходство на Балтике почти прекратилось. Пираты не ограничивались нападениями только на датские корабли, и Ганза несла не только материальные потери. Ее снова раздирали внутренние кризисы, когда два вендских города из-за своекорыстия и верности своему правителю вышли из общего дела.

Именно в тот период пиратов впервые стали называть «виталийскими братьями». Это название ассоциировалось с ними и впоследствии. Название имеет французское происхождение. В начале Столетней войны виталийцами называли солдат, занимавшихся снабжением армий, которое постепенно свелось к обыкновенным грабежам и разбою. На море «виталийскими» называли корабли, поставлявшие припасы для нужд флотов и портов. Наконец, это определение дошло до Балтики, где стало синонимично пиратству.

Благодаря пиратству мекленбуржцам удалось добиться некоторых заметных успехов. Несколько раз они оказывали помощь стокгольмскому гарнизону, проводили опустошительные набеги на датские и норвежские берега и наносили серьезные потери датскому флоту. В 1391 г. мекленбуржцы захватили Борнхольм, Висбю, который стал превосходной базой для их операций, Або, Выборг и ряд финских крепостей. Два года спустя они разграбили Берген, а его жителей заставили присягнуть на верность Альбрехту Шведскому. В следующем году разграблению подвергся и Мальмё.

Ганза пыталась надавить на Росток и Висмар, чтобы те перестали укрывать пиратов, но два города отговаривались необходимостью хранить верность своему правителю и отказывались не только участвовать в войне с пиратами, но даже и возвращать украденные товары. Судоходство стало настолько опасным, что Ганзейский собор 1392 г. вынужден был издать указ о приостановке всей торговли со Скандинавией на три года. В результате, по словам Детмара, цена сельди в Пруссии выросла втрое, а во Франкфурте – в 10 раз по сравнению с предыдущим периодом. Любек и Штральзунд вместе ожесточенно сражались с пиратами. Конечно, для обеспечения безопасности морских путей незаменимым было бы сотрудничество с Тевтонским орденом. Однако великий магистр Конрад фон Юнгинген мечтал о

дальнейшей территориальной экспансии на Балтике; он намеревался извлечь выгоду из войны и вовсе не стремился поддерживать Данию.

Наконец, в 1395 г. был сделан большой шаг вперед, когда Ганза вынудила воюющие стороны принять свое посредничество. По условиям Сканёрского мира Альбрехта освободили, а Стокгольм передали группе из семи ганзейских городов – вендских, прусских и ливонских, – которые через три года должны были уступить его Маргарите за выкуп в размере 60 тысяч марок. Выкуп, однако, так и не заплатили. Сканёрский договор обеспечивал победу Маргариты над врагами. В 1397 г. она приказала выпустить в Кальмаре указ, по которому союз трех скандинавских королевств передавался ее внучатому племяннику, Эрику Померанскому. Этому союзу предстояло существовать, по крайней мере теоретически, больше ста лет. Годом позже, в 1398 г., королева триумфально въехала в Стокгольм и подтвердила привилегии ганзейцев во всех трех королевствах.

Хотя после Сканёрского мира исчезли поводы для оправдания пиратства, оно по-прежнему представляло угрозу вблизи Готланда и просуществовало бы еще дольше, если бы великий магистр Тевтонского ордена наконец не решил сотрудничать с Ганзой, чтобы положить пиратству конец. Возможно, он боялся, что, если воздержится от участия, придется уступить Дании все преимущества примирения. По приказу великого магистра в Данциге собрали 84 корабля и 4 тысячи человек. С такими силами удалось без труда захватить Висбю. Позже объединенные флоты Любека и прусских городов так ожесточенно преследовали пиратов, что к 1400 г. полностью освободили от них Балтийское море.

Впрочем, большинство «виталийских братьев» попросту переехали на другой театр военных действий. Они нашли прибежище в Северном море. Им оказали теплый прием граф Ольденбургский и правители мелких княжеств восточной Фризии. Бремену и Гамбургу удалось одолеть их лишь ценой значительных усилий. В 1400 г. пираты потерпели серьезное поражение во Фризии, а на следующий год в плен попали два их последних главаря, Годаке Михельс и Клаус Стёртебекер. Их обезглавили в Гамбурге вместе с несколькими сотнями их соратников, а головы выставили на всеобщее обозрение. Ужас, который они сеяли более двадцати лет, дерзость их набегов и их ужасный конец помогают объяснить, почему «виталийские братья»

стали фигурами легендарными. Считалось, что некоторые из них предпринимали и дальние экспедиции, посещали дальние страны и добирались даже до Кавказских гор. Особенно легендарной личностью стал Стёртебекер – лишь его кончина подтверждается историческими сведениями. В многочисленных историях он был великим полководцем всех пиратов; он управлял их действиями в открытом море и наградил сказочные сокровища. Конечно, рассказ о его смерти расцвечен назидательными подробностями.

Таким образом, Ганза с победой вышла еще из одного испытания, одолев угрозу для своего процветания едва ли менее серьезную, чем те, с которыми она сталкивалась прежде. После двухсот с лишним лет устойчивого процветания «сообщество купцов Священной Римской империи», превратившееся в сообщество торговых городов, снова продемонстрировало свою силу и жизнеспособность. Сообщество приобретало для своих членов во всех странах на берегах Балтийского и Северного морей, от Руси до Англии, расширенные привилегии и пользовалось почти монополией на международную торговлю в двух морях. Предшествующее столетие доказало, что это сообщество способно, в случае необходимости с помощью эмбарго или даже войны, преодолеть любые препятствия, стоящие на пути его экономического владычества. Поэтому годы, последовавшие после Штральзундского мира, можно считать расцветом Ганзы.

Однако события показали и то, что успехи Ганзы всегда были непрочными, а полученные преимущества всегда приходилось отстаивать. В зарубежных странах росло недовольство из-за ганзейских льгот, которые считали чрезмерными. Кроме того, Ганза все больше ощущала угрозу в собственных владениях со стороны конкурентов. Они часто превосходили ганзейцев с технической точки зрения и проявляли все большую изобретательность. Вот почему начиная с первых лет XV в., хотя Ганза по-прежнему расширяла сферу действий, она в основном находилась в оборонительной позиции, стремясь скорее сохранить полученные преимущества, а не приобрести новые. Величайшим достижением оставалась ее роль посредницы в товарообмене между Восточной и Западной Европой, особенно продуктами первой необходимости, жизненно важными для обеих сторон. Ее слабость, очевидная во время ее величайших достижений, заключалась в конфликте интересов ее членов, который

имел тенденцию нарастать, особенно между портами и городами внутри страны, а также между вендскими и прусскими городами. Таким образом, можно сказать, что в XV в. начался закат Ганзы. Вначале медленный, едва различимый, он становился все более и более очевидным, несмотря на многие ощутимые успехи, которые еще ждали союз, и несмотря на неоднократные, хотя и бесплодные, попытки его возрождения.

**Часть вторая**  
**Ганза в XIV и XV вв**



## Глава 5

# Структура Ганзы

### Принадлежность к Ганзе

Довольно нетрудно определить, кто являлся членом сообщества до середины XIV в., то есть до образования Ганзы городов. Все немецкие купцы, которые пользовались ганзейскими привилегиями, находясь за границей, считались членами Ганзы. Неизвестно, какую процедуру должны были проходить те, кто собирался вступить в союз. Если речь шла о ганзейской конторе, возможно, старшина опрашивал кандидатов и принимал решение; а может быть, кандидата принимали в члены Ганзы его компаньоны перед отплытием из ганзейского порта. Судя по всему, прием в члены Ганзы трудностей не вызывал. Ни первые три новгородские *скры* (судебника, устава), ни устав конторы в Брюгге 1347 г. не содержат ссылок на какой-либо сложный процесс приема. Похоже, в Ганзу принимали всех, кто желал вступить, при условии что они были уроженцами севера Германии или любого приморского города на Балтике, где уже имелась группа ганзейских купцов. Так, в документах брюггской конторы перечислены несколько членов Ганзы – уроженцев шведских городов.

Примерно в середине XIV в., когда образовалась Ганза городов, ганзейскими привилегиями могли пользоваться лишь граждане городов, входивших в Ганзу. Похоже, вначале возникали сомнения относительно статуса купцов – граждан небольших городков, которые не считались ганзейскими, и потому их не принимали в сообщество. Но в 1366 г. на соборе в Любеке постановили, что «общекупеческими» привилегиями могут обладать только граждане ганзейских городов. После того чужаков, видимо, вынуждали принять гражданство какого-либо ганзейского города.

Несостоятельность такого правила стала очевидной в XV в., когда было замечено, что многие иностранцы записывались в граждане ганзейских городов только для того, чтобы получить торговые привилегии. Чтобы положить этому конец, на соборе 1434 г. членство в Ганзе ограничили купцами, родившимися в ганзейских городах.

Скорее всего, правило оказалось непростым в применении, поскольку его не однажды подтверждали. Ближе к концу века самые значимые города, по крайней мере в вестфальской трети, обязаны были выпускать свидетельства, удостоверяющие гражданство ганзейского города.

Но какие города входили в Ганзу во второй половине XIV в.? Данный вопрос всегда считался одним из самых сложных в истории союза. Ответ может различаться в зависимости от того, какой смысл вкладывать в понятие «ганзейский город». Оно может означать либо «город, чьи купцы, находясь за границей, принимались в контору и пользовались ганзейскими привилегиями», либо «город, который принимал активное участие в организации и операциях Ганзейского союза и нес свою долю расходов», иными словами, город, который, прямо или косвенно, получал приглашения на Ганзейские соборы.



Ганзейская торговля в Европе (XV в.)

Можно было бы ожидать, что Ганза старалась составлять официальный список городов-членов и тщательно обновляла его. Но ничего подобного найти не удастся, и похоже, что необходимости в таком списке никогда не было. Во время первых Ганзейских соборов, очевидно, принимали как данность то, что города, заинтересованные в защите своих купцов за границей, автоматически становились членами Ганзы, и никто не думал их считать. Подобные вопросы обсуждались только в очень редких случаях. Так произошло, в частности, в связи с Бременом, который долгое время оставался за пределами Ганзы. Бремен подал заявку на вступление в 1358 г., но его приняли только после должного размышления. Позже другие города, членство которых в Ганзе подвергалось сомнению или оспаривалось, поступали так же. Но для большинства изначально ганзейских городов подобные процедуры не считались необходимыми, и часто можно найти упоминание о том, что тот или иной город состоял в Ганзе, лишь в позднейших документах.

Ганза не торопилась составлять список городов-членов и по другой причине. Периодически правительства других государств, особенно Англии, требовали такой список. В Англии желали положить конец злоупотреблениям, которые возникали вследствие неопределенности по данному вопросу. На подобные требования всегда отвечали уклончиво под тем предлогом, что точный список составить невозможно. Подлинная причина заключалась в том, что Ганза не горела желанием снабжать соперников документом, который можно было взять за основу для коллективных исков о компенсациях и контрибуциях.

И все же списки ганзейских городов существуют, они включены в официальные документы XV–XVI вв. и составлены в различных целях: распределение квот в военных контингентах или для налогообложения, созыва соборов или перечисления отсутствующих. Естественно, такие списки довольно сильно отличаются друг от друга; в них часто присутствуют намеренные опущения или изменения. Хотя сами по себе они большой ценности не представляют, по крайней мере они позволяют примерно прикинуть количество ганзейских городов. Согласно самым надежным источникам, их количество колебалось между 55 и 80. Это достоверно подтверждается другими оценками из разных источников. Например, в петиции, адресованной папе Урбану

VI (1378–1389), упоминается «Любек, глава и руководитель 77 великих городов, давно объединившихся в лигу или ассоциацию, называемую Ганзой». Эта цифра, которая может показаться подозрительной из-за ее символического характера, однако подтверждается другими оценками, сделанными самими ганзейцами. Так, контора в Брюгге в 1469 г. писала о «Ганзе, которая состоит из 72 добрых городов, не считая всех тех, которые стремятся к ним присоединиться». В тот период цифра 72 была почти официальной; с ней соглашались даже иностранные канцелярии: Людовик XII в 1507 г. обращался к «72 городам вашего сообщества и конфедерации».

Однако современные историки, вслед за Уолтером Стейном, считают последнюю цифру бессмысленной и заниженной. Считая «ганзейским» тот город, чьи граждане пользовались торговыми привилегиями за границей, они составили список из 180 с лишним городов. Вероятно, подробное исследование, основанное на вышеприведенном критерии, позволит добавить к списку еще несколько десятков городов, если считать равным положение всех городов – членов Ганзы, какой бы ни была их роль.

Однако стоит задаться вопросом, является ли такой критерий действенным и в самом ли деле в XV в. любой город, чьи купцы пользовались ганзейскими привилегиями, считался членом Ганзы. Согласно исследованиям Луизе фон Винтерфельд по Вестфалии, похоже, что дело обстоит не совсем так. Из документов очевидно, что «ганзейскими» считали лишь те города, которые приглашались на Ганзейские соборы и которые были представлены там либо прямо, либо косвенно, то есть делегатами от другого города. Только такие города в случае необходимости должны были внести финансовый или военный вклад в общее дело. «Младшие города», «города-партнеры» (Beistadte), хотя и пользовались торговыми привилегиями, не считались полноправными членами Ганзы. Поэтому есть основания полагать, что внутри самой Ганзы проводились различия между двумя типами городов, статус которых различался: активные члены, которых было около 70, называемые «городами Ганзы», и пассивные члены, которых было около 100. Их называли «ганзейскими городами». Общая цифра примерно в 180 городов представляет в некотором смысле пережиток Ганзы купцов, куда наложилась организованная группировка Ганзы городов.

Достаточно трудно перечислить города, которые входили в Ганзу в любой период между 1350 и 1450 гг. Напрасно стараться составить список с точными датами. Для этого нужно знать дату вступления в Ганзу каждого города или дату выхода из нее. В большинстве случаев такое не представляется возможным. Для убедительной демонстрации этого достаточно пристально взглянуть на то, как город принимали в Ганзу – в ее широком смысле – и как он переставал быть ее членом.

Существовали три способа, с помощью которых можно было стать членом Ганзы: вступить в сообщество с самого начала, то есть около 1358 г., и стать членом немецкой Ганзы; подать официальную заявку на вступление в Ганзу; проникнуть в Ганзу неофициально, что было возможно лишь для малых городов.

Неоднократно утверждалось, что никакого списка членов Ганзы городов не составляли. Очевидно, первоначальное ядро состояло из самых значительных городов. Однако и здесь есть несколько спорных случаев, которые невозможно прояснить даже на основании позднейших документов.

Для городов, которые не были признаны ганзейскими с самого начала, требовалась официальная заявка на вступление. Как правило, в такой заявке подчеркивалось, что купцы из данного города в прошлом пользовались «общекупеческими» привилегиями, и потому город является ганзейским. Заявки рассматривали и одобряли или отклоняли на Ганзейском соборе. Нам известно лишь одно исключение из такого правила. Город Нойс был принят в Ганзу в 1475 г. по имперскому указу, после того как он успешно выдержал осаду Карла Смелого Бургундского. Иногда в просьбе отказывали, потому что город, подавший заявку на вступление, был расположен слишком далеко. Так, в 1417 г. во вступлении отказали Констанцу. Но чаще отказывали из страха нечестной конкуренции или подозрения, что кандидат попытается распространить торговые льготы и привилегии на иностранцев, особенно на заклятых врагов Ганзы – голландцев. Заявки Утрехта, поданные в 1422 и 1451 гг., отклонялись именно по этой причине. Арнем, который впервые подал заявку в 1380 г., приняли в Ганзу лишь в 1441 г., одновременно с Кампеном, который был кандидатом такой же долгий срок. Однако отказ принять в Ганзу город Нарву в XVI в. был вызван простой завистью ливонских городов.

Из-за отсутствия официально подтвержденного списка изначальных членов Ганзы ряду более мелких городов, чье членство в Ганзе было по меньшей мере сомнительным, удалось отстоять свой ганзейский статус и получить все ганзейские льготы и привилегии, не подавая заявки на вступление. Во второй половине XV в. жалобы на подобные злоупотребления особенно часто возникали в Вестфалии. Наконец, в 1494 г. было решено, что лишь ведущие города имеют право выдавать свидетельства о членстве в Ганзе отдельным купцам, что в свою очередь давало им право окончательного решения в вопросе о том, какие города являлись членами Ганзы.

Точно так же выйти из Ганзы можно было тремя способами: после исключения; после добровольного выхода; по молчаливому отказу от прав и обязанностей ганзейского города.

Хотя исключение того или иного города всегда сопровождалось скандалом, таким образом покинули Ганзу совсем немного городов. Кроме того, если не считать самых последних лет существования Ганзы, исключения почти всегда были временными. Чаще всего исключение из Ганзы объяснялось гражданскими беспорядками, происходившими после революции. Изгнанные члены городского совета, целиком или частично, подавали жалобу Ганзейскому собору, который затем принимал решение. Так было с Брауншвейгом в 1375, Бременом в 1427, Мюнстером в 1454 г. Нарушения основополагающих принципов сообщества случались гораздо реже, хотя именно на таком основании из Ганзы исключили Кёльн: в 1471 г. он приобрел особые привилегии в Англии.

Гораздо более многочисленными, и часто постоянными, были официальные добровольные выходы из Ганзы. Одной из причин для таких выходов было давление со стороны местного правителя, стремившегося укрепить свою власть над городом. Так случилось с Нортхаймом в Саксонии в 1430, Берлином в 1452, Халле в 1479 г. Гораздо чаще города выходили из Ганзы потому, что не желали нести расходы, сопряженные с членством в союзе. Правда, в открытую об этом не говорилось. Так, Бреслау в 1474 г. объявил, что выходит из Ганзы из-за расхождений в торговых интересах.

Еще чаще встречались случаи фактического выхода из Ганзы, которые не декларировались официально. Все больше малых городов не могли нести финансовое бремя участия, особенно расходы по

содержанию своих делегаций на соборах. Их купцы перестали регулярно посещать заграничные конторы и потому больше не нуждались в льготах и привилегиях. В таких обстоятельствах их участие в Ганзе лишалось смысла и становилось чисто теоретическим. После многочисленных колебаний Ганзейский собор 1514 г. решил рассмотреть все последствия таких случаев уклонения от участия, и примерно 30 городов исключили из сообщества. Однако некоторые из них позже подали заявки на повторное вступление, и их снова стали считать городами Ганзы.

Ввиду многочисленных неясностей было бы бессмысленно составлять списки городов-членов за различные периоды. Можно лишь сказать, что в целом в первую половину XV в. количество городов Ганзы значительно выросло. Особую благосклонность проявлял Кёльн, которому выгодно было вступление в Ганзу нескольких соседних с ним городов: таким образом Кёльн рассчитывал укрепить свое влияние на Ганзейский собор. В тот период исключения и фактический выход случались редко, хотя позже подобные случаи участились. Судя по всему, самой большой численностью Ганза могла похвастать незадолго до середины XV в. Тот период можно считать зенитом Ганзы как учреждения, через 50 лет после ее расцвета как экономической силы.

Хотя в основе своей Ганза была союзом городов, среди ее членов имелся один суверенный правитель – великий магистр Тевтонского ордена. Такая аномалия объясняется значительной ролью, которую играли тевтонские рыцари в колонизации и развитии немецких городов в Пруссии и Ливонии. Кроме того, этим объясняется авторитет великого магистра в прусских городах; он был выше, чем у любого другого территориального правителя. Можно было ожидать, что членство великого магистра в Ганзе приведет к тому, что все подвластные ему города будут считаться ганзейскими, но на самом деле полноправными членами Ганзы считались лишь граждане шести прусских городов, хотя купцы самого Тевтонского ордена пользовались ганзейскими привилегиями повсюду, кроме Новгорода. Их статус, однако, был довольно двусмысленным, что становится ясно из письма, отправленного великим магистром около 1390 г. в контору в Брюгге. Контора лишила права пользоваться ганзейскими привилегиями главу торгового департамента (Grosschaffer)

Кёнигсберга и его агентов из-за какого-то вопиющего нарушения этих привилегий, великий магистр утверждал, что, поскольку Grosschaffer является членом Тевтонского ордена, он не может быть членом Ганзейского союза и потому его нельзя оттуда исключить; однако великий магистр признавал, что Grosschaffer, конечно, обязан был уважать ганзейские правила.

Не приходится сомневаться в том, что в глазах феодальной Европы Тевтонский орден, который славился историей обращения в христианство, орден, в котором немаловажную роль играли рыцари из отдаленных стран – например, маршал Бусико из Франции и граф Дерби, будущий Генрих IV, из Англии – добавлял Ганзе престижа, о котором купечество не могло и мечтать. В отдельных источниках великого магистра даже называли «главой Ганзы» (caput Hansae). Кроме того, очевидно, что для Ганзы не раз оказывалась весьма ценной военно-морская и сухопутная мощь Тевтонского ордена. Конечно, Тевтонский орден преследовал собственные цели; он часто вовлекал Ганзу в предприятия, которые вредили ее коммерческим интересам и втягивали ее в ссоры с иностранными державами. Хотя вначале Тевтонский орден вносил свой вклад в процветание Ганзы, позже он стал одной из предпосылок ее упадка.

Наконец, следует упомянуть один необычный случай, когда на позднем этапе существования Ганзы в нее, возможно, вступила крестьянская община – точнее, независимая крестьянская республика – Дитмаршен (на западном побережье Гольштейна). В 1468 г. крестьянская республика заключила союз с Любеком. Неоднократно продлеваемый, этот союз просуществовал до 1558 г. Союз укрепила знаменитая битва при Хеммингштедте (1500), в которой свободные крестьяне одержали победу над датчанами, и с тех пор делегаты от Дитмаршена регулярно присутствовали на Ганзейских соборах. Свободные крестьяне Дитмаршена с XV в. вели морскую торговлю, особенно с Ливонией, но ливонские города с подозрением относились к этим крестьянам-торговцам, которые, при поддержке Любека, претендовали на ганзейские привилегии. В 1554 г. Ганзейский собор решил, что обитатели Дитмаршена не являются членами Ганзы, однако к их участию в ганзейских привилегиях следует относиться терпимо. Такое решение отражает двусмысленность их статуса. Пять лет спустя Дитмаршен был побежден датчанами, и союз с Любеком прекратился.



Однако членство в Ганзе Дитмаршена и Тевтонского ордена демонстрирует разнообразие и гибкость структуры Ганзы как организации.

## **Ганзейские соборы и региональные соборы**

Начиная с 1356 г. управляющим органом Ганзы стал Hansetag, общий съезд городов Ганзы. Можно даже сказать, что это было единственное специфически ганзейское учреждение, поскольку у Ганзы не было собственного административного аппарата, а региональные съезды рассматривали и вопросы, не имевшие отношения к Ганзе.

Hansetag, или Ганзейский собор, считался верховной властью в пределах сообщества. Он решал, в принципе без права обжалования, вопросы, важнейшие для всего сообщества: ратифицировал договоры и грамоты на право привилегий, вел переговоры с зарубежными городами и правителями, отправлял посольства, определял, заключить ли мир, вести ли войну и начинать ли блокаду, готовил финансовые или военные мероприятия, занимался выработкой всевозможных экономических правил, исключал или принимал в Ганзейский союз новых участников, выступал посредником в спорах между ганзейскими городами и т. д.

Можно подумать, что для решения столь трудных задач Hansetag должен был собираться регулярно и часто. На деле же соборы никогда не проводились через равные промежутки времени, несмотря на попытки ввести такую систему в XV в. Если пересчитать соборы, которые с полным правом можно считать всеобщими, то есть те, на которых присутствовали представители городов всех трех третей, получатся следующие цифры: 27 в 1356–1400 гг., 12 в 1400–1440 гг. и 7 в 1440–1480 гг. Если добавить к ним соборы, которые можно назвать всеобщими с натяжкой, поскольку на них были представлены лишь две трети, получатся соответственно цифры 41, 14 и 17. Иными словами, в XIV в. соборы проходили меньше раза в год, а в XV в. в среднем – один раз в три года.

Поразительно низкие цифры для общеганзейских соборов резко контрастируют с частыми региональными съездами, которые часто собирались несколько раз в год. Объяснение весьма просто. Города старались уклониться от отправки делегаций в дальние города из-за сопряженных с этим расходов. Кроме того, поскольку некоторые обсуждаемые вопросы представляли интерес только для определенных

городов, предпочтительнее было собираться всем вместе лишь в тех случаях, когда на повестке стояли вопросы, важные для всех. Так удавалось избежать большого количества отсутствующих. Наконец, многие города полагались на то, что все необходимые решения примет Любек, если речь не шла о вопросах первостепенной важности, поскольку в промежутках между Ганзейскими соборами Любек фактически управлял Ганзой. Руководящая роль Любека закрепились уже в XIII в. В XIV в. она стала еще более выраженной, а в 1418 г. получила официальное признание после того, как Любек, в союзе с вендскими городами, попросили представлять интересы всего сообщества<sup>[11]</sup>. Отчасти из-за этого решения количество общеганзейских соборов в XV в. сократилось. Правда, нельзя сказать, что руководящую роль Любека всегда принимали без возражений.

Благодаря своей выдающейся роли и географическому положению Любек обычно становился местом проведения общего собора. Из 72 соборов, проведенных в 1356–1480 гг., 54 состоялись в Любеке. После того как прусские города попросили устраивать соборы не так далеко, 10 соборов провели в Штральзунде, 3 – в Гамбурге, 2 – в Бремене и по одному – в Кёльне, Люнебурге и Грайфсвальде.

Кроме того, Любек, кроме исключительных случаев, брал на себя инициативу созыва всеобщего собора. Его городской совет рассылал вызовы другим вендским городам и главным городам третей; они, в свою очередь, передавали приглашения другим городам в своей области. По крайней мере, такова была процедура в теории, записанная в уставе, разосланном в саксонские города в 1426 г. В действительности список городов, в которые Любек непосредственно рассылал приглашения, постоянно менялся.

Дата проведения собора устанавливалась с большим – в несколько месяцев – запасом, чтобы группы городов могли заранее договориться о повестке дня, определиться со своей точкой зрения по тем или иным вопросам и позволить своим делегатам, получавшим строгие указы, прибыть в тот или иной город в обозначенное время. Дорожные расходы делегатов в основном возлагались на город, который их посылал, и частично на те города, которые делегаты представляли; они рассчитывались по шкале, которая становилась поводом для ожесточенного торга. Чтобы снизить расходы, некоторые города в начале XV в. предлагали отправлять на соборы своих синдигов. Они,

несомненно, были сведущи в дипломатических и юридических тонкостях, подлежавших обсуждению. Но на соборе 1418 г. постановили, что представлять свои города на соборе имеют право только члены городского совета.

Ганзейский собор посещали гораздо меньше членов Ганзы, чем можно предположить по количеству участников союза.

В среднем на соборах были представлены от 10 до 20 городов. Правда, от многих из них приезжали по 2 или 3 делегата. Самая большая цифра наблюдалась в 1447 г., когда на соборе присутствовало 39 делегаций, едва ли от половины участников. Это означает, что ни один съезд не был полностью представительным. В дополнение к делегатам от городов, которые имели право голоса и были уполномочены составлять указы и акты (Rezesse), иногда на соборах присутствовали важные гости, в том числе император Священной Римской империи, архиепископ Бременский, местные правители, лично или через поверенных, и представители зарубежных контор, которых приглашали, если обсуждаемые вопросы их касались.

Со стороны Ганзейский собор казался внушительным органом, однако он страдал от внутренних недостатков; некоторые из них можно назвать дурацкими. Главным недостатком было уклонение от участия<sup>[12]</sup>, вызванное желанием избежать расходов от посылки делегатов или от принятия непопулярных решений. Когда отсутствующих оказывалось слишком много, съезд приходилось переносить, к большому раздражению присутствовавших делегатов, которые не по своей воле оказывались в неприятном положении. Делались безуспешные попытки увеличить посещаемость. В 1430 г. было постановлено: отсутствующие без уважительной причины штрафуются на одну золотую марку. Предлагались такие меры, как конфискация товаров и даже исключение из Ганзы. В 1457 г. собор приказал тридцати городам заплатить штраф в том случае, если они быстро не представят уважительных причин для отсутствия своих делегатов. Но подобные меры не достигали результата, главным образом потому, что никто не стремился к их неукоснительному исполнению.

Часто собор начинал работу лишь через много дней после оговоренной даты из-за того, что приходилось ждать опоздавших. И в данном случае система штрафов почти не спасала положения. Не

менее досадным был и распространенный обычай покидать собор до его завершения, если дискуссия оборачивалась к невыгоде того или иного города. Делегаты предпочитали незаметно ускользнуть до принятия решения, поскольку в таком случае их городскому совету проще было

не согласиться с решением собора. Поэтому собор постановил: если какая-либо делегация собирается покинуть собор раньше времени, она обязана публично назвать причины для раннего отъезда и заранее подписаться под решениями, которые будут приняты уже без них.

В совещательной комнате за делегатом от каждого города было строго закреплено определенное место в порядке старшинства. Естественно, такой порядок порождал частые споры. Главное место, в центре стола в форме подковы, занимали представители Любека, хотя на него неоднократно претендовали делегаты от Кёльна. Кёльн занимал второе место, справа от Любека. Третье место, слева от Любека, занимал представитель Бремена – архиепископства, – хотя на него претендовал и Гамбург.

Дебаты продолжались долго, и не всегда удавалось найти компромисс. Часто делегаты заявляли, что не уполномочены высказываться по обсуждаемым вопросам; они требовали консультаций с городским советом, и обсуждение затягивалось очень надолго. Иногда делегаты выражали протест от лица своих доверителей, и их несогласие включалось в протокол. После дебатов проводили голосование по резолюции. Голосование шло по принципу простого большинства. Проекты, предложенные Любеком, обычно одобрялись. Затем резолюции записывали на пергаменте в виде указа, к которому прикладывали печать города, в котором проходил Ганзейский собор. Каждый делегат получал экземпляр такого указа; по возвращении домой он заказывал еще копии и пересылал их в города, от лица которых действовал. Эти указы в целом представляли собой общеганзейские юридические и дипломатические документы; предполагалось, что они будут в принципе приниматься и применяться всеми участниками Ганзейского союза. Однако между теорией и практикой существовал большой разрыв.

Поскольку трудно было собрать вместе делегатов, представляющих все части Ганзы, вполне понятно существование съездов третей. Впервые трети упоминаются в уставе брюггской конторы от 1347 г. В

пределах конторы купцы группировались в зависимости от страны происхождения в одну из трех третей: Любек – Саксония, Вестфалия – Пруссия и Готланд – Ливония. Каждая треть, судя по названию, состояла по меньшей мере из двух групп городов. Первая, главным городом которой считался Любек, включала вендские, саксонские, померанские и бранденбургские города. Вторая, которую вначале возглавлял Дортмунд, а позже Кёльн, включала вестфальские, рейнские и прусские города. С географической точки зрения такое объединение выглядело странным. Казалось, у этих городов не может быть общих интересов. Несомненно, такое деление учредили в надежде достичь противовеса мощной вендско-саксонской трети. Главным городом оставшейся трети, наименее влиятельной, иногда бывал Висбю, а иногда – Рига. Удивительно, что ливонские города не вошли в одну треть с прусскими, тем более что правитель у них был один. Несомненно, существование этой трети было вызвано нежеланием Висбю, который в середине XIV в. еще сохранял довольно большое влияние, вливаться в другие трети Ганзы. Так делились лишь купцы в брюггской конторе. В других заграничных представительствах немецкие купцы группировались по-другому. В результате съезды третей почти всецело занимались фламандскими делами, и их польза призвана была дополнять плохо посещаемые ганзейские соборы.

Разделение на трети означало, что главный город каждой трети выступал в роли посредника и потому пользовался большим влиянием в ганзейской организации. Поэтому конкуренция за ранг главного города трети была очень острой. Кёльн, вначале отвергнутый из-за того, что в Брюгге было мало купцов из Кёльна, вскоре предъявил претензии на первое место в вестфальской трети. Воспользовавшись упадком Дортмунда, который ослаб из-за военных действий, Кёльн приобрел такой ранг в середине XV в. Брауншвейг очень не хотел подчиняться Любеку; наконец ему удалось добиться реорганизации третей, официально признанной на соборе в Любеке в 1494 г. С тех пор существовали Любеке как треть (с главным городом Любеком), вестфальская треть (главный город Кёльн) и саксонская треть (главный город Брауншвейг), куда вошли также прусские и ливонские города. Естественно, Данциг не устраивало подчиненное положение, и через 50 лет конкуренции между Данцигом и Брауншвейгом за управление третью вычленили саксонскую четверть, возглавляемую

Брауншвейгом, и прусско-ливонскую четверть, возглавляемую Данцигом. Таким образом, три трети сменились четырьмя четвертями.

Соборы третей играли не такую важную роль в функционировании ганзейской организации, как региональные соборы. Общность интересов явно была больше между городами, расположенными в одной области, особенно если они находились под властью одного правителя. Так произошло на востоке с городами Бранденбурга, Пруссии и Ливонии, и на западе с городами, входившими в герцогства Клевское и Гелдерн. Так как они располагались рядом, они могли встречаться и советоваться друг с другом довольно часто, не неся больших расходов. Региональные съезды играли важную роль в подготовке к Ганзейским соборам<sup>[13]</sup>, а также в исполнении принятых на них решений. Однако вышеуказанные города не являлись типично ганзейскими. Гораздо важнее для них были решения политического характера, которые касались сохранения их юридического статуса и их отношений со своим правителем. Группировались также города, которые не входили в Ганзу, и их делегаты, судя по всему, покидали съезд, когда обсуждались чисто ганзейские вопросы.

Среди региональных съездов самое большое влияние на политику Ганзы оказывали съезды вендских городов. Они собирались часто, несколько раз в год. Расположенные в самом центре ганзейской «империи», они подчинялись разным территориальным правителям. Среди них имелись как балтийские, так и североморские порты. Они насчитывали один саксонский город (Люнебург) и по крайней мере один померанский (Штральзунд); находясь под управлением «главы Ганзы» (Любека), вендские города выступали как бы Ганзейским союзом в миниатюре. Конечно, и у них имелись собственные интересы, которые во многом отличались от интересов как восточных, так и западных соседей. Им часто приходилось выслушивать обвинения в своекорыстии. И все же вопрос об отзыве мандата на управление делами Ганзы, который был выдан им в 1418 г., никогда всерьез не обсуждался. Вот доказательство того, что по всем важным вопросам вендские города олицетворяли волю Ганзы в целом.

Ганзейское сообщество в конечном счете опиралось на городские советы отдельных городов-членов, игравших решающую роль, особенно если речь шла о крупных городах. Они созывали региональные съезды, обсуждали, какие вопросы следует вынести на

всеобщий собор, посылали туда своих представителей, брали на себя ответственность за расходы делегаций, вели переписку с соседними городами и с Любеком, а также следили за тем, чтобы ганзейские законы исполнялись. Следует подчеркнуть исключительную роль, какую играл городской совет Любека. Ему часто приходилось принимать серьезные решения от имени всей Ганзы и нести расходы в общих интересах, не будучи уверенным в том, что впоследствии общий собор одобрит его действия.

Таким образом, административное и политическое функционирование Ганзы обеспечивалось тремя типами собраний, которые накладывались друг на друга. В основе находились советы отдельных городов. Над ними шли региональные соборы, иногда с расширенным участием. А наверху находился Ганзейский собор, Hansetag, единственное учреждение, которое подчеркивало свой ганзейский характер. Его постоянным представителем выступал городской совет Любека.



## Четыре конторы и другие зарубежные представительства

Конторы, или объединения немецких купцов за границей, служили опорой ганзейской торговли. Основанные стихийно в разное время и получившие особые привилегии от правительств тех стран, где они обосновались, они действовали согласно уставам, которые со временем становились все более строгими. Начиная со второй половины XIV в. они подпадали под юрисдикцию Ганзейского собора. Официально они назывались «сообществом купцов немецкой Ганзы в...» (например, в Бергене: *communis mercator hanse Theutonice Bergis existens*), или, короче, «купеческим сообществом в...» (*der gemene kormann to...*). Слово «контора» (*Kontor*) впервые начало использоваться в XVI в.

Если бы вдруг понадобилось сосчитать все поселения немецких купцов, не только на севере и востоке Европы, но и на Атлантическом побережье, в Португалии, общая цифра получилась бы довольно большой, несколько десятков. С юридической точки зрения все они имели равный статус, но, очевидно, одни были значительнее других. Четыре конторы представляли

опору Ганзы и играли важную роль для ее процветания. Речь идет о конторах в Новгороде, Бергене, Лондоне и Брюгге. Возможно, кто-то удивится, узнав, что контор не было в таких странах, как Дания, Швеция или Польша, с которыми Ганза активно торговала. Но возвышение крупной конторы происходило лишь при соблюдении определенных условий, которые невозможно было получить повсеместно. Контора должна была находиться в крупном центре торговли, на сравнительно большом расстоянии от севера Германии, где ганзейцы закупали продукты, пользовавшиеся большим спросом. Кроме того, было важно, чтобы местные власти выражали желание предоставить купцам привилегии. В Дании немцы находили лишь ограниченное количество товаров, пригодных для продажи. Скания стала бы более подходящим местом, благодаря сушеной сельди, но там не было крупных городов, и иностранцы приезжали туда лишь на короткие сроки, когда там проводились ярмарки. В Швеции местом, пригодным для появления крупной конторы, казался Стокгольм, но, хотя в городе проживало очень много немецких купцов, там они не

получали особых привилегий. Наконец, в Польше торговлю вели ганзейские города Торн (Торунь), Краков и Бреслау (Вроцлав), поэтому необходимости еще в одном сообществе не ощущалось.

Организацию зарубежного представительства (конторы) регулировали строже, чем сообщества в городах на родине. Каждая контора имела своих руководителей, трибунал и казну. В отличие от сообщества ганзейских городов, каждая контора имела правовой статус ассоциации. У контор имелась собственная печать: в Лондоне и Брюгге на печати изображался двуглавый орел, в Бергене – треска, а в Новгороде – ключи святого Петра. Все купцы, приезжавшие в тот или иной город, были обязаны представиться руководству конторы, подчиняться строгой дисциплине, согласно ее уставу, и (за исключением Брюгге) жить на огороженном выделенном участке. На ежегодном собрании всех купцов выбирали разное количество старшин, которые обязаны были принять назначение. Пост старшины не пользовался особой привлекательностью, тем более что за него не платили. Хотя старшинам помогали податные чиновники и оценщики, управление конторой представляло собой трудную задачу. Старшины обязаны были вершить правосудие над купцами, входившими в контору, распоряжаться средствами, полученными от штрафов и налога с оборота (*schoss*), вести переговоры с местными властями по торговым, юридическим и дипломатическим вопросам, переписываться с городами и, наверное, в случае необходимости посещать Ганзейские соборы и предоставлять им определенные сведения (конторы не являлись членами Ганзы, и обычно присутствия их старшин на соборах не требовалось). Хотя в целом конторы управлялись одинаково, между разными конторами имелись существенные различия, которые заслуживают отдельного рассмотрения.

**Новгород.** Ганзейская контора в Новгороде («Немецкое подворье», «Петрово подворье», *curia sancti Petri*, *Peterhof*) – учреждение, о котором известно больше всего благодаря его уставу или судебнику (*скра*). Новгородская *скра* с середины XIII и до начала XVII в. семь раз подвергалась редакции. Расположенное на правом берегу Волхова, на углу рыночной площади, немецкое поселение занимало довольно большой участок, окруженное частоколом всего с одними воротами. Главное здание, каменная церковь Святого Петра, была не только

культовым сооружением. Там хранились казна, архивы и весы; кроме того, храм служил складом для самых разных товаров. Временами товаров оказывалось так много, что приходилось запрещать складывать их на алтарь. Наконец, на случай нападения храм служил последним прибежищем для купцов. Вокруг собора стояли бараки, служившие жильем для купцов (Meistermanner), их помощников и учеников. Имелись также большой зал собраний, торговые и административные помещения, конюшня, солодовня, пресвитерия и тюрьма. Начиная с XIV в. немцы получили во владение также подворье Святого Олафа, или «Готский двор», где вначале обитали готландцы. Он был расположен у реки. Там селились купцы, которые приезжали в Новгород ненадолго.

Влиятельностью новгородской конторы можно объяснить ожесточенное соперничество, какое она возбуждала среди ганзейских городов. Каждому из них хотелось ею управлять. Висбю, наследник Готландского сообщества, сохранял влияние на «Немецком подворье» примерно до 1293 г. Затем более ста лет за контроль над ним состязались Любек и Висбю. Позже в игру вступили ливонские города, особенно Дерпт и Ревель. Начиная с 1442 г. они одержали верх.

Главная особенность новгородской конторы заключается в более ярко выраженном, чем в других местах, чередовании зимних (Winterfahrer) и летних (Sommerfahrer) «гостей», которые прибывали в город как по суше, так и по воде. Две группы встречались редко, и каждая из них имела собственную, отдельную организацию. За двести лет существования такой порядок претерпел ряд изменений. До середины XIV в. общее собрание купцов (Steven) имело полную свободу избирать старшину (Oldermann) «Немецкого подворья». Старшина назначал четверых податных чиновников. Кажется, его власть была более полной, чем в других местах, что вполне естественно для столь отдаленного и изолированного представительства. Однако решения старшины можно было оспорить, подав апелляцию в городской совет Висбю, а позже – Любека: два совета ссорились из-за этой прерогативы с конца XIII до конца XIV в. Кроме того, старшина распоряжался средствами конторы, которые купцы увозили с собой, когда уезжали, и оставляли на хранение в Висбю. Доходы отчасти проистекали от штрафов и сдачи внаем жилья и конюшен, но главным образом от пошлин на ввозимые товары,

которые вначале выплачивались новгородскому князю. Священник церкви Святого Петра приходил с купцами и с ними же возвращался назад. На протяжении нескольких столетий его жалование становилось камнем преткновения. В дополнение к духовному окормлению паствы он вел переписку конторы. Благодаря этой обязанности в середине XIV в. он получил право созывать собрание купцов.

После того как конторы стали подчиняться городам, последние вмешивались, ограничивая их независимость. С 1346 г., если не раньше, священника церкви Святого Петра назначали в Висбю и Любеке по очереди, а позже – в Дерпте и ливонских городах. Купеческое собрание утратило право избирать старшину; оно также перешло к Любеку и Висбю, которые пользовались им по очереди. Затем должность «старшины подворья» вовсе упразднили, и появились два церковных старосты (Olderlude von St Peter), которые, в свою очередь, передавали управление конторой низшим чиновникам (Vorstender). В XV в. фактическим главой конторы стал совершенно новый чиновник, Hofknecht, назначаемый ливонскими городами. Его власть основывалась на том, что он один постоянно проживал в Новгороде, иногда несколько лет подряд. Кроме того, чиновник говорил по-русски и поддерживал постоянный контакт с местными властями, что позволило ему, несмотря на должность, которая буквально означала «слуга подворья», пользоваться всеобщим почтением и играть важную роль в политике. Тем не менее новгородская контора, которую в первой половине XV в. часто посещало более 200 купцов и их помощников одновременно, постепенно приходила в упадок. Наконец в 1494 г. ее закрыли.

**Берген.** Бергенская контора, которую норвежцы называли Tyskebrygge, «Немецкой пристанью», состояла, как и «Немецкое подворье» в Новгороде, из закрытого и привилегированного участка во фьорде. Он состоял из примерно двадцати соседних участков земли (gaarden), которые вначале арендовали, а затем постепенно выкупали. Каждый из таких участков был прямоугольным, 18–20 м в ширину и около 100 м в глубину. Фасады выходили на море, на доки, куда заходили корабли. Сзади стояли деревянные строения – до 15 на каждом участке – залы собраний (Schiittinge), жилые и торговые помещения, причем одни из них отапливались, а в других можно было жить только летом. Главное здание, которое периодически

уничтожалось пожарами и отстраивалось, существует по сей день и позволяет получить довольно точное представление о том, как выглядела «Немецкая пристань» в Средние века. Сохранилась до наших дней и каменная немецкая церковь Святой Марии, построенная отчасти в романском стиле, которая оставалась собственностью конторы в XV–XVIII вв.

О структуре бергенской конторы во всех подробностях нам не известно. Судя по всему, основные принципы были заложены в 1343 г., когда король Норвегии подтвердил прежние привилегии ганзейцев. Чуть позже контору подчинили городам, то есть фактически Любеку. Более того, из четырех самых крупных контор «Немецкая пристань» оставалась наименее открытой для всех ганзейцев. Хотя в Бергене можно было встретить купцов из Вестфалии и вендских городов, подавляющее их большинство всегда было из Любека, и преобладание Любека никогда не оспаривалось – по крайней мере, до XVI в. Старшиной могли выбрать только купца из города, подчинявшегося любекскому праву. Любек же обладал правом назначать священника церкви Святой Марии. Количество старшин, судя по всему, менялось. В 1388 г. упоминаются шесть, но в XV в. их было всего двое; им помогали 18 присяжных.

Немецкую колонию в Бергене составляли не только купцы, которые не проживали там постоянно, но также и ремесленники – они значительно превосходили купцов численностью. Ремесленники обосновались в Бергене уже в XIII в. и жили за пределами Tyskerbrygge. Среди них были меховщики, портные, ювелиры, цирюльники и пекари, но всех вместе называли Schomaker («сапожники»), так как подавляющее большинство их на самом деле были сапожниками. Вначале немецкие ремесленники подчинялись норвежскому управляющему делами, но в конце XIV в. они попали под юрисдикцию конторы. Контора главным образом следила за тем, чтобы ремесленники не занимались торговлей, что часто становилось источником конфликтов. Немецкие купцы и ремесленники, вместе взятые, составляли до четверти общего населения города.

**Лондон.** Лондонская контора, расположенная на берегу Темзы выше Лондонского моста, называлась «Стальным двором». Это название, вопреки более ранним представлениям, не имеет никакого отношения к стали, которую ввозили в страну кельнские купцы. Оно происходит

от слова *stal*, которое означает просто «место, где предлагают товары к продаже». «Стальной двор» находился между рекой и Темз-стрит; по форме он напоминал квадрат и был окружен стеной. Он включал в себя первое поселение кёльнских купцов, ратушу, выходившую фасадом на Темз-стрит, где купцы проводили общие собрания, и несколько примыкающих участков земли, которые купили позже. Сначала немцы арендовали землю и главные здания, но постепенно им удалось выкупить земельные владения, и их право собственности подтвердили при заключении Утрехтского мира (1474). Как и в других местах, на «Стальном дворе» имелись и другие строения, торговые и жилые, но церкви там не было, только часовня. Церковь Всех Святых, которую посещали немцы, находилась за пределами немецкой колонии.

Устройство «Стального двора» до начала XV в. известно лишь в самых общих чертах. К кёльнским купцам, получившим привилегии еще в середине XII в., в течение следующего столетия присоединялись сначала выходцы из Вестфалии, а потом и с востока Германии, «истерлинги». После временного отделения купцов из Любека и Гамбурга, вызванного сутяжничеством кёльнцев, в 1282 г. различные группы объединились и образовали «Ганзу немцев». Однако полностью они не сливались. Судя по уставу 1437 г., купцы «Стального двора» в зависимости от своего происхождения делились на три трети, хотя «лондонские» трети не совпадали с «брюггскими». В первую треть, возглавляемую Кёльном, входили купцы из Рейнской области. Вторая включала вестфальцев, саксонцев и купцов из вендских городов. В третью группу, возглавляемую Данцигом, входили купцы из Пруссии, Ливонии и с острова Готланд. Такое разделение, однако, почти не имело значения и учитывалось лишь при выборах податных чиновников. Управление политикой, собраниями, казной и судом было общим для всех трех групп. Зато, судя по документам, каждая треть содержала собственного секретаря, или клерка, который получал жалованье. В XV в. с ростом переписки роль секретаря возросла. Этих клерков иногда отправляли с дипломатическими миссиями, не только в ганзейские города, но и ко дворам иностранных правителей.

Как и в других конторах, общее собрание купцов «Стального двора» ежегодно, в начале января, избирало руководителя, «немецкого

старшину» (aldermannus Theutonicorum). Из числа Совета двенадцати старшина выбирал двоих податных чиновников, причем не из своей трети; они втроем составляли исполнительный комитет конторы. Однако особенность «Стального двора» заключалась в наличии еще одного, «английского старшины». Его кандидатуру выдвигали купцы, а утверждал король. Английский старшина должен был быть гражданином, иногда мэром, Лондона и членом городского совета, которому он приносил присягу на верность по вступлении в должность. Обычно им становился уроженец Германии, который получил английское гражданство. Его власть не сводилась к одному «Стальному двору», но распространялась на все ганзейские конторы в Англии. Поэтому иногда его называли «главным старшиной всей Англии» (overste alderman van al Engellant). Он исполнял как судебные функции – выступал посредником в спорах между ганзейцами и англичанами, – так и дипломатические, представляя и отстаивая интересы немцев перед местными властями. Эта любопытная интеграция ганзейского организма в существующие английские учреждения, которая безусловно имела свои преимущества, вела также к обязательству, равного которому нет ни в одной другой конторе. С конца XIII в. купцы «Стального двора» отвечали за обслуживание и ремонт городских ворот Бишопсгейт.

**Брюгге.** Контора в Брюгге занимала исключительное место благодаря тому, что в ее распоряжении не было отдельного участка земли. Немецкие купцы снимали в городе квартиры или дома. Кроме того, их можно было найти в Дамме, центре торговли вином, в других портах на Звейне, и особенно в Слэйсе, который любили моряки. Начиная с 1442 г. «остерлинги», как называли ганзейцев, получили во владение собственный дом. Еще один дом, больше размером, был достроен в 1478 г. Он располагался на площади, где было их любимое место встреч. Ранее они проводили собрания в трапезной монастыря кармелитов, церковь которого считалась их официальным религиозным центром.

Первые привилегии были предоставлены конторе в 1252 г., и вскоре она начала процветать. Но в течение еще целого столетия она не была организована должным образом, да и после между ее членами наблюдались серьезные разногласия. По уставу 1347 г.<sup>[14]</sup>, купцы разделялись на три трети: Любек – Саксония, Вестфалия – Пруссия и

Готланд – Ливония. Судя по всему, такое деление отражало разделение ганзейских городов. Трети обладали значительной степенью автономии. Каждая ежегодно выбирала двух старшин (которые назначали шестерых податных чиновников из представителей своей трети), проводила отдельные собрания и назначала делегатов, которые вели переговоры с городом Брюгге по вопросам, имевшим отношение к их трети. У каждой трети имелась собственная казна. Средства главным образом поступали из налога с оборота (schoss), который платили купцы той или иной трети. Налог исчислялся в грошах на фунт, то есть составлял  $\frac{1}{720}$  стоимости. Однако, поскольку готландская треть была беднее, она обязана была взимать налог по более высокой ставке. В середине XV в. подобное положение вызвало гнев. Представители трети потребовали (их требование было исполнено) объединить все три сундука с казной. В 1486 г. из-за упадка конторы количество старшин сократили с 6 до 3, по одному для каждой трети, а количество податных чиновников – с 18 до 9. Даже после того, как большинство ганзейцев переехали в Антверпен, старшины еще долго оставались в Брюгге, создавая впечатление, что тамошняя контора еще действует.

Контора в Брюгге, несомненно, являлась самой важной из четырех – и благодаря объему операций, и благодаря количеству купцов из всех ганзейских регионов, которые посещали город. На общем собрании в 1457 г. присутствовали около 600 человек; возможно, в их число входили помощники, слуги и моряки. В церемониальной процессии 1440 г. в честь Филиппа Доброго принимали участие 136 ганзейских всадников (для сравнения – итальянских всадников было 150, а испанских – 48), что отражает общее количество представителей стран. Крайне важной была и дипломатическая роль, какую играли старшины. Они поддерживали дипломатические отношения не только с правителями Нидерландов, графством Фландрии и герцогством Бургундским, но и с французскими и испанскими правителями, поскольку они, естественно, представляли ганзейские учреждения, разбросанные по всему Атлантическому побережью. Наконец, контора способствовала распространению культуры. Именно там ганзейцы совершенствовали технику коммерции и финансов, и именно оттуда литературные и художественные течения Запада проникали на север Германии.



**Другие зарубежные представительства.** Какую бы важную роль ни играли четыре крупнейшие конторы в структуре и деловой жизни Ганзы, не следует преуменьшать и значения более скромных представительств, разбросанных по всем соседним с Германией странам. С юридической точки зрения такие представительства не отличались от крупных контор. Их структура была такой же, а их купцы получали ганзейские привилегии. Согласно распоряжению, посланному из Кёльна своим гражданам в Англии, как только четыре купца одновременно оказываются в иностранном городе, они должны выбрать старшину и подчиняться ему. Такое же требование предъявлял и Любек. Судя по всему, ганзейские сообщества за границей были более многочисленными, чем принято считать.

В самые процветающие из таких представительств, скорее всего, входили столько же купцов, сколько и в крупнейшие конторы. Возможно, так было в Пскове, особенно в те

периоды, когда прерывалась торговля с Новгородом. Безусловно, так было в «купеческом сообществе из немецких городов в Копенгагене», основанном в 1378 г. гражданами вендских и померанских городов. Этому сообществу в городе принадлежало несколько домов; оно захватило львиную долю торговли в Дании до 1475 г., когда его привилегии были отозваны. Некоторые из таких представительств находились на огороженном участке земли, как в Полоцке, где у немцев имелась собственная церковь, в Тёнсберге и, несомненно, в Осло, а также в Бостоне, где поселение немцев называлось, как в Лондоне, «Стальным двором».

Подобно конторам, такие представительства, вначале автономные, с середины XIV в. попадали под власть городов. Обычно это означало, что ими управлял тот город, чьи купцы составляли большую долю. Процесс ускорился в XV в. с развитием крупных оптовых рынков. Так, Псков подпал под власть Дерпта, Полоцк – Риги, Ковно – Данцига, Тёнсберг и Осло – Росток. На западе в силу географических факторов такие представительства стали подчиняться более крупным конторам. Так, контора в Брюгге, при поддержке Ганзы, которая стремилась основать там основной рынок для всей территории Нидерландов, распространила свое влияние на представительства в Антверпене, Дордрехте, Утрехте и многих других городах. Южнее брюггская

контора управляла представительствами на Атлантическом побережье, особенно в Нанте, Бурньёфе, Ла-Рошели, Бордо и Лиссабоне.

И лондонский «Стальной двор» не ослаблял усилий по подчинению всех ганзейских представительств на территории Англии; более того, лондонская контора уничтожала их независимость. Самыми активными в Англии считались представительства в Ипсвиче, Ярмуте, Линне, Бостоне, Халле, Йорке и Ньюкасле. Начиная с XIV в. они посылали делегатов на «Стальной двор» в Лондоне, чтобы вырабатывать общую политику. Кроме того, они обязаны были посылать в Лондон налоги, собираемые со своих купцов. Когда в середине XV в. потребовались свидетельства о членстве в Ганзе, «Стальной двор» оставил за собой исключительное право выпускать такие свидетельства для Англии. Впрочем, ему не удалось подавить независимость факторий, которые сохранили собственных старшин. Особенно ревностно охраняло свою независимость

бостонское представительство. Его часто посещали в основном граждане Любека, которые приезжали из Норвегии и подчинялись бергенской конторе. В Бергене в таком случае писали о «нашем старшине из английского Бостона». Однако в 1474 г. «Стальному двору» удалось взять под свою власть (совместно с бергенской конторой) и представительство в Бостоне.

## Особенности и возможности Ганзы

Одной из самых поразительных особенностей в истории Ганзы является контраст между широким размахом ее деятельности и аморфностью ее структуры. Сообщество, состоявшее из городов, ни один из которых не был полностью суверенным, невозможно причислить к корпорациям. После того как Ганза запретила пользоваться печатью Готландского сообщества, у нее даже не было собственной печати. Помимо Ганзейского собора, у Ганзы не было другого общего органа, не было постоянных чиновников (по крайней мере, до середины XVI в.), регулярных финансовых ресурсов, армии и флота.

Разумно предположить, что такой организм, не имевший характерных признаков государства, но тем не менее обладавший поистине государственной мощью, должен был смущать правоведов, воспитанных на принципах римского права. Однако в Средние века почти не наблюдалось желания очертить правовой характер Ганзы. Вопрос возникал лишь в отдельных делах. Так, в 1418 г. возникли разногласия в области права между Гамбургом и Бременом, когда последний запросил у Кёльна копию устава Ганзы. Кёльн вполне обоснованно ответил, что в его архивах такого документа нет. Пятьдесят лет спустя, после ареста немецких купцов в Англии, Тайный совет пытался оправдать данную меру, провозгласив принцип коллективной ответственности ганзейских купцов. В ответ был получен подлинный трактат относительно сущности Ганзы<sup>[15]</sup>. Ганза объявлялась не обществом (*societas*), не коллегией (*collegium*), не корпоративной организацией (*universitas*), но постоянным объединением (*firma confederatio*) городов. Все города находились под властью различных правителей, не имели общего органа – таковым не признавался даже Ганзейский собор – и, следовательно, не несли ответственности за действия или обязательства любого из своих членов.

Такая свободная организация имела не только свои преимущества, но и определенные недостатки, особенно в случае серьезных трудностей. В отдельных частях, особенно в Любеке, это не осталось незамеченным. Именно по этой причине в последней трети XIV и весь

XV в. делались попытки укрепить Ганзу с помощью союзов с точно закрепленными финансовыми и военными обязательствами, заключенных на определенное количество лет и часто продлеваемых. Самым ранним из таких союзов стала Кёльнская конфедерация, образованная в 1367 г. для ведения военных действий против Дании. В Кёльнскую конфедерацию входили также голландские и зelandские города, которые не были членами Ганзы. Хотя договор несколько раз продлевался, после 1385 г. Конфедерация прекратила свое существование – к тому времени были выполнены все условия Штральзундского мира.

В XV в. все более жесткое давление, какое оказывали на города местные правители, вызвало появление новых союзов, которые назывались *tohopesaten* (буквально «стоящие вместе»). В 1418 г. Любек, официально признанный главой Ганзы, предложил создать союз по типу союза вендских городов. Он должен был объединить около 40 ганзейских городов из разных регионов и в случае агрессии предлагать посреднические услуги, а затем, в случае необходимости, вести военные действия. В плане предусматривался размер воинского контингента и финансовых субсидий, которые должен был вносить каждый город. Судя по всему, предложение Любека одобрили в принципе, но впоследствии нельзя найти следов того, что его воплотили в жизнь. Однако планы по созданию такого союза появлялись и в 1430, и в 1443 г., и позднее. На сей раз предложение ограничивалось городами из любекской трети.

В попытках объединить все ганзейские города в более тесный союз с точно очерченными обязанностями *tohopesaten* имели весьма скромный успех. Такие усилия неизменно вызывали отторжение городов, испытывавших неприязнь к обязательствам политического или военного свойства. Они оказались совсем не такими действенными, как региональные союзы, в которых чувство солидарности укреплялось угрозой подавления со стороны общего для всех участников правителя. Кроме того, всегда считалось, что союзы типа *tohopesaten* резко отличаются от «настоящей» Ганзы. Надежда, которую какое-то время лелеял Любек, превратить Ганзу в подлинный союз не оправдалась, и Ганза так и не стала чем-то большим, чем сообщество, преданное исключительно коммерческим целям.

И все же, несмотря на структурные недостатки, нельзя сказать, что Ганза не обладала средствами, с помощью которых она заставляла своих членов, а также иностранные государства соблюдать ее решения. Если Ганза имела дело с каким-либо отдельным городом, применялись методы убеждения, затем переговоры и, в случае их неуспеха, санкции. Если город упорствовал, его часто заставляли подчиниться с помощью писем, устных посланий и угрозы исключения. Споры, возникавшие между двумя ганзейскими городами, были серьезнее, и важно было достичь урегулирования, не допуская вмешательства извне. На Ганзейском соборе 1381 г. выработали точные инструкции по данному вопросу. Так, если в конфликт вступали соседние города, их призывали к встречам и попыткам примирить противоборствующие стороны. Однако следовало избегать любого участия территориального правителя в таких переговорах. Если переговоры не увенчивались успехом, вопрос следовало передать Ганзейскому собору, который выносил окончательное решение. Обращаться к любому правителю или императору Священной Римской империи запрещалось. Естественно, эффективность такой процедуры бывала очень разной. Обычно конфликт удавалось урегулировать, и после долгих и трудных переговоров стороны приходили к компромиссу. Однако время от времени какой-нибудь правитель, ревностно относившийся к своему авторитету, запрещал городам, которые находились под его юрисдикцией, выносить споры на Ганзейский собор. Так в 1426 г. поступил великий магистр Тевтонского ордена, когда возник конфликт между прусскими городами. В иных случаях Ганзейскому собору, столкнувшемуся с отказом подчиниться его решению, приходилось прибегать к санкциям. В мелких делах, например при халатном отношении к исполнению ганзейских обязательств, нарушителей штрафовали. В серьезных случаях, особенно когда законным образом избранный городской совет свергали насильственным путем, собор постановлял исключить мятежный город из Ганзы, таким образом лишив его купцов заграничных привилегий и всяких коммерческих отношений с другими городами. Как было показано выше, так исключали Брауншвейг (1375), Бремен (1427) и Кёльн (1471). Правда, исключение было временным. Принуждение мятежного города к повиновению путем военных действий никогда не рассматривалось.

Конечно, можно было исключать и отдельных лиц, виновных в том, что они перешли границы «законов купечества». Приговор выносил либо город, гражданином которого являлся виновный, либо контора в том месте, где было совершено преступление. Наказание подразумевало изгнание из всех ганзейских городов и конфискацию товаров – некоторую часть, однако, оставляли наследникам. В военное время такому наказанию подвергались все, кто контрабандой ввозил товары в блокированную страну. Исключение, которое привлекло много внимания, связано с Кристианом Келмером, крупным купцом из Дортмунда и бывшим старшиной лондонского «Стального двора». В 1385 г., ввезя в Англию меха и уплатив требуемую пошлину, он позже решил вывезти нераспроданные меха для перепродажи в других странах и снова уплатил пошлину, не потрудившись добыть освобождение от уплаты, положенное ганзейцам в Англии. Его действия подвергли риску само существование такой льготы<sup>[16]</sup>. Поскольку к Келмеру очень хорошо относились при дворе, он, после исключения из Ганзы, без труда получил английское гражданство и часто пользовался его преимуществами, тем самым создавая помехи для бывших соотечественников. Его дело послужило доказательством тому, что исключение, пусть даже одного лица, могло быть обоюдоострым оружием.

Ведя дела с иностранными государствами, Ганза имела в своем распоряжении три вида оружия, с помощью которого могла настаивать на своем: переговоры, приостановка торговли и война.

Когда возникали разногласия, обычно в результате нападений на купцов или какого-либо нарушения ганзейских привилегий, первым делом Ганза пыталась урегулировать дело по-дружески. Переговоры с иностранным городом или правителем вели главы конторы. Если переговоры заходили в тупик, Ганзейский собор направлял туда посольство, в которое, по крайней мере в важных случаях, входили делегаты из разных городов. Расходы города, отправлявшие делегатов, делили между собой. В действительности инициативу по отправке таких посольств и бремя по их содержанию часто нес Любек.

В XIII и XIV вв. в посольства всегда отправляли членов городских советов, и обычно купцов. В XV в. все чаще входило в обычай нанимать юристов, окончивших университеты и сведущих в римском праве. Дипломатические миссии поручались и чиновникам, как

правило городским синдикам. Однако и члены городских советов сохраняли свой престиж и по-прежнему участвовали в любом значимом посольстве. Так, в 1476 г. в письме в Любек представители брюггской конторы поделились своими планами направить посольство к королю Франции Людовику XI и добавили, что король сочтет за оскорбление, если главой делегации будет простой секретарь без докторской степени.

Ганзейские дипломаты обладали репутацией опытных и упорных переговорщиков. Один из английских участников переговоров по Утрехтскому миру писал, что он предпочел бы иметь дело с любым правителем на свете, а не с ганзейским советником. Вполне естественно, некоторые представители городских советов специализировались на дипломатии и постоянно находились в пути. Одним из них был член городского совета Любека Иоганн Довай, который выполнил несколько миссий во Фландрии, Дании, на Готланде и в Ливонии. Такие миссии нельзя было назвать совершенно безопасными. Если не считать риска путешествия по морю, послов могли посадить в тюрьму и даже убить. В договорах, подписанных с правителями Новгорода и Смоленска в XIII в., оговаривалось, что убийство посла влечет за собой двойную компенсацию.

Если переговоры оказывались безуспешными и если дело того стоило, Ганза приказывала приостановить торговлю со страной-обидчицей. Долгое время такое экономическое оружие считалось самым эффективным в арсенале Ганзы. Оно применялось в XIII, XIV и XV вв. против разных стран – иногда одновременно против нескольких. В число этих стран входили Польша, Новгород, Норвегия, Англия, Шотландия, Фландрия, Франция, Кастилия и даже Венеция (правда, в последнем случае по приказу Сигизмунда, императора Священной Римской империи). Естественно, эмбарго вредило самим ганзейцам, но его действие обычно тяжелее ощущала на себе страна, против которой эмбарго было направлено. Ей грозил не только спад в торговле, но и лишение жизненно важных продуктов питания – зерна на Западе и в Норвегии, соли и сельди на Востоке. Поэтому, хотя его действие в полной мере проявлялось не сразу, эмбарго довольно быстро приводило к переговорам, которые через два или три года заканчивались восстановлением мира.

Во Фландрии Ганза применяла более гибкую форму эмбарго: брюггская контора переводилась в другой нидерландский город. Таким образом удавалось избежать полного прекращения ганзейской торговли в жизненно важном для Ганзы регионе, а Брюгге, встревоженный возможностью того, что его вытеснят конкуренты, вскоре делался более податливым. В результате самые первые переводы конторы в Аарденбург, в 1280 и в 1307 гг., которые проходили с одобрения графа Фландрии, увенчались полным успехом. Два последующих перевода в Дордрехт, в 1358 и 1388 гг., были направлены одновременно против Брюгге и против графа Фландрии и тоже оказались действенными. Но после того как большая часть Нидерландов стала подчиняться герцогу Бургундскому, подобная мера утратила свою эффективность: контору приходилось переводить в порт слишком далекий от Фландрии. Последний перевод, в Девентер и Утрехт в 1451 г., частично окончился неудачей.

Трудно было добиться строгого исполнения эмбарго. Ганза пыталась достичь цели строгими и подробно прописанными правилами. Купцов обязывали присягнуть, что они не станут посещать запретную зону; приходилось также выпускать сертификаты происхождения всех перевозимых товаров. Нарушителей наказывали изгнанием из Ганзейского союза и конфискацией их товаров. Контрабанду никогда не удавалось прекратить полностью, но по крайней мере до XV в. она не мешала успеху эмбарго.

Однако эмбарго влекло за собой серьезные проблемы для самих ганзейцев, и эти проблемы имели обыкновение накапливаться. Эмбарго не только препятствовало ганзейской торговле в определенной области; его последствия ослабляли торговлю повсюду. Кроме того, эмбарго подвергало испытанию ганзейскую солидарность. У разных групп городов никогда не было общих интересов; они проявляли разную степень энтузиазма к введению блокады. Из-за этого в XIV в. почти всегда возникали разногласия между вендскими и прусскими городами. Для конкурентов Ганзы, голландцев и представителей юга Германии, эмбарго представляло прекрасную возможность занять место соперников. В таких обстоятельствах экономическое оружие, весьма эффективное в период ганзейской экспансии, быстро затупилось, когда начался период спада.



Крайним видом санкций была война. Ганзе приходилось воевать неоднократно – либо для того, чтобы отстоять свою независимость, либо чтобы защищать своих купцов. Хотя у Ганзейского союза не было ни собственных финансовых ресурсов, ни флота, ни солдат, кроме тех, которые предоставляли города и Тевтонский орден, тем не менее Ганзе удавалось выйти из положения. Финансовые трудности преодолевались с помощью обложения пошлинами товаров (Pfundzoll). Средства, полученные таким способом, шли на оснащение военных кораблей и содержание воинских контингентов, которые посылали на войну города. Военные ресурсы Ганзы всегда оставались скромными, и она вынуждена была искать союзников не только среди немецких правителей, но и за рубежами Германии. Более того, военные действия ганзейцев, по сути, сводились к пиратству – крупномасштабные военно-морские операции были редкостью. Если не считать Дании и Норвегии, ганзейцы не рисковали вторгаться на неприятельскую территорию.

Главной противницей Ганзы была Дания, чьи планы на север Германии, периодически возрождавшиеся, представляли угрозу самому существованию Ганзейского союза, в то время как контроль датчан над Зундским проливом позволял Дании наносить тяжелые удары по ганзейской торговле. Войны с Данией стали повторяющимися эпизодами в истории Ганзы. В основном они велись по политическим мотивам, и обычно в них принимали участие другие Скандинавские страны. Многие же военные конфликты – с Англией, Голландией, Францией, Кастилией, не говоря уже о пиратах, – возникали по коммерческим причинам. С другой стороны, на суше не было войн, которые можно назвать в полной мере ганзейскими, даже те, что вел Тевтонский орден против Руси, хотя Ганза иногда финансировала их. Споры с правителями на местах никогда не приводили к согласованным действиям Ганзейского союза. Самым серьезным мероприятием со стороны Ганзы стала отправка воинских контингентов на осаду Нойса, проводимую разными городами в 1475 г., когда Священная Римская империя сражалась с Карлом Смелым, герцогом Бургундии.

Неудивительно, что, несмотря на ряд войн, в которые была вовлечена Ганза, это купеческое сообщество, целью которого было процветание торговли, всегда очень нехотя прибегало к вооруженному

ответу. Война подразумевала большие финансовые жертвы, нарушение торговли, потерю кораблей и товаров; она влекла за собой опасные уступки союзникам, которые никогда не забывали о своей выгоде; война вызывала к жизни бедствие в виде пиратства. Наконец, война даже больше, чем эмбарго, подчеркивала отсутствие единства внутри Ганзейского союза, поскольку многие города пытались избавиться от тяжелого бремени военных обязательств. Более того, большинство войн с Данией вели только вендские города. Подлинно ганзейскими можно назвать лишь войны против Вальдемара IV в 1361–1370 гг. и против Англии в 1470–1474 гг. Самые прозорливые главы Ганзы, особенно в Любеке, прекрасно понимали, что война подвергает опасности само существование Ганзейского союза, и прибегали к ней лишь в самом крайнем случае.

## **Ганза, император и местные правители**

Все ганзейские города, за исключением Висбю, Кракова и шведских городов, находились на территории либо Священной Римской империи, либо Тевтонского ордена. Еще в XIV в. ганзейцы называли себя «купечеством Римской империи Германии». Но на деле Ганза и Священная Римская империя были двумя различными политическими образованиями, которые сделали лишь несколько робких и недолговечных попыток действовать согласованно.

Правда, в самом начале Лотарь III, и особенно Генрих Лев, который был наместником императора Священной Римской империи на севере Германии, откровенно поощряли немецкую торговую экспансию на Балтике. Привилегии, дарованные Любеку Фридрихом I и Фридрихом II, тоже можно считать доказательством положительных сдвигов в том направлении. Но после ослабления имперской власти на севере Германии в середине XIII в. императоры сосредоточили все свои силы на восстановлении своей власти на юге Германии. Ганза действовала независимо от них. Более того, взяв на себя ответственность за защиту немецкой торговли в Северной Европе, заняла их место. Когда же император Священной Римской империи вмешивался в дела на Севере, он выступал скорее как правитель имперских городов, а не как император. Правда, имперских городов в тех краях было очень мало. Если не считать Любека, таковыми можно назвать только Дортмунд, Гослар и, чуть дальше, Нордхаузен и Мюльхаузен в Тюрингии.

В Средние века только один император, Карл IV Люксембургский, выказывал по отношению к Ганзе истинный интерес. В начале своего правления он проявлял скорее враждебность, чем дружелюбие. Он отказался поддерживать Ганзу в войне с датчанами. Немало беспокойства вызвала и статья в Золотой булле, которая запрещала образование городских союзов. Но его отношение изменилось после победы ганзейцев над Данией. В 1375 г. он лично поехал в Любек и пробыл там десять дней, председательствуя на заседании городского совета и называя членов городского совета «господами». Похоже, он планировал укрепить связи Ганзы и Священной Римской империи, о чем свидетельствовали приобретение им Лужицы и марш на Бранденбург. Возможно, он собирался вести более активную политику

на севере Германии, которая в экономике проявлялась в более тесных отношениях между Богемией, Северным морем и Балтикой через Эльбу. Любек как будто не слишком тепло отнесся к подобным планам. Как бы там ни было, после смерти Карла IV три года спустя о его замыслах забыли. Никто из его преемников не пытался воплотить их в жизнь. Второй раз император удостоил Любек своим приездом лишь через 500 лет – речь идет об императоре Вильгельме I.

В XV в. император Сигизмунд также вмешивался в ганзейские дела, но только как посредник в ссоре Любека и Ганзы.

Конфликт разгорелся после того, как городской совет Любека проявил враждебность к патрициату. Мир был восстановлен, но дальнейшего сотрудничества не случилось. Позже Сигизмунд обращался к Ганзе за помощью против гуситов, но сам он никогда не думал поддерживать Ганзу в чем-либо. Наконец, в XVI и XVII вв. Габсбурги пытались сделать Ганзейский союз партнером в своей (совместно с Испанией) европейской политике. Но ганзейцы проявили нежелание принимать участие в их планах, особенно потому, что к тому времени политическое положение осложнилось религиозными разногласиями. Поэтому, вероятно, можно сказать, что за много веков Священной Римской империи и Ганзе так и не удалось сотрудничать.

Поскольку все ганзейские города находились на территории, подвластной какому-либо светскому или духовному правителю, и формально подчинялись ему, одной из главных проблем, которую приходилось решать Ганзе, оставалась проблема отношений города и местного правителя. В XIII и XIV вв. курфюршества были еще так слабы, что не могли препятствовать развитию городов или успешно противостоять образованию городских союзов. Главная сила городов заключалась в их богатстве. Оно позволяло предоставлять займы правителям, у которых всегда не хватало денег, а в обмен получать атрибуты независимости, среди прочего право взимать пошлины и рыночные сборы, возводить укрепления и судить преступников. Почтение, выказываемое местному правителю, обычно уравнивалось признанием привилегий. Граф, курфюрст или герцог мог въезжать в тот или иной город, лишь подчиняясь строгому протоколу. Иное положение наблюдалось лишь во владениях Тевтонского ордена. До сражения при Танненберге (1410) прусские города находились в довольно плотном подчинении у великого

магистра и могли проводить в жизнь решения Ганзы только с его одобрения.

Начиная со второй половины XIV в. постепенное укрепление власти местных правителей нарушило прежнее равновесие. Курфюрсты, графы и герцоги делали все, что в их силах, чтобы вернуть свою власть над почти независимыми городами. Они пытались навязать городам экономическую политику, которая благоприятствовала бы их собственным интересам. Подобная политика зачастую противоречила отношениям отдельных городов с Ганзейским союзом. Из-за этого возникали многие запутанные конфликты, иногда связанные со сходными спорами в Нидерландах и на юге Германии. В 1388 г., после сокрушительного поражения Швабского городского союза, архиепископ Кёльна напал на Дортмунд, хотя решающего успеха не достиг. И в 1396 г. герцог Брауншвейгский при поддержке герцога Мекленбургского совершил неудачную попытку силой овладеть Люнебургом, которому помогали Любек, Гамбург и несколько саксонских городов. Сознавая всю степень угрозы, ганзейские города старались обороняться против амбиций правителей. Но как мы уже видели, попытка укрепить Ганзу с помощью *tohopesate*, военного и политического союза, почти не имела практического результата. Более эффективными оказались региональные союзы, особенно союзы вендских и саксонских городов. Такие союзы часто прибегали к оказанию военной или финансовой помощи любому городу, подвергнутому нападению местного правителя. Кроме того, правители не допускались к разрешению любого спора между городами.

К счастью для городов, солидарность между местными правителями была не больше, чем между городами. В 1443 г. король Дании, герцоги Мекленбурга и Брауншвейга и маркграф Бранденбурга собрались вместе, стараясь придумать, как подчинить себе города, но никаких совместных действий они не предприняли. Особенно ожесточенной борьба стала ближе к середине XV в., когда правители достигли некоторых успехов. Самым значительным стал успех маркграфа Бранденбурга, который вынудил города, находящиеся в его владениях, особенно Берлин и Франкфурт-на-Одере, выйти из Ганзы. На западе герцог Гелдерна в 1466 г. захватил Арнхайм. Однако, несмотря на резкое отставание в военной сфере, города обычно выходили из таких нападок победителями. Начиная с 1440 г. прусские города

объединились со знатью против нападок Тевтонского ордена; в результате великий магистр Пауль фон Руссдорф вынужден был подать в отставку. Такое унижение влиятельного владыки имело далекоидущие последствия. Штеттин, с помощью вендских городов, отразил нападение маркграфа Бранденбурга. На западе архиепископу Кёльнскому, несмотря на огромные усилия, так и не удалось захватить Зост (1444–1447). Однако самым ярким символом поражения местных правителей и победы городов стало поражение Карла Смелого, союзника крупнейших немецких князей, под стенами Нойса.

Тем не менее совершенно ясно, что такие битвы против местных правителей в XV в. в отдаленной перспективе очень вредили ганзейским городам. Некоторым из них, например Дортмунду и Брауншвейгу, понадобилось много времени, чтобы оправиться от разрушений. Почти все города были ослаблены из-за значительных расходов, которые шли на строительство укреплений и выплаты наемникам. Их влияние резко сократилось, а влияние правителей, наоборот, усилилось. Последние развивали не только военную мощь, но и экономическое могущество, взяв в свои руки торговлю зерном и контролируя рынки сельскохозяйственной продукции. Очевидно, что одной из важнейших предпосылок для упадка Ганзы в XV в. стала изнурительная борьба городов против местных правителей.

## Глава 6

### Города

#### Города и их место в Ганзе

180—200 городов, принадлежавших к Ганзейскому союзу, располагались группами различной плотности в районе, ограниченном Зёйдерзе, Маасом, Тюрингией, Бранденбургом, Польшей и Финским заливом. Однако важно помнить, что многие небольшие города даже в ганзейской сфере влияния никогда не входили в Ганзу. То же можно сказать и о нескольких сравнительно крупных городах, особенно столицах некоторых государств, к которым относились, например, Ольденбург, Верден, Шверин и Мариенбург в Пруссии. К ним можно добавить фризский порт Эмден, который в XVI в. приобрел большое влияние.

Само собой разумеется, в истории Ганзейского союза каждый ганзейский город занимал место разной степени значимости в зависимости от его географического положения, размера, перемены интересов и удач или неудач. Одни города вошли в Ганзу с самого начала и оставались ее членами до конца. Другие вступили в Ганзу позже, в разные сроки и иногда лишь на короткие периоды. Третьи рано или поздно выходили из Ганзы. Наконец, есть ряд сомнительных случаев. Поэтому необходимо рассмотреть по меньшей мере самые важные ганзейские города и дать краткую характеристику каждому из них.

**Вендские и померанские города.** Прежде всего, ядро Ганзы составляли так называемые вендские города, которые принадлежали к любекской трети. К ним относились имперский город Любек, Висмар и Росток в Мекленбурге, а также Гамбург. С этой группой были связаны, хотя и не столь тесно, Штраль-зунд в Померании, саксонский Люнебург и Киль, тогда незначительный город в Гольштейне. Киль был самым северным ганзейским городом из своей группы. Ни один из более мелких городов герцогства Шлезвиг не входил в Ганзейский союз, хотя большинство населения в этих городах составляли немцы. Возможно, они не хотели ссориться с королем Дании. Следует

отметить, что в вендскую группу входили лишь важные, значительные города, за исключением Киля. Города меньшего размера из Гольштейна и Мекленбурга не допускали в союз морские порты – несомненно, они стремились сделать эти города экономически зависимыми.

Укрепленные особыми союзами, которые часто распространялись и на более дальние города, города вендской группы на самом деле взяли на себя руководство Ганзой задолго до того, как в 1418 г. руководство возложил на себя Ганзейский собор. Это не означает – что типично для Ганзы, – что ее члены не имели частых и серьезных расхождений во мнении. Например, в 1367 г. Гамбург проявил нежелание вступать в Кёльнскую конфедерацию. В конце века Росток и Висмар поддержали «виталийских братьев». В начале XV в. Любек, где сменилась политическая власть, вступил в конфликт с другими городами. Можно привести еще много других примеров. И все же общие интересы оказывались настолько сильны, что кризисы такого рода вскоре преодолевались и союз вендских городов оставался одной из основ ганзейского величия.

Нет нужды подробно подчеркивать особую роль Любека, поскольку история города неразрывно связана с историей Ганзы в целом. В XIII–XV вв. Любек считался крупнейшим (после Кёльна) городом Северной Германии. В 1300 г. в нем насчитывалось около 15 тысяч, а в XV в. – почти 25 тысяч жителей. Его исключительная роль во многом объясняется выгодным географическим положением на Гольштинском перешейке, между городами Рейнской области и Пруссии. Даже открытие прямого прохода из Балтики в Северное море через Зундский пролив еще долго не подрывало положения Любека. Став своего рода сборным пунктом для эмигрантов с запада, Любек придавал постоянный стимул для закладки и развития приморских городов Восточной Европы. Но его руководящая роль основывалась главным образом на деятельности его купцов, которых можно было встретить во всех странах, имевших выход к северным морям, на Атлантическом побережье, по всей Германии и в Италии. Любек передал Ганзе не только свою энергию, но и консервативный дух; в нем тщательно сохранялись традиционные принципы, на которых зиждилось его процветание, и подавлялись любые стремления к новшествам. И в своих достоинствах, и в своих недостатках Любек был олицетворением Ганзы.



Преуспевание города во многом объяснялось его отношением с соседями, экономика которых часто дополняла экономику Любека. Особенно это относится к Гамбургу, который в каком-то смысле служил внешней гаванью Любека на Северном море, по крайней мере до XVI в., когда два города постепенно поменялись ролями. Гамбург рос медленно. Около 1300 г. его население составляло около 5 тысяч, а около 1375 г. – 8 тысяч человек. К середине XV в. оно достигло 16 тысяч человек, а к середине XVII в. – более 50 тысяч человек. Несмотря на общие интересы с Любеком и их давнюю и неизменную дружбу, Гамбургу удалось сохранить свою индивидуальность. Очень мало уроженцев Гамбурга добивались успеха в Любеке и наоборот; очень мало семей имело родственников в обоих городах. Более того, экономическая структура Гамбурга была более сложной, чем у соседнего Любека, сделавшего ставку на торговлю на дальние расстояния. Для Гамбурга же характерным было сочетание широкомасштабной морской торговли и тесных связей с городами внутри страны благодаря речной торговле по Эльбе. Большую роль играли и промышленные предприятия. Однако в то время Гамбург считался прежде всего городом, где производили пиво. Такая разнонаправленность интересов, судя по всему, выработала не такой жесткий менталитет, как у жителей Любека. Гамбуржцы считались более гибкими и были более открыты для новых идей. Таким образом, развитие Гамбурга шло более гладко, а на его растущую экономику ни в коей мере не повлиял упадок Ганзы.

Расположенный южнее Люнебург, город с примерно 10 тысяч человек населения, входил как в вендскую, так и в саксонскую группу, что делало его посредником между городами внутри страны и морскими портами. Залогом его процветания стали богатые месторождения соли. Соседство с Люнебургом дало Любеку монополию на торговлю солью на Балтике – по крайней мере, до середины XIV в. Кроме того, люнебургская соль стала решающим фактором в развитии торговли сельдью в Скании, еще одном бастионе богатства Любека.

Развитие балтийских портов, Висмара (8 тысяч жителей на конец XV в.) и Ростока (15 тысяч жителей около 1400 г.), шло параллельно с развитием Любека, но не возбуждая его враждебности. Процветание двух портов основывалось на морской торговле, особенно со странами

Скандинавии, и на пивоварении. Уже в XV в., однако, проявились признаки упадка, доказательством которого стало снижение численности военного контингента, предусмотренного в договорах *tohopesaten*. Примерно так же развивался и Штральзунд (10 тысяч жителей около 1400 г.), для которого морская торговля играла еще более важную роль. Торговые связи Штральзунда простирались не только в Скандинавию, но и в Англию, Фландрию и Пуату. Среди вендских городов на Балтике только Любек мог похвастать большим товарооборотом с Западной Европой.

На востоке Штральзунд поддерживал тесные отношения с померанскими городами на обоих берегах Одера. Если не считать Штеттина, померанские города, в отличие от городов, упомянутых выше, были скромными небольшими городками количеством около пятнадцати. Большинство из них, особенно расположенные в Дальней Померании, не принимали в Ганзу до последней четверти XIV в. – Рюгенвальде приняли в 1379 г., а Штольп тремя годами позже. Померанские города не играли в Ганзе важной роли. Хотя время от времени они проводили свои региональные съезды, они по большей части следовали указаниям вендских городов, от которых зависели экономически. После Штральзунда самым важным считался Штеттин (9 тысяч жителей в XV в.), который главным образом торговал сканской сельдью. Штеттин выгадал на конфликтах Тевтонского ордена и Польши, переведя часть торговли с Вислы на нижнее течение Одера. Затем Штеттин превратился в центр экспорта зерна, что, впрочем, не привело к его сколько-нибудь значительному росту.

**Города Саксонии, Тюрингии и Бранденбурга.** Южнее и западнее вендской группы, в Нижней Саксонии, находилось около 25 ганзейских городов, разбросанных от Эльбы до Везера, от Северного моря до южных отрогов Гарца. Несмотря на то что в конце XII в. герцогство Саксония разделилось на несколько частей, в XIII столетии города области были тесно связаны благодаря различным региональным союзам. Девять из них входили в Ганзу с середины XIV в.: Брауншвейг, Гослар, Люнебург, Гаммельн, Хильдесхайм, Гёттинген, Магдебург и Ганновер. Бремен приняли в Ганзу в 1358 г., в то время как большинство других городов, особенно тех, что находились южнее, вступили в Ганзейский союз лишь в XV в.

Среди саксонских городов Бремен, с его 12 тысяч жителей перед эпидемией чумы («черной смерти») и 17 тысячами жителей через пятьдесят лет после эпидемии, занимал положение, которое во всем считалось необычным. Расположенный в некотором отдалении от основной группы, в краю, где находилось совсем немного ганзейских городов – ближайšie, Букстехуде и Штаде, находились на расстоянии около 50 миль, – этот большой город, находившийся под властью архиепископа, но позже получивший статус «вольного ганзейского города», как будто все время демонстрировал строптивый характер. Бремен трижды (в 1285, 1427 и 1563 гг.) исключали из Ганзейского союза, причем в первый раз, судя по всему, более чем на 70 лет, что весьма необычно. Процветание Бремена основывалось не столько на товарообмене между Востоком и Западом, сколько на начатых в XII в. операциях с Норвегией, Англией и севером Нидерландов, а также с удаленными от прибрежной полосы городами на Везере, в Саксонии и части Вестфалии. Короче говоря, Бремен, вместе с рейнскими городами, участвовал в торговле с юга на север, которая существовала до Ганзы и которая всегда с трудом приспособлялась к новым условиям, порожденным немецкой экспансией в Прибалтику.

В большой группе удаленных от моря нижнесаксонских городов главными считались Брауншвейг и Магдебург. Брауншвейг, один из крупнейших городов Северной Германии в конце Средних веков – когда в нем насчитывалось около 17 тысяч жителей, – всегда был бесспорным главой саксонской «четверти» Ганзы. Его влияние в особенности распространялось на города, расположенные между Гарцем и нижним течением Эльбы: Хильдесхайм (от 6 до 8 тысяч жителей в XV в.), Ганновер, Гёттинген и Гослар (около 10 тысяч) – последний был имперским городом, и его процветание зиждилось на месторождениях меди и свинца в Раммельсберге. Брауншвейг, промышленный город, часто тревожили бунты против патрициата. После одного такого бунта, в 1375 г., город исключили из Ганзейского союза на пять лет. Как почти все города, находящиеся в удалении от моря, Брауншвейг в XV в. начал приходить в упадок, тем более что ему приходилось защищаться от махинаций собственного герцога. И все же Брауншвейгу удалось сохранять независимость – и даже получить звание вольного города – и свою ведущую роль до XVII в.

Магдебург, в котором насчитывалось около 20 тысяч жителей, судя по всему, не играл ведущей роли в Ганзе, чего можно было ожидать ввиду его значительной роли в немецкой экспансии на восток. Однако Магдебург выполнял другую важную функцию. Он служил связующим звеном между саксонскими городами и другими группами, более или менее тесно с ними связанными. Так, он связывал Халле на юге (7 тысяч жителей около 1500 г.) и города Тюрингии, куда входили Эрфурт (16 тысяч жителей) и Наумбург, а также имперские города Нордхаузен и Мюльхаузен (8 тысяч жителей). Если не считать Халле, ни один из этих южных городов не посылал своих представителей на ганзейские соборы и не нес свою долю расходов на содержание посольств. Однако уже в конце XIII в. их купцы иногда появлялись во Фландрии в компании с ганзейскими купцами. В 1426 г. они образовали союз с саксонскими городами для защиты от гуситов, подтвердив свой ганзейский статус, – впрочем, он всегда оставался довольно неопределенным, и контакты с городами других групп, судя по всему, ослабели со второй половины XV в.

Более важной была связь, которую Магдебург поддерживал с городами Бранденбурга. Благодаря их общей зависимости от маркграфа они образовали свою группу и проводили свои съезды. Пять из этих городов (в том числе Зальцведель и Штендаль), расположенные на левом берегу Эльбы в Старой Марке (Altmark), были теснее связаны с саксонскими городами, чем пять городов на правом берегу Эльбы, в том числе Берлин-Кёльн и Франкфурт-на-Одере. За исключением последнего все они как будто входили в Ганзу городов с самого начала. К концу Средних веков Берлин-Кёльн, вопреки распространенному мнению, считался довольно значительным городом; в нем насчитывалось около 6 тысяч жителей. С конца XIII в. его купцы активно действовали в Гамбурге и во Фландрии. Они получали прибыль от торговли зерном и лесом по Хафелю и Эльбе. Но в середине XV в. город все больше подвергался давлению маркграфа Бранденбургского. Из-за этого в 1450 г. Берлин не послал делегатов на Ганзейский собор, и в результате ему угрожали исключением. В 1452 г. Берлин официально известил о своем выходе из Ганзы. Во второй половине XV в. другие бранденбургские города также прекратили свое активное членство в Ганзе.

**Города Вестфалии.** В Вестфалии, области между Везером и долиной Рейна, ганзейских городов насчитывалось больше всего. Если посчитать все большие и малые города, граждане которых пользовались ганзейскими привилегиями, когда находились за границей, их окажется почти восемьдесят. Однако в середине XV в. активными членами Ганзейского союза были лишь пятнадцать, сгруппированные вокруг четырех главных центров – Дортмунда, Зоста, Мюнстера и Оснабрюка. Большое количество городов объясняется предприимчивостью вестфальских купцов и их участием, начиная с середины XII в., во всех сферах деятельности Ганзы. Их можно было встретить повсеместно: в городах на востоке Германии, в четырех крупнейших заграничных конторах и в заморских странах. Выше уже рассматривалась значительная роль, какую они сыграли в основании Любека и в немецкой торговле с Англией.

Как и в Нижней Саксонии, к середине XIII в. города Вестфалии объединялись в союзы, большие и малые, с разным количеством участников, которые укрепляли их солидарность. Зост, находившийся под властью архиепископа Кёльнского, похоже, стал первым богатейшим и самым влиятельным городом в той области. В конце XIII в. там насчитывалось около 13 тысяч жителей. В XIV в. ведущая роль перешла к Дортмунду (около 10 тысяч жителей), имперскому городу. Дортмунд считался главным в вестфальской «четверти» Ганзы, в которую вместе с северными городами входили епископальные города Мюнстер (8 тысяч жителей в XV в.) и Оснабрюк (6 тысяч жителей).

Преобладающая роль, какую играли вестфальцы в купеческой Ганзе, позволяет понять их отношение к Ганзе городов, которое вначале кажется странным. Долгое время они весьма сдержанно относились к новой организации, которая сформировалась в середине XIV в., главным образом потому, что лидерство в нем перехватили морские порты. Несмотря на настоятельные приглашения, вестфальские города не прислали делегатов ни на Любекский собор 1358 г., где объявили блокаду Фландрии, ни на Кёльнский собор 1367 г. Вестфальские города отказывались принимать участие, даже финансовое, в войне против Вальдемара IV, заявляя, что война на море их не касается. И лишь в 1379 г. Дортмунд впервые прислал делегата на Ганзейский собор, а в 1418 г. на собор приехали представители всех четырех

главных городов Вестфалии. Позже сопротивление ослабело, несомненно, из-за общего упадка вестфальских городов, которые очень сильно пострадали в междоусобных войнах. Особенно это справедливо в отношении Дортмунда и Зоста, но относится также к Миндену, Херфорду и Липпштадту, чье развитие в конце XIV в. подошло к концу. Их упадок предоставил Кёльну возможность стать главным городом рейнско-вестфальской трети. Кёльн старался созывать съезды трети с большей частотой и увеличивать число активных городов-участников, которое выросло до 14; но необычно большое количество малых ганзейских городов, которые не принимали активного участия в делах сообщества, все же доказывало коммерческую инициативу вестфальских купцов.

**Нидерланды и города на Рейне.** В середине XV в. в Нидерландах насчитывалось около двадцати ганзейских городов, которые присоединили к Кёльнской трети. За исключением Гронингена, занимавшего изолированное положение на севере, они вытянулись вдоль восточного берега Зейдерзе (Ставорен, Кампен, Хардервейк), Эйссела (Цволле, Девентер, Зютфен) и нижнего течения Рейна (Арнем и Неймеген).

В этом регионе членство в Ганзе не рассматривалось без доказательств, и верительные грамоты каждого города тщательно изучались, прежде чем его принимали в союз. Очевидно, к концу XIII в. купцы из городов на восточном берегу Зейдерзе пользовались привилегиями «купечества». Данный факт как будто подтверждает воодушевленное письмо Цволле и Кампена к Любеку. В нем последний признается главой сообщества, членами которого они являлись. Но кризис Ганзы в первой половине XIV в. ослабил прежние связи. Судя по уставу Кёльнской конфедерации (1367), города на Зейдерзе образовали отдельную группу за пределами Ганзы, подобно голландским и зеландским городам. Однако чуть позже членами Ганзы стали Хардервейк, Зютфен, Эльбург и, самое главное, Девентер (около 10 тысяч жителей в 1400 г.), игравший важную роль благодаря ярмаркам, где встречались купцы из Рейнской области, Вестфалии и Голландии. Другим городам, в том числе Неймегену, Ставорену (в начале XV в.) и Арнему (1441), вступить в союз оказалось труднее.

Особенно сложными оказались переговоры с Кампеном. В Средние века этот город, расположенный в устье Эйссела, был самым

оживленным портом на севере Нидерландов, с населением около 12 тысяч человек в 1400 г. (в тот же период в Амстердаме насчитывалось менее 5 тысяч жителей). Корабли и купцы из Кампена появились на Балтике уже в XIII в.; далее они распространили свою деятельность на Норвегию, Англию и берега Франции до самого Бурньёфа, куда они добрались раньше ганзейцев. Последних возмущали особые привилегии, которые Кампену удалось получить в Брюгге, а также прорыв блокады, в котором были повинны кампенские купцы в 1388 г. Но после того, как Кампен выказал враждебность к голландцам в их войне с ганзейцами в 1438 г., Кампен в 1441 г. приняли в Ганзейский союз. Ганзе много раз пришлось пожалеть об этом решении, поскольку Кампен оставался довольно независимым, и его купцы тайно благоволили голландцам. Более того, Кампен, как и другие города на Зейдерзе, считал, что у него есть общие интересы с Ганзой благодаря его связям с Кёльном и торговле на Балтике против Дании. Однако на западе у Кампена были свои интересы. Особенно неохотно город принимал участие в блокаде Фландрии.

Можно задаться вопросом: почему в том регионе Ганза ограничилась Зейдерзе и Эйсселом? Почему в Ганзу не вступали голландские и зelandские города? Они тоже входили в состав Священной Римской империи; их интересы часто совпадали с интересами ганзейцев, что доказало их вступление в Кёльнскую конфедерацию и позже в союз Ганзы и Нидерландов 1616 г. Однако из-за их сравнительной незначительности в XIII в. они не могли претендовать на долгосрочные связи с Ганзой, которые, как кажется, были необходимым условием для вступления в союз. Главное же, стремительный рост их промышленности и морской торговли поощрял их отрицать торговую монополию Брюгге, к которой ганзейцы упорно оставались привязанными. Наконец, включение северо-западной части Нидерландов в состав Бургундии подчеркнуло разделение двух групп. Однако сомнительно, чтобы Ганза, которая систематически противостояла голландцам, а не вступала с ними в союзы, не отказалась бы от замечательной возможности увеличить свои процветание и силу.

При рассмотрении Рейнской области сразу же бросается в глаза любопытный факт. До второй половины XIV в., если не считать Эммериха, который не имел большого значения, единственным

ганзейским городом в тех краях был Кёльн. И лишь позже, и часто по инициативе Кёльна, в Ганзейский союз приняли около дюжины других рейнских городов, в том числе Безель и Дуйсбург в 1407 г., за которыми последовали Дюссельдорф и Золинген и, наконец, Нойс в 1475 г. Самый западный город области, Рурмонд на Маасе, вступил в Ганзу в 1441 г. Южнее единственным негерманским ганзейским городом как будто стал Динан, однако его связи с союзом не до конца ясны. Власти Англии и Бургундии считали Динан членом Ганзы, и в XV в. сам город неоднократно заверял, что именно так и обстоит дело. На самом деле Динан пользовался ганзейскими привилегиями только в Англии и больше нигде, и даже на «Стальном дворе» купцы из этого города занимали отдельное здание. Кроме того, Динан никогда не принимал участия в Ганзейских соборах и потому его можно считать лишь пассивным членом Ганзы. Наконец, Аахен, как и города в среднем течении Рейна, никогда не входил в Ганзу.

Кёльн, крупнейший город средневековой Германии, где в XV в. проживали почти 30 тысяч человек, во всех отношениях занимал особое место в Ганзе, настолько особое, что некоторые современные авторы склонны считать Кёльн менее ганзейским городом, чем морские порты. Дело обстоит не совсем так. Если не считать Любека, ни один другой город не занимал столь важного положения в Ганзейском союзе, с самого начала и до самого конца. Во все времена кёльнских купцов можно было встретить повсеместно, от Руси до Португалии. Но правда и то, что Кёльн был не только ганзейским городом. Задолго до возвышения Ганзы Кёльн уже считался крупнейшим городом на Рейне, который поддерживал активные торговые отношения со всем югом Германии и с Англией, где он стал первым городом, получившим торговые привилегии. Кёльну удалось сохранить и даже усилить свое положение в Рейнской области – особенно развив торговые отношения с Италией – и одновременно стать ганзейским городом. Более чем любой другой город, Кёльн одновременно торговал на двух крупнейших торговых путях Северной Европы: рейнском, который связывал Италию с Англией, и ганзейском вдоль оси Новгород – Любек – Брюгге.

Кёльн находится примерно в 200 км от моря. Начиная с XIII в. большие морские суда уже не могли добраться до него. Тем не менее кёльнские купцы еще долго продолжали торговать с заморскими



странами, что примечательно по сравнению с сужающимися горизонтами и постепенным ослаблением других городов внутри страны на севере Германии, таких как Дортмунд, Брауншвейг и Торн. Правда, сохранение морской торговли было вызвано динамизмом кёльнских купцов; однако во многом свою роль сыграло географическое положение. Рейн, в отличие от других рек, впадает в море во многих местах, таким образом не давая возникнуть одному крупному порту в дельте, который мог бы вобрать всю морскую торговлю и перевалку грузов. После Тиля, чьи попытки в этом направлении были заброшены к концу XI в., ни Дордрехт на Ваале, ни Утрехт на Старом Рейне, ни Кампен на Эйсселе не находились в том положении, чтобы взять на себя функцию, которую в наши дни отвели Роттердаму. Поэтому Кёльну удавалось удовлетворительно исполнять двойную миссию: города на Рейне и ганзейского города, не говоря уже о размахе торговли с городами внутри страны. Если Кёльну иногда бывало трудно примирить свои разносторонние интересы – что доказывает, например, его исключение из Ганзы в 1471 г., тем не менее ему удавалось поддерживать, вплоть до XVII в., экономическую деятельность, которая связывала его со всеми частями Европы.

**Прусские, ливонские и шведские города.** Хотя все города Пруссии и Ливонии находились во владениях Тевтонского ордена, они принадлежали к разным ганзейским третям. Первые группировались с городами Вестфалии, а последние, вместе с Висбю, образовали готландско-ливонскую треть.

Шесть прусских ганзейских городов – Данциг, Эльбинг, Браунсберг и Кёнигсберг на побережье, Кульм и Торн на Висле – занимали в Ганзе уникальное положение. Они подчинялись правителю, который сам был членом Ганзы, великому магистру Тевтонского ордена.

В XIV в. их феодальный правитель держал города в более строгом подчинении, чем любые другие города Ганзейского союза: Тевтонский орден сохранял повсюду полный военный контроль, великий магистр надзирал даже за съездами шести городов, которые восходят к XIII в., но стали особенно частыми со второй половины XIV в., а также за тем, как голосуют их представители на Ганзейских соборах. Города пытались расширить свои привилегии, иногда прибегая к помощи Тевтонского ордена, иногда – к помощи Ганзы, в зависимости от того, что в тот или иной момент казалось им выгоднее. Они стали более

независимыми после битвы при Танненберге (1410), когда, совместно с прусской знатью, ожесточенно боролись против владычества Тевтонского ордена. В 1466 г. города на Висле перешли под менее строгое правление короля Польши.

В экономической сфере прусские города, главным образом занимавшиеся экспортом насыпных продуктов своего региона – древесины и зерна, – решили расширить прямые морские связи с западом через Зундский пролив, в ущерб маршруту через Любек и Гамбург, и остаться в хороших отношениях с Англией, их главным покупателем. В результате прусские города почти всегда пребывали в плохих отношениях с вендскими городами. Их противостояние расшатывало внутреннее единство Ганзейского союза и ослабляло его мощь.

Расположенный в устье восточного рукава Вислы, Эльбинг начал развиваться первым из прусских городов, и до середины XIV в. он оставался самым важным прусским портом. Но вскоре Данциг превзошел Эльбинг; он перетянул на себя все транспортные потоки на Висле и монополизировал отношения с заморскими странами. В 1300 г. Данциг был сравнительно небольшим, и численность его населения не превышала 2000 человек, но к концу XIV в. он превратился в большой город, где проживало около 10 тысяч человек. Пятьдесят лет спустя эта цифра удвоилась. Какое-то время рост Данцига сдерживали местные войны, но ближе к концу XV в. его развитие ускорилося. Кульм, расположенный вдали от моря, прозябал почти со дня своего основания. Его экономическая слабость была столь выраженной, что во второй половине XV в. он перестал быть членом Ганзы. Зато Торн в XIV в. превратился в настоящий коммерческий центр. Он вел торговлю с одной стороны с Польшей и Украиной, и с другой стороны – с западом, как по Висле, так и по нижнему течению Одера. Однако в XV в. его экспансии положила конец конкуренция со стороны Данцига. Наконец, Кёнигсберг, вначале бастион Тевтонского ордена против тогда еще язычников-литовцев, рос медленнее. Экспорт янтаря и леса, а позже зерна позволил ему в начале XV в. обойти Эльбинг (около 10 тысяч жителей). Его рост продолжился в XVI в., когда Кёнигсберг стал столицей секуляризованного прусского государства.

К прусской группе примыкали два очень отдаленных города, Краков и Бреслау. Их членство в Ганзейском союзе, несмотря на отдаленность от ганзейской сферы влияния, можно объяснить давней активностью их купцов на Западе, особенно во Фландрии; важностью словацкой меди для Ганзы; а также экономическим преобладанием немецкого населения на ранних этапах развития этих городов. Краков, гражданами которого вплоть до 1316 г. могли становиться только немцы, упоминается как ганзейский город в 1387 г., но, разумеется, его считали ганзейским городом гораздо раньше. Увеличение доли поляков в населении и рост торговли в западном направлении, через Лейпциг и Нюрнберг, в ущерб торговле по Висле, все больше ослабляли ганзейский характер города, который в последней четверти XV в. перестал входить в Ганзейский союз. Почти то же самое произошло с Бреслау (около 20 тысяч жителей в XV в.), который также в 1387 г. упоминается в качестве ганзейского города. Пожаловавшись несколько раз на неприятности, чинимые его купцам во Фландрии ганзейцами, в 1474 г. Бреслау официально объявил о своем выходе из Ганзейского союза, заявив, что ганзейские привилегии больше не являются для города преимуществом. Два города никогда не посылали своих делегатов на Ганзейские соборы. Судя по всему, там их представляли делегаты от Торна и Данцига.

В странах Прибалтики насчитывалось около дюжины так называемых ливонских ганзейских городов, но только три из них, Рига, Ревель и Дерпт, играли важную роль в экономике и политике Ганзы. Все три города были членами Ганзейского союза с самого начала; то же, возможно, относится и к Пернау, оживленному порту в середине XIV в., который вскоре пришел в упадок. Остальные города, такие как Венден, Феллин, Вольмар и Виндау, до XV в. не считались ганзейскими городами. Некоторые из них вошли в состав Ганзы лишь в конце XV столетия. Сплоченность ливонских городов обеспечивали региональные соборы, которые собирались довольно регулярно начиная с середины XIV в.

Рига (8 тысяч жителей в XV в.?), город, где находилась резиденция архиепископа, был самым влиятельным из ливонских городов, который часто ссорился с Тевтонским орденом. Рига давно наладила торговые отношения с Западом, и ее рост зависел от речной торговли по Двине, которую она постепенно монополизировала. Ревель

(Таллин), который до 1346 г. находился в руках датчан, процветал, так как там находился сборный пункт для кораблей и купцов, которые оттуда направлялись в Новгород (6 тысяч жителей около 1500 г.). Такая функция была бы более естественной для Нарвы, также немецкого города. Нарва располагалась на восточной границе территории Тевтонского ордена и была ближе к Новгороду, чьи купцы пользовались ганзейскими привилегиями во Фландрии. Но Ревель, более старый город, был достаточно эгоистичен даже в XVI в. и ревностно противостоял приему Нарвы в Ганзу. Некая двусмысленность положения Нарвы схожа с положением Динана на западе. И наконец, Дерпт (Тарту), находившийся вдали от моря, был городом, через который проходил сухопутный маршрут в Новгород. Дерпт поддерживал тесные деловые отношения с Псковом; там находился крупный рынок русских продуктов до его уничтожения в 1558 г.

На острове Готланд Висбю во второй половине XIV в. еще претендовал на руководящую роль в Готландско-ливонской трети. Он основывал свои претензии на большой роли, какую он играл в расширении немецкой торговли на восток и на еще значительном объеме своей торговли с Англией и Фландрией. Но к тому времени город находился в упадке; процесс ускорился его разграблением в 1361 г. После того как Висбю перешел под контроль Дании, он больше не мог поддерживать свои притязания и, хотя до XVI в. оставался ганзейским городом, он занимал в союзе все менее важное место.

Наконец, возникает вопрос, являлись ли членами Ганзы отдельные шведские города. В уставе брюггской конторы записано, что купцы с Готланда, из Ливонии и Швеции образуют третью ганзейскую треть. Ясно, что в тот период шведские купцы – почти все, несомненно, немецкого происхождения – признавались членами Ганзы. Но каким было их положение после образования Ганзы городов? Есть доказательство, что делегат из Стокгольма присутствовал на Ганзейском соборе 1366 г., а в 1388 г. в письме, адресованном в Ревель, шведская столица называла Висбю «главой нашей трети». Поэтому кажется бесспорным, что Стокгольм (от 6 до 7 тысяч жителей около 1500 г.) был ганзейским городом, по крайней мере в XIV в. Труднее оценить статус других городов. Судя по всему, тот же вывод можно сделать и относительно Кальмара и Ньючепинга; оба города в 1362 г.

взимали ганзейскую пошлину с товаров. Невозможно получить такие же свидетельства за XV в., поэтому есть основания полагать, что к тому времени шведские города уже не считались ганзейскими. Вероятно, упадок Висбю, который был особенно заинтересован в поддержании трети и сохранении своего влияния, внес свой вклад в преждевременный выход шведских городов из Ганзы.

Обзор ганзейских городов наглядно демонстрирует различия в их статусе и разнообразные функции. Возможно, следует бегло заметить, что желание кратко охарактеризовать функции многочисленных ганзейских городов возникло очень давно. Оно породило популярную пословицу, возможно, восходящую к XV в., которая предлагает следующие, иногда довольно неожиданные, определения дюжине ганзейских городов: Любек – склад (Kaufhaus), Кёльн – винный погреб (Weinhaus); Брауншвейг – арсенал (Zeughaus); Данциг – амбар (Kornhaus); Магдебург – пекарня (Backhaus); Росток – солодовня (Malzhaus); Люнебург – соляной склад (Salzhaus); Штеттин – рыбная лавка (Fischhaus); Хальберштадт – бордель (Frauenhaus); Ревель – склад воска и льна (Wachs- und Flachshaus); Краков – медный склад (Kupperhaus); Висбю – склад смолы и дегтя (Pech- und Teerhaus).

## Население

Демографическая история ганзейских городов в последние три столетия Средних веков во всех отношениях повторяет историю Запада в целом. Она характеризуется более или менее стремительным ростом городского населения, благодаря иммиграции, вплоть до середины XIV в. «Черная смерть» вызвала резкий спад населения, которое, однако, вскоре восстановилось благодаря росту иммиграции в последующие годы; этот процесс повторялся примерно раз в десять лет, после того как эпидемии чумы выкашивали людей. Наконец, в XV в. население многих городов перестало расти или даже уменьшилось, хотя несколько из них продолжали расширяться.

Однако в этом общем плане ганзейские города представляют три характерные черты. Обычно иммиграция шла с запада на восток; пропорция иммигрантов из дальних мест была больше, чем в других регионах; немецкие города за Эльбой включали славянское меньшинство разного размера.

Документов, на которых можно основывать изучение подобных фактов, мало. Главным образом они состоят из списков новых граждан, и почти нет таких документов ранее XIV в. Иммигранты, чьи фамилии – единственно ценная деталь в данном контексте – свидетельствовали об их происхождении, обычно составляли не более половины от общего числа жителей. Конечно, по фамилиям нельзя определить, откуда точно приехал тот или иной поселенец. Фамилии выдают лишь родные места для его семьи, по крайней мере в подавляющем большинстве случаев. Следовательно, с помощью фамилий можно лишь примерно установить масштабы переселения.

Великая миграция на восток отразилась на всех ганзейских городах даже в XV в. Вестфальские города укреплялись пришельцами из Рейнской области, Франконии и даже Валлонии. Бремен обязан своим развитием голландцам и фризам. Гамбург рос с прибытием иммигрантов из Саксонии, а иммигрантов из Гольштейна было сравнительно мало. Перенаселенная Вестфалия поставляла переселенцев для Любека и всех восточных городов. Выходцы из многочисленных крошечных вестфальских городов рассеялись по всем прибрежным городам на Балтике, а также по внутренним регионам

Польши, стран Прибалтики и Швеции. Многие фамилии служат доказательством такого расселения. Так, Варендорпы, прибывшие из небольшого города в окрестностях Мюнстера, стали одной из самых влиятельных семей Любека, по крайней мере начиная с XIII в. Их родственников можно отыскать в других вендских городах, в Данциге, Эльбинге, Висбю, Риге и Дерите. Варендорпы часто становились членами городских советов. И Аттендорнов, выходцев из Рура, можно найти примерно в тех же городах, а также в Стокгольме. Несомненно, общее происхождение иммигрантов, расселившихся по разным отдаленным городам, независимо от степени родства, стало прочнейшим связующим звеном, скреплявшим структуру Ганзы. Особенно это касается вендских городов на Балтике.

Оттоком населения на восток также объясняется высокая доля в восточных городах тех граждан, которые прибыли из дальних мест, особенно в XIII в. и позже. Так, в Данциге в последней трети XIV в. иммигранты, которые пришли из районов западнее Эльбы, составляли 25 % населения, в то время как тогда же в Дортмунде до 90 % населения составляли люди, родившиеся там же или неподалеку.

Большая роль, которую играли иммигранты в заполнении городов, особенно после повторных вспышек эпидемий, привело Генриха Райнке к удивительному выводу. Он предполагает, что во всех ганзейских городах в XVII в. и ранее количество иммигрантов превосходило количество местных уроженцев. Если так, легче понять, почему столько граждан в первом поколении сумели достичь высоких постов в том или ином городе. В таком случае уже не столь удивительным покажется замечание, что из четырех великих бургомистров Любека в конце XIV в. двое были уроженцами Висбю, один – Брауншвейга и один – Хильдесхайма; что из четырех бургомистров Гамбурга, занимавших эту должность в 1490 г., ни один не был уроженцем города или сыном гражданина города; что Вулленвевер, уроженец Гамбурга, сумел управлять Любеком, хотя гражданство Любека он получил лишь в 40 лет, и т. д.

К западу от Эльбы население было полностью немецким, но к востоку в ганзейских городах имелось славянское (вендское) население. Его статус разнился в зависимости от области, но славян всегда было меньше в городах, чем в окружающей местности. Немцы преобладали благодаря своему богатству, техническому

превосходству предпринимателей и ремесленников и, почти повсюду, благодаря своей численности. Таким образом, ганзейские города стали центрами германизации Востока.

Естественно, в городах, расположенных между Эльбой и Одером, а также в Померании славян было меньше. В сельской же местности их численность оставалась неизменной вплоть до Нового времени. В судах Магдебурга уже в 1290 г. упразднили пользование славянским языком, поскольку в нем отпала необходимость. В тот же период в Ростоке и Штраль-зунде еще имелись особые наместники (Vogt), которые управляли вендами. Позже они исчезли. Даже после того, как славяне в какой-то степени получили подкрепление – в сельской местности начали селиться крестьяне-иммигранты, что было особенно свойственно для Штеттина и Франкфурта-на-Одере, – к XV в. количество славян стало незначительным.

Восточнее, в прусских городах, немцы также составляли подавляющее большинство. В Данциге в XIV в. кашубы и поляки составляли менее 10 % населения. Пропорция, несомненно, была выше в Торне и Кульме. Со второй половины XV в. интенсифицировалась польская иммиграция в города на Висле.

В странах Прибалтики положение было заметно другим. Хотя в Риге немцы составляли большинство населения (70–80 %), в Эстонии они составляли меньшинство. Скорее всего, таким же положение было в Дерпте и безусловно в маленьких городах. Необычный случай представляет Ревель. В XV в. в нем проживало довольно значительное шведское население; здесь немцы, шведы и эстонцы в начале XVI в. составляли соответственно треть, одну шестую и половину населения. Недавнее исследование, основанное на налоговых реестрах за 1538 г., позволяет сделать любопытные выводы о распределении национальностей среди различных социальных групп. Высший класс, состоявший из купцов и владельцев недвижимости (18 %) состоял целиком из немцев. Вероятно, так происходило с середины XIV в. Средний класс, к которому причисляли зажиточных ремесленников (22 %), на 59 % состоял из немцев, на 23 % из шведов и на 18 % – из эстонцев. Наконец, в низшем классе, состоявшем из поденных рабочих (60 %), которые выплачивали лишь небольшую подать или вообще ничего не платили, национальности составляли соответственно 2, 25 и 73 %. Эти цифры показывают подавляющее преобладание немцев,



которое можно найти и в других городах, хотя там они и составляли меньшинство.

Наконец, в зарубежных странах – Польше, Дании и Швеции – немцы как будто всегда были в меньшинстве, если не считать городов Шлезвига. Положение усугублялось начиная с XIV в. В целом во всех регионах, где сельские округа не были германизированы, пропорция немцев в городах была наивысшей в начале XIV в., а затем снижалась благодаря притоку иммигрантов из сельской местности.

Судя по всему, законы, определявшие юридический статус славян в ганзейских городах, вплоть до середины XIV в. были довольно либеральными. После введения «немецких законов» славян не лишали гражданства городов; по крайней мере, можно прийти к такому выводу исходя из фамилий некоторых бюргеров, которые указывают на вендское происхождение. Даже среди членов городского совета Любека попадаются такие явно славянские фамилии, как Русе или Вент. В Штендале, даже на левом берегу Эльбы, схожие фамилии можно встретить у представителей купеческой гильдии. Зато ничего сравнимого с этим нельзя найти в Штеттине и Эльбинге, хотя до завоевания они считались крупными центрами торговли.

Начиная со второй половины XIV в. участились ограничительные меры, особенно в том, что касалось гильдий. В 1323 г. в Брауншвейге славян исключили из гильдии торговцев мануфактурными товарами, в 1350 г. в Люнебурге – из гильдии бакалейщиков, в 1400 г. там же – из гильдии ювелиров. В Любеке подобные указы появились лишь в XV в.; они носили не националистический, а скорее экономический характер. Главной сложностью была переполненность гильдий. Зато в Пруссии Тевтонского ордена исключение славян, провозглашенное уже в 1309 г., возможно, стало результатом националистических мрачных предчувствий. Судя по всему, правил придерживались нестрого, так как славянские фамилии можно найти в списках граждан разных городов. В **Либонии** управление было не таким жестким. Вплоть до середины XIV в. славянам в Риге разрешали торговать, но после 1354 г. их исключили из «большой гильдии» купцов, а в 1399 г. славянам запретили вступать в торговые компании с немцами. Одна за другой для них закрывались и гильдии. Трудно понять, как долго сохранялись подобные ограничения.

## **Общественный строй: патрициат**

Внутренняя история ганзейских городов, как и других немецких городов, отмечена повторяющимися и часто насильственными конфликтами между «лучшими гражданами» (Geschlechter) и гильдиями (Handwerker). Было бы неверно считать эти разногласия всего лишь конфликтом между купечеством, которое заправляло в городском совете и самоуправлении, и ремесленниками, которые пытались получить хотя бы какую-то долю власти. Такой теоретический подход грубо упрощает сложный общественный строй и неверно интерпретирует истинный характер подобных разногласий. Гораздо полезнее попытаться сгруппировать городское население по степени богатства. Очевидно, что такое изучение средневекового периода может привести лишь к очень условным результатам. Более того, подобный подход возможен лишь в нескольких случаях, при использовании реестров налогоплательщиков и рассмотрении законов, регулирующих потребление предметов роскоши. Любое разграничение социальных групп, основанное на этом критерии, должно быть признано в какой-то степени произвольным.

Генрих Райнке различал в населении Гамбурга в конце Средних веков пять классов в зависимости от уровня богатства: 1. Богачи, обладавшие богатством свыше 5 тысяч любекских марок (некоторым, около 1500 человек, удалось накопить 40 тысяч марок), представляли крупных купцов и рантье. 2. Верхушка среднего класса – от 2 до 5 тысяч марок. Сюда относились самые богатые пивовары и судовладельцы, купцы среднего уровня и торговцы мануфактурой. 3. Средний класс (от 600 до 2 тысяч марок) в основном представляли большинство пивоваров и розничных торговцев, а также самые процветающие ремесленники, особенно мясники и ювелиры. 4. Низ среднего класса (от 150 до 600 марок) в основном представляли мастера-ремесленники, мелкие пивовары, скорее арендаторы, чем владельцы недвижимости. 5. Наконец, самая бедная категория – муниципальные работники, мелкие ремесленники, подмастерья и, самые бедные из всех, поденщики, грузчики и домашняя прислуга.

Очевидно, что такую классификацию нельзя применять к другим городам. В каждом имелись свои экономические особенности. В менее

процветающих городах, таких как Люнебург, крупные состояния были меньше, а средний класс тяготел к большей дифференциации. Однако в том, что касается роста богатства в XIV–XVI вв., можно провести определенную аналогию между Гамбургом, тогда еще увеличивавшим процветание, и Ростоком, который уже находился на спаде. В последнем городе средний класс ослаблялся, уменьшившись с 74 до 59 % в 1454 г., в то время как доля беднейшего класса выросла с 25 до 38 %. В Гамбурге количество и богатство тех, с кого взимали наибольший налог, слегка выросло, а разрыв между богатыми и бедными имел тенденцию расширяться, таким образом отчасти объяснив рост социальной напряженности и успех доктрин Лютера.

Члены «лучших семей», или патриции, были известны под разными именами в зависимости от области. В Вестфалии их часто называли «наследственными владельцами» (erfsaten в Дортмунде), в Нижней Саксонии «благородными спутниками» (Kunstabelen), в вендских городах, по крайней мере в XV в., – «помещиками» (Junker). Как бы их ни называли, патриции составляли высший слой городского населения. Согласно Любеке кой хронике, он состоял из «богатых купцов и состоятельных землевладельцев» или «купцов и богатейших людей города». После революции 1408 г. было провозглашено, что в будущем «купцам и рантье» будет причитаться только половина мест в городском совете. Как в Любеке, патрициат в большинстве ганзейских городов целиком состоял из купцов и рантье – эти две группы можно разделить лишь с трудом. Богатство обеих групп основывалось на городской и сельской собственности, участии в торговых и промышленных предприятиях и владении долями в кораблях и движимом имуществе. И в основе богатства рантье чаще всего лежала торговля. В морских портах крупные купцы всегда пользовались большим влиянием, чем в таких городах внутри страны, как Оснабрюк, Зост и даже Кёльн, где самым большим влиянием пользовались многочисленные владельцы недвижимости. Более того, похоже, что, говоря в целом, влияние рантье в пределах правящего класса в течение XV в. росло, хотя обычно патрициат пополнялся новыми членами из числа недавно разбогатевших купцов. Но можно с уверенностью предположить, что самой яркой чертой любого ганзейского города во все времена было явное преобладание торгового

элемента, который оставался непоколебим даже перед лицом частых мятежей.

Определить происхождение крупных городских семей почти никогда не удастся. Среди них можно найти нескольких представителей знати, таких, например, как Мёрдеры из Штральзунда, а также министриалов (мелких рыцарей, владевших небольшими земельными участками на основе домениального права), особенно в небольших епископальных городках Нижней Саксонии. Примером может служить Эверт ван Хольтхузен, крупный коммерсант, дипломат и член городского совета Хильдесхайма около 1400 г. Не слишком многочисленны разбогатевшие ремесленники, чье происхождение выдают их фамилии: в Бремене – Пеллифексы, в Эрфурте – Гольдслегеры, Купферслегеры, Муреры, Циглеры и т. д. В некоторых городах состав патрициата отражает определенные сферы деятельности. Например, в Госларе можно найти владельцев серебряных или медных рудников (*montani*), плавильщиков (*silvani*), в Люнебурге и Халле владельцев соляных копей (*sodemester*) и соляных заводов (*pfanner*), в Висмаре и Ростоке пивоваров, а в Данциге – судовладельцев.

Почти повсюду патриции создавали свои объединения, которые, хотя и образовались в разное время, помогали патрициату распространить свое влияние на весь город. В Кёльне старейшим объединением такого рода была купеческая гильдия, которая возникла еще в XI в. В середине XII в. ее заменил *Richerzeche* («Клуб богачей»), куда принимали видных купцов и владельцев недвижимости. «Клуб богачей» полностью контролировал власть в городе вплоть до конца XIV в. В Дортмунде в XIII в. появилась «Большая гильдия под патронажем Святого Рейнгольда» (*Reinoldigilde*), которую позже стали называть «юнкерским обществом» (*Junkergesellschaft*). Сходное общество появилось и в Риге. В Данциге в XIV в. существовало «Братство Святого Георгия». Довольно часто, как в Бремене, Мюнстере, Оснабрюке, Магдебурге и Штендале, объединение называлось *Gewandschneidergilde* («гильдией мануфактурщиков»), что свидетельствовало о крайней важности торговли фламандским сукном. Однако в отдельных городах, например в Гамбурге и Штральзунде, никакого патрицианского общества не было. В Любеке лишь в 1379 г. возникло «Круговое общество» (*societas circuliferorum*, *Cirkelsel-*

schop). Общество возникло после того, как девять патрициев заключили договор с монастырем Святой Екатерины, который выделил обществу часовню в своей церкви. Пополняемое с помощью кооптации, руководимое четырьмя избираемыми управляющими (Schaffer), проводившее два общих собрания в год, в XV в. «Круговое общество» включало в себя от 30 до 50 членов. В него входили все видные городские семьи. В 1429 г. среди 52 членов было 19 советников и 3 бургомистра. В 1483 г. лишь один советник не входил в это общество. «Круговое общество» сохраняло свою роль общественного центра любекского патрициата вплоть до начала XIX в. Последним кооптированным его членом в 1813 г., при французах, стал мэр города. Случай был настолько исключительный, что в 1450 г. образовалось младшее общество, «Общество купцов» (koplude kumpane), куда принимали нуворишей. Впоследствии многих из них приняли в «Круговое общество».

Во всех городах солидарность патрициата укреплялась браками между членами входивших в него семей. В Любеке около 1380 г. в одном ходатайстве указывалось, что большинство членов городского совета приходятся друг другу троюродными братьями. Для них управление было почти семейным делом, и они следили за тем, чтобы в их круг не вторгались ремесленники и «недостойные». Вместе с тем они охотно принимали в свой круг иностранцев при условии, если те были богаты, почтенны и женаты на ком-то из их дочерей. Вот почему в XV в. уроженцам Нюрнберга оказалось так легко внедриться в городской совет – и в Любеке, и в других местах.

Несмотря на свою исключительность, патрициат постоянно вынужден был вливать в себя свежую кровь: «лучшие семьи» вымирали из-за эпидемий, эмиграции и вырождения. Как правило, процветание знатной семьи не простиралось далее трехчетырех поколений. Однако в этом отношении между разными городами можно проследить существенные различия.

Самым стабильным и исключительным был кёльнский патрициат. В «Клуб богачей» входили потомки семей, которые уже были влиятельными в XII в., и они по-прежнему доминировали в XIV в., среди них евреи и лютеране, которым суждено было сохранить важную роль в XVII в. Во многом именно отказ принимать новичков становился поводом для ожесточенных конфликтов в конце XIV в. Они

положили конец преобладанию патрициата как класса – однако не отменили политического и экономического влияния богатейших семей, теперь разделенных по корпоративным группам, цехам (gaffeln). С другой стороны, в Гамбурге и Штральзунде обновление внутри патрициата шло особенно стремительно, и влиятельные семьи сохраняли свое положение всего два или три поколения. Любек и большинство ганзейских городов представляют промежуточный тип. Наряду с небольшим числом семей, которые сохраняли свое влияние на протяжении нескольких столетий, – Варендорпы с XII до XVI, фон Люнебурги с XIV до XVII в. – правящие семьи обычно исчезали через три или четыре поколения, и их заменяли нувориши. Одним из таких нуворишей был Генрих Касторп, один из великих ганзейских бургомистров XV в., купец из Дортмунда, который в 1445 г. стал гражданином Любека, а семь лет спустя был принят в «Круговое общество» и городской совет.

Ниже патрициата располагался средний класс, не такой богатый, зато более многочисленный. Представители среднего класса также занимались коммерцией и в результате не могли входить в ремесленные цеха. В Гамбурге данная группа причисляется ко второму классу по классификации Райнке. В него также входили крупные купцы; некоторые из них время от времени вели не только оптовую, но и розничную торговлю. Кроме того, туда входили пивовары или экспортеры пива (не состоявшие в ремесленных цехах), судовладельцы, торговцы мануфактурой и отдельные лошадиники. Важность данного класса значительно разнилась от города к городу. Принадлежавшие к нему не допускались в более важные муниципальные учреждения и особенно в городской совет. Естественно, этот средний класс стремился сыграть свою роль в политической жизни и часто вставал на сторону ремесленных цехов, когда те восставали против патрициев. В некоторых городах, например в Брауншвейге и Дортмунде, средний класс достигал своих целей. Но часто интересы и семейные связи приближали его представителей к патрицианским семьям, на чей уровень самые активные представители среднего класса мечтали когда-нибудь подняться. Этим объясняется, почему господство патрициата в большинстве ганзейских городов никогда не подвергалось серьезной опасности.

## Цеха

В ганзейских городах, как и повсюду, большая часть городского населения объединялась в профессиональные цеха, или гильдии, которые носили разные названия (Amter, Innungen, Gilden, Gewerke). Так было даже в крупных торговых городах: 62 % в Гамбурге в 1379 г., если причислить к подобным объединениям мелких пивоваров. Как и везде, в цехах были представлены все виды ремесел: продукты питания, металлы, текстиль, кожа, дерево. Однако отдельные ремесла пользовались особой популярностью и процветали благодаря связи с морской торговлей, например бондари, которых в большом количестве можно было встретить в вендских городах. Другие ремесла, наоборот, отличались узкой специализацией, например изготовители янтарных четок в Любеке, кузнецы-якорщики в Данциге и ткачи полотна в вестфальских городах.

Вплоть до XVI в. важные цеха постепенно получали ряд льгот. В жалованных грамотах устанавливалась их профессиональная организация, и им гарантировалась монополия (в Кёльне и Магдебурге такой процесс начался уже в середине XII в.). Обычно самые влиятельные цеха образовывали привилегированную группу, которая могла приобретать политические права и представительство в городском совете. Это относится к пяти большим цехам в Магдебурге (ткачи, торговцы шелком и бархатом, меховщики, кожевники с дубильщиками, а также сукновалы), шести Дортмундским «гильдиям» и четырем Gewerke в Берлине, Франкфурте, Росток и Грайфсвальде, куда обычно входили мясники, пекари, кожевники и ткачи или кузнецы. Редко, как в Мюнстере, видные гильдии объединялись в более многочисленную группу под управлением двух старшин.

Внутреннее устройство гильдий в ганзейских городах не представляет ничего необычного. Как и повсеместно, гильдии в XIV в. превращались в «закрытые цеха». Правила ограничивали количество учеников двумя или тремя для одного мастера, допустив рост количества подмастерьев и все более затрудняя процесс получения звания мастера. Помимо высоких взносов, взимаемых за вступление в гильдию и доступ к городским привилегиям, мастерство следовало доказать. Такое требование выдвинули уже в 1313 г. штеттинские

кузнецы, в 1360 г. – рижские ювелиры, а десять лет спустя – кожевники из Любека. В силу таких строгих правил членство в гильдиях не увеличивалось или даже сокращалось, в то время как количество купцов оставалось прежним или даже росло. Вот одна из причин неудачи политических требований, которые выдвигали гильдии в ганзейских городах.

Управлением и организацией гильдий занимался городской совет. В такие дела Ганза вмешивалась редко. Однако в 1417 г., сразу после волнений в Любеке, Ганзейский собор постановил, что любой ремесленник, живущий в ганзейском городе, обязан предъявить свидетельство о квалификации, засвидетельствованное как городом, из которого он прибыл, так и городом, в котором он хотел обосноваться. Недостаточно было просто представить такое свидетельство старшинам той или иной гильдии. Это была политическая мера, нацеленная на то, чтобы более пристально следить за ремесленниками, подозреваемыми в мятежных наклонностях. Региональные соборы также издавали правила, относящиеся к гильдиям. Уже в 1321 г. выпустили общие правила для всех вендских городов, которые касались подмастерьев-бондарей. В правилах устанавливался максимальный размер их жалованья; им запрещалось брать частную работу или покидать мастеров, чтобы посетить ярмарку в Скании. Другие правила предписывали использование ростокской тонны при взвешивании партий сельди и люнебургской тонны – для соли. В середине XIV в. те же города договорились об общих правилах для своих котельщиков и лудильщиков. Другие правила, которые главным образом относились к ювелирам, были приняты для всех прусских городов в целом.

Как и повсюду в Западной Европе, городские гильдии пытались приобрести политические права и представительство в правящих кругах. Споры, которые вначале, в конце XIII в., были лишь спорадическими, ко второй половине XIV в. стали и более серьезными, и более частыми. Они постоянно тлели в XV в. и стали еще ожесточеннее в XVI в., с распространением Реформации.

Первым городом, в котором вспыхнули серьезные беспорядки, стал Магдебург. В 1301 г. после восстания десять ведущих членов гильдий сожгли заживо. Однако после 1330 г. патрицианские семьи утратили контроль над городом и вынуждены были вступить в какие-либо из



пяти «больших гильдий». В то же время мятеж в Бремене быстро подавили. В последней четверти XIV в. гражданские беспорядки в Брауншвейге впервые заставили Ганзу серьезно встревожиться. Введение новых налогов вызвало ярость не только ремесленников, но и отдельных представителей купечества; были зверски убиты восемь бургомистров. Брауншвейг исключили из Ганзы, но снова приняли в 1380 г., хотя патрицианская гегемония там не восстановилась. Более того, в новой конституции 1386 г. 103 места в городском совете распределялись следующим образом: 25 мест заняли представители «лучших семей», 31 – торговцы мануфактурой, менялы и ювелиры и 47 – ремесленники. В Любеке в 1384 г. вспыхнул мятеж мясников под руководством честолюбивого купца Патерностермакера. Мятеж удалось подавить после большого кровопролития. Вскоре после того в Штральзунде оппозиция, возглавляемая богатым купцом Карстеном Сарновом, не входившим в число патрициев, свергла городской совет. Задача упрощалась из-за всеобщей ненависти к тирании семьи Вульфлам. Но Ганза под страхом исключения потребовала немедленных действий, и в 1391 г. Сарнова казнили. Наконец, в Кёльне гильдии, первое восстание которых в 1370 г. жестоко подавили, победили в 1396 г. и положили конец правлению «Клуба богачей». Самым устрашающим из всех стало восстание в Любеке, которое продолжалось с 1408 по 1416 г., тем более что его отголоски дошли и до других вендских городов. Кризис, потрясший Ганзу до основания, окончился почти полной победой патрициев.

Предпосылки и обстоятельства этой борьбы сильно различались, и было бы неправильно делать какие-то обобщения. Исключительность патрициата, амбиции отдельных влиятельных личностей, политические притязания гильдий и купцов, которых не допускали к управлению, соперничество между видными семьями, общее недовольство налогами и плохое финансовое управление – все эти предпосылки играли свою роль в восстаниях. Дело усугубляла революция во Фландрии. Историки как на Востоке, так и на Западе сходятся в том, что не считают такие конфликты подлинной классовой борьбой. Недопустимо говорить о восстании бедных против богатых и даже различать явную оппозицию между патрициатом и гильдиями. Более того, противоборствующие стороны значительно различались в зависимости от обстоятельств. В то время как первый мятеж мясников

в Любеке в 1380 г. можно считать конфликтом между отдельными ремесленниками и патрициатом, восстание в Брауншвейге в 1374 г. характеризовалось союзом ремесленников и купцов среднего класса. Судя по некоторым источникам, восстание в Штраль-зунде получило поддержку некоторых представителей патрициата, которых возмущала тирания семьи Вульфлам.

В целом этим мятежам не удалось серьезно ослабить статус патрицианского класса в ганзейских городах. Его владычество нарушалось довольно редко, как в Магдебурге и Кёльне. Даже если городу-коммуне удавалось свергнуть установленный режим, новой власти удавалось продержаться лишь несколько лет. Так происходило в большинстве вендских городов. Почти везде, однако, патрициату пришлось принять в городские советы нескольких – правда, очень немногих – представителей гильдий или согласиться на образование народной ассамблеи, которая на самом деле не обладала реальной властью.

Ганза не могла оставаться равнодушной к таким городским конфликтам, которые угрожали ее существованию и играли на руку местным правителям. Тождество интересов «лучших семей» и коммерсантов обычно позволяло Ганзе вмешиваться от лица существующих властей и оказывать сопротивление восставшим в пользу «старого совета», который вытеснял «новый совет». Впервые это случилось в Брауншвейге в 1374 г. После обращения беглых патрициев Ганзейский собор вынес вердикт об исключении мятежного города. Но последний не дал себя запугать и вскоре добился повторного принятия в Ганзу, не восстановив полностью патрицианскую гегемонию, чего требовали изначально. Такая частичная неудача сделала Ганзу благоразумнее. Она совсем не принимала участия в борьбе, когда был свергнут патрициат в 1396 г. в Кёльне, в 1399 г. в Дортмунде, в 1416 г. в Данциге и в 1418 г. в Бреслау, и довольно ограниченно вмешивалась в беспорядки в вендских городах. Однако кризис в Любеке в 1408–1416 гг. высветил реальные угрозы, которые подобные мятежи представляли для Ганзы. Поэтому на Ганзейском соборе 1418 г. постановили противостоять подобным мятежам в будущем с большей твердостью. Несколько городов исключили из Ганзейского союза: Штаде в 1419, Штеттин в 1420, Бремен в 1427, Росток в 1439, Мюнстер в 1454 г. Однако все эти

города довольно быстро приняли обратно после того, как они пошли на уступки.

Не приходится сомневаться в том, что сохранение патрицианских режимов в ганзейских городах происходило в какой-то степени из-за давления, оказываемого Ганзой. Но главным образом такое положение дел объяснялось экономическим и социальным преобладанием купечества и сравнительной слабостью гильдий, особенно связанных с текстильной промышленностью. В этом заключается разительный контраст с Нидерландами, где в тот же период ткачи гораздо нагляднее демонстрировали свой революционный пыл.

## Глава 7

# Корабли, судоходство, судовладельцы

### Корабли

Стремительное распространение немецкой торговли в странах Северной Европы начиная с середины XII в., конечно, связано с развитием ганзейского судоходства. По крайней мере на протяжении 200 лет немецкие суда были лучше приспособлены к новым условиям торговли, чем суда их конкурентов. Только техническим превосходством, которое, впрочем, довольно трудно продемонстрировать подробно, объясняется преобладание ганзейцев, которое они сохраняли вплоть до XV в.

В то время, когда был основан Любек, в северных морях ходили два типа судов: узкие и быстроходные драккары викингов, отличавшиеся малым водоизмещением, которые приводились в движение веслами и одним парусом; и западные парусники, которые были короче, шире, но обладали лучшими мореходными качествами. На судах обоих типов можно было перевозить лишь ограниченное количество грузов, редко превосходившее 15 ластов<sup>[17]</sup>, или 30 тонн. Вскоре стало очевидно, что колонизация и Крестовые походы, в которые отправлялись по морю, требовали больших кораблей.

Поэтому в конце XII в. на Севере появился более крупный корабль, который вскоре стал общеизвестен под названием когг. Есть отчет об отплытии из Кёльна в 1188 г. четырех больших кораблей грузоподъемностью более 80 ластов. Эти корабли везли крестоносцев в Святую землю. Летописец Генрих Латвийский отмечает, что в 1206 г. город Ригу спасло от голода прибытие двух коггов. Грузоподъемность нового корабля вскоре превзошла 100 ластов, то есть она была в 8—10 раз больше, чем у его предшественников. Длина среднего когга от форштевня до кормы составляла от 15 до 25 м, ширина – 5–8 м; осадка с грузом составляла около 2,25 м. Для коггов характерна клинкерная обшивка («внакрой»); киль и ахтерштевень были почти прямыми. Несмотря на единственный парус, управлять коггом было довольно просто; он мог идти против ветра, при попутном ветре развивал

неплохую скорость – от 4 до 5 узлов – особенно после 1200 г., когда на коггах появился руль, снабженный румпелем и прикрепленный к ахтерштевню.

Вопрос о происхождении когга, конструкция которого значительно отличалась от предыдущих кораблей, по-прежнему остается спорным. Возможно, на ганзейских судовой поверхностях усовершенствовали новую технику, черпая вдохновение в местных домах, обшитых деревом. Однако вероятнее, что когг разработали фризцы в Нидерландах, поскольку в 1163 г. в уставе Ньюпорта упоминаются пошлины с коггов (cogscult), а в епархии Утрехт они упоминаются еще в X в. Судя по этим записям, широкие корабли появились на западе раньше, чем на востоке. Во всяком случае, ясно, что ганзейцы получили мощный стимул к строительству кораблей нового типа, которые позволяли им добиться превосходства над конкурентами, особенно на Балтике. В XIII, а также и в XIV в. когг – типичный ганзейский корабль.

Однако в XIV в. в ганзейской сфере влияния появился еще один тип корабля, хольк (халк, хулк). Сначала он представлял собой грузовое судно скромных размеров. Хольк был шире когга; он был практически плоскодонным. Со временем он увеличивался в размерах, а из-за превосходящей грузоподъемности в XV в. полностью сменил когг, тем более что некоторые черты он позаимствовал у когга, особенно киль. Хольк мог перевозить более 150 ластов (300 тонн) груза. Его высокие надстройки на баке и юте постоянно увеличивались в размерах.

Наконец, начиная примерно с 1450 г. появилось судно еще больших размеров – каравелла. Вначале ее строили в средиземноморских и атлантических портах. Каравелла отличалась тремя мачтами вместо одной, а также гладким корпусом, который обшивали встык, а не внакрой. Каравелла сочетала скорость с большей грузоподъемностью, иногда превосходившей 400 тонн. Своим успехом судно нового типа обязано чистой случайности. В 1462 г. необычайно большая французская каравелла, «Сен-Пьер де Ла-Рошель», была брошена капитаном в порту Данцига. Городские власти отремонтировали ее и использовали в качестве каперского судна против англичан. Каравелла повсюду производила сенсацию благодаря громадному размеру, хотя в бою оказалась не слишком надежной. Позже строили и другие каравеллы; но вплоть до XVII в. главным типом крупного ганзейского судна оставался хольк.

В целом размеры океанских судов в последние три столетия Средневековья неуклонно продолжали расти. Отчасти это объяснялось растущим значением насыпных, нерасфасованных товаров, которые на них перевозили, – соли, зерновых и лесоматериалов. Иногда, например, на Ганзейском соборе 1412 г. раздавались голоса против такого развития. Из-за большого водоизмещения этих судов значительно увеличивался риск того, что они сядут на мель в гавани. Условия значительно различались. В то время как вендские города и Бремен предпочитали суда среднего водоизмещения, прусские и ливонские города сосредотачивались на строительстве крупных судов для перевозки насыпных грузов из районов, отдаленных от побережья. По сравнению с торговыми флотилиями других государств ганзейский флот в целом отличался большим количеством крупных судов.

Кроме того, в ганзейский флот входило много небольших кораблей, которые назывались по-разному. Среди морских глубоководных судов среднего водоизмещения чаще всего упоминались «крайер» и «эвер» (25–50 ластов). Более многочисленными были небольшие каботажные суда. Изначально созданные также для открытого моря, постепенно они перешли к более скромным обязанностям. Время от времени ими пользовались и для речного судоходства. Еще меньше (10–25 ластов) и быстроходнее были лихтеры и шнигге – малые двухмачтовые суда, на которых в случае необходимости можно было передвигаться с помощью весел. Во время войны они могли использоваться в качестве разведывательных и шли впереди кораблей покрупнее. Еще меньше, чем лихтеры и шнигге, были плоскодонные суда, на которых перевозили соль и лесоматериалы, вельботы и буссе, а также многочисленные барки и баржи, на которые переваливали грузы с морских судов; они ходили в портах и вверх по течению рек.

Средневековые корабли еще не знали специализации; они не различались конструкцией в зависимости от выполняемых функций. Все они в первую очередь строились как грузовые суда. Сначала, в период колонизации и Крестовых походов, на них часто перевозили пассажиров, но позже такая необходимость возникала редко, если не считать посольства и паломников, которые отправлялись в Сантьяго-де-Компостелу. В таких случаях путникам приходилось как-то устраиваться на временных местах, наспех сооруженных для путешествия. Военные корабли – которые назывались «кораблями

мира», *vredenschepe*, – почти не отличались от грузовых судов. Во время войны город нанимал у отдельных граждан любое доступное судно, которое затем вооружал и на которое нанимал команду за свой счет. Однако возможно, что вследствие войн в XIV и XV вв. на таких кораблях появился полубак. Чем выше он был, тем легче было подниматься на борт или давать отпор тем, кто шел на abordаж.

Было бы интересно узнать размер ганзейского флота в Средние века. Вальтер Фогель рискнул дать приблизительную цифру на конец XV в. По его подсчетам, океанский ганзейский флот, за вычетом каботажных судов, составлял около 1000 кораблей общей грузоподъемностью в 30 тысяч ластов. Они распределялись следующим образом: 10 тысяч ластов для Балтийского флота, которые вели торговлю через Зунд с Нидерландами, Англией и Пуату; такое же количество для торговли на Балтике; 2 тысячи – для Северного моря, хотя здесь оценка особенно трудна. Располагая флотом грузоподъемностью в 60 тысяч тонн, Ганза была ведущей морской державой того периода, которая превосходила Голландию, Англию, а также, возможно, Францию и Испанию.

Распространение морской торговли естественно вело к ускорению кораблестроения во всех морских портах. Поскольку корабли быстро изнашивались, а многие гибли в результате крушений или действий пиратов, их постоянно нужно было ремонтировать и заменять. Верфи, построенные на берегах рек и сдаваемые судостроителям, назывались *Lastadie* (это слово фламандского происхождения и означает место перевалки грузов). Как ни странно, вплоть до конца Средневековья судостроители ни в одном городе не образовали отдельную гильдию. Они оставались в союзе с плотниками. Правда, корабелы пользовались определенным престижем; несколькими из них, особенно в Штральзунде, удалось вступить в городской совет.

У нас совсем нет цифр, позволяющих оценить количество кораблей, которые строились в Средние века. Похоже, что после Любека самым активным центром в области судостроения был Данциг, по крайней мере до 1450 г. Близость обширных лесов, которые давали не только лес, но и деготь и смолу для замазки, благоприятствовали развитию там судостроения. В Данциге и Эльбинге из гильдии кузнецов выделилась отдельная группа якорщиков. В работе они использовали железо, ввезенное из Швеции.

Кораблестроители трудились не только для ганзейцев. Они продавали суда иностранцам – англичанам, голландцам, даже итальянцам. Однако когда голландские корабли, заходившие на Балтику, стали более многочисленными, ганзейцы с тревогой поняли, что они способствуют процветанию конкурентов. Начиная примерно с 1412 г. начали обсуждать ограничительные меры. В 1426 г. Ганзейский собор запретил продавать корабли иностранцам. Данный запрет периодически продлевался. Однако надежды на то, что ограничительные меры возымеют действие, оставалось мало. Единственным его результатом стало поощрение судостроения в других странах и в то же время отток ценных клиентов от ганзейских верфей. Поэтому заинтересованные стороны восприняли запрет плохо, особенно Тевтонский орден. В Данциге запрет не вводился до 1441 г., и даже тогда он действовал лишь во время войны. Обычно считалось достаточным подвергать поставки довольно иллюзорным условиям. Так, группе генуэзских судовладельцев, разместившим заказ на корабль в 1473 г., пришлось обещать, что никаким врагам Данцига, особенно Фоме Портинари – одну из его галер только что захватил капер, – не позволят получить долю в судне. Вероятно, такие запреты ускорили заметный спад в данцигском судостроении во второй половине XV в.



## Мореплавание

Как и повсюду в Средние века, ганзейские корабли были медленными, и продолжительность рейсов значительно колебалась в зависимости от ветров. Средняя скорость составляла от 4 до 5 узлов, самое большее – 10 узлов при попутном ветре. Корабли могли лавировать, но обычно прибегали к этому лишь в крайнем случае, предпочитая переждать в порту до более благоприятных условий. Требовалось четыре дня, чтобы дойти под парусом от Любека до Данцига, и девять – от Любека до Бергена, хотя иногда на такое путешествие уходило две или три недели. Путешествие из Ливонии в залив Бурньёф обычно занимало два месяца или более. Особенно опасными были берега Ютландии; под влиянием западного ветра корабли несло на мель. Многочисленные риски, а также длина обходного пути объясняют, почему прямой проход по морю так и не смог всецело вытеснить сухопутный маршрут Гамбург— Любек, который подчас оказывался быстрее, несмотря на две перевалки груза.

Путешествуя по узким проливам, ганзейские моряки никогда не выпускали надолго из виду берега, кроме рейса из Норвегии в Англию. В открытом море они обычно определяли свое местонахождение только методом счисления, прокладывая курс по звездам. Если требовалось узнать точное местоположение, опытные лоцманы полагались главным образом на лот, поскольку они знали точную глубину моря на протяжении всех своих маршрутов. Почти везде глубина не превышала 100 м. Итальянец Фра Мауро на своей карте мира (1458) сделал пометку в связи с Балтийским морем: «В этом море плавают не по карте и не по компасу, а по лоту». Конфигурацией берегов и морей объясняется, почему новые навигационные инструменты не получили у ганзейских моряков широкого распространения до сравнительно позднего времени. Компас и теодолит, которыми на Средиземном море повсеместно пользовались уже в XIII в., обычно не применялись на Севере до начала Нового времени, а морские карты получили распространение еще позже.

Вблизи берега моряки определяли местоположение по различным приметам – островам, лесам и церковным колокольням, которые, как кажется, строились особенно высокими именно с этой целью.

Колокольня церкви Святого Петра в Ростке, высотой около 132 м, была видна с моря за 50 км. Несколько деревянных башен помечали рифы. В XV в. упоминаются маяки в устье Траве – огонь на них горел только в условиях плохой видимости.

Основы навигационных знаний передавали устно из поколения в поколение. Впоследствии, не позднее второй половины XVI в., их свели воедино в «Морской книге» (Seebuch). В сущности, это был перевод на нижненемецкий фламандской компиляции, составленной веком ранее в Брюгге, с дополнительной информацией, имевшей отношение к ганзейским водам. В «Морской книге» было записано все, что могло пригодиться мореплавателю от Кадиса до Финского залива: расписание приливов и отливов, расстояния, глубины по лоту, вежи, опасности, которые встречаются у тех или иных берегов, и т. д.<sup>[18]</sup> Однако для того, чтобы пользоваться «Морской книгой», надо было уметь читать. Значит, вначале пользоваться пособием могли лишь немногие. Оно получило более широкое распространение лишь в XVI в.

Для того чтобы гарантировать безопасность своих кораблей на море, Ганза считала нужным издавать различные правила. Особенно союз занимали два вопроса: зимние рейсы и плавание в караванах.

Прекращать навигацию зимой было делом обычным: многие порты часто сковывало льдом. В конце XIV в., возможно после нескольких несчастных случаев, на Ганзейском соборе долго обсуждали этот вопрос и решили превратить обычай в обязательное предписание. В 1403 г. постановили запретить навигацию от Мартынова дня (11 ноября) до Дня святого Петра (22 февраля). Любой корабль, из какой бы страны он ни был, входивший в ганзейский порт после 11 ноября, должен был представить сертификат, в котором утверждалось, что он отправился в обратный путь до этой даты. За неимением сертификата корабль подлежал конфискации вместе с грузом. От такой меры освобождались корабли вместимостью менее 30 ластов, а также корабли, идущие в Норвегию или из нее. Висмару удалось добиться дополнительной уступки: для кораблей, которые везли сельдь и пиво – то есть торговали со Сканией, – период запрета сокращали, и он длился от Николина дня (6 декабря) до Сретения (2 февраля).

Эти предписания вызвали возмущение прусских городов. Они считали, что их большие корабли подвергаются дискриминации в

пользу кораблей из вендских городов. В 1245 г. они добились разрешения зимних рейсов между Любеком, Данией и Рюгеном. Возражали и голландцы, но тщетно. Из соображений практичности судоходство на Балтике зимой приостанавливалось. На Северном море, где запрет также вступил в силу, он соблюдался не так строго. Более того, он не относился к кораблям, которые шли из Ла-Манша или из Атлантического океана, если только они не шли в порт на Звейне или выгружали там товары.

Эти меры, конечно, снижали количество кораблекрушений, но вместе с тем и препятствовали ганзейской торговле. Многие немецкие корабли вынуждены были зимовать, неся большие расходы, во фламандских или английских портах, так как вернуться в родной порт до оговоренной даты они не имели права.

Еще труднее было применять правила, касавшиеся судоходства караванами. До середины XIV в. корабли обычно ходили поодиночке или небольшими группами, от двух до пяти судов. Однако из-за войны с Данией и, самое главное, возобновления пиратства Ганзейский собор предписал кораблям передвигаться в составе больших караванов. В 1392 г. прусские города постановили, что ходить через Зундский пролив необходимо караванами, состоящими не менее чем из десяти кораблей. Через пять лет они же разрешили проходить через датские проливы лишь 22 апреля, 10 мая и 15 августа. Очевидно, мера оказалась недостаточной, так как на следующий год весь прусский торговый флот пересек Зунд 13 июля в сопровождении двух военных кораблей, на которых находились 80 вооруженных солдат. Похоже, с тех пор все ганзейские торговые суда, которые шли из Балтики в Северное море и залив Бурньёф, стали составлять небольшую флотилию, охраняемую военными кораблями, оснащенными и вооруженными за счет участников каравана. Каждое судно предоставляло одного или двух солдат. Даже в Северном море плавание под охраной стало более распространенным, особенно во время войн или долгих рейсов. Такую меру предосторожности Ганза приняла только в целях безопасности. Подобная мера имела еще одно преимущество, так как предоставляла равные возможности всем купцам, и покупателям, и продавцам. Путешествие в одиночку обеспечивало одним высокие прибыли в ущерб остальным и время от

времени вызывало катастрофические колебания цен на внутренних рынках.

Конечно, караваны судов представляли и определенные недостатки. Вдобавок к дополнительному риску столкновения все суда, входившие в караваны, обязаны были собираться в заранее оговоренном месте и ждать, часто довольно долго, пока не прибудут все остальные. Многие жаловались на командующих караванами, которые отказывались давать сигнал к отправлению. Участились акты неповиновения. Чтобы положить этому конец, от капитанов требовали присяги на повиновение. Покинувших караван наказывали штрафом и даже исключением из ганзейских привилегий. И наоборот, в некоторые контракты на перевозку грузов включали санкции против капитанов, которые опаздывали к отплытию. Легко понять, что, хотя купцы настаивали на плаваньи караванами как мере предосторожности, капитаны кораблей в целом предпочитали идти на риск и плавать в одиночку.

Весь свод правил, имевших отношение к судоходству, морской торговле и морякам, постепенно выкристаллизовался в ганзейский морской устав, у которого прослеживается три источника.

Изначально каждый город жил по собственному обычному праву. В Германии старейшим является обычное право Гамбурга, впервые записанное в 1292 г. В нем подробно объяснялись отдельные правила, главным образом связанные с грузом, и оно предназначалось главным образом для гамбургских купцов в Брюгге и Утрехте. Это право, с изменениями, приняли Любек (1299), Бремен, Ольденбург и Рига. Расширенная версия под названием «Ордонансы» была составлена во второй половине XIV в.

Более важным источником для ганзейского морского устава стали «Олеронские свитки». Составленный примерно в конце XIII в. в Олероне, этот сборник местных правовых норм был предназначен главным образом для купцов Ла-Рошели и Бордо, которые торговали вином с портами на Звейне. В сборнике излагались необходимые процедуры на случай столкновения или споров с командой. В XIV в. его перевели на фламандский под названием «Сборник правовых норм Дамме» (Vonnese van Damme). Эта версия, в свою очередь переведенная на нижненемецкий и соединенная с «Ордонансами», стала, под названием *Waterrecht*, морским уставом сначала для

ганзейских городов на Северном море, а затем, после того как его принял Любек, и на Балтике. Так как верховный морской суд на Балтике находился в Висбю, сборник постепенно стал известен как «Готландское морское право» (Gotlandisches Wasserrecht). Такое название появилось на первом печатном издании, вышедшем в Копенгагене в 1505 г. Необычный путь для устава, созданного для нужд французских виноторговцев!

Наконец, третьим источником устава, восходящего ко второй половине XIV в., стали постановления Ганзейского собора по морским вопросам. Частичный сборник таких постановлений изготовили в 1482 г., но лишь в 1530 г. напечатали исчерпывающий кодекс под названием «Устав для капитанов и команд» (Ordonancie van den schipperen unde Boozluden). Основанное на столь разных источниках, ганзейское морское право страдало отсутствием единообразия. В конце XVI в. синдику Зюдерману поручили унифицировать его. К сожалению, он так и не успел выполнить задачу.

## Речное судоходство

Речное судоходство играло для ганзейской торговли почти такую же важную роль, как и морское. За несколькими исключениями, которые представляли норвежский Берген и, возможно, Данциг, до крупных портов невозможно было добраться на больших или средних судах. Грузы приходилось переваливать в устьях рек на суда поменьше, которые могли ходить вверх по течению.

Речное судоходство требовало судов различных видов в зависимости от местных условий: от простых открытых лодок до небольших крытых парусников. Например, в среднем течении Рейна применялись плоскодонные баржи. Они были маневренными и имели укрепленные фальшборты для защиты от столкновений. А ниже Кёльна, где грузы переваливали на другие суда, Рейн был шире и глубже, течение медленнее, и там можно было использовать суда покрупнее, на которых иногда можно было идти под парусом. Некоторые, подобные тем, которые можно видеть на «Раке Святой Урсулы» Мемлинга, почти не отличались от глубоководных морских судов. Повсеместно одной из главных забот городских властей оставалось поддержание достаточной глубины фарватера. В гавани было строго запрещено выбрасывать за борт балласт или мусор. Даже на реках, особенно вблизи устья, в XV в. пытались воплотить в жизнь смелые инженерные проекты. Так, делались попытки углубить фарватер Траве, сократив его ширину. К сожалению, попытка успехом не увенчалась. Много усилий потратили на то, чтобы не допустить заиливания Звейна, – еще одно доказательство того, что в тот период человек был достаточно беспомощен, когда сталкивался с такой проблемой.

По всей Германии речное судоходство находилось в руках городских гильдий лодочников. Судовладельцы и советы морских портов как будто не выказывали интереса к этой отрасли. В XIV–XV вв., с развитием основных оптово-экспортных рынков, реки разделили на четко разграниченные участки, в которых монополию на судоходство присвоили себе гильдии крупных приречных городов. Примерами таких гильдий служат *gylda nautarum* в Берлине на Шпрее и на Хафеле и «Братство Святого Иакова» в Гамбурге в нижнем течении Эльбы. Единственным исключением в таком дроблении стала Висла.

В 1375 г. Тевтонский орден поставил над гильдиями в каждом приречном городе комитет старшин (Oldesten), который составлял правила, обязательные к исполнению всеми лодочниками и для всех грузов в прусских городах. Таким образом, Тевтонский орден учредил союз, который был одновременно профессиональным и религиозным.

Хотя речное судоходство подразумевало меньше рисков, чем морское, оно также было опасным. В случае войны между правителями земель, находящихся на берегах рек, на корабли часто нападали. Регулярный же оборонительный союз существовал снова только на Висле – по крайней мере, в середине XV в., во время Тридцатилетней войны между Польшей и Тевтонским орденом. Поскольку прусские города и знать поручили себя защите короля Польши, Тевтонский орден пытался вмешаться в речную торговлю. Тогда Данциг и Торн решили организовать караваны, сопровождаемые военными кораблями, вооруженными пушками и наемниками. Несколько раз в 1459 и 1460 гг. флотилии, состоящие из ста с лишним барж, перебирались из одного города в другой, по пути то и дело вступая в схватки.

Важность речного судоходства демонстрируют попытки расширить определенные участки рек и прорыть каналы. Временами такие проекты возбуждали ожесточенное соперничество между городами. Так, в 1377 г. Люнебург, который получал большую прибыль от сухопутного маршрута, связывавшего его с Брауншвейгом, добился от герцога запрета на прокладку на территории герцогства проходимого водного пути, который пагубно сказывался бы на его торговле. Через 50 лет, когда Брауншвейг начал сооружать канал на реке Окер, что направило бы торговлю в сторону Бремена, Люнебург, объединившись с Магдебургом, вынудил Брауншвейг приостановить работы на 7 лет (1440). Однако через несколько лет Брауншвейгу удалось возобновить приостановленный проект и соорудить судоходное русло со шлюзами до самого Везера. Такие же работы предприняли Ганновер, Зост и Херфорд.

Из всех каналов для ганзейской торговли особую роль играли два. Один прорыли в Восточной Пруссии под руководством Тевтонского ордена в конце XIV – начале XV вв. Он соединял Прегель и Куршский залив, создав водный путь, исключительно удаленный от моря, между Данцигом и Ковно, вдоль двух заливов и реки Неман. Этот канал в

значительной мере способствовал экономическому развитию Данцига, который превратился в главный рынок для литовских продуктов.

Куда большую важность имела прокладка канала на Штекнице, притоке Траве, который связал последнюю через Мольн с Дельвенау, притоком Эльбы: таким образом, соединились по воде Любек и Гамбург, то есть Балтийское и Северное моря. Уже в середине XIV в. там существовал примитивный канал, который позволял плоскодонкам с солью из Люнебурга добираться до Любека. Но вскоре тот канал оказался недостаточным, и в 1390–1398 гг., после затянувшихся переговоров с местными правителями, соорудили канал со шлюзами, по которому могли ходить лихтеры. Трудно оценить экономическую значимость этого канала в XV в. Главной его целью по-прежнему оставалась перевозка соли из Люнебурга в Любек, но кроме того, стало возможно перевозить нерасфасованные продукты – особенно вино в бочках – с Эльбы в Траве и обратно. Особенно ценным оказался канал во время частых войн с Данией, когда путь через Зундский пролив оказался отрезан. Так, например, в 1428–1429 гг., когда Любек потерпел поражение в Зунде, сборы за перевозку по каналу удвоились. В мирное время он был не так полезен, и почти нет доказательств того, что он брал на себя значительную часть морской торговли через Зунд. Одним из его главных недостатков было то, что водный путь из Любека в Гамбург занимал вдвое больше времени, чем сухопутный маршрут через Ольдесло. Соответственно, в 1448 г. Гамбург предложил Любеку прорыть более прямой канал, связав небольшие притоки Альстера и Траве – поистине предтечу Кильского канала. Работы начались, но завершены не были. Однако такая попытка доказывает важность, какую придавали оба города внутреннему водному пути, и предполагает, что канал Штекниц, несмотря на свои несовершенства, помогал Любеку сохранять свое экономическое превосходство.



## Судовладельцы, капитаны, команда

Во всех ганзейских портах судовладельцы и владельцы долей в кораблях образовывали почтенную, хотя и довольно неоднородную группу. Однако вплоть до XIII столетия они не выделялись в особую группу. Один и тот же человек мог быть и судовладельцем, и капитаном своего корабля; ему могла принадлежать львиная доля товаров, которые он перевозил и продавал в конце своего пути. Однако по мере того, как корабли делались больше и вошло в обычай делить корабль на все большее число долей, среди судовладельцев, капитанов и грузовладельцев наметилась некоторая степень специализации.

К концу XIII в. никто не удивлялся, если кораблем совместно владели два человека. В начале XIV в. впервые упоминается, что корабль поделили на 4 части (хотя в Англии подобную практику начали применять на 200 лет раньше). Вскоре такое деление стало обычным для кораблей любого размера. В XV в. обычным было деление корабля на 8 долей, но в случае более крупных кораблей можно найти примеры и 16, 32 и даже 64 доли. Вот лишь один пример: корабль из Любека, отплывший в 1449 г. в Бурньёф за солью, был поделен между 8 владельцами, пятерым из которых принадлежало по  $1/16$  корабля, одному –  $1/16$  с четвертью, одному  $1/8$ , а капитану –  $1/4$ . Одному из этих судовладельцев, Хермену Мейеру, вдобавок принадлежали доли еще в пяти кораблях, входивших в ту же соляную флотилию: доли составляли  $1/8$ ,  $3/8$  и  $3/16$ .

Такая разбивка на малые доли возникала из-за деления наследства, желания судовладельцев распределить риски, роста тоннажа и желания допустить к владению больше людей и таким образом облегчить финансирование судостроительства. Конечно, как правило, судовладельцами были купцы, но отдельные судовладельцы одновременно были кораблестроителями, а некоторые даже ремесленниками. Многие шкиперы, вышедшие в отставку, поскольку хорошо разбирались в навигации, вкладывали в корабли почти все свои деньги. Так, Герман Месман из Любека в конце XV в. оценивал свой капитал в 3 тысячи марок; капитал находился в виде трех целых кораблей и долей еще в 6 кораблях, от  $1/8$  до половины<sup>[19]</sup>. Судя по всему, самым крупным судовладельцем в Ганзейском союзе был

Тевтонский орден, по крайней мере в начале XV в. В 1404 г. два казначейства, в Мариенбурге и Кёнигсберге, владели четырьмя целыми кораблями и долями еще в 13 судах общей грузоподъемностью почти в 900 ластов. Они оценивались в 10 тысяч любекских марок. Но после поражения при Танненберге эти капиталовложения быстро улетучились.

Владельцы корабля образовывали товарищество, в которое часто входили граждане разных городов. Они регулярно встречались или, по крайней мере, вели подробную переписку, извещая друг друга о доле расходов каждого на оснащение корабля и о доходах от перевозки груза<sup>[20]</sup>. Они отдавали распоряжения капитану, изучали письменный или устный журнал его рейсов и, в случае необходимости, увольняли его.

Самым важным из судовладельцев был мастер или капитан (scheherr, откуда произошло слово «шкипер»). В Средние века капитан редко бывал служащим на жалованье. Обычно ему принадлежала доля в том корабле, которым он командовал, – как правило,  $\frac{1}{8}$  или  $\frac{1}{4}$ . Он не получал особой платы за исполнение обязанностей капитана. Зато ему как одному из владельцев причиталась часть прибыли, в соответствии с его долей. На практике он получал еще дополнительную прибыль, поскольку перевозил и собственный груз. По условиям договора капитан должен был иметь жену и детей. Семья в городе служила залогом его честности. Подобная мера предосторожности не была лишена оснований. Гораздо чаще, чем купцы, капитаны кораблей испытывали склонность к бродячей жизни, а благодаря многочисленным знакомствам за границей они могли в случае неприятностей без труда эмигрировать.

Теоретически капитан должен был лишь исполнять распоряжения, отдаваемые владельцами. На самом деле обычно ему предоставляли решать вопросы самостоятельно. Он нанимал и увольнял членов экипажа, а также расплачивался с ними. Он договаривался с купцами о перевозке грузов, надзирал за погрузкой и разгрузкой и отдавал приказ поднять якорь. На море он обладал абсолютной властью. Если навигацией и управлением кораблем и занимался рулевой, тем не менее главную ответственность нес капитан. Он решал, в какие порты будет заходить корабль, долго ли там пробудет, нанимать ли местных лоцманов для прохода по опасным каналам. В случае крайней

опасности капитан, посоветовавшись с самыми опытными матросами и присутствующими грузовладельцами, решал, какие грузы можно выбросить за борт. Для информирования своих компаньонов он был обязан, по крайней мере после XV в. и в случае долгих рейсов, вести письменный журнал. С этой целью его часто сопровождал писец.

Капитаны образовывали в высшей степени уважаемую группу среди судовладельцев, главным образом благодаря своим обязанностям, близким отношениям с грузовладельцами и растущей важностью их коммерческих операций. Так как они сами были купцами, многих из них принимали в число патрициев, и они занимали высшие государственные должности, хотя их повышение не всегда означало, что им приходилось сходить на берег. Среди капитанов, которые отплыли во Фландрию в 1422 г., был фон Детинхем, бургомистр Данцига, а в 1436 г. – советник Генрих Бук. Кстати, многие ганзейским капитаны были голландцами по происхождению. Их становится больше в третьей четверти XIV в. на кораблях, которые ходили между Любеком и Стокгольмом, и еще чаще – в Северном море. Уже появились намеки на будущее преобладание голландцев на море. Наверное, самую блестящую карьеру из всех капитанов сделал Симон ван Утрехт из Гарлема. В 1399 г. он стал гражданином Гамбурга, командовал кораблями, принадлежавшими городу, в борьбе против «виталийских братьев», и покрыл себя славой; в 1426 г. он стал членом городского совета, а шесть лет спустя – бургомистром.

Команду (Schipkindere) капитан набирал на каждый рейс. Матросы были либо горожанами, либо крестьянами. Обычно набирали дюжину матросов на корабль водоизмещением 150 т и двадцать – на более крупное судно в 250 т, то есть по одному матросу на каждые 12 т груза. Вплоть до XIV в. специализации среди матросов почти не было. Первым, кто выделился в отдельную фигуру, стал рулевой. Он отвечал за навигацию, что подразумевало долгий опыт на море, отличные мореходные познания, способность вычислять высоту звезд и иногда – умение пользоваться компасом. Функции средневекового рулевого были более или менее идентичны функциям современного капитана, кроме того, что рулевой, по крайней мере теоретически, не обладал никакой властью над экипажем, которым командовал один капитан. Помимо рулевого, в хрониках XV в. упоминаются плотники, коки и писцы. В последнюю очередь, ниже матросов (Bootsmanns,

Schippanns), иногда упоминаются корабельные юнги (Jungen, Jungknechte).

Развитие отношений внутри экипажа чем-то напоминало развитие гильдий. Сначала, когда корабли были маленькими, на них преобладали патриархальные отношения, и члены экипажа могли надеяться, что когда-нибудь сами станут капитанами. Но корабли росли в размерах, развивалась специализация матросов, сходная со специализацией подмастерьев в гильдии, и простые матросы уже не надеялись стать капитанами. По мере того как их становилось больше, матросы делались менее покорными и более требовательными в смысле оплаты их труда. Такая тенденция тревожила Ганзу, и она пыталась ее подавить. На соборе 1418 г. постановили, что отсутствие субординации и дезертирство карается тюремным заключением, а в случае рецидива – клеймением раскаленным железом. Несколько раз подчеркивалась необходимость строгого повиновения капитану, но, видимо, безрезультатно.

Одним из главных источников конфликта между капитаном и командой, очевидно, служили ставки и способы платежа. В целом города пытались строго регулировать такие вопросы, но капитан обычно обязан был обсуждать размер платы непосредственно с матросами, когда он их нанимал. По морскому праву Гамбурга моряк получал в момент отплытия в рейс на Готланд или в Норвегию 10 английских шиллингов, что представляло плату за 12 недель, а после того по 10 пенсов за каждую дополнительную неделю. В рейсах во Фландрию он получал вначале 12 гамбургских шиллингов на 7 недель, а затем по 9 английских пенсов за каждую лишнюю неделю. Зато в Любеке плата могла колебаться в зависимости от дохода от груза.

Почти невозможно оценить, как росли ставки. Вальтер Фогель, основывая свою оценку на нескольких разрозненных примерах (и пересчитывая в граммы серебра), предположил, что, возможно, плата в XIII–XIV вв. вырастала на 50—100 %. Он пришел к выводу, что матросам платили крайне мало, как чернорабочим. Правда, базовую ставку в ряде случаев можно было пополнить. Дело в том, что моряки имели право перевозить и продавать товары для себя. Иногда товары на продажу они выбирали сами, но чаще их им навязывали. Если моряк сам не использовал такое право, он мог передать его третьему лицу. Вдобавок, матросы иногда получали дополнительную плату от

грузовладельцев за проветривание определенных товаров (Kiihlgeld), а также за погрузку и разгрузку в порту (Windegeld). Наконец, за четыре зимних месяца, когда моряк не находился в море, он получал некую фиксированную ставку за работу на суше. В целом совсем не кажется, что жизнь матроса состояла из одних лишений. Любопытный случай произошел на одном прусском корабле. Члены экипажа взяли на борт для себя 100 бочек вина в Ла-Рошели с намерением продать его в Сандвиче. Они платили капитану 2 нобля за бочку в качестве платы за фрахт (1455). Этот случай иллюстрирует, что даже простые матросы могли получать прибыль. Конечно, ганзейский морской флот не страдал от отсутствия рабочих рук.

Как и в других ремеслах, в XV в. стали образовываться братства, членами которых становились все моряки, равным образом капитаны и матросы. Они занимались религиозной, общественной и благотворительной деятельностью. Таким было Братство Святого Николая, основанное в Любеке в 1400 г. В том же городе в конце века основали Братство Святой Анны, членами которого могли становиться только матросы, а капитаны исключались – аналогично с объединениями подмастерьев. Но такое братство скорее кажется исключительным случаем.

## Перевозка грузов

Главной заботой капитана, очевидно, было сдать свой корабль купцам на самых выгодных условиях, а затем благополучно доставить груз к месту назначения. Правда, даже в XV в. иногда случалось, что капитан также был владельцем большей части груза и сам занимался его продажей в конце пути. Однако чаще капитаны к тому времени были лишь перевозчиками, которые выполняли условия контракта, заключенного с грузовладельцами. Последних становилось все больше. Груз одного ганзейского корабля, потерпевшего крушение в 1345 г., принадлежал 26 купцам. Груз еще одного судна, пропавший в 1430 г., принадлежал 39 купцам; груз третьего судна, потерпевшего крушение в 1468 г., принадлежал 62 владельцам. Такой рост возник не только в результате увеличившейся грузоподъемности судов, но и в результате желания сократить риски, распределив партии товаров по нескольким кораблям. В доказательство можно привести лишь один пример из описи груза флотилии из 10 кораблей, которая вошла в гавань Ревеля в конце зимы 1430 г. Три самых больших грузовладельца распределили свои товары по 9, 8 и 7 кораблям соответственно. Морская страховка, общераспространенная практика на Средиземном море и в Португалии начиная с середины XIV в., вплоть до второй половины XVI в. оставалась неведомой для ганзейцев. Поэтому единственным способом избежать серьезных убытков оставалось распределение грузов. У такого способа имелся недостаток: торговать было сложнее, правила оказывались более утомительными, инициатива тормозилась. Отсутствие какого-либо морского страхования было, несомненно, одним из главных недостатков торговой системы Ганзы.

В начале судоходного сезона капитаны и купцы во всех морских портах обсуждали контракты на перевозку грузов. До XIII в. контракты заключались в виде устных соглашений в присутствии свидетелей за кружкой пива. В XIV в. устное соглашение сменилось письменным документом. Старейшие из тех, что сохранились до наших дней, относятся к XV в. Они имеют вид собственноручного письма. Два идентичных текста писались на одном листе бумаги, который затем разрывался пополам по неровной линии, помеченной первыми

несколькими буквами алфавита<sup>[21]</sup>. Одну копию передавали купцу, который обычно относил ее в ратушу, а вторую – капитану. В случае разногласий подлинность двух текстов можно было установить, сложив их вместе. Такая процедура применялась в Средиземноморье в XII в., но сменилась документом, скрепленным нотариальной печатью. В Ганзейском же союзе она существовала вплоть до XVI в.

Возникал риск, что подобные отдельные сделки приведут к опасному неравенству. Поэтому в XIII в. некоторые города пытались отрегулировать грузоперевозки. В Любеке делегат Компании бергенских купцов собирал все запросы на грузы, которые надлежало доставить в этот порт, и распределял товары среди доступных кораблей, отдавая первенство членам своей компании. Они составляли опись грузов для каждого судна, надзирали за погрузкой и укладкой в трюм, проверяли такелаж и вооружение экипажа и т. д. После 1445 г. на эту должность избрали четырех чиновников. Любек даже пытался централизовать в своем порту все бергенские рейсы из вендских городов на Балтике, но план не удалось воплотить в жизнь из-за сопротивления Висмара. Однако, судя по некоторым данным, в XVI в. чиновники из Любека ездили в Висмар и Росток, чтобы надзирать за такими операциями. Тогда же учредили такой же контроль над торговлей с Ливонией и даже над рейсами из Гамбурга во Фландрию: вот еще один пример того, как Любек проявлял свою власть над вендскими городами.

Нет необходимости подчеркивать, что споры между капитанами и грузовладельцами были нескончаемыми. Ганзейское морское право призвано было урегулировать отношения сторон. Капитан имел право сохранить груз на борту, если ему не платили за фрахт. За задержки при доставке товара на погрузку отвечал грузовладелец. Он обязан был выплатить пени в размере половины платы за фрахт, если оговоренные товары не были доставлены на борт в срок. В случае кораблекрушения или нападения пиратов капитан освобождался от всякой ответственности. В штормовую погоду он имел право, даже если грузовладелец был против, выбросить весь груз или часть груза за борт, после консультации с самыми опытными членами экипажа. В случае повреждения корабля на море грузовладельцы несли свою долю убытков. То же правило применялось к порче, причиненной во время швартовки, в случае выкупа, который платили пиратам, и даже

расходов на паломничество, так как паломники давали обет в минуту крайней опасности. В случае неумышленного столкновения убытки распределялись поровну между двумя кораблями, капитаны оплачивали ремонт судов, а грузовладельцы возмещали стоимость утраченных грузов.

Поскольку морские рейсы включали в себя многочисленные риски, неудивительно, что плата за фрахт была крайне высокой. Несколько сохранившихся записей, связанных с данным вопросом, сделаны не ранее XV в. и демонстрируют значительные расхождения. В целом перевозка дешевых насыпных продуктов обходилась гораздо дороже, чем перевозка дорогих товаров. В начале XV в. плата за фрахт из Данцига в Брюгге партии зерна составляла 48 % цены; ржи – 68 %; соли – 66 %; лесоматериалов – 79 %. В опасных рейсах плата за фрахт могла быть еще

выше, например, 85 % за португальскую соль, которую везли в Брюгге. Зато стоимость перевозки специй, сукна и вина составляла всего 10 %. Считалось, что перевозка тонны воска принесет вдвое больше прибыли, чем перевозка тонны зерна.

Почти невозможно понять, какова была средняя прибыль за перевозку груза в процентном отношении к стоимости судна. Несмотря на значительные расхождения, можно примерно сказать, что прибыль составляла 50—100 % от стоимости судна, хотя после особенно удачного рейса прибыль достигала 200 % с лишним. Еще труднее оценить чистый доход судовладельца, поскольку нет точных сведений о жалованье экипажей, стоимости ремонта – которая из года в год значительно отличалась – или стоимости амортизации кораблей, которые очень быстро изнашивались. По подсчетам Вальтера Фогеля, после выплат всех расходов доход с одного корабля в среднем составлял до 15 % от его стоимости. Поэтому четвертой части или даже 1/8, с избытком хватало для содержания семьи. На самом деле у судовладельца, даже больше, чем у купца, очень многое зависело от случая. Хотя временами грузоперевозки приносили большую прибыль, после череды неудач можно было совершенно разориться. Вдобавок прибыли в XV в., судя по всему, уменьшились, особенно на востоке Балтики, в результате конкуренции со стороны голландцев. Последним удавалось сбивать тарифы на фрахт, которые оказывались значительно ниже ганзейских. Поэтому, несмотря на общий рост торговли и запрет



на наем иностранных кораблей, голландцам удалось перехватить часть ганзейской торговли. Результатом стал распад торговых флотилий Данцига и ливонских городов.

## Глава 8

### Купечество

#### Профессиональные группы и сообщества

История Ганзы практически совпадает с историей mercator hansae Teutonicorum, или «объединенного купечества» (der gemeene sorman). Именно оно, основав Готландское сообщество, создало Ганзу, и у Ганзы городов не было другой цели, кроме заботы о процветании купечества.

Говорить о специфически ганзейском купечестве – значит подменять действительность абстракцией. На самом деле можно, пусть и с известными оговорками, выделить целый ряд различных категорий купцов – на основе их богатства, рода деятельности и общественного положения.

На вершине находились самые богатые купцы, которые почти без исключений занимались оптовой торговлей на дальние расстояния, в основном торговали в кредит и действовали во многих географических и экономических областях. До недавнего времени считалось, что в ганзейских владениях не были известны или встречались редко крупные торговые банкиры того типа, какие существовали в Италии и на юге Германии. Считалось также, что Ганза не знала больших, четко структурированных компаний с многочисленными филиалами, сравнимых с компаниями Перуцци, Медичи или «Великой торговой компанией» Равенсбурга. Однако Рёриг и его ученики полностью опровергли эту ошибочную теорию и показали, что крупные торговые компании были свойственны ганзейской коммерции в XIV и XV вв. и встречались не только в Любеке, но и во всех значимых городах на севере Германии.

Если вспомнить классификацию по пяти классам налогоплательщиков, предложенную Райнке для Гамбурга, самые богатые купцы, естественно, относятся к первому классу. В среднем они обладали капиталом от 5 до 25 тысяч любекских марок в конце XIV в. и около 40 тысяч марок – в конце XV в. Таким капиталом обладал, в частности, Иоганн Буссман, который в начале XVI в.

считался богатейшим гражданином Любека. В 1499 г. наследники гамбургского бургомистра Хенненга Бюринга из Компании торговцев с Англией получили 46 тысяч марок. Но какими бы внушительными ни казались эти цифры, они значительно меньше состояний крупных купцов, живших в тот же период на юге Германии, например Фуггеров (375 тысяч любекских марок в 1511 г.), Вельзеров (486 тысяч марок в 1515 г.), «Великой компании Равенсбурга» (198 тысяч марок в 1496 г.) и даже Клауса Штальбурга из Франкфурта (82 500 марок в 1515 г.).

Богатство крупных купцов в разных пропорциях определялось не только прибылью от коммерческих операций, но и процентами по займам, долями в предприятиях и кораблях, земельной рентой, ежегодной рентой и т. д. Кроме того, в состояние входили земельная собственность, как в городе, так и в сельской местности, драгоценности, наличные деньги и т. д. Коммерческая деятельность таких купцов отличалась многочисленностью предприятий, в которых они были заняты, всегда в виде оптовой торговли – они либо покупали, либо продавали. Часто важной частью их деятельности была торговля фламандским сукном.

Почти все богатые купцы входили в патрициат. Они либо принадлежали к одной из «лучших семей» того или иного города, либо недавно получили гражданство и были приняты в патрицианское общество благодаря своему богатству и связям по браку. Часто их можно было найти в городском совете или на высших муниципальных должностях. Примерами могут служить бургомистры Иоганн Виттенбург (середина XIV в.) и Генрих Касторп (конец XV в.) в Любеке, Ганс Хюге и Хеннинг Бюринг (конец XV в.) в Гамбурге, Эберхард Фербер (начало XVI в.) в Данциге и т. д.

Ниже располагалась вторая категория – владельцы состояний от 2 до 5 тысяч марок. Принадлежавшие к этой категории купцы средней руки, как правило, вели дела только с какой-нибудь одной зарубежной страной – Фландрией, Швецией, Англией или Русью, – и их операции отличались меньшей сложностью. Вдобавок многие из них торговали, хотя бы некоторыми из ввозимых ими товаров, не только оптом, но и в розницу. Вико ван Гельдерсен из Гамбурга и Иоганн Тёльнер из Ростка, жившие во второй половине XIV в. и оставившие после себя бухгалтерские книги, относились к этой категории. Оба они импортировали большие партии фламандского сукна, которое

продавали своим клиентам в розницу, первый в маленьких городках на Эльбе и в нижнем течении Везера, а второй – богатым семьям в Мекленбурге. Эти купцы средней руки, за небольшими исключениями, не входили в патрициат, если их не принимали впоследствии благодаря процветанию их торговли. Вместе с судовладельцами, торговцами мануфактурой и богатейшими пивоварами они составляли тот средний класс, который часто испытывал раздражение из-за того, что его не подпускали к высшим государственным должностям. Время от времени они объединялись с ремесленными гильдиями против «лучших семей».

Наконец, те, кого можно назвать мелкими купцами, обладали капиталом, не превышавшим 2 тысячи марок. Их можно разделить на две группы. Первая группа, состоявшая из лавочников и всевозможных розничных торговцев, не является типично ганзейской. Как и в любом другом средневековом городе, они объединялись в цеха и очень зависели от крупных купцов. Их не принимали в сообщества купцов, которые торговали с зарубежными странами, что особо оговаривается в старейшем уставе данцигского «Артурова двора» (Artushof). Зато во вторую группу входили самые мелкие представители торговцев с зарубежными странами. Они старались вести оптовую торговлю, насколько им позволяли их скромные средства. К ним относились многочисленные торговцы из Любека, которые ездили в Сканию, и большинство «бергенских гостей» (Bergenfahrer), то есть купцов, которые регулярно ездили в Берген и покупали там по одному-двум ластам сельди. Подобно купцам, которые вели дела на широкую ногу, они допускались в зарубежные конторы и купеческие союзы. Поэтому они были ганзейцами и стояли наравне с более богатыми коллегами. На розничных торговцев они походили лишь скудостью своих средств. Некоторые из них, хотя и были скромного происхождения, стали очень богатыми. Примером служит Бертольд Руценберг, который в 1364 г. написал в завещании: «От родителей я не получил ничего, однако ни от кого не завишу; все, чем я владею, я заработал с юности терпением и упорным трудом».

Тексты того времени раскрывают общественное разделение купцов гораздо яснее, чем деление на классы по размеру богатства, соответствующее современным понятиям. Подобно всем средневековым сообществам, и в особенности профессиональным

гильдиям, сообщества купцов были одновременно профессиональными и религиозными, благотворительными и досуговыми. Купцы регулярно собирались в зале собраний, и ими управляли старшины, избираемые всеми членами сообщества.

В некоторых городах все купцы, торговавшие с зарубежными странами, входили в одно общество, иногда старинное, иногда основанное лишь в XIV в. В Бремене и Госларе купеческие гильдии имелись уже в XIII в., в Штеттине и Риге они появились в XIV в. В Штендале, Люнебурге и нескольких городах на Зейдерзе имелось сообщество «купцов-мореплавателей»; их покровителем считался святой Николай. Одно из таких сообществ, известное благодаря сохранившемуся уставу, существовало в Данциге и называлось «Артуров двор» (Artus-hof). Дом, где собирались члены общества, изначально служил штаб-квартирой патрицианского Братства Святого Георгия. В конце XIV в. в это общество могли вступать все купцы, ведущие торговлю с дальними странами, а к концу XV в. – также иностранцы и судовладельцы<sup>[22]</sup>.

Однако более характерными для ганзейского мира – хотя сходные общества существовали в итальянских городах – были общества купцов, которые торговали с определенным зарубежным портом или страной. Старейшим было кёльнское «датское братство» (fraternitas danica), которое упоминается в 1246 г. В него, видимо, входили все купцы, занятые торговлей на Балтике. Купцы, которые вели дела с Англией, образовали еще одну группу, как можно понять из грамоты, жалованной им городом в 1324 г. К концу XIV в. общества такого рода, называемые *Fahrer Kompanien*, появляются в ряде портов и городов в отдалении от моря. Название *Fahrer* («моряки») здесь относится к купцам, а не к судовладельцам или капитанам, хотя иногда в такие общества допускались и они, и иногда переводится как «гости». Особенно активными такие группы были в Любеке. Самой многочисленной и влиятельной из них была старейшая группа «сканских гостей» (*Schonenfahrer*), впервые упомянутая в 1365 г. Чуть позже появилось общество «бергенских гостей» (*Bergenfahrer*). Впрочем, последнее, возможно, возникло еще в 1343 г. Позже сформировались общества «гостей», которые регулярно посещали Ригу, Новгород, Стокгольм, Англию, Испанию и т. д. К концу XV в. в Любеке существовало 10 таких компаний, а в Ростке – 6. Зато в

Гамбурге их было всего 3, основанные в конце XIV в. Одно, самое многочисленное и богатое, объединяло купцов, которые вели торговлю с Фландрией, одно – с Англией и одно – со Сканией. Именно торговля со Скандинавией придавало стимул к созданию таких обществ. Общества «сканских гостей» существовали в восьми ганзейских городах, в том числе в Дортмунде и Девентере, а *Danemarkfahrer* или *Dragorfahrer* – в различных балтийских портах. Однако в XV в. еще упоминается общество кёльнских «гостей», которые торговали с Венецией (*Fenedierfahrer*).

Судя по всему, эти компании не обладали монополией на торговлю с той или иной страной. Во всяком случае, в Гамбурге не все, кто торговал с Англией, входили в общество *Englandfahrer*. И наоборот, членство в одном обществе не исключало членства в другом. Более того, большинство купцов, особенно богатых, принадлежали не к одному такому обществу. Структура этих компаний была строгой или свободной, в зависимости от города, в котором они находились. В Любеке существовали строгие правила, регулировавшие деятельность купцов, ведущих дальнюю торговлю.

Одной из наиболее хорошо изученных любекских компаний является компания *Bergenfahrer*. Ее покровителем считался святой Олаф, и у нее имелась собственная часовня в Мариинской церкви. Компанией управляли от 3 до 6 старшин, которые избирались пожизненно на общем собрании (*Schiitting*). В XV в. в нее входило от 100 до 200 членов. Все они обладали равным статусом и разделялись на две группы: *borger to Lubeke*, богатые и пожилые купцы, главы торговых домов, которые жили в Любеке; и *Korgesellen to Bergen*, люди более молодые, которые регулярно плавали в Норвегию и долгое время проживали в Бергене, торгуя вяленой рыбой. Почти 200 завещаний, сохранившихся с XIV и XV вв., позволяют лучше понять происхождение и социальный статус «бергенских гостей». Лишь четверть из них представляли уроженцы Любека, а 30 % были из Вестфалии. Почти все «гости» вышли из скромных семей. После 1409 г. 78 % завещателей указывали, что, накопив все, чем они владеют, собственным трудом, они могут распорядиться своим состоянием так, как считают нужным. Суровыми условиями их труда объясняется то, что среди них было довольно мало женатых. Из 187 членов обществ, для которых доступны сведения о семейном

положении, женаты были лишь 82, и из них только у 43 имелись дети, рожденные в законном браке. Торговля треской редко приводила к высокому положению в обществе. В целом такие купцы достигали лишь скромного материального достатка, и совсем немногие из них входили в городской совет, в отличие от купцов, торговавших со Сканией, Русью и Фландрией. Однако исключения показывают, как граждане Любека восстанавливали силу, принимая в свои ряды представителей низших слоев общества.

## **Занятия купцов: торговля на свой страх и риск и в товариществе**

Вплоть до середины XIII в. средний ганзейский купец был странствующим торговцем, которого в то время можно было встретить повсюду. При помощи одного или двух слуг он ездил за границу со своими товарами, сбывал их, когда добирался до места назначения, обычно торгуя по бартеру, и возвращался домой, где продавал товары, приобретенные за границей. Из-за опасностей, с которыми они сталкивались на суше и на море, такие торговцы всегда путешествовали группами (*cohors institorum*, как пишет Хельмольд в XII в.). Такие группы чаще всего состояли из уроженцев одного и того же города. В соответствии с законами Священной Римской империи они были вооружены, сохраняли бдительность и были готовы сражаться с разбойниками, пиратами или даже недовольными покупателями. Часто группы таких купцов сопровождал священник, тоже странствующий, как и они сами. Такими были первые купцы Готландского сообщества, и определенные характерные черты этого раннего этапа сохранялись еще долго, особенно в ганзейских группах, которые путешествовали в Новгород. Такие странствующие торговцы, не умевшие ни читать, ни писать, вели лишь приблизительные подсчеты, и их торговые обычаи были лишь самыми элементарными.

В XIII в. примитивного странствующего торговца сменил независимый предприниматель, основатель собственной компании. Если место назначения находилось сравнительно близко, а путь туда считался безопасным, купец больше не сопровождал свои товары лично, а поручал эту обязанность служащему. По мере того как сухопутные и морские маршруты делались все безопаснее, такая практика все шире распространялась и на дальние торговые предприятия. Купец, которому больше не нужно было постоянно находиться в пути, мог одновременно организовать несколько предприятий в разных местах. Так к XIV–XV вв. верхушка и средний класс ганзейских купцов превратились в сидячих работников. Купцы вели дела дома, из кабинета (*scrivekamere*). Окруженные небольшим штатом служащих – писцом, двумя или тремя слугами, подмастерьями или учениками, – они сидели за столом, вели переписку с



помощниками, представителями или клерками в других ганзейских городах или в зарубежной конторе. Время от времени такие купцы еще отправлялись в путь, главным образом для того, чтобы лично разобраться с важными вопросами. Но обычно товары, которые они отправляли, помечая своей торговой маркой, поручались служащему или капитану грузового судна, а на месте назначения их принимал представитель или клерк.

Такая трансформация стала возможна только с распространением образования, но этапы данного процесса довольно трудно отследить. В Любеке до середины XIII в. имелась лишь одна соборная школа, ученики которой почти без исключения становились священниками. Но в 1262 г. возле церкви Святого Иакова открыли вторую школу, «школу гуманитарных наук». В 1300 г., несмотря на противодействие собрания каноников, городской совет учредил начальную школу в каждом из четырех приходов города и назначил директоров. Можно предположить, что подобные меры заложили основы для распространения среди купцов зачатков образования, необходимых для их рода деятельности.

Большой шаг вперед был сделан в конце XIII в. после введения реестров, подлинность записей в которых была заверена всенародно. В 1270 г. в Гамбурге впервые появилась «Долговая книга» (Schuldbuch). Семь лет спустя в Любеке появился городской долговой реестр (буквально «нижняя городская книга», Niederstadtbuch, в противовес земельному кадастру, который назывался «верхней городской книгой», Oberstadtbuch). Далее сходные реестры появились в Риге в 1286 г., Штральзунде в 1288 г. и Люнебурге в 1290 г. Регистрация долгов и контрактов купцов, с гарантией города, стала решающим фактором в развитии кредита и торговли в XIV и XV вв.

Научившись читать и писать, купцы начали вести счета. Самой старинной сохранившейся бухгалтерской книгой в ганзейской сфере влияния считается фрагмент конца XIII в. Следующей стала бухгалтерская книга городского советника Любека Хермана Варендорпа (1330–1336). Ее вели на латыни, иногда сам Варендорп, иногда его шурин Иоганн Клингенберг, который в отсутствие Варендорпа выступал его представителем. Записи довольно разнородны. Помимо коммерческих операций, в книгу вносились списки земельной ренты, строительные операции и домашние

расходы. Во второй половине XIV в. бухгалтерские книги велись уже на немецком и получили более широкое распространение – каждый купец вел по несколько таких книг. Те, что сохранились до наших дней, служили многим различным целям, но показывают растущую тенденцию к специализации, которая, однако, не основывалась на какой-либо четкой системе. В некоторых содержатся только кредитные операции; но в большинстве можно найти и торговые операции, иногда под отдельными заголовками. Например, в книге Иоганна Писа из Данцига примерно 1430 г. продажи, покупки и комиссионные операции перечислены отдельно. Как правило, в XV в. обычным было разделять доходы и расходы. Это можно увидеть в бухгалтерской книге Венецианской компании, основанной братьями Векинхузен. С 1 мая 1407 г. по 15 марта 1408 г. на четырех страницах подробно перечисляются отправленные товары с ценами, далее на четырех страницах – суммы, полученные наличными или товарами; после этого подвели баланс. Кроме того, отдельно записали пересылку счетов партнеру. Судя по этой и нескольким другим бухгалтерским книгам, операции не всегда вносились в гроссбух сразу по их совершении. Их переписывали с отдельных листков перед сведением баланса.

Хотя ганзейцы добились известных успехов в области бухгалтерии, они не приняли все усовершенствования, введенные итальянцами. Так, двойная бухгалтерия оставалась для них неизвестной до XVI в. Кроме того, нет пособия по ведению счетов, сравнимого с «Трактатом о счетах и записях» Луки Пачоли или с пособием, подобным «Практике торговли» Пеголотти из Брюгге (1315). Несомненно, подмастерья изучали торговую практику под руководством купцов, когда работали в одной из контор, особенно в Брюгге.

Городские долговые книги, бухгалтерские книги и переписка ганзейских купцов свидетельствуют о растущем распространении кредита в XIV и XV вв. Ганзейцы познакомились с переводным векселем через итальянцев во Фландрии и Англии, и некоторые из них часто пользовались этим средством. В Брюгге Хильдебранд Векинхузен чуть более чем за два месяца в начале 1408 г. выписал девять переводных векселей на общую сумму в 216 фунтов гроот на имя своего брата Зиверта; векселя подлежали оплате в Гамбурге или Любеке. Он же всего за один год (1408–1409) произвел пять трансфертов на общую сумму в 3979 дукатов, или 576 фунтов гроот, в

пользу своего компаньона Карбова в Венецию. Означает ли это, что переводной вексель стал распространенным средством платежа у большинства ганзейских купцов? Говорить так было бы слишком смело, так как в нескольких случаях, когда до нас дошли тексты векселей, можно увидеть, что они не были составлены в лаконичной форме, свойственной итальянским финансистам. Ганзейский переводной вексель представлял собой довольно подробное послание, и «приказ заплатить» обернут многословными разглагольствованиями. Все это позволяет предположить, что подобный способ платежа был скорее исключением, чем правилом. Кроме того, переводные векселя почти всегда упоминаются в связи с Брюгге. На Востоке, судя по всему, купцы ими почти не пользовались. Да и на Западе шаги, предпринятые Ганзой в XV в. по лимитированию кредита, наверняка ограничивали хождение переводных векселей.

Ганзейский купец мог вести торговлю двумя способами: либо за свой счет и на свой риск (то, что немецкие историки называют *Eigenhandel*), либо в товариществе. Индивидуальное предприятие требовало лишь капитала и агентов одного купца, который занимался делами лично или передавал их на комиссию (*sendeve*). Обычно хозяин поручал своему служащему товары, которые последний продавал на основании полученных подробных указаний, или денежные суммы, на которые тот приобретал товары<sup>[23]</sup>. Агент по закону отвечал за товары, но не имел дела с платежами за них. Если законность сделки подвергалась сомнению, ответственность возлагалась целиком на хозяина, однако служащий должен был показать под присягой, что он действовал из лучших побуждений, в соответствии с полученными инструкциями. Комиссионная продажа не считалась товариществом в полном смысле слова и обычно не скреплялась договором, поскольку клерк действовал лишь как агент. Комиссия (*sendeve*) была аналогична итальянскому понятию *commenda*, если не считать того, что клерк редко получал долю в прибыли и работал за фиксированную плату. Более того, агент не всегда был служащим хозяина. Он мог быть корреспондентом, гражданином другого города, который выполнял поручение бесплатно, в обмен на такие же услуги. Хотя такой вид сотрудничества был широко распространен, следы его найти трудно даже в бухгалтерских книгах, поскольку сведения счетов почти никогда не происходило.

Товарищество имело то преимущество, что могло привлекать больше капитала, а риски распределялись между его участниками. Поэтому товарищества или компании стали самой распространенной формой коммерческого предприятия. Обычно в товарищество входили несколько участников: двое, трое, четверо, редко больше. Договор заключался на ограниченное количество лет и для определенного типа операций. Часто товарищество представляло собой семейное предприятие. Иоганн Тёльнер из Ростка, чья дошедшая до нас бухгалтерская книга относится к середине XV в., создал товарищество с отцом, зятем и зятем зятя. Участники товарищества часто жили в разных городах, что представляло преимущество для бизнеса, но усложняло ведение счетов.

Компании были известны под самыми разными названиями; ни одно из них не сводилось к четко определенному типу сообщества. Среди них встречались *vera societas* (*vrye selschop* или *kumpanie*), или *contrapositio* (*wedderlegginge*), где подразумевалось, что каждый партнер вносит равную долю капитала. Более ясная картина возникает из трехсторонней классификации, основанной на источнике вложенного капитала.

В компаниях первого типа, которые стоят ближе всего к *sendeve*, капитал предоставляла только одна из договаривающихся сторон. Вторая довольствовалась тем, что вела коммерческие операции. Обычно прибыль и убытки делились поровну, но бывали случаи, когда риски при ведении операций покрывались всецело пассивным партнером.

В компаниях второго, самого распространенного, типа каждый партнер вносил свою долю капитала; один или двое из них также вели операции. Прибыль делилась пропорционально внесенному капиталу. В случае убытков каждый партнер отвечал лишь в размерах изначально внесенной суммы. Товарищество можно было продлевать и после даты, обозначенной в договоре, до того времени, когда кто-либо из партнеров выражал желание покинуть ее<sup>[24]</sup>.

Наконец, третьим типом товарищества было *vulle mascopei*, или «полное товарищество», в котором партнеры сообща брали на себя ответственность в размере всего или большей части своих состояний. Такое объединение, подразумевавшее право одного партнера черпать средства у других, чаще всего образовывали братья, которые на самом

деле продолжали дело своего отца. Примеры такого товарищества особенно часто встречаются в торговле между Любеком и Бергеном.

Каждый крупный ганзейский купец выступал партнером во многих компаниях, которые связывались только через него. В каждом из них его права были равны правам его партнеров. Каким бы широким ни был размах его деятельности, его меньше ценили как главу крупного коммерческого предприятия, чем как участника ряда отдельных компаний. Необычная структура крупных ганзейских предприятий заставила ряд историков усомниться в самом факте их существования. Правда, в области, о которой идет речь, не было ни одной крупной, постоянной, централизованной торговой фирмы со штаб-квартирой в отдельном здании, с филиалами, собственным штатом клерков и агентов, которая сохранялась в течение жизни нескольких поколений. Такого рода предприятия представлены, например, в Италии семьями Перуцци, Датини и Медичи, в Южной Германии – Великой торговой компанией Равенсбурга или компанией Дисбах – Ватте, а позже семьями Фуггер и Вельцер. Более сложные типы коммерческих предприятий не получили у ганзейцев распространения по крайней мере до XVI в., когда появилась компания Лойтц из Штеттина. Но это никоим образом не исключает существования купцов, которые вели дела на широкую ногу, вкладывая в предприятия крупные суммы, проводя масштабные и сложные финансовые и торговые операции в различных географических регионах. Среди них можно назвать семьи Таллин, Варендорп и Лимберг в XIV в., Векинхузен и Касторп в XV в.

Впрочем, в Ганзейском союзе существовала одна крупная компания, которую можно назвать весьма необычным исключением из правил. Такой компанией стал Тевтонский орден, который был членом Ганзы. Орден занимался коммерческой деятельностью с конца XIII в. Благодаря сохранившимся счетам, его структура в конце XIV – начале XV в. изучена довольно хорошо. В тот период орден располагал капиталом примерно в 35 тысяч фламандских фунтов гроот и содержал две «большие казны» (Grosschafferei) в Мариенбурге и Кёнигсберге, управляющие которых, монахи или светские, назначались и управлялись в первую очередь главным казначеем (Ordenstressler), а во вторую – маршалом ордена. Подчиненными казначеев были представители (Lieger) в Брюгге, Лондоне, Шотландии, Любеке, Данциге и Риге, которых обычно назначали на годичный срок. Они

были уполномочены принимать товары, продавать их по своему усмотрению и покупать и отправлять другие товары. Они обязаны были по требованию представлять свои балансы. Более многочисленными были депозитарии, или хранители (Wirte), которые, независимо от ордена, отвечали за доверенные им товары, но не были уполномочены вести дела по собственной инициативе. Наконец, общая связь поддерживалась клерками (Diener), которые сопровождали товары, делали покупки для ордена и, помимо того, получали полномочия вести операции за свой счет и на свой риск. До сражения при Танненберге коммерция Тевтонского ордена процветала; после она пошла на спад, хотя совсем не исчезла. Очевидно, однако, что торговую организацию ордена, которая продержалась 200 с лишним лет, нельзя считать типично ганзейской.

## Некоторые крупные купцы

Деловая активность определенных ганзейских купцов XIV и XV вв. стала для нас доступной – хотя, конечно, лишь отрывочно – благодаря записям в таких официальных документах, как городские долговые и кадастровые реестры, а также различные таможенные сводки. Характер таких купцов отчетливее проступает в частных документах, деловых письмах, завещаниях и сохранившихся бухгалтерских книгах; к сожалению, почти не приходится говорить ни о каких семейных хрониках. Ни для одного из купцов мы не располагаем полной и достаточной документацией, пусть в определенных случаях она и представлена в изобилии: особенно нам ничего не известно о молодости купцов, важном периоде, когда закладывались основы их состояний.

В конце XIII в., когда ввели долговой реестр, ганзейские купцы перестали быть анонимными. Среди записей в гамбургской Schuldbuch довольно часто попадает имя Винанда Мильса. Уроженец Старой Марки в Бранденбурге, сын бургомистра Зальцведеля, брат бургомистра Гамбурга, он сам был членом городского совета Гамбурга, где прожил до самой смерти в 1301 г. Реестр содержит записи о 54 операциях, проведенных им в 1288–1301 гг., обычно речь идет о краткосрочных займах на общую сумму в 3350 марок. Судя по всему, он разбогател, торгуя лесоматериалами и зерном. И то и другое он ввозил в Гамбург по Эльбе из Бранденбурга и Берлина. По крайней мере часть товаров он продавал во Фландрии: Мильс упоминается как импортер сукна и должник двух торговцев сукном из Гента, Гийома Беттера и Гислебера ван Хове. Торговые отношения с Англией или с Любеком и прибалтийскими городами не отмечены. Обычно Мильс вел дела самостоятельно, но числится также в компании со своим братом, бургомистром. Вот вкратце доступные сведения о крупном гамбургском купце в последние годы XIII в.; основой его процветания стала торговля с районами, удаленными от моря, которую он вел по Эльбе.

Иоганн Виттенбург, живший 50 лет спустя, известен лучше, главным образом из-за своей трагической смерти в 1363 г. Он олицетворяет крупного любекского купца, выходца из патрицианской

семьи, крупного владельца недвижимости и политика высшего ранга в своем городе.

Дела Иоганна Виттенборга известны главным образом из его бухгалтерской книги, которую начал в 1338 г. его отец, также купец. Книга велась с 1346 по 1359 г., хотя большинство записей без даты. Деловые интересы Виттенборга приводили его почти в каждый уголок ганзейского мира: Фландрию, Англию, Сканию, Пруссию, Ливонию и на Русь. Главным образом он ввозил партии сукна, обычно из Фландрии, но также из Валансьена и Лёвена. С покупкой сукна связаны 32 записи в книге. Всего в тот период он приобрел 308 штук сукна на 2620 любекских марок. Что касается мехов, купленных в Ливонии и доставленных в Брюгге, их количество менялось от года к году. Больше всего мехов, на 1300 марок, он приобрел в 1358 г. В том же регионе в 1358 г. он купил воска на 727 марок. В Данциге Виттенборг большими партиями закупал ячмень и солод для пивоварения – ему принадлежала пивоварня в Любеке. Пиво он затем экспортировал в Сканию.

Невозможно даже приблизительно оценить объем операций, проводимых Иоганном Виттенборгом, но в 1357–1358 гг. он приобрел в кредит сукна, зерна, солода, мехов и воска на 6776 марок. Отличительной особенностью является частая отправка серебряных слитков для покрытия неоплаченных счетов, главным образом в Дерпт и Ливонию, но также в Данциг и даже в Брюгге, где Лоран ван дер Бурсе получал от него комиссионные в размере почти 200 фламандских гульденов. Поэтому интересно отметить, что все товары, купленные Виттенборгом как в Восточной, так и в Западной Европе, продавались в Любеке. Виттенборг не возил ни фламандское сукно в Ливонию, ни воск в Брюгге. Его торговля сосредотачивалась в Любеке, а не вдоль главных ганзейских маршрутов. Он совершил не менее трех длительных поездок, одну до 1348 г. в Англию, вторую «за море» в 1354 г., и третью – в Брюгге в 1356 г. Ездил обычно через Ахен, несомненно, ради того, чтобы одновременно совершить паломничество. В его делах участвовали много клерков и компаньонов, из которых по меньшей мере двое, упомянутые в бухгалтерской книге, были его родственниками.

Подобно всем разбогатевшим купцам, Виттенборг также активно покупал недвижимость. Сделки регистрировались в Oberstadtbuch. В



последние годы жизни он приобрел множество ежегодных рент; судя по завещанию, он владел четырьмя домами в Любеке.

Успех в делах способствовал его блестящей политической карьере. В 1350 г. он вошел в городской совет – возможно, заполнил вакансию, освободившуюся после эпидемии «черной смерти». Вскоре он стал играть заметную роль в дипломатических делах. В 1358 г. Виттенбург представлял Любек на Ганзейском соборе в Росток. Через два года он стал главой миссии, направленной к герцогу Саксен-Лауэнбургу. В 1360 г. он стал бургомистром, а на следующий год представлял Любек на Ганзейском соборе в Грайфсвальде, где решили объявить войну Дании. Как главнокомандующий ганзейским флотом, который в 1362 г. отправился в пролив Зунд, он совершил роковую ошибку, приказав войску высадиться и осадить Хельсингборг. Из-за его ошибки Вальдемар IV захватил 12 ганзейских коггов. По возвращении в Любек его арестовали. Друзья как могли пытались сделать так, чтобы его судил Ганзейский собор. Однако Виттенбург предстал перед судом городского совета Любека. Ему предъявили обвинение, которое осталось неизвестным, и приговорили к смерти. Вскоре Виттенбурга обезглавили на рыночной площади.

Более или менее современником Виттенбурга был Тидеман Лимберг или Лемберг (1310–1386), человек совсем иного характера, типичный выскочка и спекулянт. Еще совсем молодым человеком он покинул свою родную деревню и поселился в близлежащем Дортмунде, населенном крупными купцами, который к тому времени уже полвека считался центром торговли английской шерстью. Поскольку Лимберг происхождения был самого скромного, его взлет невозможно объяснить помощью влиятельных родственников. Очень жаль, что ничего не известно о его первых годах и первых операциях, несомненно проведенных в лондонской конторе. В 1340 г., уже приобретя богатство и влияние, он обосновался в Англии. В компании с одним купцом из Гента он ссудил 1000 фунтов стерлингов Эдуарду III. Операция стала первой из целой вереницы ссуд. Она же стала залогом королевского благоволения, которому суждено было продолжаться более двадцати лет. Через несколько месяцев Лимберга приняли в большой консорциум, образованный вестфальскими кредиторами короля. Вскоре он, вместе с еще одним коллегой, стал синдиком этого консорциума и позже также играл в нем ведущую

роль. Именно с ним Эдуард вел переговоры о возвращении большой короны, переданной в залог архиепископу Трира за 45 тысяч гульденов.

После распада консорциума в 1344 г. Лимберг образовал другой, в котором его компаньонами были ганзейцы. Целью консорциума главным образом стал выкуп малой короны, переданной на хранение неким кёльнским купцам. Кроме того, Лимберг вступал в разные компании с английскими купцами. Во время осады Кале он ссудил королю еще 10 тысяч фунтов. В 1347 г. в обмен на заем Черному принцу в размере 3 тысяч фунтов он получил доходы от цинковых месторождений в Корнуолле на 3 года и 3 месяца, приобретя таким образом монополию на экспорт этого минерала. Кроме того, он, среди прочего, занимался поставками зерна для английских войск в Бордо. Примечательно, что у него всегда имелись при себе значительные суммы денег и он мог предоставлять ссуды, когда другие ганзейские купцы находились в финансовых затруднениях.

Около 1350 г. Лимберг находился на вершине успеха. Он рассорился с большинством вестфальских коллег, которые завидовали его удачам и не принимали его беспощадности в практике деловых отношений. Кажется, он ни во что не ставил получение английского гражданства, так как получил от Уилмингтонского аббатства обширные королевские владения в восьми южных графствах. Эдуард III по-прежнему полностью доверял ему и охранял от нападок многочисленных врагов. В 1351 г., когда по королевскому указу всех ганзейцев, находившихся в Англии, арестовали и конфисковали их товары, для Лимберга было сделано исключение. Через два года он консультировал короля перед тем, как в Англии был восстановлен основной рынок шерсти. Кроме того, Лимберг проводил переводы денег папскому двору в Авиньон, и в 1351 г. папа Клемент IV пожаловал ему привилегию брать с собой в поездки переносной алтарь.

Однако Лимберг сталкивался с растущей враждебностью со стороны английских купцов. Наверное, именно поэтому в 1354 г. он покинул Англию, позже, чем большинство его коллег, и обосновался в Кёльне. Там он приобрел много муниципальных ежегодных рент и в 1358 г. стал кёльнским гражданином. Он мечтал увенчать свой успех блестящей партией с представительницей какой-либо патрицианской семьи. Однако момент был выбран неудачно. «Лучшие семьи», чьей

гегемонии угрожала демократическая партия, не желали принимать в свой круг выскочку. Разочарованный в своих матримониальных амбициях, Лимберг в 1359 г. вернулся в Англию, где взял в аренду серебряные, свинцовые и медные месторождения в Олстон-Мур и ссудил королю еще 1000 фунтов. Однако враги пристально следили за ним. Обвиненный в убийстве гражданина Лондона, он с трудом бежал на континент. На сей раз Эдуард уже не мог его защищать; пусть и не сразу, он приказал конфисковать его товары. После того как Англия стала для него закрыта, Лимберг обосновался в Дортмунде, где женился на дочери бургомистра. Там он тоже встретил холодный прием и в 1367 г. вернулся в Кёльн, где провел последние годы жизни, по-прежнему активно занимаясь делами. Главным образом он торговал вином и сукном. Лимберг оказывал финансовую поддержку противникам «лучших семей», однако он предусмотрительно избегал неприятностей во время патрицианской реакции в 1370 г. В соответствии с пожеланием, высказанным им в завещании, его похоронили в августинском монастыре, которому он сделал несколько пожертвований. Наследование его имущества – детей у него не было – породило серьезные разногласия между городом Кёльном и соседними территориальными правителями.

Благодаря индивидуализму, дерзости и спекуляциям под охраной зарубежного монарха Тидеман Лимберг по духу ближе к итальянским финансистам, чем к ганзейцам того периода, хотя его до некоторой степени можно считать представителем вестфальских купцов, которые разбогатели благодаря доходам от продажи английской шерсти. Вместе с тем Лимберг был «одиноким волком», которому так и не удалось закрепиться ни в одной социальной группе. Важно, что, несмотря на свое богатство, он не занимал государственных должностей ни в одном городе, кроме, возможно, одного раза, когда его, по неподтвержденным данным, выбрали старшиной лондонской конторы. Он остается исключительной личностью в истории Ганзы.

В целом сведения об отдельных купцах фрагментарны. Однако возможно с помощью нескольких записей в бухгалтерской книге любекской таможни (Pfandzollbücher) попытаться представить себе некоего Иоганна Нагеля, типичного крупного шведского купца немецкого происхождения. Нагели принадлежали к тем семьям выходцев из Дортмунда, которые разрастались в разных ганзейских

городах. Их можно было найти в Любеке, Росток, Линчёпинге в Швеции и Або в Финляндии, хотя точную степень родства редко удавалось установить.

Иоганн Нагель родился в Вестеросе, главном городе шахтерского округа в Центральной Швеции, где обосновались многочисленные немцы. В 1365 г. он поселился в Стокгольме, где получил возможность вести операции на широкую ногу. В 1368–1371 гг. он каждую Пасху совершал поездки в Любек с партиями меди примерно на 200 марок; возможно, он вез с собой и другие шведские продукты, например масло. Свои товары он продавал не в Любеке, а переправлял во Фландрию, где закупал сукно, специи и растительное масло для отправки в Швецию. В Швеции же он продавал купленные в Любеке полотно и соль. Невозможно точно установить объем его товарооборота. Он явно был скромнее, чем у любекских купцов, которые торговали со Стокгольмом. После 1376 г. коммерческие операции Нагеля с Фландрией сократились, что известно из займов в несколько сотен марок, которые он предоставлял любекским купцам. Такая смена деятельности, вероятно, проистекала из растущего авторитета Нагеля в государственных делах. По меньшей мере к 1385 г. он стал бургомистром Стокгольма. Сначала коммерция, затем финансы в сочетании с высоким муниципальным постом – перед нами снова классический пример биографии крупного купца, о котором, к сожалению, известно мало.

Самую обширную документацию из всех средневековых ганзейских купцов оставили после себя братья Хильдебранд и Зиверт Векинхузен. В ревельском архиве сохранилось одиннадцать их бухгалтерских книг и несколько сотен писем. Но несмотря на такое количество документов, об их жизни известно довольно мало. Неизвестно даже место, где они родились около 1370 г. Возможно, они родились в Дортмунде, так как семья их переехала из Вестфалии, но вероятнее всего, они появились на свет в каком-то ливонском городе. Третий брат, Цезарь, стал советником и бургомистром Ревеля. Возможно, именно в этом городе Хильдебранд и Зиверт основали свое предприятие. В последнее десятилетие XIV в. они регулярно посещали Брюгге. Дважды, в 1394 и 1398 гг., Хильдебранда выбирали старшиной Ливонской трети конторы. Зиверт занимал тот же пост в 1399 г. Хильдебранд был женат первым браком на сестре бургомистра

Дортмунда, затем, в 1398 г., он женился на дочери богатого рижского купца. Поссорившись с тестем, он уехал в Любек и принял гражданство этого города. Вскоре – правда, не отказываясь от любекского гражданства – он обосновался в Брюгге, привлеченный широкими возможностями «средневекового всемирного рынка». Если не считать нескольких коротких поездок, он оставался там почти до своей смерти в 1426 г. Зиверт же поселился в Любеке около 1400 г.; но в 1408 г., когда начались серьезные политические беспорядки, он перешел на сторону патрициата, покинул город и следующие десять лет жил в Кёльне. Он вернулся в Любек в 1418 г., где и жил до самой смерти, наступившей в 1433 г.

Хотя каждый из братьев занимался коммерцией отдельно, они часто становились партнерами в крупномасштабных предприятиях. Судя по переписке, их деловые связи распространялись не только на ганзейские владения, от Новгорода до Лондона, за исключением Скандинавии, но и на юг Германии, в Италию, на север Франции, в Бордо и Байонну. В начале XV в. Векинхузены главным образом торговали с Ливонией, куда экспортировали сукно, соль и специи, а покупали воск и меха. Похоже, что около 1400 г. торговля мехами особенно процветала. Два брата постоянно расширяли эту отрасль торговли. Однако именно на мехах они понесли серьезные убытки. В 1406 г. они вступили в товарищество с Генрихом Тюте из Ревеля и Востеном из Дерпта с капиталом в 100 фунтов гроот. Шесть лет спустя их выручка составила 673 фунта против покупки мехов на 621 фунт, что, учитывая внесенный ими капитал, представляло убыток в 48 фунтов.

Их самое важное предприятие, Венецианская компания, также не было успешным. Компанию основали в 1407 г. с капиталом в 5 тысяч марок (800 фунтов гроот), разделенным на пять долей. Главными партнерами стали Хильдебранд Векинхузен в Брюгге и Петер Карбов в Венеции. Последний экспортировал на север – как по воде, так и посуху – специи, хлопок и шелк и получал от своего партнера английское сукно, янтарные четки и, главное, меха<sup>[25]</sup>. Сначала компания процветала. В 1409 г. капитал повысили до 11 тысяч марок. В 1411 г. Карбов написал, что он отправил товаров стоимостью в 70 тысяч дукатов (дукат был приблизительно равен марке) и получил товаров на сумму в 53 тысячи дукатов. Но после того много раз бывало

наоборот. Увлеченный успехом, Карбов опрометчиво скупал специи, выписывая слишком много переводных векселей на своего партнера. Обманутый поставщиком, он потерял 1500 дукатов. В Германии одного из партнеров ограбили на 1700 гульденов и посадили в тюрьму. Партнеры ссорились, подавали друг на друга в суд. Товарищество окончилось при не вполне ясных обстоятельствах, однако оно явно было убыточным.

Хильдебранд, несмотря на предостережения брата, продолжал вступать в новые предприятия. В октябре 1418 г. он за десять дней купил в кредит более 11 тысяч шкурок. В 1420 г., услышав, что на востоке наблюдается дефицит соли, он закупил крупную партию соли во Франции. Судя по всему, проект не принес ему такой прибыли, на какую он надеялся. Кроме того, он понес убытки из-за испорченной партии фиг и риса. В 1417 г. он участвовал в предоставлении займа в 3 тысячи крон императору Священной Римской империи Сигизмунду, выплаты по которому постоянно откладывались.

Обычно замыслы Хильдебранда срывались из-за его опрометчивости. Во втором десятилетии XV в. дело усугубилось из-за неблагоприятной конъюнктуры. К тому же к тому времени относятся такие события, как внутриганзейский кризис, вызванный свержением патрициата в Любеке, запрет торговли с Венецией, провозглашенный Сигизмундом в 1417 г., а после 1419 г. – испано-ганзейский конфликт. Повсюду рынки были перенасыщены. Письма Векинхузенев полны жалоб на трудности со сбытом товаров: мехов и янтаря в Венеции; русского воска и норвежской рыбы во Франкфурте, которую служащим приходилось на свой страх и риск продавать дальше, в Майнце и Страсбурге; южных фруктов и специй в Ревеле и Новгороде; сукна и квасцов в Любеке и Данциге.

Видимо, в 1419 г. репутация Хильдебранда еще не пострадала, поскольку тогда его выбрали старшиной Любекской трети брюггской конторы. Но его финансовое положение стремительно ухудшалось, и ему пришлось занимать деньги у некоего проживавшего в Брюгге ломбардца. Зиверт тщетно умолял Хильдебранда вернуться в Любек, надеясь, что там он сумеет излечить брата от его склонности к спекуляциям. В 1422 г., после жалобы, поданной его домохозяином, Хильдебранда арестовали и посадили в долговую тюрьму. Ни его родственники, ни контора, ни Любек не горели желанием платить за

него залог, и его освободили лишь через 3 года. Обесчещенный и ожесточенный против родни, он вернулся в Любек, где спустя короткое время умер.

То, что Хильдебранд сам виноват в своих несчастьях, видно по жизненному пути его брата, гораздо более осмотрительного человека. По возвращении в Любек в 1418 г. он купил недвижимость с целью инвестиций, долю в соляном месторождении в Ольдесло и заключил ряд выгодных сделок, в особенности после того, как вступил в монополистическую гильдию изготовителей четок. Он так преуспевал, что в 1431 г. его приняли в патрицианское Круговое общество. Если бы он вскоре не умер, он наверняка стал бы членом городского совета.

В Генрихе Касторпе (ок. 1420–1488) мы снова встречаем классический тип крупного любекского купца, который занимал высшие должности и играл важную роль в политике. Он родился в Дортмунде и поселился в Любеке лишь в тридцатилетнем возрасте. Таким образом, он стал одним из многих недавних иммигрантов, который благодаря своему богатству и деловым связям достиг наивысшего ранга в принявшем его городе. Касторп тоже начинал свою карьеру с долгого проживания в Брюгге (1441–1450), а в Любек переехал в 1450 г. Его возвышение было стремительным. Он женился на дочери Энгельбрехта Векинхузена, племянника Хильдебранда, его приняли в Купеческую компанию, затем в Круговое общество. Начиная с 1462 г. он был городским советником, а десять лет спустя стал бургомистром. Его второй женой была Керкринг, дочь одного из самых уважаемых горожан. Будучи человеком религиозного склада и испытывая особую преданность к святой Анне, Касторп славился своей интеллектуальностью, качеством довольно необычным для ганзейских купцов. Он читал и коллекционировал летописи и книги по истории.

Его деятельность, менее экстенсивная, чем у Векинхузенов, известна не так подробно, так как его бухгалтерские книги не сохранились. Особенно активно он действовал в 1450–1470 гг., в основном в трех областях: во Фландрии, на Востоке (в Пруссии и Ливонии) и в Бранденбурге. Обычно он торговал в компании со своим братом Гансом, который вначале был гражданином Ревеля, а затем получил гражданство Любека. Генрих разбогател на типично ганзейской торговле между Востоком и Западом, которая велась через

Любек. Фламандское, голландское и английское сукно, растительное масло и южные фрукты, соль из Бурньёфа покупались и экспортировались в Данциг, Ревель и Новгород, где обменивались на воск и меха. Отдельные источники свидетельствуют о торговле с Эрфуртом и Нюрнбергом. Кроме того, Касторпов связывают с одной компанией в Брауншвейге, которая отправляла английское сукно в Бранденбург, а назад привозила воск. Конфискация партии стоимостью в 5 с лишним тысяч марок в 1463 г. стала причиной судебного разбирательства, которое длилось 24 года. Судя по всему, Касторпы так и не получили требуемого ими возмещения ущерба.

Следуя классической линии развития недавно разбогатевших купцов, братья Касторпы постепенно отходили от торговли, которая ранее составляла средоточие их интересов, и занялись инвестициями в кредитные и рентные операции. В 1461 г. Генрих, Ганс и еще четыре гражданина Любека образовали товарищество с намерением учредить муниципальный банк. Городской совет требовал гарантии в размере 6 тысяч марок; похоже, что дела у их предприятия шли плохо, потому что через десять лет оно прекратило свою деятельность. В том же году Касторп и еще двое жителей Любека ссудили 3 тысячи марок королю Дании, который отдал им в залог свою корону. Другие займы, один на 2600 марок, были предоставлены разным купцам. Покупка ренты, начавшаяся в 1456 г., существенно выросла к 1473 г. Касторпы приобрели в городе 40 домов и сдавали их, получая доход в размере 716 марок. Если учесть, что в то время обычной для Любека считалась ставка в 5 %, такие вложения соответствовали инвестициям в размере 14 330 марок. Приблизительная оценка стоимости других его источников дохода, недвижимости, движимого имущества и капитала, вложенного в коммерческие предприятия, дает цифру в 25 тысяч марок. Таким примерно было состояние Генриха Касторпа. Наверняка известно, что в то время лишь немногие граждане Любека были богаче его.

Касторп играл важную роль в политических и дипломатических делах, особенно в последние годы жизни. Но даже в 1447 г., когда он еще был старшиной конторы в Брюгге, его посылали на Ганзейский собор в Любеке. Кроме того, в последующие годы он принимал участие в переговорах с Фландрией и герцогом Бургундским. В 1464 г. он в составе ганзейской делегации побывал в Данциге и Торне и



выступал посредником на мирных переговорах, имевших целью положить конец войне между Польшей и Тевтонским орденом. Убежденный, что мир жизненно важен для процветания Любека, он пытался предотвратить войну с Англией, но, когда войну все же объявили, энергично занялся приготовлениями. Он возглавлял ганзейскую делегацию, которая в 1474 г. обсуждала условия Утрехтского мира. Его прозорливость, характерная для купца, постепенно выросшего в государственного деятеля, и искренняя преданность делу мира, в сочетании с настойчивой цепкостью во время войны, делает Генриха Касторпа идеальным олицетворением ганзейских добродетелей. Часто цитируют одно его высказывание, которое выражает самый дух Ганзы: «Давайте встретимся и поговорим; ибо, хотя легко поднять флаг, трудно опустить его с честью».

В конце XV и в начале XVI в. появились купцы нового типа, такие как четыре брата Мюлих (Кунц, Ганс, Пауль и Матиас). Они демонстрируют, как в ганзейские владения вторглись деловые интересы с юга Германии. Мюлихи были уроженцами Нюрнберга, а гражданство Любека получили позже, между 1476 и 1514 гг.

Согласно документам, их отец несколько раз побывал в Любеке в 1436–1474 гг., когда он умер. Именно он наладил торговые связи Нюрнберга и Любека, которые предстояло развить его сыновьям. Ганс и Кунц первыми приехали в Любек, но Ганс всю жизнь оставался гражданином Нюрнберга, в то время как Кунц стал гражданином Любека в 1476 г. Он женился на богатой вдове, дочери городского советника, которая принесла ему приданое в размере 6500 марок наличными и 500 марок, вложенные в ренту. Потом торговля, которую братья Мюлих вели между Любеком и Нюрнбергом, значительно расширилась. Доказательства можно найти в сохранившихся счетах, где перечисляются покупки, сделанные на Великопостной ярмарке во Франкфурте в 1495 г. Паулем Мюлихом. Пауль выступал агентом своего брата Матиаса, жившего в Любеке. Общая сумма составляет 7655 рейнских гульденов (11 483 любекские марки). Самое видное место в списке занимают предметы роскоши: жемчуг, броши, цепи, золотые кольца, кубки и другие серебряные изделия (3040 гульденов); дорогие ткани, особенно миланский и генуэзский бархат (1720 гульденов); очищенное серебро (1481 гульден); оружие и доспехи (505

гульденов); специи и пряности (315 гульденов) и бумага из Ломбардии (116 гульденов). Среди поставщиков Пауля были крупнейшие южнонемецкие фирмы того периода: 850 гульденов он заплатил Великой торговой компании Равенсбурга, по 700 гульденов – Георгу Фуггеру и Петеру Ватту. Меньше известно о товарах, посланных из Любека во Франкфурт. Главным образом, Мюлихи торговали норвежской треской, сканской сельдью и янтарными четками. Кроме того, Мюлихи вели дела с Ливонией и Скандинавией, но подробности их операций в тех краях неизвестны.

Судя по всему, богатейшим из четырех братьев был Матиас, особенно после того, как в 1520 г. он унаследовал имущество своего брата Пауля. Он обосновался в Любеке в 1490 г., но гражданином города стал лишь в 1514 г. Помимо недвижимости в Нюрнберге, полученной в наследство от отца, он купил в Любеке 13 домов. Некоторые из них он потом перепродал, как и три усадьбы в окрестностях. Матиас поставлял оружие и украшения княжеским дворам, вел дела с герцогами Шлезвига и Мекленбурга и особенно с королем Дании, от которого он получил в ленное владение усадьбу в Ольдесло, где он построил медеплавильный завод. Хотя в 1515 г. его приняли в патрицианское Круговое общество и он, благодаря двум своим бракам, был связан с семьями Керкринг и Касторп, членом городского совета он не стал. Но по его смерти в 1528 г. этот уроженец Нюрнберга был одним из виднейших жителей в Любеке. К сожалению, размер его состояния остается неизвестным, хотя, скорее всего, оно превышало 25 тысяч марок.

Несколько примеров биографий крупных ганзейских купцов едва ли позволяют точно охарактеризовать их, зато позволяют выделить определенные повторяющиеся черты: зачастую вестфальское происхождение, легкость, с какой иммигранты могли сделать карьеру в принявших их городах, важная, хотя бы отчасти, роль семьи и выгодных браков. Обычно после долгих лет ученичества купец почти целиком посвящал себя коммерции, в которой важнейшую роль играла торговля сукном. Позже купец давал деньги займы и покупал недвижимость и ренты. В последние годы удачливый предприниматель все больше посвящал себя государственным делам. Особенно это справедливо применительно к жизни двух самых удачливых купцов, Иоганна Виттенборга и Генриха Касторпа.

## **Жизнь купцов**

Главные стороны купеческой жизни в XV в. до некоторой степени раскрываются в уставах купеческих объединений и контор, в требованиях компенсации за причиненный ущерб, но главное – в письмах. Семейные хроники были бы бесценными, но до наших дней дошли всего две: Якоба Люббе, предпринимателя из Данцига, который родился в 1430 г. в деревне возле Мариенборга, и Франца Бесселя, бургомистра Штральзунда, рожденного там в 1487 г.

Меньше всего известно о первых годах жизни этих купцов. Примерно в шестилетнем возрасте ребенок шел в приходскую школу. Примечательно, что юный Люббе, крестьянский сын, научился читать и писать в своей родной деревне. Бессель же продолжил образование и после того, как получил начальные знания, и научился «склонять и спрягать, чтобы немного понимать латынь». Обучение заканчивалось между 12 и 15 годами; едва ли будущий купец учился в университете, хотя хорошее знание права становилось все более необходимым для человека, который в будущем надеялся занять важный государственный пост.

Далее начинался период ученичества, которое юноша проходил под руководством какого-нибудь купца, обычно родственника. За годы, проведенные в разных странах, молодой человек знакомился с бухгалтерией, счетами, осмотром товара, покупкой, продажей и системой кредита. Через два или три года он становился клерком и начинал торговать за свой счет и на свой риск, в то же время выполняя поручения хозяина. Он мог остаться клерком до конца жизни, но обычно, после некоторого времени, которое значительно варьировалось в зависимости от характера и достижений, молодой купец основывал собственную компанию.

После того купец селился в каком-либо городе и не так часто путешествовал, ведя дела из конторы. Письма братьев Векинхузен дают яркую картину типичных занятий. Купец принимал партии товаров, посылаемых его клерками или компаньонами, осматривал их, зорким глазом проверял качество, а также руководил пересылкой других товаров, заключал контракты с перевозчиками и капитанами. Важное место в переписке занимают различные полезные сведения.

Почти в каждом письме купец рассказывает о политической обстановке, о войнах и их влиянии на мир коммерции. Он называет цену разных товаров, высчитывает количество таможенных пошлин и расходов, обсуждает чистую прибыль, вкусы и финансовое положение клиентов. Если, как часто бывало, тот или иной товар не пользовался спросом, купец приказывал отправить такой товар в другое место, а иногда продать его по любой цене, и отменял отправку определенных товаров. Часто он делится с компаньонами своими опасениями по поводу предстоящего отчета, из-за нависших над ним долгов, из-за отсутствия наличных денег. Во многих письмах рижских купцов за 1458 г. содержатся одни и те же жалобы. Русские отказываются покупать сукно, особенно фламандское, предпочитая ему более дешевое, английское. Меха не находят покупателей в Брюгге. Большую тревогу вызывали нападения пиратов, которые во время войны с Тевтонским орденом базировались в Данциге. Поэтому они вздохнули с облегчением, когда в порт благополучно зашли корабли из Любека и Фландрии, особенно те, что везли соль из Бурньёфа, потому что теперь они могли рассчитывать на хорошую прибыль – однако при условии, что не объявятся голландские суда с солью, которые собьют цену и вынудят их торговать себе в убыток. Эти письма создают впечатление, что типичный ганзейский купец XV в. жил в постоянной тревоге, все время думая об излишках товаров, которые необходимо продать. Излишков купцы, похоже, боялись меньше, чем убытков из-за кораблекрушения или грабежа. Призывы к помощи Всевышнего, которыми пронизаны письма, конечно, вставлялись не просто красоты ради.

За пределами конторы купец проводил время в профессиональных объединениях, похожих по духу и структуре на купеческие гильдии. Почти каждый день купец ходил в штаб-квартиру своего объединения, где в общем зале (Schiitting) он встречался с коллегами, сидел на своем обычном месте, говорил о государственных и личных делах, собирал сведения, пил, ел и, время от времени, принимал зарубежных гостей и голосовал на общих собраниях, когда выбирали старшин и присяжных.

Устав данцигского «Артурова двора» (Artushof), более подробный, чем уставы других купеческих сообществ, демонстрирует заботу о сохранении доброго имени объединения: в уставе предписывается определенная линия поведения и содержатся призывы избегать

экстравагантности. Под угрозой штрафа и даже исключения запрещалось бросаться тарелками и блюдами в других членов общества, вытаскивать нож, играть в кости на деньги, подливать в кубок соседа смешанные напитки с целью напоить его допьяна, сплетничать, особенно о женщинах, или оскорбительно отзываться о ком-либо, особенно о представителях власти. Количество блюд во время трапезы строго лимитировалось, как и количество шутов. Вино приберегалось для гостей. Компания должна была окончить пир в десять часов, когда звонил «пивной колокол», и т. д. Одним из любимых развлечений были пари, условия которых тщательно записывались. Ставками обычно были деньги или штуки сукна. Купцы бились об заклад обо всем: о скорой свадьбе, о продолжительности войны, о цене на сельдь, о результатах выборов или турнира. Иногда спорили по самым нелепым поводам. Например, один человек поспорил, что некая кухарка признается, что ее хозяин – отец двух ее детей; еще один поставил десять гульденов на то, что не будет причесываться целый год. Иногда повседневную рутину скрашивали роскошные пиры.

Купец не всегда вел такую мирную и размеренную жизнь. Временами, особенно в молодости, ему приходилось отправляться в трудные и опасные путешествия. Франца Весселя, когда ему было не больше 12 лет, отправили на ярмарку в Сканию. Следующие восемь лет, несмотря на болезнь, которая периодически приковывала его к постели, он дважды ездил в Голландию, дважды в Сканию, а также на Готланд и в Ригу. Даже в зрелом возрасте большинство купцов отправлялись в длительные деловые поездки. Некоторые из них, обосновавшиеся в Скандинавии или странах Балтии, почти каждый год приезжали в Любек и покупали товары.

Перед отправлением в путь купцы испытывали необходимость привести в порядок свои мирские и духовные дела. Они часто выбирали именно это время для того, чтобы составить завещание, куда никогда не забывали включить несколько пожертвований церкви. Иногда в завещании особо оговаривалось, что та или иная сумма предназначается на спасение души завещателя, если в пути его постигнет смерть. «Пусть те, кто готовится сесть на корабль, исповедуются. Нам требуется так мало времени для того, чтобы лишиться жизни», – написано под картиной в приделе Мариинской

церкви в Любеке, на которой изображено кораблекрушение «бергенских гостей». В самом деле, за долгие недели утомительного плавания путника не покидал страх шторма или нападения пиратов. Купцы не чувствовали себя в безопасности, пока корабль не входил в порт.

Почти все ганзейские купцы ездили в одну из четырех главных зарубежных контор, где дела могли задержать их на несколько месяцев. Здесь, под защитой льгот и привилегий, предоставленных зарубежными правителями, они чувствовали себя в безопасности. Но жалованные грамоты становились бесполезными, если в стране вспыхивали междоусобицы – довольно частое явление во Фландрии – или если тамошние власти конфликтовали с Ганзой. История Ганзы отмечена рядом арестов и конфискаций, часто сопровождавшихся насилием. Последнее было особенно характерно для Новгорода. В 1424 г. всех немцев в конторе бросили в тюрьму; 36 человек умерли. В 1494 г. Иван III выслал в Москву 49 купцов с «Петрова подворья». Их продержали в неволе три года, а когда наконец освободили, все они погибли при кораблекрушении.

Однако такие насильственные действия со стороны зарубежного государства все же были редкостью. Гораздо чаще отдельные купцы несли урон из-за нападений или ссор из-за цены и качества товаров или платы за них<sup>[26]</sup>. В официальные запросы компенсации включены длинные списки таких жалоб. Они служат лишним доказательством того, насколько рискованной была жизнь купца.

Отчасти для того, чтобы гарантировать защиту своих купцов, Ганза требовала от них строгой дисциплины за границей и старалась по возможности изолировать их от контактов с местным населением. Однако образ жизни в разных конторах сильно различался. В Брюгге, где у Ганзы не было собственного дома, купцы снимали дома или квартиры в городе и жили среди местного населения, чей язык почти не отличался от их собственного. В Брюгге ганзейцы чувствовали себя почти так же свободно, как у себя на родине. Того же нельзя сказать о трех других конторах; там купцы становились предметом постоянного надзора и обязаны были жить и питаться в своем кругу. Самыми суровыми условия жизни были в Новгороде, особенно для тех, кто там зимовал. Из-за различий в языке, религии и поведении немцы жили там еще более изолированно, чем в других местах, в постоянном

страхе нападений и ограблений. Днем русским позволялось заходить в пределы «Петрова подворья» для купли-продажи. За пределами подворья никаких сделок не допускалось. Но по ночам ворота наглухо закрывались, территорию охраняли сторожевые псы, а сторожа запирались в церкви, где хранились самые ценные товары, архивы и казна. Хозяева, с одной стороны, и клерки и ученики – с другой, образовывали отдельные общества, каждое со своей общей спальней и трапезной. Немногие развлечения были доступны этой чисто мужской группе, состоявшей из нескольких десятков или сотен обитателей. Долгими зимними русскими вечерами они могли только разговаривать да пить в большой обогреваемой общей комнате. Однако все излишества строго пресекались под угрозой штрафа или тюремного заключения.

Строгий распорядок конторы время от времени оживлялся несколькими традиционными праздниками. Среди них по всей Северной Европе славилась бергенские игрища – как своей жестокостью, так и пышностью. Они происходили каждый год вскоре после прибытия ганзейской флотилии и сочетали весенний праздник с карнавальными шествиями, маскарадами, танцами и пирушками. Главным событием становились испытания, каким подвергали молодых подмастерьев перед принятием в полноправные члены общества «бергенских гостей». Им предстояло пройти три испытания. Первое – испытание дымом. Кандидата вздергивали на веревке к отдушине дымовой трубы, откуда шел едкий дым; он подвергался шуточному перекрестному допросу и лишь спустя какое-то время его, полузадохнувшегося, опускали вниз. Вторым было испытание водой. Кандидата трижды бросали на глубину в заливе; ему нужно было самому забраться в лодку, а старейшины, сидящие в нескольких рядом стоящих лодках, били его; кандидата защищал только приятель, вооруженный палкой. Третьим и самым суровым было испытание поркой. Кандидата поили допьяна, раздевали догола, завязывали ему глаза и пороли до крови. Остальные заглушали его крики, били в тарелки и барабаны. После порки испытуемый еще должен был спеть шуточную песню для членов общества, сидевших за столом.

В начале XVI в. грубость этих игрищ вызвала осуждение церкви (иногда испытания дополнялись богохульными «исповедями»), датского правительства и даже самой Ганзы. Игрища подвергали

критике за их жестокость, за происходившие время от времени несчастные случаи – хотя они, очевидно, были редкостью – и за безнравственность. Но главным поводом для жалоб было то, что игры вредили торговле: жестокие испытания отваживали сыновей богатых купцов. Впрочем, отчасти именно этого и добивалось общество «бергенских гостей». Большинство членов общества Bergenfahrer было скромного происхождения; им не хотелось принимать к себе выходцев из богатых семей, которые могли захватить в нем власть. Поэтому жалобы, наказания и правила, призванные смягчить жестокость игрищ, какое-то время не приносили результата. Для того чтобы положить им конец, потребовалось исчезновение самой Ганзы. В течение XVII в. количество ганзейских купцов в Бергене значительно сократилось. В 1671 г., через два года после последнего Ганзейского собора, указом короля Дании подобные забавы запретили под угрозой сурового наказания. На сей раз купцы послушались. Бергенские игрища, которые в некотором смысле отражали взлет и падение самой Ганзы, прекратились навсегда.

Едва ли можно было найти средневекового купца, который хотя бы раз в жизни не отправлялся в паломничество. К святым местам ходили в качестве епитимьи, для исцеления от болезни или во исполнение обета, принесенного в минуту крайней опасности. Самой большой популярностью среди ганзейцев пользовалось паломничество в Ахен, где их привлекала не могила Карла Великого, а мощи Богоматери. Привлекали их и многие другие раки, особенно в эльзасском Танне<sup>[27]</sup>, в швейцарском Айнзидельне, в Риме и Сантьяго-де-Компостеле. В хронике Франца Весселя описана настоящая одиссея, паломничество будущего бургомистра Штральзунда в собор Святого Иакова в Сантьяго-де-Компостеле, предпринятое в 1506 г., когда ему было 19 лет. На корабле вместе с ним находились 500 паломников, не считая женщин и девочек. Корабль заходил примерно в 50 портов в Норвегии, Шотландии, Фландрии, Англии и Франции. В Плимуте одного паломника зарезали двое его спутников, которых позже повесили. Несмотря на запрет, корабль покинул порт, и ему пришлось вступить в морской бой с двумя английскими кораблями, посланными в погоню. Наконец Вессель прибыл в Сантьяго-де-Компостелу, где присутствовал на коронации короля Филиппа Красивого. Он вернулся в Штральзунд целым и невредимым, и его с радостью встретили



родители, «потому что он был их единственным сыном, и они были убеждены, что он погиб в море или в другом месте».

Опасности, путешествия и тревоги такого рода были свойственны всем средневековым купцам. Ганзейцы, наверное, отличались от своих собратьев тем, что их жизнь и мышление были заключены в более строгие рамки. Дисциплина, которая была особенно строгой в зарубежных конторах, имела одно преимущество. Она развивала в них сознание общности, более выраженное, чем у купцов из других стран. Но при этом строгая дисциплина ослабляла личную инициативу, уменьшала их способность применяться к обстоятельствам и порицала любые индивидуальные действия, которые шли вразрез с правилами сообщества. Правила призваны были поддерживать строгое равенство между членами сообщества и неукоснительного соблюдения их прав. В своем жизнеописании Вессель вспоминает один случай, симптоматичный для такого подавления инициативы. Поскольку в 1485 г. в Бурньёфе не было соли на продажу, вся данцигская флотилия вернулась домой с пустыми трюмами. Ни представители в Бурньёфе, ни капитаны не смели в таких непредвиденных обстоятельствах пойти наперекор распоряжениям судовладельцев и взять на борт другие товары, чтобы получить хоть какую-то прибыль. Едва ли можно представить, чтобы итальянские или даже английские купцы так кротко подчинялись в сходной ситуации. Из-за строгих правил, в рамках которых они вынуждены были действовать, ганзейские купцы частично утрачивали вкус к рискованным предприятиям. Такой недостаток пагубно сказался на судьбе сообщества в целом.

## **Глава 9**

# **Экономическая политика Ганзы: ее конкуренты**

Ганза, целью которой была защита входивших в нее купцов, неустанно применяла доступную ей политическую власть как в Германии, так и за ее пределами. Сначала, примерно до 1350 г., ее главной задачей было получение привилегий для купцов и надзор за тем, чтобы зарубежные города и правители соблюдали эти привилегии. Свою задачу Ганза исполняла настолько хорошо, что ее купцы в Северной Европе получили практически монополию на торговлю между Востоком и Западом.

Но ко второй половине XIV в. стала очевидной конкуренция со стороны зарубежных купцов, особенно голландцев и выходцев с юга Германии. После долгого периода экономического либерализма Ганза начала издавать все более строгие правила. Они призваны были сохранить уже полученные привилегии исключительно для ее членов и предотвратить или по крайней мере ограничить экспансию зарубежной торговли в ганзейских владениях, особенно на Балтике. Такая политика, часто неблагоразумная – потому что она вредила и ганзейской торговле, – способствовала некоторым успехам в XV в., однако не достигла своей главной цели, так как Ганзе не удалось сдержать рост конкурентов.

### **Привилегии за рубежом**

В 1157 г. кёльнские купцы, которые обосновались в Лондоне, получили от короля жалованные грамоты. Они стали первыми привилегиями, предоставленными ганзейским купцам иностранными правителями, монархами и городами. В следующие 200 лет немецкие купцы постепенно приобретали более или менее равные льготы и привилегии во всех странах, хотя во Фландрии привилегии, возможно, были шире, чем в других местах. «Наши люди здесь обладают более широкими вольностями и привилегиями, чем в любой другой стране», – подтверждали прусские посланники в Англии в 1386 г.

В чем же заключались эти знаменитые ганзейские привилегии, которых так ревностно добивались? Главным образом в политических и правовых гарантиях безопасности жизни и имущества купцов, с одной стороны, и в освобождении от налогов и сборов – с другой. С самого начала в жалованных грамотах признавалось право ганзейских купцов образовывать организованную группу, выбирать своих старшин и проводить собрания. Там, где немцам принадлежал огороженный участок земли, например в Лондоне, Бергене и Новгороде, такой участок получал своего рода дипломатическую неприкосновенность; местные чиновники не имели власти в его пределах. Повсеместно судебные тяжбы и обиды разбирались собственным судом сообщества, если речь шла о его членах; суд назначал тюремные сроки и конфискацию имущества. В Новгороде суд «Петрова подворья» имел право даже судить преступления, караемые смертью или увечьем, хотя в Брюгге и Лондоне подобные дела надлежало передавать в местные суды.

Если ганзейский купец причинял убытки или увечья местному жителю или иностранцу родом не из Германии или наоборот, дело рассматривал местный суд, однако один из старшин выступал представителем истца или ответчика. Во всех жалованных грамотах подробно перечисляются гарантии, предоставляемые немцам. К XIII в. их освободили от судебных поединков, что стало очень важной уступкой. Если ганзейца признавали виновным, превалировал принцип строго индивидуальной ответственности. Ни ганзейцы в целом как сообщество, ни сограждане преступника не могли быть арестованы вместо него или лишены своих привилегий. Более того, если виновным оказывался клерк, нельзя было конфисковать товары, принадлежавшие его хозяину. Наконец, вопреки распространенному обычаю, собственность ганзейца, умершего на чужбине, даже если он был незаконнорожденным, возвращалась его наследникам и не могла быть конфискована или присвоена местным правителем или государством.

Ганзейцы, которые подвергались нападениям и грабежам, требовали немедленного возмещения ущерба, и местный суд обязан был рассмотреть дело в течение восьми дней. В случае убийства или увечья позволено было применять к преступнику *lex talionis* (закон возмездия). В случае кражи вора сажали в тюрьму до возмещения

ущерба. Если вор скрывался от правосудия, а его имущество оставалось в стране или ввозилось в нее, его конфисковывали и направляли в счет компенсации жертве. Во Фландрии в 1389 г. ганзейцы получили необычно широкие привилегии. Гент, Брюгге и Ипр совместно гарантировали, что любая вещь, украденная у ганзейца фламандцем в пределах графства Фландрия или даже за его пределами, подлежит возврату или возмещению. Если кражу совершал иностранец, граф Фландрии и города должны были оказать давление на город, куда бежал вор. Если в возмещении отказывали, указом предписывался арест всех купцов из того города и конфискация их товаров.

Если речь шла о невыплате долга, процедура различалась в зависимости от того, был кредитор ганзейцем или местным уроженцем. В первом случае немцы добились правила, которое вначале применялось только в Брюгге, а позже по всей Фландрии: местные суды вынуждали должника расплатиться в течение трех дней под страхом тюремного заключения и конфискации товаров. Если должник умирал, кредиторы получали первоочередные права на его имущество. Если должником оказывался ганзеец, снова превалировал принцип индивидуальной, а не коллективной ответственности. Ни один из ганзейцев не отвечал за своего коллегу. Самое большее, чего удавалось добиться, – долг выплачивал родной город банкрота, если соглашение было оформлено в установленной форме. В противном случае хватало простых показаний под присягой. Однако немцы не были освобождены от тюремного заключения за долги, что доказывает арест Хильдебранда Векинхузена в 1422 г. Правда, они могли избежать заключения, предоставив залог.

Особенно ревностно ганзейцы стремились оградить себя от рисков, возникающих после развязывания войны между страной, с которой они вели торговлю, и любой другой. Они не должны были нести убытки или становиться жертвами военных действий из-за того, что поставляли товары любой стороне. Отдельные условия, касавшиеся караванов в сопровождении охраны, доказывают, что зарубежная держава должна была, даже за своими границами, охранять купцов, которые направлялись туда или оттуда.

Одной из привилегий, на которых особенно настаивали ганзейцы во всех странах, было неприменение к ним закона об обломках

кораблекрушения у берегов морей и рек. Очевидно, членам Ганзы было очень важно, чтобы они могли вернуть груз с кораблей, потерпевших крушение или севших на мель. Такое требование порождало больше судебных разбирательств, чем любое другое, во-первых, из-за бесконечного разнообразия обстоятельств, во-вторых, из-за споров, подпадает ли то или иное кораблекрушение под юрисдикцию королевского управляющего или агента местного правителя, и, наконец, из-за традиционного убеждения жителей прибрежных районов, что обломки крушения принадлежат тому, кто первым их найдет.

Ганзейцы постановили, что любые обломки кораблекрушения, спасенные из воды, должны храниться у жителей побережья год и один день, а затем передаваться законным владельцам или их наследникам после выплаты награды за спасение. Более того, «обломками кораблекрушения» признавались те случаи, когда невозможно было найти живых созданий, даже домашних животных. Однако если все пассажиры погибали, часто трудно было найти владельцев судна. Даже когда розыски увенчивались успехом, жители прибрежных районов и королевские управляющие или агенты местного правителя часто отказывали в возмещении ущерба. Особенно сложные споры вызывала выплата награды за спасение имущества (Bergelohn). Хотя в принципе ставки были фиксированными, спасатели почти всегда требовали заоблачные суммы. Если корабль терпел крушение вблизи берега и экипаж оставался в живых, по договору у команды имелось три дня на то, чтобы спасти корабль. Но жители прибрежных районов часто отказывались помогать морякам, чтобы не лишаться права на обломки кораблекрушения, или даже препятствовали попыткам спасти корабль, предпринимаемым владельцами или их соотечественниками. Если катастрофа случалась в открытом море и обломки выносило на берег, это становилось еще одним источником конфликтов. Местные власти настаивали на своем праве конфисковать обломки на том основании, что ганзейское происхождение груза не доказано. Короче говоря, хотя в жалованных грамотах говорилось о неприменении к ганзейцам закона об обломках кораблекрушения, данную привилегию постоянно нарушали в ущерб Ганзе.

Несомненно, больше всего зависти вызывали фискальные привилегии, самые ценные для ганзейцев. Они требовали – и получали во всех странах – значительное сокращение

таможенных пошлин, фиксированную сумму сборов, которые им приходилось платить – как в тарифе, предоставленном в 1252 г. графиней Фландрии, – а также гарантии того, что пошлины не будут расти и они не будут облагаться новыми налогами и сборами. Такое требование было почти эквивалентно ограничению власти зарубежного правителя в денежных делах. Вполне понятно, что подобные привилегии предоставлялись с большой неохотой. Например, в 1347 г., когда Эдуард III поднял экспортный налог на английское сукно, ганзейцы отказались его платить, ссылаясь на свои привилегии; и король в конце концов согласился, что они правы. 25 лет спустя возникли новые разногласия. Ганзейцы снова отказались платить «субсидии», требуемые королевской властью. Положение усугубила смерть Эдуарда III, которая случилась в очень удобное для Ганзы время. Споры из-за налогообложения отравляли англо-ганзейские отношения весь XV в. Надо сказать, что фискальные привилегии, которыми ганзейцы пользовались в Англии, отличались особенной щедростью. На определенные товары ганзейцы платили пошлин меньше, чем сами англичане. Например, за отрез беленого сукна ганзеец платил 12 пенсов, англичанин – 14, а некоторые иностранцы – 31 пенс.

Еще одной особой привилегией, на которую претендовали ганзейцы, было право реэкспорта непроданных товаров без повторной уплаты пошлины. Судя по некоторым документам, иногда этой привилегией пренебрегали, но ганзейцы строго следили за ее исполнением. В 1385 г., когда богатый Дортмунд – ский купец Кристиан Келмер посмел повторно заплатить несколько шиллингов пошлины, вывозя из Англии партию непроданных мехов, лондонская контора сразу же исключила его из Ганзы<sup>[28]</sup>.

Немцам предоставляли и другие преимущества, которые способствовали расширению их торговли: право иметь собственную весовую – правда, в Брюгге они отказались от такой привилегии из-за высокой цены; право поверять меры и вес при помощи официально оцененных стандартов, предоставляемых им властями; право иметь точный тариф платы грузчикам, брокерам и за использование

городского подъемного крана; проводить разгрузку и погрузку судов ночью и т. д. Насколько их претензии могли быть непомерными, ясно по тому, что в 1339 г. они пытались снять цепь, которой на ночь перегораживали гавань Слэйса, чтобы их корабли могли в любое время беспрепятственно заходить в порт. Филипп Смелый, в приступе ярости, сначала объявил, что просьба эта нечестная и ничем не обоснованная. Но вскоре согласился, чтобы начальник порта убирал цепь на ночь – бесплатно – по просьбе ганзейского корабля.

Несомненно, привилегии, предоставляемые ганзейцам, часто игнорировали, ими пренебрегали или открыто нарушали их, особенно во время войны. В последнем случае сразу после объявления мира ганзейцы энергично требовали возмещения ущерба, и их требование иностранные государства обязаны были исполнить, по крайней мере частично. В целом можно не сомневаться, что их многочисленные льготы и привилегии способствовали развитию ганзейской торговли и помогали им одержать победу над конкурентами. Однако правда и то, что ганзейские привилегии все больше возмущали иностранных купцов, а также зарубежных правителей, которым не хотелось мириться с ограничениями своей власти. Вполне понятно, что правители по всей Северной Европе охотно привечали голландцев, чтобы освободиться от сковывавших их обязательств. В каком-то смысле начиная с XV в. привилегии подрывали торговое превосходство Ганзы.

Все ганзейские купцы, из какого бы города они ни происходили, пользовались за границей привилегиями равным образом. Таким был один из основополагающих принципов Ганзейского союза. Можно было бы ожидать, что города в границах Германии будут предоставлять другим ганзейцам если не полностью равные права со своими гражданами, то по крайней мере предпочтение по сравнению с «чужаками». Однако признаков этого найти невозможно, да Ганза как будто и не пыталась учредить такую систему. Каждый город распоряжался собственной торговлей и был заинтересован лишь в защите интересов своих купцов. Не было ничего необычного в том, что город предлагал особые преимущества для купцов из соседнего города, но и речи не было о том, чтобы подобные преимущества распространялись на всех ганзейцев. Весьма важен протест, поданный Гамбургом Любеку в 1418 г.

Освобождение от портовых сборов, дарованное любекским купцам, касалось только их, и ни с какими товарами, принадлежавшими уроженцам Пруссии или Ливонии, нельзя было обращаться как с товарами любекских купцов. Такого рода дискриминация со временем лишь нарастала. В XV в. торговое право все больше ужесточалось во всех городах. Ограничительные правила применяли как против неганзейцев, так и против купцов из других ганзейских городов. Создается впечатление, что в сфере экономической политики для Ганзы существовали лишь государства за пределами Германии.



## Конкуренты

Начиная со второй половины XII в. торговля конкурентов Германии в Северной Европе – скандинавов, русских, фризов и фламандцев – приходила в упадок. Ганза, благодаря размеру своего торгового флота, динамизму своих купцов и широте привилегий в зарубежных странах, постепенно приобретала фактически торговую монополию. Эта благоприятная тенденция пошла вспять начиная со второй половины XIV в. У Ганзы появились новые конкуренты, которые представляли разную степень угрозы. Они утверждались в ганзейских владениях и, несмотря на чинимые им препятствия, в XV в. наращивали свой товарооборот, вынуждая Ганзу переходить к обороне.

Первыми ганзейцев встревожили итальянцы. На севере Германии их было сравнительно немного. Они занимались либо куплей-продажей, либо обменными операциями и селились в основном в Кёльне. Однако немцы постоянно встречались с ними за границей, сначала на Шампанских ярмарках, затем во Фландрии, Англии, Франкфурте и даже в Польше. Они оценили финансовую мощь итальянцев и превосходство их методов ведения коммерции. Судя по всему, немцы опасались, что сфера интересов итальянцев распространится и на их владения. В 1397 г. прусские города просили великого магистра Тевтонского ордена отказать в допуске «ломбардцев» в страну. В 1412 г. Ганзейский собор в Люнебурге запретил итальянцам вести какие бы то ни было операции, как в качестве купцов, так и в качестве финансистов, особенно в морских портах. Таких драконовских мер не принимали ни в одной другой стране. Впрочем, соблюдали запрет нестрого, судя по тому, что в начале XV в. в Любеке открылся банк Бальони – Буэри. Более того, опасения немцев оказались беспочвенными. Похоже, что ни одна крупная итальянская компания не пыталась в полной мере распространить свою деятельность в ганзейской зоне влияния. Опасность угрожала Ганзе с другой стороны.

В конце XIV в. более серьезную конкуренцию составляли англичане. В прусских городах и в Штральзунде в больших количествах появлялись члены общества «Купцов-авантюристов»; они привозили туда сукно, а везли назад зерно, лес, смолу и металл из Словакии. С англичанами приезжали шотландские купцы, которые торговали

примерно теми же товарами. Вскоре после того Ганза серьезно встревожилась попытками представителей обеих групп проникнуть внутрь Германии и продавать свое сукно напрямую прусским и польским клиентам. После кризиса 1388 г. в Данциге, с одобрения Ричарда II, даже появилось английское поселение. Подобно немецким конторам за рубежом, поселение объединяло всех англичан, проживавших в Данциге, и управлялось избранным ими «губернатором», который председательствовал на собраниях. Английские купцы покупали или снимали дома в Данциге и вступали в компании с данцигскими гражданами. В отличие от немцев за рубежом, англичане привозили с собой семьи, порождая опасения, что они могут остаться в городе навсегда<sup>[29]</sup>.

Впрочем, такое многообещающее начало ни к чему не привело, по крайней мере в XV в. Англичане несколько раз жаловались на препятствия, чинимые им в делах, и на яростные нападки на них не только в Пруссии, но и в Скании и в Норвегии. Им не удалось проникнуть ни в Ливонию, ни в какой-либо вендский город, кроме Штральзунда. Даже в Пруссии за их делами пристально наблюдали, и, несмотря на добрую волю, выказанную великим магистром Тевтонского ордена, они и там не добились особых успехов. Весь XV в. ганзейцам удавалось ограничивать английскую торговлю и не давать англичанам составлять им серьезную конкуренцию. Время для великой экспансии английской торговли в Германии еще не настало.

Самыми опасными конкурентами из всех оказались голландцы. Их успехи были неопровержимыми; в XV–XVII вв. они постепенно превзошли ганзейцев. До середины XIV в. голландцы не вызывали серьезных опасений. Голландские города только начинали развиваться. Около 1400 г. в Амстердаме и Лейдене было всего по 5 тысяч жителей; Дордрехт, несмотря на благоприятное положение, не мог затмить Брюгге; морская торговля почти не велась за пределами Нидерландов и Англии. Видимо, ганзейцев куда больше тревожила конкуренция со стороны густонаселенных городов на восточном побережье Зейдерзе и Эйссела, таких как Цволле, Девентер и особенно Кампен. Купцов из этого города ганзейцы встречали в Норвегии и Скании начиная с XIII в., а в Ганзу Кампен приняли лишь в 1441 г.

Временами интересы голландцев и ганзейцев совпадали. Так, в 1367 г. Амстердам, Бриль и другие города примкнули к Кёльнской

конфедерации против Дании и Норвегии. Но то проявление солидарности оказалось последним. С тех пор голландцы повсеместно и в любых обстоятельствах выступали врагами Ганзы. Особенно опасными их делало то, что они, в отличие от англичан, не довольствовались требованием доли в той сфере торговли, которая традиционно считалась ганзейской. Напротив, развивая промышленность и торговый флот и перевозя свои продукты на собственных кораблях в северных морях, они наносили удар самой сути коммерческой организации Ганзы.

В этом процессе особую важность представляло развитие текстильной промышленности. Начиная со второй половины XIV в. производство сукна, которое до тех пор развивалось лишь в сельской местности и удовлетворяло лишь местным нуждам, все больше сосредотачивалось в городах, главным образом в Лейдене, а также в Амстердаме, Хаарлеме и Роттердаме. Благодаря привилегиям, пожалованным правителями Голландии, тамошняя текстильная промышленность стремительно развивалась. Ткачей снабжали английской шерстью; в начале XV в., после иммиграции в Голландию фламандских ткачей, промышленность получила новый стимул к развитию. Скоро голландское сукно появилось на всех ганзейских рынках. Самым серьезным последствием такого события стало снижение спроса на фламандское сукно, центр торговли которым находился в Брюгге. А ведь торговля сукном составляла основу процветания ганзейцев.

Кроме того, в голландских городах начали варить пиво. В XIV в. Северные Нидерланды считались важным рынком сбыта для немецкого пива. В 1347 г. из 457 пивоваров в Гамбурге 127 экспортировали свою продукцию в Амстердам, а 55 – в Ставорен. Но позже голландское пиво все больше вытесняло немецкое, даже за пределами Нидерландов.

Наконец, в тот же период в Северном море ширился промысловый лов сельди; лов же у берегов Скании сокращался. Изначально сельдь ловили только в прибрежных районах, но в XV в., благодаря появлению больших сетей и строительству специализированных судов, лов распространился и на открытое море. Новым рыбопромышленным центром стал Бриль, где рыбу засаливали в бочках. Хотя голландская сельдь по качеству уступала сканской, она

была дешевле. Поэтому голландская сельдь вытеснила сканскую в долине Рейна и широко продавалась даже на Балтике.

Еще больше такого удара по отдельным жизненно важным секторам их торговли ганзейцев тревожил размер голландских грузоперевозок по морю. Голландские корабли никогда не простаивали без дела, но в XIII и даже в XIV в. их можно было найти только в прибрежных водах и на реках Нидерландов. В отличие от ганзейского флота, по сути своей городского, голландское судоходство носило выраженный сельский характер. Даже в XV в., когда в некоторых крупных городах возникла тенденция к централизации, строительство и оснащение кораблей продолжало процветать в более мелких портах Зеландии и Голландии.

Распространению морской торговли благоприятствовал рост текстильной промышленности. Голландцы сами привозили незаменимую английскую шерсть либо из Англии, либо из городов континентальной Европы, где появились основные оптовые рынки. Голландские корабли, шедшие следом за фламандскими, добирались до Атлантики и привозили соль из Бурньёфа, которая все больше пользовалась спросом в Северной Европе, а также французское вино. Главное же, голландцы в больших количествах начали появляться на Балтике и возили зерно из Пруссии и Польши. Раньше, начиная с XIII в., их довольно редкие заходы в Балтику ограничивались теми периодами, когда наблюдался дефицит зерна. С ростом населения на севере Нидерландов и сокращением объема фламандской экспортной торговли голландцы начали регулярно посещать прусские, а затем и ливонские порты. В Новгороде голландцев впервые упоминают в 1432 г.: они продавали сельдь, сукно и французскую соль, а покупали воск и лен. В Пруссии и прибалтийских странах они встречали дружеский прием, особенно со стороны знати, так как их приезд способствовал росту торговли. Естественно, их очень тепло принимали в Дании и Норвегии, странах, которые возмущала ганзейская монополия.

Экспансия голландцев вызвала тревогу в первую очередь в Любеке и вендских городах. Если бы новички довольствовались долей в экспорте русского зерна, ущерба было бы меньше, так как ганзейские флотилии были недостаточно большими для того, чтобы взять на себя всю торговлю зерном со странами Запада. Но вскоре голландцы начали

грубо нарушать правила немецкой коммерции. Их корабли заходили не только в привилегированные порты, но и бросали якорь в небольших, нечасто посещаемых гаванях, где они могли вести дела напрямую с крестьянами и крупными землевладельцами, тем самым лишая города их роли посредников. Даже в городах они приобретали долю в торговле, главным образом благодаря тому, что их плата за фрахт была ниже, чем у ганзейцев. Подобно англичанам, только в большем масштабе, они расширяли бизнес, вступая в компании с бюргерами немецких городов. Наконец, рост голландской торговли повысил значимость прямого морского пути через Зундский пролив, в ущерб сухопутному маршруту Любек – Гамбург.

Ганзе удалось сдержать рост английской торговли на Балтике, однако она оказалась бессильной перед лицом неодолимой экспансии голландцев. Ни все более строгие правила, ни открытая война (1438–1441) не могли создать постоянное препятствие на пути новых конкурентов. Голландцы пользовались любой возможностью, чтобы закрепить преимущества, полученные ими в Восточной Европе. Они пользовались к своей выгоде внутренними конфликтами в Ганзейском союзе в 1408–1418 гг., блокадой Фландрии в 1451–1457 гг. и войной между Польшей и Тевтонским орденом в 1454–1466 гг. Главной причиной того, что ганзейцам не удалось сдержать натиск голландцев, стало отсутствие единства между ними. Особенно ливонские города и Тевтонский орден не стремились противодействовать голландцам, поскольку торговля с ними сулила им значительные преимущества. В 1411 г., несмотря на эмбарго, объявленное Данцигом, великий магистр Тевтонского ордена уполномочил голландцев вывозить зерно из города. В 1438 г., вопреки запрету, наложенному прусскими городами, он разрешил голландцам торговать в Польше. Местная знать не подчинялась запретам городов и требовала, чтобы голландцам и англичанам, «в соответствии со старинным обычаем», разрешили свободно покупать зерно в удаленных от моря районах. Насколько далеко могли зайти разногласия между ганзейцами, показала война 1438 г. Великий магистр Тевтонского ордена отказался принимать в ней участие, а когда вендские города запретили голландским кораблям проход через датские проливы, он приказал конфисковать имущество любекских купцов в Пруссии. Все это объясняет неуклонный успех

голландцев; вот что стало одной из причин того, что к середине XV в. настал конец монополии Ганзы в северных водах.

Помимо голландцев, самыми опасными конкурентами ганзейцев в XV в. стали выходцы с юга Германии, особенно уроженцы Нюрнберга. Поскольку они были немцами – хотя относились к ним как к иностранцам, – такое соперничество не приводило к политическим инцидентам, захвату товаров или войне. Однако ошибочно полагать, что немецкие конкуренты представляли меньшую опасность, чем прочие. Распространение южнонемецкой торговли стало по меньшей мере столь же пагубным для экономики Ганзейского союза, как и экспансия голландцев.

Ганзейцы вступили в контакт со своими южнонемецкими конкурентами еще в XIII в., на Шампанских ярмарках. Но лишь в XIV в. нюрнбержцы распространились по всей южной и западной Германии, проникли в Италию и Нидерланды. Почти в 70 городах, особенно в Любеке, они освобождались от рыночных пошлин. С 1311 г. им предоставлял привилегии герцог Брабантский, а в 1361 г. Луи де Маль предоставил им льготы во Фландрии, примерно равные тем, которыми пользовались ганзейцы. Однако они по-прежнему довольствовались торговлей лишь между югом Германии и Нидерландами, и, хотя торговля Кёльна с Франкфуртом и придунайскими странами страдала от их конкуренции, интересы ганзейцев еще не были поставлены под угрозу. Однако к концу XIV в. уроженцы Нюрнберга прочно утвердились в Любеке. Один из их крупных домов, дом Пиркхаймеров, был представлен там одним из его самых влиятельных партнеров, Иоганном Ланге, который женился на представительнице любекской патрицианской семьи. Он торговал с Висбю, Ревелем и Данцигом и проводил финансовые операции, которые связывали Швецию, Франкфурт, Прагу и Италию. В начале XV в. самой важной, как представляется, была фирма Кресса. О товарообороте представителей юга Германии свидетельствует жалоба любекских розничных торговцев, в которой они утверждают – несомненно, несколько преувеличивая, – что один нюрнбержец продал за один день столько же, сколько все граждане Любека за год<sup>[30]</sup>. Операции нюрнбержцев напрямую конкурировали с операциями ганзейцев. Они экспортировали меха, янтарь и вяленую рыбу на юг, а на север везли специи, изделия из металлов и предметы роскоши. Они

торговали даже товарами из Кёльна и Фландрии, подобно голландцам, нанося таким образом удар по ганзейской торговле, сосредоточенной в Брюгге.

Хотя розничные торговцы Любека призывали к решительным мерам против конкурентов, крупные купцы не спешили следовать их примеру, боясь ответных мер против своих операций в Нюрнберге. Но в начале XV в. любекский городской совет все же решил приступить к действиям. Несколько раз нюрнбержцам запрещали вступать в компании с ганзейцами или торговать в розницу. Кроме того, им приказали торговать только товарами, произведенными в Нюрнберге, а специи и пряности обложили налогом. Эти меры почти не возымели действия, поскольку нюрнбержцы к тому времени довольно часто прибегали к средству, ранее испробованному Гансом Ланге. Они женились на уроженках Любека и таким образом получали любекское гражданство, одновременно продолжая торговать от имени своей изначальной фирмы. Некоторые местные патриции охотно заключали союзы с богатыми и почтенными нюрнбергскими семьями и становились агентами иностранной фирмы. С их помощью уроженцы юга Германии проникали в самые замкнутые круги, особенно в благотворительное Братство Святого Леонарда. Некоторых даже принимали в Круговое общество. Благодаря родственным связям нюрнбержцам без труда удавалось избежать ограничений, наложенных на их деятельность. Во второй половине XV в. их стало гораздо больше; таким образом они прокладывали дорогу Фугтерам, чьи деловые интересы в ганзейских владениях впоследствии распространились еще шире.

Нюрнбергские купцы проникали не только в Любек. Начиная с XIV в. их можно было встретить в Лейпциге, Бреслау, Кракове, Лемберге и особенно в Познани. Польские короли и знать оказывали им теплый прием, не боясь, что они будут вмешиваться в политику, как прусские купцы. Из Польши они проникли в Пруссию и Ливонию, и их хорошо принял Тевтонский орден, чьи доходы они увеличивали. Но прусские и ливонские города испугались и ввели ряд мер против незваных гостей. Впрочем, поскольку там нюрнбержцы применяли те же методы, что и в Любеке, ограничительные меры оказались по большей части неэффективными.

Несомненно, самым опасным аспектом их экспансии стало развитие, в пользу нюрнбержцев, коммерческой оси Запад-Восток, Франкфурт – Нюрнберг – Лейпциг – Познань, вдоль южной границы ганзейских владений. Товары из Центральной Европы, которые раньше везли по реке к морю и далее морским путем Брюгге – Любек – Ревель, теперь перемещались новым маршрутом: в одну сторону шли товары с юга Германии и из Италии, а в обратную сторону – товары из русских земель и Польши. Знаменательно, что в 1474 г. Бреслау объявил о своем выходе из Ганзы. Смена коммерческих маршрутов означала, что интересы города больше не направлены на север. Судя по всему, в Любеке почувствовали опасность. Отсутствие рвения со стороны городского совета в борьбе с нюрнбержцами, похоже, свидетельствует о том, что они предпочитали терпеть конкуренцию с их стороны внутри города (что приносило некоторую прибыль), чем выгонять их и тем самым поощрять их завязывать торговые отношения за пределами ганзейской орбиты, где они были бы свободны от ограничений. Тем не менее правда, что начиная с XV в. уроженцы юга Германии, которые уже получили долю в торговле специями и сукном в Нидерландах, стали вторгаться в торговлю мехами, одного из основных товаров для Ганзейского союза.

Есть еще одна группа конкурентов Ганзы, деятельность которой проявилась с середины XV в., но больше всего в XVI в. – крупные землевладельцы восточных регионов, от Мекленбурга до Ливонии. Аристократы, владевшие землей, не думали об организации торговли своей продукцией на дальние расстояния – за одним исключением. Тевтонский орден, как упоминалось выше, превратился в мощную торгово-промышленную компанию, которая нанимала собственных агентов в ущерб купцам из прусских городов. Впрочем, остальные местные правители предоставляли заботу о сбыте своих сельскохозяйственных излишков ганзейским городам. Более того, гораздо больше экспорта своего зерна их интересовала покупка сукна и других западных товаров. Достаточно взглянуть на бухгалтерские книги нескольких ганзейских купцов, например на грессбух Вико ван Гельдерсена из Гамбурга и Тёльнера из Росток, чтобы оценить, насколько важное место занимали в делах этих купцов знатные клиенты из областей, удаленных от моря.



В ходе XV в. положение менялось. Узнав о растущем спросе на зерно в Нидерландах и других местах, крупные землевладельцы с Востока интенсифицировали свое сельскохозяйственное производство и попытались самостоятельно наладить сбыт своей продукции. Голландских кораблей становилось все больше, и аристократам было нетрудно связаться с ними напрямую в портах, «закрытых» ганзейцами. В список товаров входили не только зерновые. Для продажи польской и прусской древесины крестьяне образовывали ассоциации, чтобы напрямую вести дела с иностранными купцами. Некоторым городам, несомненно, удавалось получить прибыль от общего роста сельскохозяйственной продукции. Так, стремительное процветание Данцига накануне Нового времени связано с ростом производства зерновых на землях польских и украинских аристократов<sup>[31]</sup>. В целом же сотрудничество крупных землевладельцев и иностранных купцов пагубно сказывалось на ганзейской торговле, так как исключало из цепочки городских купцов, лишая их прибыли за посредничество.

Такие же последствия вызывал рост числа уроженцев юга Германии на Востоке. Даже если немногие из них покупали там зерно или лес, они снабжали местных знатных землевладельцев фламандскими и итальянскими товарами, которые в прошлом поставляли ганзейцы. Вполне понятно, что меры, предпринимаемые ганзейскими городами в защиту своих купцов, оказались почти бесполезными, поскольку вступали в противоречие с интересами крупных землевладельцев. Со второй половины XV в. Тевтонский орден и прусская аристократия, в виде исключения объединившись, открыто потребовали для себя права свободно торговать с иностранцами. Некоторым горожанам удавалось преодолеть кризис с помощью женитьбы на дочерях сельских аристократов, но подобные случаи были исключением. В целом власть городов над сельской местностью и ее пахотными угодьями неуклонно ослабевала к выгоде тамошней знати. Данное обстоятельство в немалой степени способствовало упадку Ганзы в конце XV–XVI вв.

## **Регулирование торговли**

Столкнувшись с ростом конкуренции, Ганза попыталась выстроить оборону. Судя по всему, ганзейцы не рассчитывали на поражение соперников на рынке свободной конкуренции; более того, стремительные успехи голландцев и южных немцев почти не оставляли надежды на победу ганзейцев. Более того, основной принцип Ганзы, согласно которому все ее члены наделены равными правами, не сочетался с системой экономического либерализма. Ганза могла нанести ответный удар единственным способом: с помощью регулирования. Хотя ограничительные правила так и не удалось систематизировать, в XV в. они становились все строже. Главным образом они касались трех пунктов: недопущения неганзейцев к ганзейским привилегиям; лимитирование деятельности неганзейцев в Германии с помощью различных мер, которые в целом получили название «гостевого права» (Gasterecht); а также укрепление ганзейского рынка в Брюгге с целью противодействия голландской торговле.

Торгуя за границей, ганзейцы не могли избежать тесных деловых отношений с купцами из других стран. Одним результатом такого неизбежного сотрудничества было то, что за границей уже не так строго проводили различия между ганзейцами и неганзейцами, и даже меньше между немецким капиталом и иностранным капиталом, если они были вложены в ганзейское предприятие. Пока Ганза развивалась, такое взаимовлияние и взаимопроникновение приносили сторонам больше выгод, чем ущерба. Так легче было вести операции. Судя по всему, в заграничных конторах господствовала широкая терпимость: иногда неганзейцы даже получали в них должности.

Но с появлением иностранной конкуренции, то есть примерно с 1350 г., подобное положение сочли пагубным для интересов Ганзейского союза, и Ганза поспешила принять меры. Некоторые из них относились к правовой сфере и призваны были прояснить различие между ганзейцами и неганзейцами. Главное уже было отмечено: пользование привилегиями было ограничено только гражданами ганзейских городов, должности в конторе имели право занимать только ганзейцы (1366); запрещалось получать номинальное

гражданство в ганзейском городе, а также одновременно иметь гражданство двух городов (1417). Кроме того, право на привилегии получали только граждане по праву рождения (1434). Вскоре, однако, выяснилось, что правила удается обходить при помощи зарубежных клерков, которые поступали на службу к немецким купцам, особенно в Англии. Ганзейский собор 1447 г. попытался положить этому конец, провозгласив, что в будущем зарубежные клерки смогут пользоваться привилегиями только после того, как прослужат у ганзейского купца семь лет и сами станут гражданами ганзейского города, где будут владеть собственным домом. Пока не будут выполнены эти условия, они не имеют права ни вкладывать средства в ганзейское предприятие, ни участвовать в прибылях, ни вступать в компанию с хозяином. Вдобавок, даже если все условия были выполнены, исключение из последнего правила составляли англичане, голландцы, зеландцы, фламандцы, брабантцы и нюрнбержцы, то есть все самые опасные конкуренты.

Такие запреты ясно показывают, что целью правовых мер было помешать иностранцам и иностранному капиталу получать выгоду от ганзейских привилегий. Так, особенно яростным нападкам подвергались компании с участием немцев и иностранцев. Подобная практика давно заставляла бить тревогу, особенно на Востоке. К концу XIII в. в устав Новгородской конторы внесли запрет на деловые объединения с русскими – как в форме товарищества, так и комиссионного агентства. Нарушение запрета каралось штрафом в 50 марок. Тот же запрет применялся к ганзейцам, которые перевозили товары для итальянцев, фламандцев или англичан. Долгое время подобная мера оставалась особенностью новгородского «Немецкого подворья», но в 1360 г. контора в Брюгге также запретила все деловые товарищества с фламандцами, а в 1405 г. Ганзейский собор в Любеке распространил общий запрет на все товарищества ганзейцев с неганзейцами. В 1418 г. данную меру распространили на судовладельцев. Иностранцам запрещалось владеть долей в ганзейском корабле, а ганзейцам запрещалось владеть долей в иностранном корабле.

Эти запреты в XV в. периодически продлевались, хотя сложно сказать, насколько строго они применялись. Похоже, что Тевтонский орден и прусские города не особенно их соблюдали. В Брюгге

выражали протесты, но тщетно, и в результате многие купцы и еще большее количество капитанов кораблей отказывались от ганзейского гражданства и натурализовались в тех странах, где они вели дела. Ганза стремилась сурово покарать таких отступников. Им навсегда запрещалось получать гражданство какого-либо ганзейского города, а членам Ганзы не разрешалось торговать с ними. Но и здесь санкции в одних местах применялись строже, чем в других, несмотря на угрозу исключения. В целом казалось, что желаемая цель достигнута, и вскоре иностранцы не смогли торговать под защитой ганзейских привилегий. Продление ограничительных мер доказывает, что подавляющее большинство ганзейцев считало их необходимыми, сколько бы ущерба ни нес каждый из них в отдельности. Очевидно, таков был единственный способ противодействия конкуренции.

Правила, составлявшие «гостевое право» (Gasterecht), в основном были нацелены на торговлю иностранцев в Германии. Можно подумать, что проще запретить иностранцам доступ во все ганзейские города, но такую радикальную меру никогда не предусматривали, за исключением, может быть, итальянцев. Да никто и не стремился вводить такую меру. Городские власти и отдельные купцы не желали лишаться прибыли, какую можно было получить, торгуя с иностранцами. А самое главное, ганзейский флот был недостаточно велик для того, чтобы справиться со всем товаропотоком, особенно в Пруссии и Ливонии. В XV в. нехватка кораблей стала ощущаться более остро. Необходимость добыть транспорт для растущего количества зерновых, в которых нуждались на Западе, и удовлетворить спрос на соль на Востоке вынуждала ганзейцев оставлять место для торговли с иностранцами. Главным образом в результате этих новых условий на Балтике так вырос объем голландской морской торговли. Следовательно, «гостевое право» начало благоприятствовать торговле с иностранцами там, где такая торговля предлагала выгоды для ганзейских городов, и тормозить ее там, где она угрожала их интересам.

Юридический статус иностранцев не везде был одинаковым. В Пруссии англичане жаловались на притеснения из-за указов, которые применялись к ним одним. Ливонские города начиная с 1450 г. решили принимать в стране только голландцев и зеландцев. Остальные иностранцы, то есть французы, валлонцы, итальянцы, шотландцы,

англичане, испанцы и фламандцы, изгонялись. За пять лет до того прусские города, за исключением Данцига и Мариенбурга, отказались принимать у себя уроженцев Нюрнберга. Но такие меры принимались лишь на время.

Согласно другим постановлениям более общего характера, принятым Ганзейским собором 1417 г. и после того регулярно продлевавшимся, иностранцам разрешалось посещать только ганзейские города и там торговать только оптом и только с гражданами этих городов. Хотя ганзейцы во всех зарубежных городах требовали для себя права торговать напрямую с иностранцами, они не собирались предоставлять конкурентам такие же права на своей территории. Самое главное, они не давали конкурентам проникнуть внутрь страны и вести дела напрямую с клиентами. Соборы, как всеобщие, так и региональные, часто повторяли запрет на посещение иных портов, кроме «традиционных». Очевидно, главной мишенью запрета служили голландцы, которых обвиняли в том, что они вывозят зерно, которое должно было покидать страну исключительно через ганзейские порты. В Ливонии несколько раз принимали постановления, по которым иностранцам запрещалось изучать славянский язык. Тем самым им не давали вести дела напрямую с местными жителями. Их пребывание в стране ограничивалось четырьмя, тремя или даже двумя месяцами, чтобы они не образовывали там колоний. Кроме того, им запрещалось оставаться в Ливонии на зиму и, конечно, становиться гражданами какого-либо ливонского города.

Трудно оценить результаты применения таких законов. «Гостевое право», судя по всему, применялось не везде с одинаковой строгостью. Английским купцам в Пруссии оно серьезно мешало, и их торговля не развивалась. С другой стороны, ни голландцы, ни уроженцы юга Германии как будто не встречались с непреодолимыми препятствиями в развитии своей торговли в Пруссии и Ливонии, несомненно, благодаря благосклонности, которую выказывали им вдали от моря, особенно представители знати.

Укрепление ганзейского основного рынка в Брюгге стало одной из существенных мер по борьбе с конкурентами, особенно голландцами. В XIV в. Брюгге был важнейшим рынком во всех Нидерландах. Там сосредоточился не только ввоз главных продуктов Востока – воска,

мехов, металлов, – но и экспорт сукна. К концу века, однако, Брюгге начал терять свое уникальное положение из-за развития других нидерландских центров, составлявших ему конкуренцию. И даже Ганза после блокады 1388 г., судя по всему, уже не придавала Брюгге прежнего значения. Важные привилегии, предоставленные в 1409 г. Антверпену, стали первым шагом к децентрализации в той области. Развитие голландской текстильной промышленности и голландской торговли в целом положило конец этому сотрудничеству. Более того, голландцы все больше сами привозили сукно в ганзейскую зону, где они находили растущее число покупателей. Тем самым они способствовали вытеснению фламандского сукна и нанесли серьезный удар по жизненно важному сектору ганзейской торговли в Нидерландах. В качестве ответной меры Ганзейский союз, особенно Любек, начиная с 1440 г. стал укреплять основной рынок в Брюгге. В 1442 г. на Ганзейском соборе в Штральзунде было решено допускать в ганзейские города лишь сукно, купленное в Брюгге. Три года спустя на соборе в Любеке запретили покупать голландское сукно. Всем кораблям, которые направлялись в Нидерланды, приказали принимать на борт грузы только на рынке в Брюгге. Исключение составляли скоропортящиеся товары (Ventegüter).

Голландцы получили серьезный удар. Теперь они не могли экспортировать свое сукно напрямую во многие страны Восточной Европы и боялись, что заметное количество иностранных кораблей прекратит заходить в их порты. Но запрет повредил и самим ганзейским городам на Зейдерзе, а также Кёльну и клиентам в тех странах, которые предпочитали голландское сукно, – оно было дешевле фламандского. Дело окончилось беспрецедентным ростом контрабанды, в которой голландцы повсюду находили сообщников. Вдобавок сама Ганза пострадала от эмбарго, которое она объявила против Фландрии в 1451–1457 гг., чем не преминули воспользоваться ее противники. Это не помешало Ганзе в 1466 и 1470 гг.<sup>[32]</sup> продлить действие запретов. Однако стремительный упадок Брюгге в конце века свел ее усилия на нет. Сами немецкие купцы, вопреки постановлениям, проникали в города Голландии и Брабанта, и в этой области тоже великая торговая война между ганзейцами и голландцами окончилась полной победой последних.

## **Борьба против кредитного финансирования**

Применение кредита широко распространилось в ганзейском мире уже в XIII в. Приемы кредитования немцы заимствовали у итальянцев, с которыми они впервые встретились на Шампанских ярмарках и позже в Брюгге, Лондоне, Кёльне и, возможно, даже в городах на востоке Германии. Поскольку кредит, по крайней мере в виде займов, был незаменим для развития торговли, его распространение поощряли сами города. В конце XIII в. они учредили долговые реестры и таким образом предоставили кредитным операциям официальные гарантии. Даже за границей ганзейские города поддерживали в этом отношении предприятия своих купцов. До наших дней сохранилось около 10 писем, отправленных финансистом Райнеке Морневеком в конце XIII в. городскому совету Любека. Он выступал представителем Любека во Фландрии и на свой страх и риск проводил крупные кредитные и обменные операции, выплачивая значительные суммы купцам из Любека и Саксонии, а также иностранцам. Он предоставлял ссуды, выплачивал долги, продавал товары в кредит и выписывал обменные векселя на Любек<sup>[33]</sup>. Так как впоследствии нет упоминания о таких представителях городов, которые выполняли временные поручения, вероятно, с развитием кредитования потребность в них отпала.

В XIV в. кредит применялся довольно широко. Выше уже рассматривались многочисленные операции вестфальских купцов в Лондоне. В самых первых из сохранившихся бухгалтерских книг ганзейских купцов наряду с займами имеются записи с упоминанием переводных векселей. Города также использовали такой способ платежа. После 1361 г. появление налога с фунта стерлингов при расчетах, подразумевавших перевод значительных сумм из одного города в другой, доказывает, что подобный метод вошел в обиход<sup>[34]</sup>.

Однако, судя по почти полному отсутствию в ганзейских городах банков, сравнимых с итальянскими, располагавшими многочисленными филиалами, очевидно, что в ганзейской сфере кредит не получил широкого применения. Впрочем, в XV в. в Любеке появился итальянский банк, основанный около 1410 г. Людовико Бальони из Перуджи и его компаньоном Герардо Буэри (которого часто

называют «Герхардом-Италья-янцем») из Флоренции, родственником Медичи. Последний, чтобы преодолеть трудности, вызванные его статусом иностранца, женился на дочери бургомистра Любека и в 1428 г. получил гражданство этого города. С тех пор банк стремительно расширялся. Подобно своим коллегам в Италии, два компаньона занялись не только банковскими операциями, но и торговлей. Они торговали на Балтике и вступили в трест, который контролировал продажу янтарных четок, изготовленных в Любеке. Поскольку у них были налажены связи с папой римским и семьей Медичи, они производили крупные выплаты в Италии, Базеле и Брюгге от имени Любека и Данцига, предоставляли займы представителям духовенства и любекским купцам. Возможно, они также получали прибыль от депозитных счетов и обменных операций.

В то время казалось, что Любек может стать крупным финансовым центром Северной Европы, однако таким планам не суждено было осуществиться. После смерти Буэри (1449) его банк прекратил свою работу, и с итальянскими кредиторами расплачивался Бенедикт Стефани из Лукки, представитель Козимо де Медичи. Однако несколько лет спустя Годеман ван Бюрен попытался основать подлинно любекский банк. Город предоставил предприятию свою защиту под залог 6 тысяч марок, которые внесли шесть граждан города; одним из которых был Генрих Касторп. Но в 1472 г. Бюрен обанкротился, его банк закрылся, и больше попыток такого рода не предпринималось. Банковское дело и торговля с Италией все больше переходили в руки уроженцев юга Германии.

Какое бы широкое распространение ни получал кредит в ганзейском мире, он наткнулся на непреодолимое недоверие во многих торговых кварталах. В XV в. недоверие сменилось откровенной враждебностью<sup>[35]</sup>. Ганза считала необходимым систематически бороться с распространением кредита в коммерческих операциях. Это одна из самых странных особенностей ее экономической политики.

Инициатива пришла с Востока, который с экономической точки зрения был менее развитым, чем Запад. Торговля, особенно с Русью, очень часто имела вид бартера или велась на «меховые деньги», где единицей служил куний мех. Попытка ввести металлические деньги в Пскове и Новгороде оказалась неудачной, поскольку считалось, что через монеты можно заразиться чумой. Выплата долгов стала еще



одним источником разногласий с русскими, которых предпочитали избегать. Поэтому во второй *скре* новгородской конторы (около 1295 г.) под угрозой штрафа запрещались все кредитные операции (Borgkauf).

Еще удивительнее, что кредит становился все менее популярным среди влиятельных членов Ганзы, даже в Любеке. Они утверждали, что кредит якобы вызывает нестабильность цен, что вредит предпринимательской деятельности. Иногда покупателю приходилось продавать товар в убыток, чтобы получить наличные для расплаты с долгами; в другие разы, не будучи обязанным расплачиваться сразу, он соглашался на повышенный кредит. Кроме того, кредит обвиняли в том, что из-за него купцы поддаются искушению чрезмерно рисковать, и даже хуже, поощрять нечестные махинации бессовестных купцов, таким образом компрометируя доброе имя Ганзы.

В конце XIV в. враждебность по отношению к кредиту перешла в систематическую кампанию. В 1399 г. ливонские города запретили применение кредита в торговле с русскими. Более того, они потребовали и получили запрет на кредитные операции даже во Фландрии. В 1401 г. Ганзейский собор в Любеке запретил на три года все покупки и продажи в кредит при операциях с иностранцами во Фландрии. Этот указ стал первым в череде мер подобного рода, а также первой попыткой навязать на Западе архаичные способы ведения коммерции. Судя по всему, указ сильно напугал контору в Брюгге. Ее старшины тщетно указывали на ущерб, который понесут ганзейцы. Правда, судя по всему, данный запрет применялся только при торговле с Ливонией. Даже там приходилось преодолевать большое сопротивление. В 1411 г. ливонские города постановили, что все импортированные товары необходимо сопровождать свидетельством, в котором утверждалось бы, что данные товары куплены во Фландрии за наличные. В последующие годы торговля между Фландрией и Ливонией свелась к бартеру: меха и воск обменивались на сукно и специи.

Результаты подобного регулирования, очевидно, были благоприятными, поскольку далее Ганза попыталась запретить кредит во всей Фландрии. Первый указ с этой целью приняли в 1417 г. Повторные указы принимались в 1422, 1434 и 1447 гг. В 1462 г. лондонский «Стальной двор» требовал запретить покупки в кредит, особенно сукна, что как будто показывает, что тогда данный запрет

еще не распространился на Англию. Требование оказалось безуспешным. Несколько лет спустя немецкие купцы были должны фабрикантам сукна в Глостершире около 5 тысяч фунтов.

И здесь сложно понять, насколько действенными оказались подобные меры. Конечно, долгосрочный кредит стал редкостью, и в результате ганзейская торговля – больше это касалось не крупных, а средних и мелких предпринимателей – серьезно пострадала. Такую странную и растущую враждебность к экономическим отношениям, крайне важным для коммерции того периода, невозможно объяснить ни свойственным Ганзе консерватизмом, ни несколькими крупными банкротствами, подобными банкротству Хильдебранда Векинхузена, ставшего жертвой злоупотребления кредитом. Враждебность к кредиту следует рассматривать в рамках общей борьбы Ганзы с иностранной конкуренцией. Подобно запрету на образование компаний с неганзейцами, запрет кредита призван был помешать иностранцам участвовать в ганзейских предприятиях и оставить за ганзейцами исключительное право пользоваться привилегиями, главной, как считали ганзейцы, основой их процветания. Такая политика отчасти увенчалась успехом, но вскоре стало очевидно, что Ганза не может надеяться одержать победу над соперниками, насаждая условия, которые шли вразрез с коммерческой практикой того времени.

## Валютная политика

Конечно, серьезное препятствие на пути ганзейской торговли представляло многообразие валют, которые имели хождение. Начиная с XIII в., в результате того, что император Священной Римской империи разрешил местным правителям чеканить свои деньги, на севере Германии стоимость пфеннига – единственной монеты, имевшей хождение в тот период, – значительно различалась. Так, в середине XIV в., когда Ганза укрепляла свою структуру, ей не удалось даже теоретически спланировать унификацию денежной системы в своих владениях. В разных областях и землях имели хождение разные валюты, например Любекская, померанская, прусская и рижская марки, а позже – бранденбургский талер на Востоке и рейнский гульден на Западе. В ганзейских владениях, помимо любекской марки, был распространен фламандский фунт гроот и, в меньшей степени, английский фунт стерлингов<sup>[36]</sup>.

Благоприятным для торговли фактором стало раннее приобретение городами право на чеканку монет. Единственными исключениями стали отдельные вестфальские и саксонские города, где такое право сохранял за собой епископ. Управляя собственной валютой и стремясь развивать торговлю, ганзейские города старались не превращать свои деньги в источник дохода путем частого обесценивания. Они, конечно, не могли помешать общему падению цен и снижению содержания в монетах ценных металлов. За период с XIV по XVI в. номинальная стоимость серебряной марки повышалась пять раз. Однако колебания курса оставались сравнительно ограниченными.

Примерно после 1350 г. желание упростить валюту привело к валютным соглашениям между городами отдельных регионов по всей Германии. Так, объединились города Нижней Саксонии под руководством Брауншвейга, Гослара и Хильдесхайма, которые главным образом стремились регулировать торговлю серебряными слитками. Объединились и померанские города, а в XV в. – города Вестфалии, к которым примкнули Бремен и города на Зейдерзе.

В сфере влияния Ганзы единственным таким объединением стал валютный союз вендских городов. Образованный в 1379 г. после Штральзундского мира, он, строго говоря, включал в себя всего четыре

города – Любек, Гамбург, Висмар и Люнебург. Но к нему на время присоединялись Росток и померанские Штральзунд, Грайфсвальд и Штеттин, другие города, расположенные между Везером и Одером, а также Дания. Хотя они не входили в валютный союз вендских городов, все они приняли вендский стандарт. В результате влияние вендского союза распространилось на довольно широкую область, включая практически всю Скандинавию. В принципе валютный союз был организацией, совершенно отличной от Ганзы. В него входили как ганзейские, так и неганзейские города; встречи союза проходили в разных местах, а их даты не совпадали с Ганзейскими соборами. Более того, когда Ганзейские соборы принимали решения, связанные с валютным регулированием, в особенности о переплавке и чеканке слитков, а также о ввозе обесцененной валюты, было очевидно, что соборы руководствуются решениями вендского союза.

Вендский союз как мог старался поддерживать согласованный денежный стандарт, следить за обращением, надзирать за чеканкой монет, за служащими и ювелирами, доставать необходимое серебро, ввозя его из Богемии и Брауншвейга, и поддерживать монополию городов на покупку и продажу драгоценных металлов. Одним из величайших его достижений, хотя оно произошло лишь в начале XVI в., стала чеканка серебряной монеты, равной по стоимости любекской марке. На ней были выбиты гербы четырех городов. Монета содержала 18 г чистого серебра. Задача союза осложнялась тем, что он не обладал средствами принуждения. Регулярное подтверждение тех или иных правил в одном указе за другим доказывает, что этих правил придерживались лишь частично.

Так как вендский валютный союз и ганзейские города придерживались серебряного стандарта, их тревожило распространение золотых монет в XIV в. Они пытались, хотя и безуспешно, установить прочную связь между стоимостью серебра и золота, но в 1340 г. Любек получил у императора право чеканить золотые монеты. До XVI в. Любек твердо придерживался образца высокосортного итальянского флорина, содержавшего 23⅓ карата золота. В то же время золотые гульденy, наиболее распространенные в Германии, особенно те, что чеканились рейнскими курфюрстами, с конца XIV в. демонстрировали резкое снижение содержания драгоценного металла и стоимости. Очевидно, ганзейские города

сохраняли определенное недоверие к золотым монетам и даже пытались ограничить их хождение, боясь, что колебания в их курсе пошатнут серебряную валюту. В 1430 г. ливонские города – самые консервативные и в этом, и в других отношениях – выразили официальный протест против платежей золотом за партию французской соли. В середине XIV в. вендские города также запретили своим гражданам расплачиваться золотом даже в западных конторах, под угрозой конфискации проданных товаров. Здесь, как и в других вопросах, традиционалистский менталитет руководства Ганзы привел к мерам, которые шли вразрез с направлением общего экономического развития и даже с желаниями самих немецких купцов. Но хотя такая чрезмерная осторожность имела определенные недостатки, она обеспечивала сравнительно стабильную денежную ситуацию в ганзейском мире.

# **Глава 10**

## **Ганзейская торговля**

### **Источники**

Перед тем как приступить к изучению ганзейской торговли в Средние века, необходимо оценить доступную нам документацию. Естественно, назвать ее удовлетворительной трудно. Дошедшие до нас тексты позволяют установить основные товары, место их происхождения и назначения. Кроме того, из сохранившихся документов можно понять, какие типы операций проводились в различных сферах. Однако для сравнительно точной картины важнейшую роль играют количественные данные, пусть даже цифры ненадежны – а они всегда ненадежны. За последние 50 лет историки, и не только те, которые специализируются на изучении Ганзы, провели подробное исследование количественных аспектов ганзейской торговли, как относительных, так и абсолютных. Были получены значительные, хотя и по-прежнему ограниченные результаты.

С документальной точки зрения историю ганзейской торговли можно разделить на три периода.

1. Примерно до 1275 г. почти никаких цифр нет, даже по отдельным статьям. Ни в хрониках, ни в грамотах, ни в сводах законов, ни даже в таможенных реестрах, например в реестре Брюгге за 1252 г., подробностей не найти.

2. Конец XIII – середина XIV в. Определенное количество данных появляется в долговых книгах, которые велись в разных городах, особенно в Гамбурге, Любеке и Риге. Но они предоставляют лишь сведения о подробностях отдельных операций, совершенных отдельными купцами. Те же сведения можно извлечь из самых ранних бухгалтерских книг любекских купцов, которые велись в конце XIII в., из бухгалтерских книг неизвестного торговца (около 1280 г.), а также из книг Германа Варендорпа и Германа Виттенборга за вторую четверть XIV в. Кроме того, кое-что можно почерпнуть из первых описей грузов погибших кораблей. Однако существует и несколько цифр более общего значения, для одной страны – Англии. Из

таможенных сводок и экспортных лицензий на шерсть в мешках, выданных Генрихом III, становится известно количество купцов, английских, немецких или другой национальности, занятых торговлей шерстью в 1273 и 1277 гг., а также количество мешков шерсти, вывезенных из Англии в эти годы. Цифры касаются той отрасли торговли, которая имела для Ганзы лишь второстепенное значение, поскольку английская шерсть вывозилась почти исключительно в Нидерланды. Зато в таможенной сводке более позднего времени приводится список купцов и товаров, которые покидали порт Бостона летом 1303 г. Еще одна сводка дает такие же сведения о прибытии в порт Лондона в 1308–1309 гг. Имеется и некоторое количество других данных, которые позволяют оценить объем вестфальской торговли в Англии во второй четверти XIV в.

Однако все известные данные сводятся к очень малому. Важно отметить, что никакие доступные цифры того времени не отражают ни огромного прироста ганзейской торговли, ни ее распространения на северные моря.

3. Начиная примерно с 1350 г. документация становится полнее. Появляется достаточно много подробной информации, либо того же типа, как и для предыдущего периода, только более полной и более точной, или новых источников, например переписки купцов. Один основной источник, представляющий исключительную важность, представлен таможенными сводками (Pfundzollbiicher). Во время войны корабли и грузы, которые выходили из ганзейских портов или заходили в них, облагались пошлиной с веса (Pfundzoll). Такой вид налогообложения применялся около 10 раз в 1361–1400 гг. и часто в следующем столетии. Самая полная сводка, изученная наиболее подробно, относится к Любеку за 1368 г. Большую ценность представляют также сводки для Гамбурга в 1369, 1399 и 1400 гг., для Данцига за 1474–1476 гг. и 1490–1492 гг. и для Любека за 1492–1496 гг. К сожалению, использовать последние непросто в том виде, в каком они были опубликованы Ф. Брунсом.

Эти фискальные документы представляют большой интерес, потому что они дают в принципе общую цифру кораблей и товаров, покидавших определенный порт или заходивших в него в том или ином году. Несомненно, они содержат много ошибок и опущений. Конечно, они не более надежны, чем таможенные сводки Зундского

пролива начиная с конца XVI в., чью недостоверность установили недавно. Тем не менее по сравнению с неясными сведениями, доступными для предшествующего периода, подобные документы представляют значительно более четкую картину.

Несмотря на их ценность, *Pfundzollbiicher* имеют недостаток: пошлина с веса вводилась лишь в те годы, когда шла война. Поэтому товарооборот воюющих стран не может считаться обычным, «нормальным». Этим объясняется малый товарооборот в торговле Любека с Норвегией в 1368 г., а также незначительное количество мехов, импортированных из русских земель в том же году. Вдобавок необходимо помнить, что в Средние века, в силу разных непредвиденных обстоятельств, объем торговли мог изменяться вдвое, либо в сторону роста, либо уменьшения. Для того чтобы иметь четкую картину, понадобились бы цифры за несколько лет подряд, чего *Pfundzollbiicher* не предоставляют.

Сохранились лишь два источника, в которых подсчеты велись более или менее непрерывно. В сводках английской таможни отражен экспорт ганзейскими (и другими) купцами<sup>[37]</sup> английского сукна с 1399 по 1482 г. почти без перерывов. Сводки снабжают нас необычайно точными сведениями. Вторую последовательность можно найти в отчетах Тевтонского ордена; она связана с операциями главного казначейства в Кёнигсберге с Фландрией за период 1390–1404 гг.<sup>[38]</sup> К сожалению, нет соответствующих цифр для другого коммерческого ведомства Тевтонского ордена, главного казначейства в Мариенбурге. Третья, хотя и фрагментарная, последовательность представлена *Pfahlgeld*, или сборами за якорную стоянку, взимавшимися в Данциге. Эти цифры дают некоторые сведения о торговле в порту Данцига за 10 лет в период между 1460 и 1496 гг. Наконец, из Зундских таможенных сводок за XV в. до наших дней сохранились только списки кораблей, которые проходили пролив в 1497 г.

Поэтому очевидно, что документация ганзейской торговли за период с 1350 по 1500 г. крайне фрагментарна и несопоставима. Следовательно, трудно проследить развитие торговли, за исключением торговли английским сукном, или определить относительную степень значимости основных сырьевых товаров. Особенно прискорбно, что при нынешнем состоянии исследований *Pfundzollbiicher* мы практически не располагаем статистикой по торговле за первую



половину XV в. в любом ганзейском порту. Еще серьезнее отсутствие количественных данных либо по всей, либо по части сухопутной торговли, которая, судя по всему, играла не менее важную роль, чем морская. Самые полезные сведения, сохранившиеся до наших дней, содержатся в записной книге, в которой купец Пауль Мюлих перечислял товары, купленные им на Франкфуртской Великопостной ярмарке в 1496 г. для отправки в Любек.

## Основные особенности

Ганзейскую торговлю можно определить как торговлю, которую вели в первую очередь немецкие купцы из городов на севере Германии, перевозившие товары с востока на запад Европы и наоборот. Именно такая торговля между Восточной и Северо-Западной Европой вызвала подъем Ганзы и поддерживала ее. Таким образом, с самых первых дней ганзейская торговля была организована по оси Новгород – Ревель – Любек – Гамбург – Брюгге – Лондон, хотя все важнее становился обходной путь вокруг Дании через пролив Зунд.

Главный торговый поток, состоявший в основном из торговли мехами и воском в обмен на сукно, а позже еще и на соль, подпитывался «притоками» из соседних стран: на севере из Швеции (медь и железо), Скании, Норвегии и позже Исландии (рыба) и Шотландии (сукно); на юге из Пруссии и Польши (зерно и лес), Венгрии (полезные ископаемые) и Южной Германии (вино) и с побережья Франции и Португалии (соль). Кроме того, торговля прирастала, хотя и не настолько, как считалось ранее, продуктами и товарами, изготовленными или произрастающими в самой ганзейской зоне (пиво, полотно, соль, зерно). Можно сказать, что процветание оси Новгород – Лондон отражало процветание самой Ганзы. Спад ганзейской торговли, вызванный конкуренцией со стороны голландцев и появлением нового торгового пути с Востока на Запад через Бреслау – Лейпциг и Франкфурт, предвосхищал закат самого Ганзейского союза.

В дополнение к этой специфически ганзейской торговой оси существовала еще одна, более старая, но не менее важная ось: маршрут по Рейнской области, который связывал Италию и Франкфурт с Нидерландами и Англией. Ганзейцы также пользовались этим торговым путем, главным образом через Кёльн. Но сухопутный маршрут всегда оставался для ганзейцев второстепенным, поскольку там они не обладали монополией, если не считать экспорта вина на северо-запад.

Иногда ганзейцы участвовали в прямом товарном обмене между двумя зарубежными странами, не переправляя их через ганзейские порты, хотя такой способ торговли составлял лишь небольшую долю

от всего товарооборота. Ганза играла значительную роль в поставках английской шерсти в Нидерланды; помимо того, она поддерживала бесперебойное сообщение между Норвегией и Англией, в результате чего фабрика в Бостоне подпала в зависимость от бергенской конторы. На Западе в XV и начале XVI в. ганзейские корабли ежегодно привозили в Англию вино из Пуату и Гаскони, а кёльнские купцы вели торговлю между Франкфуртом, Лионом, Миланом, Генуей и Каталонией, хотя последнее место едва ли можно считать центром ганзейской торговли.

Судя по всему, прокладка регулярных торговых путей была вызвана скорее желанием покупать, чем продавать. Купцы отправлялись в путь в первую очередь ради того, чтобы привезти то, что требовалось их покупателям, чем для того, чтобы продать товары, которые они везли с собой. В Новгород немцев привело желание получить меха, в Сканию и Берген они ездили за рыбой, во Фландрию – за сукном, в залив Бурньёф и Лиссабон – за солью. Обратный пример можно привести лишь в случае кёльнских купцов, которые торговали с Англией: главным образом они стремились продать там свое вино. Правда, это было еще до образования Ганзы.

Ганзейская торговля, более чем торговля представителей любой другой страны, характеризуется наличием сравнительно четко очерченных торговых путей. Как правило, одни и те же корабли, поодиночке или в составе караванов, регулярно ходили в те же иностранные порты и обратно. Большинство купцов – исключения составляли лишь несколько самых богатых – предпочитали ограничивать свои операции одним и тем же регионом. Такая тенденция к специализации отражается в многочисленности типично ганзейских объединений, куда входили все купцы города, торговавшего с той или иной зарубежной страной.

Вообще говоря, что касается торгового цикла, кажется, что Восток поставлял сырье, громоздкое и относительно недорогое, в то время как Запад присылал взамен готовые изделия и предметы роскоши. Таким образом, еще одна важная черта ганзейской торговли – отсутствие баланса при обмене. Товары, переправляемые с Востока на Запад, были более громоздкими и, очевидно, более ценными, чем те, что шли в обратную сторону. Корабли, идущие на Запад с полными трюмами, часто возвращались нагруженные лишь частично или порожняком.

Отсюда возникала проблема с заполнением полезного пространства, которую ганзейцам никак не удавалось успешно решить. Частично проблему, вызванную географическими и экономическими особенностями северных стран, решил рост спроса на французскую соль. Торговый дисбаланс проявлялся уже в XIII в. Сохранились некоторые данные за 1368 г. Из всех кораблей, заходивших в Любек с товарами, треть возвращалась в Данциг с балластом, а в Гамбурге экспорт значительно превышал импорт. Наконец, в XVI в. данная тенденция отчетливее всего проявилась в Зундских таможенных сводках.

Для того чтобы получить точную картину ганзейской торговли в целом, придется хотя бы приблизительно оценить сравнительный объем транспортных потоков, проходивших через главные порты. Однако у нас недостаточно надежных цифр для того, чтобы получить основу для такого сравнения. Судя по таможенным сводкам, в порту Любека с марта 1368 по март 1369 г. совершили торговых операций почти на 546 тысяч любекских марок, из которых 339 тысяч марок приходились на долю импорта, а 207 тысяч – на долю экспорта. Такие же данные для Гамбурга в 1369 г. составляют 235 тысяч марок (47 и 188 тысяч соответственно); для Ревеля – около 300 тысяч марок в 1379 и 1382 гг. (годы процветания), но не более половины этой цифры в другие, менее удачные годы, например, в 1378, 1383 и 1384 гг. Гораздо важнее сравнить доход от *Pfundzoll* в разных портах за один и тот же год. Вальтер Фогель попытался провести такое сравнение за период с 22 февраля 1368 по 29 сентября 1369 г. Если принять долю Любека за 100 %, доля других вендских портов на Балтике составила 93 (51 для Штральзунда, 26 для Висмара, 16 для Ростока). Доля прусских городов, вместе взятых, приближается к 152 %, что предполагает, что товарооборот Данцига был сопоставим с товарооборотом Любека. Доля ливонских городов составила всего 41 % (из них 19 % приходилось на долю Риги и 16 % – Ревеля). В Северном море доля Гамбурга составила 72 %, а Бремена – 10 %. Конечно, для того чтобы распределять ганзейские порты по степени значимости, необходимо было бы располагать такими же цифрами за другие периоды.

Неплохо было бы проследить развитие торговли в любом порту за сравнительно долгий период, но из-за отсутствия статистических данных подобная задача невозможна. По мнению Ф. Брунса, морская

торговля только Любека на Балтике в 1492 г. составляла почти 660 тысяч любекских марок, из которых 218 тысяч приходились на долю импорта, а 442 тысяч – на долю экспорта, в то время как в 1368 г., когда импорт и экспорт через Гамбург были особенно высокими, общий товарооборот составил всего 153 тысячи марок (57 и 96 тысяч соответственно). Такое сравнение всего лишь наводит на мысль о том, что, даже при допуске на обесценивание денег, в течение XV в. наблюдался значительный рост торговли, – заключение не слишком оригинальное.

Эти две цифры для Любека за 1368 и 1492 гг. поднимают общий вопрос: как развивалась ганзейская торговля за этот период? Был ли рост более или менее регулярным, если не считать войн и блокад, или время от времени случались периоды спада? В целом XV в. характеризуется экономическим кризисом по всей Европе; главным его признаком стало резкое падение цен на сельскохозяйственную продукцию. Разумеется, спад затронул и ганзейскую торговлю. Согласно сводкам Тевтонского ордена, цена на рожь (в серебряной валюте) в течение столетия неуклонно падала более чем на 50 %. Это не обязательно означает, что торговля зерном сократилась в такой же пропорции, тем более что в Нидерландах в тот же период зерно немного подорожало.

Единственным непрерывным показателем, который может оказаться полезным, является ряд цифр ганзейского экспорта английской шерсти. К сожалению, такой показатель нельзя считать типичным в общей линии развития, поскольку в XV в. наблюдался настоящий бум торговли английским и голландским сукном в ущерб фламандскому. Кроме того, неизвестно, сколько фламандского сукна ввозилось в ганзейские города. Экспорт английского сукна ганзейцами вырос примерно с 6 тысяч штук в начале XV в. до 9 тысяч штук в 1460-х гг., а к 1480 г. экспорт превысил 15 тысяч штук. Периоды спада совпадали с войнами против Дании (около 1430) и Англией (1469–1474). Впрочем, один небольшой спад в 1410-х гг. – на 1000 штук – не связан с войной. Это подтверждается перепиской Векинхузенов, из которой становится ясно: в тот период застой в делах был вызван насыщением рынка. Трудно было найти покупателей на самые разные товары, такие как рыба, меха, янтарь и специи, не только в сфере влияния Ганзейского союза, но даже в Венеции. Отсюда следует логический вывод, что в

1408–1418 гг. наблюдался застой в делах. Но после 1420 г. кризис, судя по всему, закончился. Следовательно, поскольку нет указаний на обратное, вероятно, что, с этим единственным исключением ганзейская торговля в XV в. росла более или менее регулярно, пусть и с колебаниями, свойственными средневековой торговле в целом.

Колебания в развитии ганзейской торговли неизбежно вызывают вопрос движения цен. Довольно точный ответ можно получить лишь применительно к Пруссии, в связи с которой довольно точные сведения дают записи Тевтонского ордена, особенно на конец XIV – начало XV в.

Из записей Тевтонского ордена очевидно, что в последнюю треть XIV в. цены значительно упали. Особенно резким падение было в 1390-х гг.; оно продолжалось примерно до 1405 г. Нагляднее всего падение демонстрирует спрос на брабантское сукно среднего и низкого качества. В 1379–1400 гг. розничные цены на различные сорта сукна в Пруссии упали примерно на треть. Так, цена сукна из Ауденарде снизилась с 9 марок до 6, из Гераардсбергена (Граммона) с  $8\frac{1}{2}$  и более до  $5\frac{1}{2}$ , из Дендермонде с  $9\frac{3}{4}$  до  $6\frac{1}{2}$ . Для многих других видов сукна падение составило 25 %. Такое же падение наблюдалось и в связи с другими товарами различных сортов, как импортными, так и отечественными: треской, солью, специями и пряностями, южными фруктами, рожью и древесиной. Самое резкое падение демонстрировали цены на янтарь (80 % для самого распространенного вида). Такое падение цен объясняется по-разному. Так, в случае сукна причиной стала конкуренция Англии и Голландии. Стоимость перевозки грузов упала из-за роста количества голландских кораблей на Балтике. Наконец, общий рост товарооборота, когда предложение опережало спрос, вызвал перенасыщение рынка такими предметами роскоши, как, например, янтарь.

В самом начале XV в. падение цен на металлы, соль, воск и древесину замедлилось и даже приостановилось. Однако вскоре цены выросли вновь, особенно после 1410 г. Особо выросли цены на рожь, которая в 1417 г. стоила в пять раз дороже, чем в 1410, однако значительный рост отмечался и для лесоматериалов, и даже для сукна. В Пруссии все в значительной степени объяснялось неуверенностью, вызванной поражением при Танненберге. Однако рост цен распространился на все ганзейские владения; возможно, этим

объясняется спад, который живо описан в письмах Векинхузена. Далее снизились цены на самые разные товары: меха, воск, рыбу и специи. Клиенты отказывались покупать товары по завышенным ценам, и несколько лет наблюдался застой в делах.

Начиная с 1418 г., судя по всему, цены вновь упали, однако падение невозможно проследить так же, как в предыдущий период. Правда, в 1420–1460 гг. цена на воск выросла с 32 до 45 прусских марок за корабельный фунт, но этот рост номинальной стоимости не возмещал обесценивание денег. Цена на рожь (в серебряной валюте) с 1405 по 1508 г. показывает в Пруссии снижение более чем на 50 %, и такое же снижение характерно для Любека и Гёттингена. Естественно, вследствие этого вырос объем экспорта зерна на запад, особенно во Фландрию, где такого снижения цен не наблюдалось. В целом создается впечатление, что рост товарооборота Ганзейского союза с середины XIV до конца XV в. вызван снижением цен.

Наконец, в научных целях полезно было бы оценить прибыль купцов. По этому поводу имеется достаточно много сведений в балансах торговых компаний и отчетах Тевтонского ордена, но прибыли настолько различаются и по таким разным причинам, что невозможно прийти к какому-либо общему выводу. Так, в 1400 г. продажа трех отдельных партий сельди принесла Тевтонскому ордену прибыль в 20, 33 и 60 % соответственно! Судя по многочисленным операциям, проведенным в том же году, можно прийти к выводу, что прибыль иногда варьировалась между 15 и 25 % и что самыми выгодными стали продажи соли, сельди и ипрского сукна. Но для других товаров иногда обнаруживается совершенно другое положение дел.

В любом обзоре ганзейской торговли необходимо перечислить главные перевозимые товары. Доступных статистических данных недостаточно для того, чтобы расположить эти товары по степени их значимости; во всяком случае, порядок будет разным в разные периоды. И все же среди бесчисленных товаров, о которых нам известно, восемь можно назвать основными и типично ганзейскими: сукно, меха, воск, соль, вяленая или соленая рыба, зерно, лес и пиво.

В последние 300 лет Средних веков первое место среди операций ганзейских купцов занимала торговля сукном. Сукно было важнейшим товаром, ввозимым в немецкие города и в страны Восточной Европы.

В Любеке в 1368 г. сукно составляло более трети всех импортных товаров и более четверти от общего объема торговли. Значимость данного товара объясняется огромным спросом на него, широким ассортиментом качества и цены, а также более или менее надежной прибылью, которая колебалась от 15 до 30 с лишним процентов. В XIII и первой половине XIV в. ганзейцы торговали почти исключительно фламандским сукном; они хранили ему верность дольше, чем остальные иностранцы. Однако в XV в. рынок все больше завоевывали английские и голландские ткани, несмотря на законы, призванные сдерживать их распространение. Конечно, оценить соотношение сейчас невозможно. Сукно из других источников – Франции, Рейнской области, самих ганзейских городов – всегда играло более скромную роль. Нельзя недооценивать и растущий спрос на польские ткани из Силезии. Конкуренция с их стороны стала настолько тревожной, что к концу XIV в. новгородская контора запретила продавать силезские ткани. В то же время на севере неуклонно рос спрос на роскошные итальянские ткани, ввозимые главным образом через Франкфурт.

Торговля товарами с востока – мехами и воском – создавала своего рода противовес торговле тканями с запада. Спрос на меха в западных и средиземноморских странах был значительным, а благодаря разнообразию видов и цен купцы получали возможность применяться к самым разным потребностям. Меха ввозились главным образом из русских земель, особенно из Новгорода, но также из Ливонии, Литвы, Польши, Пруссии и Швеции. Только овечьи шкуры следовали в противоположном направлении – из Англии и Шотландии в страны Балтики. Меховая торговля считалась основой ганзейского богатства, хотя ее значимость не всегда выражена в цифрах так отчетливо, как можно было ожидать. В 1368 г. в Любеке меха занимали лишь пятое место и в списке значимых товаров шли после шведского масла, хотя это могло стать результатом исключительных обстоятельств. С другой стороны, мех занимает главное место в делах отдельных крупных купцов, например Векинхузенев. В документах и переписке встречаются упоминание о кораблях, которые перевозили более 200 тысяч шкурок стоимостью в несколько десятков тысяч марок.

Торговля мехами всегда считалась – и считается по сей день – крайне прибыльной, однако недавнее исследование показало, что так было не всегда. В частности, Векинхузеневы не раз разочаровывались в



своих операциях – как в Венеции, так и в Брюгге. Им часто приходилось довольно долго держать партии мехов на складе. Иногда они вынуждены были торговать в убыток или с очень маленькой прибылью. В 1411 г. во Франкфурте партия, оцененная в тысячу марок, была продана с прибылью всего в 1,5 %. Правда, та операция была совершена в период экономического спада и потому не дает оснований для обобщения. Возможно, то, что два брата продолжали торговать мехами в крупном масштабе, указывает на то, что обычно они ожидали более значительной прибыли.

Воск вывозили в основном из тех же стран, что и меха: из Руси, Ливонии и Пруссии. Торговля воском была менее спекулятивной, чем торговля мехами, так как использование воска для изготовления свечей на всем Западе обеспечивало устойчивый уровень продаж при скромной прибыли, которая в среднем составляла до 15 %. Мы не располагаем цифрами, которые позволили бы точно оценить объем торговли, кроме данных на начало XVI в., когда импорт воска в Англию вырос на несколько тысяч центнеров<sup>[39]</sup>, но уже в XIII в. ганзейцы учредили монополию по импорту воска с Востока, которую они сохраняли дольше, чем монополию на торговлю мехами.

Если воск, меха и сукно играли существенную роль в раннем развитии Ганзы в XIII и XIV вв., трудно переоценить значимость соли в торговой экспансии Ганзы в XIV и XV вв. Спрос на соль оставался существенным. Судя по дошедшим до нас отчетам из Верхней Саксонии, среднее потребление соли на душу населения в середине XV в. составляло около 15 кг в год. При засолке рыбы на 4 или 5 бочек сельди уходила бочка соли. То же количество уходило на 10 бочек масла. На Востоке драгоценная соль почти всегда была в дефиците. Низкое содержание соли в Балтийском море не позволяло добывать ее из тамошней морской воды. Что же касается каменной соли, во всей Восточной Германии, если не считать месторождений в Лüneбурге, определенную ценность представляли только скромные соляные шахты в Кольберге (Колобжеге). Поскольку соль – товар одновременно громоздкий и дешевый, при отправке на дальние расстояния ее необходимо было перевозить по воде. Поэтому соль представляла собой идеальный товар для морской торговли. А поскольку ее всегда перевозили с запада на восток, она становилась основным грузом на

обратном пути для кораблей, которые доставляли на запад такие громоздкие товары, как зерно, древесину и золу.

Вплоть до середины XIV в. восток снабжался люнебургской солью почти исключительно через Любек. Соль стала одной из основ его благосостояния. В 1368 г. соль составляла гораздо более важную статью экспорта из Любека. Однако вскоре на Балтику начала в больших количествах прибывать французская соль, не такая очищенная, зато более дешевая. К концу XIV в. французская соль в Германии встречалась чаще, чем соль из Траве. Французскую соль вначале покупали во Фландрии, но вскоре ганзейцы начали сами возить ее из Бурньёфа и Бруажа. В XV в. они начали также совершать регулярные рейсы в Лиссабон, откуда привозили португальскую соль из Сетубала. Соль из других источников – Шотландии, Фризии, Кольберга, Халле и Галиции – играла в ганзейской торговле незначительную роль. Данных, связанных с ганзейской торговлей солью, у нас нет, но известно, что в отдельные годы XV в. более 100 кораблей – некоторые из них были голландскими – везли груз соли через пролив Зунд. В 1385 г. в Ревель ввезли 1350 ластов соли из Франции. А во второй четверти XV в. ежегодно ввозили вдвое больше этого количества. Спрос постоянно рос, возможно, из-за того, что русские и литовцы перепродавали соль дальше на восток. Пользуясь их растущим спросом, Тевтонский орден иногда накладывал эмбарго на поставки, если желал надавить на русских правителей. Жизненная важность соли на востоке вызывала еще одно последствие: она способствовала росту торговли Голландии со странами Балтии и Пруссией.

Торговля рыбой – сушеной треской из Норвегии и соленой сельдью из Скании – немного отличалась от других отраслей ганзейской коммерции из-за многочисленности рынков сбыта. Рыбу с севера доставляли в вендские порты на Балтике, а оттуда переправляли и на восток, и на запад, а также – главным образом – во внутренние районы, даже на юг Германии и за ее пределы. Сельдь импортировалась в гораздо больших количествах, чем треска, хотя треска обладала тем преимуществом, что лучше хранилась. Импорт соленой сельди в вендские порты в конце века, по приблизительным оценкам, составлял 150 тысяч бочек, из которых половина отправлялась в Любек. Едва ли будет преувеличением сказать, что

Любек, задолго до Амстердама, был построен на бочках с сельдью. Однако эта отрасль торговли получила серьезный удар в XV в., с развитием рыболовецких промыслов в Северном море. Голландская сельдь по качеству уступала сканской, зато была дешевле. Что касается торговли сельдью, Голландия почти полностью вытеснила соперников на северо-западе Европы и даже проникла на Балтику, где также стала сильным конкурентом.

Наряду с солью большим спросом пользовалось зерно, особенно рожь. В конце Средневековья ганзейцы вели обширную торговлю зерновыми. К сожалению, из-за отсутствия надежных цифр за период до 1550 г. невозможно оценить рост в данной отрасли. Рожь, ячмень и пшеница росли повсюду. К XIII в. страны в среднем течении Эльбы, Бранденбург и Мекленбург, экспортировали зерно в Норвегию и Нидерланды, но в XIV и особенно в XV в. крупнейшими экспортерами зерна стали Пруссия и Польша. Они главным образом вывозили зерно через Данциг и снабжали им весь Запад, в ответ на растущий спрос. Хотя цифры недоступны, важность экспорта зерна ясно видна по политическому влиянию, которое благодаря ему приобрела Ганза. Острая потребность в зерне и муке к концу XIII в. поставила Норвегию в экономическую зависимость от вендских городов. Позже неурожай зерна во Фландрии и рост цены на него способствовал получению Ганзой различных льгот и привилегий. Наконец, в первые годы после Средневековья ганзейское зерно начали покупать во Франции, Испании и даже Италии. Поэтому экспорт зерновых считался одним из прочнейших оснований власти Ганзейского союза, а в XVI в. даже стал причиной его временного возрождения. Вместе с тем зерновые, еще больше чем соль, предоставили голландцам надежнейшее средство для утверждения на Балтике.

Ганзейский восток также был крупнейшим поставщиком леса на запад. На экспорте древесины специализировались различные регионы, особенно удаленные от моря земли по берегам Везера, а также Померания и Норвегия. Однако, благодаря обширным лесистым районам в бассейне Вислы и в Литве ведущим экспортером леса, а также таких в высшей степени ценных продуктов его переработки, как зола, деготь и смола, стал Данциг. Главными покупателями были Англия и Фландрия, которым требовался лес для судостроения. В XV в. Пруссия тысячами экспортировала дубовые балки и доски и

сотнями тысяч – пиломатериалы различной толщины. В Англии большим спросом пользовался карпатский тис для производства луков; говорили, что Столетнюю войну выиграли с помощью прусского дерева. В отличие от экспорта зерна, торговля лесом, судя по всему, ослабела в конце XV в. – возможно, из-за конкуренции со стороны Норвегии. Конкуренция меньше затронула продукты переработки древесины, что видно из Зундских таможенных сводок.

Одной из самых важных статей экспорта было пиво, единственный товар, который производили на территории Ганзейского союза, а не за его пределами. В XIII в. главным экспортером пива в Нидерланды считался Бремен, но позже его вытеснил Гамбург. Согласно таможенным сводкам, в 1369 г. пиво составляло треть всех экспортных грузов Гамбурга на сумму в 62 тысячи марок. Таким образом, пиво имело для Гамбурга такую же ценность, как соль для Любека в тот же период. В XIV в. крупными центрами пивоварения стали балтийские порты, особенно Висмар, Росток и Данциг. Они экспортировали пиво в больших количествах в Норвегию, Сканию и Восточную Европу.

Помимо этих основных товаров можно назвать еще десять, которые не равны первой группе ни по ценности, ни по объему продаж, но тем не менее играли важную роль в торговле Ганзейского союза. Первое место среди таких товаров занимает вино. Если бы можно было выяснить общие цифры по торговле вином, возможно, оно даже вошло бы в список важнейших товаров. Но хотя в некоторых источниках упоминаются партии вина или покупки в количествах свыше 1000 гектолитров и вино находилось в каждом ганзейском городе, в Скандинавии и даже в Москве, его импорт оставался довольно скромным (800 гектолитров в Ревеле в 1426–1436 гг.). Кроме того, вино не занимало большого места в операциях любого купца. Правда, нельзя забывать, что до нас не дошли бухгалтерские книги крупных кёльнских купцов. На территории Ганзейского союза пили в основном рейнские вина, которые были дешевле французских; их поставляли Кёльн и Франкфурт. Продажи французского вина из Пуату, Л а-Рошели, Бордо и Орлеана стремительно выросли в XV в., как и продажи испанских и португальских вин (Осей, Румань, Алгарви) и сладких греческих вин или вин по типу греческих (мальвазии). К сожалению, невозможно сравнить те или иные вина по степени распространенности. Вина с севера Германской равнины, из Губена

(южнее Франфурта-на-Одере) и нижнего течения Вислы играли незначительную роль.

Объем торговли английской шерстью также можно назвать несущественным, еще в меньшей степени, чем торговли вином. Большая часть шерсти направлялась исключительно во Фландрию. В Любеке в 1368 г. шерсть занимает лишь 36-е место в перечне импортных товаров. Хотя она занимала важное место в первой половине XIV в. (в 1340 г. ганзейцы экспортировали 3 тысячи мешков шерсти), позже она утратила свое значение; да и ганзейцы почти не принимали участия в экспорте испанской шерсти в Нидерланды.

Среди металлов первые места занимали железо и медь. Шведская и венгерская медь, ввозимые в Любек из Стокгольма и Данцига, почти всегда по морю переправлялись в Нидерланды и Англию, в то время как медь с Гарца перевозилась посуху в Кёльн. С железом, хотя его перевозили в больших количествах, поступали примерно так же. В основном железо привозили из Швеции и Венгрии, но, помимо того, с Рейнских Сланцевых гор, из Зигерланда, откуда оно поставлялось на кораблях в Западную Европу.

Единственной продукцией текстильной промышленности, которая составляла предмет торговли ганзейцев, считалось полотняное производство в Вестфалии. Оно дало рост значительному объему торговли, особенно с западом, как можно видеть из данных по экспорту Гамбурга в 1369 г.: полотно стояло на втором месте, и его стоимость составляла 30 тысяч марок. Судя по некоторым источникам, в XV в. в Северной Германии, Пруссии и особенно в Ливонии значительно выросло производство льняных тканей; постепенно в тех краях льняные ткани превращались в главную статью экспорта.

Специи и пряности, главным образом перец и имбирь, не занимали в ганзейской торговле такого важного места, как можно было ожидать. Правда, они наверняка фигурировали в операциях отдельных крупных купцов, таких как Векинхузен. Из общего импорта в Любек в 1368 г. специй привезли всего на несколько сот марок, а в 1495 г. они составляли всего 4 % закупок Пауля Мюлиха во Франкфурте, хотя к тому времени спрос на них значительно вырос. Судя по всему, больше продуктов питания доставлялось из средиземноморских стран – оттуда везли инжир, изюм, рис, шафран и особенно оливковое масло. Все эти продукты далее отправлялись на Восток из Брюгге и Франкфурта.

Все остальные товары считались второстепенными даже в том случае, если они занимали значительное место в операциях отдельных купцов. Сюда входят продукция и побочные продукты животноводства: говядина, конина, солонина, сливочное масло и жиры из Скандинавии, а также померанский мед; из полезных ископаемых – серебро, цинк, свинец, квасцы; текстильные волокна, такие как шелк и пенька, а также бумага; металлоизделия, дерево и кожаные изделия из Нюрнберга, Кёльна и Брауншвейга; прусский янтарь, а также предметы роскоши из золота и серебра, жемчуга, кораллов и т. д.

Из этого списка ясно одно: ганзейская торговля отличалась необыкновенной широтой и разнообразием. Неправильно утверждать, что ганзейцы обменивали сырье с востока на дорогие товары с запада. Разнообразие товаров, поставляемых на запад, вполне очевидно. В основном туда везли продукты питания, а кроме того, сырье для промышленности и такие предметы роскоши, как меха и янтарь. Именно разнообразие торговли помогает объяснить ключевую роль Ганзы в европейской экономике.

Таковы основные черты ганзейской торговли; но для того, чтобы понять ее во всей полноте, необходимо, насколько возможно, рассмотреть условия, природу и объем торговли в каждом регионе.

## Северная и Южная Германия

Обширную территорию, на которой торговали ганзейцы, можно разделить на две части: Северную Германию от Фризии до Померании, где находилось большинство ганзейских городов, и Южную Германию, ее глубокий тыл.

Главными торговыми путями в тех краях служили четыре больших реки: Рейн, Везер, Эльба и Одер. По ним продукцию внутренних районов Германии перевозили на северо-запад и к морским портам. Среди бесчисленных сухопутных маршрутов самыми важными для крупномасштабной торговли были те, которые связывали Любек с его рынками и источниками поставок. Дорога из Любека в Люнебург вела в трех направлениях: к Нюрнбергу через Магдебург; во Франкфурт через Ганновер и Гёттинген или Гаммельн; и в Кёльн через Минден и Дортмунд или Ганновер и Гаммельн. Кроме того, ни в коей мере не заброшенными оставались дороги вдоль побережья: Любек – Данциг через Росток и Штеттин, Любек – Брюгге через Гамбург, Бремен, Девентер, Неймеген и Антверпен. Иногда по ним можно было перевозить товары гораздо быстрее, чем по морю. Частые сообщения о грабежах на этих прибрежных дорогах свидетельствуют о том, что они составляли существенную конкуренцию морским путям, особенно если речь шла о перевозке мелких, но ценных товаров. Видимо, сухопутные маршруты были еще важнее для Кёльна, особенно путь, связывавший Кёльн с Франкфуртом и далее с Констанцем или Аугсбургом, или путь, который вел через Дортмунд, Гослар и Магдебург в Бранденбург и Польшу. Далее оба пути вели на Запад в сторону Брюгге через Ахен и Антверпен.

К сожалению, невозможно даже приблизительно оценить объем ганзейской торговли внутри Германии, поскольку общие отчеты, эквивалентные *Pfundzollbücher* или таможенным сводкам, связанным с морской торговлей, не сохранились. Однако нет причин недооценивать такую торговлю. Сейчас все признают, что стоимость сухопутной торговли Любека с Кёльном, Франкфуртом и Нюрнбергом равнялась его морской торговле, если не превосходила ее, особенно в XV в. Определенные товары проходили через порты, а также посуху, и цифры статей экспорта приводятся в *Pfundzollbücher*. Но невозможно

оценить, сколько тех же товаров отправлялись посуху в других направлениях. Можно лишь перечислить товары, которые играли значимую роль в сухопутной торговле Ганзы.

В Северной Германии в широком масштабе производили зерно. Уже было указано, что к XIII в. Гамбург экспортировал рожь из среднего течения Эльбы и из Бранденбурга. Торговля зерном стала и залогом процветания Магдебурга. Несмотря на рост прусской продукции, Гамбург в XV в. стал крупным центром по перераспределению зерновых. В основном в Гамбурге торговали зерном из внутренних вендских районов. Зерно перемалывалось в муку для отправки в Норвегию через Любек. Померания начала экспортировать зерно уже в XIII в. через Штральзунд. В конце XV в. по инициативе местной знати производство зерна значительно выросло, и крупным центром экспорта ржи и ячменя стал Штеттин, хотя он никогда не составлял конкуренции Данцигу. В тех краях, особенно в Вестфалии, повсеместно выращивали и лен; почти весь он перерабатывался на месте. Остатки экспортировали в долину Рейна и в Нидерланды.

Мед из Померании, Мекленбурга и окрестностей Брауншвейга в Нижней Саксонии отправляли главным образом в Ливонию и Новгород. Это немного удивительно, учитывая, что одной из главных статей русского экспорта на запад был воск. Возможно, немецкий цветочный мед был чище и слаще, чем русский сосновый; иногда продавали самый густой его вид, так называемый сгущенный мед. Видимо, такой мед пользовался большим спросом на востоке, и его посылали туда из Новгорода по русским рекам. В 1427 г. Ревель импортировал более 3 тысяч ластов (60 тысяч кг) меда. За один день в порт вошла целая флотилия из десяти судов, принадлежавших семнадцати разным экспортерам. На каждом из них везли более 200 ластов меда. Должно быть, торговля медом была очень выгодной, так как купцы часто образовывали компании, которые торговали исключительно этим товаром<sup>[40]</sup>.

Гораздо шире торговали рейнским вином. Под общим названием «рейнвейн» подразумевались не только вина, произведенные на берегах среднего течения Рейна, от Кёльна до Шпейера, но и вина Мозеля, а часто и Эльзаса. Последние ценились выше остальных, и в XIV в. их, видимо, было больше всего: около 1400 г. только в окрестностях Кольмара производили 100 тысяч гектолитров, хотя ко



второй четверти XV в. объем производства снизился примерно наполовину. Основная часть вина проходила через Кёльн; тамошние купцы часто приезжали на место и покупали вино у производителей. Известно о нескольких крупных партиях, например о партии в 120 больших бочек (1400 гектолитров), посланной в 1421 г. из Страсбурга в Кёльн, половина которой была куплена братьями Векинхузен. Из Кёльна вино переправляли во всех направлениях: на запад – в Нидерланды и Англию, причем обе страны считались очень хорошими клиентами; на север – через Дордрехт или Кампен в Гамбург и на Балтику (партия из 57 больших бочек, посланная в Ревель в 1387 г. одним кёльнским купцом, стоила 4400 гульденов); и на восток – в города Вестфалии. Еще одним крупным рынком для рейнских и особенно эльзасских вин считался Франкфурт, откуда ганзейские купцы часто отправляли вино в города Саксонии, Люнебург и Любек. Из-за отсутствия данных невозможно проследить эволюцию трафика рейнского вина. Соблазнительно принять без доказательств спад в XV в., когда, как известно, производство эльзасского вина снизилось, но рискованно делать обобщения на основании лишь отдельных сведений.

Самым важным продуктом минерального происхождения оставалась соль. Большие месторождения соли в Халле, откуда снабжались Центральная Германия и большинство мест к югу от саксонских городов, не имели большого значения для ганзейской торговли. Зато, как уже было показано, необычайную важность для Ганзы имели соляные месторождения Люнебурга. Они упоминаются уже в X в.; сначала они были собственностью герцогов Саксонских. К XIII в. они перешли в руки граждан Люнебурга. По приблизительным оценкам, в 1205 г. производство составляло около 50 тысяч тонн, а в 1350 г. – 60 тысяч тонн. Соляной раствор набирался ведрами; соль выпаривалась в 50 огромных цистернах. Ее покупали в бочках на месте или переправляли россыпью на плоскодонных баржах: по Эльбе в Гамбург, либо через канал Штекниц в Любек. До середины XIV в. люнебургская соль широко использовалась на всем северо-западе Германии, но позже, из-за импорта больших партий соли из Бурньёфа, Люнебург утратил западные рынки сбыта. И все же люнебургская соль, благодаря высшему качеству, продолжала находить покупателей на Балтике и оставалась одним из главных источников богатства Любека. В 1458 г.,

когда на Люнебург был наложен папский интердикт, послы Любека сообщили папе, что не могут разорвать отношения с Люнебургом, потому что тамошняя соль пользуется большим спросом «во всех странах, с которыми торгуют любекские купцы». Четырьмя годами позже тот же довод представили на соборе Священной Римской империи. Любек, как было сказано, живет только торговлей и погибнет, если лишит его люнебургской соли. Хотя подобные доводы, конечно, изобилуют преувеличениями, они выражали несомненную истину.

Среди других полезных ископаемых на севере Германии самым важным, во всяком случае до XIV в., была медь, которую добывали в Раммельсберге в окрестностях Гослара. Медь из Гарца частично переправлялась в Гамбург, откуда ее вывозили во Фландрию и Англию, а частично – в промышленные центры Кёльн и Динан и даже дальше. В 1358 г. город Валансьен купил госларскую медь для отливки колокола на своей колокольне.

Любек в основном торговал шведской и карпатской медью; похоже, медь из Гослара его не интересовала. Зато любекские купцы охотно приобретали продукцию серебряных рудников Гарца, как для своего монетного двора, так и для торговли с Востоком. Но начиная с XIV в., почти все нужное Любеку серебро обеспечивали рудники Мансфельда и Богемии. Железо главным образом добывалось в Рейнских Сланцевых горах. Руда Зигерланда и Вестервальда переплавлялась на месте, и сталь посылалась в Кёльн. Оттуда большие количества стали вывозились в Англию. В середине XV в. Иоганн Квестенберг отправил в Лондон 100 тонн стали.

Из всех готовых продуктов севера Германии самым важным в торговле морских портов считалось пиво. Хотя оно было очень популярно во всей Северной Европе и благодаря низкой цене его продажи оставались высокими, пиво было самым скоропортящимся из всех товаров, и перевозить его было труднее всего. Такие этапы производства пива, как подработка солода, кипячение сусла и ферментация, требовали крайнего внимания и осторожности, если производитель хотел получить продукцию высокого качества, которая хорошо хранилась. Кроме того, для пивоварения требовалась чистая вода. Некоторые производители поддавались искушению снизить расходы, заменив, например, ячмень овсом или добавив меньше хмеля,

что ухудшало вкус пива и уменьшало срок его хранения. В этом на своем опыте убедились в Бремене. В XIII в. бременские пивоварни процветали, и Бремен в больших количествах экспортировал пиво в Нидерланды. Но недостаточный надзор за производственными процессами и снижение качества вызвали резкий отток покупателей. К началу XIV в. Гамбург вытеснил Бремен; Гамбург принял решительные меры для того, чтобы сохранить свое превосходство. В 1376 г. в Гамбурге было 457 пивоварен, а к началу XV в. их количество выросло до 500 с лишним. Продукция составляла 200 тысяч бочек, то есть около 400 тысяч гектолитров в год. В 1369 г. пиво составляло третью по значимости статью экспорта в городе. В основном его вывозили в Амстердам и Ставорен. Остальное отправлялось во Фландрию и Англию; некоторая часть поставлялась в Пруссию и Ливонию. Висмар на Балтике зависел от пивоварения еще больше, чем Гамбург. Около 1460 г. в Висмаре насчитывалось около 200 пивоварен, и в городском совете пивовары имели большинство. Пиво из Висмара экспортировалось во все прибалтийские страны, где его продажи иногда тормозились запретами, призванными защитить местное производство. Висмарское пиво можно было найти в Бергене, Кампене и во Фландрии. Почти во всех крупных городах, в том числе в Любеке, Ростоке, Данциге и Эльбинге, имелись свои пивоварни. Маленький саксонский город Айнбек (от которого, возможно, произошло слово Bock(bier), специализировался на производстве пива на экспорт уже в XIII в. Его качество обеспечивало спрос на него во всем ганзейском мире и даже в Южной Германии.

Развитие текстильной промышленности на севере Германии сдерживалось тем, что ганзейцы импортировали фламандское сукно. Правда, там изготавливали некоторые грубошерстяные ткани. В таможенных сводках время от времени упоминается сукно из Рейнской области, из Везеля, Дортмунда и даже из Любека, Ростока или Висмара. Правда, такое сукно занимало ничтожную долю в ганзейской торговле. Другое дело – полотно. Оно пользовалось большим спросом в Европе благодаря своей дешевизне и пригодности для изготовления одежды, парусов и в качестве упаковочного материала. Промышленные центры находились во Фризии и Вестфалии, в окрестностях Оснабрюка и Мюнстера, а позже в Саксонии, а также в окрестностях озера Констанц на юге Германии. Вестфальское полотно,

которое ткали как в деревнях, так и в городах, вывозилось во многие места, но главным образом в Гамбург, откуда оно реэкспортировалось в Нидерланды и Англию. Кроме того, вестфальское полотно попадало в Любек, откуда переправлялось во все страны Балтии. Судя по всему, производство и продажа полотна значительно выросли в XV в.

Другая продукция городских ремесленников Северной Германии была не столь важной: шелковые ткани, ювелирные изделия и оружие из Кёльна, железные орудия из Брауншвейга, Дортмунда и Кёльна, бронзовые изделия из городов Гарца и Магдебурга, янтарные четки из Любека, мебель и другие деревянные изделия и т. д.

К XIII в. ганзейцы начали проникать на юг Германии. В XIV в. их операции на юге расширились, особенно с Нюрнбергом и Франкфуртом. Первый привлекал ганзейцев своим производством металлоизделий и широкими деловыми связями, последний – своими ярмарками, где, как в Брюгге, можно было встретить купцов и товары из средиземноморских стран. Но ганзейцы распространяли свои операции дальше, в Прагу, Констанц и Аугсбург. В то же время кёльнские купцы отправлялись вверх по Рейну, где, как уже упоминалось, покупали вино. Ганзейская торговля в той области главным образом была сосредоточена в руках купцов из Любека и Кёльна.

Насколько важной была деятельность любекских купцов, ясно видно по тому, что двое из них образовали в 1366 г. торговую компанию с капиталом в 7600 гульденов; они отправили 7 тысяч шкурок во Франкфурт, а взамен ввезли 14 тюков бумази, оцененной в 1600 с лишним гульденов. Документы других компаний, подобным компании Векинхузен, показывают, что жители Любека везли на юг Германии треску, сельдь, зерно и украшения из янтаря, а назад везли дорогие ткани, специи, металлоизделия и вино. Кёльнские купцы, судя по всему, торговали еще шире. Они приезжали во Франкфурт не только во время ярмарок: некоторые из них обосновались там, купили дома и лавки. Они везли во Франкфурт сукно из Нидерландов и Англии, голландскую сельдь и металлоизделия из самого Кёльна, а во Франкфурте покупали металлы и специи. В XIV в. их можно было встретить и в Австрии; они составляли конкуренцию купцам из Регенсбурга.

Однако отличительной чертой того периода служат бесспорные успехи южногерманских купцов, которые в большой степени вытеснили ганзейцев. Особенно следует отметить уроженцев Нюрнберга. Они проникали на северогерманские рынки, которые прежде считались территорией ганзейских купцов. К началу XV в. розничные торговцы Любека испугались<sup>[41]</sup>. Новички не только везли с собой продукцию своего родного города, но и широко продавали товары, до тех пор поставлявшиеся ганзейцами. Ничто не могло остановить продвижения нюрнбержцев. В конце XV в. список покупок Пауля Мюлиха на Франкфуртской ярмарке показывает, насколько широко вел дела один из них, прочно обосновавшийся в Любеке<sup>[42]</sup>. Тогда же любекских купцов повсеместно вытеснили с юга Германии.

Кёльнские купцы оборонялись дольше и по-прежнему сохраняли главенство в торговле вином. Хотя их удалили из Австрии, они по-прежнему вели дела во Франкфурте и даже в Верхней Саксонии, часто посещали ярмарки в Лейпциге, покупали и продавали доли на шахтах в Цвикау. Кроме того, нюрнбержцы захватывали все большую долю в торговле между Франкфуртом и Антверпеном и между Италией и Нидерландами. Не приходится сомневаться в том, что в XV в. ганзейская торговля столкнулась с серьезным препятствием как на юге Германии, так и в Восточной Европе.

## **Восточная Европа: Пруссия и Польша, Ливония и Русь**

Ганзейскую торговлю в Восточной Балтии, от Данцига до Ревеля, характеризуют некоторые общие черты. Города, о которых идет речь, подчинялись Тевтонскому ордену; все они экспортировали в Любек, Фландрию и Англию практически одни и те же продукты – воск и меха, а импортировали сукно и соль. Все были заинтересованы в прямых отношениях с западом, и начиная с XIV в. все помогали развить морской путь через пролив Зунд, в ущерб сухопутному маршруту Любек – Гамбург. Вот почему интересы восточных городов во многом противоречили интересам Любека. Данный факт часто отражался на политике. Но в целом их сходство имело меньше значения, чем их различия. Ганзейская сфера влияния на востоке состояла из двух ярко выраженных частей: Пруссии, с ее польскими, венгерскими и литовскими внутренними районами, и Ливонии, внутренние районы которой составляли Верхняя Двина и Новгород.

Структура торговли Пруссии в XIV–XV вв. пережила глубокую трансформацию. Около 1300 г. почти все товаропотоки текли через Эльбинг и Торн. 50 лет спустя Эльбинг был вытеснен Данцигом; он уже не вернул прежнее положение. Торн, который стремительно развивался в XIII в., в дальнейшем не сумел воспользоваться выгодным положением на Висле вблизи польской границы. Расположенный между такими крупными рынками, как Данциг и Краков, Торн смирился с тем, что большая часть его торговли перенаправилась к Одру и Штеттину. Город сильно пострадал во время войн Польши с Тевтонским орденом и в XV в. переживал заметный спад. Торговая деятельность Тевтонского ордена, столь значительная в XIV в., не перенесла катастрофы Танненберга. Великий магистр в 1440 г. с грустью констатировал, что объем торговли Тевтонского ордена не доходит и до десятой части прежних размеров.

Зато Данциг переживал почти непрерывный рост и преуспевал. Судя по таможенным сводкам, ко второй половине XIV в. Данциг вел почти две трети внешней торговли Пруссии; через город направлялась растущая доля товаропотоков по Висле, а также морской торговли с Любеком и западом. Развивался, хотя и медленно, Кёнигсберг, штаб-

квартира одного из казначейств Тевтонского ордена; его успехи также нельзя недооценивать.

Процветание прусской торговли во многом зависело от громадных и неуклонно расширявшихся внутренних районов. Начиная с XIV в. купцы из Торна наладили постоянные связи с Краковом, ганзейским городом, через который текли полезные ископаемые с Карпат, особенно медь из Новы-Сонч (Польша), Гельница и Шмельница (Смольник, Словакия). Оттуда другие торговцы пересылали товары в Лемберг (Львов), куда за ними приезжали венецианские и генуэзские купцы из своих факторий на Черном море, из Таны, Каффы и Константинополя. Купцы из Лемберга продавали иноземным купцам сукно, янтарь, шкуры и сельдь, а у них покупали шелк и специи. В Лемберге Тевтонскому ордену принадлежал склад янтаря; в 1400 г. его активы в городе, включая недвижимость и просроченные долги, по стоимости равнялись 3200 прусских марок. Однако примерно в то же время торговля с юго-востоком прекратилась из-за нашествия Тамерлана. Из-за него, а также после открытия выгоды морской торговли с западом, с рынка ушли итальянцы. В 1400 г. Тевтонский орден продал свою собственность в Лемберге.

В то же время развивалась торговля Пруссии с Литвой. На первый взгляд, новое направление было вызвано разочарованием прусских купцов в Новгороде. Вендские и ливонские города отказали им в равных правах и даже запретили им доступ в тамошнюю контору. Поскольку уроженцы Пруссии не собирались оставлять выгодную торговлю с Русью, в 1398 г. Тевтонский орден получил у великого князя Литовского разрешение торговать в его владениях и право учредить факторию в Ковно. Несмотря на трудности, возникшие вначале, предприятие развивалось. Главенство в фактории получили купцы из Данцига. Через канал Прегель они ввозили соль и вывозили воск, меха и лес для судостроения. Несмотря на конкуренцию со стороны местных торговцев, Ковно превратился в один из основных центров торговли для Данцига.

Морская торговля Пруссии, которая велась главным образом через Данциг, в первую очередь опиралась на отношения с Любеком, Фландрией и Англией. В XV в. торговые связи распространились на Голландию, Шотландию и, самое главное, на залив Бурньёф. Иногда флотилии с солью, которые ежегодно приходили из Бурньёфа в Данциг,

состояли более чем из 50 судов. Большое значение имела и торговля с прибалтийскими странами. В дополнение к давним отношениям со Сканией в XV в. укреплялись связи со Швецией, Финляндией и Ригой, поэтому Данциг вскоре превратился в распределительный центр, откуда соль, сукно и вино направлялись во все страны Восточной Европы.

Экономическое процветание Пруссии во многом основывалось на экспорте двух товаров, имевших важное значение для ганзейской торговли: леса и ржи. Дуб, бук и сосна в основном поступали из Мазовецкого воеводства, сплавлялись по рекам Мемель (Неман), Буг и Висла. С Карпатских гор доставляли ясень и тис. Неуклонно растущий спрос на лес на Западе – в Англии, Нидерландах и даже в Португалии – способствовал росту лесоповала и торговли примерно до 1450 г. Цифры имеются лишь на вторую половину XV в. В 1460 г. Данциг экспортировал 3161 «сотен» досок (Wagenschoss), в 1475 г. – 2160, в 1491 г. – 1466. В тот же период на экспорт были отправлены от 265 до 400 «сотен» пиломатериалов разного размера (Klappholz). Судя по доступным цифрам, прусская торговля лесоматериалами шла на спад, и этот процесс продолжался весь XVI в.

Зато растущим спросом, судя по всему, пользовались продукты переработки польской древесины. Самым главным из них была зола, с помощью которой на Западе в основном отбеливали ткани. В те же годы, ближе к концу XV в., экспорт превосходил 1000 ластов, а в XVI в. он значительно возрос. Производство дегтя и смолы, необходимых в кораблестроении, было не столь высоким: в то время на экспорт отправляли около 1000 ластов того и другого вместе.

Однако основой благосостояния Пруссии считалось зерно; благодаря ему Данциг превратился в крупный экспортный центр. Спрос на зерно неуклонно рос по всей Европе, не только в Нидерландах, но и в Германии, Англии, на севере Франции и в Испании. Масштабный экспорт зерновых культур наладил Тевтонский орден. Урожай в его обширных прусских владениях собирались в житницы по всей стране, особенно в окрестностях Мариенбурга. Около 1400 г. в амбарах накопили до 463 тысячи бушелей ржи (около 15 тысяч тонн), 203 тысячи бушелей овса, 47 тысяч ячменя и 24 тысячи – пшеницы, правда, на экспорт шла лишь небольшая ее доля. Вплоть до 1450 г. экспорт зерновых главным образом шел из



Восточной и Западной Пруссии. Позже на первое место вышло зерно из Польши, с Украины и из Литвы: тамошние крупные землевладельцы интенсифицировали производство и организовали доставку зерна из своих владений в Данциг<sup>[43]</sup>.

Развитие этой важной отрасли торговли невозможно отследить во всех подробностях. Она, конечно, поражала воображение летописцев, которые писали о количестве кораблей, прибывавших на погрузку зерна: так, в 1392 г. из Данцига во Фландрию направились 300 английских кораблей, а в 1481 г. – 1100 кораблей с зерном. Хронист Каспар Вайнрайх отмечал влияние на западные цены партий прусской ржи<sup>[44]</sup>. Но единственными сохранившимися статистическими данными по экспорту для Данцига являются цифры на конец XV в.: около 2000 ластов ржи в 1470 г. и более 10 тысяч (20 тысяч тонн) в 1490 и 1492 гг. В следующем столетии количество зерна на экспорт увеличилось пятикратно.

Еще одним специфическим и очень древним прусским товаром был янтарь, который делился по меньшей мере на три сорта. Цены значительно различались в зависимости от чистоты янтаря. Его собирали на берегах Земландского полуострова и передавали агентам главного казначейства Тевтонского ордена в Кёнигсберге; только оно ведало его продажей. Вплоть до 1400 г. янтарь посылали не только в Любек и Брюгге, но также в Лемберг, а оттуда дальше на Восток. Продажи на то время приносили 1000 прусских марок в Лемберге, 1300 – в Любеке и 2800 – в Брюгге. Даже после сражения при Танненберге Тевтонский орден сохранил монополию на янтарь, и в XV в. янтарь представлял единственную процветающую ветвь бизнеса ордена.

Среди других статей экспорта следует отметить воск и меха из Литвы, Мазовецкого воеводства и Подолии. Они занимали важное место в торговых операциях не только Тевтонского ордена, но и таких крупных любекских купцов, как Векинхузены. Главными поставщиками железа и меди на ганзейскую территорию были Пруссия и Швеция. Недостаток статистики и многообразие применяемых критериев не позволяют оценить степень значимости этих товаров. Судя по таможенной сводке 1268 г., можно сделать вывод, что в том году Любек импортировал на 1500 марок венгерской меди против шведской меди на 5 тысяч марок. Экспорт венгерской

меди, которую везли из Кракова в Данциг по Висле, становится более важным в конце XIV в., когда шведская медная промышленность переживала трудности, а затем в XVI в., когда Фуггеры расширяли свои операции на севере. Значение Данцига как рынка металлов доказывается тем фактом, что в XIV в. тамошние купцы уже ввозили медь и железо из Швеции, чтобы далее реэкспортировать эти металлы на запад.

Наконец, следует упомянуть о немаловажной роли, какую играли в прусской экономике данцигские ремесленники. Так, огромное количество пива, произведенное ими в XV в., привело к регулярным поставкам в прибалтийские страны и Финляндию, а судостроение, которое в определенные периоды процветало, позволяло Данцигу продавать корабли другим ганзейским городам, а также англичанам, шотландцам и голландцам, кроме тех периодов, когда вступал в силу запрет на подобные операции.

Русско-ливонская область также состояла из двух взаимно дополняющих друг друга зон: русские внутренние территории с конторами в Новгороде, Пскове и Полоцке (тогда на территории Литвы), куда немцы приезжали за мехами и воском, и прибалтийские страны, которые производили главным образом лен и пеньку. Опорными пунктами в Прибалтике служили Ревель, Рига и Дерпт. Именно оттуда ганзейские купцы по воде или посуху отправлялись в восточные конторы.

Хотя в последние двести лет Средних веков ганзейцы расширяли сферы деятельности почти повсюду, на Руси и в Ливонии положение складывалось с точностью до наоборот. В XIII в. немецкие купцы регулярно наведывались в Витебск и Смоленск, а благодаря привилегиям, которыми они пользовались в полном объеме, они имели право вести торговлю и за пределами этих городов. Но с начала XIV в. ганзейцы редко выбирались дальше Новгорода и Полоцка. Возвышение Великого княжества Московского во второй половине XV в. положило конец ганзейской торговле в Новгороде. Впоследствии русские товары покупались в литовских городах. Вначале Ливония считалась местом встреч для купцов со всего севера Германии, от Рейна до Одера. Постепенно ливонские города сумели добиться торговой монополии. Риге, которая перекрыла весь транзитный товаропоток, удалось сохранить для своих купцов торговлю по Двине.

И хотя «гости» из Любека, Саксонии и Вестфалии регулярно посещали новгородскую контору до самого ее закрытия, на первый план все больше выдвигались Ревель и особенно Дерпт.

К сожалению, точно невозможно установить, какой вклад вносила новгородская контора в русско-ливонскую торговлю; но она, несомненно, была большой. Единственная дошедшая до нас цифра, 96 тысяч любекских марок, дает приблизительное представление о стоимости товаров, конфискованных в 1494 г. по приказу Ивана III. Общий товарооборот Ревеля в 1368 г. доходил до 99 294 марок; Риги – 93 284 марки, а Пернау – 48 817 марок. Из этих сумм на долю Любека приходилось 48 200, 24 тысячи и 22 700 марок соответственно. Однако эти цифры едва ли позволяют сделать выводы об относительном значении трех прибалтийских городов. Судя по всему, самая оживленная торговля велась в Риге, а роль Пернау, видимо, переоценивали – в XV в. его товарооборот уже нельзя было сравнивать с товарооборотом двух других городов.

Из всех товаров данного региона самым большим спросом, несомненно, пользовались меха. Они поступали на большой меховой рынок в Новгороде из самых отдаленных регионов, в первую очередь из Югры на берегах Белого моря, из Карелии и из бассейна Волги. Продаваемые русскими в мешках, меха переправлялись немцами в бочках. В каждой бочке содержалось от 4 до 5 тысяч шкурок, часто разного вида.

Меха сильно различались как по качеству, так и по виду; их классифицировали по стоимости, что доказывают письма Векинхузена, который в начале XV в. вел дела с Венецианской компанией. Самым большим спросом пользовался соболь, который продавался в Венеции по 82 дуката за 100 шкурок. Очень дорогим, но достаточно распространенным для того, чтобы служить денежной единицей, был куний мех (30 дукатов). Довольно высоко ценился и бобровый мех (12–14 дукатов). Эти меха обычно продавались партиями по 40 штук (timmer). Остальные меха продавались партиями по 250, 500 или 1000 шкурок. Меха средней ценовой категории считались рысь (5½ дуката за 100 шкурок), выдра и ласка (5 дукатов). Самыми распространенными и дешевыми были различные виды белки (3–4 дуката) и зайца.

Меха часто распределялись в зависимости от места происхождения. Меха из Литвы, Эстонии и Смоленска считались менее ценными, чем меха из Новгорода. Кроме того, их разделяли по цвету – серые, рыжие или черные (grauwerk, rotewerk, swartewerk) – или по качеству. Самыми красивыми (Schonwerk) признавались отборные шкурки серой белки. К тому же эти шкурки продавались по разумной цене (6–7 дукатов). Другие названия, например lederwerk harwerk, возможно, относились к способу обработки шкур. Ряд терминов, таких как schevenissen, troynissen, anighen расшифровать не удалось. Возможно, в их основе названия, которыми пользовались русские охотники.

И здесь мы не располагаем статистическими данными, на которых можно основывать ту или иную оценку торговли русскими мехами. В 1268 г. их ввезли в Любек всего на 1331 марку, в то время как объем импорта сукна был в 9 раз, а сельди – в 4 раза больше. Вероятно, столь низкие показатели объясняются блокадой Новгорода, объявленной Ганзой в том году. С другой стороны, статьи балансов отдельных купцов показывают значительную долю импорта мехов. Векинхузен в 1403–1415 гг. ввезли во Фландрию более 300 тысяч шкурок, из которых 90 тысяч из Ревеля, 67 тысяч – из Риги и 153 тысячи – из Данцига. В 1405 г. из Риги в Брюгге пришли три корабля, принадлежащие 107 рижским и дерптским купцам. Они привезли 450 тысяч шкурок, оцененных в 3300 фунтов гроот, а также воска на 1435 фунтов и полотна на 1125 фунтов.

Воск считался еще одной важной статьей русского экспорта. Его привозили издалека. В Новгород он поступал из Нижнего Новгорода и Карелии, в Полоцк – из Смоленска и литовских лесов. Однако воск, в отличие от многих других товаров, было очень легко фальсифицировать. Вследствие этого возникали поводы для многочисленных жалоб. Иногда продавцы подмешивали к воску различные жировые субстанции, а также желуди, горох и смолу, и отказывались гарантировать чистоту продукта. Поэтому немцы назначали особых инспекторов по воску, которые брали пробы, плавил подозрительные образцы и наказывали фальсификаторов. Однако иногда ганзейские купцы вступали с продавцами в сговор и поставляли на рынок поддельную продукцию.

Торговлю воском, который по большей части экспортировали из Риги во Фландрию и Англию, можно считать столь же важной, сколь и

торговлю мехами, хотя воск занимал меньше места в отчетах купцов. Цифра, приведенная в Любеке кой таможенной сводке за 1386 г. (7200 марок), ненормально низка – по вышеприведенной причине.

Лен считался специфически литовским товаром; в XV в. его выращивали по всей стране. Через Ригу и Ревель он попадал в Данциг, Любек и на Запад. То же можно сказать о пеньке, хотя речь идет о меньших количествах. Ливония производила много пеньки и льняной пряжи; их применяли при изготовлении канатов и веревок. Все остальные товары считались незначительными. Возможно, стоит упомянуть покупку шелковых покрывал из Багдада и китайских шелков – доказательство широких торговых связей Новгорода даже в середине XV в.

Главным товаром, который импортировался в Ливонию и Русь, а также в Пруссию, было сукно. Его ввозили либо напрямую из Фландрии, либо через Любек. Через Ригу шло больше сукна, чем через Ревель. Ливонские города хранили верность фламандскому сукну. Хотя они терпимо отнеслись к появлению голландского сукна, они запрещали продавать его русским. Точно так же они впоследствии препятствовали продаже в Новгороде английского сукна (1476). Такой же запрет в конце XIV в. был наложен на польское сукно.

Как и повсюду на Балтике, большое место в товарообороте занимала соль. Из 1700 судов, которые заходили в Ревель в 1426–1496 гг., 1216 везли соль. Из 314 судов в 1427–1433 гг. 105 судов, то есть треть, шли из залива Бурньёф, 103 – из Любека и 87 – из Пруссии; и это во время войны, когда проход через Зунд был чреват опасностями. Начиная с того времени люнебургская соль, которая господствовала на рынке до середины XIV в., составляла всего  $\frac{1}{6}$  всего импорта. Прочие товары имели второстепенное значение. Среди них следует упомянуть сельдь из Скании и Голландии, немецкий мед, специи и французское вино, которое, как кажется, в регионе предпочитали рейнскому вину; в XV в. было отмечено, что ливонцы не слишком ценят последнее.

Наконец, рассмотрение восточной зоны ганзейской торговли не будет полным без упоминания Финляндии. В XIV и XV вв. все больше немцев можно было встретить в Выборге и Або, двух главных городах этой страны. Торговля, которая в XIV в. не играла заметной роли, стремительно развивалась: два финских города воспользовались блокадой Новгорода и превратились в центры экспорта русских

товаров. Кроме того, оттуда вывозили лошадей, рыбий жир и смолу, которые отправлялись главным образом в Ревель, Данциг и Любек, и ввозили соль, зерновые и французское и португальское вино.

## Скандинавия

Ганзейская торговля с различными Скандинавскими странами имела лишь одну общую черту: преобладание Любека. Во всем остальном торговля с тремя королевствами – Швецией, Данией-Сканией и Норвегией – имела свои характерные черты.

Что касается Швеции, довольно удивительно, что ее западное побережье, выходящее к Северному морю, играло в Средние века незначительную роль. Вся экономика страны ориентировалась на Балтику. Южная Швеция, где находились порты Кальмар, Нючёпинг и Сёдерчёпинг, славилась разведением крупного рогатого скота, хотя там находилось и несколько железорудных месторождений. Хотя немцы попали в тот регион раньше, чем на север, в период расцвета ганзейской торговли в XIV и XV вв. он играл лишь второстепенную роль. То же можно сказать об острове Готланд, который постепенно утрачивал свое значение как порт захода для судов, направлявшихся на Восток – изначальную основу своего процветания. Морская торговля Южной Швеции, изначально почти исключительно ориентированная на Любек, в XV в. развернулась в сторону Данцига. Около 1500 г. в оба немецких порта ежегодно отправлялось около 30 судов.

Начиная с XIII в. главную роль для ганзейской торговли играла Центральная Швеция. Порт Стокгольма принимал продукты животноводства и лесов Нурланна, но главное – фалунскую медь и железо из широко разбросанных месторождений. Жизненно важной артерией международной торговли стал маршрут Стокгольм – Любек, по которому в XIV в. ходили около 20 судов, а в XV в. – около 30. Почти весь товарооборот был сосредоточен в руках уроженцев Любека. В конце XIV в. всего четверть этой торговли вели стокгольмские купцы, которые и сами были немецкого происхождения. В 1368–1370 гг., когда экспорт значительно превосходил импорт, девять любекских купцов вели 60 % торговли между Стокгольмом, Любеком и Фландрией.

Самыми ценными статьями экспорта Швеции были полезные ископаемые. Почти всю медь из Фалуна отправляли в Любек, откуда она перенаправлялась главным образом во Фландрию. В 1368 г. торговля полезными ископаемыми принесла около 5 тысяч любекских

марок. 84 % торговли полезными ископаемыми сосредотачивалось в руках 14 самых богатых купцов. Однако в конце XIV в. из-за политических и административных причин, которые по сей день не исследованы должным образом, произошел резкий спад выработки, который привел к кризису на рынке меди. Пятьдесят лет спустя появились признаки возрождения, и к концу XV в. количество меди, которая вывозилось в Любек, значительно превосходило количество, вывозимое в предыдущем веке.

Железо добывали на многих шахтах в окрестностях Фалуна, а также в Центральной и Южной Швеции. В сводках оно фигурирует под двумя разными названиями, *yser* и *osmund*, причем последнее относилось только к шведской продукции. Две разновидности отличались лишь по внешнему виду – возможно, различие было вызвано разницей методов плавки. *Osmund*, в отличие от чугуна в чушках, который выплавлялся повсеместно, имел вид комковатый, похожий на булыжники (*in formibus ruderibus osmund*, как написано в одном тексте). На деле производили и экспортировали больше железа, чем меди. Любек в 1368 г. получил 1680 корабельных фунтов, 3 тысячи корабельных фунтов в 1369 г., которые были оценены в 7 тысяч марок, и 5 тысяч корабельных фунтов в 1399 г. Из-за этого цены резко упали – почти на 50 %. Хотя почти все железо реэкспортировалось во Фландрию, довольно большая его часть – в отличие от меди – посылалась в различные балтийские порты. Судя по всему, в XV в. товаропоток увеличился (6 тысяч корабельных фунтов в 1492–1494 гг.), поскольку большое количество железа вида *osmund* направлялось в Данциг.

Помимо металлов, Стокгольм экспортировал меха из Нурланна. Обычно меха старались отправить на первых двух или трех кораблях за сезон, чтобы они прибыли на рынки Любека и Брюгге раньше русских мехов. Шведские купцы принимали гораздо более активное участие в этой области торговли, которая в Любеке в 1368 г. почти сравнялась с торговлей медью (мехов продали на 2300 марок, оксидов на 1000 марок).

Наверное, самая удивительная цифра, которая содержится в *Pfundzollbuch* за 1368 г., связана с экспортом в Любек шведского масла. Его оценили в 15 с лишним тысяч марок; половина масла была затем реэкспортирована во Фландрию. Такая необычно высокая цифра,



возможно, объясняется войной, из-за которой север Германии и запад Европы лишились масла из Дании. В последующие годы экспорт шведского масла снизился более чем на 50 %, и больше никогда, даже в XVI в., не достигал высот 1368 г. Маслу, как и скоту, вывозимому из Южной Швеции и с Готланда, не удалось преодолеть датскую конкуренцию.

Ганзейцы ввозили в Швецию главным образом сукно и соль. Сукно представляло более половины, а иногда и две трети импорта. После 1375 г. количество соли, поставляемой из Любека, уменьшилось, благодаря растущим количествам соли из Бурньёфа, которую ввозили в основном из Данцига.

Хотя Дания занимает важное место в политической истории Ганзы и в ней проживали многочисленные иммигранты из Германии, с экономической точки зрения она (за исключением Скании) играла для Ганзы второстепенную роль. Будучи почти исключительно сельскохозяйственной страной, Дания ничего не могла предложить крупным ганзейским купцам. Немцы покупали у датчан главным образом быков и лошадей. Быки, купленные на рынках в Рибе или Рендсбурге, тысячами перегонялись каждый год (около 20 тысяч в 1500 г.) в вендские города или в Голландию. Сравнительно важной статьей датского экспорта было сливочное масло; в обмен на него ганзейцы продавали датчанам соль, вино, сукно и железо.

Гораздо шире велась торговля сканской сельдью. Рыбу ловили у южного побережья Зунда с июля по сентябрь; промысел вели почти исключительно датские рыбаки. Прибыль была непредсказуемой, так как косяки сельди, хотя обычно огромные, значительно различались размерами из года в год. Рыбные промыслы уже процветали в XIII в. и как будто достигли пика в конце XIV в., после чего дела пошли на спад. Часто, хотя и бездоказательно, утверждали: причина в том, что рыба мигрировала в Северное море. Однако данная особенность характерна лишь для XVI в. Скорее всего, произошло падение спроса из-за уменьшившейся популярности сканских ярмарок.

Рыбаки не занимались обработкой, посолом и продажей рыбы. Более того, им запрещено было это делать. Различные операции производились на крошечном полуострове Сканер к югу от Мальмё, купцами и их агентами, в концессиях, предоставленных королем. По-датски они назывались *ved*, а по-немецки *vitte*. Известно около

тридцати таких концессий, которые держали датские, голландские и немецкие купцы, но на деле их было гораздо больше. Ганзейским городам принадлежало около пятнадцати. Гамбург, Бремен и города на Зёй-дерзе держали концессии в окрестностях Сканёра; прибалтийские города, от Киля до Ревеля, владели концессиями южнее, в окрестностях Фальстербу. Не все концессии были одного размера; самые большие, которыми владели Любек и Данциг, занимали площадь от 6 до 10 гектаров. На них стояли цеха, церковь и кладбище. При каждой концессии имелась собственная автономная организация под общим надзором датского управляющего. Общее управление, правосудие и торговлю контролировал Vogt, назначенный тем городом, который держал концессию; часто он был членом городского совета. Концессии в чем-то походили на конторы; необходимо лишь принимать в расчет то, что их было гораздо больше, они находились в сельской местности и действовали сравнительно недолго (3 месяца в году). Была у них еще одна особенность. В то время как в конторы женщины не допускались, рыбу чистили и солили в основном датские и немецкие женщины.

Продажа соленой сельди, которой иногда занимались сами концессии, осуществлялась главным образом на сканской ярмарке, с конца июля до конца октября. Иногда ярмарку продлевали до 11 ноября. В XIV в. сельдь продавали главным образом в Сканёре, но в XV в. продажа велась почти исключительно в Фальстербу. Вначале ярмарка была международной, и ее часто посещали фламандские, голландские, английские и скандинавские купцы. Помимо рыбы, на ярмарке торговали тканями, лесом, мехами, воском и железом. В XIV в. рост немецкой, и в первую очередь любекской, торговли постепенно преобразил характер ярмарки. В 1368–1385 гг. ганзейцы хозяйничали в Скании и, воспользовавшись возможностью, устранили всех иностранцев. Поэтому ярмарка стала почти исключительно рынком сельди.

Близостью вендских городов можно объяснить, почему торговля сканской сельдью не велась столь же интенсивно в других местах. Об этом свидетельствует большое количество «сканских гостей» (Schonenfahrer) из Любека и других городов, даже отдаленных от моря. Согласно таможенным сводкам за 1368 г., 250 кораблей привезли в Любек сельди на 48 тысяч марок, примерно в таком же количестве

бочек, хотя в тот год торговля страдала из-за войны с Данией. В 1400 г. более 550 любекских кораблей бросали якорь главным образом в Мальмё и Драгере (возле Копенгагена). По большей части это были очень маленькие баржи (Skuder), особенно те, которые заходили в Драгёр. Многие вмещали всего от 6 до 12 бочек. Суда покрупнее, которые заходили в Мальмё или Фальстербу, перевозили до 400 бочек для дюжины купцов. Но даже такое количество можно считать скромным по сравнению с судами, которые заходили в другие места. Всего на 1400 судов около 900 импортеров из Любека – многие из них распределяли покупку по нескольким судам – привезли в Любек около 65 тысяч бочек сельди, к которым следует добавить некоторое количество, не зарегистрированное в таможенной сводке. Для других ганзейских городов сравнимой статистики нет, но, по приблизительной оценке А. Кристенсена, в тот период продажи на сканской ярмарке достигали от 100 до 300 тысяч бочек сельди.

Когда корабли из Любека отплывали в Сканию, они везли припасы, необходимые для торговли. Помимо пустых бочек, важной статьей импорта была люнебургская соль (1400 ластов в 1400 г.). На борт брали и продукты питания, необходимые для такого количества людей, в первую очередь муку и пиво. В 1368 г. экспорт из Любека в Сканию доходил до 32 тысяч марок, а в 1400 г. – до 40 тысяч марок.

В XV в. заметен небольшой спад в торговле сканской сельдью. Точные цифры имеются только на 1494 г. Согласно распискам датского управляющего, 202 ганзейских купца купили 3943 ластва сельди (47 323 бочки). Они распределялись следующим образом: Любек – 55 купцов и 1284 ластва; Данциг – 22 и 878; Штеттин – 36 и 811; Штральзунд – 21 и 524; шесть других померанских городов – 50 ластов; Варнемюнде – 30 и 48.

Даже если приведенные цифры неполны, они свидетельствуют о значительном спаде, который главным образом произошел из-за близорукости вендских городов. После того как они запретили западным купцам приезжать на ярмарку в Сканию, их недальновидный шаг, судя по всему, способствовал развитию рыбных промыслов в Северном море. Кроме того, к середине XV в. на берегах Северного моря и в долине Рейна сельдь из Голландии и Зеландии во многом вытеснила сканскую сельдь; с каждым годом ее привозили все больше даже на Балтику. Распространение Реформации породило дальнейшее

снижение спроса, а после 1560 г. процесс ускорился из-за миграции рыбы к норвежским берегам. В XVII в. полуостров Сканер, где когда-то находились тысячи рыбаков, рабочих и купцов, оказался совершенно заброшенным.

Ганзейская торговля с Норвегией велась в трех центрах: во-первых, в конторе в Бергене, где главную роль играли выходцы из Любека, а во-вторых, в факториях в Тёнсберге и Осло, которыми в первую очередь пользовались купцы из Ростока. Из этих центров мелкие купцы и скупщики из вендских городов двигались во внутренние районы страны. Вопреки королевскому запрету, они покупали и продавали в розницу и вскоре сосредоточили в своих руках почти всю розничную торговлю Норвегии. Таким образом, экономическое доминирование ганзейцев здесь было сильнее, чем где бы то ни было.

Внешней торговлей главным образом занимались купцы из Любека. Каждый год между Бергеном и Любеком ходило множество судов среднего водоизмещения – от 40 до 60 ластов. Главным товаром была треска. Рыбу делили на несколько сортов, особенно по размеру, от *koningslobben*, которая могла весить до 2 с лишним килограммов, до *titlingen*, которая в среднем весила 350 г. Треску ловили у западных берегов, особенно на широте Лофотенских островов. После того как рыбу обезглавливали и чистили от внутренностей, ее сушили под навесами с помощью одного из двух процессов: связанную попарно за хвосты или разрезанную посередине; затем рыбу сушили на деревянных рамах, тщательно закрытых от солнца. После этого норвежские рыбаки везли рыбу в Берген и продавали напрямую ганзейцам, которые всегда соблюдали запрет на торговлю севернее Бергена. Рыбу отправляли в Любек в бочках, вмещавших до 250 кг, или в тюках. В Любеке ее сортировали по размеру и перекладывали в бочки.

Треска занимала девять десятых экспорта из Бергена. В 1368 г., когда шла война, ее стоимость составила 3720 любекских марок. В 1370 г. экспорт доходил до 10 с лишним тысяч марок. В 1373 г. он составлял 18 тысяч марок, в 1381 г. – 19 тысяч марок, и около 20 тысяч марок к концу века. Следовательно, Любек импортировал примерно в четыре раза больше сельди, чем трески. По сравнению с треской другие статьи экспорта можно считать ничтожными. В их число входили лосось, масло печени трески, шкуры из Нурланна и сливочное

масло, экспорт которого, судя по всему, немного вырос в XV в. Шкуры и меха, видимо, составляли основу экспорта из Осло и Тёнсберга в Росток.

Ганзейский импорт в Норвегию, который составлял лишь половину от экспорта, состоял главным образом из ржаной и пшеничной муки, солода и хмеля для пивоварения (многие «бергенские гости» владели хмельниками в окрестностях Любека или арендовали их). Ввозили также соль и полотно. С другой стороны – явление, можно сказать, уникальное – любекские купцы не возили в Норвегию фламандское сукно. Почти все сукно прибывало на кораблях из Кампена или, все в больших количествах, из Голландии.

В течение XIV в. купцы из Любека успешно удерживали контроль почти над всей торговлей между Норвегией и Англией. Некоторые их корабли совершали рейсы туда и обратно: возили муку из Любека в Берген, треску из Бергена в Бостон и английское сукно из Бостона назад в Любек.

Однако во второй половине XV в. торговля Любека с Норвегией пошла на убыль. Любекские купцы не могли угнаться за голландцами, которым норвежцы были рады, потому что голландцы представляли им возможность избавиться от экономического владычества Ганзы. К 1438 г. в Амстердаме уже существовала компания купцов из Бергена.

Серьезную конкуренцию норвежской составляла исландская треска. В начале XV в. бергенскую контору встревожили сообщения о немецких кораблях, которые торговали с Фарерскими, Шетландскими и Оркнейскими островами. В результате Ганзейский собор 1417 г. запретил кораблям заходить в те норвежские порты, которые не использовались традиционно. Несмотря на запрет, корабли из Гамбурга и Бремена вскоре добрались до Исландии следом за англичанами, и король Норвегии предоставил им право следовать на остров напрямую, без захода в Берген, что было обязательным раньше. Городской совет Гамбурга поощрял такие рейсы, оснастив в 1475 г. три больших корабля для похода в Исландию – кстати, тем самым Гамбург подал пример конкурентам. Подобное поведение отдельных городов не давало покоя Ганзе и обостряло отношения внутри союза. Хотя исландская треска была грубее и ценилась не так высоко, как норвежская, она была дешевле, а когда открыли способ отбивать мясо, после чего оно делалось мягче, исландская треска все больше

пользовалась спросом, особенно на юге Германии. Бергенской конторе, несмотря на все возражения, пришлось с этим смириться.

Следовательно, к началу XVI в. процветание немецких компаний в Норвегии и торговля, которую вел там Любек, серьезно пострадали.

## Великобритания

В Англии Ганзейский союз придерживался курса, противоположного обычно занимаемому им в других зарубежных странах. Как правило, ганзейцы вначале обосновывались в крупном центре торговли, а оттуда двигались дальше и учреждали более мелкие центры в других местах. В Англии в XIII и XIV вв. у ганзейцев было множество небольших разрозненных центров торговли, и лишь в XV в. они сосредоточились в Лондоне. Изначальная рассредоточенность вызвана тем, что ганзейская торговля в Англии происходила из двух источников. Вначале в Лондоне обосновывались купцы из Кёльна, долины Мааса и Вестфалии. Они сделали Лондон центром своей торговли, которая велась по Рейну. Затем начали прибывать «истерлинги» из Готландского сообщества, купцы из Гамбурга, Любека и прусских городов. Естественно, вначале они селились в портах на восточном побережье Англии: Ипсвиче, Ярмуте, Линне, Бостоне, Халле и Ньюкасле. Самым оживленным из них был Бостон, который чаще всего посещали уроженцы Любека. Именно в Бостоне находился центр экспорта шерсти и сукна. Оттуда вели торговлю с Нидерландами, Гамбургом, Данцигом и Бергеном. До конца XIV в. количество английского сукна, вывозимого ганзейцами через Бостон, значительно превосходило количество шерсти, вывозимой из всех остальных английских портов вместе взятых, в том числе из Лондона (2200 штук в 1392 г.). Такая экспортная торговля процветала до середины XV в. Однако постепенно «истерлинги» переносили свои операции в лондонскую контору. Судя по описи ганзейских товаров, конфискованных в 1648 г. по всей Англии, две трети всех товаров были сосредоточены на «Стальном дворе».

В конце XIV в. к товаропотокам с Востока и Рейна присоединился третий товаропоток, который был гораздо скромнее. Он появился в результате ганзейской экспансии на Атлантическое побережье. На обратном пути из залива Бурньёф, Ла-Рошели или Лиссабона отдельные ганзейские корабли заходили не только в Лондон, но и в такие порты на Ла-Манше, как Сандвич и Саутгемптон. Там они продавали французское вино. Иногда они доходили до самого Бристоля.

Как и в Норвегии и Фландрии, ганзейцы не ограничивались одними лишь портами, а проникали внутрь страны, где торговали как оптом, так и в розницу. Однако, если в Англии они в дополнение к шерсти собирались купить кожи, шкуры или металлы, они подчинялись положениям торгового права. Главным образом они ездили за товарами в Норидж или Йорк, но посещали и ярмарки в Стамфорде, Линкольне, Вестминстере, Кентербери и Винчестере.

Ганзейскую торговлю в Англии можно изучать гораздо подробнее, чем в других местах, благодаря сохранившимся таможенным декларациям, правда, до последнего времени рассматривались лишь шерсть и сукно. Исходя из деклараций за два года с сентября 1446 до сентября 1448 г. – тот период считался нормальным – товарооборот составлял около 47 тысяч фунтов стерлингов, из которых 25 900 фунтов стерлингов приходилось на экспорт из Англии, а 21 100 фунтов стерлингов – на импорт. На долю ганзейцев приходилось 13 % всей внешней торговли Англии; на долю всех остальных иностранных государств приходилось 27 %, а на долю самих англичан – 60 %. В 1479–1482 гг., когда после окончания англо-ганзейской войны торговля переживала резкий подъем, товарооборот достиг 61 тысячи фунтов стерлингов, из которых 32 тысячи приходилось на долю экспорта. Доля ганзейцев по-прежнему составляла всего 14 % от целого против 19 % всех остальных иностранцев и 67 % англичан.

Известно, что в тот период экспорт английской шерсти пошел на убыль (30 тысяч мешков в первой половине XIV в., 20 тысяч ближе к концу, 8 тысяч около 1450 г.), а экспорт сукна, наоборот, вырос: около 15 тысяч кусков в 1366 г., более 40 тысяч в 1392–1395 гг., 53 тысячи в 1446–1448 и, наконец, с определенными неизбежными колебаниями в ту или другую сторону, 66 тысяч кусков в 1482 г. Ганзейская торговля отражает эту ситуацию. Вестфальские и рейнские купцы около 1340 г. вывезли 3500 мешков шерсти (две трети из Бостона, оставшуюся треть из Лондона и Халла), но экспорт шерсти, которая почти целиком направлялась во Фландрию, совершенно иссяк во второй половине того же столетия.

С другой стороны, английское сукно стало жизненно важным экспортным товаром для ганзейцев, как для уроженцев Кёльна, так и для выходцев с востока. В XV в. сукно составляло почти 90 % их экспорта из Англии. В последней четверти XIV в. количество сукна,



которое они вывозили из Англии, утроилось. В XV в. экспорт составлял от 6 до 12 тысяч кусков; он продолжал значительно расти в XVI в.<sup>[45]</sup> Всего ганзейцы вывозили от 20 до 30 % всего английского сукна, направляемого на экспорт. Как правило, они покупали некрашеное сукно среднего качества. В сопроводительных документах для фламандского сукна обычно указывалось место его изготовления, но применительно к английскому сукну подобные подробности указывались редко. Судя по всему, большая его часть поступала из Лондона и Колчестера, часть – из Нориджа и Йорка. Немцы все чаще покупали сукно у сельских производителей, особенно из Глостершира, где они считались лучшими клиентами<sup>[46]</sup>.

Остальные английские товары значительно уступают сукну. Свинец и олово из Корнуолла, которыми в 1347 г. спекулировал Тидеман Лимберг, упоминаются в документах из Данцига в конце XV в. Кроме того, ганзейцы закупали сельдь из Ярмута,

которая главным образом шла в Гамбург, а также овечьи и кроличьи шкурки. Соль, вино и фрукты, которые часто перечисляют в статьях экспорта, просто проходили через Англию транзитом.

Ганзейские статьи импорта в Англию были гораздо разнообразнее, но невозможно определить сравнительную значимость главных товаров. Несомненно, самые ценимые в Англии товары поставляла Пруссия: лес и изделия из его отходов, золу, деготь и смолу; различные виды зерновых; а также медь и железо, которые упоминаются с начала XIV в. Большим спросом в Англии пользовался воск. Время от времени ганзейцев обвиняли в том, что они нарочно ограничивают ввоз воска, чтобы взвинтить цены. В 1309 г. поступила жалоба, согласно которой англичане понесли из-за этого убытки в размере 1000 фунтов стерлингов. Судя по этой цифре, в середине XV в. в Англию ввезли примерно 531 центнер воска. Он составлял всего около 5 % от всех товаров, ввозимых ганзейцами. Позже цифры показывают устойчивую тенденцию к росту. За исключением 1470 г., когда шла война, импорт воска достигал 1000 центнеров в год с 1475 по 1479 г. и 2750 центнеров в год с 1479 по 1483 г. Соответственно, воска ввезли на 5200 фунтов стерлингов, что составило 18 % всего импорта. Рост импорта воска продолжался и в XVI в. и в 1528–1529 гг. достиг рекордной цифры в 8455 центнеров<sup>[47]</sup>. Тогда воск составил 25 % всего импорта ганзейцев.

Было бы любопытно узнать долю ганзейцев в импорте вина, как французского, так и рейнского, но до последнего времени из таможенных деклараций удалось извлечь лишь общие цифры для всего импортного вина: около 6 тысяч тонн в начале XV в., более 10 тысяч в 1408–1420 гг., спад до 5 тысяч около 1475–1480 гг., возможно, в результате потери Гиени, а затем снова рост. Доля иностранцев в этой отрасли импорта упала с 25 % в середине века до 15 % в 1480 г. Очевидно, доля ганзейцев была не слишком большой. Скорее всего, почти все ввозимое ими рейнское вино они продавали в крупных городах на восточном побережье и внутри страны. Нет цифр, позволяющих оценить пропорцию рейнского вина по отношению к французскому и вину с Пиренейского полуострова, но не приходится сомневаться, что оно неуклонно поступало в Англию с начала XIV в. — за исключением, возможно, лишь первых лет после Столетней войны.

Наряду с Англией, Ганза вела значительную торговлю с Шотландией. К XIV в. Эдинбург установил торговые отношения и с Бременом, и с Пруссией. Хотя на корабли, идущие в Англию, часто нападали шотландские пираты, в XV в. объем торговли возрос, особенно с Данцигом. Из всех шотландских городов ганзейцы чаще всего посещали Эдинбург, но немецкие товары и агенты имелись и в Данбаре, и в Глазго, и в Абердине. Ганзейская торговля с Шотландией очень напоминала торговлю с Англией. В Шотландии ганзейцы закупали сукно, шерсть, лисьи и выдровые шкурки, а также морскую соль из залива Ферт-оф-Форт. Туда же они везли лес, смолу, зерновые и железо. Рейнское вино пользовалось популярностью в городах и при дворе. К сожалению, нет подробных сведений об объеме этой торговли, которая по сути была параллельна деятельности шотландских купцов в Пруссии.

## Нидерланды

Ганзейская торговля с Нидерландами велась в трех очень разных областях: Фландрия и контора в Брюгге (вместе с Эно и Брабантом); Голландия и Зеландия; а также ганзейские города на восточных берегах залива Зейдерзе.

Вся экономическая и политическая история Ганзы в последние два столетия Средних веков свидетельствует о необычайной значимости Фландрии. Для этого имелось несколько причин. Именно во Фландрии ганзейцы покупали самый важный для их коммерции товар – сукно. Вдобавок, в силу плотности населения и развитой промышленности, Нидерланды в больших количествах потребляли продукцию с Востока. Именно они были главными покупателями мехов, зерна и меди. Голландия закупала крупные партии леса и продуктов его переработки, а также воска, железа, льна, янтаря, вина и многого другого. Приток иностранных купцов – итальянских, испанских, португальских, французских и английских – в Брюгге, а позже в Антверпен означал, что ганзейцы могут расширять сферу своих операций почти до бесконечности. Наконец, географическое положение страны делало ее почти обязательным транзитным пунктом для купцов из Кёльна, которые ездили в Лондон, а также для купцов с востока Германии, которые ездили в Лондон, в Париж, а также во французские и пиренейские порты.

Естественно, в XIII–XV вв. ганзейцы были наиболее многочисленными и проявляли самую большую активность в Брюгге, где находилась их контора и центр их коммерции. В брюггскую контору приезжали купцы из разных третей, которые оставались на сезон. Главы же компаний и их представители иногда жили в Брюгге по многу лет. Менее многочисленные группы ганзейцев обосновались в портах на Звейне, в Дамме и особенно в Слэйсе.

Вскоре после этого ганзейцы проникли в большинство фламандских и брабантских городов, привлеченные развитием местной ткацкой промышленности. Все попытки помешать этой экспансии путем учреждения оптово-экспортного рынка в Брюгге оказались безрезультатными. Конечно, до наших дней почти не дошло свидетельств такой бурной деятельности. Скорее всего, наиболее часто

ганзейские купцы посещали Ипр, Гент, Аарденбург, Мехелен и, прежде всего, Берген-оп-Зом и Антверпен, благодаря их ярмаркам. Конкуренция Брюгге и Антверпена, притяжавших на роль центра ганзейской торговли, проявлялась начиная с XIV в. Антверпен, порт на Шельде, был расположен выгоднее, чем Брюгге, для торговли с Англией, Кёльном и Вестфалией; особенно много там было купцов из Дортмунда. Тем не менее до середины XV в. Антверпен не слишком угрожал превосходству Брюгге. Позже многие купцы, по примеру других иностранцев, перевели свои компании в Антверпен. К 1500 г., несмотря на усилия Ганзы сохранить контору в Брюгге, Антверпен стал центром ганзейской торговли в Нидерландах.

Особенно прискорбно отсутствие статистики применительно к ганзейской торговле во Фландрии. Вальтер Штайн сделал попытку оценить товарооборот на 1369 г. Его расчеты основаны на расходах готландской трети в конторе Брюгге, исчисленных через налог с оборота (schoss), соответственно таможенной пошлине в  $\frac{1}{720}$  на импортируемые и экспортируемые товары. По его данным, речь может идти о сумме в 38 610 фунтов гро-от, или 212 тысяч любекских марок, что составляло примерно 39 % всей торговли в порту Любека на то время. Вторая оценка, основанная на отчетах Хильдебранда Векинхузена, старшины любекской трети в 1419 г., составляет 118 240 фунтов гроот, или 651 тысяч любекских марок в год. В 1467 г., когда Кёльн отказался платить налог с оборота, по его подсчетам, он составил 6 тысяч гульденов, что соответствовало общей стоимости товаров в 1 млн 440 тысяч гульденов или 240 тысяч фунтов гроот. Даже сделав скидку на обесценивание фунта гроот, можно сделать вывод, что цифры подтверждают значительный рост товарооборота. Возможно, все объяснялось тем, что 1419 г., следующий после конституционного кризиса в Любеке, стал исключительно благоприятным для торговли, а в 1467 г. налог с оборота на всей территории Нидерландов взимали авансом с продаж и покупок, чего ранее никогда не делали.

Так же невозможно оценить долю, какую вносили в торговлю с Фландрией главные ганзейские города. Приблизительная оценка возможна лишь в связи с Любеком, благодаря Pfundzoll-buch за 1368 г. Сукно, главным образом покупаемое в Брюгге, оценили в 120 тысяч марок из общей суммы в 339 тысяч марок. Это значит, что Фландрия

давала по меньшей мере треть всего импорта Любека. В Швеции и, возможно, в Ливонии процентная доля была еще выше. Единственной ганзейской областью, где торговля с Фландрией не играла значительной роли, была Норвегия.

Сукно, главный товар, покупаемый ганзейцами в Брюгге, составлял более 75 % их экспорта из Фландрии. Имелись бесчисленные его разновидности, рассортированные по происхождению, качеству и цвету. Только во Фландрии немцы традиционно покупали сукно более чем в 25 городах; и к ним еще нужно добавить около 20 городов в Брабанте и Эно. Купец из Гамбурга Вико ван Гельдерсен упоминает в своих отчетах за 1367–1392 гг. 40 различных видов сукна. Согласно отчетам главного казначейства Тевтонского ордена в Кёнигсберге, около 1400 г. сукно поступало из 16 разных фламандских городов. Первое место из них занимал Поперинге, где изготавливали 4 вида сукна, за ним шли Комин, Лилль, Сент-Омер, Ондскот и Ипр. Сукно покупалось в 12 городах Брабанта, среди которых в Мехелене изготавливали 8 его видов, а в Брюсселе – 3; в пяти городах Эно, в том числе в Мобеже, и в трех городах Голландии: Амстердаме, Лейдене и Нардене. В 1469 г. на корабле, шедшем из Любека в Ревель, перевозили 2400 кусков сукна, из которых 360 были из Поперинге, 300 – из Ал ста, 200 – из Комины, 100 – из Туркуэна, 300 – из Нардена, 100 – из Лейдена и 200 – из Англии.

Крашенные ткани были самыми дорогими; «алые» из Ипра, Гента, Брюгге или Мехелена шли по 4 с лишним фунта гроот за кусок. Более легкие ткани среднего качества, изготовленные в Ондскоте, Мобеже и Комине, стоили от одного до трех фунтов за кусок. Самым большим спросом среди них пользовалась тонкая шерстяная саржа из Брюгге. Дешевые ткани, которые продавались по 12–19 шиллингов за кусок, производили в нескольких городах, но чаще всего в Поперинге в окрестностях Ипра. Судя по всему, этот небольшой город поставлял ганзейцам самые большие количества сукна.

Куски ткани были разной длины и ширины (обычно от 30 до 45 локтей в длину на 2 или 3 в ширину) и далее различались по тому, как они складывались и упаковывались, что вызвало рост подделок. Сукно продавалось тюками, но не существовало стандарта, сколько кусков должно быть в тюке. Продавались и готовые изделия; чаще всего упоминаются брюки из Брюгге.

Одной поразительной особенностью закупочной политики ганзейцев в последние два столетия Средних веков стала их верность фламандскому сукну, тогда как начиная с XIV в. другие европейские страны отдавали предпочтение брабантским тканям. Главной причиной для такой лояльности было то, что центр их торговли находился в Брюгге. Правда, в различных областях в ходу были разные виды тканей. Фламандское сукно наиболее успешно сохраняло ведущую роль в Нижней Саксонии, Швеции и Ливонии. В Пруссии большей популярностью пользовалось сукно из Брабанта, но оно не вытесняло конкурента, кроме, возможно, Кракова. Зато в Кёльне, городах Вестфалии и на юге Германии рано начали отдавать предпочтение брабантскому сукну, очевидно, потому, что источник поставок находился к ним ближе. В Кёльнском таможенном реестре за 1344 г. брабантское сукно значится под первым номером.

В XV в. голландское и английское сукна вытеснили брабантское во многих странах. В Кёльне брабантское сукно опустилось на второе место, а фламандское почти совершенно исчезло. Однако в остальном ганзейском мире старые виды тканей сохраняли свои позиции; появилось даже несколько новых видов фламандского сукна. Такой консерватизм типичен для ганзейцев.

Чтобы упростить сделки, ганзейцы, по крайней мере начиная с середины XV в., заключали соглашения с производителями сукна в отдельных городах, особенно Поперинге. Они брались выкупить всю их продукцию с тем условием, чтобы мануфактуры производили сукно того вида, который подходил их покупателям. Цены на ткани они обговаривали заранее в присутствии представителя конторы из Брюгге. С другой стороны, ганзейцы, в отличие от итальянцев, никогда не пытались сами стать производителями сукна и руководить текстильными мануфактурами во Фландрии. Возможно, им казалось, что риск слишком велик, несмотря на преимущества, связанные с полным контролем над производством.

Другие товары, вывозимые ганзейцами, по сравнению с сукном занимали ничтожную долю в экспорте. Из Нидерландов везли металлические изделия, колокола, серпы, ножницы. Возможно, эти товары производились в Динане и продавались в Дамме, откуда динанские купцы переправляли свои медные и латунные изделия в Лондон. Южные и восточные продукты, которые привозили в Брюгге

итальянцы, отличались большим разнообразием и пользовались большим спросом. Важное место в статьях импорта занимали специи. Судя по документам, больше, чем ганзейские города, их закупал Тевтонский орден. Почти такую же важную роль играли средиземноморские фрукты и растительное масло. А французские соль и вино, которые ганзейцы главным образом закупали во Франции, можно было приобрести также в Брюгге и Дамме.

Что касается ганзейского импорта во Фландрию, здесь так же, как в случае с Англией, трудно распределить товары по степени значимости. В первой половине XIV в. список вестфальских статей импорта возглавляла английская шерсть. За ней шли меха. Во времена голода, и все больше в течение XV в., Фландрия импортировала рожь из Пруссии. Кёльнские купцы почти повсеместно оптом и в розницу продавали рейнское вино, на которое не распространялось действие торгового права. И остальные товары пользовались спросом. В Брюгге можно было найти покупателей и на металлы, и на полотно, и на янтарь, и на древесину и пиломатериалы.

Ганзейская коммерция в Голландии-Зеландии значительно отличалась от коммерции во Фландрии и Брабанте. Товары здесь продавались во многом те же самые, потому что на севере Нидерландов, как и на юге, начиная с XIV в. производили большое количество сукна; там так же рос спрос на прусское зерно. Но в Голландии и Зеландии ганзейцы столкнулись с конкурентами, которые бросали им вызов на их же поле. Забыв о традициях, они пытались ограничить их закупки голландского сукна и даже совсем свести их на нет. Это означало подчинение их деятельности в тех краях конторе в Брюгге, которая отвечала за общий надзор.

Двумя главными центрами торговли в Голландии считались Дордрехт и Амстердам. Первый был выгоднее расположен с географической точки зрения, чем Брюгге, и, возможно, рассчитывал на то, что со временем вытеснит его. Поскольку Дордрехт находился на Рейне, он служил естественным перевалочным пунктом между Дортмундом, Кёльном и Англией, а также портом захода для небольших кораблей, которые шли во Фландрию через Зейдерзе и голландские каналы. На том пути можно было меньше опасаться пиратов и прочих опасностей, поджидавших купцов на море. Город наводняли купцы из Данцига, Торна и Кракова. Они привозили туда

лес, металлы и зерно. Подобно гражданам Брюгге, жители Дордрехта довольствовались своей ролью посредников и не пытались активно конкурировать с иностранцами. Тем не менее начиная примерно с 1400 г. Ганза все больше сосредотачивала свои операции в Брюгге. Дордрехт потерял прежнее превосходство в сфере торговли с Германией; по своей недалёковидности городские власти ужесточили торговые законы, тем самым возведя препятствия на пути торговли между Рейнской областью и Англией.

В конце XIV в. отношения с Амстердамом, городом, который был в половину меньше Дордрехта, главным образом поддерживал Гамбург. В 1369 г. в Амстердам привезли треть всего пива, экспортируемого из Гамбурга, на сумму около 20 тысяч марок. Через Гамбург в Амстердам поступали вестфальское полотно и зерно в обмен на соль, вино и фрукты. В XV в., несмотря на жестокие ссоры, гамбургские купцы продолжали такую практику. Они начали экспортировать и голландскую сельдь. Однако они не имели права приобретать голландское полотно у производителей – все обязаны были покупать его только через контору в Брюгге. В тот же период значительно возрос объем торговли с Пруссией, хотя трудно оценить, насколько большую долю в ней имели ганзейские корабли и купцы. И голландские, и ганзейские купцы привозили в Амстердам лес и зерно, а назад везли соль, сельдь и вино, но не сукно. После того как дела брюггской конторы пошли на спад, многие ганзейцы стали ездить в Амстердам и Антверпен. К сожалению, мы не располагаем данными, которые позволили бы оценить размер этой экспансии.

В третью зону ганзейской торговли с Нидерландами входили города на реке Эйссел и на восточных берегах Зейдерзе. Эти города в разное время принимали в Ганзейский союз, хотя и не без оговорок. Своим ростом они главным образом обязаны выгодному географическому положению. Эйссел открывал путь к долине Рейна, Кёльну и городам Вестфалии; города на Зейдерзе участвовали в большом ганзейском товарообороте между Востоком и Западом. Кроме того, указанные города находились в центре овцеводческого региона, и потому там, как в Голландии, начали производить сукно, которое вскоре превратилось в главную статью экспорта.

Самыми оживленными городами региона считались Кампен и Девентер. В XIV и XV вв. Кампену удалось укрепить связи с Балтикой,



которые завязались еще в XIII в. Тамошние купцы возили с Балтики зерно, древесину и лен. В самом раннем дошедшем до нас документе о пошлине, взимаемой в проливе Зунд, датированном 1497 г., упоминается о походе на восток 69 кораблей из Кампена. В 1503 г. через Зунд прошло 48 кораблей. Несомненно, торговлю со странами Прибалтики инициировал Кампен, чем объясняется недоверие к городу, которое всегда демонстрировала Ганза. Вдобавок, несмотря на враждебность со стороны вендских городов, Кампену удалось сохранить связи с Норвегией. Его купцы ввозили туда сукно, полотно и зерно. На западе кампенские купцы торговали с Голландией, Зеландией, Фландрией и Англией, а также с Бурньёфом и Ла-Рошелею. Именно они создали прецедент в развитии торговли французской солью и вином, и их примером не преминули воспользоваться ганзейцы.

Купцы из Девентера, как и их кампенские коллеги, не страдали от недостатка предприимчивости, что уже упомянуто в таможенных декларациях Кобленца за 1104 г. Они торговали сельдью, а в XV в. активно посещали Норвегию. Судя по всему, им не давали полностью развернуться в долине Рейна, а позже по инициативе Кёльна вообще запретили доступ туда. Но Девентер компенсировал неудачу, учредив ярмарку, которая в XIV в. затмила ярмарки в соседних городах и достигла своего апогея в конце XV в. Если не считать сканской, ярмарка в Девентере была единственной, которую устраивали в ганзейских владениях. Она проходила пять раз в год, и ее регулярно посещали торговцы из Голландии, Рейнской области и Вестфалии. Голландцы приезжали продавать сукно и покупать лес из близлежащих лесов. Другие купцы привозили вино и металлоизделия, которые они обменивали на сельдь и продукты животноводства. Хотя точных цифр, которые отражали бы объем торговли, нет, эта региональная ярмарка, несомненно, вносила большой вклад в процветание соседних городов.

## **Франция, Кастилия, Португалия**

К концу XIII в. ганзейские купцы уже торговали во Франции. Корабли из Гамбурга отправлялись через Брюгге в Ла-Рошель, а любекские купцы, как и кёльнские, добирались до Шампанских ярмарок через Фландрию. Но их коммерция не носила постоянного характера. Лишь во второй половине XIV в. ганзейская торговля утвердилась на побережьях Пуату и Гаскони, и купцы регулярно приплывали туда как из североморских, так и из балтийских портов. Позже иногда более 100 ганзейских судов совершали рейсы в залив Бурньёф, Бруаж, Ла-Рошель и Бордо.

Основной причиной для такого интереса стал рост спроса на соль в Восточной Европе, который не удовлетворяли соляные месторождения Люнебурга. Несмотря на то что соль ввозили и фламандцы, рынки Нидерландов также не способны были поставить достаточно этого драгоценного товара. Французская соль, покупаемая на месте добычи, в обычное время была на треть дешевле каменной. Ливонские и прусские города тоже не горевали из-за того, что монополии Любека на торговлю солью приходит конец. Еще одним фактором, который способствовал экспансии, стало то, что ганзейские корабли, которым зимой запрещалось выходить в северные моря, могли ходить за Па-де-Кале. Поэтому они прибывали в Брюгге в конце осени, шли под парусом в Бурньёф, оставались там в январе и феврале и возвращались на Балтику между маем и июлем.

Столетняя война не была благоприятным периодом для судоходства в тех широтах. На ганзейские корабли периодически нападали английские, нормандские или бретонские пираты под тем предлогом, что они вступили в союз с врагом, – или вовсе без всякого предлога. Однако короли Франции оказывали вновь прибывшим теплый прием, не только из коммерческого своекорыстия, но также и в надежде приобрести новых союзников против Англии. Карл V первым удостоил их своим покровительством. Хотя его приказам не всегда подчинялись, он запретил французским кораблям нападать на ганзейцев. В 1378 г. он даже выплатил им компенсацию за захват 23 кораблей нормандцами. Карл VI и его преемники относились к ганзейцам так же благосклонно. Не менее дружелюбно были

настроены и герцоги Бретани, в чьих владениях находился залив Бурньёф. В 1430 г. Жан V предоставил ганзейцам первые привилегии, гарантировал безопасность и свое покровительство. Позже они неоднократно получали и другие привилегии и льготы.

Главным центром притяжения ганзейцев оставался залив Бурньёф с его соляными месторождениями. Они называли его просто «заливом» или «Бэ» (die Baie), а соль, за которой они приезжали, называлась Baiensolt, в отличие от Travesolt из Люнебурга и Ольдесло. Это название позже распространилось на всю французскую соль, например на соль из Бруажа и даже на соль из Португалии. Соляная торговля Бурньёфа началась незадолго до того времени. Самыми первыми в маленький порт в XIII в. начали заходить фламандские корабли. После них пришли корабли из Кампена. В XIV в. в Бурньёф регулярно наведывались английские, испанские и голландские, а также немецкие корабли. Первыми из немцев дорогу в Бурньёф открыли гамбургцы, но вскоре самыми многочисленными стали суда из Пруссии и Ливонии. Не отставали и вендские города и даже Любек, несмотря на его монополию на люнебургскую соль. В 1438 г. в состав ганзейской флотилии, которая пришла в Бурньёф, входили 11 вендских кораблей и 23 прусских и ливонских. В другой флотилии из 50 судов, захваченной англичанами в 1449 г., 16 кораблей были из Любека, 2 из Висмара и 14 из Данцига. Ганзейских кораблей не хватало для того, чтобы удовлетворить спрос. Поэтому немецкие купцы вначале нанимали голландские корабли для походов за солью в Бурньёф. Позже голландцы начали торговать самостоятельно. Почти весь свой груз они везли на Балтику.

У нас нет общих цифр, которые позволили бы оценить, сколько соли ганзейцы вывозили из Бурньёфа, но количество кораблей, которые шли оттуда в балтийские порты, доказывает, сколь огромным было это количество. Из 314 кораблей, которые вошли в Ревель в 1427–1433 гг., 105 шли из залива Бурньёф против 103 из Любека и 85 из Пруссии. Каждый год они привозили около 2500 ластов соли (5 тысяч тонн), в то время как количество соли из других мест, включая Люнебург, не превышало 500 ластов. Из 403 кораблей, пришедших в Данциг в 1474 г., 71 судно шло из Бурньёфа и 2 – из Бруажа. И в Ревеле, и в Данциге значительную часть «соляных флотилий» составляли голландские корабли.

Покупкой соли в Бурньёфе занимались капитаны кораблей или агенты. Агенты жили на месте постоянно или их на сезон присылала контора из Брюгге. Именно агенты, которые становились все нужнее по мере расширения торговли, поднимали цены на соль, которую они часто покупали у производителей в кредит. После того как из-за притока купцов Бурньёф стал оживленным центром торговли, ганзейцы стали покупать там и другие товары, среди них вина долины Луары и Пуату, парусину и специи, которые привозили испанцы. В обмен они продавали свое зерно, сельдь и меха. Однако Бурньёф предлагал лишь ограниченные возможности для торговли. В XV в. агенты ганзейцев предпочитали Нант, гораздо более крупный рынок. В Нанте их деятельность в 1456 г. вызвала протест со стороны купцов из конторы в Брюгге. Их возмущало то, что огромные партии мехов отправлялись в Нант и Ла-Рошель: по их мнению, это делалось в нарушение торгового права Брюгге. Впрочем, другими сведениями о ганзейской фактории в Нанте мы не располагаем.

Спрос на соль вел ганзейцев дальше, к региону Бруаж, напротив острова Олерон. Возможно, сначала они даже посетили именно этот остров, потому что там соляные шахты начали эксплуатировать раньше, чем в Бурньёфе. Однако лишь в 1450 г. Бруаж приобрел такое же значение, как и Бурньёф, скорее всего, благодаря своей близости к Л а-Рошели. В отдельные годы, например в 1475 и 1476-м, в Данциг приходило больше кораблей из Бруажа, чем из Бурньёфа. Однако Бурньёф сохранял свое лидерство вплоть до конца Средневековья. И лишь в XVI в. соль из Бруажа в конце концов возобладала на рынке.

После соли главным товаром, который ганзейцы покупали в тех краях, было вино, которое они приобретали в Бурньёфе, Нанте и Бруаже, но главное – в Л а-Рошели, крупном центре экспорта вина из Пуату. В XV в. представители Ганзейского союза все чаще наведывались в Ла-Рошель; в жалованных грамотах, предоставленных им королями Франции, город значится как основной центр их операций. Там же они покупали фрукты, специи и парусину, и в 1419 г. размах их деятельности вызвал ссору с конкурентами-испанцами. Цифр, которые показывали бы, сколько вина ганзейцы вывозили из Ла-Рошели, нет, зато встречаются упоминания прусских судов, которые везли до 300 тонн.

Кроме того, ганзейские купцы посещали Бордо, хотя и не так регулярно. В самом начале XIV в. один кёльнский купец отправил партию в 108 тонн вина из Бордо в Голландию. Ганзейская торговля расширилась во второй половине XV в., когда купцы пытались воспользоваться потерей Гиени англичанами и узурпировать их место в винной торговле между Бордо и Англией. Вырос даже их товарооборот с Англией из Ла-Рошели и Бурньёфа. В жалованной грамоте, предоставленной герцогом Бретани в 1459 г., привилегии касаются «немцев, которые часто ездят в Англию для торговли и приезжают также в Бретань». Но англичан такая конкуренция очень возмутила. В 1490 г. английский парламент постановил, что вина из Ла-Рошели и Бордо должны поставляться в Англию только на английских кораблях. Эта мера, возможно, была применена сразу же, поскольку годом позже немецкие купцы в Антверпене выражали протест в конторе по поводу того, что англичане оставляют за собой исключительное право на импорт бордоских вин в свою страну. Кроме того, они жаловались на конкуренцию англичан в сфере торговли сукном и шелком-сырцом. Дело в том, что ганзейцы покупали в Бордо и еще больше в Байонне шелк-сырец и шелковые ткани и крашеное лангедокское сукно. Англичанам, судя по всему, удалось перехватить почти весь импорт вина, но даже в XVI в. некоторые ганзейские корабли регулярно участвовали в импортных перевозках. Невозможно узнать, сколько французского вина попало в Англию на немецких кораблях, или оценить, какое место занимали французские и рейнские вина в ганзейской торговле в целом. Ганзейцы редко посещали другие прибрежные районы Франции, меньше всего порты на Ла-Манше, которые не представляли для них коммерческого интереса. В XV в. их время от времени можно было встретить в устье Сены, в Онфлёре и Арфлёре, которые в немецких текстах называются Honychflor («медовый цветок», «мелиант») и Heringsfleete («сельдяной флот»). В 1450 г. упоминается о целой ганзейской флотилии в Руане; ганзейцы привезли туда зерно и сельдь, но ничего не купили, кроме вина. Судя по всему, наибольшую активность в тех краях проявляли купцы из Кёльна. Несколько раз Кёльн просил Руан оказать защиту его купцам и компенсировать убытки жертвам нормандских пиратов. Впрочем, из этих связей почти ничего не вышло.

Не приходится сомневаться и в расширении сухопутной ганзейской торговли на севере Франции в XIV и XV вв. После того как Шампанские ярмарки пришли в упадок, центром притяжения для купцов с севера Германии стал Париж. Туда они попадали через Брюгге. В начале 1440-х гг. в Париж регулярно наведывались представители Тевтонского ордена, чтобы собирать причитающиеся им выплаты. Парижский финансист Дино Рапонди купил в Пруссии крупную партию мехов; он расплатился переводным векселем. В 1405 г. брюггская контора аннулировала операцию, которую сочла посягательством на свои привилегии. Возможно, именно через Брюгге из Парижа отправили «французское столовое белье», предназначенное для стола великого магистра Тевтонского ордена.

Гораздо прочнее были торговые связи между Парижем и Кёльном. Кёльнские купцы привозили в столицу Франции не восточные товары, а свою промышленную продукцию: кожаные изделия, украшения, сталь и, главное, изделия из металла, оружие и инструменты. В 1471 г. упоминается партия серпов из Кёльна в количестве 600 штук. Не слишком понятно, что Париж экспортировал в Кёльн, но, скорее всего, шелковые и другие ткани. Возможно, такую же торговлю Кёльн вел с Дижоном, но о ней сведений не сохранилось. Кроме того, на севере Германии ни разу не упоминается вино из Бургундии.

Двигаясь по морю на юг, ганзейцы не ограничивались французскими портами. С конца XIV в. они регулярно заходили в порты Астурии и особенно в Португалию. Они следовали за теми немецкими кораблями, которые бывали там во время Второго и Третьего крестовых походов и время от времени – в XIII в.

И снова спрос на соль вел к установлению регулярных связей с Лиссабоном. Соляные месторождения в Сетубале позволяли приобрести соль лучшего качества, чем та, что производили в Бурньёфе. В XV в. чаще всего туда наведывались суда из Пруссии и Кампена. Суда, шедшие в Лиссабон, покидали Балтийское море в караванах вместе с флотилиями, которые направлялись в Бурньёф. Они расходились, пройдя Ла-Рошель, и брали курс на юго-запад. В Лиссабоне в середине XV в. жила небольшая колония ганзейцев, и в 1456 г. Альфонсо V предоставил им право управляться двумя немецкими, а не португальскими «прокураторами». В начале XVI в. представители юга Германии чаще посещали этот город,

привлеченные большим рынком специй и пряностей. Ганзейская торговля в Лиссабоне велась по образцу торговли в Бурньёфе. Немцы продавали зерно и рыбу, а покупали, помимо соли, местные вина – из Малаги и Мальмси (мальвазии), а также растительное масло, специи, инжир, виноград и сахар. В 1402 г. англичане захватили большой прусский корабль, шедший из Португалии. Его груз состоял из 180 тонн соли и около 50 гектолитров вина. Правда, не следует преувеличивать степени значимости ганзейской торговли в Португалии, так как в 1460–1500 гг. есть сведения лишь об одном корабле, который шел из Лиссабона в Данциг. Вероятно, многие другие суда, которые в сводках назывались «кораблями из Бурньёфа», на самом деле шли из Португалии. Но, по крайней мере, в XV в. пиренейская соль составляла очень скромную долю в общем количестве этого товара, который поступал на Балтику из портов на Атлантическом побережье.

Подробности торговли Ганзы с испанскими портами обнаружить нелегко. Известно, что в 1419 г. в Севилью зашел один прусский корабль; он принял на борт груз растительного масла и вина. Впрочем, немецкие корабли обычно заходили в астурийские порты: Бермео, Виверо, Ларедо и, возможно, Ла-Корунья (там высаживали паломников, которые направлялись к гробнице святого Иакова в Сантьяго-де-Компостеле). В Астурии немцы продавали зерно и сельдь, а покупали железо, шерсть, вино и фрукты. Ожесточенный конфликт между Ганзой и Кастилией, который продолжался 25 лет, доказывает, что эта торговля, о которой известно очень мало, ни в коей мере не была ничтожной. В 1419 г. Хуан II Кастильский, раздраженный конкуренцией, какую составляли его подданным немецкие купцы, продававшие в Л а-Рошели товары, купленные в Испании, решил прибегнуть к силе. Под тем предлогом, что ганзейцы помогали англичанам, когда тех осадил в Арфлёре франко-испанский флот, он приказал напасть на флотилию, шедшую в Бурньёф. Флотилия состояла из немецких и голландских судов. Нападение произошло неподалеку от Да-Рошели. Было захвачено 40 судов, а их груз продан. Враждебные действия в последовавшей затем нескончаемой войне сводились к пиратству. Через 10 лет фламандцы заключили перемирие с Кастилией, и Ганза продолжала воевать в одиночку. В 1433 г. ганзейцам запретили ввозить испанскую шерсть в Брюгге и Германию.

Эта мера была направлена скорее не на устрашение, а на то, чтобы вынудить фламандцев предложить посредничество для примирения враждующих сторон. Трехстороннее перемирие, которое позже продлили, на самом деле обговаривалось в Бурньёфе. В конце концов в 1443 г. в Брюгге подписали мирный договор. Ганзейцы согласились больше не конкурировать с испанцами ни в испанских портах, ни в Ла-Рошели. Кроме того, они согласились исключить из мирного договора Кампен, который приняли в Ганзейский союз лишь за два года до того и на который испанцы особенно жаловались<sup>[48]</sup>. Несколько унизительные условия мира можно объяснить желанием ганзейцев восстановить безопасность судоходства в Бискайском заливе и положить конец затянувшейся войне, которая велась необычно далеко от их родных портов. Торговля с кастильскими портами возобновилась, однако до XVI в. не расширялась.



## Италия и Каталония

Прочность торговых связей итальянцев и немцев в Брюгге естественно побуждала ганзейцев исследовать Италию. Подобно тому как все развивалось на юге Германии, первыми в XIV и XV вв. в Италию отправились в основном купцы из Любека и Кёльна – и время от времени из Бреслау. Очевидно, они добирались до места назначения в основном посуху. Они следовали через Нюрнберг, Аугсбург и перевал Бреннер в Венецию, а также через Франкфурт, Констанц и перевал Сен-Готард в Милан и Геную. Впрочем, использовался и морской путь, хотя и через Брюгге, потому что до XVI в. ганзейские корабли не заходили в Средиземное море – как генуэзские и венецианские суда не заходили в немецкие порты.

В Венеции у купцов из Кёльна и Любека имелись собственные помещения на «Немецком подворье». О торговле с Любеком главным образом известно из операций Векинхузенов в начале XV в. Основным товаром, который привозили с собой немцы, неизменно были русские меха<sup>[49]</sup>. В 1447 г. Брюгге жаловался, что «в течение нескольких лет» Любек, отправляя меха в Венецию и Геную, нарушает его права основного оптово-экспортного рынка. В своем ответе Любек признавал справедливость обвинений в том, что касалось Венеции и Франкфурта, но отрицал их в связи с Генуей. Помимо мехов, любекские купцы возили в Венецию высоко ценимые там украшения из янтаря, возможно, вестфальское сукно (которое упоминается даже в Александрии) и вяленую рыбу. Домой они везли специи, шелка и средиземноморские фрукты. Хотя в конце XV в. уроженцев Любека еще можно было застать на «Немецком подворье», их уже вытеснили представители юга Германии, которым в будущем суждено было вести всю торговлю между Венецией и Любеком.

Кёльнские купцы торговали в Венеции еще раньше и оставались там дольше. Уже в 1335 г. товары из Кёльна обложили пошлиной в возмещение убытков, понесенных венецианцами, торговавшими в Германии и Фландрии. Среди товаров из Кёльна самыми важными, очевидно, были золотая фольга и украшения. 40 лет спустя Кёльн известил Венецию о том, что он намерен строго контролировать качество своих товаров и потому посылает образец своего клейма. В

XV в. туда в больших количествах поставлялось и сукно. Венецианцы ошибочно заподозрили, что это вредит ее собственным купцам, и обложили налогом все сукно, доставляемое по суше. Тогда в Венецию отправили делегацию из Кёльна, которая выдвинула довод: доставка товаров по суше обходится дороже и часто подразумевает больше рисков, чем доставка морю, и что больше ни один немецкий город не привозит в Венецию столько английского сукна. Результаты переговоров остались неизвестными.

Еще активнее кёльнские купцы действовали в Комо, Милане и Генуе (в середине XV в. Иоганн ван Штрален, один из богатейших кёльнских купцов своего времени, находился в Генуе с партией мехов), но их деловые связи простирались на весь Апеннинский полуостров. Агенты Альфа ван дер Бурга действовали в Мессине, а агенты Герхарда ван Хильдена – в Катании, где они продавали меха, металлические изделия и полотно из Констанца и закупали в обмен хлопок, шелк, специи и пряности, предметы роскоши, украшения и шелковые ткани.

Вдобавок кёльнские купцы проникли в Каталонию и Арагон, где они покупали шафран. Подобно купцам из Великой торговой компании Равенсбурга, они, возможно, плыли морем через Геную или шли по суше по долине Роны и через Руссильон. В 1430 г. некий Иоганн де Колунья обосновался в Барселоне, где учредил компанию с каталонцем; он купил шафрана более чем на 2200 фунтов стерлингов, продавая другие товары, в том числе полотно и металлоизделия, на сумму в 1200 фунтов стерлингов 30 лет спустя такие же операции вели Штралены и Альф ван дер Бург. К сожалению, доступные сведения настолько фрагментарны, что не возникает четкой картины торговли, которую вели кёльнские купцы в Италии и Испании; во всяком случае, лишь место происхождения купцов, занятых такой торговлей, указывает на то, что они были ганзейцами.

## **Глава 11**

### **Ганзейская цивилизация (XIII–XVI вв.)**

Термин «Ганзейская цивилизация» можно употреблять лишь с некоторыми оговорками. Ганза, купеческая организация, не занималась культурной деятельностью, и ни в одном из ее многочисленных указов и декретов не отражен интерес к такой деятельности. Достойные упоминания интеллектуальные и художественные достижения Северной Германии никак не связаны с ганзейцами. Даже если члены Ганзы, по причине склонностей и богатства, иногда исполняли функцию меценатов, не приходится сомневаться, что в этом отношении более важную роль играли церковь и аристократия. Более того, культурная деятельность, которую можно назвать североевропейской, не ограничивалась ганзейскими городами, но включала Нидерланды, чье влияние оказалось значительным, а также Скандинавию.

Тем не менее Ганза играла важную роль в образовании и распространении культурного сообщества Северной Европы. Ее корабли везли не только товары, но и интеллектуальные и художественные замыслы. Новые города, основанные на берегах Балтики, были ганзейскими по стилю зданий и по образу жизни бюргеров. Различные культурные тенденции напрямую связаны с ростом и упадком Ганзы. Следовательно, цивилизация стран, окружавших Балтийское и Северное моря с начала XIV до начала XVI в., заслуживает того, чтобы ее называли ганзейской.

### **Нижненемецкий язык**

Общность культуры ганзейской сферы влияния наиболее отчетливо проявляется в ее лингвистическом единстве. Ганзейские владения почти точно совпадают с регионом, в котором в начале XII в. говорили на нижненемецком языке. Нижненемецкий язык и диалекты, которые входили в его состав, не попали под влияние второго передвижения согласных, процесса, который в начале Средних веков оказал влияние на верхненемецкие диалекты и частично на средненемецкие диалекты.

Южная граница нижненемецкого языка точно совпадает с нынешней границей между *Dorp* – *Dorf* и *ik* – *ich*; она проходит южнее Кёльна, Вестфалии, Магдебурга и Франкфурта-на-Одере.

В основном язык ганзейского мира составляли нижнесаксонские диалекты, на которых говорили между Рейном и Эльбой. На запад они распространялись до Зёйдерзе, а на север – до Шлезвига. Благодаря колонизации они продвинулись на восток, к балтийским городам до самой Нарвы. Какое-то время на них говорили также в польских, датских и шведских городах.

Однако оставалось два региона, в которых нижненемецкий не утвердился. Во-первых, речь идет о прусских городах, особенно Торне и Кульме, куда многочисленные иммигранты из

Центральной Германии принесли с собой средненемецкий диалект. В Тевтонском ордене, рыцарями которого были главным образом уроженцы Южной и Центральной Германии, также говорили на средненемецком; им пользовались как официальным языком и как языком повседневного общения. На западе, в Рейнской области, сохраняли свои особенности рейнско-франкские диалекты, которые находились ближе к средне-немецкому в некоторых консонантных мутациях. Важно, что в 1479 г., когда в Кёльне был напечатан первый перевод Библии на нижненемецкий, ранее приписываемый Квентеллу, сочли необходимым представить две параллельные версии, одну на рейнско-франкском, а вторую на нижнесаксонском.

Разнообразие диалектов, даже в соседних округах, несомненно, было препятствием при установлении связей между ганзейскими городами. Делались попытки достичь лингвистического единообразия, особенно в судах и канцеляриях. В этом процессе ведущую роль, в силу своего господствующего положения, играл Любек. Потребность в общем языке привела к принятию любекского диалекта во всех судах, где применялось любекское право, от Гольштейна до Эстонии. Магдебургское право, широко распространенное на востоке Германии, способствовало распространению магдебургского диалекта в Бранденбурге и Восточной Пруссии. Любекский диалект, кроме того, получил широкое распространение как язык дипломатии. Вплоть до середины XIV в. протоколы Ганзейских соборов велись на латыни. Начиная с 1369 г. их вели на нижненемецком, и любекская канцелярия переняла его употребление как в переписке с зарубежными

представительствами (конторами), так и в операциях со скандинавскими монархами и фламандскими городами. Однако некоторые сопротивлялись такому главенству. Канцелярии Тевтонского ордена и Кёльна придерживались собственных языков. Но на 150 лет любекский диалект стал официальным письменным языком Ганзы, главенствующим в сферах права, дипломатии и коммерции.

За границей, особенно в Скандинавии, нижненемецкий, на котором говорили немецкие сообщества в ряде городов, оказал глубокое влияние на национальные языки. По некоторым оценкам, треть слов в шведском языке ганзейского происхождения. Заимствования особенно многочисленны в сфере ремесел, добывающей промышленности и торговли. Иногда менялась даже грамматика: так, некоторые старинные префиксы, давно вышедшие из употребления, снова появились в шведском языке.

Однако преобладание нижненемецкого оказалось кратковременным. Его южная граница постоянно сдвигалась, и к концу XV в., а особенно в XVI–XVII вв., повсюду началось наступление верхненемецкого, что низвело нижненемецкий до положения языка низших классов. Такая перемена была вызвана множеством разных причин. Превосходство уроженцев юга Германии в коммерции способствовало распространению их языка в ганзейской сфере влияния, как и попытки Максимилиана I и Карла V реформировать и централизовать управление Священной Римской империей. К началу XVI в. письма из Любека в высший суд Священной Римской империи и в целом во все южнонемецкие города писались уже на верхне-немецком языке. Нижненемецкий язык ослабил и гуманизм: латынь сохраняла свое влияние лишь как язык указов и литературы. Такую же роль сыграло и распространение книгопечатания. Хотя оно вызвало появление многочисленных переводов на местные диалекты, оно еще больше укрепляло главенство верхненемецкого. Правда, последний в основном получил распространение как язык церкви. Начиная с 1520–1520 гг. протестантские духовные лидеры именно на нем составляли пастырские послания. Несмотря на то что в 1522–1621 гг. существовало не менее 24 изданий Библии Лютера на нижненемецком языке, начиная с XVII в. священнослужители обычно читали проповеди на верхненемецком. Более того, верхненемецкий, усвоенный интеллектуалами, выпускниками университетов,

советниками и секретарями канцелярий, стал официальным языком даже в Любеке. Начиная с 1591 г. его использовали для ведения протоколов реестра долгов (Niederstadtbuch), а с 1617 г. – для записей в земельном кадастре (Oberstadtbuch). После 1634 г. его даже использовали для официальных публичных чтений нормативных актов об охране общественного порядка (Bursprake). Очевидно, к тому времени верхненемецкий понимали все. Возможно, на нем говорили даже в некоторых семьях, так как именно на верхненемецком вел свой дневник один член городского совета из Бремена в конце XVI в. Возникает любопытная параллель между взлетом и падением Ганзы и взлетом и падением нижненемецкого языка.

## Литература, университеты

В Средние века в Северной Германии не появлялось оригинальных литературных трудов. Писцы и клерки довольствовались тем, что переводили и пересказывали иностранные произведения, главным образом французские, которые в XIV в. добрались до них либо через Нидерланды, либо через юг Германии. Поэтому в традиционных учебниках по истории немецкой литературы Северная Германия, если и упоминается вообще, занимает лишь небольшое место.

Такой дефицит литературных произведений отчасти объясняется тем, что нижненемецкий никогда не считался подлинно литературным языком. Примечательно, что первый из миннезингеров, Генрих фон Фельдеке, уроженец низовьев Рейна, предпочел написать свою «Энеиду» (1189) на верхне-немецком, хотя его происхождение выдает употребление некоторых выражений из нижненемецкого. Примеру Генриха фон Фельдеке в XIII в. следовали и другие миннезингеры, а также поэт Генрих фон Хальберштадт. Несомненно, им хотелось, чтобы их стихи понимали при блестящих дворах на юге Германии. Позже примеры такого рода стали реже, но бытовало мнение, что самым настоящим языком поэзии служит верхненемецкий.

Эпическая и утонченная поэзия предназначалась в основном для аристократических слушателей. За исключением епископальных городов Нижней Саксонии, где процветала поэзия на латыни, главными центрами литературы были княжеские дворы, среди них двор герцога Брауншвейгского в начале XIII в., а позже дворы маркграфа Бранденбургского и великого магистра Тевтонского ордена. Чуть позже и города захватило увлечение рыцарскими романами. В патрицианских сообществах, где стремились подражать знати, активно распространяли пересказы великих зарубежных шедевров. Судя по всему, ведущую роль в этом процессе играла контора в Брюгге: есть доказательства, что в XV в. там переписывали и переводили французские и фламандские поэмы. Благодаря таким культурным связям появился шедевр нижненемецкой поэзии «Рейнеке-Лис», переведенный Генрихом Лицемером из Любека французский народный «Роман о Лисе». Напечатанный в Любеке в 1498 г., он пользовался огромной популярностью во всей Германии и Скандинавии. В начале

XVI в. «Рейнеке-Лиса» перевели на верхненемецкий язык; он стал прообразом для многих сатирических произведений, где действующими лицами являются животные.

Судя по многочисленным свидетельствам, рыцарская литература очень высоко ценилась в ганзейских городах. Особенно поразительна популярность Девяти достойных, олицетворения идеалов рыцарства и вооруженной добродетели в средневековой христианской традиции. В качестве образца для подражания всем дворянам предлагались три праведных язычника (Гектор, Александр Великий и Юлий Цезарь), три честных иудея (Иисус Навин, Давид и Иуда Маккавей) и три добрых христианина (король Артур, Карл Великий и Готфрид Бульонский). Их статуи украшали зал собраний (Hansasaal) в ратушах Кёльна, Оснабрюка и Люнебурга, а также фонтан в Хильдесхайме и зал собраний «Артурова двора» в Данциге. Не менее примечателен успех романов о короле Артуре. Мода, черпавшая вдохновение в идеалах рыцарства, призывала делать легендарного короля покровителем сообществ и давать его имя местам встреч, изначально пришла из Англии. Ее переняли во Фландрии, а позже она распространилась в различных патрицианских группах в Германии. Наибольшее распространение эта мода получила в прусских городах, возможно благодаря тесным связям Тевтонского ордена с Англией. С начала XIV в. «дворы Артура» учреждаются в Эльбинге, Данциге, Риге и Штральзунде. Другие патрицианские сообщества, особенно в Дортмунде и Данциге, выбирали своим покровителем Рено (Ринальда) Монтальбанского, одного из четырех сыновей Эмона (рыцарей паладина, персонажей средневекового каролингского эпоса). Популярностью эпических легенд объясняется и то, почему огромные статуи, воздвигнутые в Бремене, Риге и Халле, изначально символизировавшие законодательную или экономическую привилегию, стали называться Роландами. Роланд, Артур, Круглый стол и Святой Грааль служили основными темами рыцарских поединков и турниров, которые бюргеры устраивали в подражание знати<sup>[50]</sup>. В XV в. многих горожан при крещении называли именами героев рыцарских романов: Гюнтер, Рюдигер, Роланд, Парис, Александр и т. д. Один бургомистр Любека, Иоганн Розеке, выбрал себе фамилию Парсифаль.



Едва ли удивительно то, что ни один из поэтов, творивших на нижненемецком языке, не черпал вдохновения в истории Ганзы. Нет эквивалента написанному на средневерхненемецком «Доброму Герарду» Рудольфа Эмсского, где героем выступал кёльнский купец. В глазах знати, церкви и народа купец, которого всегда подозревали в незаконной наживе, имел настолько сомнительную репутацию, что ему невозможно было приписать героические и добродетельные поступки. Никто не считал полную приключений жизнь купца, изобилующую опасностями, достойной описания в эпической поэзии. Самое большее, появлялись нравоучительные баллады, повествующие о трагической судьбе пирата Стёртебекера. Гораздо позже, в 1618 г., распространение получила элегия на верхне-немецком языке, которую написал синдик Иоганн Доман, сокрушаясь о безнадежном закате Ганзы.

В ганзейских городах предпочитали другие виды литературы, особенно популярные пьесы и исторические хроники. В начале XV в., когда в результате беспорядков несколько членов любекского городского совета отправились в ссылку, они получили возможность увидеть мистерии, уже популярные на юге Германии. По возвращении домой Круговое общество решило каждый год выбирать из своих членов двух человек, которым поручалось сочинение или заказ пьес. Еще двое должны были представлять пьесы на передвижной сцене. От тех пьес сохранились лишь названия. Одни были христианскими мистериями, другие – переложениями немецких легенд («Кримгильда»), французских циклов («Артур») или античных мифов («Суд Париса»). Подобные же начинания в других городах доказывают, насколько большим успехом пользовались такие представления. Часто они включали в себя элементы сатиры.

Сохранилось гораздо больше исторических трудов. В большинстве ганзейских городов имелись свои летописцы. Сначала они писали на латыни, затем на нижненемецком языке. Самый ранний труд на нижненемецком называется «Саксонская хроника мира» (Sachsische Weltchronik). Она написана в Магдебурге около 1230 г. с предисловием Эйке фон Репкова, который примерно за восемь лет до того составил знаменитый правовой сборник «Саксонское зеркало» (Sachsenspiegel) на остфальском диалекте. В Любеке велась примечательная серия хроник, в основном написанная представителями духовенства. Самая

ранняя из них – «Славянская хроника» (*Chronica Slavorum*), написанная Гельмольдом, священником из Босау (Гольштейн). Она написана между 1168 и 1172 гг. и содержит ценные сведения об основании Любека. Вплоть до 1309 г. ее продолжал Арнольд, аббат бенедиктинского монастыря Святого Иоанна в Любеке. Это не городская хроника; более всего ее автор стремился прославить миссионерскую деятельность династии Вельфов. В конце XIV в. Детмар, францисканский монах, написал хронику Любека на нижненемецком языке. Она дополняла труд мирянина, городского ратмана Иоганна Роде. В XV в. хронику продолжили еще три секретаря. После 1420 г. Герман Корнер написал на латыни и немецком «новую хронику», задуманную как всемирную историю. В середине XVI в. протестантский священник Раймар Кок написал красочный отчет о событиях последнего столетия. Таким образом, история Любека полностью задокументирована в первые 400 лет его существования.

К концу Средних веков интеллектуальная жизнь получила новый стимул благодаря основанию университетов и распространению книгопечатания. Основанный в 1389 г. Кёльнский университет, старейший в Северной Германии, был больше рейнским, чем ганзейским. Там учились лишь немногие студенты из морских портов. Они предпочитали университет Эрфурта, в том числе два будущих бургомистра, Генрих Рубенов из Грайфсвальда и Генрих Мурместер из Гамбурга.

В расположенном на балтийском побережье Любеке, несмотря на его широкое культурное влияние, университета никогда не было. Городу не доставало необходимого для подобных дел покровительства. Зато в Росток в 1419 г. с помощью герцога Мекленбургского появилось первое высшее учебное заведение, которое по праву можно называть ганзейским. В нем часто учились студенты из Нидерландов и Прибалтики, а также скандинавы, которые основали там студенческое братство под покровительством святого Олафа (*Olavsburse*). Сначала дела шли не слишком гладко. Из-за внутренних распрей Росток попал под интердикт Базельского собора, а в 1432 г. – под анафему императора Священной Римской империи Сигизмунда. Университет переехал в Грайфсвальд, где некоторые преподаватели остались даже после того, как конфликт был исчерпан. Грайфсвальд и герцог

Померании воспользовались положением и получили от папы новую грамоту (1456). Университет Грайфсвальда набирал студентов из более ограниченного района, чем Ростокский университет. Довольно большое их количество приезжало из Скандинавии, но из западных ганзейских городов их почти не было.

В конце XV в. на севере Германии стремительно распространялось книгопечатание. Печатный станок появился в Кёльне в 1464 г., в Любеке в 1475 г., в Ростке в 1476 г., в Магдебурге в 1480 г., в Гамбурге в 1491 г., в Данциге в 1498 г. и в Кёнигсберге – в 1524 г. Хотя первым на севере Германии печатный станок появился в Кёльне, тамошние книги не пользовались таким широким спросом, как можно было ожидать. Почти все они были на латыни, дабы удовлетворить потребностям университета. Позже книжный рынок в протестантских городах оказался закрыт для католического Кёльна. Любек снова сыграл ведущую роль в ганзейском мире. Первый из его шести печатников инкунабул, Лука Брандис, приехал из Мерсебурга в Верхней Саксонии. Второй из шести печатников делал попытки распространять новое изобретение по северным землям, в Оденсе в Дании и в Стокгольме (1483). Еще один, Бартоломей Готан, трижды посещал Швецию, затем Финляндию и, наконец, Русь. Там он погиб насильственной смертью, пытаясь внедрить новое изобретение. В Любеке же вышло лучшее издание Библии на нижненемецком языке до перевода Лютера.

После Любека самым активным центром книгопечатания стал Росток, где Братство общей жизни завело в своем монастыре книгопечатный станок (1476). Поскольку Росток был университетским городом, там специализировались на трудах гуманистов на латыни и немецком. Приезд Ульриха фон Гуттена в 1509 г. положил начало переводу фламандских и верхненемецких поэм, среди них «Корабля дураков» Себастьяна Бранта.

Таким образом, в интеллектуальной истории позднего Средневековья Любек и Ганза играли важную роль в распространении в Северной Европе различных форм языка, литературных и научных трудов и новых технологий. Они выступали главным образом в роли посредников, но их роль ни в коей мере не следует преуменьшать.

## **Панорама городов**

Многочисленные северогерманские города в начале XX века по-прежнему демонстрировали архитектурную однородность, которая напоминала об их ганзейском прошлом. Многие из них перестали расти довольно рано – в XV в. в Вестфалии и Саксонии, в XVII в. на востоке – и, следовательно, не были изуродованы безвкусными зданиями XIX в. Но Вторая мировая война причинила им огромные разрушения, навсегда изменив облик этих исторических городов. Особенно достойно сожаления уничтожение несравненной панорамы Хильдесхайма.

По своей архитектуре ганзейские города делятся на две группы, четко различимые по использованным строительным материалам: камень или кирпич. Камень применялся в области от Кёльна до Магдебурга, в том числе почти во всех вестфальских и саксонских городах. Зато кирпич преобладал в приморских областях, от Бремена до Риги, в низовьях Эльбы (Люнебург, Штендаль), в Бранденбурге и Силезии. Кирпичные здания, внушительные, без украшений, суровые, можно считать типичными для Ганзы. Ганзейцы переняли такую архитектуру из Нидерландов и, приспособив ее к себе, в свою очередь, передали странам Северной и Восточной Европы. Различия в строительных материалах подчеркивают разницу изначально германских территорий к западу от Эльбы и колонизированных территорий к востоку от нее. На западе романские церкви Кёльна и Нижней Саксонии, базилики Хильдесхайма и имперский дворец в Госларе принадлежат к доганзейскому периоду и придают городам в той области своеобразие, которое не уничтожили более современные строения. На востоке же почти все архитектурные памятники относятся к готическому стилю, расцвет которого в тех краях пришелся на период между серединой XIII и серединой XVI вв., совпав с расцветом Ганзы.

В типичном ганзейском городе, с более или менее правильным расположением улиц в шахматном порядке, самым главным общественным зданием была ратуша. Построенная на одной стороне прямоугольной рыночной площади, рядом с приходской церковью, она вначале была скромным сооружением, объединенным с залом

собраний торговцев мануфактурой. По мере расширения города ратуша увеличивалась в размерах и пышности и наконец стала использоваться только в качестве административного центра. Большинство тамошних ратуш, за исключением городов Тевтонского ордена, были похожи на ратушу в Брюгге, без колокольни.

В регионе, где применялся камень, старейшая сохранившаяся ратуша находится в Дортмунде. Она построена около 1240 г. Первый этаж занимали суконные ряды, погреб и винный склад; на втором этаже находился зал заседаний городского совета. Самыми пышными являются ратуши Мюнстера, с богато украшенным ступенчатым фронтоном, и Брауншвейга, одно крыло которой возведено в конце XIII в., а второе – в конце XIV в., с богатыми ажурными узорами вдоль аркад верхнего этажа.

В том регионе, где строили из кирпича, образцом служила ратуша Любека, которую постоянно надстраивали в течение 200 лет. Около 1220 г. там появились два скромных здания. В одном из них разместились суконные ряды (Gewandhaus), а во втором – зал собраний. Во второй половине XIII в. два здания объединили двумя фасадами, которые выходят на рыночную площадь и на церковь Святой Марии. В начале XIV в. с восточной стороны рыночной площади к ратуше пристроили еще одно крыло; в нем размещались весовая и банкетный зал. В середине XV в. крыло еще расширили.

В Любеке и в других местах строители вскоре научились выгодно использовать кирпич, не подходивший для скульптурных украшений. Они возводили глухие фасады, скрывавшие даже крыши стоявших позади зданий. Простоту поверхностей разбивали изящные конические колонки, фронтоны, но главное – проемы, глухие или открытые, в виде прямоугольных или круглых окон-розеток, которые каменщики украшали искусной резьбой. Эта техника наиболее успешно воплотилась в пышной и одновременно изящной ратуше XIV в. в Штральзунде.

Дальше к востоку встречается иной тип ратуш, наиболее характерным образцом которых является ратуша в Торне (Торуни). Это просторное, квадратное здание XIV в. с внутренним двором больше похоже на крепость Тевтонского ордена или на итальянский постоялый двор (Fondaco), чем на общественное здание. Оно увенчано колокольней, как ратуши в Бреслау (Вроцлаве), Данциге (Гданьске) и

Ревеле (Таллине), наверное, потому, что в тех краях ратуша дольше служила складом и центром торговли. Вплоть до XVI в. не только купцы, но и ремесленники, мясники и пекари в Торне выставляли в ратуше свои товары.

Помимо ратуш, до наших дней сохранилось несколько общественных зданий, возведенных муниципалитетами начиная с XIV в. Среди них суконные ряды и весовая в Брауншвейге, изящное, наполовину деревянное строение, возведенное в 1534 г., сельдяной склад в Люнебурге, амбары в Любеке и Данциге и т. д. После того как кёльнцы сочли недостаточно вместительным большой парадный зал (где, возможно, появилась Кёльнская конфедерация 1367 г.), в 1441 г. по приказу городских властей возвели здание, специально предназначенное для праздников (Giirzenich). Его бальная зала, размерами 55 на 22 м, была самой большой в Германии. Во всех ганзейских городах купеческие и ремесленные гильдии состязались в сооружении величественных зданий. К ним относятся так называемый Дом храмовников XIV в. или Дом гильдии мясников (1529) в Хильдесхайме (оба разрушены), Artushof в Данциге (1477), дом Сообщества шкиперов (капитанов) в Любеке (сохранились почти в первоначальном состоянии) и дом Большой гильдии в Ревеле (Таллине).

В середине XVI в. на севере Германии распространяется ренессансный стиль, введенный голландскими архитекторами. Правда, его развитие резко оборвалось из-за Тридцатилетней войны, и результатом стали лишь несколько общественных зданий. Среди них очаровательный дворец в итальянском стиле в Висмаре, выстроенный на берегу Балтийского моря, и ратуша в Эмдене, ставшая свидетельницей краткого периода процветания этого города. Правда, Эмден никогда не был ганзейским городом. Помимо этого, новый стиль можно увидеть лишь в пристройках и дополнениях к общественным зданиям. К нему относятся, например, резные лоджии ратуш в Любеке и Кёльне (конец XVI в.) или фасад, пристроенный к готической ратуше в Бремене (начало XVII в.).

Помимо общественных зданий, ганзейские города отличало развитие, особенно начиная с XV в., укреплений, призванных защитить города от угрозы со стороны местных правителей. Старейшей и лучше всего сохранившейся является крепостная стена в

Висбю; длина ее составляет более 3 тысяч метров; она по-прежнему украшена 38 башнями. Хотя в Германии ворота часто были простыми проходами в башне, иногда их размер и украшения возвышали их до уровня монументального искусства. Таковы знаменитые Голштинские ворота (Holstentor) в Любеке (1447). Во владениях Тевтонского ордена военный характер укреплений был еще более выраженным. Каждый город находился под защитой мощного замка ордена, как в Кёнигсберге и Ревеле.

Если общественные здания и укрепления особенно характерны для ганзейских городов, самыми внушительными зданиями там, как и во всей средневековой Европе, являются храмы, которые передают городу свой характер.

С этой точки зрения городской пейзаж Северной Европы очень отличается от других регионов. За несколькими исключениями – такими как Кёльн и Магдебург – в них нет огромных соборов, подавляющих остальные городские храмы своими размерами и пышностью украшений. Превосходство епископальной церкви не воплотилось в архитектуре. Многие важнейшие ганзейские города – Дортмунд, Брауншвейг, Росток, Данциг – не были епархиями. Но даже в Любеке кафедральный собор уступал и размерами, и престижем «купеческой» церкви Святой Марии, самому представительному религиозному сооружению в городе. Уже в романский период в маленьких епископальных городах Нижней Саксонии и Вестфалии, таких как Хильдесхайм, Мюнстер и Оснабрюк, кафедральный собор был не более роскошным, чем остальные храмы.

В ганзейской области на готическую архитектуру сильное влияние оказали французские образцы – либо прямо, как в ранние годы, либо косвенно, через Фландрию, что отчетливо видно на сооружениях, построенных после 1400 г. Возможно, большую роль в распространении готики сыграла контора в Брюгге. Впрочем, там готика не одержала такую же безоговорочную победу, как в долине Рейна. Так, западные фасады редко бывают такими же величественными, как у французских соборов. Они остаются строгими, почти без украшений, без окон-розеток и обычно снабжены одной центральной дверью, не слишком внушительной и почти ничем не украшенной. Колокольни (или, чаще, единственная колокольня),

венчающие западный фасад, даже со скидкой на использованный материал, свидетельствуют о неизменной верности романскому стилю.

Как ни странно, самый первый собор в готическом стиле построили в Магдебурге. Архиепископ Альберт учился в недавно основанном Парижском университете и привез с собой элементы нового стиля. Хоры и трансепт, построенные в 1209–1219 гг., явно сооружены по образцу собора в Лане. Лишь позже, в 1248 г., началось строительство хоров Кёльнского собора, очень похожих на хоры Амьенского собора.

В тех краях, где при строительстве использовался кирпич, самым внушительным памятником стала церковь Святой Марии (Marienkirche) в Любеке. Она оказала большое влияние на многие религиозные сооружения на востоке Германии. Та церковь, которую можно видеть сейчас, заменила собой более раннее строение в романском стиле. На строительство ушло сто лет. В тот период господствовало французское искусство. Влияние Суассона, через посредничество Турне и Брюгге – а может быть, и Висбю – заметно в узких и высоких нефках и проходах, трифории, системе аркбутанов, внутренних галерей и приделов, окружающих хоры. Две колокольни, которые заменили изначальную одну, воздвигли в первой половине XIV в.; они достигали 125 м в высоту<sup>[51]</sup>. Внешний вид, с огромными голыми поверхностями, порталами, лишенными украшений, массивными башнями производит впечатление строгого величия. Внутреннее убранство теперь производит такое же впечатление суровости, но вначале голые кирпичные стены и отсутствие резьбы на колоннах компенсировались картинами.

Церковь Святой Марии стала образцом для ряда церквей в вендских городах, особенно церкви Святого Николая в Штральзунде, которая ближе всего подходит к образцу, но украшена пышнее. Часто западный фасад увенчивает только одна колокольня, как в Висмаре и Росток. Однако церкви этого типа, олицетворяющие французское влияние, превалировали всего около 100 лет. Затем их во многих местах заменили «зальные храмы» с нефами равной высоты, без трансепта, без аркбутанов, всего с одной башней-колокольней. Архитектура такого типа происходит из Пуату; в романский период она распространилась в Вестфалии. Забытая после середины XIII в., она вернулась, особенно в морских портах, во второй половине XIV в. Возможно, образцом послужили фламандские кирпичные храмы,



например храм Святого Жилия в Брюгге. Наряду с церквями Святой Марии в Грайфсвальде и Франкфурте-на-Одере самой внушительной церковью такого типа служит церковь Святой Марии в Данциге (1340–1502).

Поразительно, с какой скоростью строились эти здания. На волне процветания торговый средний класс принимал живейшее участие в строительстве. Церкви символизировали не только крепость их веры, но и гражданскую гордость. В портах самые высокие башни церквей были видны с моря за много миль и задолго до прибытия корабля в порт приветствовали моряков. Поэтому ганзейцы считали эти церкви символами своих родных городов.

## Скульптура

Архитектурой северогерманских городов в основном занимались представители среднего класса, и потому она сохраняла типично ганзейские черты. Того же нельзя сказать почти обо всей скульптуре и живописи, особенно если речь идет о шедеврах. Участие ганзейского среднего класса в скульптуре заметнее всего проявилось в малых формах.

Так как главным строительным материалом в тех краях был кирпич, неудивительно, что каменные скульптуры несравнимы ни по количеству, не по качеству со скульптурами на юге Германии. Выдающиеся скульптурные группы можно видеть на хорах Кёльнского собора, в Хальберштадте и, главное, в Магдебурге. Театральные позы и преувеличенные жесты мудрецов и глуповатых девственниц над западным входом в собор, сооруженные около 1260 г., уже выражают тенденцию к смещению пафоса и карикатуры, которое характерно для немецкого искусства периода позднего Средневековья. Красивая конная статуя Оттона II в натуральную величину на старой рыночной площади, хотя сооружена лишь несколькими годами раньше группы девственниц, гораздо более классична в своей безмятежности. Очевидно, статуя призвана была символизировать законодательную власть судей (Schoffen) города, предположительно предоставленную им этим императором. По характерной для севера Германии традиции, в общественных местах воздвигали различного рода символические статуи. Одним примером служит огромный бронзовый лев, сооруженный по приказу Генриха Льва в 1166 г. перед его замком в Брауншвейге, горделивый символ власти династии Вельфов. Но главными примерами служат статуи Роланда, неясная и многообразная символика которого интерпретировалась совершенно по-разному. Роланды с поднятыми мечами обычно призваны были отображать законодательную власть и закон города в противовес феодальной власти. Вырезанные сначала из дерева, а начиная с XV в. из камня, они не обладают большими художественными достоинствами, но поражают своими монументальными размерами. Высота статуи в Бремене (1404) – более 15 футов (4,5 м). Вместе с тем многочисленные Роланды на севере Германии, от Бремена до Риги, не являются

специфически ганзейскими статуями. Ни одной такой статуи нет ни в Любеке, ни в Вестфалии.

В области Гарца и Вестфалии литейщиков медных сплавов было гораздо больше, чем скульпторов. Однако их произведения принадлежат к более раннему периоду. Колонна Бернварда и бронзовые двери в Хильдесхайме датируются XI в., лев в Брауншвейге – 1166 г. Бронзовые двери Софийского собора в Новгороде (Магдебургские врата), с 26 панелями, на которых изображены сцены из Ветхого и Нового Завета, были завершены к концу XII в. Их изготовили в литейном цеху Магдебурга и, возможно, прислали в подарок от магдебургского архиепископа Вихмана или одного из его преемников архиепископу Новгородскому через ганзейских купцов. Начиная с XIII в., помимо колоколов, монументальных медных пластин и орнаментов, литейщики изготавливали и красиво украшенные купели, такие как в соборе Хильдесхайма (около 1250 г.) и в церквях Святой Марии в Ростке (1290), Висмаре (XIV в.) и шведском Линчёпинге (около 1440 г.). Последнюю купель изготовили в Любеке. Видимо, такие купели доставляли в города по всей Прибалтике, где они заменили каменные купели, ранее изготавливавшиеся на Готланде.

И все же главным видом северогерманского искусства может считаться резьба по дереву, которая распространилась начиная с XIV в. Города, купеческие и ремесленные объединения, а также отдельные бюргеры стремились украсить свои храмы статуями, резными панелями, сиденьями на хорах и запрестольными образами. Самым характерно «ганзейским» даром такого рода стали четыре панели, подаренные «новгородскими гостями» из Штральзунда церкви Святого Николая в XIV в. На них изображены бородатые русские в высоких остроконечных шапках, вооруженные луками и дубинками. Они охотятся на горностая и белку в лесах и передают мешки немецкому купцу у ворот «Немецкого подворья». В церкви Святой Марии в Любеке сиденья оформлены примерно в том же стиле, только не так ярко; они стали подарком компаний из Скании, Бергена и Новгорода начала XVI в. Более выдающимся произведением стал запрестольный образ, заказанный в 1424 г. гамбургскими «английскими гостями» мастеру Франке, чья резная панель с изображением Рождества

Христова считается одним из самых красивых произведений этого вида искусства.

Запрестольные образы – несомненно, самые примечательные творения севера Германии. Резьба и живопись здесь тесно сочетаются, иногда выполнены одним и тем же художником, и часто трудно отличить руку мастера от руки его учеников. В степени реализма и палитре угадывается фламандское и бургундское влияние. Самым первым из великих мастеров считается Бертрам из Миндена (ок. 1340 – ок. 1415), создатель запрестольного образа церкви Святого Петра в Гамбурге (так называемый Грабовский алтарь). Когда этот алтарь-складень раскрыт, ширина его достигает 7,2 м; алтарь состоит из 46 резных фигур и 24 сцен, нарисованных на золотом фоне на сюжеты из Книги Бытия, детства Христа и Страстей Христовых. Похоже, что Бертрам в первую очередь был художником, как и Конрад из Зоста и мастер Франке, тоже уроженцы Гамбурга (начало XV в.). В то же время величайший из них, Бернт Нотке, был равно одарен как художник и как скульптор.

Если какой-то художник и заслуживает того, чтобы его называли ганзейским, то это Бернт Нотке (ок. 1440–1509). Он родился в семье богатого померанского купца, поехал в Любек, чтобы изучать искусство. Там в 1467 г. он стал «вольным мастером» и бюргером, освобожденным, несомненно благодаря семейным связям, от обязанности вступать либо в гильдию ювелиров, либо в гильдию живописцев. В 1483–1491 гг. он жил в Стокгольме, где какое-то время работал мастером на шведском королевском монетном дворе. Затем он вернулся в Любек, а оттуда совершал поездки в Нидерланды, Пруссию, Данию, на юг Германии и даже в Италию, где попал под влияние Мантеньи. Он сделал блестящую карьеру; его произведения можно видеть во многих ганзейских городах, а также по всей Скандинавии, в Финляндии, в странах Прибалтики и во Франкфурте-на-Майне. Самыми главными его шедеврами считаются картины «Пляска смерти» в Любеке и в Ревеле, а также «Проповедь святого Григория» в Любеке, хотя последняя атрибуция неточна. В скульптуре его шедеврами являются украшение распятия в Любекском соборе и, главное, «Святой Георгий» в церкви Святого Николая в Стокгольме (1489). Эта огромная композиция высотой в 3,5 м была заказана Стеном Стуре, регентом Швеции, в знак исполнения обета, принятого

им в 1471 г., когда его войска собирались на решающую битву с датчанами. Несомненно, эти творения – шедевры Нотке и, помимо того, шедевры ганзейской скульптуры. По удачному выражению Пиндера, это «северный аналог Коллеони из Вероккьо», приблизительно того же периода. Обе скульптуры представляют собой конные статуи. Но на том сходство и заканчивается. Коллеони, отлитый в бронзе, – произведение нового искусства во всей его суровой простоте, призванное восхвалять вызывающий индивидуализм, добродетель кондотьера эпохи Возрождения. Святой Георгий, выполненный из раскрашенного дерева, – произведение средневекового христианского художника, который хочет рассказать поучительную историю с помощью скульптуры. Помимо центральной группы, состоящей из святого Георгия, который борется с драконом, на постаменте стоит коленопреклоненная принцесса, которую принесли в жертву чудовищу. Сам постамент выполнен в форме укрепленного замка, в то время как постамент центральной группы украшен несколькими барельефами, представляющими сцены из жития святого.

Исполнение этой центральной группы выдает мастерство честного художника, влюбленного в свое искусство, который получает радость, вырезая мельчайшие детали конской сбруи и доспехов всадника, сверкающих драгоценностями; статуя инкрустирована золотом и богато раскрашена. Небольшое углубление в груди героя, закрытое металлическим щитом, содержит подлинные реликвии, показывающие, как далеко может завести страсть к истине. Однако склонность Нотке к реализму больше всего демонстрирует дракон. Перед нами не отвратительный ящер, которого можно встретить во многих трактовках того же сюжета, но поистине ужасное чудовище, покрытое многочисленными острыми шипами, чешуей, свирепо разинувшее пасть, лежащее на груде костей, черепов и изуродованных тел. Вся сцена дышит движением. Ярость битвы выражена в разбитом обломке копья, пронзившем пасть дракона, в том, что шлем святого упал на землю, в том, как он замахивается мечом и как его конь встал на дыбы. Над всей сценой доминирует бесстрастное лицо святого Георгия, уверенного в победе. В то время как Нотке способствовал прославлению шведской национальной династии, приукрасив агиографический канон, он облагородил сюжет и превратил его в

интерпретацию одной из величайших нравственных идей христианства: победы добра над злом.

Однако как художник Нотке, подобно другим мастерам из Любека и Вестфалии, уступал художникам кёльнской школы, мастеру Святой Вероники (около 1400) и, главное, Стефану Лохнеру, уроженцу Констанца, чей запрестольный образ «Поклонение волхвов» (около 1450) последние 150 лет считается шедевром средневековой немецкой живописи.

В произведениях художников, как и у поэтов, редко можно найти поистине ганзейские сюжеты. Необычайная популярность святого Георгия, который побеждает дракона, возможно, и служит характерной чертой, особенно в Пруссии и прибалтийских странах. Там битва Георгия со змием является аллюзией на борьбу тевтонских рыцарей с литовцами-язычниками, которая продолжалась до XV в. Довольно часто можно было встретить изображения святого Николая, покровителя моряков. Примечателен алтарь церкви Святого Николая в Ревеле работы Германа Роде, где святой приветствует моряков, потерпевших кораблекрушение. Еще более трогательна наивная картина неизвестного художника в церкви Святой Марии в Любеке. На картине изображено крушение в 1489 г. торгового судна Ганса Бена, идущего в Берген. Под распятым Христом изображен корабль, разбитый штормом, и моряки, которые пытаются спастись.

Произведения немецких художников и скульпторов высоко ценились не только в Германии. Заказы поступали из всех прибалтийских стран. В результате наладилась регулярная торговля произведениями искусства, степень значимости которой трудно оценить. По подсчетам Райнке, в XV в. из Любека в страны Прибалтики, Финляндию и Скандинавию вывезли около 300 резных или расписанных панелей. Об этом сейчас свидетельствует лишь местонахождение тех или иных произведений. Но благодаря счастливой случайности сохранились сведения о передвижении запрестольного образа с изображением Троицы, предназначенного для доминиканской церкви в Ревеле. Заказанный в 1419 г. купеческим объединением «Братство Черноголовых» (Schwarzhaupter), алтарь был вырезан местным художником. Морем его послали в Любек – не заплатив за фрахт ввиду сущности «товара». Далее его по суше доставили в Гамбург, в студию мастера Франке, который расписал и позолотил его, за что в счет

оплаты получил два куска воска, оцененного в 80 марок. На работу ушло 7 лет, и лишь в 1436 г. законченный запрестольный образ снова увезли в Ревель, где освятили.

Немцы не только экспортировали, но и импортировали произведения искусства. Благодаря авторитету фламандских художников и тесным связям с Брюгге многие ганзейские города покупали произведения фламандских и голландских мастеров для своих церквей. Так, внушительный запрестольный образ «Страсти Христовы» Мемлинга был подарен каноником Адольфом Гревераде кафедральному собору Любека. Еще более знаменит триптих «Страшный суд» того же мастера в церкви Богоматери в Данциге. Однако попал он туда не после покупки. Триптих заказал Аньоло Тани, агент банка Медичи в Брюгге, и он предназначался для флорентийской церкви. Однако в море корабль, на котором везли триптих, захватил пират Пауль Бенеке. Он передал триптих церкви своего родного города. Это единственный в ганзейском мире пример похищенного произведения искусства, по сравнению с куда более частыми грабежами, характерными для венецианцев на Ближнем Востоке.

В XVI в., под влиянием фламандского искусства, на севере Германии набирала популярность портретная живопись. Как во Фландрии, граждане, которые собирались подарить картину церкви, просили изобразить себя в виде коленопреклоненных фигур. Самым примечательным образцом такого искусства служит запрестольный образ, подаренный церкви Святой Марии в Любеке бургомистром Генрихом Брёмсе около 1515 г. Картина восхитительно запечатлела основные черты местной патрицианской семьи. Рядом с бургомистром, одетым в пышную меховую шубу, изображены шесть его сыновей. Один из них позже тоже стал бургомистром Любека и прославился даже больше отца как верный сторонник римско-католической веры и соперник Вулленвевера. Второй сын стал советником, третий – купцом в новгородской компании, четвертый – старшиной в лондонской конторе. Столь же информативен и портрет Матиаса Мюлиха работы Якоба из Утрехта. Этот портрет крупного любекского купца и уроженца Нюрнберга кисти голландского художника символизирует упадок Ганзы. Но самыми лучшими сохранившимися портретами ганзейцев являются произведения Ганса Гольбейна из Аугсбурга, написанные в 1532 г. в Англии. Самым ярким является портрет Георга

Гизе из Данцига, купца с лондонского «Стального двора». Гизе изображен за столом с чернилами и пером, бухгалтерскими книгами и шкатулкой с деньгами.

В XVI в. на искусство Северной Германии оказало глубокое влияние нидерландское искусство, до такой степени, что оно стало просто его продолжением. Северогерманская живопись почти полностью избежала влияния Италии и классической античности. Северных художников не привлекали ни светские сюжеты, ни изучение человеческого тела. Обнаженное тело можно увидеть редко, и лишь в связи с сюжетом об Адаме и Еве. Это составляет разительный контраст с Южной Германией. Можно сказать, что северные художники, хотя и вдохновленные фламандским влиянием, в XVI в. гораздо больше хранили верность средневековой традиции, чем на юге Германии. И здесь проявился свойственный Ганзе консерватизм.



# **Часть третья**

## **Кризисы и спад**

## **Глава 12**

### **Угрозы множатся (1400–1475)**

#### **Неблагоприятные обстоятельства**

XV в. отмечен постепенным упадком Ганзейского союза. Вначале он был едва различимым на фоне новых очевидных успехов, но ко второй половине столетия стал вполне заметным: в то время общая тенденция развития, как в экономике, так и в политике, почти всегда оказывалась неблагоприятной для Ганзы.

В тот период в Северной Европе укреплялась монархическая власть. Правители XIV в., часто более гостеприимные по отношению к иностранцам, чем к своим подданным, осыпали Ганзу привилегиями и защищали ганзейскую торговлю в своих владениях. Позже они должны были отдавать предпочтение собственным купцам и потому уже не так стремились ограничивать их особые права, особенно в денежных вопросах, в пользу иностранцев, или требовать строгого соблюдения привилегий, предоставленных их предшественниками. Ганза, которая не опиралась ни на какую государственную власть, была не в том положении, чтобы твердо и последовательно отстаивать свои права. Ганзейскому союзу оставалось прибегать лишь к экономическим видам защиты: приостановке торговли и переводе конторы из Брюгге. Хотя подобные меры в прошлом были эффективными в борьбе с городами и удельными княжествами, они оказались почти бесполезными против крупных, объединенных государств.

В Нидерландах, жизненно важной области для ганзейской торговли, политическое направление было особенно пагубным для интересов Ганзы. До второй половины XIV в. Ганза извлекала пользу из тамошней раздробленности. Нидерланды делились на множество стран – графства Фландрия и Эно, герцогства Брабант и Гелдерн, княжество Голландия, епархии Утрехт и Льеж. Все изменилось с ростом Бургундии. В 1384 г. Филипп Смелый унаследовал Фландрию, Антверпен и Мехелен. Шесть лет спустя герцогиня Жанна оставила ему Брабант и Лимбург. Расширение герцогства ускорило в начале

XV в.; в его третьем десятилетии, в результате завоеваний и пресечения побочных ветвей рода, Филипп Добрый оказался владельцем почти всех Нидерландов, от Голландии до Пикардии.

Ганза почти ничего не могла противопоставить такому мощному объединению. Еще серьезнее было то, что Бургундия энергично поддерживала ее самых опасных конкурентов, голландцев, способствуя их быстрому успеху. Объединение Нидерландов под властью Бургундского дома следует считать одним из главных факторов упадка Ганзы.

К счастью, политическая обстановка в Англии и Скандинавии была более благоприятной для Ганзейского союза. В 1414–1472 гг. англичане были ослаблены Столетней войной и Войной роз. Хотя ганзейцы страдали от нападений пиратов в Ла-Манше и Северном море, тем не менее раздробленность Англии позволила им получать льготы и привилегии у одного короля за другим. Несмотря на многочисленные притеснения, именно в Англии им лучше, чем где бы то ни было, удавалось сохранять свои позиции.

В Скандинавии серьезную угрозу могло представлять провозглашение Кальмарской унии. Три государства, объединившись под властью королевы, вполне могли образовать политический и экономический блок, наносящий ущерб интересам Ганзы. Последующие события показали, что такие страхи оказались беспочвенными, и доказали мудрость руководителей Ганзы, поддержавших Маргариту против ее соперников из Мекленбурга. В XV в. Ганзе еще приходилось мириться с датским владычеством, но уния трех королевств оставалась строго личным делом и вскоре была подвергнута сомнению. Образованию объединенного государства мешали слабость правителей и преобладание местнических интересов. Поэтому Ганзе удалось сохранить свое влияние в Скандинавии, хотя и там, как в других местах, ее монополию нарушали голландцы.



Ганзейские города (XIV–XV вв.)

На востоке уния 1386 г. между королевством Польским и Великим княжеством Литовским не слишком меняли общее положение. В одном смысле христианизация Литвы, последнего оплота язычества в Европе, благоприятствовала проникновению Ганзы в страну. Более серьезным ударом стало поражение Тевтонского ордена при Танненберге в 1410 г. Авторитет Тевтонского ордена, который немало способствовал росту престижа Ганзы, оказался подорван. Долгий период смуты, пагубной для торговли, окончился Торуньским миром в 1466 г. По условиям мирного договора Восточная Померания, устье Вислы, Торн, Данциг и Эльбинг переходили в руки поляков. И все же эти политические потрясения не имели продолжительного влияния на ганзейскую торговлю, что доказывает последующее развитие Данцига (Гданьска).

Севернее, в Ливонии, поражение при Танненберге почти не повлияло на положение Тевтонского ордена и Ганзейского союза. Зато обстановка сильно изменилась из-за упадка Новгородской республики

и присоединения Новгорода к Московскому княжеству в 1478 г. Возвышение Московского государства, правители которого враждебно относились к иностранцам, представлял для Ганзы, как и для всех немцев, серьезную угрозу, которая в полной мере дала о себе знать менее века спустя.

В XV в. укреплялись не только иностранные, но и немецкие государства. В результате местные правители все больше оказывали влияние на города, которые вынуждены были гораздо ожесточеннее, чем раньше, обороняться против вмешательства в их дела. Постоянное истощение их военных и финансовых ресурсов стало еще одной причиной безвозвратного упадка некоторых ганзейских городов, особенно в Вестфалии и Нижней Саксонии.

Еще губительнее, чем политические события, подействовали на Ганзу факторы экономического развития Северной Европы в XV в. Самым важным из них было расширение коммерческой деятельности голландцев и выходцев с юга Германии. Против них ганзейцы могли прибегать лишь к одному средству: ужесточению собственного торгового права. Они получали сиюминутные преимущества, но в целом они лишь подчеркивали свою неполноценность по сравнению с конкурентами. Опять же, укрепление прямых связей между Балтикой и Западной Европой через Зунд сильно ослабляло положение Любека как транзитного порта, соединявшего Восток и Запад, который контролировал традиционный сухопутный маршрут через Голштинский перешеек. Худшим следствием такого соперничества двух торговых путей, наверное, стал рост разногласий между прусскими и ливонскими городами, с одной стороны, и вендскими городами – с другой. Начиная с того времени ясно прослеживалось ослабление солидарности между городами из разных областей, которая раньше составляла основу Ганзы. Наконец, все более выраженное распыление торговли на многих рынках повсюду, за исключением Англии, играло на руку иностранным конкурентам. Несмотря на то что такое распыление давало возможности для личной прибыли, оно разрушало систему экономического регулирования, на которой была основана Ганза.

Хотя уже в начале XV в. сложившаяся конъюнктура не сулила Ганзе ничего хорошего, последствия начали ощущаться не сразу. И немцам, и внешнему миру Ганзейский союз казался сильным и процветающим.

В союз принимали новые города, коммерческая деятельность распространилась на Финляндию, Исландию и Португалию. В XIV в. Ганзу признали великой державой, и, несмотря на серьезные признаки слабости, она сохраняла свой авторитет весь XV в.

## **Конституционный кризис в Любеке**

В Любеке первые годы XV в. ознаменовались опасным конституционным кризисом, который на протяжении нескольких лет угрожал самому существованию Ганзы. Восстания мясников в 1380 и 1384 гг. продемонстрировали глубокое недовольство людей исключительностью патрицианской власти. В то время городские финансы оскудели из-за войны с «виталийскими братьями» и высокой стоимости строительства канала Эльба – Траве. В 1403 г. городской совет вынужден был признаться в том, что город находится в тяжелом положении, и просить Ганзейский союз одобрить новый налог. Несмотря на жесткий отпор сначала пивоваров, а затем ремесленников, городской совет все же настоял на своем, отменив специальную присягу на верность, которую навязали гильдиям в 1386 г. Но через два года совету пришлось предложить еще один налог в размере одного пенни с бочки пива. Взамен отцы города согласились с образованием консультационной комиссии из 60 человек, уполномоченных сообществом. Вскоре эта комиссия стала рупором для недовольных. Ее представители передали в городской совет длинный список жалоб. Они критиковали общую политику города, избыточную стоимость Ганзейских соборов и посольств, нарушение прав гильдий, налоги, льготы, предоставляемые нюрнбергским купцам, и т. д.

«Комиссия шестидесяти» присвоила себе контроль над различными ветвями муниципальной власти. Конфликт ожесточился, когда она потребовала конституционных реформ, которые гарантировали бы сообществу право голоса при выборе советников, которые раньше просто кооптировались. После многочисленных отговорок городской совет в 1408 г. вынужден был уступить народному давлению. 15 из 23 членов совета, включая четырех бургомистров, немедленно отправились в добровольную ссылку. Победители сразу же избрали новый совет из 24 человек, половина из которых избиралась ежегодно, и учредили избирательную систему, которая гарантировала гильдиям представительство, равное с представительством купцов и рантье. Произошел полный раскол. На протяжении 8 лет старый и новый

советы противостояли друг другу; каждый стремился добиться признания в качестве законной муниципальной власти.

Поскольку Любек был имперским городом, новый совет попытался заручиться покровительством императора Рупрехта. Члены нового совета присягнули ему на верность от имени города, что отказывался делать прежний, патрицианский совет, и выплатили долги по имперским налогам. Взамен Рупрехт предоставил горожанам право избирать собственный совет. Тем временем и ссыльные не сидели сложа руки. Под руководством бургомистра Йордана Плескова, искусного дипломата, они подали жалобу в верховный суд Священной Римской империи, и тот годом спустя издал довольно двусмысленный вердикт, предложив Любеку восстановить ссыльных в правах. Новый совет ответил довольно грубо, конфисковав имущество ссыльных и отказавшись подчиняться требованиям имперского суда. Поэтому в начале 1410 г. Рупрехт объявил город вне закона, но, поскольку вскоре после того он умер, дело осталось в подвешенном состоянии.

Конфликт породил беспокойство в ганзейском мире. Риску подвергалось само существование союза, ведь Любек, его «глава», больше не мог осуществлять свое руководство. «Купечество уже не знает, к кому обращаться», – жаловалась контора в Брюгге. Все попытки примирения оказались бесплодными. Вскоре стало очевидно, что большая часть городов, также управляемых аристократией, на стороне старого совета. С другой стороны, Любек получил поддержку от тех городов, где, по его примеру, поднялась демократическая фракция. Висмар и Росток пересмотрели свои законы в пользу гильдий и перешли на сторону Любека. Не прибегая к таким же мерам, Гамбург учредил комиссию из 60 членов, которая вмешивалась в муниципальные дела и добилась изгнания любекских ссыльных, которым пришлось перебраться в Люнебург. Кроме того, Любек добился нейтралитета великого магистра Тевтонского ордена тем, что помог ему в войне с Польшей.

Самой насущной необходимостью стало дальнейшее функционирование Ганзы, поскольку Любек, объявленный вне закона Священной Римской империи, больше не мог исполнять свою традиционную роль главы союза. Ганзейский собор, который созвали в Гамбурге, постановил, что впредь конторы должны именно туда направлять свои письма. Но поскольку и Гамбург вызывал подозрения



из-за своих демократических тенденций, на его место выбрали Штральзунд, хотя в то время главой Ганзы до какой-то степени сделался Люнебург, одновременно саксонский и вендский город, ставший прибежищем для ссыльных.

Конфликт углубился, когда Йордан Плесков в 1411 г. приехал в Брюгге и, основывая свою претензию на постановлении имперского суда, который объявил незаконной конфискацию имущества ссыльных, потребовал у конторы, у четырех фламандских городов – членов Ганзы и у герцога Бургундского конфискации собственности Любека на сумму в 4 тысячи марок золотом (256 тысяч гульденов), приблизительно равную стоимости конфискованного имущества. Исполнение его требования было равносильно закрытию конторы. Однако ход Плескова, призванный заставить контору поддержать ссыльных, увенчался полным успехом. Когда в Брюгге прибыла делегация из Любека, чтобы потребовать от конторы верности новому городскому совету, контора разорвала отношения с Любеком. Вскоре после того, не выполнив свою угрозу, Плесков отправился в Пруссию, чтобы просить великого магистра запретить Любеку вести торговлю в его владениях.

Тем временем в 1411 г. императором Священной Римской империи выбрали Сигизмунда, и ссыльные попросили его подтвердить объявленный его предшественником статус Любека. Поскольку новый совет вновь отказался подчиняться имперским требованиям, Сигизмунд признал права старого совета. Правда, он не стал продлевать положение Любека вне закона. Ганзейские города, которые ждали такого решения, чтобы исключить Любек из Ганзы, не посмели выполнить свое намерение. Дело зашло в тупик.

Новый совет не пал духом. Его представители просили императора продлить привилегии Любека и предложили ему в подарок 6 тысяч гульденов. Сигизмунд потребовал 24 тысячи гульденов; за эту сумму он соглашался отменить наказание, наложенное его предшественником, и объявил, что Любек пользуется его покровительством. Однако вскоре оказалось, что ни о какой милости императора говорить не приходится. Стороны договорились, что Любек заплатит 16 тысяч гульденов либо в Париже, либо в Брюгге в День Всех Святых 1415 г. Скорее всего, новому городскому совету не удалось собрать нужную сумму. К назначенному сроку деньги не были

уплачены без всякого объяснения. Сигизмунд в ярости отозвал все привилегии, предоставленные несколько месяцев назад, и потребовал, чтобы Любек подчинялся прежнему городскому совету. Тем временем на город обрушился новый удар. Эрик Датский пошел войной на Любек, приказав арестовать всех любекских купцов в Скании.

Новый совет смирился с поражением и в мае 1416 г. принял мягкие условия, предложенные делегацией от семи вендских и померанских городов. Десять оставшихся в живых членов старого совета, в том числе Йордан Плесков, вернулись в город и кооптировали в совет пятерых своих прежних коллег, которые оставались в Любеке. Затем эти пятнадцать патрициев кооптировали в совет двух членов Кругового общества, пятерых купцов и пятерых членов нового совета. Возможно, последняя уступка сыграла главную роль в ослаблении напряжения, но в политическом смысле она большого значения не имела. Патриции снова стали полными хозяевами в городском совете. За простолюдинами строго надзирали; 96 гильдий обязали принести присягу на верность, потребовав от них согласия на обложения налогом для выплаты долга Сигизмунду, который сократился до 13 тысяч гульденов. Таким образом, городские власти заново ввели две из тех мер, которые больше всего возмущали простых горожан. И в соседних городах восстановилась прежняя власть, в Висмаре – герцогом Мекленбургским, в Ростоке и Гамбурге – делегатами от Ганзы.

Самым поразительным во всем происходящем можно считать умеренность, выказанную обеими сторонами в долгом конфликте. За те восемь лет, что новый совет управлял городом, он не призывал к насилию по отношению к своим врагам. И после реставрации власти патриции казнили всего двух или трех человек. Вот хороший пример «ганзейской мудрости», которая избегала эксцессов и была основана на глубинной солидарности, преодолевавшей любой антагонизм. Печальным контрастом событиям в Любеке стала резня, устроенная в тот же период во фламандских городах.

Кризис продемонстрировал силу патрицианской системы правления на севере Германии, которая заручилась поддержкой почти всех городов, а также местных правителей. Невозможно было представить, чтобы Ганза опиралась на гильдии и мелких купцов и была враждебно настроена по отношению к «лучшим семьям». Однако произошедшие

события выявили также непостоянство и продажность императора. Ему предложили прекрасную возможность стать главой и защитником Ганзы. Более того, и города, и контора в Брюгге умоляли его так поступить уже после кризиса. Но Сигизмунд, запутавшись в паутине противоборствующих интересов и разочарованный тем, что Ганза не стала для него источником дохода, практически ничего не сделал для восстановления ее престижа за границей. Его отношения с Любеком оставались напряженными. Вскоре главы Ганзы осознали, что Священная Римская империя не окажет им ту поддержку, в которой они нуждались.

Кроме того, кризис испытал силу Ганзы. Как только он закончился, города, по общему согласию, еще больше сблизились. В 1417 г. Любек заключил союз с другими вендскими городами. Вне союза остался лишь Гамбург, который не вступал туда пять лет. Ганзейские соборы, которые проходили в Любеке в 1417 и 1418 гг., считаются одними из самых важных в истории союза. Особенно представительным стал второй из них. На нем присутствовали делегации из 35 городов, из всех трех третей, а также посланники императора, Тевтонского ордена и архиепископа Бременского. Герцоги Шлезвига и Мекленбурга прибыли лично.

По наущению председательствовавшего на соборе Йордана Плесскова собор под именем «устава» выпустил нечто вроде ганзейской хартии в 32 статьях. Ничего особенно нового не предлагалось, но хартия подтвердила прежние указы касательно торговых, морских, правовых и денежных вопросов. Самыми важными оказались первые четыре статьи. Для предотвращения в будущем попыток мятежа всех агитаторов в любом ганзейском городе надлежало арестовать, содержать под стражей и казнить. Город, в котором существующий совет целиком или частично лишали полномочий, подвергался исключению из Ганзы, если не подчинится предписаниям представителей Ганзейского союза.

Было решено зачитывать хартию публично всех ганзейских городах. Данная мера вызвала резкую реакцию. На самом деле хартия стала попыткой ограничить автономию городов. Исключения единственного члена городского совета оказывалось достаточно для вмешательства других городов. В Штеттине из-за народного давления совет вынужден был отказаться от публичных чтений. В Штаде граждане настояли на

пересмотре конституции. В Бремене толпа разорвала хартию и сожгла ее на рыночной площади. Ганза сурово расправилась с первыми двумя городами, постановив исключить их из союза. Такая мера вынудила мятежные города подчиниться, и им пришлось заплатить штрафы в размере 2 тысяч и 500 гульденов соответственно и публично зачитать хартию. Бремен Ганза наказала косвенно, но после тщетных попыток примирения в 1427 г. город исключили из Ганзы и вся торговля с ним была приостановлена. В результате там начались беспорядки: убили бургомистра и созвали народный совет. Лишь в 1433 г. Бремен вернул прежний совет, и его снова приняли в Ганзейский союз без уплаты штрафа. В остальных городах хартию приняли без серьезных волнений.

Ганзейский собор 1418 г. также торжественно подтвердил преимущество Любека внутри союза. На том основании, что соборы созывались редко – трудно было собрать делегатов вместе, – собор попросил Любек и его соседей, то есть вендские города, принять на себя политическое руководство Ганзой<sup>[52]</sup>. На самом деле Любек уже давно играл ту роль, которую ему предложили, но тем самым ему сделали большой комплимент, что помогло укрепить его авторитет, официально сделав главой Ганзы.

Плесков и власти Любека надеялись на большее. Сознывая слабость Ганзейского союза по сравнению с его врагами, особенно Данией и местными правителями, они хотели превратить чисто экономическую организацию в политический и военный союз, члены которого обязаны будут платить регулярные взносы в общий фонд и в случае войны предоставлять необходимое количество солдат. Предложили план такого союза, который на первом этапе был рассчитан на 12 лет. Возглавлять его должен был Любек, и он должен был носить новое название, *tohopesate* (буквально «стоящие вместе»). Составили список из 40 городов с указанием количества пехотинцев и арбалетчиков, которые должен был предоставить каждый из них. Предлагались и способы мобилизации. Тевтонский орден отверг этот план, и дело зашло в тупик. Однако к 1418 г. Ганза полностью преодолела потрясший ее глубокий кризис. Союз казался даже сильнее, чем раньше, и не без оснований историки иногда считают эпоху около 1430 г. расцветом ганзейской мощи.

## **Упадок Тевтонского ордена и новгородской конторы**

В начале XV в. положение входившего в Ганзу Тевтонского ордена как будто упрочилось. Рыцари неоспоримо владычествовали над Пруссией и прибалтийскими странами, особенно после 1398 г., когда орден добился официального признания своей власти над западными районами Литвы и Жемайтии, что облегчило сообщение между двумя частями владений ордена. В том же году Тевтонский орден закрепился на Готланде. Казалось, что такое положение предшествует дальнейшей экспансии на Балтике, направленной против Дании, в то время союзницы Ганзы. И в экономике положение выглядело неплохим: Тевтонский орден наращивал экспорт на запад зерна, древесины и янтаря.

Однако мощь Тевтонского ордена были скорее кажущейся, чем реальной. Прусским представителям знати трудно было подчиняться тирании рыцарей. Поскольку почти все рыцари прибыли из-за пределов страны, в Пруссии их считали чужаками. В 1397 г. местные аристократы образовали Союз ящеров, который в своих интересах поддерживала Польша. Прусские города возмущала торговая конкуренция со стороны Тевтонского ордена, а также особые привилегии, предоставленные его купцам, в том числе право первыми взыскивать долги, освобождение от налога с веса и нарушение запрета на экспорт зерна. Сама Ганза с подозрением относилась к намерениям великого магистра на Балтике и его эгоистичной политике. В 1407 г. именно Ганза принудила великого магистра вернуть Готланд Дании. Но самым грозным противником Тевтонского ордена стал король Владислав Ягелло, правитель Польши и Литвы. Он поддерживал прусских недовольных и систематически препятствовал торговле Пруссии в Польше. Объявив Краков основным оптово-экспортным рынком, он запретил купцам Тевтонского ордена ездить в Венгрию и напрямую покупать медь на тамошних рудниках. Вступив в сговор со Штеттином, Владислав Ягелло поощрял польских купцов возить товары по Варте и Одере в ущерб пути в низовьях Вислы.

В таких условиях великий магистр Ульрих фон Юнгинген объявил войну Польше, которая окончилась катастрофой 15 июля 1410 г. В сражении при Танненберге (Грюнвальдская битва) великий магистр и

тысячи его рыцарей пали на поле боя. Аристократы, епископы и прусские города немедленно подняли мятеж и присягнули на верность Владиславу. Города выгнали гарнизоны Тевтонского ордена и попросили у короля расширенные привилегии. Однако вначале поражение ордена не казалось непоправимым. Новый великий магистр, Генрих фон Плауэн, успешно защищал замок Мариенбург, который поляки так и не сумели взять. В 1411 г. он подписал так называемый Первый торуньский мирный договор, условия которого были сравнительно благоприятными. Тевтонский орден заплатил большой выкуп за своих пленных, но лишился лишь небольшого округа Добрин (Добжин) и, временно, Жемайтии. Рыцари восстановили свою власть над городами, казнили бургомистров Торна и Данцига и с тех пор объединились с гильдиями против патрициата.

На самом деле власть и процветание Тевтонского ордена подошли к концу. Ослабленный внутренним расколом, который в 1413 г. окончился низложением Генриха фон Плауэна, в следующие 50 лет орден вел войну с Польшей и Литвой, а также с прусскими аристократами и прусскими городами. Эти конфликты опустошали страну, подрывали финансы и торговлю тевтонцев. В попытке восстановить свой авторитет орден, с одобрения императора Сигизмунда, объявил крестовый поход против гуситов. Действия ордена вызвали опустошительную контратаку, в результате которой гуситы в 1433 г. дошли до окрестностей Данцига. К середине века борьба стала отчаянной. В 1440 г. около 40 прусских аристократов и 20 городов, в том числе Торн и Эльбинг, настроенные решительнее прочих, образовали союз в защиту своих прав. Союз подал жалобу императору Фридриху III, из которой ясны причины недовольства городов, особенно Данцига. Тевтонский орден нарушал его привилегии, чинил произвол, запрещая импорт и экспорт товаров и предоставляя особые льготы иностранным купцам. Служащие Тевтонского ордена нарушали преимущественное право покупки, осуществляя тиранический контроль над кораблями в устье Вислы. Главное же, они повысили пошлину с веса, не предоставив подобного права городам. Поскольку император не вмешивался, в 1454 г. союз объявил великому магистру войну, свергнул его и предложил союз королю Польши Казимиру IV, который принял предложение и вступил в коалицию. Союз даже пытался склонить на свою сторону Ганзу,

которая, впрочем, хранила нейтралитет. Война продолжалась 13 лет; ее вели как на суше, так и на море – данцигские пираты серьезно осложняли ганзейскую торговлю с Ливонией. Кульминацией стало уничтожение государства Тевтонского ордена. По условиям Второго торуньского мира (1466) Польша получала права правления над всей Западной Пруссией, обоими берегами Вислы, за исключением Мариенвердера, но включая Мариенбург. Орден перевел свою штаб-квартиру в Кёнигсберг. В его владениях осталась лишь часть Восточной Пруссии, а великий магистр стал вассалом короля Польши.

Крах Тевтонского ордена стал роковым для положения немцев на востоке, однако нельзя утверждать, что он пагубно сказался на ганзейских интересах. В некоторой степени Ганза пострадала от последствий плохой репутации, которую приобрел один из ее самых ярких участников. Зато она освободилась от торговой конкуренции и эгоистичных методов правления. Амбициозные планы Тевтонского ордена часто становились поводами для страха. Судя по тогдашним хроникам, общественное мнение в ганзейском мире в целом было враждебным по отношению к ордену. Хотя прусские города пострадали за время войны, упадок Тевтонского ордена был им выгоден, как и смена правления. В особенности выгадал Данциг, который получил такую автономию, о какой раньше не мечтал. Кроме того, город получил расширенные торговые привилегии, особенно право определять статус иностранных купцов по своему усмотрению. После заключения мира торговля Данцига стремительно пошла в рост. Однако развитие других городов на Висле, получивших такие же привилегии, постепенно клонилось к закату. Торн несправедливо обвинял в своих трудностях Тевтонский орден. Очутившийся между двумя крупными рынками, Краковом и Данцигом, он продолжал приходить в упадок при польском правлении, как и большинство немецких городов, расположенных в удалении от моря.

Освободившись от опеки Тевтонского ордена, прусские города по-прежнему сохраняли предубеждения по отношению к Ганзе. В вопросах, касавшихся прохода через Зундский пролив, отношений с англичанами и голландцами, их интересы часто противоречили интересам вендских городов. В 1450 г. один купец из Торна обобщил прусские жалобы, с горечью заявив: «Когда вендские города воюют [с Данией], они получают от этого выгоду, потому что вся торговля на

Балтике направляется через Любек и Гамбург, а оттуда посуху во Фландрию; те города богатеют, а мы, бедная Пруссия, гибнем». Растущее расхождение интересов между различными группами городов в XV в. в самом деле здесь было особенно очевидным.

То же можно сказать о Ливонии и Руси. Ливонские города значительно расширили торговую деятельность, во многом благодаря иностранным купцам, голландцам и выходцам с юга Германии. Но Ревель, Дерпт и Рига противились тому, что их купцов вытесняют иностранцы. Особую тревогу Риги вызывало то, что Полоцк систематически благоволил своим купцам в ущерб ливонским. Кроме того, Рига пыталась воспрепятствовать проникновению голландских купцов в свои края, где они вели дела напрямую с производителями зерна и льна. В 1459 г. Рига запретила всем иностранцам, в том числе купцам из ганзейских городов, напрямую торговать с другими иностранцами на своей территории. Особенно пагубным ее запрет оказался для Любека, чьи купцы свободно ходили по Двине на протяжении двухсот лет. Любек выразил протест против такого отсутствия ганзейской солидарности, но не получил помощи от других ливонских городов. Тогда Любек обратился за поддержкой к ландмейстеру (заместителю великого магистра) Тевтонского ордена. Однако такой шаг вызвал скандал. Обращение к местному правителю с тем, чтобы тот рассудил спор между двумя городами, считалось серьезным нарушением принципов Ганзейского союза. В ответ Рига закрыла любекские склады и, несмотря на постоянное давление, сохранила полный запрет на торговлю между иностранцами, что больше повредило уроженцам Любека, чем голландцам.

Очевиднее всего соперничество между ливонскими и остальными ганзейскими городами проявилось в Новгороде. Ливонцы как могли старались взять тамошнюю контору под свой контроль и даже монополизировать торговлю с Русью. Так, в 1416 г., в ответ на нарушения ганзейского устава русскими, они запретили всю торговлю с Новгородом по суше и по морю. Вместе с тем они позволили русским торговать в Ливонии, тем самым возложив бремя блокады на другие ганзейские города. Ганзейский собор сурово осудил их и приказал всем своим членам, в том числе Ливонии, прекратить торговлю с Русью; однако приказ успеха не возымел. Ланд-мейстер Тевтонского ордена заключил мир с Новгородом по собственной



инициативе. Любек протестовал, но ему пришлось смириться с совершившимся фактом. Любек терял контроль над «Немецким подворьем» в Новгороде с конца XIII в. и в 1422 г. вынужден был передать Дерпту контроль над тамошней конторой и позволить ливонским городам решать, торговать ганзейцам с Новгородом или нет. Любекские и вестфальские купцы по-прежнему приезжали в Новгород, но с тех пор играли там лишь незначительную роль.

Несмотря на условия Нибурского мира, отношения Ганзы и Новгорода весь тот период отличались крайней нестабильностью. Договоры нарушались, на купцов нападали, или они участвовали в распрях, из-за которых приостанавливалась торговля – иногда на годы. В 1424 г. один из самых тяжелых конфликтов, последовавших после нападения на русские корабли, привел к аресту 150 немцев, из которых 36 умерли в плену. В середине XV в. война Тевтонского ордена с русскими князьями вынудила Ганзу ввести блокаду, которая продолжалась пять лет. В 1468 г., после ареста немецких купцов, начался новый кризис в отношениях. Контору перевели в Нарву, но торговля возобновилась лишь через четыре года.

Эти затруднения помогают объяснить упадок новгородской конторы, который стал особенно заметным со второй половины XV в. Однако главной причиной такого упадка стал закат самого Новгорода. Он больше не был крупным центром торговли, каким был 300 лет. Торговля воском и мехами все больше и больше переходила к финским и ливонским городам. Упадок ускорился конфликтом Новгородской республики с Великим княжеством Московским. В 1471 г. войско Ивана III разбило новгородское ополчение в Шелонской битве. Семь лет спустя он захватил город, приказал выселить часть боярских семей на территорию Московского княжества. С независимостью Новгородской республики было покончено. Стремясь благоприятствовать торговле Московского княжества, Иван выказывал большую враждебность по отношению к иностранным купцам. С тех пор дни немецкой конторы в Новгороде были сочтены.

## Ганза и Скандинавия

В XV в., как и в XIV, главной политической проблемой Ганзы оставалась проблема отношений с Данией. Штральзундский мир знаменовал период дружбы между двумя державами, который продолжался до смерти королевы Маргариты в 1412 г. Ганза не сопротивлялась союзу трех скандинавских королевств; после того, как она помогла Дании вернуть Готланд, показала, что предпочитает дружить с Данией, а не с Тевтонским орденом. Но политика, которую преследовали миролюбивые патрицианские советы вендских городов, не пользовалась единодушной поддержкой всего Ганзейского союза. В самих городах гильдии испытывали большую ксенофобию, чем купцы, и в глубине души были по-прежнему враждебно настроены по отношению к датчанам. Отношения Дании и Ганзы всегда были непростыми, а в годы правления Эрика Померанского (1412–1438), который был менее дружественно настроен к ганзейцам, снова разгорелся традиционный конфликт.

Главным камнем преткновения стало герцогство Шлезвиг, феодальное владение Дании, которое на протяжении 100 лет было практически независимым и управлялось князьями Гольштейна. Сначала Маргарита, а затем Эрик тщетно пытались восстановить там свою власть. Эрик даже встал на сторону мятежного правительства Любека в надежде, что восстановленная Ганза признает его права на Шлезвиг и поддержит его против Гольштейна. Но хотя его права были признаны императором, Любек и особенно Гамбург не собирались содействовать его амбициям. Они довольствовались тем, что предлагали помощь обеим сторонам. Такие действия восстановили Эрика против Ганзы. Он заключил союз с Польшей против Тевтонского ордена, привечал голландских и английских купцов в Норвегии и Дании и изводил немецких купцов. В 1426 г. он издал эпохальный указ, который наделял его властью облагать сбором все корабли, проходившие через Зундский пролив. Позже к первому сбору добавили пошлину от стоимости грузов. «Зундские пошлины» взимались более 400 лет. Их отменили лишь в 1857 г.

Пока был жив Йордан Плесков, поддерживали непрочный мир, но вскоре после его смерти (1425) вендские города объявили Дании войну

и заблокировали Зунд. Как всегда, войну поддержали не все члены Ганзы. Города на Зейдерзе, а также прусские и ливонские города возмутились блокадой и отказались в ней участвовать. Поэтому воевать пришлось почти исключительно вендским, померанским и саксонским городам. Война началась неудачно. Ганзейский флот под командованием бургомистра Любека Тидемана Стина был разгромлен в проливе Зунд. Кроме того, датчане захватили «соляную флотилию», которая возвращалась из Бурньёфа в Пруссию. Эта неудача вызвала народные волнения против патрициев, которых обвиняли в недостатке рвения. Беспорядки вспыхнули в Гамбурге, Росток и особенно Висмаре, где обезглавили нескольких членов городского совета.

Война тянулась девять лет с переменным успехом. Любек получал от нее выгоду, так как почти весь товарообмен между Востоком и Западом велся по суше, через Голштинский перешеек. Дефицит же соли позволял Любеку с большой прибылью продавать странам Прибалтики соль из Люнебурга. Но больше всех от войны выиграли голландцы, которые снабжали скандинавские королевства продуктами питания, нападали на ганзейские корабли и прорывали блокаду. В 1435 г. Эрик, ослабленный из-за измены шведов, подписал Ворднингборгский мир, ставший большой победой ганзейцев. Граф Адольф де Шауэнбург получал Шлезвиг, а вопрос выплаты дани королю Дании был опущен. Эрик подтвердил ганзейские привилегии в своих владениях, тем самым признав торговую монополию, которой Любек и вендские города пользовались в Норвегии. Кроме того, хотя продолжали взимать пошлины с кораблей, проходящих через Зунд, вендские корабли от них освободили. Вскоре оказалось, что победа ганзейцев еще шире, чем казалось вначале. Дискредитированный Эрик был вынужден бежать. В 1438 г. датский государственный совет низложил его. Как в 1375 г., вопрос с престолонаследием решила Ганза. В обмен на важные привилегии она поддержала нового короля, Кристофера Баварского. Любек получил во владение крепость Хельсингборг, таким образом закрыв Балтийское море для голландцев, с которыми Ганза недавно начала войну, и вынудил всех торговцев пользоваться путем Любек – Гамбург, к большой досаде восточных городов, которые постоянно упрекали Любек в эгоизме.

Ворднингборгский мир оказался недолговечным. Кристофер и его преемник Кристиан I вскоре последовали примеру своих

предшественников и стали оказывать предпочтение местным купцам и голландским торговцам в попытке покончить с монополией Ганзы на своей территории. В результате голландцы, не вытесненные с Балтики окончательно, продолжали наращивать свою торговлю в той области. Более того, в 1459 г., после смерти графа Адольфа Голштинского, который не оставил после себя прямых наследников, снова обострился шлезвигский вопрос. Местная знать провозгласила Кристиана, короля Дании, наследником как Шлезвига, так и Гольштейна: неожиданно датская граница придвинулась к самым воротам Любека и Гамбурга. Однако вендские города ничего не предприняли. Кристиан успокоил их опасения, хотя они оставались на чеку. Шлезвиг и Гольштейн вставали то на сторону короля, то против него, в зависимости от собственных интересов. Однако усиление Дании и ее власть над Голштинским перешейком, где находился один из важнейших ганзейских торговых путей, представляли для Ганзы большую угрозу. Столетние усилия окончились двойной неудачей. Голландцы наращивали торговлю на Балтике, а власть Дании оказалась не менее угрожающей, чем раньше.

Кроме того, гегемонии Ганзе угрожали и в Норвегии. В середине XV в. чрезвычайно обострилось положение в Бергене из-за действий королевского управляющего, Олафа Нильссона, давнего недруга ганзейцев. Чтобы защитить местных ремесленников от конкуренции со стороны многочисленных немцев, проживавших в городе, Нильссон в 1443 г. взял последних под свою юрисдикцию, обложил их налогами, запретил им повышать цены на свои товары. Кроме того, он пытался отделить их от конторы, которой они до того подчинялись. В 1453 г. король Кристиан попытался сгладить ситуацию, уволив Нильссона, но через два года вынужден был его вернуть. Такой шаг привел к одному из самых кровавых эпизодов в истории Ганзы. Разъяренные немцы вломились в монастырь, где спасался Нильссон. Монастырь они сожгли до основания и зверски убили не только Нильссона и шестьдесят его сторонников, но и епископа Бергенского. Несмотря на вмешательство папы римского, эти преступления остались безнаказанными.

Вендские города также намеревались сохранить монополию на торговле в Норвегии всецело в своих руках; они не желали уступать долю в этой торговле другим ганзейским городам. В 1446 г., чтобы

предотвратить экспорт вяленой рыбы на рынки Рейнской области на кораблях с Зейдерзе, особенно из Кампена и Девентера, они объявили основными оптово-экспортными рынками для бергенской трески Любек, Висмар и Росток. Такое решение приводило к постоянным конфликтам. Наконец в 1476 г. купцы с Зейдерзе учредили в Бергене отдельное сообщество и выбрали своего старшину. Здесь, как и везде, узы, которые связывали вместе членов Ганзы, постепенно ослабевали.

## Ганза и Нидерланды

В XV в., как и в XIV, Нидерланды оставались главной областью ганзейской коммерции и являлись главным объектом предубеждения Ганзейского союза. Здесь, несмотря на некоторые новые тенденции, политика Ганзы оставалась традиционной.

К Фландрии сохранялось более или менее то же отношение, что и в предыдущем столетии. Немецкие купцы из конторы в Брюгге тщательно следили за соблюдением своих привилегий и постоянно писали жалобы, требуя компенсации за убытки. На них нападали на суше и на море, несправедливо взимали налоги и сборы. Кроме того, убытки возникали вследствие обесценивания валюты. Если их требования не удовлетворялись, ганзейцы снова и снова угрожали перевести контору в другое место – и в двух случаях действительно переводили ее.

Рост голландской торговли и развитие их судоходства в корне изменили ситуацию. Начиная со второй четверти XV в. голландцы и ганзейцы постоянно испытывали разногласия, и вскоре их антагонизм стал решающим фактором для ганзейской политики в целом. Так как голландцы особенно стремились распространить свою торговлю на Балтику, они всеми силами старались помириться с датчанами, которые контролировали Зунд. Гораздо чаще, чем в XIV в., голландские и скандинавские дела оказывались взаимосвязанными. В результате вендские города, торговле которых всерьез угрожала конкуренция со стороны голландцев, одобрили принятие строгих мер в отношении Нидерландов. Зато Тевтонский орден, ливонские города и Кёльн были настроены более примирительно. Сложившаяся ситуация снова обострила отсутствие единства в самой Ганзе.

В Нидерландах около 1430 г. борьба с голландской конкуренцией вела главным образом к укреплению ганзейского оптово-экспортного рынка в Брюгге. Сосредоточив там торговлю всего региона и допуская в ганзейскую зону только те товары, которые проходили через этот рынок, немцы препятствовали конкурентам импортировать ткани в ганзейские города. Тем самым они рассчитывали защитить собственную торговлю фламандским сукном и ограничить и контролировать голландскую коммерцию на востоке. Но Ганзе не

повезло. Такая политика могла бы увенчаться успехом, только если бы Брюгге сохранил позицию ведущего международного рынка в Северо-Западной Европе. Из-за развития Антверпена, особенно бурного после 1450 г. и очевидного после 1475 г., и последующего упадка Брюгге учреждение там оптово-экспортного рынка стало неэффективным.

В результате соглашений 1392 г. между Фландрией и Ганзой довольно долго сохранялся мир. Однако немцы, в дополнение к обычным жалобам на нарушение их привилегий, обвиняли фламандцев в срыве ответных мер, которые те приняли в спорах с шотландцами (1412) и испанцами (1419). К взаимным обвинениям приводили и рост пиратства, начавшийся после возобновления войны между Англией и Францией, и действия каперов, которые рыскали между островами восточной Фризии. Так как фламандцы отказались платить компенсацию в какой-либо форме и посольство, возглавляемое Йорданом Плесковым, в 1425 г. вернулось ни с чем, вновь начали обсуждать вопрос о переводе конторы; но из-за войны с Данией дело пришлось отложить.

10 лет спустя ряд серьезных событий привел к острому кризису. Аррасский мир, примиливший Францию и Бургундию, прервался из-за напряжения в отношениях и последующей войны между Англией и Бургундией. Больше остальных в этой войне пострадали фламандцы. Они обратили свой гнев на ганзейцев, которых подозревали в сочувствии к англичанам. В июне 1436 г. в Слэйсе были зверски убиты почти 80 немцев. Ганза объявила о немедленном переводе конторы из Брюгге в Антверпен, и торговля с Нидерландами была приостановлена. Когда Брюгге и Гент восстали против Филиппа Доброго, ганзейцы завоевали благосклонность герцога Бургундского. Видимо, они всерьез решили постоянно обосноваться в Антверпене; во всяком случае, они отказывались возвращаться в Брюгге, пока не получат требуемого удовлетворения. Их требования подкрепил большой голод, один из самых ужасных, поразивших Фландрию в XV в. В 1438 г. цена на зерно выросла вчетверо. Поэтому Брюгге и руководители Фландрии выплатили ганзейцам компенсацию за убытки, понесенные ими в их городе, в размере 8 тысяч фунтов гроот. До конца года в Звейн вошли прусские суда с зерном; их встретили криками радости.

Не успели ганзейцы снять блокаду Нидерландов, как установили ее снова, на сей раз чтобы надавить на голландцев. Последние, раздраженные ганзейскими ограничениями на свою торговлю в Ливонии, уже несколько лет нападали на ганзейцев, а в мае 1438 г. захватили дюжину ганзейских судов, груженных солью. Вендские города перекрыли Зунд и прекратили все поставки зерна в Нидерланды. Их, очень нехотя, поддержал великий магистр Тевтонского ордена, хотя прусские города отказали им во всякой военной помощи. К тому же Кристофер, король Дании, к которому обращались обе стороны, отдал предпочтение голландцам и предоставил им в своих владениях равные права с ганзейцами. Это вынудило вендские города в 1441 г. подписать Копенгагенский мир, по которому враждующие стороны гарантировали друг другу право на свободу торговли и обязались устранить все препятствия для судоходства. Следовательно, голландцы могли возобновить торговлю на Балтике и пользоваться экономическим преимуществом, которое они приобрели в Дании и Норвегии. Для них Копенгагенский мир стал решительным шагом в их экспансии на Восток.

Возвращение ганзейцев в Брюгге в 1438 г. несколько не уменьшило трений между ними и фламандцами. Контора продолжала жаловаться на многочисленные случаи нарушения привилегий, оскорбления и особенно на пиратство, за что, несмотря на гарантии, они не получали никакой компенсации. Кроме того, они начали жаловаться на фламандские компании, которые обвиняли в монополии на торговлю квасцами и специями с целью взвинчивания цен. В надежде разрешить все вопросы Любек в 1447 г. созвал Ганзейский собор, на котором присутствовали 39 делегаций – рекордная цифра. Представительный собор свидетельствовал о том, насколько важной оставалась торговля с Фландрией для всего сообщества. Собор постановил: лучший способ оградить ганзейские интересы – укрепить рынок в Брюгге. Целый ряд продуктов впервые подпал под действие торгового права. Более того, собор укрепил власть конторы в Брюгге; она получила право на доходы от нового налога, которым облагались все товары, купленные во Фландрии, Брабанте, Зеландии и Голландии. Вот четкое указание на растущее рассредоточение немецких купцов и немецкой торговли по всем Нидерландам.



Начались кулуарные переговоры с главами Фландрии, которые на все жалобы отвечали встречными жалобами: ганзейские законы подрывали фламандскую торговлю. Кроме того, фламандцы жаловались на случаи подделки и низкое качество многих товаров – мехов, золы, дегтя, пива и рейнского вина. Они были недовольны и тем, что, в нарушение торгового права Брюгге, меха отправлялись из Любека напрямую в Венецию и Геную, а из конторы – в Нант и Ла-Рошель. Переговоры зашли в тупик. Выйти из него никак не удавалось: переговоры ни к чему не вели, и не было надежды, что в этот раз герцог поддержит Ганзу против Брюгге, как было десять лет назад. Необходимо было оказать давление на обе стороны, и Ганза нехотя решила воспользоваться единственным оружием, какое оставалось у нее в арсенале: перевести контору в какой-нибудь город за пределами Бургундии.

В 1451 г. немецким купцам во Фландрии тайно велели переезжать в Девентер. Как всегда, такое решение вызвало протесты. Великий магистр Тевтонского ордена заметил, что Девентер расположен слишком далеко от главных торговых путей, а его порт непригоден для захода больших прусских и ливонских кораблей. Он предпочел бы сначала помириться с англичанами, которые только что захватили крупную соляную флотилию, возвращавшуюся из Бурньёфа. Куда серьезнее было то, что и Кёльн не спешил применить предписанные меры. Его купцы продолжали продавать во Фландрии свое вино, не слишком обращая внимания на торговое право. Кёльн даже пытался объединиться с восточными городами в попытке воспрепятствовать политике Любека. Их возможный союз встревожил Любек. Город осознал степень угрозы и согласился изменить форму блокады. Ее применили только против Фландрии и фламандского сукна. Такую цену пришлось заплатить за сотрудничество прусских городов и великого магистра, хотя шансы на успех блокады сильно сократились. Самым неудачным во всем было то, что голландцы воспользовались возможностью и увеличили повсюду продажи своего сукна. Поскольку большинство ганзейских купцов отказалось переехать в Девентер, предпочитая обосноваться в Амстердаме, Миддельбурге, Антверпене или Мехелене, Ганза решила перевести контору в Утрехт. Он был расположен удобнее, чем Девентер, и многие купцы согласились там поселиться. Но в 1455 г. Филипп Добрый, считавший блокаду вызовом

своей власти, послал туда войска и оккупировал город. Ганзе пришлось прибегнуть к переговорам. Герцог согласился учредить комиссию для оценки понесенных немцами убытков. Почти всю сумму компенсации должен был выплатить город Брюгге. Кроме того, герцог подтвердил все ганзейские привилегии в целом, хотя и не дал отдельных гарантий по денежным и правовым вопросам, о чем особо просили представители Ганзы. Ганзейцы вернулись в Брюгге, где снова учредили основной оптово-экспортный рынок для своих товаров. 11 августа 1457 г. 200 ганзейских купцов, возглавляемых бургомистрами Любека, Кёльна, Гамбурга и Бремена, в верховой процессии проследовали в Брюгге.

Шестилетние усилия не принесли Ганзе ощутимых преимуществ, и все считали, что Ганзейский союз потерпел поражение. Опыт больше не повторяли. Неприятная правда заключалась в том, что перевод конторы и даже блокада, методы, столь действенные в прежние времена, оказались бесполезными против державы, которая контролировала большую часть Нидерландов. Основным результатом блокады стало поощрение голландской торговли. Кроме того, она вызвала отток иностранных купцов из Брюгге, в то время как, если бы они остались, это было бы выгодно Ганзе. С тех пор место Брюгге прочно занял Антверпен. В 1467 г. сами ганзейцы попросили и получили в Антверпене новые привилегии, а 11 лет спустя приобрели там склад на зерновом рынке. Кроме того, последняя блокада отнюдь не укрепила авторитет Ганзы. Наоборот, она открыла ее экономическую и политическую слабость, готовность ее купцов не подчиняться распоряжениям и отсутствие единства между несколькими группами городов. Уже тогда казалось, что ганзейская контора в Брюгге обречена.

## **Отношения с Англией и Францией до 1470 г**

Весь XV в. отношения между Англией и Ганзой оставались особенно затруднительными. Постоянными были вспышки преследования, обременительные законы, налоги, которые считали крайне несправедливыми, акты насилия и пиратство. Ни одну сторону нельзя назвать полностью невиновной, и трудно понять, почему война не начиналась до 1470 г.

То, что мир сохранялся, несмотря на многочисленные жалобы, можно объяснить общим стремлением к сохранению взаимовыгодных торговых отношений. Кроме того, Англия, которая вначале воевала с Францией, затем с Бургундией и в конце концов раскололась из-за Войны Алой и Белой розы, постоянно нуждалась в коммерческой помощи Ганзы и ее дипломатической поддержке. В самом Ганзейском союзе еще более обострилось расхождение во взглядах между различными группами городов. В конце концов расхождение во взглядах препятствовало любым попыткам предпринять решительные действия. Хотя Любек и вендские города не раз настаивали на жесткой политике, их не поддерживали либо Кёльн, либо прусские и ливонские города – им не хотелось идти на войну, чтобы защищать свои же привилегии; они предпочитали в случае необходимости действовать независимо от Любека, чтобы сгладить конфликт.

В Англии ганзейцев обычно поддерживали король (хотя и не так искренне, как в XIV в.), верхушка знати, торговцы мануфактурой, особенно из сельских районов, которые считали ганзейцев хорошими клиентами, а также подавляющее большинство потребителей. Однако ганзейцы сталкивались с систематической враждебностью со стороны английских купцов, которые становились все активнее, со стороны лондонского Сити и парламента, который отказывался признавать привилегированный статус ганзейцев. «Купцы-авантюристы» в особенности возмущались препятствиями, чинимыми на пути их торговли на Балтике, и требовали, чтобы им в Германии предоставили те же права, что их немецкие конкуренты получали в Англии.

В первой трети XV в. англо-ганзейские отношения больше, чем что бы то ни было, ожесточились из-за вопроса английской торговли в Пруссии. Уже в 1398 г. великий магистр Тевтонского ордена

денонсировал заключенное за десять лет до того соглашение, хотя он ничего не делал, чтобы помешать английским купцам в Данциге. Но в 1420 г. стремительная экспансия английской торговли вызвала тревогу. Английскую факторию закрыли, а ее управляющего посадили в тюрьму. Через восемь лет события сделали крутой поворот и факторию открыли заново. Любек больше беспокоили нарушения ганзейских привилегий в Англии, где немцы вынуждены были платить те же пошлины, что и другие иностранцы, на ввоз вина, соли, сельди и древесины. В 1423 г. они отказались платить сбор, за который проголосовал парламент, что привело к их аресту и закрытию «Стального двора». Новый повод для тревоги появился в 1431 г., когда налогом обложили «фунт и бочку». Немцы, убежденные в том, что вот-вот начнется война, бежали в Брюгге. Но тревога оказалась ложной, и после Аррасского мира и возникшей впоследствии напряженностью в отношениях Англии и Бургундии английский король, надеясь умиловить ганзейцев, подтвердил все их привилегии и освободил их от всех налогов, не указанных в *carta mercatoria* от 1313 г. Победу омрачил отказ великого магистра Тевтонского ордена принять соглашение, которое, по его мнению, устраняло все препятствия на пути английских торговцев.

Враждебные действия вспыхнули вновь в 1449 г., когда англичане захватили 100 судов в Ла-Манше. Половина захваченных судов принадлежала ганзейцам. В ответ ганзейские города конфисковали всю английскую собственность на своей территории. Однако войны снова удалось избежать. Английские аристократы уговорили короля пойти на попятный. Любек требовал компенсации, а Бремен и Кёльн воздержались. В отместку Генрих VI подтвердил привилегии всем ганзейцам, кроме купцов из Любека. Любеку пришлось продолжать войну в одиночку. В 1453 г. Уорик, губернатор Кале, захватил 18 ганзейских судов. Даже вступление на престол Эдуарда IV, который был дружелюбно настроен по отношению к Ганзе, никак не разрядило обстановку. Лондонский Сити лишил «Стальной двор» привилегии опеки над воротами Бишопсгейт, которой тот был удостоен с 1282 г. И снова политика с позиции силы, которую отстаивал Любек, оказалась безуспешной из-за противодействия со стороны Кёльна, Данцига и даже Гамбурга.

Все попытки посредничества оказались тщетными. Вступление на престол Карла Смелого вызвало резкую перемену в политике Бургундии, к большому ущербу для ганзейцев. Герцог подписал торговый договор с Англией, и Эдуард IV уже не так стремился к примирению. Ганза больше не могла натравливать Бургундию и Англию друг на друга, и вскоре стало ясно, что война с Англией неизбежна.

Начиная со второй половины XV в. Франция занимала все больше места в международных отношениях Ганзы. Контакты между ними восходят к XIII в., но всегда были прерывистыми, несмотря на распространение ганзейской торговли на побережье Атлантического океана. Из-за того что начиная со второй половины XV в. Англия управляла Нормандией и Гиенью, а также из-за независимости герцогства Бретань, в чьих владениях находился залив Бурньёф, Ганза едва ли могла ожидать действенной защиты своих торговых интересов со стороны короля Франции.

После вступления на престол Карла VII и освобождения почти всей территории Франции между правителями Франции и Ганзой установились более продолжительные отношения. Ганзе нужна была поддержка французского короля, с тем чтобы ее корабли могли беспрепятственно ходить во французских водах. Карл со своей стороны надеялся привлечь иностранных купцов и переманить на свою сторону немцев в войнах с англичанами и герцогом Бургундским. Хотя у них имелись веские поводы для взаимопонимания, франко-ганзейские отношения складывались трудно и постоянно омрачались из-за пиратства. Французские пираты, грабившие англичан, нападали и на ганзейские суда, а поскольку немцы иногда нанимали английские корабли, за захватом корабля следовали требования выкупа, в которых почти всегда отказывали, и репрессии. Отношения Ганзы и Франции были сердечными только во времена перемирия между Англией и Францией.

Первый известный дипломатический контакт между Карлом VII и Ганзой стал результатом захвата в 1446 г. французского корабля, собственности королевы Марии, одним пиратом из Бремена. После того как город отказался платить компенсацию, король отдал приказ нападать на все ганзейские корабли у берегов Франции. Однако в 1452 г. он предложил ганзейцам свое покровительство на том условии,

что они разорвут отношения с Англией. В этом ему было отказано, так как немцы не собирались вставать ни на какую сторону. В результате ганзейская торговля, особенно кёльнская, много пострадала из-за нападений французов, и даже вмешательство императора Фридриха III и Карла VII оказалось безуспешным.

Положение улучшилось, когда на престол взошел Людовик XI. В годы своего правления он демонстрировал устойчивую решимость установить хорошие отношения с ганзейцами. В 1464 г. им предоставили расширенные привилегии. Правда, жалованную грамоту пришлось переписывать, потому что вначале в нее включили и *autres nations d'Alamaique*, то есть конкурентов с юга Германии. По условиям, ганзейцы наделялись правом торговать на всей территории Франции, если они не торгуют с англичанами или не нанимают английские корабли. Кроме того, им гарантировалась защита от ареста и конфискации их товаров, за исключением конфискации за долги. Им разрешали селиться во Франции; а права на владение спасенного при кораблекрушении имущества были пересмотрены в их пользу.

Но добрых намерений Людовика XI оказалось недостаточно для обеспечения мирных отношений. В Ла-Манше снова расцвело пиратство; грабители из Кампена нападали на французские корабли, что вызывало немедленные ответные действия. Даже отношения с королем осложнились после дела «Сен-Пьер де Ла-Рошель». Эта большая французская каравелла прибыла в Данциг в 1462 г. с грузом соли. В гавани в нее попала молния. После того как умер французский владелец, не оставив наследника, корабль стал собственностью французской короны. Но несмотря на настоятельные требования Людовика XI, Данциг отказался выпустить корабль, пока не будет выплачена стоимость его ремонта. Людовику в конце концов надоел холодный прием, которым встречались его попытки примирения, и в 1470 г., единственный раз в истории, Ганза очутилась в состоянии войны с Францией.

## **Отделение Кёльна и англо-ганзейская война**

Обострение отношений между Англией и Ганзой, очевидное со второй половины XV в., в конце концов привело к открытой войне. Англо-ганзейская война оказалась одним из самых суровых испытаний, которые пришлось пережить Ганзейскому союзу, поскольку оно было отмечено отделением Кёльна, решившего отстаивать собственные интересы. Однако благодаря энергичному руководству Любека и верности других городов, особенно Данцига, самого воинственного из них, Ганзейскому союзу удалось преодолеть кризис, который в ином случае мог бы стать роковым.

Негодование Кёльна вызвал налог, назначенный брюггской конторой на ввоз и вывоз ганзейских товаров. Вначале этот налог должен был выплачиваться только во Фландрии, но в 1447 г. Ганзейский собор в Любеке распространил его также на Брабант и север Нидерландов. Кёльн тут же отказался платить налог, ссылаясь на свои особые привилегии. Так как большая часть его торговли велась через Брабант и Голландию, новый налог ударил по Кёльну сильнее, чем по другим городам. Кроме того, Кёльн имел очень мало влияния на брюггскую контору и потому не спешил укреплять там влияние Любека. Сначала Ганза смотрела на действия Кёльна сквозь пальцы, но в 1465 г. собор в Гамбурге возобновил требование платить налог на всей территории Нидерландов и подтвердил необходимость уважать торговые законы Брюгге. После того как кёльнские купцы отказались платить налог на ярмарках в Бергене-оп-Зоме и Антверпене, их арестовали по просьбе брюггской конторы; правда, вскоре городские власти ихпустили. Ганзе хватило безрассудства пожаловаться на Антверпен герцогу Бургундскому. Воспользовавшись удачной возможностью, Карл Смелый вызвал на свой суд и Кёльн, и Ганзу. Понимая, что пользуется поддержкой герцога, Кёльн в 1467 г. отказался идти на уступки; через два года суд решил дело не в пользу брюггской конторы и приказал ей заплатить судебные издержки, не вынеся, однако, окончательного вердикта по обсуждаемому вопросу.

Именно тогда началась англо-ганзейская война. Англичане расширили торговлю с Исландией, таким образом нарушая монополию, которую присвоили себе датчане. В отместку датчане

захватили семь английских кораблей в Зунде. Англичане обвинили ганзейцев в подстрекательстве датчан, и 28 июля 1468 г. Тайный совет приказал арестовать всех ганзейских купцов в Англии и конфисковать их товары. В Лондоне толпа напала на «Стальной двор» и частично разрушила его. Для защиты своих интересов Кёльн нарочито отделился от остальных ганзейцев, запросил и получил у Эдуарда IV, пусть и временное, подтверждение своих особых привилегий. Кёльнские купцы образовали свое сообщество. Для вступления в него требовалось представить документы, которые подтверждали, что тот или иной купец перевозит только товары из Кёльна. Но к Кёльну примкнули лишь несколько рейнских городов, в том числе Везель и Арнем.

Ганза не пыталась немедленно нанести ответный удар, но довольствовалась требованием компенсации и освобождения купцов. На сторону Ганзы встали герцог Бургундский и отдельные английские группировки, на которых сильнее всего отражались принятые меры. Сохранилась петиция от торговцев тканями из Глостершира; в ней указывались услуги, которые ганзейцы оказывали экономике Англии<sup>[53]</sup>. Купцов освободили после девятимесячного заключения, но, поскольку любой продолжительный договор в то время казался невозможным, ганзейские города решили прибегнуть к политике с позиции силы. На сей раз не наблюдалось обычных разногласий между вендскими и прусскими городами. Самым стойким, несмотря на попытки Кёльна заручиться его поддержкой, оказался Данциг. Он первым последовал примеру конторы в Брюгге, которая официально начала враждебные действия, оснастив два военных корабля. Пока шла война, Данциг играл ведущую роль в каперстве.

Ганза тем менее была настроена уступать, что международное положение складывалось в ее пользу. Она заручилась поддержкой Дании и Польши; она могла рассчитывать на дружественный нейтралитет Карла Смелого, который на время открыл ганзейским каперам нидерландские порты. Кроме того, Ганзу обхаживали сторонники Ланкастеров, которые обещали, в обмен на ее поддержку, подтвердить ее привилегии в Англии. И Людовику XI как будто не терпелось возобновить мирные отношения с Ганзой. В сентябре 1470 г. созвали Ганзейский собор, который отличался неплохим представительством всех трех третей. Поэтому Ганза чувствовала себя



достаточно уверенно, чтобы наконец открыто признать себя в состоянии войны с Англией, хотя на деле война к тому времени велась уже больше года. Контору в Брюгге уполномочили начать переговоры с Францией, которые, однако, окончились неудачей. Не возникало и вопроса о том, чтобы мягко обойтись с Кёльном. От города потребовали подчинения под угрозой исключения из Ганзейского союза. При голосовании собор с небольшим перевесом укрепил права рынка в Брюгге, перечислив продукты, которые подлежали рыночному регулированию<sup>[54]</sup>, и продолжил на всей территории Нидерландов облагать товары налогом, доходы от которого поступали в контору.

Война, продолжавшаяся четыре года, имела экономические, военные и политические последствия. Ганза пыталась навязать строгий запрет на импорт английского сукна в ганзейские города; ей удалось убедить Данию и Польшу принять его. Но для того, чтобы запрет оказался действенным, было бы необходимо пресечь импорт английского сукна и в Нидерланды, отчего решительно отказался герцог Бургундский. Он даже предоставил кёльнцам особую привилегию перевозить английское сукно по территории Фландрии. Кёльн пытался убедить герцога, чтобы тот отменил налоговые льготы для брюггской конторы и добился от Англии подтверждения ганзейских привилегий только для кёльнских товаров на период в пять лет. Столкнувшись с такой серьезной атакой на свою солидарность, Ганза больше не колебалась: 1 апреля 1471 г. Кёльн официально исключили из Ганзейского союза.

В политической сфере Ганза не добилась существенных успехов. Вначале она благоволила сторонникам Ланкастеров, поддерживаемым также Людовиком XI, но, после того как Уорик выгнал из Англии Эдуарда IV и он бежал в Нидерланды, Ганза из уважения к Карлу Смелому согласилась перейти на другую сторону и поддержала йоркистов. Более того, именно с помощью кораблей из Данцига Эдуард IV вернул себе трон. Правда, он тут же забыл о данных ганзейцам обещаниях и покровительствовал Кёльну.

Война на море сводилась к откровенному пиратству. Английские и французские корабли нападали друг на друга, а ганзейцы охотились и на те и на другие. Особую активность проявляли Любек и Данциг. Каравеллу «Сен-Пьер-де-Ла-Рошель», по-прежнему стоявшую в гавани Данцига, снарядили и вооружили на средства города. Затем, под командованием члена городского совета Павеста, корабль, который

переименовали в «Большую каравеллу» (Der grote Kraweel), пересек Северное море и по Ла-Маншу дошел до самого Камаре. «Большая каравелла» больше поражала воображение врага своими размерами, чем успехами. Поврежденный и затем застрявший в Звейне из-за бунта, корабль не выходил в море до последнего года войны. Тем временем стяжал славу капер Пауль Бенеке, который захватил в плен сначала Иоанна Солсберийского, затем лорд-мэра Лондона и, наконец, в апреле 1473 г., флорентийскую галеру, посланную в Англию агентом банка Медичи в Брюгге Фомой Портинари. Этот поступок, позже расцвеченный многочисленными апокрифическими подробностями, вызвал большие волнения, главным образом из-за ценности груза, стоившего 60 тысяч фунтов гроот. Помимо большого количества квасцов, на галере перевозили меха, шелка, золотую парчу, гобелены, темно-красный бархат и атлас, а также триптих «Страшный суд» Мемлинга. Однако имелся повод не только для сатисфакции, но и для беспокойства, поскольку галера шла под бургундским флагом, из-за чего у ганзейцев появился веский повод опасаться гнева Карла Смелого. Впрочем, Карл довольствовался посылкой угрожающих писем в городской совет Данцига. Портинари вынужден был обратиться в суд, но дело тянулось целых сорок лет, когда выплатили последнюю часть компенсации; каждая следующая часть была меньше предыдущей.

Такой успех не окупал поражений, понесенных в 1472 г. Летом французские корабли нанесли ущерб ганзейскому флоту и загнали ганзейские корабли во фламандские порты. Позже англичане уничтожили большую часть любекской флотилии в окрестностях Флашинга. Однако ганзейцам успешно удавалось сохранять свои торговые суда и свою торговлю с Нидерландами.

Война в конце концов утомила обе стороны, и, благодаря усилиям герцога Бургундского, в 1472 г. начались мирные переговоры. На следующий год переговоры пошли успешнее, так как Ганзе удалось заключить перемирие с Францией. Несмотря на интриги Кёльна, переговоры наконец увенчались успехом, и в феврале 1474 г. стороны подписали Утрехтский мир.

Мир знаменовал собой громкую победу Ганзы, на которую союз почти не рассчитывал. В Англии король и парламент подтвердили все ганзейские привилегии и обещали компенсацию в 25 тысяч фунтов

стерлингов. Позже сумму сократили до 10 тысяч фунтов стерлингов, после обещания, что Ганза получит неограниченные права собственности на здания контор в Лондоне, Бостоне и Линне. Лондон снова предоставил «Стальному двору» почетную привилегию опеки над воротами Бишопсгейт и обещал разбираться с законными жалобами немецких купцов по справедливости. Взамен англичане потребовали для себя таких же льгот в Пруссии, которыми они пользовались до войны. Последнее условие едва не сорвало переговоры. Данциг сразу отказался от него и целых два года упорствовал, утверждая, что англичане должны пользоваться теми же правами, какие предоставлены другим иностранцам. Некоторые померанские и ливонские города, которые боялись экспансии английской торговли на Балтике, тоже не желали мириться с таким условием.

Мир с Англией был дополнен соглашением между герцогом Бургундским, голландцами и Ганзой, которое оказалось не столь благоприятным для ганзейцев. Хотя Ганзейский союз добился подтверждения отдельных льгот и привилегий, пришлось освободить голландцев от подчинения торговому праву Брюгге и снова открыть им доступ в Балтийское море.

Главным результатом Утрехтского мира стала капитуляция Кёльна, который очутился в изоляции. Эдуард IV тайно обещал лишить кёльнских купцов ганзейских привилегий в Англии. И Карл Смелый выступил против Кёльна, потому что город помогал его врагам при осаде Нойса. Для того чтобы Кёльн снова приняли в Ганзу, городу пришлось выполнить все условия, выдвинутые Ганзейским собором в Бремене в 1476 г. и заплатить большие компенсации за убытки контор в Брюгге и Лондоне, вызванные его неповиновением. Кёльн выговорил себе право выплачивать ежегодно в течение шести лет сумму в 100 гульденов, дабы возместить налог с оборота. После этого у города появился выбор: заплатить налог или погасить долг в том же размере. Таким образом, Кёльн смирился с тем, против чего он так пылко боролся, а именно против права Ганзы облагать торговлю налогом в пользу конторы в Брюгге. В Лондоне Кёльну пришлось вернуть на «Стальной двор» жалованные грамоты, архивы и ценности, которые его представители захватили в 1468 г., снова присягнуть на верность конторе и заплатить двойной налог, не превышавший 250 фунтов

стерлингов. Страсти на «Стальном дворе» так накалились, что кёльнских купцов еще больше унизили: им запретили доступ в контору еще на два года и приняли назад лишь после выплаты еще одной компенсации в размере 150 фунтов стерлингов.

Восстановление хороших отношений между Ганзой и Францией также можно приписать Утрехтскому миру. Перемирие, заключенное в 1473 г., периодически продлевалось, а в 1483 г. превратилось в «вечный мир», по которому ганзейские привилегии во Франции были расширены без каких-либо политических условий. Война за бургундское наследство и примирение Людовика XI и Эдуарда IV устранили все поводы для конфликта.

Утрехтский мир стал одним из величайших событий в истории Ганзы. Он был заключен в критический момент, когда союзу угрожал роспуск из-за распада его экономической системы, непреодолимого роста его конкурентов, нападок на его привилегии почти во всех странах и роста сепаратистских настроений в городах. Следовательно, победа имела далекоидущие последствия. Ганза восстановила свой международный престиж и укрепила коммерческое положение в Англии еще на сто лет, в то же время предотвратив экспансию англичан на Балтике. Подчинение Кёльна продемонстрировало силу и солидарность Ганзы и препятствовало дальнейшим попыткам отделения среди ее членов. Главные причины ее слабости сохранялись, но их пагубное воздействие еще какое-то время не стало очевидным.

## Глава 13

### Спад (1475–1550)

Благоприятный исход англо-ганзейской войны не способен был предотвратить последующего упадка Ганзы, который стал вполне очевиден ближе к концу XV – началу XVI в. Политические и экономические предпосылки этого упадка действовали по-прежнему – угасание контор, отказ подчиняться коллективной дисциплине, изоляционистские тенденции и успешная конкуренция извне. Новым фактором стало распространение Реформации, которая усилила внутренний раскол и порождала конфликты с местными правителями.

Период упадка Ганзы совпал с эпохой Великих географических открытий. Раньше историки пробовали установить некую связь между этими двумя событиями, однако давно стало очевидным, что подобная трактовка не выдерживает критики. Сами по себе смена важнейших морских торговых путей и возросшая значимость атлантических портов не оказывали пагубного воздействия на ганзейские города. Даже наоборот: ближе к концу XVI в. торговля с Лиссабоном и испанскими портами привела к новому периоду роста Ганзы, да и Европа еще нуждалась в поставляемых Ганзой товарах, особенно зерновых. Самое большее, что можно сказать: развитие рыбных промыслов на Ньюфаундленде внесло свой вклад в упадок рыбных промыслов в Бергене.

Однако, вызвав расширение европейских рынков и способствуя их превращению в мировые, географические открытия расширили и изменили торгово-промышленные предприятия. Несмотря на проникновение в Атлантику и на Средиземное море, ганзейская сфера влияния была слишком мала, и ганзейцы не выдерживали конкуренции с такими крупными торговыми домами, как дом Фуггеров, который к тому же пользовался поддержкой Священной Римской империи. В этом смысле верно утверждение, что великие географические открытия пагубно отразились на Ганзе, хотя ее упадок главным образом вызван внутренними недостатками, которые были заметны уже в XV в.

## Заккрытие контор

Конец XV в. стал свидетелем краха двух столпов ганзейской системы – контор в Новгороде и Брюгге. Судьба Новгорода решилась в 1478 г., когда великий князь Московский Иван III подчинил себе Новгород и стал покровительствовать своим купцам. Едва ли от него можно было ожидать, что он потерпит привилегированное немецкое учреждение. Кроме того, он неодобрительно отнесся к сговору ганзейцев в Ливонии с Тевтонским орденом, с которым он воевал и который перекрывал Руси выход к Балтийскому морю.

В 1494 г. Иван III принял меры. Несмотря на то что следствие не было окончено, он воспользовался убийством нескольких русских купцов в Ливонии как предлогом для внезапного ареста около 50 немцев из конторы и конфискации их имущества на сумму в 96 тысяч марок. Купцов освободили через три года, но «Немецкое подворье» оставалось закрытым в течение 20 лет. Однако не следует переоценивать значение этого жестокого поступка. Начиная со второй половины XV в. новгородская контора неуклонно угасала, как и сама Новгородская республика, и поступок великого князя Московского стал лишь последним ударом. В 1514 г., после долгих лишений, Ганзе позволили заново открыть контору, купцам дали новые привилегии, и начался пересмотр устава «Немецкого подворья». Но такие меры не могли вернуть утраченную торговлю, так как Новгород уже потерял свое значение крупнейшего рынка Северо-Восточной Европы. К середине XVI в. здания конторы и церкви Святого Петра лежали в развалинах; в XVII в. посетители города больше не упоминали о них. Торговля между Россией и Западом, хотя и восстановилась до некоторой степени, переместилась в другие центры. Место Новгорода заняли ливонские города, особенно Нарва, финские города, а чуть позже – Архангельск. Кроме того, торговля велась и южнее, в Польше и Лейпциге. Все больше и больше она переходила в руки уроженцев юга Германии, голландцев и шведов.

Хотя падение Новгорода нанесло непоправимый ущерб традиционной коммерческой системе Ганзы, не все последствия этого события оказались пагубными. Больше всех выгадали на закате Новгородской республики три ливонских города: Ревель, Рига и Дерпт. Верные прежней своекорыстной политике, они строго следили за

соблюдением запрета на торговлю между иностранными купцами, который применялся даже к ганзейцам из западных городов. Несмотря на протесты со стороны Любека, ливонские купцы оставались единственными посредниками в торговле Ганзейского союза и русских земель. Поэтому в первой половине XVI в. они достигли большого процветания, и их богатство вошло в пословицы. Правда, их рост оказался недолговечным, и одной из причин, которая положила ему конец, стал раскол между ганзейскими городами.

Сходный, хотя и не такой резкий, спад в то же время переживали и ганзейцы в Норвегии. В XV в., особенно после привилегий, предоставленных Кристофером Баварским в 1447 г., Росток восстановил контроль над торговлей в Восточной Норвегии через свои фактории в Осло и Тёнсберге. Но жителей этих городов и королей возмущала экономическая зависимость, от которой они постепенно освобождались благодаря все более широкому проникновению в страну голландских торговцев. В 1508 г. король Кристиан II, выслушав жалобы граждан Осло на немцев, объявил об отмене привилегий Ростока. С тех пор немцам позволяли вести торговлю лишь в стенах города и с гражданами города, но не с иностранцами и не с норвежскими крестьянами. Росток тщетно пытался добиться подтверждения прежних льгот. Ему удалось получить разрешение для своих купцов торговать в Осло и Тёнсберге с крестьянами один раз в неделю, по субботам. Но даже такой привилегией они не могли пользоваться регулярно. Хотя Росток по-прежнему вел торговлю с двумя норвежскими портами, ее объем значительно сократился. Вместе с тем в тех же городах наращивали объемы торговли датчане, голландцы, шотландцы и англичане. Те немцы, которые ранее обосновались в Норвегии, постепенно ассимилировались с местным населением.

В Бергене положение немцев было более прочным, хотя и там они подвергались суровым нападкам. Разными способами подрывалось превосходство Любека и других вендских городов в сфере торговли. Купцы из Гамбурга и Бремена, ганзейских городов на побережье Северного моря, которые прежде не участвовали в конкуренции, начали соперничать с уроженцами Любека, привозя в Норвегию зерно и пиво, необходимые товары, которыми торговали и голландцы. Кроме того, граждане Бергена выступали посредниками в торговле рыбой и

мехами; они стояли между ганзейцами и обитателями северных районов. Наконец, развитие рыболовных промыслов в Исландии поощряло купцов из Бремена и Гамбурга совершать туда регулярные рейсы без захода в Берген и везти назад треску сначала в Англию, а затем в Германию. Такой подрыв положения основного оптово-экспортного рыбного рынка очень пагубно повлиял и на Берген, и на вендские города<sup>[55]</sup>.

И все же пока еще рано говорить о закате ганзейской торговли в Бергене, хотя количество домов на «Немецкой набережной» резко сократилось. В 1400 г. их было около 300; к 1450 г. осталось всего 200, а к 1520 г. их количество снизилось до 160. Но ганзейская торговля в Бергене пережила новый период роста во второй половине XVI в., а смертельный удар получила лишь во время Тридцатилетней войны.

Самым серьезным симптомом упадка Ганзы в Нидерландах стало ослабление позиции конторы в Брюгге. Так вышло из-за того, что в упадок пришел сам город: его роль крупного международного рынка перехватил Антверпен. Для такой перемены имелось множество причин. Одной из них стало заиливание Звейна – правда, какое-то время этот фактор немного преувеличивали, но и недооценивать его не стоит. Несомненно, и купцов, и моряков тревожил растущий риск налететь на мель возле Слэйса. Они предпочли более глубокий канал Шельды. Более того, Антверпен привлекал купцов из разных стран, щедро предоставляя им привилегии и не так строго соблюдая правила, которые регулировали торговые отношения. Растущей деятельности брабантского порта способствовали и ярмарки, которые проводились в нем и в Бергене-оп-Зоме; ганзейцы посещали их регулярно. На протяжении почти 50 лет Антверпен служил главным центром покупки английского сукна, импорт которого в Брюгге был запрещен. В результате купцы из Кёльна, Рейнской области и с юга Германии стекались в Антверпен в растущих количествах. Наконец беспорядки и мятежи, сотрясавшие фламандские города ближе к концу XV в., нанесли смертельный удар процветанию Брюгге. В Антверпен переехали большинство иностранных купцов и консульств – португальское, итальянское, французское и английское. Только испанцы хранили верность Брюгге, который стал главным центром ввоза испанской шерсти в Нидерланды.



Ганзейская контора в Брюгге начала сворачивать дела около 1450 г. После ее перевода в Девентер многие купцы ослушались приказа своих родных городов и не вернулись на берега Звейна. Англо-ганзейская война несколько не улучшила положение, и в 1472 г. совет конторы пришлось сократить с 24 до 18 человек. В 1486 г. их сократили до 9 человек, а количество старшин – с 6 до 3. После смерти Марии Бургундской восстания в Брюгге против Максимилиана вызвали новые отъезды. В 1485 г., в соответствии с приказами регента, ганзейцы, которые делали покупки на ярмарках в Антверпене и Бергене-оп-Зоме, впервые не вернулись в Брюгге. Второй «исход» отмечен в 1488 г., после того как Максимилиана захватили граждане Брюгге. Однако контора официально восстановилась в 1493 г., совместно с другими «нациями». Но как уже случалось прежде, многие ганзейцы последовали примеру других иностранных купцов и предпочли остаться в Антверпене.

В таких условиях Ганза думала о том, чтобы перевести контору в Антверпен, где купцы пользовались давними привилегиями, предоставленными им в 1315 и 1409 гг. В 1468 г. Ганзейский союз даже купил дом на зерновом рынке. Однако привилегии ганзейцев долго не подтверждали, и власти города, которому ганзейцы были нужны не так сильно, как Брюгге, не спешили их продлевать. В начале XVI в. ганзейцы начали переговоры в надежде точно определить свой статус, однако безуспешно. Более того, многие ганзейские города хранили верность Брюгге, поскольку они были твердо убеждены, что только восстановление тамошней конторы способно вернуть им былое процветание. Даже представители Кёльна отнеслись к такой перспективе равнодушно: из-за сдерживающих правил они не хотели ослаблять свое положение в Антверпене к выгоде Любека и его купцов.

В конце концов контора осталась в Брюгге, и с одобрения правителя Ганза вновь стала применять торговое право, которое, впрочем, почти не действовало. Управляющие конторой оставались в доме «истерлингов» и как могли старались, чтобы принадлежавшая Ганзейскому союзу недвижимость не пришла в запустение. Однако в 1520 г. они решили переехать в Антверпен, сохранив традиционную печать и название «Контора из Брюгге». Но ганзейцы в Антверпене не желали подчиняться распоряжениям старшин и отказывались платить

налог, который только и мог оправдать дальнейшее существование конторы. Поэтому штат конторы все время сокращался, и к 1539 г. в ней осталось трое старшин, а 10 лет спустя – только один. Со всех точек зрения контора прекратила свое существование в 1546 г., когда, по инициативе Генриха Зюдермана, Ганза предприняла ее восстановление.

Положение ганзейцев в Англии было куда более удовлетворительным. В то время как привилегии, подтвержденные Утрехтским миром, постоянно оспаривались и нарушались, англичане жаловались, что они не получили торговых льгот в Пруссии, а им самим там чинят препятствия: например, в 1491 г. их изгнали из данцигского сообщества «Артуров двор». Отношения стали особенно напряженными во время правления кардинала Уолси (1515–1521), который делал все, что в его силах, чтобы урезать привилегии. Он затевал судебные дела, увеличивал налоги и требовал компенсации за захваченные корабли. В 1522 г. казалось, что привилегии отменяют, но положение несколько исправилось – возможно, по инициативе Генриха VIII.

В то время как конторы в континентальной Европе приходили в упадок, лондонский «Стальной двор» сохранял свое положение. Он получал выгоду от преуспевания города и расширения торговли. Зато операции других немецких представительств сокращались, особенно в Бостоне, который больше не посещали ганзейские купцы из Бергена. И все же, несмотря на то что их деятельность все больше сводилась к одному Лондону, ганзейцы по-прежнему процветали.

Ганзейский товарооборот с Англией пребывал примерно в том же состоянии, что и в XV в. Представители севера Германии экспортировали больше английского сукна, чем любая другая группа иностранцев, до 20 тысяч кусков ежегодно в первой четверти XVI в. и до 44 тысяч кусков в 1548 г. Доля Гамбурга выросла с 12 % в 1513 г. до более 20 % к середине века. В тот период английские купцы все больше отправляли свои ткани на континент, но объем торговли в ганзейской зоне как будто не увеличился. Лишь около 40 английских кораблей прошли через Зунд во второй четверти XVI в. Что же касается импорта в Англию, ганзейцы, судя по всему, сохранили монополию на воск, который в 1529 г. вырос до рекордной цифры в 8455 центнеров. Почти весь воск ввозили в Лондон. Зато торговля

мехами, как кажется, в основном перешла в руки купцов с юга Германии. Наконец, ганзейцы по-прежнему ввозили в Англию французское вино. Около сорока их кораблей ежегодно совершали рейсы туда и обратно между побережьями Пуату или Гаскони и английскими портами. В Англии – и только в Англии – в ганзейской торговле пока не наблюдалось признаков упадка.

Наряду с сокращением операций в конторах наблюдался еще один тревожный симптом – равнодушие многих городов по отношению к их правам и обязанностям как членов Ганзы.

Несмотря на напоминания и увещевания, они больше не принимали никакого участия в ганзейских делах. Союз в дальней перспективе не мог мириться с такими неоднократными отклонениями от принципов. Собор 1518 г. официально исключил из Ганзейского союза 31 город, поскольку они больше не пользуются привилегиями, больше не присылают делегатов на Ганзейские соборы и больше не держат вопросы, обсуждаемые на соборах, в тайне от своих территориальных правителей. Среди исключенных городов было немало значимых, таких как Штеттин, Франкфурт-на-Одере, Берлин, Бреслау, Краков, Халле, Хальберштадт, Гронинген, Ставорен, Арнем и Рормунд. Хотя позже некоторые из них попросили принять их обратно, их равнодушие свидетельствует о закате Ганзейского союза.

## Ганза и Фуггеры

В то время как голландцы увеличивали объем торговли со Скандинавией, Пруссией и Ливонией, представители юга Германии расширяли свою деятельность в самих ганзейских городах.

Первыми в ганзейских городах – Кёльне, Любеке и Данциге – обосновались купцы из Нюрнберга. К концу XV в. самую большую активность проявляла компания братьев Мюлих, которые прочно утвердились в Любеке и торговали с Пруссией, Данией и Франкфуртом. Но их деятельность можно считать ничтожной по сравнению с экономическим доминированием Фуггеров из Аугсбурга, которые также действовали через нюрнбергские компании.

Фуггеры проникли на северные рынки стремительнее, чем уроженцы Нюрнберга. Кроме того, они начали наступление широким фронтом, нападая на ганзейскую экономику со всех сторон одновременно. В 1491 г. они занимались финансовыми операциями и продажей сукна в Позене (Познани). В 1494 г. они обосновались в Антверпене, который вскоре стал главным центром их операций. В следующем году они учредили филиал в Бреслау. В 1496 г. Фуггеры основали банк в Любеке, которым управляли граждане Любека, – вначале банк занимался исключительно финансовыми операциями и сделками по поручению папского двора, но вскоре приступил и к коммерческим операциям. К 1502 г. Фуггеры прочно утвердились в Штеттине и Данциге, позже в Гамбурге и, наконец, в Ливонии.

Фуггеры впервые попали в ганзейскую орбиту благодаря крупномасштабной торговле медью. С 1494 г. они разрабатывали медные месторождения в Словакии, особенно месторождения в Банска-Бистрица в компании с Иоганном Турцо. Через несколько лет им удалось монополизировать торговлю медью в Северной Европе, которая раньше составляла важную отрасль ганзейской торговли. В Данциге они приняли в компанию гражданина этого города по имени Якоб Феттер, оптового торговца медью, который представлял их интересы в городском совете. Благодаря его посредничеству на переговорах с королем Дании компания приобрела привилегии в Зунде (1515) и Скандинавии. Поэтому словацкая медь, в еще больших, чем раньше, количествах, перевозилась через Краков в Данциг, оттуда в

Антверпен, а из Антверпена в Португалию. С помощью Тевтонского ордена Фуггеры утвердились на востоке и завязали отношения с русскими. Конечно, они торговали не только медью, но и многими другими ганзейскими товарами. Повсюду закупали крупные партии воска и мехов, а продавали специи и пряности, серебро, сукно и изделия из металла.

Какое-то время руководство Ганзы не ведало об опасности. Столетием раньше ганзейские купцы быстро тревожились при наступлении нюрнбергских конкурентов, но сейчас они не предприняли срочных мер для противодействия швабской компании. Скорее всего, граждане Любека считали Фуггеров в первую очередь банкирами, которые заняты переводами денег в интересах папского двора. Их слепота, возможно, объясняется коварством Якоба Фуггера. Действуя по чьему-то наущению, он скрывал свои истинные намерения, вел дела через ганзейских и нюрнбергских корреспондентов, покупал их соучастие, когда нужно, и отступал там, где это было целесообразно.

Однако вскоре стало ясно, что Фуггеры захватили всю торговлю медью. В венгерской меди признали опасного конкурента шведской меди, которую ганзейцы вывозили на запад. Незадолго до того любекская фактория, по инициативе гражданина Годерта Виггеринка, провела широкомасштабные торговые операции на Востоке, особенно с воском. В 1511 г. Ганзейский собор в Любеке, в ответ на жалобу Дерпта, постановил принять контрмеры. Он запретил транзит через ганзейские города товаров, принадлежащих крупным неганзейским компаниям. Аугсбург, Нюрнберг, Ульм, Лейпциг и герцога Померании призвали изъять товары, принадлежащие этим компаниям, из ганзейских городов, и в имперский суд направили жалобу: вопреки закону Священной Римской империи предпринята попытка учредить монополию.

Все понимали, что меры окажутся неэффективными, поэтому одновременно решено было применить силу. С 1509 г. вендские города воевали с Данией и ее союзниками, голландцами. В августе 1511 г. Любек напал на голландскую флотилию возле Данцига, потопил несколько кораблей, а остальные захватил. Среди захваченных товаров была партия в 102 ласта меди, принадлежащей Фуггерам и оцененная в 9 с лишним тысяч любекских марок.

Вскоре последовал ответный удар. Чтобы вернуть свою медь, Якоб Фуггер убедил короля Венгрии подать жалобу; он также, хотя и тщетно, просил папу Юлия II наложить на Любек папский интердикт. Обратился он и к императору Максимилиану, который не мог отказать своему банкиру. Император дважды приказывал Любеку вернуть партию меди, угрожая конфисковать его товары на всей территории Священной Римской империи. Любек предложил компромисс: представить дело на имперском сейме. Его доводом было «порицание Фуггеров, которые создали нелегальную монополию». Не желая предстать перед судом, Фуггеры довольствовались тем, что выкупили свою медь за 8 тысяч марок.

Дело окончилось успехом Ганзы, однако он стал единственным. При поддержке Данцига Фуггеры продолжали свою деятельность на Балтике. В Ливонии они импортировали серебро и экспортировали воск, купленный у местных аристократов. Русские продавали им меха, воск и смолу в обмен на серебро, специи и стеклянную посуду. Кристиан II, король Дании, предоставил им свою защиту и позволил купить медеплавильный завод в Ольдесло, у самых ворот Любека. В обмен Фуггеры оснастили Кристиану шесть кораблей для войны против Густава Васы. Им удалось сохранить и дружбу с новым королем Дании Фредериком I. Карл V был еще больше расположен к Фуггерам, чем его дед Максимилиан; для Любека не оставалось надежды вновь представить дело перед верховным судом Священной Римской империи.

Ни Любеку, ни Ганзе не удалось воспользоваться слабостью своих врагов. Они ничего не предприняли, когда в 1525 г., после смерти Якоба Фуггера, медные рудники захватил король Венгрии. Во всяком случае, поскольку Краков и Бреслау уже не были членами Ганзы, в тех краях едва ли можно было вести активную политику. Под руководством Антона Фуггера фирма продолжала вторгаться в ганзейские владения. Товаропоток по Эльбе, который попадал в Гамбург через Люнебург, становился все важнее для Фуггеров. Любеку, почти не получавшему поддержки со стороны других городов в попытках противостоять этому натиску и ослабленному внутренними кризисами при Вулленвевере, пришлось столкнуться с неприятной истиной: запрещая Фуггерам пересекать свою территорию, он помогает своим конкурентам и не слишком мешает

врагам. Поэтому Любек в 1538 г. довольствовался тем, что подписал с Фуггерами конвенцию, по которой они могли «перевозить свободно и без помех все товары, в том числе медь, из Данцига или других мест, в наш город и через него, в гавань и по внутренним водам, и отправлять его по своему желанию в Гамбург и другие места». Тем самым Любек признавал свое поражение и отказывался от долгой кампании, которую город вел против сильных противников из Аугсбурга. Последние, однако, приближались к собственному падению. Восемь лет спустя Антон Фуггер отказался от аренды месторождений в Банска-Бистрица и постепенно ушел из Северной Европы, сосредоточившись на торговле с Нидерландами и Испанией.

Борьба между Фуггерами и Ганзой была лишь эпизодом, однако она продемонстрировала неполноценность союза. Вторжение компаний из Нюрнберга и Аугсбурга – которое продолжалось еще некоторое время после ухода Фуггеров – разрушило экономическую систему Ганзы. Были проложены новые торговые пути вдоль границ ганзейских владений. Ганза перестала играть роль важного посредника в торговле между Восточной Европой, с одной стороны, и Западной Европой и Средиземноморьем – с другой. Приток компаний с юга Германии, которые в каком-то смысле вносили вклад в процветание отдельных ганзейских городов, подчеркнул расхождение интересов внутри Ганзейского союза. Данциг, Штеттин и Гамбург отказались помогать Любеку в его борьбе против новичков, которые находили в каждом городе ревностных помощников. Ганзейская солидарность пережила еще одну неудачу. В этом смысле, возможно, был прав Клаус Нордман, сказавший, что «эпоху Ганзы сменила эпоха Фуггеров».

## **Реформация и ее последствия**

Реформация, которая началась почти одновременно во всех северогерманских городах около 1522 г., была откровенно пагубной для Ганзы, поскольку давала дополнительный повод для раздоров как во всем союзе, так и в отдельных городах. Распространение нового учения часто вело к общественным и религиозным беспорядкам. Городские советы и патрициат, по крайней мере вначале, были настроены враждебно по отношению к лютеранству, зато гильдии с воодушевлением поддерживали новое учение. Патрициат поддерживали церковь и правители, которые некоторое время хранили верность старой вере. Это давало им новый предлог для вмешательства во внутренние дела городов и утверждения над ними своей власти. Наконец, подавление католицизма привело Ганзу к конфликту с Карлом V в такое время, когда имперская поддержка сделала бы возможным расширение экономических отношений Северной Германии и Испании в ущерб голландцам.

Столкнувшись с религиозными и общественными конфликтами, которые вспыхивали в разных городах, Ганза, как обычно, не сумела выработать единую политику. Из-за того что, по сути, Ганза была рупором городских советов, вначале она была настроена враждебно по отношению к любой религиозной реформе. В 1525 г. собор в Любеке предложил меры против сторонников Лютера и его учения, но только Гамбург, Росток и Люнебург согласились опубликовать соответствующие указы. Делегаты от других городов заявили, что они не уполномочены решать такие вопросы. Указ выражал враждебность по отношению к «Мартиновой секте», запрещал печать и продажу сочинений Лютера, а также тайные собрания его сторонников, под угрозой тюремного заключения.

Вскоре, однако, из-за стремительного распространения лютеранства отношение поменялось. На проведенном в том же году втором соборе было объявлено, что в делах религиозных каждый город должен решать за себя. Необходимо лишь избегать любых мятежей против существующей власти. На самом деле Ганза, в соответствии со своими традициями, больше не вмешивалась в религиозные дела, за исключением 1535 г., когда она заняла активно враждебную позицию



по отношению к анабаптистам, и в 1563 г., когда она выступила против кальвинизма, утвердившегося в Бремене. Последнее вмешательство лишний раз продемонстрировало слабость Ганзы. Бремен, исключенный из Ганзейского союза, пришлось заново принять 14 лет спустя без каких-либо серьезных уступок с его стороны.

Быстрее всего Реформация утвердилась на востоке Германии. В Пруссии ее ввел великий магистр Альбрехт Гогенцоллерн, который в 1525 г. секуляризировал прусские владения ордена к собственной выгоде. Поскольку за новую веру высказались епископы, она утвердилась мирно даже в балтийских округах, где ландмейстер сохранил верность католицизму.

В Данциге, который находился под властью короля Польши, волну протестантизма сдерживало противодействие бургомистра Фербера, городского совета и короля: в 1526 г. он распустил городской совет и заново ввел католицизм силой. Однако такая реакция была лишь временной. Распространение лютеранства было непреодолимым, и в 1557 г. король издал указ, в котором разрешал свободу вероисповедания.

На Западе католицизм оборонялся более стойко, особенно в церковных владениях. В Кёльне и других рейнских городах католицизм никогда не подвергался серьезной угрозе. Зато в Вестфалии Реформация одержала сравнительно легкую победу в Дортмунде, а позже в Зосте, хотя последний в какой-то степени был привержен прежней вере. В 1531 г. реформаторы утвердились в Мюнстере, несмотря на сопротивление епископа. Верх там одержали анабаптисты из Нидерландов, которые устроили в Мюнстере «царство Христово» «двенадцати апостолов пророка Матиса», место которого после его смерти занял Иоанн Лейденский. В городе на год утвердилось теократическое правление, и Мюнстер на время стал ареной бесчисленных религиозно-фанатических выходок. После этого город был взят войсками мюнстерского архиепископа, и в нем восстановили католицизм. Этот знаменитый эпизод не остался без последствий для Ганзы. Страх, который он породил, помог поддержать или восстановить патрицианский режим в других городах и ускорил крах демократического правительства Любека.

В саксонских и вендских городах Реформацию распространял Бугенхаген, ученик и друг Лютера. Он покинул Виттенберг, чтобы

устроить новую церковь сначала в городе Брауншвейге (1528), затем в Гамбурге (1529), Любеке (1531), Померании, Дании (1537) и, наконец, в герцогстве Брауншвейг.

Почти во всех городах религиозная реформа сопровождалась политическими и социальными изменениями. Средний класс воспользовался возможностью, чтобы ограничить и контролировать влияние городских советов. Оппозиция обычно действовала через комиссию, в которую входило от 40 до 60 членов. Ее поддерживало более многочисленное собрание, избираемое лютеранскими приходами. Уже в 1524 г. такую комиссию, состоящую из 40 человек, создали в Висмаре; ее власть в основном распространялась на финансовую сферу. В комиссию включили 23 нечленов гильдии, в том числе 8 пивоваров, судовладелец, купец, мельник и еще 11 человек, которых называли просто «бюргерами». Из 20 членов гильдий в комиссию входили розничные торговцы, ткачи, кузнецы, пекари и четыре государственных служащих. Судя по этим цифрам, революционное движение в основном ограничивалось гильдиями. Подобно конфликтам XIV–XV вв., к борьбе против патрициев примкнули некоторые купцы. Примерно такой же состав был и в комиссии Ростока 1533–1535 гг., куда вошло 64 человека. В ней состояли 10 пивоваров и по крайней мере 5 купцов, причем некоторые из них были родственниками членов городского совета. Если же распределить их по семи классам налогоплательщиков, 12 членов комиссии принадлежали к первым трем классам, 41 – к четвертому и пятому, и 10 – к двум последним.

В Бремене религиозные перемены носили более радикальный характер. Возможно, из-за своей враждебности по отношению к архиепископу, феодальному правителю города, городской совет благосклоннее отнесся к лютеранству. Несмотря на это, уже в 1526 г. реформаторы требовали политических преобразований, а пять лет спустя городской совет вынужден был работать вместе с «комиссией сорока», которую позже заменила «комиссия шестидесяти четырех», избранных приходами. Почти все советники бежали из города, когда революционеры выказали откровенную враждебность по отношению к крупным купцам. Новая власть ограничила экспорт зерна отдельными гражданами 10 ластами (5 ластами, если речь шла о Португалии). Участие всех иностранцев в экспорте зерна и леса было запрещено.

Тем временем архиепископ объединился со ссыльными и в 1534 г. напал на город, который вскоре сдался. Две комиссии распустили, их главу казнили. В городе восстановили власть городского совета, а гильдии признали недействительными. И все же, несмотря на все это, восстановить католицизм не удалось.

Распространение Реформации и даже общественные волнения, вызванные ею, не представляли реальной угрозы для Ганзы. Но как и в начале предыдущего века, события в Любеке, повлиявшие на международную политику города, привели к кризису в Ганзейском союзе.

С самого начала городской совет Любека был настроен к новому вероучению резко отрицательно. Отчасти все объяснялось врожденным консерватизмом и страхом оскорбить императора. Но главным образом члены городского совета боялись, что их кузены могут потерять свои пребенды и церковные посты. По мере того как лютеранство продвигалось вперед, городской совет выслал двух проповедников, объявил сочинения Лютера вне закона и штрафовал тех, кто их распространял. В 1528 г. совету, которому требовались деньги на войну с Данией, пришлось согласиться на образование комиссии из 64 человек, которая надзидала за тем, как тратятся доходы. В комиссию входил Юрген Вулленвевер, который вскоре возглавил оппозицию. Комиссия неоднократно требовала отменить меры, враждебные Реформации, и в 1530 г. городской совет вынужден был вернуть двух сосланных проповедников и позволить им «читать проповеди» во всех церквях. Через несколько месяцев совет уступил народным угрозам и отменил католические обряды. В город приехал Бугенхаген, чтобы учредить новую церковь. Он назначил руководителя, которому помогали присяжные. Монастыри были секуляризированы. «Комиссия шестидесяти четырех» приказала убрать из церквей все золотые и серебряные украшения (весившие 96 центнеров). Они пошли на финансирование войны. Кроме того, комиссия составила подобие конституции в 26 статьях, по которой она получала власть в городском совете. Городской совет больше не имел права заключать союзы, провозглашать указы или делать займы без согласия комиссии. В будущем город должен был управляться совместно советом, «комиссией шестидесяти четырех» и собранием,

куда входили 100 человек, избранных приходами. В следующем году совет ратифицировал новый церковный устав.

Беспомощность отцов города отчасти стала результатом слабости любекского патрициата, который к тому времени состоял главным образом из владельцев имений и рантье. Патрициат почти перестал кооптировать в свои ряды купцов, разбогатевших собственным трудом. Поэтому оппозиция пользовалась поддержкой не только гильдий, но и ряда купцов. Важно, что «комиссию шестидесяти четырех» возглавляли два купца, одним из которых был Вулленвевер, а также пивовар и якорщик, которые представляли две самые влиятельные гильдии. Если Вулленвеверу и удалось на время преуспеть в своем начинании, то только потому, что он пользовался поддержкой самых активных элементов среди городского населения Любека.

## Поражение Вулленвевера

Юрген Вулленвевер не был уроженцем Любека. Его семья приехала в город из Перлеберга в западном Бранденбурге и в конце XV в. обосновалась в Гамбурге. Отец Юргена, крупный купец, входил во «Фландрскую компанию». Средний из трех его сыновей, Иоаким, остался в Гамбурге, где поступил в «Английскую компанию» и стал членом городского совета. Ревностный сторонник Реформации, он много сделал для того, чтобы город оказал содействие датским планам своего брата. Юрген, который родился около 1488 г., возможно, поселился в Любеке в 1526 г. и получил гражданство в 1531 г. К тому времени он уже начал свою политическую карьеру. Неизвестно, почему он решил обосноваться в Любеке; возможно, он хотел торговать в компании с братом. Судя по всему, торговля не была успешной. Возможно, неудача в делах, а также религиозный пыл усиливали его враждебность по отношению к любекскому патрициату.

Вскоре Вулленвевер как член «комиссии шестидесяти четырех» приобрел большое влияние благодаря своему красноречию и искренности религиозных убеждений. В 1531 г., после разрыва реформаторов с патрицианским советом, который с большой неохотой ратифицировал новый церковный устав, он начал играть господствующую роль в делах Любека, особенно после того, как город тайно покинули Брёмсе и Плённис – два из четырех бургомистров, за которыми вскоре последовали большинство членов городского совета, – и подали жалобу императору. Воспользовавшись их бегством, Вулленвевер ввел в состав городского совета семерых новых членов, не принадлежавших к патрициату, хотя все они были представителями верхушки купечества, рантье и торговцев тканями. Он стал фактическим правителем города, а в 1533 г. его выбрали бургомистром и он стал править Любеком по закону.

Пока события развивались примерно так же, как в других городах, но в Любеке торжество Реформации и поражение патрициата вылились в амбициозную внешнюю политику, которую проводил Вулленвевер. Он хотел, воспользовавшись династическими распрями в Дании, захватить контроль над Зундом, чтобы Любек, таким образом, закрыл Балтийское море для голландцев. Казалось, события

благоприятствовали его замыслам. Кристиана II, короля Дании и Норвегии с 1513 г. и зятя Карла V, в 1523 г. свергнул его дядя, Фредерик I. При поддержке императора Священной Римской империи и голландцев в 1531 г. он высадился в Норвегии в попытке вернуть себе корону. В результате Любеку удалось усилить давление на Фредерика I; кроме того, город надеялся заключить союз с Густавом Вазой, которого в 1521 г. не без помощи Любека избрали королем Швеции. Ожидалось, что за Любеком последуют другие ганзейские города. В самом Любеке Вулленвевера поддерживали и купцы, испуганные конкуренцией со стороны голландцев, и низшие сословия, традиционно настроенные враждебно к датчанам. В самой Дании Любек мог рассчитывать на ценных союзников: в Дании, как и в Германии, нарастал общественный и религиозный антагонизм между католической знатью и бюргерами и даже крестьянами, которые перешли на сторону Реформации.

На деле же замыслы Вулленвевера не осуществились. Фредерик I, не желавший участвовать во враждебных действиях по отношению к голландцам, предпочел с ними договориться на том условии, что они прекратят поддерживать Кристиана II. Более того, ему удалось при помощи вероломства пленить своего соперника. Ганзейские города отнеслись к плану Любека прохладно или даже враждебно. Прусские города совсем не хотели прогонять голландцев с Балтики. Поддержку Любеку оказали лишь два вендских города с демократическим правлением, Росток и Висмар. Кроме того, Любек бестактно попросил Густава Вазу вернуть долги, из-за чего шведы перешли в лагерь противника. Неожиданно оказалось, что Любеку придется вести пиратскую войну против голландцев почти в одиночку.

Внезапная смерть Фредерика I в апреле 1533 г. еще больше осложнила ситуацию. Любек и датские города предложили корону Кристиану, герцогу Шлезвига и Гольштейна, сыну покойного короля, который перешел в протестантизм и входил в Шмалькальденскую лигу. Но Кристиан отказался играть по правилам Любека, предпочтя вести переговоры о своем вступлении на датский престол с Карлом V. Раздосадованный Любек организовал военно-морскую демонстрацию под руководством самого сильного сторонника Вулленвевера, Маркса Мейера – любопытной фигуры, бывшего кузнеца из Гамбурга, который стал кондотьером и возглавил любекские вооруженные силы.

Обаятельный, хвастливый, окруженный постоянными скандалами, но не обладавший подлинными талантами полководца, Мейер оказывал на Вулленвевера дурное влияние и вынудил того принять много опрометчивых решений.

Хотя морская экспедиция провалилась, у нее имелся один неожиданный результат. Маркс Мейер высадился в Англии и добился благосклонности Генриха VII, который посвятил его в рыцари и обещал активно поддерживать политику Любека. Скорее всего, именно поэтому Вулленвевер держался так бескомпромиссно на переговорах с голландцами, начатых к тому времени в Гамбурге. Несмотря на свое изолированное положение, Вулленвевер потребовал от голландцев 300 тысяч гульденов, и переговоры сорвались. К тому времени и в Любеке положение Вулленвевера стало шатким. Церковные круги боялись, что эксцессы низов скомпрометируют Реформацию, а сторонники патрициата мужались. Вулленвевер поспешил из Гамбурга назад, добился казни своих соперников и с помощью разных уловок ввел в городской совет некоторых своих друзей. После того в городском совете оставалось всего четыре представителя «лучших семей».

Таким образом укрепив свое положение, Вулленвевер пошел на крайне опрометчивый шаг. Он провозгласил, что Любек больше не признает герцога Шлезвига королем Дании, но поддерживает Кристиана II, который в то время еще был узником. Он подготовил крупномасштабную военную экспедицию, призванную освободить пленника. Таким образом Любек представал поборником законных притязаний Кристиана. План оказался рискованным, главным образом потому, что, променяв кандидата-протестанта (герцога Кристиана) на человека, который снова обратился в католичество и, более того, был зятем Карла V, Вулленвевер рисковал навлечь на себя недоверие Шмалькальденской лиги и всего протестантского мира. И все же ему удалось переманить на свою сторону бургомистров Копенгагена и Мальмё, а также датских крестьян, которые были враждебно настроены к аристократии. С другой стороны, Густав Ваза по-прежнему сохранял враждебность, и Вулленвевер напрасно надеялся на претендента, который сумеет свергнуть его со шведского трона. Он обратился к Генриху VIII, но тот отказался помогать. Остались в стороне и другие ганзейские города, за исключением Висмара и Ростка. Подкрепление прислал только Штральзунд; Гамбург и

Люнебург ограничились скромной финансовой помощью. Самой сильной картой у Любека был союз с графом Кристофером Ольденбургским, который предоставил необходимые войска. Любек подписал с ним конвенцию, которая свидетельствует о размахе планов Вулленвевера<sup>[56]</sup>.

Любек совершил ошибку, распылив силы. Маркс Мейер пытался захватить Гольштейн, но ему не удалось ни освободить Кристиана II, ни одержать решительную победу.

Зато экспедиция в Данию увенчалась блестящим успехом. В июне 1534 г. Кристофер Ольденбургский высадился на острове Зеландия и быстро овладел Копенгагеном и островами. В Мальмё вспыхнул мятеж; там признали королем Кристиана II. Зунд оказался в руках немцев, и пошлина взималась на их флагманском судне.

Победа оказалась недолговечной. Герцог Кристиан, при поддержке датской знати и различных князей-протестантов, среди которых были курфюрст Бранденбурга и герцоги Померании и Брауншвейга, вскоре собрал более сильную армию, чем у его врагов. В июле знать Ютландии и Фюна провозгласила его королем Кристианом III. Вулленвевер тщетно искал новых союзников; он дошел до того, что предложил датскую корону курфюрсту Саксонии, а корону Швеции – герцогу Мекленбургскому, католику. От Генриха VIII он получил лишь финансовую помощь. Положение стремительно менялось; после того как Кристиан III захватил Травемюнде, Любек оказался отрезан от моря. Вулленвевера открыто критиковали; он вынужден был вернуть в городской совет некоторых своих противников, а в ноябре 1534 г. заключить перемирие по Гольштейну с Кристианом, чье положение было ослаблено крестьянским восстанием. Датская военная операция закончилась на следующий год. Несмотря на вмешательство герцога Мекленбургского, Любек понес два решающих поражения. Первое – на суше, на острове Фюн, второе на море, возле Свендборга, в проливе Большой Бельт, где к датскому флоту присоединились прусские корабли. Кристиан III отвоевал острова. Только Копенгаген продержался еще год; его защищал Кристофер, который тщетно ждал помощи от Карла V.

Эти последовательные поражения ускорили падение Вулленвевера. Ганзейский союз, делегации на который прислали около 20 городов, от Кампена до Риги, призвал Любек закончить войну. Любек решил



подчиниться имперскому мандату под страхом того, что его объявят вне закона. Пришлось восстановить в городском совете патрициев и изгнать тех, кем их заменили. В отсутствие Вулленвевера его выдвиженцы подали в отставку. 19 августа 1535 г. он последовал их примеру. Через два дня бывший патрицианский бургомистр Брёмсе, пообещав соблюдать устав лютеранской церкви, был восстановлен в должности. Первое время Вулленвевера оставили в покое. Он даже начал переговоры с Генрихом VIII, собираясь возобновить борьбу. Но когда он проезжал по владениям своего врага, архиепископа Бременского, его арестовали и передали герцогу Брауншвейгскому, который приказал подвергнуть его пытке. Под пыткой Вулленвевер признался и в преступлениях, которые не совершал: экспроприации церковной собственности, планировании вооруженного мятежа в Любеке, заговоре с целью распространения учения анабаптистов. 24 сентября 1537 г. его обезглавили, а труп колесовали и четвертовали.

Его богатая событиями и яркая жизнь и значительность целей сделали Вулленвевера самой известной личностью в истории Ганзы. В XIX и XX вв. он стал героем ряда романов и пьес, где его обычно выставляли в благоприятном свете. Однако историки начиная с Георга Вайтца довольно сурово критиковали его, осуждая за демагогию, неустойчивый характер, противоречивость, ошибки и несбыточность его прожектов. Вулленвеверу, конечно, не доставало качеств великого государственного деятеля, и он совершил много ошибок, наименее серьезной из которых – если эта ошибка в самом деле исходила от него – является ссора с Густавом Вазой. Глупо было в то время и в ту эпоху вмешиваться в политику, надеясь на поддержку низов против патрициата. Более того, Вулленвевер не понимал, что падение Ганзы непоправимо и даже он не в состоянии его остановить. Но, конечно, ему нелегко было видеть события так, как мы видим их сейчас. Частичный успех датской вылазки свидетельствует о том, что его планы были не совсем несбыточной. Они принесли Любеку значительные, пусть лишь временные, преимущества. Остается еще один вопрос, на который невозможно получить определенного ответа: в самом ли деле Вулленвевер вдохновлял политику города в те роковые годы и руководил ею, или он выступал всего лишь в роли городского рупора?

После падения Вуленвевера патрицианский совет поспешил закончить авантюру как можно скорее и как можно дешевле. Члены городского совета подписали мир с Кристианом III, признав его королем при условии, что он подтвердит ганзейские привилегии. Кроме того, они подписали пятилетнее перемирие со Швецией. Но датский вопрос еще не был решен. Карл V поссорился с Кристианом III и стал поддерживать его соперника, пфальцграфа Фредерика, мужа своей племянницы. Он даже попросил о помощи голландцев против датчан. Но Любек, в унынии от поражения, не попытался вернуть утраченные позиции, и в 1544 г. Карл V, по Шпейерскому договору, отказался от своего кандидата и получил право свободного прохода по проливу Зунд для своих датских подданных. Конфликт голландцев и Ганзы за торговое превосходство на Балтике окончился победой голландцев.

Два года спустя появилась новая угроза. Карл V, укрепив свою власть на юге Германии, начал продвигаться севернее, сражаясь с протестантизмом. Почти все крупные ганзейские города вступили в Шмалькальденскую лигу и потому оказались в непосредственной опасности. Они либо выходили из нее и благоразумно объявляли нейтралитет, либо подчинялись. Исключение составили Магдебург и Бремен. Первый был объявлен вне закона, второй дважды (в марте и мае 1547 г.) осаждали имперские войска; кроме того, он потерял весь флот. Однако осаду вскоре пришлось снять; сторонники империи были разгромлены протестантскими князьями в сражении при Дракенбурге. Несмотря на решающую победу при Мюльберге, Карл V готов был примириться. Ганзейские города были спасены от католической реакции и физического завоевания.

Эти удары серьезно подорвали силу и стабильность Ганзы. Отсутствие единства среди ее членов ощущалось в то время особенно часто. В 1534 г. Любек сражался с Данией почти без всякой помощи. Другие города либо бросили его, либо, как Данциг, открыто выступили против. Контраст становится особенно ярким, если вспомнить, что в 1367 г. почти такое же положение окончилось общим воодушевлением, которое сплотило приморские города. Нет ничего удивительного в том, что в глазах всего мира Ганза была глубоко дискредитирована. Вплоть до тех пор Любек считали главой мощной конфедерации. В будущем он начнет представлять только себя, а иностранные державы, особенно

Англия при Генрихе VIII, перестанут оказывать ему особое внимание. Зато престиж Дании, Швеции и Голландии возрастет, и равновесие сил в северных морях сместится в другую сторону.

## **Глава 14**

### **Обновление и затмение (1550–1669)**

К середине XVI в. Ганза оказалась на грани распуска. Изоляция и бессилие Любека во время катастрофической авантюры 1534 г. как будто предвещали полный распад. Но во второй половине столетия произошло подлинное возрождение Ганзы, которое проявилось в серьезных и в известной степени успешных попытках укрепить связи внутри союза. В силу одного обстоятельства, борьбы провинций на севере Нидерландов за освобождение от испанского владычества, объем торговли в ряде ганзейских городов заметно вырос. Это позволило Ганзе, при поддержке Священной Римской империи, взять в свои руки – пусть и временно – часть торговли между Северной Европой и Пиренейским полуостровом, которая до тех пор находилась в руках голландцев.

Однако это частичное и кратковременное обновление не остановило распада. На востоке Ганзу ослабило завоевание Ливонии русскими и шведами, что лишило Ганзу прибалтийских городов. На западе конкуренция со стороны англичан, которую долго удавалось сдерживать, становилась сильнее по мере того, как «Купцы-авантюристы» получали все большую долю в товарообороте между Англией и Германией. Последний смертельный удар нанесла Тридцатилетняя война: когда наконец восстановился мир, Ганзейскому союзу так и не удалось возродиться.

### **Попытки реорганизации**

Начиная примерно с 1500 г. в ганзейских кругах часто высказывались два противоположных мнения. Одни говорили, что Ганза умирает и ничто не может предотвратить ее кончины. Другие уверяли, что для общего блага важно возродить Ганзу – либо старыми, испытанными, либо новыми средствами. Последняя точка зрения особенно широко распространилась накануне Тридцатилетней войны. Предлагались многочисленные планы по реформированию; они

обсуждались на Ганзейских соборах. Несколько из них удалось воплотить в жизнь.

Многие полагали, что спасти Ганзу получится лишь с помощью извне. Они отчетливо сознавали, что слабость Ганзы проистекает главным образом из-за отсутствия поддержки со стороны какого-нибудь сильного государства – чем пользовались ее конкуренты. Вдобавок то, что ганзейские города присягали на верность столь многим и разным правителям, не могло не парализовать деятельность сообщества. Отсюда возникла мысль, что Ганзе следует вверить себя покровительству какого-нибудь влиятельного государя. В первую очередь думали об императоре Священной Римской империи, но опыт показывал, что с той стороны едва ли можно было ожидать действенной поддержки. Император, поборник католицизма, который опирался на поддержку германского юга, из-за внутренних противоречий империи колебался то в одну, то в другую сторону и возбуждал столько недоверия, что к нему решили не обращаться. Не могло быть и речи о короле Дании, потомственном враге Ганзы. Данциг не раз предлагал в качестве покровителя, хранителя и защитника Ганзы короля Польши. Но обсуждение его кандидатуры ни к чему не привело, поскольку интересы сторон оказались слишком различными.

Рассматривали еще один проект: союз с имперскими городами по всей Германии. Данное предложение поступило от самих имперских городов и возникло от их желания укрепить свой авторитет по отношению к местным правителям и императору. По сути, предложение стало возобновлением плана сделать города одним из составных элементов империи, однако прежняя мечта окончилась бесславно вместе с Лигой рейнских городов 1254 г. И все же старый план предлагали вновь и вновь с поразительным упорством. Во второй половине XVII в. он привел к длительной переписке. Но было очевидно, что такого рода лига городов – утопия. На самом деле попытка укрепить Ганзу с помощью поддержки извне стала успешной лишь в одном случае, когда заключили союз с Республикой Соединенных провинций Нидерландов в 1616 г. И даже этот союз оказался не настолько долговечным, чтобы принести плоды; его оборвала Тридцатилетняя война.

Подобные попытки консолидации извне отличались большей или меньшей непрактичностью. Куда более реалистический подход проявили сторонники укрепления Ганзейского союза изнутри. И здесь столкнулись две противоречивые точки зрения, из которых так и не удалось ничего выбрать. Одни считали, что союз следует восстановить до прежнего размера и что непокорные города следует заставить исполнять ганзейские обязанности. Под настоятельным и убедительным давлением некоторые города, которые уже давно не присылали делегации на Ганзейский собор, согласились еще один раз прислать своих представителей и официально подтвердили, что они еще являются членами Ганзы. Но такие демонстрации оказались всего лишь пустыми жестами. Другие города, особенно Бремен, считали, что воссоздавать крупное сообщество бессмысленно, поскольку большинство городов отказывались исполнять свои обязанности и обращались к Ганзе лишь в тех случаях, когда ощущали угрозу своим интересам. Лучше было бы сгруппировать несколько верных городов, готовых идти на жертвы ради общего блага. В соответствии с таким замыслом в начале XVII в. заключили пробный союз между шестью главными саксонскими и вендскими городами, которые вступались за Брауншвейг, когда последнему угрожал его герцог. Но пробный союз не перешел в постоянный. Зато созданный в 1630 г. союз Бремена, Гамбурга и Любека, хотя и не слишком действенный, просуществовал долго, таким образом подтвердив, что Ганза, по крайней мере внешне, доживет до XX в.

К середине XVI в. общее желание укрепить союз вылилось в две важные меры. Во-первых, появилась конституция союза, где были четко определены финансовые обязательства, по образцу *tohopesate* XV в., а во-вторых, назначили ганзейского функционера, который назывался синдиком. Назначение такого должностного лица стало совершенно новой отправной точкой.

Дискуссии о возможной перекройке структуры Ганзы велись уже давно, но ни к чему не приводили из-за противодействия Кёльна, где боялись, что союз городов вызовет гнев местных правителей. И все же Кёльн пересмотрел свое отношение и принял проект конфедерации, который был рассчитан на 10 лет и в котором подробно перечислялись обязанности членов. Ганзейский собор 1557 г. составил проект конституции или Ганзейской хартии, состоявшей из 10 статей

(Konfederationsnotel). Его скрепили своими печатями главные города 4 четвертей (Кёльн, Брауншвейг, Любек и Данциг). Хартию одобрили представители 63 городов, прибывшие на собор. В ней просто повторялись указы, которые часто согласовывались. Города обязаны были присылать делегатов на соборы и проводить в жизнь решения соборов; любые споры между двумя городами необходимо было представлять на рассмотрение соседних городов и, как крайнее средство, на рассмотрение Ганзейского собора. Прибегать к помощи сил

извне запрещалось. Все члены союза обязаны были защищать сухопутные и водные пути, нести расходы на посольства и выплату компенсации жертвам агрессии; члены союза должны были сообщать давать вооруженный отпор агрессорам, осуществлять строгий контроль за иностранцами, бродягами и ремесленниками. Виновные стороны, которые не признавали приговора, исключались из союза. Помимо того, конституция призывала уважать императора и местных правителей, правительства различных городов, а также разрешала создание отдельных союзов между членами конфедерации и неганзейскими державами.

10 лет спустя, в 1579 г., соглашение о конфедерации было продлено, а статьи конституции не раз пересматривались или уточнялись. Конституция в целом оставалась в силе до Тридцатилетней войны. Но она не могла восстановить Ганзу в полной силе, и декреты, которые выпускала конфедерация, часто не принимались во внимание. Список из 63 городов, которые одобрили конституцию, способен ввести в заблуждение. Многие из них, особенно ливонские города и города на Зейдерзе, а также Гослар в Саксонии, собирались выйти из сообщества. Свидетельством растущему дезертирству со стороны городов, расположенных в удалении от моря, может служить малое количество членов конфедерации в Брауншвейгской четверти. По сути, там к конфедерации принадлежали всего семь саксонских городов, причем ни один из них не находился южнее Гарца. Половину членов конфедерации составляли рейнские и вестфальские города; многие из них были очень маленькими. Тем не менее по сравнению с предыдущим периодом Ганза успешно укрепилась для того, чтобы просуществовать еще 60 лет.

Самым примечательным достижением конфедерации стало общее принятие и частичное применение принципа, согласно которому все города должны вносить ежегодный финансовый взнос. Никогда прежде Ганза не могла добиться чего-то большего, нежели экстренные сборы средств на какие-то конкретные цели. В 1554 г. Ганзейский собор ввел ежегодный налог (ашшшп), который 63 городам надлежало платить заранее, за 5 лет. Размер налога определялся пропорционально примерному благосостоянию каждого города. Кёльн и Любек должны были платить по 100 талеров в год, Гамбург и Данциг – по 80, Бремен, Люнебург и Кёнигсберг – по 60 и так далее, вплоть до самых маленьких городов, которые платили по 10 талеров. Собор 1557 г. одобрил налог, но не включил его размеры в статьи конституции. С тех пор, хотя велось много споров о ставке налога, принцип предоплаты никогда не ставился под сомнение. Ту же шкалу использовали как основу для сборов на экстренные случаи. По мере необходимости от членов конфедерации ожидали уплаты взноса вдвое, втрое, вдесятеро и даже – в 1591 г. – в 40 раз выше обычной ставки.

Естественно, налоги вызывали ожесточенные споры, и собрать их удавалось не всегда. С самого начала большинство саксонских городов не хотели платить, а угрозы исключения действия не возымели. В 1601 г. Кёльн задолжал более 8 тысяч талеров, а Кёнигсберг – 3600. Другие города имели задолженности на меньшие суммы. Только Любек, Гамбург и еще два или три города платили полностью. Вскоре возникла необходимость ввести завуалированные налоговые льготы для более мелких городов. Их просили внести лишь основную сумму (*annuum*). Увеличенные экстренные налоги (*kontributio*) собирались лишь с 14 самых значительных городов.

Учреждение регулярных налогов должно было дополниться созданием автономного ганзейского казначейства, но, как и раньше, такая мера осталась нереализованной. На практике необходимые суммы вносил Любек или другие города, а должников просили вернуть средства, надеясь, что они появятся на основании дохода от сбора налогов. Поскольку создать казначейство не удалось, от городов потребовали хотя бы аккуратно вести счета. На соборе 1579 г. 13 городов действительно представили свои счета, но от остальных ничего добиться не удалось. Одни объявили себя неплатежеспособными, другие представили длинные меморандумы о



делах, уходящих более чем на сто лет в прошлое. Счета, которые необходимо было проверить, были связаны с суммами в несколько сотен тысяч талеров, и вскоре пришлось оставить попытки исправить недоразумение.

Такое положение дел в конце концов в 1612 г. вызвало появление общего казначейства, которое находилось под строгим надзором. Но средства, которые стекались в казначейство, оказались ограниченными: налоги, взимаемые в зарубежных конторах, прибыль от продажи имущества бергенской конторы или серебряной таблички «Стального двора», штрафы и т. д. На самом деле в казначействе редко находились суммы, превышавшие 1000 талеров, и оно не могло исполнить функцию, которую на него возлагали. Несомненно, такие финансовые затруднения серьезно препятствовали возрождению сообщества.

Желание реформ проявилось и в назначении в 1556 г. «синдика Ганзы». И титул, и должность были совершенно новыми. Сообщество уже страдало от отсутствия собственных чиновников, которые готовили бы повестку дня соборов и занимались важными вопросами между соборами. Эти обязанности вначале исполнялись городским советом Любека, а позже – любекским синдиком. В середине XVI в. необходимость постоянного должностного лица с юридическим образованием ощущалась особенно остро. Пост поручили Генриху Зюдерману из Кёльна. Лучший выбор трудно было сделать. Выходец из прославленной патрицианской семьи, сын бургомистра, доктор правоведения, окончивший университет в своем родном городе, на дипломатической службе которого он состоял, Зюдерман на 35 лет всецело посвятил себя ганзейским делам. Будучи юрисконсультom, он принимал участие в работе всех Ганзейских соборов и во всех переговорах. За 14 лет он совершил почти 50 дипломатических поездок, главным образом в Нидерланды и Англию, а кроме того, во все части Германии, Богемию и Польшу. Несмотря на многочисленные препятствия, он осуществил свое желание: организовал работу ганзейской конторы в Антверпене традиционным способом. Правда, в конце ему с горечью пришлось наблюдать за тем, как все его труды сводятся на нет.

Вначале назначенный на 6 лет, Зюдеман позже сохранил за собой пост, а в 1576 г. его назначили синдиком пожизненно<sup>[57]</sup>. По этому

случаю, в дополнение к дипломатическим и юридическим обязанностям, его наделили задачей проводить ревизию льгот и привилегий и написать историю Ганзы, а также трактат по морскому праву. Ему не удалось завершить ни одну из этих задач. Хотя в целом Зюдермана почитали за рвение, его часто осыпали оскорблениями. Подвергали сомнению его счета, часто уклоняясь от оплаты его расходов.

В результате он получал лишь часть причитающегося ему жалованья и вознаграждения. Но до самой смерти в 1591 г. Зюдерман неустанно трудился, став поистине душой сообщества и последним великим ганзейцем.

Зюдерман неопровержимо доказал, как полезно иметь ганзейского синдика. И все же, из мелочной экономии, его заменили не сразу, и место оставалось вакантным до 1605 г., когда синдиком назначили Иоганна Домана, синдика Штраль-зунда. Доман тоже проявил большую активность. Как дипломат он не добился таких же успехов, как его предшественник, и вызывал больше критики, однако он оставался в должности, если не считать пропуска в год, до своей смерти в 1618 г. После него на этот пост регулярно назначали одного из любекских синдигов вплоть до роспуска сообщества. Хотя деятельности синдигов Ганзы очень вредила ревностный надзор и скупость, создание должности свидетельствует о жизнеспособности союза.

О том же говорит и растущее число Ганзейских соборов после 1550 г. В 1535–1552 гг. их провели всего три. В 1553–1567 гг. их было 14, почти по одному в год. Затем, в 1568–1597 гг., их количество упало до 5, но выросло до 20 в период между 1598 и 1621 гг. Четверти также продолжали собираться регулярно. Вендская четверть проводила соборы особенно часто. Вендские города по-прежнему играли в союзе ведущую роль, часто беря на себя инициативы при начале переговоров от имени Ганзы в целом. Как и в прошлом, главой сообщества оставался Любек. Возможно, его власть даже укрепилась. Ни эпизод с Вулленвевером, ни относительный упадок города (Гамбург обгонял Любек как в численности населения, так и в объеме торговли) не пошатнули его ведущего положения. В нескольких случаях Любек просил, чтобы его освободили от этого бремени, которое, по его предложению, могли взять на себя Бремен или Кёльн, но к его

предложениям не прислушивались. Любек оказался незаменимым в роли центра Ганзы.

Несомненно, сообщество сохраняло свой престиж до конца XVII в., что показывают просьбы о вступлении, которые Ганза еще получала время от времени. Так, в 1521–1553 гг. Нарва четырежды просила принять ее в Ганзу. Всякий раз Рига и Ревель, которые не без оснований боялись стремительно растущего конкурента, добивались того, что в просьбе Нарве отказывали. Эмден также безуспешно подавал просьбу принять его в Ганзу в 1597 г. Город критиковали за излишнюю угодливость по отношению к голландцам. Кроме того, Ганза показала, что, несмотря на свои недостатки, она не потерпит откровенного нарушения конституции. В 1563 г. Бремен, который принял кальвинизм и выгнал членов городского совета, исключили из Ганзейского союза. Но этот суровый поступок окончился неудачей, так как Ганза была не настолько сильна, чтобы заставить город подчиниться. Позже Бремен представил вопрос на рассмотрение императору, по чьим приказам город в 1576 г. приняли обратно, не заставив его пойти на реальные уступки. Последним из Ганзы в 1601 г. исключили небольшой город Штаде, повинный в том, что он предоставил привилегии английским купцам; но эта санкция не имела практических последствий.

В итоге все достойные попытки Ганзы укрепить свою организацию во второй половине XVI в. оказались недолговечными. Чувство солидарности между входившими в нее городами неуклонно снижалось, города уклонялись от исполнения своих финансовых обязательств и даже не трудились присылать делегатов на Ганзейские соборы. В 1606–1628 гг. Кёльн ни разу не присылал своих представителей на Ганзейский собор. Серьезные ошибки во внешней политике в сочетании с внутренними недостатками ускорили закат, который с тех пор уже ничто не могло остановить.

## **Катастрофа: Ливония, Антверпен, Англия**

В середине XVI в. Европа оказалась в центре политических потрясений, которые имели далекоидущие последствия. Эти события причинили Ганзе серьезный вред. В конце XV в. наступление русских на Балтике было остановлено ливонским отделением Тевтонского ордена. Падение Новгорода принесло процветание ливонским городам, к которым перешла основная часть новгородской торговли с Западом. Однако 50 лет мира закончились после того, как Иван IV Грозный возобновил политику экспансии. В 1558 г. он неожиданно напал на Ливонию, которую не в силах был защитить Тевтонский орден. Русские завоевали Нарву, Дерпт, который был полностью уничтожен, и почти всю страну. Захвата избежали только Рига и Ревель. Ландмейстер Тевтонского ордена искал союзников. Любек и другие ганзейские города ограничились тем, что прислали деньги и снаряжение. В обмен на территориальные уступки военную помощь оказали Дания и Польша, но им не удалось остановить развитие событий. В 1562 г. ландмейстер Кеттелер секуляризировал то, что осталось от его государства, под именем герцогства Курляндия и Семигалия, вассальное по отношению к Великому княжеству Литовскому. Остров Эзель (Сааремаа) перешел под власть Дании, а Ревель попал под шведский протекторат. Наступил конец Тевтонского ордена.

Русско-ливонская война имела серьезные последствия по всей Европе. Вначале предлагали крестовый поход, затем разрыв торговых отношений с Русью. Но события обернулись иначе. Иван Грозный пощадил Нарву; вместо того чтобы разрушить город, как он разрушил Дерпт, он помог ему восстановиться и сделал Нарву русским портом на Балтике. Торговля в Нарве стремительно развивалась; скоро Нарва затмила Ревель, поскольку ее посещали купцы из стран Прибалтики, датчане, голландцы, англичане, шотландцы и даже французы и испанцы. Все они привозили ткани и соль, а вывозили меха и воск, который они покупали в Нарве дешевле, поскольку им уже не приходилось вести дела через посредников-ливонцев. Спустя короткое время в Нарву ежегодно заходили сотни кораблей. Нарва превратилась в важный международный порт на Балтийском море.

Любек не замедлил воспользоваться создавшимся положением. Город был серьезно встревожен известием об экспедиции Ченслера. Мореплаватель обогнул с севера Скандинавию и Кольский полуостров и в 1553 г. достиг устья Северной Двины. В Москве его принял Иван Грозный; Ченслер получил грамоту на право свободной торговли с Московским государством. Вскоре после возвращения Ченслера в Лондон была создана Московская компания. Все выглядело так, будто англичане, получив новый торговый путь через Архангельск, скоро перехватят всю торговлю России с Западом. Уже в 1556 г. Ганзейский собор строго запретил своим членам ездить новым путем. В результате Любек постарался как можно быстрее установить отношения с Нарвой. Любекские купцы прекратили ездить в Ревель, где за последние полвека они претерпели немало притеснений. Любек посылал все больше своих кораблей в новый русский порт, чтобы возобновить прежнюю торговлю. Любек даже обвинили в том, что он, вопреки имперскому запрету, продает русским стратегические военные товары. Впрочем, все обвинения Любек с негодованием отвергал.

Едва успели привыкнуть к новому положению, как возникла новая угроза: на сцене появились шведы. Шведам как защитникам Ревеля и его интересов хотелось господствовать в Финском заливе и получать свою долю прибыли от торговли с русскими. Их столкновение с Любеком было неизбежным. В 1565 г. шведы захватили 32 любекских корабля, возвращавшихся из Нарвы. Когда на следующий год, в начале северной Семилетней войны (или Войны трех корон, как ее называли, потому что войну объявили под ложным предлогом, что Фредерик II Датский якобы упорно размещает на своем гербе три скандинавские короны), начались военные действия между Данией и Швецией, Любек решительно встал на сторону Дании, упрекая Швецию в том, что она домогается их владений на Балтике. Любек выступал поборницей ганзейских прав и свобод. Такое отношение не вызвало ни сочувствия, ни подражания со стороны других городов сообщества, которые не желали разрывать торговые отношения со Швецией. Встав на сторону Дании, Любек оказался в еще более изолированном положении, чем при Вулленвевере.

Тем не менее Любек вел войну с поразительной энергией. Он оснастил четыре военных корабля, в том числе «Адлер», один из крупнейших в тот период 68-пушечный трехпалубный корабль

грузоподъемностью в 3 тысячи тонн, и какое-то время ему сопутствовала удача. Но в 1566 г. Любек потерпел решительное поражение у берегов Готланда, когда затонул его флагманский корабль «Мориан». С ганзейской точки зрения красноречивее всего безжалостная ярость, с какой два члена сообщества нападали друг на друга. В 1569 г. любекская эскадра бомбардировала Ревель и захватили или сожгла 100 судов.

Хотя условия Штеттинского мира (1570) нельзя назвать неблагоприятными, они остались только на бумаге. Любеку не удалось сохранить торговые отношения с Россией. В 1581 г. шведы оккупировали Нарву, и все надежды на развитие торговли с этим городом подошли к концу. Ревель вернул себе функции города-посредника и снова начал процветать. Торговля Любека с русскими землями всегда зависела от доброй воли либо Швеции, либо Польши. Война снова сыграла на руку купцам тех стран, которые сохраняли нейтралитет, то есть голландцам и англичанам, и окончилась новым наступлением конкурентов Ганзы. Кроме того, война лишний раз продемонстрировала отсутствие единства в Ганзейском союзе и показала, насколько невозможно примирить разные интересы его членов. Ливонские города, подвластные Швеции или Польше, больше нельзя было считать ганзейскими.

С военной точки зрения хуже всех пришлось Любеку. Жертвы, на которые готов был пойти город, оказались напрасными. Любек усвоил урок и оставил все попытки отстаивать свои коммерческие интересы с помощью силы. Таким образом, Война трех корон знаменует собой конец Ганзы как военно-морской державы на Балтике.

В то время как на Востоке сила Ганзы подвергалась суровому испытанию, большие надежды возлагались на реорганизацию конторы в Антверпене. С начала XVI в. ганзейские купцы, как и купцы из других стран, оставили Брюгге и переехали в Антверпен. Город процветал, и купцов там оказалось столько же, сколько раньше было в Брюгге, – в обычные времена больше ста. Но они больше не составляли организованного сообщества, отчасти потому, что Ганза так долго сохраняла фикцию конторы в Брюгге. Три старшины, которые образовали совет конторы, не обладали никаким авторитетом, и в их распоряжении была лишь смехотворно малая сумма денег, так как никто, кроме кёльнских купцов, не удосуживался платить налог на

деловые операции. Средства, необходимые для содержания принадлежащих Ганзе зданий в Брюгге, приходилось занимать у городов. Немецкие купцы, которым не терпелось образовать компании с гражданами Антверпена или иностранцами, позволяли своим компаньонам пользоваться ганзейскими привилегиями и облегчали им торговлю с Северной Германией.

Возможным представлялось единственное решение. Ганзейским купцам пришлось перегруппироваться в сообщество, организованное в соответствии с традициями. В 1540 г. начались переговоры с Антверпеном в надежде получить подтверждение и продление прежних привилегий. После значительных отсрочек город обещал Ганзе важные льготы в том случае, если в нем появится постоянная контора. Дело сдвинулось с мертвой точки, лишь когда его исполнение поручили синдикку Зюдерману. На Ганзейском соборе 1555 г. постановили восстановить контору. В том же году в Антверпен послали делегацию; так учредили новый совет конторы, состоящий из трех старшин и четырех советников. Они имели власть над всеми ганзейскими купцами в городе. Главной задачей конторы были начисление и сбор налога с оборота (schoss).

Воплотить принятые меры в жизнь оказалось непросто. К тому времени многие немецкие купцы прочно обосновались в Антверпене, женились и завели компании с иностранными партнерами, то есть делали то, что Ганза всегда запрещала. Этим husgesetene («обитателям-домовладельцам»), как их называли, приказали переехать в любой ганзейский город по их выбору вместе с женами и детьми, а свои дела в Антверпене передать неженатому агенту. Тринадцать из них, включая очень богатых, отказались, предпочтя такому исходу лишение всех ганзейских привилегий.

Однако этого оказалось недостаточно. Было очевидно, что даже те купцы, которые подчинились приказу, продолжают вести запрещенные коммерческие операции в компании с гражданами Антверпена. Чтобы положить конец такой деятельности, Зюдерман задумал честолубивый план построить крупный центр, где они обязаны будут селиться и вести торговлю. Так было всегда заведено в других конторах, за исключением Брюгге. В 1563 г. Антверпен согласился с его замыслом, выделил участок на краю нового города, взял на себя треть расходов на строительство и передал Ганзе полное владение построенным зданием.

Работу поручили антверпенскому архитектору; она была завершена через четыре года (1564–1568). Здание стало самым большим ганзейским гражданским строением. Сохранился рисунок ван Удена, который дает представление о его размерах. Здание было в форме четырехугольника, окружавшего большой внутренний двор на 5 тысяч квадратных метров, а длина фасада составляла 80 м; окон в здании было «столько, сколько дней в году», в нем имелось 23 кладовых, 133 спальни и 27 погребов, а также дортуары, трапезные и кухни. Оно стало подходящим символом возрождения ганзейской мощи и как будто сулило блестящее коммерческое будущее.

Но Ганзе не везло. Еще до того, как здание было достроено, начались иконоборческие беспорядки, которые стали предвестниками междоусобицы, и экономическая активность города начала ослабевать. Вскоре контора столкнулась с неразрешимыми финансовыми трудностями, которые усугубились в 1576 г. после разграбления города испанцами. Долги, которых к тому времени накопилось на 18 тысяч фунтов, невозможно было заплатить, как надеялись, из взимаемого налога с оборота. Ганзейские города пришли на помощь конторе с помощью «взноса», который в 10 раз превышал обычный налог, но даже такая мера принесла лишь 5 тысяч талеров. Осада Антверпена Александром Фарнезе в 1584 г. вызвала бегство последних купцов. В 1591 г. пришлось прибегнуть к новому «взносу», в 40 раз превышавшему обычный ежегодный налог. Ганзе даже пришлось продать табличку конторы; правда, ситуацию это спасло.

Серьезнее финансовых затруднений стала полная неудача попытки восстановить ганзейскую торговлю в Нидерландах через антверпенскую контору. Пришлось глубоко сожалеть не только о разрушении Антверпена. Кёльн и Гамбург выгадали на иммиграции иностранных купцов. Но со строго ганзейской точки зрения безуспешная попытка воссоздать контору в Нидерландах, которая вполне могла возродить увядающую солидарность городов, нанесла смертельный удар по Ганзейскому союзу.

В Англии ганзейская торговля в первой половине XVI в. продолжала процветать, и немецким купцам в целом успешно удавалось требовать соблюдения своих привилегий. Как и прежде, такие льготные условия проистекали из доброй воли, выказанной по отношению к ним королевской властью. Но во второй половине века положение начало



меняться. Монархия стала поддерживать «Купцов-авантюристов» и поощрять английскую торговую экспансию в континентальную Европу. В таких условиях ганзейская торговля в Англии не могла не сократиться.

В 1553 г. Эдуард VI объявил о прекращении ганзейских привилегий. Понятие Ганзы, по его словам, было настолько туманным, что выгодами членства в Ганзейском союзе мог пользоваться кто угодно. Через несколько месяцев королева Мария I официально восстановила права ганзейцев, хотя их по-прежнему не соблюдали. В результате Ганза объявила о приостановке торговли. Однако в следующем году Ганзейский союз уполномочил немцев торговать с англичанами в Нидерландах и сохранил блокаду только по отношению к самой Англии. Принятые меры способствовали тому, что блокада стала неэффективной.

После восхождения на престол Елизаветы I обстановка на время разрядилась. В 1563 г., когда началась война между Англией и испанскими Нидерландами, Ганза продемонстрировала свойственную ей нерешительность. Несмотря на усилия Зюдермана, Кёльн и Гамбург, которые главным образом и были заинтересованы в сохранении торговли с Англией, отвергли попытку образовать альянс с регентом Нидерландов. Хуже того, поскольку англичане учредили основной оптово-экспортный рынок для своего сукна в Эмдене – неганзейском городе, – Гамбург предложил им привилегированные условия в своем городе. В 1567 г. подписали соглашение сроком на 10 лет, и Зюдерману не удалось его предотвратить. «Купцам-авантюристам» передали два дома, правовые гарантии и освобождение от налогов более или менее на тех же условиях, что предоставлялись и своим гражданам. Им запрещалось лишь торговать в розницу, вести коммерческие операции на Эльбе и самим красить и отделывать свои ткани. Хотя в одной статье оговаривалось, что данное соглашение не должно идти в ущерб ганзейским привилегиям в Англии, оно стало настоящим предательством сообщества. Гамбург поставил свои интересы выше интересов других городов. Соглашение оказалось для Гамбурга очень выгодным, но в остальном ганзейская торговля в Англии сократилась, в то время как английская торговля в Германии расширилась. Ганза лишняя раз продемонстрировала свою слабость, не посмеяв принять решительных мер против Гамбурга. Союз ограничился лишь

давлением на город и требованием аннулировать соглашение, что в конце концов удалось. Тем временем в Англии немецких купцов, в том числе из Гамбурга, постоянно донимали, и в 1578 г. городской совет Гамбурга решил не продлевать привилегии «Купцам-авантюристам». Но они продолжали свои операции, сделав сначала Эмден, а затем Штаде центрами импорта для своего сукна.

Английские купцы проникали не только в Западную Германию, но и на Балтику, где им удалось обернуть к собственной выгоде соперничество между ганзейскими городами. Когда Данциг, который они посещали чаще остальных городов, начал проявлять к ним враждебность из-за того, что его гражданам в Англии чинили препоны, англичане перебрались в Эльбинг. После долгих переговоров «Купцы-авантюристы», объединившиеся в Восточную компанию, в 1579 г. получили привилегированное здание в городе. Ганзе не хватило решимости для того, чтобы публично осудить Эльбинг. Правда, впоследствии город, очевидно, не считали членом Ганзейского союза. Судя по всему, это не слишком повредило городу. Когда несколько лет спустя обсуждался вопрос о его повторном приеме в Ганзейский союз, Эльбинг предъявил такие непомерные требования, что в 1618 г. его заявку отклонили.

Английские привилегии, предоставленные Эльбингу, оставались в силе до 1628 г. Сначала они оказались весьма выгодными для города. Более сотни английских кораблей заходили туда в 1586 и 1587 гг., а затем до 1612 г. – до 50 кораблей в год. Англичане ввозили ткани и вывозили зерно и лен. Зловещим признаком стало то, что Гамбург преуспел, предав ганзейскую солидарность.

Тем временем Любек пытался помешать торговым успехам англичан и не придумал ничего лучше, чем обратиться к императору Рудольфу II и обвинить «Купцов-авантюристов» в образовании монополии вопреки законам Священной Римской империи. Любек даже получил от рейхстага решение об изгнании англичан, которое, правда, император отказался подписать. Англичане остались непреклонными и, особенно после разгрома Непобедимой армады, стали все более неподатливыми. В 1589 г., обвинив Ганзу в том, что она поддерживает испанцев, они захватили возле Лиссабона 60 ганзейских кораблей. После того немецкие купцы почти совсем покинули «Стальной двор».

Гамбург, раздраженный благосклонностью, какую англичане оказывали Штаде, присоединился к Ганзе во втором обращении к императору, надеясь принять против Штаде энергичные меры. В 1597 г., после долгого периода нерешительности, Рудольф II, возможно подстрекаемый Испанией, запретил «Купцам-авантюристам» приезжать в Германию, а немецким купцам вести с ними дела под угрозой объявления вне закона под тем предлогом, что «Купцы-авантюристы» преследуют

монополистическую политику и препятствуют свободе на море. Почти сразу же последовала контратака. 13 января 1598 г. Елизавета I приказала закрыть лондонский «Стальной двор» и запретила ганзейцам торговать и даже просто находиться на территории ее владений. Исключение сделали только для купцов из Данцига и Эльбинга, которые не были подданными императора<sup>[58]</sup>. Вскоре здания «Стального двора» были конфискованы.

Этот произвол вызвал в Германии большие волнения, но на самом деле, как и в случае с новгородским «Немецким подворьем» столетие назад, закрытие «Стального двора» лишь официально подтвердило непоправимый закат ганзейской торговли в Англии. Конфискация «Стального двора» стала просто видом репрессалий, и в 1606 г. «Стальной двор» вернулся владельцам. Но спасти контору было уже поздно.

В континентальной Европе Ганзе пришлось перенести еще более серьезное поражение, когда Штаде отказался смириться с потерей выгодной для него торговли с Англией и, не тронутый исключением из Ганзейского союза, в 1601 г. успешно повел переговоры о возвращении «Купцов-авантюристов». Шесть лет спустя император подтвердил привилегии этой английской компании. В 1611 г. Гамбург, после некоторой заминки, также решил возобновить льготы для «Купцов-авантюристов» примерно на тех же условиях, что и в 1567 г. Это соглашение оказалось очень выгодным как для англичан, так и для Гамбурга, однако Ганзе был нанесен очередной удар. Ганзейских купцов, которые веками контролировали торговлю с Англией на севере Германии и на Балтике, вытеснили из туманного Альбиона, а конкуренты заняли их место даже в самой Германии.

## Торговая экспансия

Растущее доминирование иностранцев, неудачи на востоке и западе и откровенное отсутствие единства среди городов составляют неопровержимое доказательство упадка Ганзы во второй половине XVI в. Однако тот же период отличался беспрецедентным ростом ганзейской торговли, особенно заметным в отдельных крупных портах. По сути такой результат вызван общим ростом европейской торговли в тот период, связанным как с увеличением количества кораблей, так количества перевозимых товаров. Данное явление подтверждается так называемыми «зундскими сводками», которые сохранились более-менее в целости начиная со второй половины XVI в. Ганза очень выиграла от общей экспансии, хотя и в меньшей степени, чем ее конкуренты. Особенную выгоду она получила от увеличившегося спроса на зерновые в Нидерландах, на Пиренейском полуострове и в Италии; от разрушения Антверпена, из-за чего некоторые крупные иностранные компании учредили свои представительства на севере Германии; а также от войны между Испанией и Соединенными провинциями Нидерландов, что позволило ей, пусть частично и временно, перехватить торговлю, которую обычно вели голландцы. Поэтому не будет парадоксом сказать, что в дни своего заката Ганза достигла большей степени торгового процветания, чем в дни своего расцвета.

Одним из факторов успеха Ганзы стал ее торговый флот; по оценкам Вальтера Фогеля, в конце XVI в. он насчитывал 1000 кораблей вместимостью в 45 тысяч ластов (90 тысяч тонн); треть судов принадлежала Любеку, еще одна треть – Гамбургу. Это составляет рост примерно в 50 % по сравнению с ганзейским флотом в конце XV в.

До Тридцатилетней войны любекский флот всегда был больше, чем флот любого другого ганзейского города. В 1595 г. у Любека было 253 корабля, причем вместимость 50 из них превосходила 120 ластов, при общей вместимости около 9 тысяч ластов. Возможно, в XVII в. количество кораблей еще увеличилось. На верфях всегда кипела работа; каждый год на воду спускали 15–20 судов: в 1608–1620 гг. – 270 кораблей вместимостью от 40 до 50 ластов; в 1621–1641 гг. – 457 кораблей, вместимость 6 из которых превышала 200 ластов, а

вместимость 73 составляла 120 ластов. Очевидно, судостроители начали изменять конструкцию судов применительно к тогдашним требованиям торговли. До 1608 г. и после 1621 г. они производили больше крупных кораблей, предназначенных для рейсов в Испанию. Во время перемирия между Испанией и Нидерландами, когда голландцы снова захватили

большую часть торговли с Пиренейским полуостровом, там строили более мелкие суда, рассчитанные на торговлю со странами Прибалтики. Тридцатилетняя война не сказалась на деятельности любекских верфей. Спад не давал о себе знать до периода после Вестфальского мира.

Ганзейская флотилия больше не представляла весь немецкий торговый флот, как в XV в., поскольку последние 30 лет XVI в. были отмечены внезапным беспрецедентным ростом торговой флотилии небольшого города Эмдена, который не входил в Ганзейский союз. Судя по документу 1572 г., Эмден служил портом приписки для 572 кораблей. Вместимость 10 из которых превышала 100 ластов, а общая вместимость составляла 21 тысячу ластов. По сути, эмденская флотилия стала сопоставима с английским торговым флотом. Подобный казус легко объяснить. Голландцы, восставшие против испанцев, больше не могли торговать с Пиренейским полуостровом. Поэтому они создавали многочисленные компании в Эмдене, чтобы продолжать торговать под нейтральным флагом. Но переменчивая судьба города и Нидерландов способствовала быстрому закату Эмдена. К концу XVI в. эмденская флотилия уменьшилась наполовину, а в начале XVII в. сократилась до четверти своего прежнего размера. Но даже такая флотилия еще позволяла порту играть заметную роль в северных морях.

Ганзейский флот был намного меньше, чем голландский, который стремительно развивался. По примерным оценкам, в конце XVI в. вместимость судов голландского торгового флота составляла 120 тысяч ластов, а в зените, в середине XVII в., – 250 тысяч ластов. Кроме того, голландцы явно превосходили ганзейцев в искусстве судостроения. Начиная с 1595 г. они строили множество грузовых судов нового типа, флейтов, длина которых в 4–6 раз превышала их ширину; они отличались низкой осадкой и улучшенной оснасткой. Флейт был быстроходным кораблем и мог совершать не один, а два рейса в год с

Балтики в Испанию. У ганзейцев не оставалось иного выхода, кроме как строить корабли нового типа самим; однако лишь в 1618 г. на любекской судовой верфи спустили на воду первый флейт. Превосходство голландцев было подавляющим со всех точек зрения. Тем временем англичане стремительно наращивали производство судов. В 1582 г. общая грузоподъемность судов английского торгового флота составляла 67 тысяч тонн, в 1629 г. – 115 тысяч тонн; к тому времени по тоннажу он превосходил ганзейские суда. Грузовместимость французского и испанского флотов оценить невозможно.

В XVI в. ганзейцы значительно расширили сферу своей морской торговли. Ежегодно около 15 больших кораблей из Гамбурга ходили на север, в Исландию, и возвращались с треской. В 1602 г. Кристиан IV, король Дании, запретил им ходить в Исландию, что не помешало Гамбургу по-прежнему считаться континентальным рынком для исландской трески. На востоке несколько кораблей из Бремена и Гамбурга следом за англичанами доходили до Архангельска; но на том направлении регулярная торговля не велась.

Новым и примечательным, хотя и кратковременным, явлением стало появление ганзейских кораблей в Средиземном море. Они отправились туда после нескольких лет голода, который переживала Италия в конце XVI в. Так как Испания перекрывала поставки зерна, которое раньше привозили голландцы, некоторые итальянские правители, в том числе великий герцог Тосканский, герцог Мантуанский и даже папа римский, послали своих эмиссаров за зерном в Гамбург и Данциг. В 1591 г. 25 ганзейских кораблей, 21 из которых был из Любека, прошли залив Зунд, направляясь в Италию. Такие же рейсы они совершали и в последующие годы. Портами назначения обычно заявлялись Ливорно и Генуя. Кроме того, свои заказы присылали венецианцы, и несколько лет корабли из Данцига ходили в Адриатику. Венецианцы предоставили ганзейцам равные права с представителями юга Германии на «Немецком подворье». Правда, выходцы с юга Германии держали новичков на расстоянии. Несколько раз уроженцы Данцига доплывали даже до Крита. Они везли туда зерно, лес и металлы, а назад привозили вино, растительное масло и фрукты.

Торговля на Средиземном море отличалась нестабильностью. Ганзейцы часто возвращались домой с балластом. Кроме того, в Средиземноморье рыскали пираты. В 1615–1629 гг. варварийские

пираты захватили около 20 любекских кораблей. По примеру голландцев в Гамбурге в 1623 г. создали Адмиралтейство, которому поручили задачу подавления пиратства. На следующий год учредили фонд с целью выкупа порабощенных пленников. Некоторые из них, чтобы избежать

рабства, переходили в мусульманскую веру. Один капитан из Гамбурга поступил на службу к пиратам Варварин под именем Мурад. Ганзейцы появились на Средиземном море из-за отсутствия там голландцев. После 1609 г., когда Нидерланды и Испания подписали перемирие, немецкие корабли почти перестали туда заходить, и суда из Гамбурга редко выбирались дальше Малаги.

Ганзейцы не слишком активно участвовали в европейской колониальной экспансии. После 1585 г. несколько кораблей добирались до Бразилии, обычно по пути заходя в Лиссабон. В 1590 г. в Гамбурге было 10 кораблей, которые совершали прямые рейсы туда и обратно. Но испанцам не слишком хотелось открывать свои колонии иностранцам, и немецкие корабли можно было редко увидеть в Новом Свете или у побережья Африки.

В XVI в. и ранее основой ганзейской коммерции была торговля между востоком и западом. «Зундские сводки» предоставляют довольно много сведений о такой процветающей торговле и ее росте, особенно в связи с передвижением кораблей<sup>[59]</sup>. В 1497, первом году, за который доступны подобные сведения, лишь 795 кораблей прошло через Зунд с востока на запад и с запада на восток. Несколько лет в первой трети XVI в. их количество не превышало тысячи. Но в 1557–1569 гг. через Зунд в среднем проходило 3280 кораблей в год, в 1581–1590 гг. – 5036, а в 1596 г. их количество достигло максимума в 6673 корабля. Затем в период 1601–1610 гг. их количество сократилось до 4500 в год, снова увеличилось до 4900 в следующем десятилетии – период перемирия между Испанией и Нидерландами – и установилось на средней цифре в 3500 кораблей в год в 1621–1650 гг., причем колебания из года в год были довольно значительными. Так, по сравнению с концом XV в. количество проходов в конце XVI в. увеличилось в 6 раз, в то время как количество кораблей выросло втрое. Примерно в 80 % таких рейсов корабли направлялись в ганзейские порты на Балтике между Любеком и Ревелем или оттуда.

«Зундские сводки», по крайней мере на период после 1557 г., также дают некоторое представление о типе и количестве товаров, которые везли в обе стороны. Однако при более пристальном рассмотрении становится ясно, что в сводках много неточных сведений: купцы и судовладельцы намеренно искажали данные ради собственной выгоды. Они декларировали меньше соли и зерна и больше леса, чем везли на самом деле, и сравнительно больше ржи, чем пшеницы. Поэтому эти на первый взгляд точные цифры могут давать отклонения на целых 100 %. Тем не менее они позволяют лучше, чем в предыдущие века, оценить общий масштаб ганзейской торговли. И все же они не покрывают всей торговли между востоком и западом, так как невозможно оценить объем торговли, которая велась по суше и по рекам между Любеком и Гамбургом. Речная торговля по-прежнему играла важную роль, особенно в те периоды, когда ухудшались отношения с Данией.

Товары с Востока, которые провозили через Зунд в западную Европу, оставались примерно теми же, что были в XIV и XV вв. Единственными новыми экспортными товарами, которые везли через Данциг, стали селитра и поташ, до тех пор неизвестные. Однако сравнительная значимость традиционных товаров заметно изменилась. Русские меха больше не занимали самого важного места в товарообороте Любека и ливонских городов – возможно, потому, что теперь их вывозили другим путем, через Лейпциг и Франкфурт. Воск, хотя и утратил прежнее значение, все же оставался сравнительно важным товаром. Торговля лесом с конца XV в. заметно снизилась, и эта тенденция становилась все заметнее к концу XVI–XVII вв., возможно, потому, что запасы леса по берегам Вислы и в нижнем течении Двины почти истощились. Зато сохранили значимость побочные продукты лесопереработки – зола, деготь и смола. Их ежегодно экспортировали по несколько тысяч ластов. Пенька и лен, спрос на которые укреплялся благодаря росту судоходства во всех странах (оснастка и паруса), служили источниками благосостояния для ливонских портов, которые добывали их главным образом в Литве и Белоруссии. В самом начале XVII в. пенька и лен составляли 60 % общего экспорта из Риги. Наконец, металлы, которые в прошлом были ведущим товаром в операциях южногерманских компаний, проходили



через Зунд сравнительно малыми партиями; значимость сохраняли лишь железо из Швеции и Галисии.

Однако любопытнее всего в начале новой эпохи необычайный рост экспорта зерна на запад. Под влиянием устойчиво растущего спроса зерноводство стало ведущей отраслью сельского хозяйства не только в Пруссии и Польше, но и на Украине, в прибалтийских странах и Померании. Повсюду крупные землевладельцы интенсифицировали производство с целью экспорта продукции. Главным центром торговли зерном оставался Данциг, куда свозили рожь из все более отдаленных регионов<sup>[60]</sup>. В обычное время более 75 % зерна с востока проходило через Данциг и направлялось в перевалочные порты Амстердам, Лондон и Гамбург. Остальное по большей части предназначалось для Кёнигсберга, Риги и Штеттина. Несмотря на существенные колебания, экспорт ржи из Данцига, которую главным образом везли на голландских кораблях, вырос с максимальных 10 тысяч ластов в год в конце XV в. более чем до 40 тысяч ластов в год в период 1562–1566 гг., а затем более чем до 65 тысяч ластов в последние 4 года перемирия между Нидерландами и Испанией. В 1618 г. зафиксирована рекордная цифра – 74 тысячи ластов. В начале Тридцатилетней войны наблюдался заметный спад (несколько сот ластов в 1628 и 1629 гг.), но в 1640–1644 гг. товарооборот снова вырос до 50 тысяч ластов, а в 1649 г. – до 68 тысяч ластов<sup>[61]</sup>. Наверное, можно сказать, что экспорт ржи между 1500 и 1600 гг. увеличился примерно в 5 раз. То же самое относится к другим видам зерновых. После 1619 г. значительно вырос и экспорт пшеницы, но, возможно, это связано лишь с более строгим досмотром грузов. Ячмень не играл существенной роли, за исключением нескольких пиковых лет в XVII в. В то же время экспорт муки, которую во второй половине XVI в. вывозили в больших количествах, в следующем столетии существенно сократился.

Торговля в обратном направлении, с запада на Балтику, сохраняла примерно тот же характер, что и в XV в. Товаропоток с запада на восток по-прежнему значительно уступал товаропотоку с востока на запад, и этот дисбаланс точно отражен в «зундских сводках». Примерно вплоть до 1600 г. более половины судов, входивших в Балтийское море, были гружены балластом. Особенно это касалось голландских сухогрузов, для которых пропорция составляла более 60 % в 1590–1600 гг., в то время как для кораблей, идущих в обратную

сторону, в течение целого столетия, с 1557 до 1667 г., менее 2 % кораблей шли порожняком.

Главными западными товарами, которые ввозили на Восток, по-прежнему оставались соль и ткани. В середине XVI в. французская соль сохраняла преобладание, какое она получила к концу XIV в., с той только разницей, что теперь соль почти исключительно везли не из Бурньёфа, а из Бруажа. В 1557 г. из 422 немецких кораблей, шедших через Зунд на восток, 240 шли с грузом из Бруажа. У 87 из них портом приписки значился Гамбург, у 65 – Данциг, у 31 – Бремен, у 20 – Эмден и у 13 – Любек. Однако, поскольку в то время Испания воевала с Францией, ряд голландских кораблей, чьи владельцы были испанскими подданными, ходил под ганзейскими флагами. Но даже три года спустя, после восстановления мира, количество немецких «соляных кораблей», которые проходили через Зунд, по-прежнему равнялось 197, и все они шли из Бруажа (из них 45 данцигских, 39 гамбургских, 31 бременский и 31 Любекский). За ними шли 84 судна из Нидерландов. Позже, когда во Франции вспыхнули религиозные войны, торговля солью значительно сократилась, зато укрепились торговые связи ганзейцев с Пиренейским полуостровом. Именно поэтому в 1575–1600 гг. на Балтике преобладала соль из Португалии. Но Вервенский мир 1598 г. снова вернул французскую соль на первое место, где она и оставалась всю первую половину XVII в., за исключением нескольких лет.

В течение всего периода количество соли, которое везли через пролив Зунд, судя по сводкам, ежегодно в среднем составляло около 30 тысяч ластов. Время от времени ее количество вырастало. «Пиковыми» можно считать 1562, 1568, 1578, 1624 и 1647 гг. Максимум, почти 60 тысяч ластов, был достигнут в 1623 г. Соблазнительно провести корреляцию между передвижением соли на восток и зерна – на запад. Но такая корреляция невозможна, поскольку «пиковые» годы для двух этих товаров различны. Товаропотоки определялись спросом и предложением. В восточном Кёнигсберге находился главный порт для импорта соли, откуда она направлялась дальше, в Ригу и Данциг. Возможно, самым крупным покупателем соли являлась Литва.

Несмотря на развитие польской текстильной промышленности, сукно по-прежнему в больших количествах импортировали с запада.

Главным образом ввозили английское и голландское сукно, которое даже в ганзейских владениях наконец вытеснило сукно из Фландрии и Брабанта. Не снижался и импорт вина. Рейнские вина, а также вина из Аквитании и Португалии, теперь главным образом поставляли голландцы. Данциг по-прежнему оставался главным распределительным центром на Балтике. В 1583 г. импорт вина приблизился к 6500 омам, то есть примерно к 10 тысяч гектолитров. Кроме того, в то время когда рыбные промыслы на Скании приходили в упадок, значительными оставались поставки на восток голландской и норвежской рыбы. Сравнительно новыми статьями импорта стали кожи и шкуры из Англии и Шотландии, которые теперь регулярно ввозились на Балтику.

Самым новым фактором в коммерции ганзейских городов со второй половины XVI в. стал рост товарооборота с Пиренейским полуостровом, ставший результатом восстания в Нидерландах против Испании и отделения Соединенных провинций. Филипп II принимал жесткие экономические и дипломатические меры против мятежников и планировал большой союз, имевший целью развал голландской торговли. В союз должны были войти Ганза, Швеция, Польша, а позже Дания. Хотя из планов Филиппа ничего не вышло, Испания, не в силах отказаться от товаров, которые прежде поставляли голландцы, тепло привечала немецких торговцев. Значительно возросло количество «испанских гостей» (*Spanienfahrt*), главным образом сосредоточенных в Гамбурге, Любеке и Данциге, а также и в других портах. В 1574–1578 гг. 92 корабля из Данцига ходили в Португалию. В 1590 г. 300 немецких судов заходили в пиренейские порты – главным образом Лиссабон, Порту, Сетубал в Португалии, Санлукар (порт Севильи) и Кадис в Андалусии. Менее посещаемыми оставались астурийские и галисийские порты.

Экспорт ганзейцев на Пиренейский полуостров главным образом состоял из продуктов питания, рыбы и прежде всего зерна, а также товаров для нужд испанских армии и флота: леса, селитры, меди для пушек и чеканки монет, льна и пеньки для такелажа и парусов. Назад ганзейцы везли соль из Лиссабона и Сетубала, растительное масло и средиземноморские фрукты, колониальные товары, специи и пряности, красильное дерево из Пернамбуко и особенно сахар из Сан-Томе или Бразилии.

Однако торговля с Испанией имела несколько недостатков. Самым серьезным считалось пиратство, особенно со стороны англичан, которые стремились перехватить эту торговлю. Чтобы минимизировать риски, ганзейские фрахтователи требовали, чтобы суда ходили западнее Ирландии, что, по крайней мере для тех, кто направлялся в норвежские порты, не составляло большого обходного пути. Но капитанам обычно не хотелось идти в обход; они предпочитали плыть напрямую, через Па-де-Кале. Более того, испанцы не доверяли ганзейцам, потому что голландские купцы часто селились в немецких городах и продолжали торговать с Пиренейским полуостровом под ганзейским флагом. В качестве ответной меры испанское правительство настаивало на сертификатах происхождения как для судов, так и для грузов. Выяснив, что таких мер недостаточно для предотвращения мошенничества, испанцы в 1603 г. решили облагать товары налогом в 30 % от стоимости, что свело бы на нет торговлю с Германией. В 1607 г. к королевскому двору Испании направили ганзейскую делегацию, расходы которой оплачивал главным образом Гамбург. На переговорах обсуждалось также участие Ганзейского союза в торговле с Новым Светом и учреждение конторы в Лиссабоне. Однако единственным результатом, которого добилась делегация, можно считать отмену 30 %-ного налога.

Отношения с Пиренейским полуостровом, судя по всему, достигли своего пика в первые годы XVII в. После подписания мира между Испанией и Нидерландами в 1609 г. торговля пошла на спад. В 1616 г. образовался союз между Ганзой и Соединенными провинциями Нидерландов. Правда, он был направлен главным образом против Дании, которая перекрывала пролив Зунд. Союз стал провозвестником смены курса. Впрочем, в 1621 г., когда между Голландией и Испанией снова начались военные действия, ганзейцы, не колеблясь, пожертвовали новыми союзниками ради «испанских гостей», и в торговле с Испанией начался новый бум. В 1621 г. 85 кораблей из Гамбурга зашли в Лиссабон. Двумя годами позже 101 ганзейское судно заходило в португальские порты и 56 – в испанские. В 1627 г. 47 судов из Гамбурга заходили в порт Сетубала. Но такое возрождение было кратковременным и скоро прервалось из-за Тридцатилетней войны.

В то время для ганзейской торговли была характерна возрастающая роль иностранцев. Особенно заметным стало преобладание

голландцев. В 1550–1650 гг. количество голландских судов, проходивших Зунд, составляло более половины всех проходов, кроме исключительных обстоятельств. Иногда количество голландских судов достигало двух третей. Во всех балтийских портах, возможно, за исключением Любека, голландских судов было больше, чем немецких. Англичане, через свои учреждения в Гамбурге, Штаде и Эльбинге, контролировали торговлю английским сукном в Германии. Тем временем после изгнания в 1560 г. компаний из Нюрнберга и Аугсбурга почти всю торговлю в ганзейской области перехватывали голландские, итальянские и португальские компании.

Результат иностранного вторжения не всегда оказывался невыгодным для ганзейских городов. Рост торговли был выгоден для них; некоторые бюргеры богатели, вступая в компании с иностранцами. Наиболее пагубно такой порядок сказывался на тех ганзейских купцах, которые теряли свою роль посредников, когда иностранцы начинали напрямую вести дела с производителями, и на судовладельцах, которым трудно было найти фрахтователей для своих кораблей. Многие купцы, помня о своем былом величии, не слишком хотели превращаться в простых агентов или представителей иностранных компаний. Разрываясь между этими противоборствующими интересами, каждый город вел довольно нерешительную экономическую политику. В целом в выигрыше оказался традиционный консерватизм Ганзы, чьи самые пылкие поборники были прочно связаны с такими обществами, как *Englandsfahrer* в Гамбурге или *Schonenfahrer* в Любеке. Кёльн, Рига и Любек ужесточали свои торговые законодательства, ввели более строгие «гостевые законы» и запрещали своим гражданам вступать в компании с иностранцами. Однако в других городах, особенно в Гамбурге, правил новый дух. Традиционная система корпоративной организации, основанная на точнейших и подробнейших правилах, общих для всех ганзейских городов, сменялась небольшими группами, более гибкими, в одном смысле более местническими, но более восприимчивыми к проектам, которые подразумевали международное сотрудничество.

Новый дух ярко проявился в фирме Лойтц из Штеттина, которая наиболее активно действовала в 1550–1575 гг. Это была очень влиятельная ганзейская компания, единственная, которую можно

сравнить с крупными компаниями с юга Германии и из Нидерландов по объему операций, монополистическим наклонностям и операциям с правителями, от которых компания получала много привилегий.

Дом Лойтц действовал с середины XVI в. и разбогател за три поколения на торговле сельдью. В середине XVI в. компанией управляли четыре брата. Штаб-квартира компании находилась в Штеттине, однако основные операции проводились в Данциге. Кроме того, фирма поддерживала тесные связи с югом Германии. Компания имела агентов по всей Центральной и Северной Европе, в Кракове, Бреслау, Лейпциге, Праге, Франкфурте-на-Одере, Любеке, Гамбурге и Антверпене, Копенгагене и Кальмаре.

Компания стремилась захватить монополию на импорт соли на северо-восток. Поэтому Стефан Лойтц обосновался в Люнебурге и пытался, правда безуспешно, завладеть продукцией тамошних соляных месторождений. Лойтцам удалось приобрести у императора право на продажу соли в Силезии, у маркграфа Бранденбургского – льготы на транзит через его территорию и у короля Польши – на разработку галицийских соляных месторождений. Важной отраслью их деятельности была торговля металлами, особенно медью, для чего Лойтцы вступали в компании с фирмами из окрестностей Гарца и Мансфельда. Кроме того, они держали концессии в Швеции и Трансильвании. Они действовали и во многих других областях. Например, они получили у короля Дании право монопольно торговать исландской серой. Кроме того, они обладали почти монопольными правами на продукцию литовских лесов.

Естественно, дом Лойтцев принимал участие в торговле зерном. С этой целью Лойтцы поддерживали тесные отношения с померанской и прусской знатью. Дочь Михаэля Лойтца вышла замуж за «солдата удачи», полковника Рейнгольда фон Крокова, который принимал участие в некоторых весьма рискованных спекуляциях. Стефан Лойтц в 1556 г. получил охранную грамоту от Генриха II, короля Франции, на перевозку в Марсель партию из 2000 ластов зерна, причем часть этой партии была помещена на склады. Из-за своих спекулятивных предприятий и крупных сумм, которые они ссужали правителей, как правило, несостоятельных должников, Лойтцы попали в волну банкротств, которая в то время пронеслась по Европе. В 1570 г. Карл IX, король Франции, был должен Крокову полмиллиона гульденов,

маркграф Бранденбурга – 200 тысяч талеров, померанские князья – 100 тысяч талеров и король Польши – почти 300 тысяч талеров. После смерти короля Польши в 1572 г. компания приостановила платежи. Ее задолженность составила 2 млн талеров. Стефан Лойтц бежал в Люнебург, где тщетно пытался восстановить свое состояние. Спекулятивные предприятия снова плохо кончились для ганзейских купцов.

## Великие ганзейские города

В 1550–1650 гг. главные ганзейские города, хотя и в разной степени, получали выгоду от растущего процветания, свойственного тому периоду, от общего роста товарооборота и развития торговых отношений с Испанией.

Казалось, Кёльн идеально расположен для того, чтобы получить львиную долю наследия Антверпена. Близость к Нидерландам, прочные экономические связи с Франкфуртом, Италией, Англией и странами Балтии, но главное, Биржа, основанная в 1556 г., делали Кёльн первым прибежищем для многих зарубежных компаний, особенно тех, которые принадлежали католикам, бежавшим от революции в Нидерландах. Самыми малочисленными из этих беженцев оказались португальцы, несмотря на официальный перенос «португальской нации» в Кёльн в 1578 г. Гражданство Кёльна получили лишь от 15 до 35 крупных португальских купцов; самыми богатыми из них были братья Хименес. Воспользовавшись связями с Португалией и Индией, новоприбывшие вскоре сумели монополизировать торговлю пряностями и часть торговли драгоценными металлами. Затем они переключились на торговлю зерном между Балтикой и Испанией. Хотя вначале им оказали теплый прием, вскоре их успехи вызвали недоверие и obstruction городскому совету, который порицал их за мошенничество. После того как испанцы отвоевали южную часть Нидерландов и восстановили там католицизм, португальцы с радостью вернулись в Антверпен. В Кёльне они пробыли не более 10 лет. Город не сумел удержать их и получить выгоду от их инициативы.

Более многочисленными оказались итальянцы, которые прибывали в Кёльн в 1578–1585 гг., не только из Антверпена и Нидерландов, но и из Италии, следуя традиции, уходящей в XIII в. В Кёльне насчитывалось около 40 итальянских компаний, в которых всего трудились около 300 человек. Они торговали как на суше, так и на море; в основном они вывозили английское и фламандское сукно в Италию и импортировали итальянский шелк и шелковые ткани. Но их интересовали и балтийское зерно, и меха, и оружие. О росте их товарооборота свидетельствуют акцизные ведомости и сводки о «сотом пенни»,



налоге, созданном в 1589 г. для пополнения городской казны. В 1583 г. через их руки прошло шерсти на сумму в 480 тысяч талеров или 120 тысяч фламандских фунтов. В последнее десятилетие XVI в. они управляли до 30 % всей торговли в Кёльне, а может быть, и больше, если принимать во внимание их горячо осуждаемое умение уклоняться от уплаты налогов. Подобно португальцам, итальянцы наталкивались на враждебность горожан, которые обвиняли их в том, что они уничтожают местную шелковую промышленность. Итальянцев же злили мелочные нападки, которые сопровождали взимание налога в «сотый пенни». К тому же их самые крупные компании обанкротились: Навароли в 1602 г., Лукини в 1604 г., Морикони в 1618 г. Впоследствии итальянцы постепенно покидали Кёльн, которые не предложил им возможностей, на которые они рассчитывали. Их пребывание, хотя и не столь краткое, как пребывание португальцев, осталось эпизодом, который не оказал постоянного воздействия на экономическую жизнь города.

Самыми многочисленными среди беженцев были уроженцы Нидерландов, куда входили не только купцы, но и ремесленники, почти все католики. Они прибывали из Антверпена и Фландрии, а также из Эно и Артуа. Благодаря присутствию в городе итальянцев эти бельгийские компании продолжили свои прежние операции, главным образом экспорт зерна и тканей в Испанию и Францию и время от времени в Италию. Одной из первых таких компаний, известных нам благодаря своей бухгалтерской книге, является компания Жана Ресто, который приехал в Кёльн из Камбре в 1569 г. Компания имела агентов в Льеже, Амстердаме, Лондоне, Штаде, Нюрнберге, Руане, Кане и Ла-Рошели, а один из ее кораблей, «Черная кошка», курсировал между Кёнигсбергом и Бордо. Главным образом компания торговала шелком, бархатом и атласом из Италии, а также английским и голландским сукном. За пять лет до банкротства (1587–1592) компания купила в Кёльне и Франкфурте товаров на общую сумму почти в 50 тысяч фламандских фунтов для перепродажи главным образом в Штаде и Миддельбурге. Богатейшим из бельгийцев, судя по всему, был Николас де Грооте из Антверпена, который обосновался в Кёльне в 1584 г. Он торговал тканями и специями; последние закупали для него агенты в Венеции и Лиссабоне. Он примечателен не только своим богатством, но и тем, что поселился в Кёльне постоянно. После смерти Николаса

де Грооте фирму возглавила сначала его вдова, а затем сыновья. Потомки бельгийца играли важную роль в городских делах.

Хотя случай де Грооте не уникален, он исключителен. В целом бельгийцы тоже один за другим покидали Кёльн. И город не всецело ответственен за их уход. Свой вклад внесли и восстановление мира в южных провинциях Нидерландов и, более того, постоянно неустойчивое положение в низовьях Рейна в результате прохода испанских армий. Но тем не менее правда, что мелкие придирки со стороны горожан весьма способствовали отъезду иммигрантов. Кёльн был типично ганзейским городом, с собственными торговыми традициями и ксенофобскими предрассудками. Бюргеры преследовали иностранцев вместо того, чтобы оказывать им теплый прием; они не сумели приспособиться к экономическим условиям новой эпохи и не воспользовались возможностью обновления, которая им предлагалась.

Зато Гамбург идеально приспособился к изменившемуся положению и таким образом сумел разделить наследие Антверпена с Амстердамом. Можно сказать, что город поймал приливную волну развития. В 1500 г. в Гамбурге насчитывалось менее 15 тысяч жителей, и 50 лет спустя их было всего 20 тысяч. Но в начале XVII в. их стало уже 35 тысяч, а 20 лет спустя численность населения достигала почти 50 тысяч человек. Гамбург оставил далеко позади Кёльн, чье население оставалось более или менее постоянным (35–40 тысяч жителей) с конца XV в. Таким образом, Гамбург стал ведущим немецким городом.

С коммерческой и финансовой точек зрения в Гамбурге имелись хорошие предпосылки для роста. Из всех ганзейских городов Гамбург обладал самым крупным, после Любека, торговым флотом, который в конце XVI в. обладал общей вместимостью около 7 тысяч ластов. К собственному флоту прибавились голландские суда. По некоторым данным, после того тоннаж флота в первой половине XVII в. более чем удвоился. Похоже также, что в тот период развивалось и речное судоходство, хотя сведений о нем почти нет; речной флот Гамбурга был определенно больше, чем флотилии городов, удаленных от моря, особенно Магдебурга. С помощью имперских привилегий Гамбург распространил свое экономическое влияние на верхнее течение Эльбы и даже на Одер, а также по рекам Хафель и Шпрее. В 1588 г. в Гамбурге основали фондовую биржу, сначала служившую просто

местом встречи купцов. В 1619 г. появился Гамбургский банк, депозитный и клиринговый банк, созданный по образцу банка в Амстердаме. Он занимался обменом иностранной валюты, чеканкой монеты и драгоценными металлами, защищал купцов от обесценивания денег и, благодаря своим кредитным возможностям, давал значительный стимул развитию бизнеса.

В немалой степени своим величием Гамбург был обязан иностранным купцам. Многие из них, приехав, оставались там насовсем. Город делал все, что можно, чтобы облегчить им жизнь, сознательно не соблюдая условия «гостевого права», несмотря на противодействие Englandfahrer. Иностранцы получили разрешение свободно торговать между собой и вступать в компании с гамбургскими купцами. Те же льготы предоставлялись и судовладельцам. Один корабль, который в 1590 г. ходил из Бразилии в Гамбург, принадлежал совместно трем гражданам Гамбурга, двум голландцам и одному португальцу. Чтобы поощрить судостроение, город позволил иностранным ремесленникам работать на верфях, несмотря на сопротивление местных плотников. Постепенно исчезала давно устаревшая корпоративная система, когда купцы объединялись в компании и каждая занималась отдельной страной. Компанию «Бергенских гостей» (Bergenfahrer) основали уже в 1535 г. 50 лет спустя не возникало и мысли об основании компании «Испанских гостей» (Spanienfahrer), несмотря на важность отношений с этой страной. Примечательно, что в тот же период более традиционный Любек основал компанию Spanienfahrer. Наконец, «Купцы-авантюристы», как уже упоминалось, в 1567 и 1611 гг. получили привилегии, которые давали им равные права с местными купцами. Все это противоречило ганзейским принципам, и вполне понятно, что Любек пылко возражал против новых методов ведения дел. Нельзя отрицать, что, благодаря своей реалистической политике по отношению к иностранцам, молодой и влиятельный город Гамбург больше чем любой другой внес вклад в ликвидацию Ганзейского союза.

Среди иностранных купцов, которые приезжали в Гамбург либо непосредственно из Нидерландов, либо из Кёльна, были и португальцы, и итальянцы. Португальцам, числом около сотни, в 1617 г., предоставили конституцию, которую позже продлили. Их

присутствие в значительной степени стимулировало торговлю с Пиренейским полуостровом. Сами португальцы главным образом импортировали в Гамбург специи и сахар. После 1625 г. они начали специализироваться на банковском деле. Итальянцы были не столь многочисленны и не оставались надолго, поскольку им запретили проводить католические службы. Представители юга Германии, обычно протестанты, обосновались в Гамбурге в начале XVII в., одновременно с Фуггерами. Позже они предпочли Антверпен, но после разрушения города некоторые из них вернулись в Гамбург. Они главным образом торговали медью из Гарца и Богемии. Однако, как и в Кёльне, от роста Гамбурга больше всех выгадали купцы из южных провинций Нидерландов. Как правило, они были лютеранами или кальвинистами. Последним труднее всего было интегрироваться в местное общество. Эти бельгийские компании вели дела со всей Европой, от Ливонии до Испании и от Скандинавии до Италии. Одной из богатейших считалась компания Рудольфа и Арнольда Амсинков, чьи депозиты в банке в 1619 г. доходили до 641 тысяч марок.

Экономический перевес иностранцев в Гамбурге пользовался дурной славой по всей Германии. В ноте протеста, посланной в 1609 г., Любек утверждал, что «едва ли сотая часть» гамбургской торговли ведется гражданами самого города, поскольку ее монополизировали голландцы, южные немцы, итальянцы, французы, португальцы, англичане и другие. Конечно, это было явным преувеличением. Однако движение депозитов в банке довольно ясно демонстрирует превосходство иностранцев. В 1619 г. из 42 компаний, которые держали в банке депозиты на 100 с лишним тысяч марок, 32 были бельгийскими, 2 – южногерманскими, 2 – португальскими и 6 – местными, гамбургскими.

В торговле Гамбурга значительную часть занимало зерно. Наряду с Амстердамом и Данцигом городу удалось стать одним из крупнейших рынков зерна в Северной Европе, куда отовсюду приезжали покупатели. Часть зерна прибывала из Данцига морем, но значительное количество поступало также из Гольштейна, районов в нижнем и среднем течении Эльбы и даже из Польши через Бранденбург по Одеру и Хафелю. Кроме того, Гамбург был главным центром импорта английского сукна в континентальную Европу, а также распределительным центром португальской соли. Торговля

медью Гарца, Богемии, Швеции и Венгрии стала одной из самых прибыльных отраслей для зарубежных компаний. Наконец, Гамбург оставался главным производителем и экспортером пива во всей Северной Германии.

Непросто оценить сравнительную значимость различных европейских стран в торговле Гамбурга. Возможно, первое место занимала торговля с Нидерландами, а вплоть до 1575 г. с Антверпеном. В 1537–1585 гг., судя по сводкам о сборах за якорную стоянку в Антверпене и прочих внешних портах, доля Гамбурга доходила до 46 % всех ганзейских судов и 43 % всех грузов. В XVII в. на смену Антверпену пришел Амстердам. Кроме того, можно с уверенностью утверждать, что Гамбург больше, чем любой другой город, принимал участие в торговле с Пиренейским полуостровом, которая составляла до 20 % всего товарооборота. Именно Гамбург платил большую часть (62 %) «испанского сбора», который взимался в 1606–1608 гг. Именно растущий интерес Гамбурга к торговле с Испанией и Португалией, очевидно, вызвал уменьшение торговли со странами Прибалтики, чего в тот период не случалось больше ни с одним северным городом. В 1562–1569 гг. 150 судов из Гамбурга ежегодно проходило пролив Зунд, но в 1574–1583 гг. их количество не доходило и до 30, отчасти в результате конфликта с Данией. И даже после восстановления мира ежегодное количество судов в 1584–1603 гг. выросло лишь до 100.

На Балтике Гамбургу составлял конкуренцию Данциг. Его население, которое в начале XV в. насчитывало менее 20 тысяч жителей, во второй половине XVI в. выросло до 30 тысяч (судя по тому, что в 1577 г. мобилизации подлежали 4500 мужчин). Численность населения продолжала неуклонно расти вплоть до Тридцатилетней войны.

«Зундские сводки» ясно показывают, что Данциг был ведущим портом на Балтике, как по количеству кораблей, так и по объему перевозимых товаров. С 1557 по 1585 г. через Зунд в среднем проходило по 1025 данцигских судов в год, то есть около 53 % всех судов<sup>[62]</sup>; владельцами большинства из них были голландцы. Для периода 1586–1621 гг. эта цифра выросла до 1104, то есть около 44 % всех судов, шедших на запад, были из Данцига. Небольшое снижение в процентном отношении, возможно, объясняется развитием других портов, особенно Кёнигсберга и Эльбинга. Ведомости сбора за

якорную стоянку (Pfahlgeld), взимаемого Данцигом, дают представление об издержках морской торговли. С 6½ млн прусских марок в 1583 г. – две трети экспорта и треть импорта – сбор вырос до 16½ млн, затем значительно снизился, но снова вырос до максимума почти в 18 млн марок в 1622 г., после того как возобновилась война между Испанией и Нидерландами.

Любопытно, что данцигские суда, скорее всего, занимали сравнительно незначительное место в морской торговле, которую вел город. Уже в 1544 г. городской совет сетовал, что данцигский торговый флот за несколько лет сократился с 200 до 50 судов. Едва ли это можно назвать преувеличением, поскольку в 1583 г. в городе проживали всего 53 капитана, которые ходили в открытое море, две трети из них ходили на запад через Зунд, а треть ограничивалась лишь рейсами в Балтийском море. Судя по всему, и после этого данцигский флот общей вместимостью в 3500 ластов не вырос. Такой застой, возможно, объясняется низкими ставками за фрахт, которые назначала голландцы, а также упадком судоверфей, когда-то весьма процветающих.

Как и в Гамбурге, иностранцы играли преобладающую роль в данцигской торговле. Самыми многочисленными и самыми активными были голландцы; за ними шли уроженцы юга Германии. Англичан было меньше, так как в 1579 г. они учредили свое представительство в Эльбинге, и Данцигу так и не удалось заманить их назад, во всяком случае до 1628 г. Новым фактором стало присутствие французов, особенно из Нормандии. Хотя, говоря в целом, французские суда редко доходили до Данцига, в отдельные годы их можно было видеть там в больших количествах – скорее всего, они приезжали за зерном. Так, в 1587 г. их было 196, а в 1595 и 1609 гг. – почти 100. В результате в Данциге появилась французская колония, достаточно многочисленная для того, чтобы в 1610 г. Генрих IV назначил там консулом некоего Жана де ла Бланка, бывшего офицера шведской службы, который пробыл в должности 16 лет.

Хотя иностранцев привечали и принимали в «Артуров двор» (Artushof) на тех же условиях, что и местных купцов, в Данциге иностранцы не пользовались той же свободой, что в Гамбурге. Жители Данцига, которые стремились вернуть себе роль посредников, заложившую основы их благосостояния, строго придерживались «гостевого права». Хотя им не удалось помешать прямым контактам

между польскими поставщиками и западными купцами, особенно на рынке зерна, они воздерживались от предоставления иностранцев равных прав с местными уроженцами. Данциг не имел соперников в роли рынка зерна, а иностранцы едва ли могли перенести свои операции в другое место. Таким образом, городу удалось сочетать традиционно ганзейские экономические методы с готовностью принимать иностранцев – к его собственной огромной выгоде.

Главным источником богатства Данцига, начиная с XV в., оставался экспорт на запад зерна из Польши, Пруссии и Померании. Три четверти его торговли проходило через пролив Зунд. Наверное, еще примечательнее, что за время Тридцатилетней войны, за исключением нескольких лет около 1630 г., торговля по-прежнему процветала, обычно достигая 40–50 тысяч ластов в год. Какими бы еще разнообразными делами ни занимался Данциг, прежде всего он считался европейской житницей.

С Любеком дело обстояло сложнее. Естественно предположить, что явный упадок Ганзы в XVI и XVII вв. должен был сопровождаться параллельным политическим и экономическим упадком города, считавшегося центром и главой сообщества.

Факты подтверждают данное предположение лишь отчасти. Любек сохранял свою долю в общем росте торговли, и его положение во многих отношениях оставалось процветающим.

Вплоть до начала Тридцатилетней войны Любек располагал самой большой флотилией из всех ганзейских городов. В его порту всегда было оживленно. В некоторые годы в конце XVI в. туда заходило более 2 тысяч судов, то есть по крайней мере в три раза больше, чем за сто лет до того. Торговля Любека процветала, как всегда, так как, несмотря на рост сообщения через Зунд, сухопутный и речной маршруты по Голштинскому перешейку по-прежнему играли важную роль для товаропотоков с востока на запад. Растущая напряженность в отношениях с королем Дании Кристианом IV в первой половине XVII в. лишь укрепляла значимость этого пути.

В тот период торговля Любека, которая выросла почти вдвое в предыдущем столетии, в основных своих чертах сохранила признаки расцвета. Одним из прочнейших оснований такой торговли служили связи Любека со Скандинавией. Хотя торговля сканской сельдью шла на спад и флотилия любекских «бергенских гостей» стала меньше, чем

такие же флотилии Бремена и Ростокa, норвежская треска, как и шведские железо, медь и масло, по-прежнему поставлялись в Любек в больших количествах<sup>[63]</sup>, а затем реэкспортировались на Запад через Гамбург. С 1581 г. значительно сократилась прямая торговля с Россией, зато коммерция с портами на южном побережье Балтики, особенно с Данцигом, по-прежнему процветала. В основном Любек поставлял голландское сукно и люнебургскую соль, получая взамен металлы из Венгрии, лен, пеньку и воск. Как и прежде, Любек имел некоторую долю в крупномасштабном экспорте польского зерна. Экспорт пива был по всем меркам ничтожным. Пиво, которое варили в вендских городах, посылали в Нидерланды и внутреннюю часть Германии, в то время как пиво, сваренное в Гамбурге и Айнбеке, отправлялось в страны Балтии. Наконец, Любек принимал активное участие в торговле с Испанией. Компания *Spanienfahrer*, созданная в 1575 г., экспортировала шведские и венгерские медь и древесину из Норвегии на Пиренейский полуостров. По общему признанию, Любек по-прежнему считался главой Ганзы, и его финансы, скорее всего, были в порядке, так как город всегда платил свой «взнос» вовремя (ставка взноса была, как и у Кёльна, наивысшей). На самом деле в тот период Любек демонстрировал беспорную жизнеспособность.

Вместе с тем появились и признаки упадка. Население Любека, которое в конце XV в. составляло около 25 тысяч человек, за последующие 200 лет как будто не выросло. Среди ганзейских городов Любек считался всего лишь четвертым по величине. С политической точки зрения престижу города очень повредило поражение Вулленвевера и катастрофа Северной семилетней войны. С экономической точки зрения в Любеке гораздо острее, чем в других местах, осуждалось иностранное влияние. Любекских купцов, которые прежде играли ведущие роли в торговле на Балтике, в их собственном городе вытесняли иностранные компании и даже компании из других ганзейских городов. В важном меморандуме, адресованном в 1609 г. городскому совету Гамбурга, Любек проводит сравнение между процветанием его конкурента и своим падением, подчеркивая утрату привилегированного статуса и торговли на Балтике. Любек жаловался на гамбургских купцов, которые потворствуют иностранцам, и обвинял их в нечестной конкуренции. Их компании имели агентов в Скандинавии, Ливонии и Польше, которые как могли старались



вытеснить любекских купцов из тех областей, где они активно торговали на протяжении нескольких веков. Они хотели остаться купцами, а не превращаться просто в «лодочников, агентов и держателей постоянных дворов». Любек не желал опускаться до положения «заурядного отправителя и экспедитора».

Жителям Любека было ясно, что их город приходит в упадок, но они упорно сопротивлялись общему доминированию иностранцев в хозяйственной деятельности. Поэтому возник «спор о транзите», который разгорелся в первые годы XVII в. и тянулся целых 150 лет. В 1606 г. власти Любека распорядились конфисковать партию лосося и партию шведской меди – обе принадлежали гамбургским компаниям. Не обращая внимания на протесты владельцев, Любек в 1607 г. обнародовал общие правила о транзите товаров. Оправдывая свои действия хорошо известными торговыми законами, где речь шла о товарах, которые поступали с Балтики или пересылались туда, а также ганзейским принципом «гостевого права», по которому запрещались прямые операции между иностранцами, Любек запретил провозить через город любые товары, купленные за его пределами у иностранцев. Особо оговаривалось, что все продукты питания из Скандинавии, а также медь, шведское железо и финские шкуры должны продаваться только гражданам Любека. Нарушение этого закона каралось конфискацией транзитных товаров или повышенными пошлинами. Таким образом любекские купцы собирались восстановить позицию, в которой они на протяжении нескольких веков не встречали сопротивления.

Несколько зарубежных городов и стран, пострадавших от новых законов, протестовали, но тщетно. В основном все споры сводились к транзиту меди. В двух случаях вмешался сам император, получивший несколько жалоб. В первом случае, в 1609 г., он запретил облагать медь налогом, хотя и не дал никаких указаний по мучительному вопросу транзита, а второй раз в 1620 г., он осудил любекские «новшества». Но даже его вмешательство не положило конец спору. Отношения Любека с Гамбургом стали очень напряженными, поскольку последний, в период обострения отношений с Данией, обязан был переправлять в Данию товары через Любек. Ноты, обвинения, оправдания, призывы к ганзейской солидарности привели лишь к незначительным изменениям, и в 1632 г. Любек подтвердил закон 1607 г.

Эффективность такой политики трудно оценить. Очевидно, с ее помощью не удалось предотвратить спад в торговле любекских купцов, которые превратились всего лишь в агентов для иностранных компаний в своем родном городе. В XVII в. Любек считался внешней гаванью Гамбурга на Балтике; два города поменялись ролями, которые они исполняли в XIV в. Конфликт двух городов, когда-то так тесно связанных общими интересами, стал серьезным симптомом безвозвратного заката ганзейской организации.

## **Тридцатилетняя война и конец Ганзы**

Частичное возрождение Ганзы и стремление укрепить связи между городами сообщества в конце концов свела на нет Тридцатилетняя война.

С самого начала война обнажила слабость Ганзы. В ходе противостояния между Данией, Священной Римской империей, Швецией и Польшей к Ганзе по очереди обращались все враждующие стороны, но она оказалась не способной вести последовательную политику. Ганза предпочла бы остаться нейтральной, однако ей не хватало сил для того, чтобы заставить уважать свой нейтралитет. Поэтому каждый город в отдельности пытался отстоять свои интересы, избегая открыто вставать на ту или иную сторону. Изоляционизм подрывал стремление к солидарности и сделал невозможным восстановление Ганзейского союза даже после заключения мира.

Первые трудности пришли из Дании. После достижения совершеннолетия в 1596 г. Кристиан IV выказывал враждебность по отношению к Ганзе; он препятствовал деятельности немецких купцов в Исландии, Норвегии и Дании. Когда он выказал такую же враждебность к голландцам, сначала Любек в 1613 г., а затем, три года спустя, и Ганза в целом заключила союз с Соединенными провинциями Нидерландов для защиты своих коммерческих интересов. Кроме того, Кристиан IV следовал политике своих предшественников в Северной Германии: он поддерживал герцога Брауншвейга в его усилиях подчинить себе город. В 1615 г. Брауншвейг избежал этой опасности с помощью ополчения и денег, присланных другими городами. Эта военная кампания стала последней для Ганзы. В 1617 г. Кристиан основал новый город Глюкштадт в устье Эльбы и осыпал его привилегиями в надежде повредить торговле Гамбурга. Два года спустя он оккупировал Штаде. Однако ему не удалось установить свой протекторат над Гамбургом, который в 1618 г. добился в верховном суде Священной Римской империи признания себя вольным имперским городом; не удалось ему и взять под свой контроль товаропоток на Эльбе.

Новый виток конфликта начался с амбициозных планов Габсбургов и Густава-Адольфа. В 1621 г., когда закончилось перемирие между

Испанией и Нидерландами, Филипп IV, стремившийся сокрушить голландцев, решился на совместные действия с Католической лигой и Фердинандом II в Северной Европе. Фердинанд, одержав победу в Богемии, стремился к схваткам с северогерманскими правителями-протестантами, Мансфельдом и Кристианом Брауншвейгским, союзниками Дании. Встревоженный Кристиан IV заключил мир с голландцами и вступил в союз с Англией, но был разбит Тилли, полководцем Католической лиги, в битве при Луттере (1626). Тилли и Валленштейн, имперский генералиссимус, без труда овладели всей областью Эльбы и Ютландией. В награду Валленштейн получил во владение герцогство Мекленбург.

Именно тогда Фердинанд II позволил Филиппу IV уговорить себя и принять амбициозный план, который, добейся они успеха, отвел бы ведущую роль Ганзе. Для того чтобы победить голландцев и датчан и установить свою власть на севере Германии, император должен был захватить порты Восточной Фризии и устье Эльбы, добиться поддержки ганзейских городов и Польши, заручиться сотрудничеством торговых флотилий Германии, Испанских Нидерландов и Испании, создать военный флот, который защищал бы торговлю с Пиренейским полуостровом, и, наконец, повести безжалостную пиратскую войну против врагов Испании.

В 1627 г. Фердинанд II разослал соответствующие предложения ганзейским городам. Не желая пугать их, он ограничился призывом создать немецко-испанскую торговую компанию под патронажем Священной Римской империи. Император соблазнял ганзейцев перспективой уничтожения голландской конкуренции, устранением датской угрозы и значительным ростом торговли с Испанией. Но Ганза не поддавалась искушению. Ее встревожил по сути военный характер предприятия и финансовое бремя, которое оно повлекло бы за собой. Ганза боялась, что ее втягивают в войну против протестантских стран: Дании, Соединенных провинций Нидерландов, Англии и Швеции, после чего она лишится возможности торговать с ними. Она уклонялась от вступления в католический лагерь и по религиозным мотивам. Ни обещания Священной Римской империи, ни испанские угрозы не сумели поколебать Ганзейский собор 1628 г., в котором приняли участие одиннадцать городов. Предложение Фердинанда отклонили.

Некоторые современные историки считают, что, уклонившись, отказавшись сотрудничать со Священной Римской империей, Ганза потеряла последний шанс вернуть прежнюю власть и сыграть важную роль в Северной Европе. Но последовавшие затем события показывают, насколько ошибочно подобное суждение. Сопротивление шведской экспансии, которую Ганзе не хватило бы сил сдерживать, лишь ускорило бы гибель Ганзы. Ей хватило мудрости отказаться от союза с Габсбургами.

Тем временем к действиям приступил Валленштейн. Правитель герцогства Мекленбург и Висмара, который снабжал его кораблями, назначил его «главнокомандующим океанским и Балтийским морями». Валленштейн попытался захватить Штральзунд. Город отчаянно сопротивлялся. Сначала его поддерживал датский гарнизон, а позже шведский воинский контингент. Валленштейн вынужден был снять осаду. Вскоре после того император подписал в Любеке мирный договор с Данией. Кристиан IV снова мог взимать пошлину в Глюкштадте и снова угрожал независимости Гамбурга.

В это время росло шведское владычество над Северной Европой. На протяжении 15 лет Густав-Адольф расширял свои завоевания. В 1617 г. он возобновил войну с Польшей. Его войска вторглись в страны Балтии, и через несколько лет он сделался хозяином Риги и всей Ливонии. В 1626 г. он напал на Пруссию, желая нанести решающий удар по Польше. Хотя ему не удалось захватить Данциг, его войска оккупировали побережье и обложили огромными налогами прусские экспортные товары. С тех пор прусские и ливонские таможенные пошлины стали самым крупным источником дохода для Швеции – в отдельные годы они составляли 50 % всего дохода – и внесли большой вклад в финансирование военной экономики. Теперь шведы управляли торговлей зерном с Западом. Наложённые ими пошлины спровоцировали резкий рост цен на зерно в Амстердаме: между 1627 и 1630 гг. зерно подорожало в 4 раза. В 1630 г. Данцигу удалось заключить со шведами соглашение. При условии сохранения строгого нейтралитета во время войны город получал долю от экспортных пошлин: Швеции причиталось 3,5 %, а Данцигу – 2 %.

Наконец в 1630 г. Густав-Адольф приступил к завоеванию Германии. Штральзунд и Висмар перешли под его контроль. Любек, имперский город, не смел открыто объявлять ему войну, но ссудил ему 26 тысяч

талеров и занял позицию благосклонного нейтралитета. Гамбург и Бремен придерживались такой же политики: Гамбург видел в Густаве защитника против датской угрозы. Только Магдебург открыто выступил на стороне Швеции; год спустя городу придется жестоко поплатиться за этот шаг.

Драматические события последних пяти лет отчетливо показали, что ганзейские города, безоружные и подчинявшиеся разным правителям, не были способны выработать общую политику. Из-за осознания своей беспомощности Ганзейский собор 1629 г. попросил три города (Любек, Гамбург и Бремен) взять на себя ответственность за общие интересы Ганзы и действовать от ее имени, поскольку в силу сложившихся обстоятельств было невозможно проводить общие соборы. Такое решение напоминало решение, принятое собором в Любеке в 1418 г., когда вендские города попросили взять управление Ганзой на себя. Возможно, именно память о том поступке позволила делегатам принять историческое решение, истинное значение которого раскрылось не сразу. На самом деле они решили не более и не менее чем ликвидировать Ганзу. В результате такого решения Любек, Гамбург и Бремен в 1630 г. заключили особый оборонительный союз на срок в 10 лет. Если какой-либо из трех городов подвергнется нападению, остальные обязаны были оказать ему военную помощь: выслать 500 вооруженных солдат и, если необходимо, два военных корабля вместимостью по 100 ластов. Кроме того, три города предложили выработать совместную политику. На самом деле они учреждали своего рода лигу городов, вроде тех, которые существовали начиная с XIII в., и брали на себя управление ганзейскими делами вместо вендских городов. Последние лишились всякого влияния после того, как два из них перешли под владычество иностранной державы. Большим достоинством этого скромного союза можно считать то, что он сохранился. Договор периодически продлевали вплоть до начала XX в. Таким образом, три «вольных ганзейских города» символизировали кажущееся выживание Ганзы еще долго после того, как она, по сути, исчезла.

Последний период Тридцатилетней войны в Северной Германии проходил относительно спокойно, хотя война 1643–1645 гг. между Данией и Швецией (последняя в союзе с голландцами) серьезно повлияла на состояние торговли ганзейских городов. Разгромленная

Дания вынуждена была снизить пошлины за проход через Зунд, что оказалось особенно выгодным для голландцев, и запретить пошлину в Глюкштадте, к выгоде Гамбурга.

Превосходство Швеции подтвердил Вестфальский мир. Швеция получала Западную Померанию. Таким образом, Штеттин и Штральзунд, а также Висмар становились шведскими владениями. На побережье Северного моря шведы получили Бременское архиепископство и город Ферден вместе с епископством Ферденским, в том числе город Штаде, где появилась шведская таможня. Вдобавок, получив «лицензии» от герцогов Померании и Мекленбурга, шведы, по сути, получили власть над всей торговлей ганзейских городов, которая приносила им большую прибыль. Сумма, полученная от всех этих издержек немецкой коммерции, оценивается примерно в 350 тысяч талеров в год, что ненамного уступает доходам от пошлин, которые взимались в Зундском проливе.

Хотя с политической точки зрения Ганза очень ослабла, с экономической точки зрения ганзейские города пострадали не так сильно, как можно было бы ожидать. Только Магдебург был разорен. Население Гамбурга и Данцига в тот период, возможно, даже выросло. Мародерство и хищения противоборствующих армий, конечно, отразились на сельской местности, особенно в Пруссии, Бранденбурге и на нижней Эльбе, но Вестфалия и Рейнская области почти избежали грабежей. Судя по «зундским сводкам», морская торговля поддерживалась все время, за исключением нескольких коротких периодов. В 1627–1647 гг. 150 судов из Любека проходили через пролив каждый год, больше, чем за 20 лет до того и почти столько же, сколько в самые процветающие десятилетия конца XVI в. Хотя торговля Любека с Пиренейским полуостровом сократилась, торговля Гамбурга велась на прежнем уровне. 65 гамбургских судов ходили в Испанию в 1647 г. и около 50 судов в год – во второй половине XVII в. Кроме того, выросла торговля с Францией. В 1655 г. Ганза подписала выгодный торговый договор с Людовиком XIV, который давал ганзейцам надежду, что они сумеют до некоторой степени вытеснить голландцев из Нанта, Ла-Рошели и Бордо. Хотя коммерция прусских городов пострадала во время войны между Швецией и Польшей, после 1630 г. она восстановилась. В 1649 г. через Зунд провезли почти 100 тысяч ластов зерна из Кёнигсберга и Данцига.

Однако один традиционный источник ганзейской торговли в XVII в. был уничтожен быстро и безвозвратно. Норвегия, которая так долго зависела от вендских городов, в конце концов стала независимой от них, главным образом благодаря росту голландской торговли и развитию голландского и датского торговых флотов, поощряемых Кристианом IV. В 1600 г. 167 ганзейских кораблей еще заходили в Берген. В 1625 г. их осталось всего 103, 10 лет спустя – около 40, в 1640 г. – около 30. В XVI в. три четверти грузов между Норвегией и Балтикой перевозилось на ганзейских судах. К середине XVII в. ганзейцы сохранили всего треть. Судя по всему, этот спад сильнее повлиял на Висмар, Росток и Штральзунд, чем на Любек.

Учитывая все вышеизложенное, экономические перспективы после возвращения мира нельзя было назвать совершенно неблагоприятными, Ганза вновь пыталась восстановить свою солидарность. Зато политическое положение никак нельзя было назвать обнадеживающим. Дания по-прежнему пыталась получить контроль над Гамбургом и сохраняла враждебность. Голландцы по-прежнему с подозрением относились к конкурентам. Швеция больше склонялась предоставлять привилегии тем городам, которые попали под ее власть, чем Ганзе в целом, но Любек и Гамбург надеялись, что теперь будут вознаграждены за свой нейтралитет во время войны.

Самой насущной потребностью с целью сохранения союза стал созыв общего собора. Ганзейских соборов не проводили с 1629 г. Многие города вносили предложения, например, чтобы собор нашел способы возобновить привилегии и таким образом оживить торговлю; обложить членов союза новым налогом, назначить нового синдика и укрепить финансовое положение контор в Антверпене и Лондоне, которые были в долгах. В июле 1651 г. Любек заранее, за три месяца, разослал городам приглашения на собор. Но исход разочаровал всех. Хотя многие города вначале приняли приглашение, несколько, в том числе Штральзунд, Штеттин и даже Гамбург, попросили об отсрочке. Кёльн направил вызов 14 городам своей четверти, но также выразил сомнение в том, что время проведения собора станет подходящим. Шли годы, а города так и не удавалось собрать. В 1662 г. снова начались переговоры – и снова зашли в тупик. Четыре года спустя Магдебург, не желавший, чтобы его включили в состав Бранденбурга,



попросил Ганзу о помощи. В ответ Магдебург не получил ничего, кроме слов сочувствия, и вынужден был подчиниться курфюрсту.

В том же 1666 г. пожар уничтожил здание лондонского «Стального двора». Это событие снова выдвинуло на первый план вопрос о созыве Ганзейского собора. Города единодушно решили принять меры. После нескольких отсрочек собор все же открылся в 1668 г., но, поскольку делегатов прислали всего пять городов, его снова перенесли на следующий год. На сей раз вызовы направили главным городам четвертей и особо оговорили, что любой город, который не пришлет своего представителя, будет автоматически исключен из Ганзы. Любек согласился на такую угрозу с большой неохотой, заявив, что «Ганзейский союз на грани смерти и не переварит такого жестокого лекарства». Как бы там ни было, угроза почти не возымела действия. Из шести прусских и ливонских городов, которым Данциг переправил вызов, Рига и Торн прислали отказы. Остальные не удосужились даже отказать. В Брауншвейгской четверти приглашение принял только Хильдесхайм. Из вендских и померанских городов согласием ответил Росток, а остальные города, перешедшие под власть Швеции, ответили, что они получают большие преимущества от своего нового правителя, чем ожидают от Ганзейского союза. В письме от Висмара Ганзейский союз был назван «скорее тенью, чем явью» и заявлялось, что «нет надежды восстановить его былое процветание». Делегатов не пожелал прислать ни один из 14 городов Кёльнской четверти. Некоторые города заявили, что, хотя они не собираются присутствовать на соборе, они намерены остаться в составе Ганзы, если членство не противоречит другим их обязательствам, и возражали против угрозы исключения.

В конце концов на Ганзейском соборе 1669 г. приехали лишь представители девяти городов. Помимо Любека, Гамбурга и Бремена своих представителей прислали Данциг, Росток, Брауншвейг, Хильдесхайм, Оснабрюк и Кёльн. Собор открылся в Любеке в июле 1669 г., а всего на этом последнем Ганзейском соборе провели не менее 18 заседаний. На них обсуждались самые разные вопросы: восстановление более тесной формы союза на основании Ганзейской хартии 1604 г.; проект ассоциации с имперскими городами юга Германии; назначение ганзейского синдика и постоянного представителя в Гааге; восстановление лондонского «Стального

двора»; выплата задолженности по «взносам» и расчет будущих ежегодных платежей; компенсация за расходы, понесенные Любеком ради общего блага, которые оценили в 58 тысяч талеров, и т. д.

Ни по одному пункту, несмотря на бурные дебаты, не приняли положительного решения. На каждое предложение отвечали контрпредложением, и делегаты, как в прошлом, решили, что они не уполномочены принимать обязывающие решения. Собор прервался, выпустив уклончивый декрет, который на самом деле стал просто признанием в собственном бессилии.

Ганзейский собор 1669 г. стал последним собранием ганзейских городов. В то время, возможно, никто не понимал, что настал конец. Оптимисты еще верили, что решение вопросов отложили до более подходящего времени. Однако подходящее время так и не наступило. Позднее снова поступали предложения собраться, предпринять совместные действия, но все подобные предложения ни к чему не приводили. В 1684 г. император Леопольд, очевидно, еще верил в существование Ганзы, когда просил Любек собрать города и проголосовать за выделение ему средств на войну с турками. Но города утратили стремление к единству, а вместе с ним исчезла и Ганза.

Сохранился лишь союз 1630 г. между Любеком, Гамбургом и Бременом. До определенной степени он олицетворял Ганзу, поскольку три города обладали полномочиями представлять все остальные города. Во время Нимвегенских мирных переговоров 1679 г. делегаты Любека, Гамбурга и Бремена получили распоряжения вести переговоры «в интересах всей Ганзы». С правовой точки зрения три города стали наследниками Ганзы и как таковые отвечали за управление ганзейским имуществом. В частности, они управляли «Стальным двором» в Лондоне, который не продавали до 1853 г., и домом в Антверпене, от которого избавились в 1862 г. Власти Норвегии в 1766 г. присвоили церковь Святой Марии, а немецкая контора была распущена в 1774 г. На деле три «вольных ганзейских города» представляли только самих себя, и связи между ними значительно ослабели. Вскоре прекратили свое существование условия первоначального пакта, в которых речь шла о военной помощи; союз продолжался лишь в виде консультаций по вопросам, не имевшим особой важности, и в общем представительстве за границей, особенно

при дворе курфюрста Бранденбургского. Фактически Ганза перестала существовать с середины XVII в.

## Заключение

Нет ничего удивительного в том, что в XVII в. Ганза прекратила свое существование. Более того, можно считать чудом, что она продержалась так долго. В самом деле поразительно, что столько городов, таких разных и таких удаленных друг от друга, на протяжении почти 500 лет многое делали сообща и хранили верность сообществу, в которое они вступили сознательно и добровольно.

Такое долгое существование Ганзейского союза можно объяснить в первую очередь географическим положением городов. Расположенные между северо-востоком и северо-западом Европы, они по сути своей образовали линию сообщения и торговый путь между двумя регионами. Но Ганзу невозможно объяснить одной географией, что очевидно, если сравнить ганзейские города с итальянскими городами, которые играли сравнимую с Ганзой роль в Южной Европе. Они также выступали посредниками между востоком и западом, но в Италии даже мысли не возникало о том, чтобы они образовали сообщество. Наоборот, итальянские города, как правило, ожесточенно конкурировали друг с другом, в то время как членов Ганзы объединяло сильное ощущение национальной, и еще больше имперской, солидарности. Хотя Священная Римская империя к середине XIII в. утратила свою власть в тех краях, титул «купечество Римской империи» еще подразумевал известное уважение. А положение имперского города, конечно, способствовало тому, что Любек признали центром и главой сообщества. К тому же ганзейскую солидарность укрепляло одно обстоятельство, которому нет эквивалента в Средиземноморье – городская колонизация Востока, которую можно считать коллективным достижением западных городов. Сохранялась физическая связь между новыми и старыми городами, их купцами и ведущими семьями, которые часто были в родстве по браку и вместе вели дела. Таким образом, колонизация также стала одним из важнейших факторов, сплотивших сообщество.

Своим возникновением Ганза обязана желанию купцов северогерманских городов к взаимной помощи и поддержке при отстаивании и продвижении их интересов за границей. Она всегда

была очень гибкой организацией, и хотя по сути в XII–XIII вв. оставалась той же, она претерпела ряд важных структурных изменений. Сначала она была ассоциацией немецких купцов в составе Готландского сообщества: немецкие купцы во время своих деловых поездок использовали остров в качестве регулярного места встреч. Сто лет спустя Готландское сообщество, не способное охватить все виды деятельности, распространившиеся на берега северных морей, прекратило свое существование, не оставив преемника, если иметь в виду некое официальное учреждение. Вместо него постепенно сплачивались отдельные группы купцов, объединенных общими интересами, которые вели торговлю за границей. Они основывали поселения, которые со временем получали важные привилегии, однако не входили ни в какую устойчивую организацию. Место Готландского сообщества в управлении делами и защите своих купцов за границей начали играть города, которые налаживали друг с другом связи с помощью региональных союзов.

В середине XIV в., когда торговля в целом была подвержена большим рискам, немецкие города, заинтересованные в развитии внешней торговли, ощутили потребность в более тесной организации. Поэтому они объединились и образовали «Ганзу городов», чьим рупором стал Ганзейский собор. В соборе принимали участие делегации от всех городов, входивших в состав Ганзы. Хотя собор устраивали через нерегулярные промежутки времени, тем не менее со всех точек зрения он выступал высшим органом власти в сообществе. В то же время города передали свои полномочия зарубежным представительствам-конторам, которые до тех пор были независимыми. Было решено, что только граждане ганзейских городов имеют право пользоваться их торговыми привилегиями. На место Ганзы купцов пришла Ганза городов. Такой шаг был направлен на укрепление сообщества. Многим участникам хотелось сделать его не только экономической, но также и военно-политической организацией. Но различные лиги, созданные в XV в. с подобной целью, оставались отдельными от Ганзы и, помимо того, оказались не слишком эффективными. И лишь в середине XVI в. была предпринята последняя попытка реорганизации Ганзы в союз, члены которого обязаны были регулярно платить взносы. Но к тому времени Ганзейский союз настолько ослаб, что эта последняя попытка

консолидации не могла остановить его падения и конечного исчезновения.

Ганза долгое время была сильной и процветающей, отчасти благодаря собственной внутренней силе, но еще и потому, что Европа в ней нуждалась. На протяжении нескольких веков Западу нужны были товары Востока, сначала меха и воск, затем лес и руда и, наконец, зерно в возрастающих количествах. Взамен Востоку нужны были западные товары: ткани и особенно соль. Результатом такого постоянного неослабевающего спроса стали щедрые привилегии, которые зарубежные правители предоставляли Ганзе. Кроме того, Ганза обязана своим успехом, по крайней мере вначале, техническому превосходству ее главных транспортных средств: когга, хорошо приспособленного к перевозке крупногабаритных насыпных грузов. Ганзейские купцы переняли у итальянцев и фламандцев передовые методы хозяйственной деятельности. Кроме того, в немалой степени успеху способствовали ганзейские ремесленники, которые помогали укреплять экономическое превосходство ганзейцев, особенно на севере. Все эти факторы в сочетании позволили Ганзе монополизировать торговлю в Северной Европе. Несмотря на то что ее превосходство начали подвергать сомнению уже в конце XIV в., она упорно защищала занятые позиции и сумела более или менее сохранить их еще на 200 лет.

Однако сообщество несло в себе и семена раздора, которые в конце концов задушили чувство солидарности. С самого начала было очевидно, что интересы стольких разных городов невозможно согласовать до конца. Ганзе приходилось делать скидки на различные интересы своих членов. Поэтому она стала такой гибкой организацией, чья деятельность сводилась к защите коммерческих интересов своих участников. Один серьезный случай раскола произошел из-за позиции городов в связи с землей и морем. В то время как Любек и вендские города хотели торговать по сухопутному торговому пути Любек – Гамбург, прусские и ливонские города предпочитали морской путь через пролив Зунд. Подобные разногласия двух групп городов вели к спорам, какой политики придерживаться применительно к Дании и даже к Англии. Дальнейшим источником разногласий послужило развитие голландского торгового флота. Любек стремился изгнать голландцев с Балтики, а прусские и ливонские города считали, что

голландцы принесут им прибыль. Новички не только покупали часть произведенного ими зерна, но и пополняли их запасы соли.

История Ганзы отмечена рядом разногласий и споров, причем некоторые из них были крайне серьезными. Историки иногда приписывают слишком большое значение ссорам между городами в XVI и XVII вв., считая их доказательством упадка союза и противопоставляя их гармонии, которая якобы превалировала в более ранние времена. Такой вывод кажется упрощенным и почти всецело ошибочным. Даже в период наибольшего процветания у членов Ганзы всегда находились поводы для разногласий. Доказательствами могут служить исключение из союза бременских купцов в 1285 г., тайный сговор Ростока, Висмара и «виталийских братьев» и частое противодействие политике Любека со стороны Тевтонского ордена. В 1412 г. исключение из Ганзейского союза грозило самому Любеку. Сначала такие внутренние конфликты заканчивались примирением, продиктованным общепризнанной потребностью в единстве. Но позже разногласия оказались сильнее ганзейской солидарности.

Если не считать напряжения внутренних конфликтов, еще одним главным фактором ганзейской слабости, как часто подчеркивалось, было то, что Ганза никогда не пользовалась поддержкой могущественного государства. Кроме самых первых дней, она не получала действенной помощи от императоров Священной Римской империи, которые равнодушно относились к событиям в той области, власть над которой они уже утратили. Они считали Ганзу всего лишь возможным источником дохода и часто относились к ней откровенно враждебно, особенно когда поддерживали Фуггеров. Во время войн Ганза вынуждена была искать союза с правителями с севера Германии. Но они, стремясь восстановить свою власть над вольными городами, хотя иногда и оказывали поддержку, были не столько союзниками, сколько опасными врагами, которые вносили свой вклад в ослабление участников Ганзы. Тем временем в остальной Европе укреплялась монархическая власть, и короли и императоры больше стремились поощрять экономическую деятельность собственных подданных, чем ратифицировать и продлевать торговые привилегии, когда-то предоставленные иностранцам.

Столь же роковой для Ганзы стала ее постоянная борьба с Данией. Эта борьба обессиливала союз, и он сумел продержаться так долго

лишь из-за периодических кризисов, которые мешали датчанам проводить их экспансионистскую политику на севере Германии. Некоторые считают, что ганзейским городам, возможно, и выгоднее было бы превосходство датчан. Оно позволило бы им наращивать объем торговли со Скандинавией, мучительный вопрос прохода через Зунд был бы решен в их пользу, а среди королей Дании ганзейцы иногда находили бы влиятельных защитников, которых им всегда недоставало. Но если бы Ганза попала под власть Дании, Любеку наверняка не досталась бы великая роль в истории, какую он сыграл.

Помимо датчан, главными противниками ганзейцев были голландцы. Они были даже опаснее, поскольку их экономическое развитие угрожало коммерческой основе Ганзейского союза. Не будет преувеличением сказать, что, после начала XV в. голландцы стали для ганзейцев настоящим кошмаром – что нашло отражение в легенде о Летучем голландце. И здесь можно задаться вопросом, а было ли такое противостояние необходимо и не могли ли голландцы – номинально такие же подданные Священной Римской империи – найти место в Ганзе к выгоде всего сообщества. Скольких конфликтов удалось бы избежать! Кёльнская конфедерация 1367 г., к которой присоединились голландские города, доказала, что недостатка в почве для взаимопонимания не было. В этом вопросе Ганза, возможно, стала жертвой собственного консерватизма. Начиная с XIV в. она с готовностью принимала любой город, чьи купцы не могли похвастать тем, что раньше принадлежали к Ганзейскому союзу. Такое было невозможно в случае молодых голландских городов; поэтому голландцы, которые могли бы стать партнерами ганзейцев, стали их самыми ожесточенными соперниками.

Одной из главных причин ганзейской слабости в XV в. и позже стал консерватизм, который, как представляется, был особенно силен в Любеке. Постоянно предпринимались попытки поддержать или восстановить те экономические условия, которые способствовали величию Ганзейского союза в середине XIV и даже в XIII в. и противостоять новшествам, необходимым из-за изменившейся обстановки. Так, для борьбы с иностранной конкуренцией предлагалось единственное средство: еще более строгое регулирование торговли. Стремясь ограничить коммерческую деятельность иностранцев в своих владениях, Ганза тормозила



деятельность собственных купцов, запрещая им вступать в компании с иностранцами или торговать в кредит. Подобные меры лишь увеличивали их неполноценность по сравнению с конкурентами. Однако было бы несправедливо считать мелочные придирки всего лишь проявлением ограниченности, застрявшей в прошлом и не способной понять требований современности. Ганза могла сохраниться как сообщество только в том случае, если бы все ее участники, торговавшие за границей, пользовались равными правами. Поэтому необходимо было сохранять равенство. Позволить отдельным городам или личностям самим решать, какие принять меры, чтобы соответствовать современным требованиям, значило предать саму Ганзу. В международной обстановке XIII–XIV вв. объединение торговых городов обладало способностью управлять коммерцией Северной Европы. Но в XV и XVI вв., когда рост конкуренции поддерживался влиятельными государствами, такая организация больше не могла успешно противостоять соперникам. Падение Ганзы вызвали не меры, принятые ею для обеспечения своего выживания. Наоборот, эти меры отсрочили закат. Ганзу погубило политическое и экономическое преобразование Европы, когда она переходила от Средневековья к Новому времени. Глав Ганзы едва ли можно упрекнуть в том, что они этого не сознавали и пытались спасти союз всеми доступными им средствами.

Важную историческую роль Ганзы долгое время недооценивали, во многом потому, что развитие Северной Германии в Новое время происходило в совершенно иной системе и в период, когда в упадок приходили многие города, игравшие ведущую роль в Ганзейском союзе. К ним относятся Любек и другие вендские города Прибалтики, Росток и Штральзунд, а также такие удаленные от моря города, как Дортмунд, Гослар и Люнебург, а также Кампен и Девентер на Зейдерзе. Города, которые в то время приобрели известность – Берлин, Кёнигсберг, Ганновер – в прошлом были членами Ганзы, но все большее значение они приобретали как столицы монархий. Даже развитие судоходства и торговли происходило уже не под эгидой трех «вольных ганзейских городов», а под патронажем монархов, главным образом прусских.

Учитывая все вышеизложенное, можно сказать, что Ганза занимает весьма значительное место в истории Европы последних 300 лет

Средневековья. Хотя она, вопреки сложившемуся в прошлом мнению, не создавала города на востоке и севере, она решительно поощряла их развитие. Она заложила основы долгого процветания для Данцига, Риги, Ревеля, Стокгольма, но прежде всего – Гамбурга и Бремена. Расположенные дальше крупные рынки в Новгороде, Бергене и Брюгге развивались благодаря предприимчивости ганзейцев. На протяжении нескольких веков они снабжали жителей Востока и Запада товарами, необходимыми для их развития, а часто и для выживания. Благодаря Ганзе во всех странах на побережье Балтики распространялись идеи и искусства запада, особенно Нидерландов.

Считается, что деятельность Ганзы не всегда приносила положительные плоды. Высокий товаропоток сукна из Нидерландов препятствовал росту крупномасштабной текстильной промышленности на севере Германии. Интересы ремесленников чаще отступали на второй план, ими даже жертвовали в угоду интересам купцов. Невозможно отрицать, что в Норвегии ганзейское владычество уничтожило местное сельское хозяйство и, в большой степени, местную торговлю, создав таким образом неблагоприятный экономический дисбаланс. Однако в целом не приходится сомневаться в том, что Ганза приносила пользу жителям тех стран, в которых велась ее деятельность.

Наконец, Ганзейский союз вдохновлялся духом, который, хотя и основан на материальном своекорыстии, тем не менее достоин восхищения и уважения. Безразличные к националистическим предрассудкам и даже, в большой степени, к религиозным различиям, ганзейцы отличались крайним миролюбием и прибегали к войне, только если все остальные способы оказывались неэффективными. Они всегда – и во внутриганзейских делах, и в отношениях с зарубежными странами – делали все от них зависящее, чтобы уладить ссоры и избавиться от обид с помощью третейского суда и переговоров. В этом смысле ганзейцы дают урок мудрости, который будет весьма полезным и в наши дни.

# Документы

# I. События, привилегии, договоры

## 1. Основание Любека

*1143–1159 гг. Отчет, приведенный Гельмольдом, священником из Босау (Гольштейн), в его «Славянской хронике» (Chronica Slavorum), сост. ок. 1171 г.*

«Приведя так все в порядок, Адольф начал отстраивать замок Зигеберг и окружил его каменной стеной. Поскольку земля была пустынна, он отправил послов во все страны, а именно, во Фландрию и Голландию, Траектум, Вестфалию и Фризию, возвещая, чтобы все те, кто испытывает недостаток в полях, шли с семьями своими и получили землю наилучшую, землю обширную, богатую плодами, изобилующую рыбой и мясом и удобными пастбищами... На этот призыв поднялось бесчисленное множество разных народов, которые, взяв с собой семьи и имущество, пришли в вагрскую землю к графу Адольфу, чтобы владеть землей, которую он им обещал...

После этого граф Адольф пришел в место, которое называется Буку, и обнаружил здесь вал разрушенного города, который был выстроен злодеем божьим Крутом, и остров, окруженный двумя реками. Ибо с одной стороны его обтекает Травна, с другой – Вокница, у обеих болотистые и недоступные берега. С той же стороны, где путь пролегает по суше, находится небольшой холм, спереди загороженный валом крепости. Увидев столь удобное место и превосходную гавань, сей ревностный муж начал строить здесь город и назвал его Любек, потому что он находился неподалеку от старого порта и города, которые некогда выстроил [славянский] князь Генрих...

В один из дней герцог [Саксонии, Генрих Лев] обратился к графу Адольфу, говоря: «Давно уже дошла до нас весть о том, что наш город Бардевик страдает от сильного уменьшения числа своих жителей из-за торга в Любеке, потому что все купцы туда переселяются. Также те, кто находится в Люнебурге, жалуются, что солеварня наша погублена из-за той, которую вы устроили в Тодесло. Поэтому мы просим вас, отдайте нам половину города вашего Любека и половину солеварни, и

тогда нам будет легче переносить опустение нашего города. В противном случае мы прикажем, чтобы с этих пор не было больше торгова в Любеке. Ибо мы не можем перенести, чтобы ради чужой выгоды мы должны были бы страдать от опустения наследия отцов наших».

Когда граф, считая такого рода соглашение для себя неосмотрительным, не согласился, герцог повелел, чтобы с этих пор не было больше торгова в Любеке, чтобы нельзя было покупать и продавать ничего, кроме того, что относится к пище. И приказал перенести все товары в Бардевик, желая поднять свой город.

В те дни [1157] город Любек был уничтожен пожаром. И послали купцы и другие жители этого города к герцогу, говоря: «Уже много времени прошло с тех пор, как в силу вашего распоряжения рынок в Любеке закрылся. Мы же до сих пор оставались в городе этом, надеясь на то, что рынок будет вновь открыт по благосклонности милости вашей, да и наши дома, с большими затратами выстроенные, не давали нам уйти. Теперь же, когда дома погибли, напрасно вновь строиться в месте, где не разрешено быть рынку. Укажи же нам место, чтобы мы могли построить город там, где тебе будет угодно». Тогда герцог попросил графа Адольфа, чтобы он уступил ему гавань и остров Любек. Но тот не захотел этого сделать. Тогда герцог заложил новый город на реке Вокнице в земле Рацисбург, недалеко от Любека, и начал строить его и укреплять. И назвал он этот город по своему имени Левен-штад, что означает город Льва. Но так как это место было мало удобно для гавани и для крепости и заходить в него могли только небольшие корабли, герцог вторично начал уговаривать графа Адольфа согласиться на отдачу Любекского острова и гавани, обещая ему многое, если он повинуется его воле. Тогда, изменив свое решение, граф исполнил то, чего требовала необходимость, и отдал ему замок и остров. И тотчас по приказу герцога вернулись сюда с радостью купцы, покинув неудобный новый город, и начали отстраивать церкви и стены города. И отправил герцог послов в города и северные государства – Данию, Швецию, Норвегию и Русь, – предлагая им мир, чтобы они имели свободный проезд к его городу Любеку. И установил здесь монету и пошлину и самые почетные городские права. И преуспевал с этого времени город во всех делах своих и умножалось

число его жителей».

(Текст приводится по изданию: Гельмольд. Славянская хроника.)

## **2. Привилегии для кёльнских купцов Лондоне**

*1157 г. Указы Генриха II*

(а) «Генрих, король Англии милостию Божией, герцог Нормандии и Аквитании, граф Анжу, приветствует своего мэра, шерифа и олдерменов. Даю позволение обитателям Кёльна продавать их вино по той же цене, по какой французское вино продается, а именно три пенса за галлон. Запрещаю кому бы то ни было... чинить им ущерб и препятствия».

(б) «Генрих приветствует своих судей, шерифов и всех остальных высших сановников Англии. Повелеваю охранять, заботиться и защищать так же, как моих подданных и друзей, подданных и граждан Кёльна, их товары и имущество. Запрещается причинять вред и допускать причинение такого вреда или ущерба их дому в Лондоне или Гилдхолле, их товарам и их имуществу. Ибо они хранят верность мне, и я их охранитель и защитник. Да будут они пользоваться полной свободой и живут по своим законным обычаям. Запрещается обложение их новыми или непривычными налогами или законами, кроме тех, которым они уже не согласились подчиняться. А если кто нарушит любую часть этих приказов, действуйте быстро и решительно во имя справедливости».

Hansisches Urkundenbuch, I, № 13 и 14, р. 8.

### **3. Торговый договор между князем Смоленска и немецкими купцами («Смоленская торговая правда»)**

*1229 г. Договор между смоленским князем Мстиславом-Федором Давыдовичем, составленный от его имени и от имени князей Полоцка и Витебска; и «латинским купечеством» из «Римского царства» – немецкими купцами из Риги, Готланда и других городов. Почти все условия, предоставленные немцам в Смоленске, уравновешены такими же условиями для русских в Риге и на Готланде*

«5. Если русский покупает в кредит у немецкого поставщика и если он должен также другому русскому, немцу платит первому...

10. Русский не может требовать у немца в Смоленске, как и немец у русского в Риге или Готланде, удовлетворения на дуэли. Если немцы дерутся между собой на мечях или копьях, князю и другим русским до того дела нет, и они соглашаются по своему обычаю...

15. Если тиун (чиновник) на волоке узнает, что латинский гость прибыл одновременно с гостем из Смоленска... он сейчас же отдает приказ с посыльным своим людям перевезти вместе с его товарами немецкого гражданина и смолянина.

16. Метать жребий, чтобы решить, которого из двух перевозить первым. Если в то же время прибыл русский из других краев, он едет после них.

17. Всяк немецкий гражданин по вступлению в город обязан предложить штуку сукна княгине и пару готских рукавиц с пальцами тиуну на волоке...

19. Всяк немецкий гость в Смоленске может продавать свой товар без спора.

20. Если немец желает увезти свой товар в другой город, ни князь, ни жители Смоленска не имеют права мешать ему.

21. Если русский покупает у немца и забирает товар, он не может вернуть его и должен заплатить за него [и наоборот]. Русский не должен обвинять немца в открытом публичном суде, но только перед князем. Но если немец желает публичного суда, его желание будет исполнено...

27. Если немец покупает гривну серебра (серебряную марку) и взвесил ее, он дает две векши (беличьи шкурки) весовщику, но ничего не дает, если продает ее...

29. Если весы, на которых взвешивают воск, портятся, они должны быть выправлены по стандартным весам, кои одни в церкви на горе, а другие в немецкой церкви...

31. Немецкий гость не должен платить пошлину из Смоленска в Ригу и из Риги в Смоленск. Так же, русский не должен платить пошлину с готского берега (с Готланда) в Ригу и из Риги в Смоленск.

32. Если князь Смоленский начнет войну, немцев она не касается, если они сами не попросят сопроводить князя на бой.

33. Если – Боже упаси – потерпит крушение немецкий или русский корабль, капитан должен выгрузить груз на берег без промедления. Если у него слишком мало людей и он обязан набрать других, последние не получают больше оговоренной платы. Это правило равно касается немцев и русских на территориях Смоленска, Полоцка и Витебска.

Сия грамота писана в 1229 г. в присутствии Николая, епископа Риги, священника Иоанна, магистра [Ордена братьев меча], Фолькина и многих купцов Римской империи, чьи печати прилагаются. Свидетели: Регенбоде, Детхард, Адам, граждане Готланда; Мембер, Фридрих, Думмом из Любека; Генрих Гот и Илдигр из Зоста; Конрад Блёдауге и Иоганн Кинот из Мюнстера, Бернек и Фолькер из Гронингена; Арембрехт и Альбрехт из Дортмунда; Генрих Цайсиг из Бремена; граждане Риги Альбрехт Слук, Бернхарт, Вальтер и Альбрехт, юрист из Риги.

Если же русский или немец против сей правды молвят (нарушат этот договор), тех объявить преступниками против Божия суда и справедливости».

Hanscischer Urkundebuch, I, № 232, p. 73–79.

#### **4. Перевод конторы из Брюгге в Аарденбург**

*1280 г. Когда Любек предложил перевести контору, большое количество городов подписало это соглашение примерно на одних*



*условиях. Ниже приведен ответ Висбю:*

«К несчастью, хорошо известно, что [немецкие] купцы, едущие во Фландрию, становятся жертвами всевозможного дурного обращения в городе Брюгге и не могут защититься от этого. Сказанные купцы наконец принуждены были привлечь к своим жалобам внимание его высочества графа Фландрии Ги. Выслушав их, указанный граф принял их жалобы и по милости своей даровал купцам, вместе с городом Аарденбургом, грамоты и разные льготы, если они отныне изберут посещение Аарденбурга со своими кораблями и товарами.

По этой причине, помня, что все иностранцы имеют право покупать, продавать и торговать своими товарами свободно и без ущемления и между собой, и с местными горожанами, мы решили, что для нас главным центром коммерции и торговли [ганзейскими] товарами станет Аарденбург, пока указанный граф вместе с гражданами Аарденбурга и их преемниками продолжит даровать нам эти привилегии, льготы и грамоты. Мы же сохраняем право только наносить отдельные визиты в другие порты, города и края».

В свидетельство прикладываем к документу печати нашего города, равно немцев и готландцев».

Urkundebuch der Stadt Liibeck, I, № 156, p. 371.

## **5. Граждане Любека на Шампанских ярмарках**

*1294 г. Указ Филиппа Красивого*

«Филипп, король Франции милостию Божией, приветствует провостов, бейлифов и других сановников нашего королевства, кои получают сей документ.

Увидев судебную запись о конфликте, возникшем, с одной стороны, между купцами из Любека и, с другой стороны, сборщиками налогов в Бапоме, мы постановили: когда эти купцы едут на Шампанские ярмарки с товарами, приобретенными или купленными в Германии, они не обязаны ехать по Бапомской дороге. Они могут приезжать и уезжать со своим товаром, где хотят, уплатив обычную пошлину в тех местах, где они едут.

С другой стороны, если они перевозят товары или серебро из Фландрии на указанные ярмарки или в иные места, упомянутые в судебном решении, они должны следовать по Бапомской дороге. Вот почему мы повелеваем, чтобы вы со всем рвением противостояли дурному обращению с вышеупомянутыми купцами, что противно духу указанного документа».

Hanscischer Urkundebuch, I, № 1140, p. 392.

## **6. Обязательства английской таможни по отношению к группе купцов из Дортмунда**

*1340 г. Указ Эдуарда III, адресованный «сборщикам таможенных пошлин на шерсть, кожу и шерстяные ткани» в Лондоне и еще 12 английских портах*

«Прелаты, графы, бароны и простолюдины нашего королевства Англия, собравшись в недавно созванный нами парламент, обложили налогом в пользу нашего королевства для покрытия расходов и защиты наших прав повсеместно, в размере на каждую кипу шерсти, вывозимую из Англии, 40 шиллингов для англичан и фламандцев и 40 шиллингов 40 пенсов для всех прочих иноземцев, и взимать налог до Великого поста следующего года.

Из любви, какую мы питаем к избранным немецким купцам Генриху из Мудденпенинга, Тидеману из Лимберга, Конраду из Аффена, Конраду Клиппингу, Зефриду Шпизенагелу, Альвину из Ревеля, Иоганну из Вольда, Тиру из Вольда, брату его, Генриху-младшему из Ревеля, Иоганну Клиппингу, Гертвину из Бека, Весселю из Берга, Конраду из Ревеля и их помощникам.

И благодаря большой помощи и значительным займам, которые они предоставили нам на континенте, а также 3000 кип шерсти и 1100 фунтов стерлингов, за которые мы и другие в долгу перед указанными купцами посредством наших собственноручных писем, что всего, с расходами, составляет 18 100 фунтов стерлингов; и благодаря тому, что 4000 фунтов стерлингов – золотыми экю по 18 турецких грошей – что указанные купцы потратили, чтобы заплатить за нас в Брюсселе, за 10 дней после прибытия Конрада Клиппинга во Фландрию; и из-за еще 4300 фунтов стерлингов, уплаченных за нас в Брюсселе за две недели после вышеуказанного платежа.

Мы даем согласие на то, чтобы указанные купцы или их агенты получили все вышеупомянутые «таможенные пошлины» и все другие пошлины и сборы, большие и малые, назначенные нами во всех портах Англии, где следует взимать пошлины, пока не будут выплачены указанные суммы и те, которые они ссудят нам в будущем. И указанные купцы или их агенты получают половину нашей большой

печати, коя зовется печатью королевской таможни, для сбора «большой пошлины»; и печать для «малой пошлины», коя находится у сборщиков в каждом порту, будет передана им или их агентам.

И указанные купцы [далее следуют их имена] назначили в нашем присутствии своими главными агентами указанного Тидемана [из Линдберга] и Иоганна из Вольда для всех указанных портов».

Hanseakten aus England 1275 bis 1412, ed. K. Kunze (Hansische Geschichtsquellen, vol. 6, 1891), № 114, с. 78; F. Keutgen, Urkunden zur Stadtischen Verfassungsgeschichte (1901), № 433, p. 524.

## 7. Кёльнская конфедерация

*1367 г. Основные военные и финансовые меры, согласованные в Кёльне, от имени всей конфедерации, делегатами от ганзейских городов: Любека, Ростока, Штральзунда, Висмара, Кульма, Торна и Эльбинга, вместе с делегатами от голландских городов Кампена, Хардервейка, Элбюрга, Амстердама и Бриля, для ведения войны против Дании и Норвегии*

«Заявляем, что мы договорились...

1. Во-первых, из-за многочисленных несправедливостей и оскорблений, которые короли Дании и Норвегии чинили и продолжают чинить ганзейским купцам, мы стали их врагами и будем верно поддерживать друг друга следующим образом: вендские города вместе с ливонскими городами и теми городами, которые с ними связаны, оснастят десять коггов, укомплектованных способными воинами, по 100 вооруженных воинов на каждый когг; и каждый когг будут сопровождать Schute и Snikke<sup>[64]</sup>. Прусские города, то есть морские порты, оснастят пять коггов такого же вида... и т. д. [Всего 22 когга].

2. Далее мы условились, что все когги и люди с Зёйдерзе, из Голландии и Зеландии будут полностью готовы в следующее Вербное воскресенье, когда они с первым попутным ветром отправятся к Зунду, и вместе пойдут к Марстранду, зайдут там в гавань и будут ждать, пока соберутся все, а затем от Марстранда пойдут в Зунд. И когги и люди из вендских городов и Пруссии должны со всем флотом, со всеми кораблями, которые желают пройти через Зунд, быть готовы к

следующей Пасхе идти к Геллену<sup>[65]</sup>, собраться там и присоединиться к флоту с Зейдерзе в Зунде, как только они узнают, что флот туда прибыл. А когда соберутся в Зунде, весь флот из обоих краев должен оставаться с военными кораблями и исполнять приказы командиров под страхом потери чести, жизни и состояния, пока командиры не позволят им отплывать. И любой, кто нарушит это правило, предстанет перед судом, в какой бы город он ни попал, и товары, которые он привезет туда, надлежит передать городу, в котором он живет или гражданином которого является...

3. Если капитан, рулевой, матрос, боцман или любое другое лицо, уроженец любого города настоящей Конфедерации, перейдет на сторону вышеупомянутых королей, он объявляется навечно вне закона во всех городах и портах настоящей конфедерации. Если какой-либо вендский город или город в Пруссии, Ливонии или иной во всей немецкой Ганзе, с Зейдерзе, из Голландии или Зеландии, не повинуется тому, что решили другие города, его граждане и купцы не будут иметь ничего общего с любым из городов, который входит в настоящую Конфедерацию, и никому нельзя ни покупать у них, ни продавать им, и они не могут ни войти в любую гавань, ни выйти из нее, ни брать на борт, ни разгружать любые товары на срок в десять лет...

4. Далее, для покрытия расходов каждый купец должен уплатить пошлину с веса своих товаров, следующим образом: с каждого фунта гроот один грош, с 6 любекских марок – 4 любекских пенни, с 9 штральзундских марок – 6 штраль-зундских пенни, с 4 прусских марок – 8 прусских пенни, с 12 померанских марок – 8 vinkenoge<sup>[66]</sup>, каким бы ни был порт назначения. Сходным образом капитаны должны платить пошлину со своих кораблей...

5. Такая пошлина взимается в каждом городе Конфедерации, когда корабль выходит из гавани; взамен дается расписка, которую капитан обязан представить в порту назначения. Если, однако, кто-либо выходит из гавани, где такая пошлина не взимается, как, например, в Англии, во Фландрии... и потому по прибытии [в порт Конфедерации] не имеет расписки, он должен уплатить пошлину в том порту. Те, кто прибывает с Балтики и желает пойти к Зейдерзе или к Северному морю посуху, из Любека в Гамбург через Ольдесло, освобождается от уплаты пошлины в Гамбурге, если предъявит расписку,

доказывающую, что он уже уплатил пошлину по отправлении. [То же самое относится к рейсам с запада на восток.]

А вышеупомянутые расписки, которые они обязаны принести с собой, показывают, сколько пошлины они уплатили, за какого рода товары и в каком количестве и в какое время.

6. В каждом городе, где взимается такая пошлина, она должна храниться в распоряжении городов, которые оснастили корабли для войны. И пошлина, и соответствующие расписки, которые они получили от купцов и капитанов, должны быть доставлены в Любек к Иванову дню [24 июня 1368 г.], когда все они соберутся вместе, как записано ниже, и разделят пошлину по справедливости...

7. Далее: если вендским городам удастся убедить вышеназванных правителей [короля Швеции, герцога Мекленбурга и графа Гольштейна] стать нашими союзниками, мы заключим с ними союз сроком на один год начиная со следующей Пасхи, и правители не станут заключать мира без нас, как и мы без них...

8. Вышеупомянутая Конфедерация со всеми своими законами и правилами будет действительна еще на три года после того времени, когда мы заключим мир с вышеупомянутыми королями [Дании и Норвегии]».

Hanserezesse, I, № 413, p. 373–376.

## 8. Злодеяния и произвол ганзейцев в Норвегии

*1370 г. Список жалоб на поведение ганзейских городов, представленный Хоконом VI, королем Норвегии, на переговорах, которые окончились пятилетним перемирием. Ганзейцы со своей стороны представили такой же список жалоб*

«Обвинения и обвинительные акты, которые мы, король Хокон, представляем на рассмотрение от имени наших королевств Норвегии и Швеции против [немецких] приморских городов.

1. Во-первых, когда один из них совершает преступление против третьей стороны, [немецкие] купцы, если могут, добиваются соглашения между истцом и виновной стороной и таким образом лишают королевскую власть и ее законных представителей права вершить правосудие. Более того, если совершено убийство или иное тяжкое преступление, они увозят преступников на своих кораблях, чтобы ни истец, ни королевская власть не получили компенсации.

2. Кроме того, приморские города объединяются и принимают в Ганзу другие города, которые прежде не входили в нее, не заручившись нашим согласием или согласием наших предшественников, дабы те могли пользоваться привилегиями, действительными лишь для городов, перечисленных в грамотах, пожалованных нашими предшественниками.

3. Кроме того, они договорились между собой не допускать товары и изделия наших подданных на свои корабли, чтобы лишить их всякой возможной прибыли.

4. Кроме того, заходя в наши порты, они покупают и продают все, что хотят, в нарушение законов страны, до такой степени, что торгуют в розницу своей одеждой и другими товарами в наших городах и на наших территориях. В прошлом это запрещалось, и ни мы, ни наши предшественники не давали на то позволения...

10. Кроме того, [немецкие] купцы из Бергена часто вызвали волнения и беспорядки, в ходе которых были убиты наши подданные. За это мы так и не получили возмещения.

11. Кроме того, купцы из Бергена силой ворвались на наш двор в Бергене и проникли к ярлу Сигурду. Когда последний лично призвал

их следовать закону, они вынудили его поступить по их желанию. На следующий день они отправились в Бергенский монастырь, выволокли одного из слуг и обезглавили его. Затем они вынудили епископа Бергенского отпустить им грехи за их преступление, и совет судил их преступление по своему желанию. Если бы в их требованиях им было отказано, они дотла сожгли бы епископское подворье и город Берген...

14. Вендские города заключили перемирие с королем Дании, отказав в том нашему отцу, нам и нашим территориям. В результате он [король] строил замки в Финляндии и занял большие участки нашей страны, и мы понесли убытки, оцененные более чем в 30 тысяч марок чистого серебра...

20. Кроме того, [немецкие] портные из Бергена убили кузена архиепископа Трондхейма. За то мы возмещения не получили...

23. Кроме того, купец по имени Бук из Кольберга убил англичанина в Марстранде [на острове Каттегат]. Убийцу увел некий Фольцкин Нортмейер, хотя это и было запрещено под страхом смерти и потери имущества...

39. Кроме того, [немецкие] купцы из Бергена отказывались принимать наши деньги, учрежденные советом для всего королевства, и соглашались принимать только иностранные деньги, а именно деньги Любека и Штральзунда. Очевидно, что, поступая так, они причиняли нам значительный ущерб и несправедливость.

Господа консулы [немецких городов], вот наши настоящие жалобы. Мы подробно изложим многие другие, как только они дойдут до нас».

Hanserezesse, I 2, № 4, p. 11–14.

## **9. Акты насилия и несправедливости по отношению к ганзейским купцам со стороны англичан**

*1386 г. Отрывки из меморандума, представленного прусскими посланниками в Англии в подтверждение требования компенсации*

«1. В лето от Рождества Господа нашего 1375-е Герман Халенберг, гражданин Данцига, потерял 'Д долю корабля, стоимостью в 15 английских фунтов, и на корабле том были 23 бочки бордоского вина, стоившего в то время 11 или 12 английских марок за бочку. Корабль и



вино были отобраны у этого Германа Халенберга Эдвардом ле Деспенсером. Желая вернуть свое, он трижды обращался в Тайный совет с письмами от великого магистра Пруссии и другими достаточными доказательствами. В своем иске, который он уже трижды тщетно подавал, он потратил более 50 английских фунтов и тем не менее ничего не добился. Наконец после четвертого прошения лорд-канцлер предложил ему 200 золотых ноблей, которые он не пожелал принять, и потому остался без всякого успеха...

2. Далее, в лето от Рождества Господа нашего 1381-е корабль, который купцы из Торна в Пруссии нагрузили различными товарами, а именно воском, мехами, железом, свинцом и разными другими вещами, потерпел крушение у деревни Ромни [Кент] и окрестных деревень, и обитатели этих деревень захватили и удерживали все товары, найденные на берегу или спасенные из моря... Спасенные товары были примерно оценены в 600 фунтов стерлингов, из которых около 350 фунтов составляла доля вышеупомянутых купцов из Торна. Остальное составляло долю других купцов из Венгрии, Польши и других мест, которые мы не называем...

3. Далее, в год 83-й капитан корабля Эвехард Шторм, гражданин Эльбинга, продал приходу Скарборо [Йоркшир] лес, смолу и другие товары. Когда настало время платить ему деньги, они начали с ним спорить и сказали, что он предатель и преступник из Бретани, и возложили на него еще много клеветнических утверждений; на этом основании они удержали 55 ноблей его денег, которые были ему должны...

7. Далее, в год 79-й Герман Вульф, гражданин Эльбинга, вошел в гавань Ипсвича с кораблем, половина которого принадлежала названному Герману, а остальное – купцам из Англии. Но сэр Альберт де Вер и сэр Джон Деверо пришли и захватили корабль якобы от имени короля, привели его в Лондон и удерживали там восемь месяцев, вследствие чего он понес убыток в 100 фунтов стерлингов, как он показал под присягой...

9. Так же и Августин, гражданин Кёнигсберга, был захвачен Тайным советом, вместе с его кораблем, и принужден перевозить лошадей для господина нашего короля; и ему причиталось по 10 шиллингов в месяц за каждую лошадь, из каковой суммы 20 фунтов стерлингов еще ему должны, как он присягнул на мощах. Более того, граждане Бостона по

имени Райсер Нерведе и Харссик привели его и его корабль в Линн, на постоянный двор Хадзе Паксмана, где он вынужден был принять груз шерсти для Кале на том условии, что они погрузят достаточно шерсти до полной загрузки; и за каждый ласт шерсти они обещали ему 13 ноблей, из которых плата за  $2\frac{1}{2}$  ластва им еще не получена. Вдобавок ему обещали, что, как только он достигнет Кале, купцы разгрузят его груз за три прилива; но они этого не сделали, наоборот, продержав его там вместе с груженым кораблем две недели, так что из-за недостатка воды в порту его корабль лопнул и распался на куски. Это причинило ему, как он присягнул на мощах, убыток в 100 фунтов стерлингов...

15. Кроме того, в год от Рождества Господа нашего 1378-й капитан корабля по имени Тидеман Стикер из Данцига пришел вместе со многими другими судами из залива [Бурньёф] в Пенмарше, где были также английские военные корабли, чьи команды обращались к вышеупомянутому капитану днем мирно и дружески, и он был им хорошо известен. Но когда наступила ночь, вышеупомянутые англичане пришли, взяли корабль на abordаж и в схватке убили названного капитана и выбросили его и еще троих в море; вдобавок они унесли с корабля разные товары, а также наличные деньги, а чтобы получить его кольца, они отрезали у того капитана пальцы. Из-за этого враждебного нападения Госвин Гроте, которому принадлежал корабль, пожаловался на убыток в 150 фунтов groot...»

Hanserezesse, I 3, № 202, p. 189–192.

## 10. Борьба с английской конкуренцией

*1404 г. Отрывки из английского списка жалоб на Тевтонский орден и ганзейские города*

«Ниже изложены жалобы наши, подданных нашего короля... на жителей Пруссии и других территорий Ганзы, а именно:

1. Указанные английские купцы, совершавшие поездки в указанные края, с незапамятных времен привыкли продавать свое сукно определенными мерами длины, а именно целый кусок длиной в 42 локтя или половина куска длиной в 21 локоть. Но жители Пруссии недавно постановили, что в каждом куске должно содержаться 44 локтя, а в половине куска – 22 локтя, и штрафом за отказ повиноваться служит конфискация. В результате этого недавнего указа подданные господина нашего короля каждый год теряли свыше 1000 фунтов...

6. Также они постановили, что ни один англичанин, путешествующий со своей английской женой, не может оставаться на указанной территории и должен покинуть ее немедленно, иначе рискует лишиться всех своих товаров...

9. Также мы, подданные нашего короля, имели разрешение избирать начальников в Пруссии из своих рядов и устраивать собрания, как ганзейцы в нашем королевстве. Жители Пруссии запретили подданным нашего короля устраивать собрания или любую группу или передавать указы, а за отказ повиноваться грозили суровыми штрафами...

11. Таюке люди Ганзы, под предлогом их прав и привилегий в Англии, объединяются с некими иностранцами, чтобы защищать их и освобождать их от налогов ради их блага. В результате такой защиты указанные иностранцы, которые должны платить нашему королю таможенную пошлину в 2 шиллинга 9 пенсов с куска сукна, теперь платят не больше 12 пенсов с куска сукна, как представители Ганзы, в ущерб и во вред королю...

19. Также накануне Дня святого Георгия в шестнадцатый год правления короля Ричарда Второго [22 апреля 1393 г.] несколько преступников и бандитов из Висмара и Ростока в Ганзе приплыли на большом корабле в город Берген, взяли город штурмом, захватили там

купцов и их товары, подожгли их дома и потребовали огромный выкуп за обитателей, и, как показано в охранных грамотах, доставленных им, истцы понесли убытки около 5400 ноблей...

24. Также указанные английские купцы очень жалуются на то, что прусские Schaffers<sup>[67]</sup> приказывают всем капитанам кораблей брать в плен всех англичан, с которыми они повстречаются в море, в результате английские купцы больше не смеют заходить ни в Сканию, ни в другое место, и понесли убытков более чем на 2000 фунтов.

26. Кроме того, они настоятельно жалуются на то, что, когда некие английские купцы находились в городе Штраль-зунде со своими товарами в последний день мая прошедшего года [1404], названные жители Штральзунда захватили английских купцов и их товары и заперли их в ужасной тюрьме; товары и изделия по-прежнему в их руках, что вызвало убытки упомянутым англичанам на 820 фунтов».

Hanseakten aus England 1275 bis 1412, ed. Kunze, № 322, p. 229–234.

## **11. Перемирие между Ганзой и Кастилией**

*1443 г. Трехлетнее перемирие (которое можно было продлить на 12 лет), заключенное в Брюгге. Оно положило конец конфликту, вызванному уничтожением ганзейского флота кастильцами в 1419 г.*

«Во славу Святой Троицы, и да умножится их торговля ко взаимной выгоде, народы немецкой Ганзы и Испании, в прошлом большие враги под влиянием сатаны... настоящим пришли к соглашению:

1. Во-первых, что указанные народы признают и ратифицируют перемирие на три будущих года.

2. Все купцы, моряки и подданные немецких народов и немецкой Ганзы вправе свободно ездить, селиться и оставаться по их желанию во всех регионах, городах и портах, принадлежащих его милосердному величеству королю Кастилии, и брать с собой свои грузы, имущество, товары и свиту. Когда бы ганзейские мореплаватели ни входили в порт указанного благородного короля с избытком кораблей и продуктов питания, они могут их продать. Любой товар, купленный за деньги, нажитые на таких сделках, может быть гружен на борт их кораблей и перевезен в любое место по их желанию. С другой стороны, если указанные ганзейские мореплаватели везут на своих кораблях товары

иные, чем продукты питания, они должны грузить товары, купленные на доходы от сделок, на испанские корабли, при условии что таковые найдутся в указанных портах и что они готовы отплыть в страны и порты, куда мореплаватели и купцы желают послать свои товары...

5. Кроме того, если случится так, что ганзейские мореплаватели, оставив порт и выйдя в открытое море в обществе с испанскими мореплавателями, встретят таких врагов испанцев, как англичане, они тотчас должны поднять свои флаги или любые другие сигналы, дабы показать, что они не враги. Затем они должны удалиться в сторону, дабы не обременить испанских моряков в их битве против врагов...

8. [Кампен, возможно, исключается из перемирия, если в случае конфликта с испанцами город откажется от вызова из конторы в Брюгге, не пошлет туда представителя и откажется выплачивать компенсацию.]

9. Если купцы и моряки из каждого народа вместе окажутся в порту и собираются отплыть одновременно, они берут на себя обязательство, данное под присягой или простым обещанием, оказывать друг другу взаимную помощь против их врагов или против пиратов; если же увидят в море последних, и одна сторона бежит, отказав союзнику в помощи, тех следует сурово наказать тому государству, откуда они прибыли, в назидание другим на будущее.

10. Кроме того, две стороны соглашаются, что купцы немецкого народа, всякий раз, как они приобретают вино или иные товары в порту Л а-Рошели, должны отдавать предпочтение и грузить их в больших количествах на испанские корабли, чем на корабли любого другого государства; при условии, что испанские корабли там находятся и отправляются в те порты, куда немецкие купцы желают послать свой груз».

T. Hirsch: Danzigs Handels- und Gewerbegeschichte (1858), p. 272–274.

## 12. Данцигская хроника

*Отрывки из записей Каспара Вайнрайха, данцигского судовладельца*

«1470...Летом этого года в Данциг прибыло много кораблей из Голландии, Кампена и Фрисландии, а также и наши балтийские корабли из Залива [Бурньёф] и Бруажа, поскольку соль пользовалась малым спросом и продавалась по шести с половиной марок за ласт.

1471. Во время Великого поста Пауль Бенеке увел «Мадлен» из Дъеппа и «Лебеда» из Кана; на последнем пленником стал мэр Лондона, Томас Кригк.

1473. Также, в первый понедельник после Пасхи, во Фландрию, Голландию, Зеландию и т. д. отплыл огромный флот, хорошо оснащенный, со многими новыми кораблями: всего около 50 кораблей.

Также в канун Пасхи умер ломбардец, живший в Данциге, который заказал строительство большого корабля, длиною в 50 локтей, и в день Пасхи его отнесли к картезианцам, где он был похоронен.

Также во второй вторник после Пасхи Пауль Бенеке на «Большой каравелле» увел галеру с мачтой высотой 23 сажени и двухъярусной надстройкой бака. Галера шла из Велинге [Фландрия] в Лондон. Взятый груз оценили... в 60 тысяч фунтов гроот; его поделили на 400 долей, каждая по 100 марок или по 80, вдобавок к 21 марке наградных на человека. Дележ произведен согласно обычаю.

1479. Весной того же 1479 г. первый корабль из Данцига, на 70 ластов, отплыл в Исландию. Владельцем был Людке Веспендорфф, вместе с остальными; но корабль пропал на обратном пути возле Нидингена [Каттегат].

1481. Летом 1100 кораблей, больших и малых, груженных зерном, отправились из Данцига на запад, в Голландию, Зеландию и Фландрию. В Зеландии на Пятидесятницу рожь стоила 48 флоринов, а пшеница 54 и 55 флоринов. Но осенью экспорт ржи из Данцига запретили; поэтому осенью рожь стоила от 70 до 80 флоринов.

1485. Весной постоянно дули ветры с севера, северо-востока или востока, поэтому ни один корабль не мог прийти в Данциг. И лишь за несколько дней до праздника Тела Христова [2 июня] привезли рейнское вино. Также осенью в Скании поймали и засолили во всех

хранилищах 3000 или больше ластов сельди; но рыба была довольно маленькой: 17, 18, 19 [сотен?] на тонну, но очень хорошего качества. Ничего подобного не случилось за двадцать лет.

Также летом и осенью того года на верфи [Lastadie] построили всего один корабль, на 60 ластов, построенный плотником на заказ. Никогда на памяти людской не была верфь такой заброшенной, как в этом году; даже во время войны не было на ней так пустынно, как в этом году.

Также, осенью того же года наши корабли вернулись домой из Залива с балластом и не могли купить там соль. В Бруаже центнер стоил 10 крон, поэтому соль из Бурньёфа продавалась в Данциге по 40 марок за ласт, соль из Траве – по 38 марок, а шотландская соль – по 22 марки.

1486. Этим летом в Скании выловили большое количество сельди, но ее покупали по высокой цене, и купцы во всех городах, куда они доставляли соль, теряли деньги, хотя фламандская сельдь не поступала через Зунд.

Также летом и осенью этого года город Данциг потерял много хороших кораблей на море с ценными грузами соли, ржи, сукна и прочих товаров, так что город понес в этом году большие убытки на море, чего не случилось на памяти людской».

Scriptores rerum prussaricum, т. 4 (1870), ed. T. Hirsch, p. 733–760.

### **13. Грандиозный замысел Вулленвевера**

*1534 г. Обязательства графа Кристофера Ольденбургского (данные Любеку) как командующего любекским войском в планируемом завоевании датских островов и освобождении короля Кристиана II, находящегося в плену у герцога Шлезвиг-Гольштейна*

«1. Если Господь всемогущий благосклонно отнесется к нашему благородному делу по освобождению человека, владений, земель и подданных нашего дорогого кузена Кристиана, в настоящее время пленника, мы обещаем со своей стороны и от имени вышеупомянутого дорогого кузена, что все привилегии, льготы и права, которыми пользовались исстари в королевстве Дании и Норвегии и на всех

зависимых территориях, без ограничений будут подтверждены и распространены на город Любек, его обитателей и его союзников.

2. Мы также обязуемся передать нашего дорогого кузена немедленно после его освобождения, что, как мы надеемся, с Божией помощью будет достигнуто, в руки Любека, для дружеского обращения с ним и для принятия соглашения, каковое будет угодным городу Любеку, ибо мы бы ни за что не сумели освободить нашего кузена из плена без помощи Господа и города Любека.

3. Если далее случится, что король Швеции будет упорствовать в своих неблагоприятных запретах и противодействии купцам, товарам и привилегиям города Любека или принимать участие в дискуссиях о приемлемых условиях, тогда мы с нашими союзниками поддержим город Любек всеми нашими силами и поможем довести дело до благого заключения, на суше и на море, как сочтем и пожелаем наивыгодным.

4. То же относится к жителям Голландии и Гольштейна, пока они не договорятся о перемирии или продолжат преследовать город Любек после того, как перемирие завершится; в таком случае мы встанем на сторону города Любека и его союзников, как если бы подобные преследования относились к нашей персоне; более того, мы не будем заключать с ними никакие соглашения, союзы и перемирия без ведома и согласия города Любека, тем более первыми затевать подобные переговоры.

5. В особенности, ни до ни после освобождения кузена нашего Кристиана, не вступим мы ни в какие переговоры с королевским советом Дании и не позволим его высочеству так поступать без согласия городского совета Любека и его союзников, для коих дело это представляет не меньшую важность, чем для нас...

6. Кроме того, город Любек и его союзники понесли значительные убытки, имели невыгоду, препятствия и расходы из-за королевства Дании и Норвегии и из-за дражайшего нашего кузена... которые по самым скромным подсчетам доходят до 400 тысяч гульденов; далее, все, что мы сейчас делаем, помогая нашему вышеупомянутому кузену в его крайней нужде, выливается в дополнительную и значительную денежную сумму; посему город Любек удержит в качестве справедливой компенсации за эти убытки и расходы, понесенные ради общего блага, Хельсингборг в Скании и Хельсингёр в Зеландии с



обоими замками, и все пошлины и права, относящиеся к ним, пока вышеупомянутые суммы, включая то, что Любек тратит сейчас ради нас и нашего кузена, не будут собраны и выплачены полностью; мы желаем передать вышеупомянутые замки городу Любеку, как только они будут захвачены, без каких-либо оговорок и условий.

7. Если нам удастся, с Божией помощью и во имя нашего кузена Кристиана, завоевать Готланд, обязуемся передать его городу Любеку навечно с пользованием всеми правами... после чего городской совет Любека и его преемники откажутся от прав на вышеупомянутый замок Хельсингборг и вернут его Датскому королевству. Однако они вправе навсегда оставить себе Хельсингёр с половиной его пошлин, но вторую половину передадут королевству Дания; если же случится, что город Любек получит в одной выплате вышеупомянутую сумму денег вместе с тем, что они в настоящее время расходуют ради нас и нашего кузена, в таком случае город добровольно передает либо вышеупомянутые замки, либо Готланд.

8. В особенности Борнхольм, который в настоящее время находится во владении города Любека, остается его навечно безвозвратно со всеми правами и имуществом, в знак дружественной доброй воли и помощи, которую город во многих случаях выказывал королевству Дания. Вдобавок Любек получит замок Зегеберг, и он навсегда останется во владении города, и мы вместе с нашим дражайшим кузеном поможем Любеку приобрести его и не пожалеем для этого усилий...

10. Далее, поскольку два города Мальмё и Копенгаген вместе с другими находятся под особыми договорными обязательствами по отношению к Любеку, мы настоящим согласились и соглашаемся, что не примем дани от этих городов и не станем заключать с ними никакого мира без ведома и одобрения города Любека. Мы также, насколько это возможно, будем стараться достичь того, чтобы оба города согласились и взяли на себя обязательства, с согласия нашего дражайшего кузена: после его смерти не будет избран король без участия, согласия и доброй воли города Любека; когда два города согласятся на это и примут соответствующие обязательства в связи с этим делом, а также другими делами, которые городской совет Любека, возможно, пожелает вести с ними, мы применим все наши усилия, дабы добиться того, что все остальные города королевства Дания и

Норвегия обсуждали и принимали сходные статьи относительно избрания короля...

12. Наконец, мы также договорились и настоящим даем свое согласие от своего имени и от имени нашего дражайшего кузена, если Господь по милости своей поможет нам освободить его и восстановить его права, что мы разрушим до основания замок Берген, который причинил столько раздоров, или позволим ему перейти во владение города Любека...»

Georg Waitz, Ltibeck unter Jurgen Wullenwever, vol. 2 (1855), № 7, p. 259ff.

## 14. Заккрытие «Стального двора» в Лондоне

1598 г.

«Елизавета, милостию Божией королева Англии, Франции и Ирландии, защитница веры и т. д. Нашим доверенным и возлюбленным мэру и шерифам нашего лондонского Сити шлет привет.

Так как поступил приказ под названием мандата от императора Священной Римской империи всем монархам, прелатам, графам и прочим правителям империи, с перечислением разных жалоб, представленных ему союзными городами голландской Ганзы в Германии, об оскорблениях, понесенных ими в наших владениях, и также после жалобы, представленной ими против компании «Купцов-авантюристов», не выслушав какие-либо ответы указанных ганзейских городов в ниспровержение их жалоб, которые отличаются крайней несправедливостью и не содержат ни слова правды: однако же тем мандатом английским купцам, а именно «Купцам-авантюристам», запрещено использовать любые перевозки товаров в пределах Империи, но приказано удалиться оттуда под страхом наказаний, и воздерживаться, открыто или тайно, от всех гаваней и мест высадки, или вести торговлю по воде или посуху в империи, под страхом ареста и конфискации их товаров, и разных иных крайних приговоров, объявленных вышеупомянутым нашим подданным: отныне, хотя мы послали наши письма... императору и князьям и другим правителям империи, объявив о нашем мнении об их действиях, о несправедливых преследованиях со стороны указанных ганзейских городов, и потребовали отменить или отозвать указанный мандат, однако пребывая в неизвестности, что впоследствии дальше, мы решили... приказать всем, кто находится здесь, в наших владениях, подданным указанных ганзейских городов, расположенных в империи, и особенно тем, кто проживает в нашем граде Лондоне, либо в доме, называемом «Стальным двором», либо в любом другом месте, воздерживаться от использования любых перевозок товаров, от заключения контрактов, а также удалиться из наших владений... как нашим подданным приказано удалиться из Империи, под страхом таких же наказаний,

какие предусмотрены против наших подданных в указанном мандате. А во исполнение сего лондонскому Сити и шерифам следует тотчас же отправиться в дом, «Стальным двором» называемый, и, созвав всех, кто управляет там или проживает, передать им наше решение и приказ: на двадцать четвертый день сего месяца (в тот день, когда нашим купцам надлежит отбыть из Штаде) удалиться из наших владений: передать им также, чтобы они сообщили тем, кто происходит из ганзейских городов, принадлежащих к империи, остающимся в любой части наших владений, так же удалиться к указанному дню. А вы, мэр и шерифы, взяв с собой двух служащих нашей таможни, овладеете указанным домом на 24-й день, который останется под нашей опекой, пока мы не узнаем о том, что император взял более благоприятный курс и не вернет наших подданных к их законной торговле в Империи. И это будет ваш приказ для исполнения вышеизложенного... Вестминстер, 13 января, в 40-й год нашего правления».

Calendar of State Papers (Domestic) 1598–1601 (1869), № 14, p. 5–6.

## II. Учреждения, общество

### 15. Любек – глава Ганзы

*1294 г. (а). Послание от старшин Зволле (Нидерланды) совету Любека, идентичное посланию из Кампена*

«Шлем вам нашу благодарность за ваши неустанные и плодотворные усилия по сохранению наших прежних прав, кои, из-за бездействия и небрежения, были почти упразднены. И этим вы занимаетесь не только ради нашей и своей выгоды, но также и ради выгоды всех купцов Священной Римской империи, желающих ходить по морям. Вы, наши благородные сторонники, действовали как руководители и советчики для всех нас во исправление такого небрежения. Как показывают ваши письма, вы не колеблясь принимаете на себя благородный долг по запрету фризам и фламандцам ходить по Балтийскому морю на Готланд, как делали они в прошлом в нарушение вековых законов. И вы также не даете скандинавам отныне плавать в Северном море, как они незаконно поступали некоторое время.

Вот почему мы желаем... подтвердить своим письмом, что мы так же тесно связаны с вами, как конечности с головой, и мы никогда не откажемся предпринимать и выполнять все, что вы прикажете во исполнение этой достойной и необходимой задачи. Далее, настоятельно просим вас запретить... всем англичанам ходить по Балтийскому морю».

Urkundenbuch der Stadt Liibeck, I, № 485.

*1418 г. (б). Указ собора в Любеке, признающий, что вендские города подчиняются Ганзе*

«...Кроме того, города, здесь собравшиеся, подумали о многих вредоносных вещах, которые могут приключиться с ними и их купцами. Осознав, что, из-за расходов, очень неудобно встречаться так часто, как это необходимо, они сразу же и единогласно попросили

город Любек и другие почтенные города по соседству, представлять наилучшим образом интересы всех городов и купцов у себя, как они поступали до сего времени. Что бы они ни решили делать ради блага городов и их купцов, получит их поддержку.

После чего делегаты из Любека и других благородных городов по соседству, посоветовавшись, объявили: все, что они сумеют сделать ради блага городов и купцов, они охотно продолжают делать в будущем... Объединенные города тепло их за то благодарили».

Hanserezeesse, I 6, № 556, § 87, p. 548.

## 16. Патрицианские поединки

*Конец XIII в. Запись в магдебургской Schoffenchronik, которая велась в 1360–1372 гг., о событиях 1282 г.*

«В сие время еще были kunstabelen, «констебли»; они были сыновьями богатых граждан<sup>[68]</sup>. На Троицын день они устраивали турниры, например изображали Роланда, Schildekenbom, рыцарей Круглого стола и других; сегодня на них председательствуют сами советники. Обыкновенно в таких состязаниях принимал участие один ученый человек по имени Брюн фон Шёнебек, констебль. Его товарищи, констебли, просили его написать веселую пьесу. Он сочинил «Грааль» и разослал любезные письма в Гослар, Хильдесхайм, Брауншвейг, Кведлинбург, Хальберштадт и другие города. В этих письмах констебли приглашали в Магдебург всех купцов, которые желали проявить себя в рыцарских забавах. И жила там красавица по имени Фейе, которую собирались выдать за человека, который завоюет ее своей отвагой и храбростью. Все юноши города горели желанием жениться на ней.

Из Гослара прибыли люди с лошадьми в конских доспехах, из Брауншвейга – с зелеными сбруями и в зеленых одеждах, а из других городов гости также носили особые доспехи и цвета. Когда они прибыли к городу, то отказались въезжать прежде битвы на турнире. Их желание было исполнено. Два констебля выехали из города, вступили с ними в бой и держали чужаков на острие копья. Тем временем на лугу приготовили «Грааль»; воздвигли там множество

палаток и шатров. На дереве на лугу висели гербы всех констеблей, кои участвовали в «Граале».

На следующее утро, после того как гости сходили к мессе и прервали пост, они подошли к Граалю и осмотрели его. Каждому гостю позволили ударить по одному гербу. Юноша, коему принадлежал герб, выходил сразиться с гостем; и так случилось со всеми.

В конце даму Фейе завоевал один старый купец из Гослара. Он увез ее с собой, женился на ней и сделал ее такой богатой, что она оставила прежнее сумасбродство. Упомянутый Брюн фон Шёнебек написал о том целую книгу, а позже он же написал много других немецких книг, «Песнь песней», «Аве Мария» и много хороших стихов».

Die Chroniken der deutschen Stadte, vol. 7: Magdeburg (1869), p. 168–169.

## 17. Структура конторы в Брюгге

*1347 г. Переработка устава конторы*

«Во имя Господа, аминь. Поелику полезно и выгодно записать и сохранить данные положения и дела, которые надобно хранить в памяти, купечество Римской империи Германии летом Господа нашего 1347-м в День Святых апостолов Симона и Иуды [28 октября] собралось в трапезной монастыря кармелитов в Брюгге, и все присутствующие... согласились, что, ради выгоды упомянутого купечества... они должны учредить и вести общую книгу, в коей все правила и приказы следует записывать, которые должны провозглашаться... среди их соотечественников, а также все обычаи и порядки, кои они должны соблюдать.

1. Во-первых, да будет известно, что вышеупомянутое купечество делится на три трети, а именно: купцы из Любека, вендских и саксонских городов и сопряженных территорий в одной трети; купцы из Вестфалии и Пруссии и сопряженных территорий во второй трети; и купцы с Готланда, из Ливонии, Швеции и сопряженных территорий в последней трети.

2. Далее, каждый год, через восемь дней после Троицына дня, надлежит избирать двух старшин от каждой трети, и выбранные должны занять должность или уплатить фунт гро-от в пользу купечества, и таковой должен принять место, изберут его во второй раз или нет, под угрозой такого же штрафа.

3. Далее, в случае если кто из старшин уедет, пять оставшихся должны избрать человека из той трети, откуда происходил шестой старшина, и они уполномочены так поступить и наложить вышеупомянутый штраф.

4. Далее, шесть старшин уполномочены повелевать всеми немцами под угрозой штрафа в три гроша, дабы они собирались в условленное время в том месте, где находятся старшины... [Далее следуют указания насчет штрафов.]

5. Далее, если вопрос представляет особую срочность, старшины могут отдавать приказы кому хотят, под угрозой таких штрафов, какие они назначат.



6. Далее, если какой старшина откажется присутствовать, он должен уплатить штраф в двойном размере.

7. Далее, если старшины не согласны между собой, меньшинство должно согласиться с решением большинства.

8. Далее, если три трети не могут согласиться между собой, тогда надлежит поступать следующим образом: если две трети согласны, третья треть соглашается с их решением.

9. Далее, в вопросах, которые влияют на обыкновенных купцов, в черте города [Брюгге] или за его пределами, поступать надлежит следующим образом: мудрейший и самый сведущий из шести старшин становится их глашатаями, по указаниям остальных пяти. Если вопрос касается более одной трети, чем другой, глашатаем избирается старшина из той трети, которую вопрос касается теснее...

10. Далее, шесть старшин выбирают в день [своего избрания] шестерых советников из каждой трети... [штраф в 5 шиллингов в соответствии с и. 2].

11. Кроме того, шесть старшин и восемнадцать советников встречаются так часто, как потребуют старшины. И во всех делах они могут действовать, не созывая собрание обыкновенных немцев.

12. Далее, те, кому старшины велят явиться на суд или в другое место, должны повиноваться под угрозой штрафа в 2 шиллинга в городской черте и 5 шиллингов за городскими воротами, пеший или конный.

13. Далее, когда обычные немцы или 18 советников встречаются в церкви кармелитов, старшины, перед входом в трапезную, приказывают своему слуге обойти церковь и сказать, что старшины здесь, чтобы они могли войти; а если кто придет позже, после того, как старшины начали говорить, он платит три гроша в общую казну.

14. Далее, если кто садится на скамью, когда старшины стоят и говорят в конторе, или если кто начинает говорить вместе с другим, с одним, с двумя или другим числом, и если они не слушают, что говорит старшина, каждый из них, сколько бы их ни было, платит грош в общую казну, за каждое отдельное нарушение. И такой же штраф налагается, если треть встречается отдельно.

15. Далее, кто открывает дверь без разрешения старшин, должен уплатить пять шиллингов в общую казну; а кто уходит без разрешения, платит три гроша.

16. Старшины уполномочены также брать присягу, дабы говорить правду, под угрозой штрафа в один фунт groot, когда допрашивают любое лицо по вопросам, связанным с немецкими законами.

17. Далее, если кто из вышеупомянутых купцов затеет судебное дело, большое или малое, в Брюгге или вне его, он должен вести его за свой счет, а если он не может или не хочет вести дело сам, ему позволено попросить другого говорить от его имени. И немцы должны помогать ему в судебном иске в соответствии со своими знаниями и умениями».

Hanserezesse I 1, № 143, p. 75–77.

## **18. Принятие города в Ганзу: Бремен**

*1358 г. Условия, согласованные в Любеке Бременом в присутствии вендских городов по его принятии (или повторном принятии) в Ганзу*

«Мы, совет и народ города Бремена, выражаем нашу глубочайшую благодарность по отношению к благородным советникам приморских и других городов, а также сообществу купечества Ганзы и немцев Священной Римской империи, за дарованную нам честь разделять привилегии и охранные грамоты указанного купечества, которых мы в прошлом были лишены<sup>[69]</sup>. Да будет всем известно, отныне и навсегда, и мы публично провозглашаем, что мы будем соблюдать точно следующие положения и условия.

Во-первых, всякий раз, когда совет вышеупомянутых городов, а именно Любека, Висмара, Ростока, Штральзунда и Грайфсвальда, потребует, чтобы мы охраняли указанных купцов и защищали проливы, называемые Зундом, мы с готовностью исполним свой долг и пошлем хорошо оснащенный корабль с 50 вооруженными людьми на борту, а также другими боеприпасами, всецело за наш риск и расходы. Если Господь дарует нашим союзникам и нам победу над пиратами и другими врагами, мы разделим добычу с нашими союзниками, пропорционально числу людей каждого из нас.

Далее, всякий раз, когда совет Гамбурга потребует от нас защищать Эльбу, мы с готовностью пошлем корабль и 100 вооруженных людей,

за наш риск и расходы... А в случае необходимости послать больше мы так поступим, не споря.

Далее, мы будем точно соблюдать и уважать все решения, принятые советами указанных городов во имя указанных купцов. Если одному из наших горожан хватит смелости предпринять поездку в места, запрещенные указанными советами и купцами<sup>[70]</sup>, и нарушит их решения, он лишается жизни и всех своих товаров, две трети товаров, которые он перевозил, отходит городу, в котором он был арестован... а треть отходит совету того города. Оставшееся имущество, расположенное в нашем городе или ином месте, становится законной собственностью его наследников или родичей.

Далее, мы публично обещаем и берем на себя обязательство не причинять никакого вреда указанным купцам из-за прерогатив и привилегий, пожалованных нам в Англии, Норвегии и Фландрии, коих мы были лишены... при условии, что не имели место злой умысел или мошенничество.

Далее, если станет известно – боже упаси, – что мы, кто-либо из нас, наших граждан или действующий от нашего имени или известный нам допустил мошенничество в нарушение всех или части вышеупомянутых предписаний, нас и наши преемников следует навечно исключить из Ганзы вышеуказанного купечества и его привилегий и остаться всецело за пределами власти вышеуказанного купечества».

Hanserezesse I 1, № 216, p. 143.

## **19. Консолидация Ганзы городов**

*1366 г. Указ Ганзейского собора в Любеке*

«11. Города решили и постановили, что никто не имеет права пользоваться привилегиями и льготами немцев, если он не гражданин города немецкой Ганзы.

12. Далее, никто не должен становиться старшиной во Фландрии или в Бергене, если он не гражданин города немецкой Ганзы.

13. Не имеют права посещать Новгород те, кто не пользуется привилегиями и не является членом Ганзы немцев.

14. Далее, тех, кто отказался от гражданства во время войны, не должны принимать как граждан в любом из вышеупомянутых городов...

17. Далее, ни один из вышеупомянутых городов не имеет права предлагать убежище изгнанному из другого города, кроме крайних случаев или по просьбе совета того города. Делегаты от Киля с этой статьей не согласились...

26. Далее, города третей Любека и Висбю постановили:

1. Купцы, пребывающие в Новгороде, не должны устанавливать важных и четко установленных правил без предварительного уведомления и согласия городов Любека, Висбю и с ними связанных; они должны заранее письменно уведомить названные города о своем намерении.

2. Ни один немецкий купец не должен ни покупать у русского, ни продавать ему любые товары, если плата не произведена наличными и в соответствии с судебником новгородской конторы, под страхом штрафа в 50 марок».

Hanserezepte I 1, № 376, р. 332–336.

## **20. Город, исключенный из Ганзы: Брауншвейг**

*1375 г. Решение Ганзейского собора в Любеке, вызванное свержением патрицианского режима в Брауншвейге (1374), убийством нескольких членов городского совета и жалобой*

## *родственников жертв*

«Правителям, городам, рыцарям и помещикам, как и всей стране, известно, что жители Брауншвейга причинили невосполнимое зло почтенным членам своего городского совета. Хотя они не совершили преступления, их казнили без суда, вопреки всем законам, выгнали их друзей, поставили их вне закона и оштрафовали их. Незаконно конфисковали их имущество, как мертвых, так и живых. А когда связанные с ними приморские города потребовали созвать собрание, дабы обсудить эти вопросы, они трижды отказывали и не являлись на собрания. Когда города в конце концов созвали собор с их участием в Люнебурге, они отказались вернуть верховенство закона. Они сохраняют неподатливость, упорствуют в своем преступлении и отказываются возмещать причиненный ущерб. Поэтому объединенные города немецкой Ганзы, коих уполномочили прочие города, разделяющие их привилегии, единодушно и при полном согласии решили исключить жителей Брауншвейга из Ганзы и лишить их прав и льгот купеческих. Ни один купец во Фландрии, Англии, Дании, Норвегии, Новгороде или в любом другом месте, который имеет купеческие привилегии, не станет вступать с ними в сношения или вести с ними дела любого рода, на суше или на море, покупать или продавать, под страхом лишиться и чести, и имущества. Как не позволено никому поставлять им товары любого рода или принимать товары от них, если это можно предотвратить. Далее, ни они, ни их товары не имеют охранной грамоты ни в одном городе, который пользуется правами купечества. А если в какой город, который пользуется правами купечества, придут друзья и родственники убитых в Брауншвейге, должны те, кто помогал в убийствах, словом или делом, быть преданы суду... Все вышеупомянутые статьи остаются в силе, пока они не будут готовы возместить ущерб за преступление, в котором их обвиняют, согласно праву и справедливости»<sup>[71]</sup>.

Hanserezesse I 2, № 92, p. 106.

## **21. Неявка на Ганзейский собор**

*1383 г. Письмо прусским городам от делегатов Ганзейского собора в Любеке*

«Вам хорошо известно, что собор проводился здесь после Пасхи сего года, как было условлено между вашими советниками и нами. Тем не менее вы никого не прислали. По этой причине решено было созвать еще один собор, который прошел здесь в настоящее время [май], о чем вас известили письменно, чтобы вы прислали своих делегатов, чего вы не сделали. Однако делегаты городов на Зейдерзе прибыли на собор, и советники Кёльна, Дортмунда, Мюнстера и многих других городов прислали своих делегатов на этот собор.

Посему просим вас назначить дату собрания, когда вы и другие связанные с вами города сможете приехать безотлагательно сюда, в Любек, от нынешнего времени до следующего Михайлова дня, чтобы обсудить те же дела и вопросы, о коих вас уведомили письмом. Не замедлите назначить дату для этого собора, поскольку он представляет для всех нас большую важность, как и для купечества в целом. Будьте любезны и известите нас заранее о выбранном вами дне, чтобы вовремя сообщить другим городам, а те прислали своих делегатов. Посыльный, который доставит это письмо, должен вернуться с вашим решением и ответом».

Hanserezesse I 2, № 264, р. 319.

## **22. Местный собор как подготовка к общему собору**

*1384 г. Указ собора прусских городов, проводимого главным образом для того, чтобы предложить продление условий Штральзундского мира с Данией до 1385 г.*

«В лето Господа нашего 1384-е делегаты от прусских городов собрались в Мариенбурге в воскресенье перед Рождеством и обсудили следующие статьи:

1. Первое, касательно того, что общий собор следует провести 5 марта с объединенными городами в Любеке: следует ли нам послать делегатов или ограничиться письмами? Единогласно было решено, что

на общий собор следует послать делегатов, из-за многих вопросов, кои касаются нас, объединенных городов и купцов.

2. Далее, следует ли сдать замки в Скании к дате, указанной в мирном договоре?..

По этому вопросу нам кажется наилучшим удерживать замки, пока возможно, и не возвращать их, пока купцам не возместят их убытки, ибо замки были отданы в залог городам отцом королевы, а не королевой...

3. Что же касается союза, образованного городами, перечисленными в договоре, следует ли продолжать его или нет? По этому пункту мы считаем, что союз следует продолжить в его нынешнем виде...

5. Должны ли мы и в следующем году облагать товары налогом с веса, как прежде? Мы считаем, что налогообложение следует продолжить, под присягой.

6. Касательно военных кораблей, должны ли мы и дальше оснащать их или нет, и т. д.? Нам кажется правильным оснащать их и умирять моря, насколько возможно, как делалось прежде, и просить объединенные города предоставлять оснастку для них как прежде, и т. д.

7. Что же касается запрета на производство пушек в объединенных городах для использования иностранцами: наше мнение таково, что следует получить решение и согласие господина нашего великого магистра...

10. Что же касается судов, кои ходят вверх и вниз по Висле с сельдью и иными грузами, когда они терпят крушение или застряли во льдах: на каких условиях капитаны и команды получают жалованье и содержание, как долго команде позволено использовать лес с берегов, если канал перекрыт? По этому вопросу каждый делегат должен посоветоваться со своим городским советом о том, как наилучшим образом поступить, а также написано ли в городе что-либо по данному вопросу. Каждый делегат обязан привезти такие документы или ответ к следующему собору и там доложить».

## 23. Купец изгнан из Ганзы лондонской конторой

*1385 г. Сообщение Тайному совету Ричарда III, составленное в 1394 г., о спорах между купцом Кристианом Келмером и лондонской конторой*

«Кристиан Келмер, гражданин Дортмунда, одного из главных ганзейских городов, смиренно направил петицию уважаемому совету господина нашего короля. На протяжении более сорока лет он был купцом и членом Ганзейского союза и как таковой пользовался в Лондоне и иных местах привилегиями, предоставленными предками короля и подтвержденными им. Однако примерно 10 лет назад он приобрел и ввез в Лондон партию горностаевых мехов, за которые уплатил таможенным чиновникам господина нашего короля в Лондоне «таможенный сбор», соответствующий товарам, ввозимым в королевство указанным союзом. Затем, когда Кристиан не сумел продать эти меха в Лондоне, он заново вывез их за границу для продажи. За это он снова уплатил таможенным чиновникам требуемую от него пошлину, а именно 3 шиллинга и 1½ пенса, за товары, вывозимые из королевства.

Поскольку был уплачен данный налог на экспорт, Вильгельм Борн [следуют еще 4 имени] и несколько других купцов указанного союза рассердились на Кристиана, очень богатого купца, которого очень любила покойная королева, рыцари и сквайры... Они заявили: тем, что Кристиан уплатил 3 шиллинга и Г/г пенса таможенного сбора, он нарушил ганзейские привилегии и в наказание отныне исключен из союза. Кристиан предложил присягнуть, что, уплачивая сбор, он не знал, что причиняет вред указанному союзу. Купцы отказались от его предложения, хотя принесение присяги является обычаем союза. После Кристиан предложил заплатить союзу, прежде чем его исключат, возмещение в размере 20 шиллингов за каждый пенни, то есть 37 фунтов 10 шиллингов. Его предложение отклонили и отказались вернуть его привилегии.

Тогда Кристиан, объявив их злыми и предвзято настроенными к исключению его из Ганзы, подал настолько настоятельное прошение королеве и ее свите, что наш король, с помощью особой милости и



официальных грамот, предоставил указанному Кристиану право покупать и продавать в королевстве на равных правах с местным населением при том условии, что он, как они, будет платить «таможенный сбор» и «взнос». Затем лондонский мэр и олдермены вручили ему охранные грамоты и грамоту, скрепленную печатью мэра, коей жаловали его титулом почетного гражданина названного города.

После того купцы, предательски ждавшие падения Кристиана, сговорились между собой послать гонцов за границу и объявить, что он уничтожил привилегии ганзейских купцов, за что наш король наградил его гражданством, что жители Лондона сделали его почетным гражданином города и что отныне он больше принадлежит к английским купцам, чем к ганзейским. Более того, если он хочет сохранить свое имущество и товары, он погубит процветание данного союза в Англии: не оставалось иного выхода, кроме конфискации его имущества за границей, чтобы он не смог уплатить свои долги в Лондоне и таким образом растерял весь свой кредит. Более того, из товаров просителя 700 фунтов наличными были захвачены и переданы некоему Эртмару Эргесту, ганзейскому коллеге Кристиана, что доказывает письмо от Эртмара, которое Кристиан готов предоставить. Таким же образом купцы указанного союза позаботились о том, чтобы товары, остававшиеся во владении указанного Эртмара, на сумму в 300 фунтов, были конфискованы, чтобы Кристиан был совершенно разорен.

Позвольте просить Тайный совет... из любви к Господу, в интересах правосудия и восстановлению прав несчастного просителя отобрать эти товары и вещи на сумму в 1000 фунтов у указанного союза в городе Лондоне и конфисковать их до тех пор, пока указанный Кристиан не получит удовлетворения в соответствии с ценой его товаров, которые были конфискованы, как описано выше. Далее, чтобы в будущем вышеупомянутые купцы позволили названному Кристиану жить в мире и полной безопасности».

Hanseakten aus England 1275–1412, ed. Kunze, № 277, p. 184.

## **24. Устав купеческой ассоциации**

*Около 1390 г. Старейший вариант устава «Артурова двора»  
(Artushof) в Данциге*

«...Поэтому мы, командор и заместитель командора [Тевтонского ордена] в этом городе, и мы, советники названного города Данцига, приказываем, чтобы следующие законы строго соблюдались в духе братства и понимания.

Во-первых, четыре человека, выбранные по давнему обычаю председательствовать на дворе, кооптируют четверых старейшин, которые приходят ко двору; к этим восьми совет прибавляет четверых из своих представителей, которые посещают двор. Двенадцать выборных должны всеми своими силами управлять двором и разрешать все вопросы, которые его касаются. Если двенадцать не могут разрешить вопрос, он выносится на городской совет и сообщество, и все надлежит исполнить, как они решат. Все судебные вопросы надлежит решать на дворе утром до обеда. Двор может быть открыт каждый день, после полдника по воскресеньям и дням святых, а по рабочим дням к вечерне; когда звонит пивной колокол, все должны уходить. Но четыре старшины могут продолжать сидеть и пить, как и те, у кого имеется их разрешение. Те, кто сидит дольше, должны представить бочку пива компании в виде штрафа. Музыканты уходят, когда компания прощается. Музыкантов может быть не более двух пар, которым платить  $1\frac{1}{2}$  пенса.

[Далее следуют правила о количестве слуг и плате им, об освещении, еде и напитках, которые предлагаются гостям.]

И никто не вправе приглашать гостей на двор, если не уверен в том, что они люди достойные и их можно впустить. Гости должны также следить, чтобы никого не оскорблять, а если они кого обидят, их хозяин платит штраф в пол-ласта пива.

Запрещается допускать на двор тех, кто не владеет имуществом на 20 марок. Также ремесленников допускать не следует, кем бы они ни были, и тех, кто торгует пивом в розницу, и тех, кто работал в предыдущем году за жалованье.

Также двор закрыт для всех тех, кто не желает оказать справедливую помощь, и для тех, кто женился на женщине дурной репутации. Также всех тех исключать следует, кто сознательно и умышленно ездил в запретные края или посылал туда товары, пока они не исправят своих

проступков и не принесут старшинам аттестацию, что они люди честные, что их считали таковыми до того, как они преступили закон.

Если же кого по такому или любому другому поводу обвинят в нарушении устава двора и он воспротивится уставу, тот обязан уплатить штраф в две марки, который делится поровну между двором и городом, и будет исключен, пока не исправится...

Если же случится, что устав сей не соблюдается из-за вины или небрежения четверых председательствующих в то время, каждый из них в виде штрафа ставит пол-ласта пива. Если кто после того пожелает изменить сии законы, ответственность возляжет на советников...»

P. Simon, *Der Artushof in Danzig* (1900), p. 306–309.

## 25. Паломничество

*1441 г. Отрывок из «Книги чудес Св. Теобальда из Танна» (Эльзас), где повествуется о многочисленных сходных паломничествах, совершенных купцами с севера Германии*

«Жил некогда молодой купец из Любека, который ходил в заморские края по делам. И попал он к пиратам, которые захватили его в плен и лишили его всего, чем он владел, и еще трехсот гульденов, которые он занял у честных людей. Поэтому он молился Богу и святому Теобальду, чтобы помогли ему, чтобы он бежал от пиратов и сумел вернуть честным людям то, что они ссудили и доверили ему. Он дал обет прийти сюда, в Танн, в церковь Святого Теобальда, князя Небесного, со своими дарами. И сразу же он бежал от пиратов. После он заложил свою правую руку святому Теобальду: если он не выполнит обет и в течение года не совершит паломничества с дарами, святой Теобальд может поразить его, как он пожелает. Но случилось, что он не исполнил обет в установленное время: он процветал и в чести, и в богатстве, и выплатил всем, кому был должен деньги, и осталась у него сверх того большая сумма, достаточная, чтобы покрыть все его нужды. И вот когда вышел установленный срок, а он не исполнил обет, святой Теобальд напал на него, и отнялась у него правая рука, и он не мог ею пользоваться. Тогда он испугался, и вспомнил свой обет, и отправился в путь, и как только вышел он, его рука исцелилась. В том он поклялся, когда совершил паломничество, со всей возможной торжественностью».

Tomus Miraculorum Sancti Theobaldi, ed. G. Stoffel (1875), № 65, p. 42.

## 26. Юридический статус Ганзы

*1469 г. Ответ Ганзы на меморандум английского Тайного совета, который призван был оправдать арест ганзейских купцов и конфискацию их имущества*

«2...Неверно считать, что в Германии с незапамятных времен существовало *societas*, *collegium* и *universitas*, в целом называемые Наша *Theutonica* и т. д. Ибо, почтеннейшие отцы, при всем уважении к королевскому величеству, Наша *Theutonica* – не *societas*: ибо оно не знает ни общности имущества, ни целом, ни частично, поскольку не существует общей собственности внутри Наша *Theutonica*; также оно не *societas* для отдельных коммерческих предприятий, так как в Наша *Theutonica* каждый торгует на свой страх и риск, а прибыль и убытки от торговли несет каждый отдельно. Поскольку же закону не известна иная форма общества, чем указанные три формы, постановлено, что Наша *Theutonica* – не *societas*.

Не является она и *collegium*, потому что по закону так называется слияние нескольких в одну организацию: однако *Hansa Theutonica* состоит из... отдельных городов, что признается в королевском письме. Поэтому ясно, что Наша *Theutonica* – не *collegium*. Не является она и *universitas*, ибо как по гражданскому, так и по церковному праву требуется, чтобы сообщество, дабы носить имя *universitas*, должно держать общее имущество, иметь общую казну, общую печать, общего синдика и общего управляющего делами; но ничего подобного нет в Наша *Theutonica*. Следовательно, она – не *universitas*.

И далее... Наша *Theutonica* возникла благодаря соглашению и союзу различных городов; однако несомненно ясно, что простое единение городов по закону не может произвести ни *societas*, ни *collegium*, ни *universitas*, для чего много других качеств потребно.

Но Наша *Theutonica*... это прочная конфедерация многих городов, больших и малых... дабы следить, чтобы деловые предприятия на суше и на море имели желанный и благоприятный исход и чтобы имелась действенная защита против пиратов и разбойников, чтобы они из засады не грабили купцов, отнимая у них товары и ценности. [Далее следует диссертация по этимологии слова «Ганза», где предполагается, что оно происходит от латинского слова *ansa*.]

3. Наша *Theutonica* не управляется купцами; наоборот, в каждом городе, большом и малом, есть свои правители и свой магистрат, кои вершат дела. Ибо Наша *Theutonica*, как было указано, не более чем своего рода союз между городами, который не освобождает города из-под юрисдикции указанных правителей, правивших ими ранее:

наоборот, они остаются подданными во всем тем правителям, как были и раньше, и продолжают управляться ими.

4. Далее, у Наша Theutonica нет ни общей печати, ни общего совета. Более того, положение не допускает наличия общей печати. Но когда в крайних случаях пишутся письма от имени всей Наша Theutonica, они запечатываются печатью того города, в каком они написаны, как легко можно видеть из документов и указов, посланных вам в последнее время, достопочтенные отцы, от имени всей Наша Theutonica; они запечатаны не какой-то общей печатью всей Наша Theutonica, но печатью города Любека, где они были написаны.

У Наша Theutonica нет общего совета; но каждый город присылает своих представителей, наделенных полномочиями, но называются они не советниками (*consiliarii*), а делегатами (*oratores*), всякий раз, когда требуется обсудить насущные вопросы...

6. Ни Наша Theutonica, ни какой-либо из городов не обладают властью созывать собрания и проводить встречи; вместо того города Ганзы собираются, когда появляются вопросы, которые требуется решить совместно, в определенном месте, и решают между собой, что они считают нужным ради блага своего купечества. Также вплоть до настоящего времени ни один ганзейский город не имел верховенства над прочими. Скорее города решают между собой, какие из них особо пекутся о насущных делах, и эти города, в зависимости от важности вопроса, извещают другие города, что тем надлежит прислать делегатов».

Hansisches Urkundebuch, vol. 9, № 584, p. 463–465.

## **27. Ганзейский оптово-экспортный рынок в Брюгге**

*1470 г. Продление статуса главного оптово-экспортного рынка в Брюгге Ганзейским собором в Любеке; ярмарки в Антверпене и Бергене-оп-Зоме исключены*

«§ 46...И никто, кем бы он ни был, входит ли он в Ганзу, как гражданин или обитатель, или не принадлежит к Ганзе, не имеет права возить сукно, изготовленное во Фландрии, Брабанте или Голландии, в любой ганзейский город или на его территорию, если оно не прошло через основной рынок в Брюгге или не было куплено или предложено

к продаже в Антверпене или Бергене-оп-Зоме на зимней ярмарке, которую проводят на Мартынов день...

§ 51. Относительно прочих основных товаров, которые тоже должно привозить на главный рынок, решено следующее: все основные товары, такие как воск, меха, медь, олово, овечьи шкуры, козлиные шкуры и все прочие виды шкур, шерсть, рыбий жир, osmund<sup>[72]</sup> и железо всех видов, вайда, лен, купорос, сливочное масло, полотно и все прочие основные товары, как бы их ни называть, за исключением таких скоропортящихся товаров (ventegut), как пиво, зерно, деготь, балки и доски, должны ввозиться на главный рынок в Брюгге или на две ярмарки в Антверпене или в Бергене-оп-Зом на Мартынову ярмарку, как изложено в предыдущих статьях. А если любой такой основной товар останется непроданным на ярмарках в Антверпене и Бергене-оп-Зом, их следует привезти обратно на главный рынок в Брюгге...

§ 53...И все восточные ганзейские города, а именно Любек, Росток, Штральзунд, Висмар, а также померанские города, а также Рига, Ревель, Пернау и иные ливонские города, и все прочие ганзейские города должны воздерживаться поставлять кому-либо, независимо от того, входит тот в Ганзу или нет, любые основные товары для прохода через Зунд или Бельт, если только тот не присягнет заранее или не поручится, что он намеревается доставить эти товары на главный рынок в Брюгге, в Антверпен или на ярмарку в Берген-оп-Зом, как указано выше...»

Hanserezesse, II 6, № 356, p. 335 ff.

## **28. Морской путь из Слёйса в Росток через пролив Большой Бельт**

*Вторая половина XV в. Отрывок из «Морской книги», сборника практических наставлений по прибрежному судоходству, от Андалусии до Финского залива*

Ежели надобно пройти от Звейна к рифу Ютландия, отойди от берега на глубину в 27 сажений, затем иди норд-норд-вест к рифу и держись того курса, пока больше не сможешь найти дна, на 40 саженьях; затем заложь курс норд-ост-тень-ост, пока не увидишь Ютландию; далее держи ровно, пока не дойдешь до Скагена.

Как пройдешь риф Скаген и дно на глубине 14 сажений, бери вест, пока на норд-осте не покажется остров Лясё; далее поверни на зюйд-ост и продолжай измерять глубину, пока не дойдешь до 10 сажений; иди вдоль берега Ютландии зюйд-зюйд-вест к [острову] Хьельм, а оттуда на зюйд к рифу Ведерс, пока глубина не достигнет 7 сажений – но ближе не подходи! Между ними глубокие воды. Когда на курсе вест-норд-вест покажется остров Вейрё, держи курс зюйд-зюйд-вест, пока впереди не увидишь Калундборг. После иди зюйд-ост до Ромсё и дальше тем же курсом к Спрогё. Когда Спрогё покажется на траверзе, а дно будет в 11 саженьях, увидишь остров Врезен; но не подходи ближе, чем на 7 сажений. При 16–20 саженьях следуй курсом зюйд по ветру на середину Лангеланда, а оттуда зюйд-зюйд-вест. Как пройдешь Тронес, бери курс ост-зюйд-ост. Так прибудешь к Варно [Росток].

К. Koppmann, *Das Seebuch* (1876), p. 52.

## **29. Должность синдика Ганзы**

*1576 г. Назначение Генриха Зюдермана на второй срок в должности синдика Ганзы*

Мы, делегаты и представители четвертей и других объединенных ганзейских городов, собравшиеся в городе Любеке на общем Ганзейском соборе, провозглашаем и повелеваем следующее.



Так как достопочтенный и ученый муж Генрих Зюдерман, доктор гражданского и церковного права и синдик общей Ганзы, связан с нами и другими объединенными достопочтенными ганзейскими городами двадцать лет и служил нам и прежде... мы от имени достопочтенных объединенных городов провели переговоры с названным доктором Зюдерманом... и мы совместно и по закону решили следующее, а именно что он, доктор Зюдерман, снова привязывает себя к нам и к достопочтенным городам, дабы и впредь ревностно служить нам и им, покуда он жив, наилучшим образом, подавать нам советы и служить иными необходимыми способами, какие нам и прочим достопочтенным городам потребны будут, до тех пор, пока по милости Божией сохраняются у него разум, рассудок и здоровье, на следующих условиях:

1. Названный синдик обязан, по приказу и велению достопочтенных ганзейских городов, когда возникнет необходимость, без отказа, действовать во всех делах, связанных с королевством Англия, Испанскими Нидерландами и прочими местами, в которых достопочтенным городам требуются его услуги, за единственным исключением в виде *legationes* в Москву и Берген.

2. Названный доктор обязан без отказа посещать все Ганзейские соборы, когда его присутствие требуется или запрашивается.

3. Синдик в настоящее время занят подготовкой ревизии всех привилегий, договоров и переговоров, дабы доступны были безупречные сведения в помощь общим обсуждениям Ганзы, и добился больших успехов в своем начинании; кроме того, он берет на себя, пока получает необходимую помощь от достопочтенных городов и насколько хватит его сил, труд свести воедино историю или хронику о том, как возник сей славный союз, как он рос и ширился и что случалось во времена мира и войны и когда возникали раскол и мятежи, и все достойные события тех времен.

4. Синдик выражает желание и наделен обязанностью составить ревизию всех привилегий, договоров, льгот и прочих дел, представляющих интерес для контор, которые находятся в его ведении, и отправить их в достопочтенные города четвертей.

5. Он посвятит себя задаче составления ясного и внятного текста постоянного морского права, которым достопочтенные объединенные города сумеют пользоваться в равной мере, ведя переговоры с

капитанами и занимаясь всеми морскими делами. А достопочтенные города обязаны послать и пошлют указанному синдиксу все, что у них хранится и что они могут приобрести в любом месте, полезное ему для работы. В обмен мы, вышеупомянутые делегаты объединенных ганзейских городов, взяли на себя обязательство и обещали указанному синдиксу от имени достопочтенных объединенных городов ежегодное жалованье, покуда он будет жив, в 100 фунтов стерлингов и дополнительно 100 талеров на содержание его секретаря, слуг и мальчиков, из которых половина будет ему уплачиваться на Рождество, а вторая половина – на праздник святого Иоанна Крестителя старшиной и купеческим советом лондонской конторы; и вдобавок 100 талеров от конторы в Брюгге, коя в настоящее время находится в Антверпене, причем сходным образом половина выплачивается на Рождество, а половина на День святого Иоанна Крестителя, и все это производится каждый год и строго соблюдается, покуда он жив. Касательно же расходов и содержания синдикса, когда он в поездках, договорились все устроить следующим образом: а именно, когда он занят в составе какого-либо *legatio* от имени Ганзы в целом, он прилежно записывает, с первого дня пути, все, что он тратит на еду, проезд и иные дела, и присылает отчет старшине и купеческому совету конторы, на чей счет относятся расходы; последние возмещают ему расходы, после чего синдик более контору не беспокоит. Эти счета, ведомые синдиком, должны присылаться в достопочтенный совет города Любека соответствующей конторой, чтобы их можно было проверить и оправдать на следующем Ганзейском соборе... Дабы соглашение вступило в силу, надлежит изготовить две копии данного документа с одинаковым содержанием и обе запечатать малой печатью достопочтенного совета города Любека и печаткой указанного доктора Зюдермана, и одну копию надлежит отдать и поручить вышеупомянутому достопочтенному совету Любека, а вторую синдиксу...»

Inventare hansischer Archive, vol. 3; Danziger Inventare 1531–1591, № 33, p. 894.

### III. Экономические вопросы

#### 30. Операции финансиста из Любека в Брюгге

*1290 г. Письмо Морневека, любекского поверенного в делах в Брюгге, городскому совету Любека*

«Райнекин Морневек смиренно обращается к благородным бургомистрам и советникам Любека. Прошу заметить, что я полностью уладил счет с гражданами Герфорда, а также Магдебурга, Брауншвейга и Штендаля. Однако, уладив с ними дела в соответствии с их пожеланиями, я по-прежнему не в состоянии заплатить гражданам Гента, Ипра и прочим, к кому у меня имеются обязательства от имени вышеупомянутых граждан; кроме того, я занял деньги, чтобы выплатить проценты, которые подлежат возврату на ярмарке в Лилле: сумма, о которой идет речь, составляет около 800 марок. Приложу все усилия, дабы уладить дела. Воск, о котором вы мне писали, еще не прибыл, хотя я уже продал часть его, а именно 30 фунтов, по  $6\frac{1}{4}$  марки, за что получил плату.

Я просил вас уплатить Джону Олду 300 марок. После того я получил от него 33 марки, которые прошу вернуть ему вместе с прежними 300. Настоятельно прошу вас, достопочтенные господа, будьте любезны и уплатите без отсрочки и по требованию, в соответствии с их содержанием, всем иностранцам, которые предъявят вам мои аккредитивы, таким образом вознаградив их за любезность, которую они выказали мне ради вас.

Ваш посыльный пришел ко мне на шестой день после Успения Пресвятой Богородицы, и тогда обменяли деньги

Теркина Воллепонта. Это письмо, написанное в субботу после Успения Пресвятой Богородицы [19 августа], завтра будет отправлено из Брюгге. Указанный посыльный сообщил мне, что у него ушло 12 дней на то, чтобы добраться из Любека в Брюгге. Я к вашим услугам. Теперь, когда ваши дела в порядке, я вернусь как можно скорее. Если бы ваше первое письмо попало ко мне вовремя до ярмарки в Туруте, в

моем распоряжении были бы необходимые деньги».

Urkundenbuch der Stadt Liibeck, I, № 156, p. 371.

### **31. Борьба против кредитования**

*Около 1295 г. (а). Запрет на кредитные операции, заявленный новгородской конторой во второй статье устава*

«Ни один немец не имеет права покупать товары у русских в кредит. Все, кто так поступает, должны уплатить сумму в 10 марок за каждые 100 марок, уплаченные за товары, приобретенные в кредит.

Штраф в 50 марок налагается на любого немца, который вступает в любую форму торгового товарищества с русскими или принимает от них товары на комиссию. Тот же штраф налагается на всех, кто вступает в товарищество или принимает комиссионные за торговлю итальянскими, фламандскими или английскими товарами».

Urkundenbuch der Stadt Liibeck, I, p. 703.

*1401 г. (б). Ганзейский собор в Любеке запрещает покупки в кредит во Фландрии*

«...Обсуждался вопрос о покупках в кредит, каковые имели место во Фландрии. Поскольку из-за такой практики страдает объединенное купечество и по-прежнему несет большие убытки, города согласились, что никто не имеет права покупать или продавать в кредит любые товары во Фландрии, под страхом конфискации товара и лишения его купеческих прав; из конфискованных товаров две трети остаются в собственности городов, а треть – в собственности объединенного купечества [то есть конторы]. Данное правило вступает в силу в следующий Мартынов день и действительно без обжалования в течение трех лет».

Hanserezesse, I 5, № 23, § 1, p. 16.

*1411 г. (в). Законы ливонских городов, приводящие в действие запрет на кредитные операции*

«Да будет известно, что на соборе, который города нашей страны проводили в Пернау, мы договорились, что никакие товары из Фландрии, как то соль, сукно, вино и всевозможные фрукты, которые обычно возят на Русь, нельзя ввозить в нашу страну, если они куплены в Брюгге в кредит; ибо мы считаем, что такой обычай пагубен для купечества. Поэтому тот, кто желает привезти такие товары в страну, должен принести присягу в конторе во Фландрии или перед советом ганзейского города, откуда он намеревается отплыть, что он не купил их в Брюгге [в кредит]. Он должен получить письма, которые можно показать здесь или отправить с товарами. [В противном случае, если требуемое доказательство не будет представлено через один год и один день, товары будут конфискованы и пойдут на уплату штрафа.]»

Hanserezesse, I 6, № 7, р. 6.

*1462 г. (г). Письмо из лондонской конторы Ганзейскому собору о злоупотреблениях кредитом*

«Контора просит вас... принять меры и разобраться со злоупотреблениями, с какими купцы в Лондоне встречаются ежедневно, а именно: сукно может быть куплено у англичан в кредит по более высокой цене, чем если бы платили наличными или натурой, а иногда за тюк приходится платить на 2, 3 или 4 фунта больше. Это порочный обычай, и слишком часто он ведет к тому, что... нечестные купцы приезжают из Ганзы в Лондон, покупают в кредит, а затем скрываются, и порядочные люди введены в заблуждение... и из-за того оскорбляют нас и нападают на нас во многих городах. Кроме того, в результате палата общин обвиняет купцов в парламенте, и они не могут получить подтверждение своих привилегий. Поэтому будет хорошо запретить покупать в кредит и позволить расплачиваться только наличными или натурой, чтобы дела и деловые люди оставались честными».

Hanserezesse, II 5, № 263, § 49, р. 190.

## **32. Мошенничество при торговле**

*Около 1300 г. Письмо из городского совета Айзенаха (Тюрингия)  
городскому совету Любека*

«В дополнение к вашим письмам... мы хотели бы подчеркнуть, что мы охотно удовлетворяем вашу просьбу касательно мошенничества при торговле хмелем и немедленно примем меры.

Со своей стороны мы смиренно и серьезно просим вас объединиться с правителями и городами на вашей территории и указать, что сельдь, помещенная в середине бочки, должна быть того же качества, как и та, что лежит сверху. До нас доходят многочисленные жалобы, как от наших граждан, так и от иностранцев, что сельдь, поступающая из ваших краев, вкусная и свежая с краю бочки, но в середине тухлая и безвкусная. Поэтому просим в будущем оградить нас от таких злоупотреблений.

Мы сделаем для вас все, что в ваших интересах, и желаем быть достойными таких же или больших услуг, которые вы способны оказать нам или нашим согражданам».

Urkundenbuch der Stadt Ltibeck, I, № 736, p. 666.

### 33. Различные виды торговых компаний

*1311 г. (а). Комиссия*

«Герман Вакерове получил от Флореко [из Мюнстера] 83½ серебряной марки. Вся прибыль или убытки, произошедшие от этого, будут приняты единственно Флореко».

*1358 г. (б). Деловое сотрудничество между гласным и негласным членами товарищества*

«В лето Господа нашего 1358-е, на День Всех Святых, Арнольд Лове внес 800 любекских гульденов в «истинное товарищество». Рудольф Виттенбок не внес ничего, но получил 800 гульденов от вышеупомянутого Арнольда, чтобы на эти деньги вести торговлю к прибыли обоих. Если Рудольф в это время умрет, Арнольд будет иметь первоочередное право на 800 гульденов из активов фирмы. Вся прибыль, милостию Божией полученная, принадлежит в равных долях двум партнерам. Если, Боже упаси, понесут они убытки, они также поровну распределяются между двумя партнерами; оба они взяли на себя указанные обязательства свободно и в полном соответствии, свидетелем чему долговая книга».

P. Rehme, Die Ltibecker Handelsgesellschaften in der ersten Halfte des 14. Jahrhunderts' // Zs. Fiir das gesamte Handelsrecht, 42 (1894) № 1, p. 396; № 64, p. 408.

*1441 г. (в). Товарищество, в которое вносят средства все его участники*

«В лето 1441-е, 24 июня, Фридрих Депенбеке, гражданин Ревеля, и Людвиг Гревероде, гражданин Любека, записали в долговой книге, что они основали свободное товарищество с Альфом Гревероде, братом вышеупомянутого Людвига и гражданином Штральзунда, чтобы вместе вести дела, не налагая ответственности за расходы иные, чем долг по товарам, на следующих условиях.

Альф обязуется купить мед в Штральзунде и послать его в Ревель. Товарищество берет на себя расходы и принимает все риски, как только остальные двое предоставят ему деньги, необходимые для

покупки меда. Кроме того, они договорились, что Людвиг и Фридрих каждый заведут особую бухгалтерскую книгу, где будут вести счета, связанные с товариществом... Кроме того, Альф обязан сразу же сообщать Людвигу, что он послал Фридриху. Людвиг и Фридрих улаживают дела между собой, и все трое должны рассылать письменные отчеты каждую весну, чтобы все знали, что есть у каждого и каким капиталом располагает товарищество. Каждый из троих вложил в дело по 400 любекских марок, всего 1200 марок, в настоящее время на попечении Людвига. Товарищество продолжит вести дела без изменений три года, до весны. Если тогда кто-то захочет выйти, он должен заявить о том устно или письменно, что он не желает продолжать товарищество на четвертый год. Затем каждый получит назад свою долю, треть прибыли и капитала. Наконец, было решено, что каждый из них должен усердно трудиться на благо компании, служить ручательством от ее имени или иными средствами, без обмана»<sup>[73]</sup>.

C.W. Pauli, Lubeckische Zustände im Mittelalter, vol. 3 (1878), № 90, p. 159.

#### **34. Расходы на оснащение когга и прибыль от перевозки грузов**

*1374–1380 гг. Отрывок из бухгалтерской книги гамбургского купца Викко ван Гельдерсена*

«Я, Викко ван Гельдерсен, мастер Хейне Кровель и Хельмих ван дер Хейде вступили в товарищество со Свартекопом, дабы он купил корабль, в котором доля каждого из нас должна составлять одну четверть. Каждый из нас внес по 75 марок. Общая сумма составляет 300 марок. Это имело место на Пасху в лето Господне 1274-е.

Кроме того, я уплатил 31 марку 4 шиллинга, и мастер Хейне Кровель поступил так же. Это мы послали ему [шкиперу Свартекопу] в виде соли в Пруссию. Это имело место в День Двенадцати апостолов [15 июля 1374 г.].

Кроме того, я потратил 25 марок 7½ шиллинга, которые я уплатил Тимме Гульсове в обмен на 5 фунтов groot, которые Свартекоп купил



во Фландрии в первое воскресенье Великого поста в лето Господне 1375 г.<sup>[74]</sup>

Общая сумма моих расходов составляет 131 марку 11½ шиллинга.

Кроме того, я уплатил 26 шиллингов Семмеке ван Мюнстеру за якорь, который он [Свартекоп] потерял в Англии.

В обмен я получил 10 любекских фунтов и 5 шиллингов, и каждый партнер получил ту же сумму, из 10 фунтов groot, которые Свартекоп дал Альберту Люнебургу во Фландрии на День святого Иакова [25 июля] 1376 г.

Кроме того, я получил 14½ марки, 4½ шиллинга и 3 пенса; эти деньги получились из 37 ноблей, которые он [Свартекоп] оставил в Данциге. Я получил эти деньги в четверг перед Днем святого Фомы [18 декабря] 1376 г.

Кроме того, я получил 2½ тонны сельди из ластва<sup>[75]</sup> сельди, который Хеннеке Пустер привез из Скании в 1376 г.

Кроме того, я получил 16 марок за 3 ластва сельди, которые Ланге Херман получил из Бремена.

Кроме того, я уплатил 1 марку 3 пенса против ноблей, которые Иоганн Дидеркес должен был собрать в Пруссии.

Кроме того, я уплатил 8 марок без 3½ шиллинга в качестве моей доли за 2 каната, веревки, конский волос и такелаж.

Кроме того, я получил 2 марки в виде сельди в День обрезания [1 января] 1378 г.

Кроме того, я уплатил свою долю в 11½ фунта groot за переоснащение когга.

Кроме того, в 1378 г. я получил 13 марок и 2 шиллинга.

Кроме того, я получил в 1379 г. 60 марок без 2½ шиллингов.

Кроме того, я получил 15 марок в том же году на Мартынов день [11 ноября].

Кроме того, я получил 29½ фунта groot, которые он [Свартекоп] дал Викко Эльбеку в 1380 г.

[Итого: расходы 199 марок 10 шиллингов 3 пенса; получено 284 марки 13 шиллингов 3 пенса. Валовая прибыль составила 42 %, или 6 % в год.]»

Н. Nirrheim. Das Handlungsbuch Vickos von Geldersen (1895), № 711, р. 109. См.: W. Vogel, Geschichte der deutschen Seeschifffahrt (1915),

р. 383–384.

### **35. Переводной вексель, выписанный Любеком на Данциг**

*1378 г. Перевод пошлины с веса, собираемой для борьбы с пиратством*

«Достопочтенным мэру и советникам Данцига, их верные друзья.

Во-первых, почтительно вас приветствуем... Просим из 1000 марок, которые вы собрали как пошлину с веса на своем участке, о чем вы недавно известили нас письменно, уплатить подателю сего письма, нашему гражданину Генриху Рикбодену, как только он предъявит вам сие письмо, 60 прусских марок, которые мы получили от него в виде тратты. Тем самым вы окажете нам большую услугу.

Храни вас Бог, нашими молитвами.

Писано в Любеке, в день... 14 октября, под нашей печатью.

Совет города Любека».

Hanserezesse, I 2, № 181, р. 194.



## **36. Конкуренция со стороны нюрнбергских купцов**

*1399 г. (а). Письмо в Нюрнберг от прусских городов, собравшихся в Торне*

«...Дорогие друзья! Хотим сообщить вам... что некоторые из ваших сограждан в этом году посылали медь и другие товары морем во Фландрию, чего никогда не случалось прежде и не имеет прецедента. Поэтому, дорогие друзья, предупреждаем вас и ваших сограждан дружески и просим вас запретить и пресечь эту практику в будущем, так как мы боимся – если такая практика продолжится, – что вы и ваши сограждане тем самым понесете убытки, о чем мы будем весьма сожалеть...»

*1405 г. (б). Петиция от розничных торговцев Любека городскому совету*

«Уважаемые господа, ваши граждане и купцы совместно жалуются на жителей Нюрнберга, которые здесь держат открытую лавку и продают все виды товаров, например фламандские, количествами большими и малыми, всевозможные товары из Кёльна, такие как пряжа и шелк, товары из Франкфурта и товары из Венеции, и всем торгуют в розницу. Помимо того, они продают жемчуг и золото унциями.

Уважаемые и милостивые господа, это причиняет большие убытки вашим гражданам и купцам; ибо один житель Нюрнберга может один продать столько товаров, как еще двадцать человек, и он избавляется от большего количества товаров и больше продает за один день, чем ваши граждане и купцы за год. Поэтому купцы считают, что им [нюрнбержцам] не следует позволять торговать в своих лавках иными товарами, кроме тех, что произведены в городе Нюрнберге. Просим вас, уважаемые советники, позаботиться о своих согражданах, как вы всегда с готовностью делали в прошлом, чтобы иностранцы не разоряли их».

C. Nordmann, Nurnberger Grosshandler im spatmittelalterlichen Lti-beck (1933), 5.

### **37. Торговля с Венецией**

*1411 г. Письмо Петера Карбоеа из Венеции его партнеру Хильдебранду Векинхузену в Брюгге*

«Дружеский привет! Позволь напомнить тебе, дорогой Хильдебранд, о 1000 дукатах, которые, как я тебе писал, я занял у Ганса Реме из Аугсбурга: я сообщал тебе, что ты должен уплатить ему за это 19 марта<sup>[76]</sup>. Прошу тебя ради нашей дружбы уплатить ему точно в срок, так как я дал ему гарантии и также письма, запечатанные печатью нашей компании. Если он на этом понесет убыток, я принужден буду выплатить ему компенсацию вместе с моими помощниками. Далее сообщаю, что неделю назад я отправил специи стоимостью в 10 тысяч дукатов, а именно индийский и арабский имбирь, мускатный орех, специи из шелухи мускатного ореха, гвоздику и прочее, что мне удалось приобрести на выгодных условиях: другие партии я отправлю в течение следующей недели. Поэтому мне нужны деньги, чтобы не пришлось оставлять [в залог] янтарные четки, сукно и горноста, до Дня святого Иакова. Вдобавок я выплатил 12 тысяч дукатов наличными с Рождества, и каждый день я получаю больше переводных векселей от [нашего партнера] Ганса фон Миндена.

Дорогой Хильдебранд, помоги нам Боже, чтобы мы продержались еще год и все обернулось так, как я писал Зиверту<sup>[77]</sup>: я сказал, что уверен: с Божией помощью я сумею представить такой же благоприятный баланс, как и прошлый.

Мы должны помнить, что не следует оставлять торговлю четками, потому что, хотя они продаются медленно, за них дают кредит на год. Больше не могу об этом писать. Прощай, с Богом. Писано 19 января.

Касательно поставки мехов, которые ты послал мне, всего получили 2000 шкурок. Мы ожидали от тебя мех рыси, но оказалось, что шкурки весьма низкого качества. Сообщи, что случилось.

*Петер Карбое».*

W. Stieda, Hansisch – venetianische Handelsbeziehungen im 15. Jahrhundert (1894), № 4, p. 126.

### **38. Купец в финансовых затруднениях**

*1418 г. Письмо от Зиеерта Векинхузена из Кёльна его брату и партнеру Хильдебранду в Любек*

«Дорогой брат, посланные тобой шесть партий рыбы и небольшой бочонок с мехами прибыли благополучно. Но я считаю, что с их продажей у нас возникнут трудности. Никто не хочет платить 28 гульденов за rakelvysch или 35 гульденов за lotvysch<sup>[78]</sup>, и меха не стоят 80 гульденов наличными; никакие товары не продаются здесь за наличные. Судя по твоему письму, за рыбу ты переплатил. Сегодня я продал 2000 «красивых мехов» (schonwerk) в кредит, за что будет уплачено до следующей Великопостной ярмарки [во Франкфурте] по 87 гульденов за тысячу. Они находились у меня на руках с лета, потому что здесь ничего невозможно продать за наличные. Я бы с радостью продал меха по 80 гульденов наличными, потому что совсем не могу собрать деньги.

Когда я думаю о том, сколько я должен, я не знаю, как приеду в Любек, и боюсь, что мне придется остаться здесь на всю зиму; это меня беспокоит, так как мне предстоит понести много ущерба и убытков, в то время как я с радостью вернулся бы в Любек по многим причинам; но я сделаю все, что в моих силах. За всю жизнь никогда не был в таком трудном финансовом положении, и я в самом деле не знаю, как выберусь отсюда. Помоги нам Господи в нашей нужде. Передай от меня привет всем друзьям. Писано в канун Дня святого Симона и Иуды [27 октября] в лето 1418».

W. Stieda, Hildebrand Veckinchusen (1921), № 191, p. 214.

### **39. Контракт на перевозку груза**

*1416 г. Контракт между двумя ганзейскими купцами и капитаном из Кампена на рейс в Бурнъёф*

«Во имя Господа, аминь. Да будет известно всем, кто увидит или услышит сей документ, что Ганс Стратекен и Клас Уббиес, купцы и члены Немецкой Ганзы, наняли *pleyte*<sup>[79]</sup> капитана Яна Классона из Кампена, которое в настоящее время стоит на якоре в Зейдерзе, чтобы он вышел с первыми кораблями, с попутным ветром... в Залив [Бурньёф]. И там вышеупомянутые купцы должны погрузить 7 сотен соли<sup>[80]</sup> на указанное судно... а именно вышеупомянутый Ганс Стратекен 4 сотни, которые надлежит доставить Герману Фокельсанку в Ревель в Ливонии, да еще Клас Уббиес 3 сотни, которые надлежит доставить Гервену Борнеману. Как только соль будет погружена на указанное судно, капитану следует отправиться в Ревель в Ливонии, прямым курсом, в обход Звейна. А по прибытии туда, с Божией помощью, ему причитается по 15 рижских марок за каждый ласт соли, который он доставит с корабля, из вышеупомянутых 7 сотен... Но если – Боже упаси – вышеупомянутый капитан умрет на обратном пути, деньги причитаются его ближайшему родственнику...

Поэтому упомянутые купцы берут на себя обязательства забрать груз, избавиться от него и уплатить издержки за фрахт. Капитан со своей стороны добросовестно находится в распоряжении купцов по морской традиции...

По ознакомлении с вышеупомянутыми фактами, соглашениями и условиями, составлены два одинаковых документа, один вырезан из другого по линии ABCD, одна половина передана упомянутому капитану, а второй должен остаться у упомянутых купцов. Составлено на Зимней ярмарке в Бергене-оп-Зом в лето Господа нашего 1461-е, в четвертый день декабря...»

Hansisches Urkundenbuch, vol. 8, № 1089, p. 653.

## **40. Солидарность английских и ганзейских торговцев мануфактурой**

*1468 г. Петиция Эдуарду IV от торговцев мануфактурой из Глостершира в защиту заключенных в тюрьму ганзейских купцов*

Просители, торговцы мануфактурой и жители вашего графства Глостер, обращают свои жалобы вашему величеству относительно торговли сукном. Вплоть до недавнего времени оно продавалось с большой прибылью для просителей и еще нескольких тысяч ваших подданных балтийским купцам из Германии, которые обитают в вашем королевстве. Более того, производство сукна обусловлено такой торговлей. Несколько сотен ваших верных подданных были заняты его производством, которое обеспечивало им средства к существованию. Таким образом – хвала Господу – удавалось избежать безработицы и многих других нежелательных вещей...

Затем, ваше величество, в ответ на то, что король Дании захватил корабли, принадлежащие купцам в Лондоне и других портах, названных купцов некоторое время назад арестовали, а их товары конфисковали. В результате был причинен значительный ущерб нам, просителям, и еще многим вашим верноподданным. В то время как продажа сукна обычно главным образом ведется на ярмарке Святого Варфоломея на большие суммы денег, а также в другие времена в течение года, на последней ярмарке Святого Варфоломея сукно невозможно было продать, а можно было лишь уступить себе в убыток. Это привело к значительному снижению производства сукна, к большому огорчению нас, просителей, и многих других.

Если так продолжится и дальше... неизбежны сокращение названного производства и... безработица – Господи сохрани – среди ваших верных подданных. Кроме того, в результате ареста и конфискации их товаров названным купцам пришлось задержать выплаты своих долгов нам, просителям. Всего они задолжали нам свыше 5000 фунтов, и, если такое положение продолжится, эти деньги, скорее всего, пропадут. Таким образом, нам, просителям, названным балтийским купцам и вашему величеству причинен значительный

ущерб из-за потери вознаграждения за наши традиционные статьи экспорта, которые должны были в будущем расшириться.

Поэтому покорнейше просим ваше величество обдумать эти вопросы и признать, что указанные купцы есть и всегда были среди самых преданных друзей нашего королевства. Как можно подозревать их в том, что они повинны в захвате наших кораблей? При всем уважении к вашему величеству мы считаем, что это преступление было им приписано в результате злого и коварного заговора с целью принудить ваше величество изгнать их из своего королевства – Боже сохрани – и лишить их льгот. Вот почему мы умоляем ваше величество принять меры, необходимые для процветания нас, просителей, и вашего королевства, а именно: вернуть указанным купцам их прежние льготы, освободить их, вернуть им их имущество и благоприятно взирая на их деятельность, чтобы они были более склонны вернуться в ваше королевство».

Hansisches Urkundenbuch, vol. 9, № 525, p. 380.

#### **41. Движимое имущество судовладельца**

*1494 г. Хермен Месман и его наследники признают, что они должны 4000 марок плюс ежегодные проценты в 200 марок монастырю Святого Иоанна в Любеке. Советник из Любека и еще пять человек выступают поручителями этого долга. Месман передает им в залог все свое движимое имущество*

«Хермен Месман, гражданин Любека, по доброй воле, от своего лица и от лица своих наследников заключил соглашение с указанными поручителями и передает им в залог посредством данного документа все свои располагаемые активы, столовое серебро, мебель и домашнюю утварь, кастрюли, чайники и котлы, свои активы, все свои корабли и доли в кораблях, с такелажем, якорями, канатами, снастями и оснасткой, в чьем бы владении они ни находились, без исключения, а именно:

Из плашкоута Мартена Кванте – доля в  $\frac{1}{4}$  400 марок

Из корабля Ганса Хольсте – доля в  $\frac{1}{8}$  200 марок



Из корабля Ганса Бланка – доля в  $\frac{3}{8}$  600 марок

Из корабля Петера Рютера – доля в  $\frac{1}{4}$  300 марок

Из корабля Хермена Бурскопа – доля в  $\frac{1}{8}$  200 марок

Вдобавок доля в  $\frac{1}{2}$  от корабля Ганса Франке 85 марок

Эти корабли в настоящее время находятся в Любеке.

На корабль Ганса Шакеля, который в настоящее время находится в Ревеле, не менее 625 марок.

Еще один плашкоут, на который он сейчас назначил капитаном Ханке Брандта и который в настоящее время находится в порту Стокгольма, стоит... 1300 марок. Вдобавок еще один целый корабль, в порту Стокгольма, на 60 ластов, который стоит более 200 марок.

Итого: 3900 марок.

Кроме того, указанный Хермен... согласился: если Господь Бог призовет его к себе и вышеупомянутых закладов окажется недостаточно, тогда поручители или их наследники обязаны будут потребовать все его имущество на земле, то есть дома, которыми он владеет, а также остальное движимое и недвижимое имущество в пределах города Любека и вне его».

Pauli, Lubeckische Zustände im Mittelalter, vol. 3, № 25, p. 117.

## **42. Угроза торговле норвежской рыбой**

*1514 г. Меморандум Ганзейской конторы в Бергене к норвежскому правительству относительно переговоров в Осло*

«Во-первых, поскольку положение конторы в Бергене в прошлом ухудшилось из-за голландцев и других неганзейцев, его светлейшее величество король Кристиан [I] даровал конторе новые привилегии [1469 и 1471 гг.]. Соответственно купцы просят, чтобы голландцам и другим неганзейцам запретили незаконно торговать и плавать в указанное королевство, а разрешили заходить только в Берген с одним или двумя кораблями... и чтобы они жили только на двух дворах, на южной стороне порта, и чтобы торговали только оптом, а не на локти или малые партии...

Даже в старинные времена никакое другое место, кроме Бергена, не признавалось законным рынком в Норвегии: рыбаки привозили рыбу из многих краев и со многих островов, но всю ее свозили в Берген. И пока дела велись таким образом, в Норвегии все было хорошо и купцы привозили в королевство всевозможные товары; а когда купцы приходили со своей рыбой в Любек, рыба пользовалась спросом и хорошо продавалась, и многие купцы Бергена процветали.

Но потом жители Гамбурга начали ежегодно совершать рейсы в Исландию с одним, а иногда с двумя кораблями, а оттуда возить рыбу в Англию. В то время эта рыба была почти неизвестна в Германии. Однако теперь они ходят туда с шестью, восемью и часто с десятью кораблями и возят рыбу не в Англию, а в Гамбург, и купцы из Бремена тоже начали совершать такие рейсы и возвращаться в Везер, а голландцы и другие следуют их примеру и возвращаются с грузом в Амстердам. Они получают большую прибыль, продавая рыбу, поэтому на рыбу из Бергена спрос малый и в результате она почти ничего не стоит.

Вдобавок жителям юга Германии, которые когда-то покупали и перевозили норвежскую рыбу, она больше не нужна. Они научились особому приему: отбивают исландскую рыбу, чтобы та была мягкой. Это настолько широко распространилось и вошло в обычай, что они в основном предпочитают исландскую рыбу бергенской. Поэтому на норвежскую рыбу не находится покупателей, и купцы не могут получить прибыль и должны отказаться от рейсов, так как они уже невыгодны.

Купцы из Гамбурга и Бремена могут продавать дешевле, потому что они могут погрузить больше рыбы на три корабля, чем мы возим на пяти, а в Исландии им не нужно столько платить за дома и подворья, как приходится платить купцам в Бергене; вот почему, если не остановить это большое и растущее зло сейчас, конторе придет конец – Боже упаси.

Поэтому купцы смиренно просят, чтобы городам Гамбургу, Бремену и другим, в соответствии с упомянутыми привилегиями, строго воспретили ходить в Исландию и возвращаться оттуда прямо в их порты, вопреки давнему закону Норвегии, и чтобы им разрешили возить исландскую рыбу только в Англию, но не в немецкие и другие

порты и земли, под страхом лишения их королевских привилегий и права торговать на реках, в гаванях и провинциях этого королевства.

Наконец, купцы из Гамбурга, Бремена и Амстердама, а также голландцы и другие, посещают Шетландские и Фарерские острова и привозят оттуда, вопреки обычаю, масло, сало, шерсть и перья, таким образом причиняя немалый ущерб... не только купцам, но и королевству Норвегия. Поэтому купцы просят и это также запретить в будущем...»

F. Bruns, *Die Lubecker Bergenfahrer und ihre Chronistik* ('Hansische Geschichtsquellen', № 2, 1900), p. 211–213.

### **43. Рост торговли зерном, выращиваемом на землях знати**

*1534 г. Из сообщения имперского секретаря Максимилиана Трансильяна регенту Нидерландов, в котором, наряду с матримониальными планами, описано процветание Польши*

«Вся прибыль и рост королевства Польского и указанного города Данцига заключается в том, что один или два раза каждый год туда приезжают голландцы с 200 или 300 кораблей, и за две недели покупают и вывозят все зерно, какое можно найти в указанном городе Данциге. Ибо все правители и аристократы Польши и Пруссии за последние 25 лет научились посылать по определенным рекам все свое зерно в Данциг и продавать его жителям того города. И потому королевство Польское и указанные правители стали очень богаты и богатеют дальше. Ибо в прежние времена они не знали, что делать с урожаем зерна, и оставляли свои земли под паром, а город Данциг, который некогда был простой деревней, сейчас самый влиятельный и богатый город на всем Балтийском море».

Niederlandische Akten und Urkunden, vol. I, № 178, § 28, p. 200.

## IV. Торговая статистика

### 44. Грузооборот в порту Любека, 18 марта 1368 – 10 марта 1369 г

1. Объем грузов, ввезенных и вывезенных морем, включая прибывшие из Гамбурга (сгруппированы под заголовком «Запад»): стоимость в тыс. любекских марок, в зависимости от места происхождения или назначения

Импорт		Происхождение, место назначения	Экспорт		Всего	%
150		Запад	38		188	34,4
44		Ливонские города:	51		95	17,4
	10	Рига		14		
	34	Ревель		14,3		
	—	Пернау		22,7		
49,4		Скания	32,6		82	15
52		Готланд — Швеция	29,4		81,4	14,9
19		Прусские города:	29,5		48,5	8,9
	16	Данциг		22,8		
	3	Эльбинг		6,6		
17,2		Вендские и померанские города:	25,2		42,4	7,8
	5,5	Штеттин		7		
	4	Штральзунд		7,5		
	2,2	Росток		4,6		
	5,5	Висмар		6,1		
4,3		Берген	—		4,3	0,8
3		Малые балтийские порты	1,2		4,2	0,8
338,9		Итого	206,9		545,8	100

2. Товары, ввезенные и вывезенные морем: стоимость в тысячах любекских марок

Товары	Место происхождения	Импорт	Экспорт	Итого
Сукно	Фландрия	120,8	39,7	160,5
Рыба	Скания	64,7	6,1	70,8
Соль	Люнебург	—	61,6	61,6
Слив. масло	Швеция	19,2	6,8	26
Шкуры, меха	Русь, Швеция	13,3	3,7	17
Зерно	Пруссия	13	0,8	13,8
Воск	Русь, Пруссия	7,2	5,8	13
Пиво	Вендские города	4,1	1,9	6
Медь	Швеция, Венгрия	2,2	2,4	4,6
Железо	Швеция, Венгрия	2,4	2,2	4,6
Раст. масло	Фландрия	2,7	1,5	4,2
Лен	Ливония, Сев. Германия	0,4	3	3,4
Разные продукты	—	2,2	1,2	3,4
Серебряная валюта	?	0,7	2	2,7
Вино	Рейнская область	1,3	0,9	2,2
Полотно	Вестфалия	0,2	1,1	1,3
Прочее		39,9	16,6	56,5
Разное		41	49	90
Итого (округление)		338,9	206,9	545,8

### 3. Перемещение 680 кораблей, входивших в порт и покидавших его

Прибытие	%	Откуда, куда	Отправление	%
289	33,7	Мекленбург—Померания	386	42,3
250	28,8	Скания	207	22,8
145	16,8	Пруссия	183	20,1
96	11,2	Швеция	64	7
35	4,3	Ливония	43	4,7
28	3,2	Фемарн	27	3
12	1,6	Берген	—	—

3	0,4	Фландрия	1	0,1
858	100		911	100

G. Leghner, Die Hansischen Pfundzollen des Jahres 1368 (1935), p. 48, 53, 66.

## 45. Торговля Тевтонского ордена с Фландрией

*1390–1405 гг. Статьи экспорта и импорта «большой казны» Тевтонского ордена в Кёнигсберге: стоимость в фламандских фунтах groot*

	Экспорт во Фландрию						Импорт			Товаро-оборот
	Янтарь	Медь	Воск	Меха	Разное	Итого	Сукно	Специи*	Итого	
1390	690	—	—	—	—	690	—	—	—	690
1391	1089	105	100	—	326	1620	56	5	61	1681
1392	826	—	702	—	—	1528	1125	29	1154	2682
1393	810	—	734	293	342	2179	2378	27	2405	4584
1394	756	251	886	409	14	2316	1360	23	1383	3699
1395	1348	365	565	508	140	2926	2614	27	2641	5567
1396	876	326	1776	408	—	3386	3248	44	3293	6678
1397	823	—	—	835	—	1658	2381	20	2401	4059
1398	900	—	211	1009	—	2120	1491	20	1511	3631
1399	759	209	850	960	—	2778	2011	299	2310	5088
1400	646	—	1500	560	—	2706	—	—	—	2706
1401	—	40	1800	380	—	2220	—	—	—	2220
1402	602	—	—	—	—	602	—	—	—	602
1403	211	46	900	460	40	1657	—	—	—	1657
1404	370	120	1800	480	27	2797	1754	445	2199	4996
1405	90	—	—	146	—	236	—	—	—	236
Итого	10796	1462	11824	6448	889	31419	18418	939	19357	50776
В среднем**	720	184	985	538	148	2575	1842	94	1936	4521

Специи<sup>[81]</sup>

В среднем<sup>[82]</sup>

F. Renken, Der Handel der Königsberger Grosschäfferei des Deutschen Ordens mit Flandern um 1400 (1937), p. 165.

## 46. Некоторые цены

*1400 г. Цены на различные товары, продаваемые Тевтонским орденом в Пруссии в 1400 г.: цены в прусских марках соответственно стандартному количеству в 1 ласт*

Шафран	7040	Венгерское железо	21
Имбирь	1040	Соль из Траве	12 $\frac{1}{2}$
Перец	640	Сельдь	12
Воск	237 $\frac{1}{2}$	Фламандская соль	8
Французское вино	109 $\frac{1}{2}$	Пиво из Висмара	7 $\frac{1}{2}$
Рис	80	Мука	7 $\frac{1}{2}$
Сталь	75	Пшеница	7
Рейнское вино	66	Рожь	5 $\frac{3}{4}$
Растительное масло	60	Ячмень	4 $\frac{1}{5}$
Мед	35	Вайда (красильная)	4 $\frac{3}{4}$
Сливочное масло	30		

См.: W. Bohnke, Der Binnenhandel des Deutschen Ordens in Preussen // Hansische Geschichtsblätter, 80 (1962), 51–53.

## 47. Экспорт английского сукна ганзейскими купцами

*Среднее ежегодное количество, главным образом за пятилетние периоды, кусков сукна, экспортируемого ганзейскими купцами*

1366—1368	1690	1426—1430	4495
1377—1380	2028	1431—1435	4016
1392—1395	7827	1436—1440	9044
1399—1401	6737	1441—1445	11 480
1401—1505	5940	1446—1450	9292
1406—1410	6160	1451—1455	7682
1411—1415	4990	1456—1460	10 176
1416—1420	5686	1461—1465	8734
1421—1425	7238	1465—1470	5733



1471—1475	3360	1521—1525	18 503
1476—1480	9820	1526—1530	20 372
1481—1482	15 070	1531—1535	24 266
1510—1514	21 607	1536—1540	30 740
1515—1520	20 400	1541—1545	27 329
		янв.—сент. 1554	27 903**

[83]

27 903[84]

Первые три цифры за XIV в. взяты из: H.L. Gray, The Production and Exportation of English Woollens in the 14th Century // English Historical Review (1924), с. 35.

E. Power, M. Postan, Studies in English Trade in the Fifteenth Century, 2-е изд. (1951), р. 407; G. Schanz, Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters, vol. 2 (1881), р. 103.

#### **48. Импорт воска в Англию ганзейскими купцами**

*Ежегодные средние показатели, в центнерах*

1476—1479	1107	1520—1524	2798,4
1480—1483	2750	1525—1534	2561
1510—1514	4064,6	1535—1539	1630,6
1515—1519	3658,2	1540—1544	926,6

Schanz, Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters, vol. 2, р. 155.

#### **49. Статьи экспорта из Стокгольма в Любек и Данциг**

*Экспорт сливочного масла, меди, осмунда (высококачественного железа) и чугуна в чушках: цифры за XIV и XV вв. взяты из Pfundzollbücher of Liibeck, цифры за XVI и XVII вв. – из деклараций*

стокгольмской таможни; проценты относятся к общему количеству каждого продукта, вывезенного из Стокгольма. Количество осмунда – приводимое в источниках в ладах – преобразовано в корабельные фунты из расчета 12 корабельных фунтов на лад

	Сливочное масло (в тоннах)				Медь (в корабельных фунтах)			
	Любек	%	Данциг	%	Любек	%	Данциг	%
1368	ок. 2000				460			
1369	ок. 900				530			
1400	247				45			
1492	76				2250			
1493	53				2849			
1494	—				1806			
1495	—				435			
1559	1254	89	150	11	—			
1572	1350	74	252	14	564	94	3	0,5
1574	1294	80	105	10	803	85	59	6,2
1576	1659	79	158	7	1362	88	94	6,1
1582	1224	86	47	3	2031	81	2	0
1583	1133	77	165	11	2153	70	122	4
1584	909	74	177	14	2425	69	49	1,4
1591	742	74	170	17	1487	74	247	12
1600	—	—	56	5	—	—	1	0
1610	64	47	7	5	1411	83	18	1,1
1620	659	76	50	6	7434	86	12	0,1

	Осмунд (в корабельных фунтах)				Чугун в чушках (в корабельных фунтах)			
	Любек	%	Данциг	%	Любек	%	Данциг	%
1368	1680							
1369	3080							
1400	2964							
1492	5976							
1493	7320							
1494	5316							
1495	1380							
1559	—							
1572	4620	32	7248	51	1851	59	259	8
1574	8304	34	8918	46	2250	62	308	8
1576	5508	29	11 844	62	2019	48	886	21
1582	6228	36	9960	58	2669	56	574	12
1583	4032	27	9948	66	2389	55	1104	25

1584	4728	28	11 436	67	3304	58	728	13
1591	6468	33	11 636	60	3402	49	1334	19
1600	—	—	5424	31	—	—	332	3
1610	1524	14	8280	73	1562	33	610	13
1620	1308	11	8448	73	3842	29	1969	15

См.: К. Kumlien, Sverige och Hanseatema (1953), p. 303, 309, 313, 314.

## 50. Торговля Данцига

*1560–1661 гг. Количество грузовых кораблей, сгруппированных по стране происхождения, которые отплывали из Данцига и шли на запад через Зунд*

Год	Данциг	Другие ганзейские порты	Эмден	Нидерланды	Дания	Норвегия	Шотландия	Англия	Франция	Итого из Данцига	Итого из Балтийского моря
1560	138	80	30	420	8	3	23	9	0	711	1409
1565	3	27	72	1029	4	0	15	17	6	1173	1674
1569	52	97	311	349	55	4	36	60	3	967	1583
1575	55	55	256	554	37	9	58	74	4	1105	1878
1580	29	37	121	465	13	5	23	10	13	717	1876
1585	26	18	116	523	63	2	14	3	9	776	1967
1590	40	41	134	596	33	15	39	6	25	931	2496
1595	68	76	134	825	47	11	51	32	83	1330	3143
1600	66	68	102	529	26	4	24	12	11	842	2154
1605	46	51	65	624	65	0	23	21	11	924	1955
1610	20	40	51	614	36	1	16	6	13	816	2044
1615	17	48	61	732	45	27	22	47	17	1018	2479
1620	9	35	47	892	18	18	12	12	0	1072	2614
1625	19	32	16	284	1	12	18	14	6	403	1444
1630	4	13	7	186	4	4	10	4	17	249	1165
1635	18	32	16	432	26	25	26	78	6	662	2077
1640	50	103	3	340	86	48	10	86	0	740	1705
1646	44	77	0	342	44	40	9	33	3	618	1772

1650	17	51	45	587	12	22	9	20	0	774	2182
1655	29	63	29	320	4	12	12	13	0	473	1608
1661	4	8	16	197	1	4	1	15	3	251	1069

М. Ellinger Bang, Tabeller over Skibsfart og Yaretransport gennem Oresund 1497–1660, I: Tabeller over Skibsfarten (1906).

## 51. Экспорт зерна из Данцига в Западную Европу

*Средние ежегодные цифры (в ластах), из «зундских сводок»*

Период	Общий экспорт ржи через Зунд	Экспорт из Данцига			
		Рожь	Пшеница	Мука	Ячмень
1490—1492		8473	128	95	
1562—1565	50 676	42 720	4826	4424	603
1566—1569	43 771	34 089	2258	1390	495
1574—1575	35 773	28 796	3493	1750	277
1576—1580	25 297	14 071	1437	1259	41
1581—1585	24 431	19 860	2258	1305	187
1586—1590	39 295	28 663	2982	1472	498
1591—1595	45 290	29 080	2097	1082	676
1596—1600	50 070	38 585	4773	1221	474
1601—1605	37 818	32 283	1664	903	208
1606—1610	55 472	38 980	3258	255	796
1611—1615	44 378	34 765	1941	227	507
1616—1620	68 326	51 778	5679	263	1418
1621—1625	48 576	32 845	3704	109	475
1626—1630	20 973	8139	690	150	37
1631—1635	45 466	31 004	6807	210	114
1636—1640	45 251	31 778	8011	232	2067
1641—1645	53 910	42 090	12 383	377	4676
1646—1650	53 056	34 554	11 162	158	1541
1651—1655	28 745	17 788	4550	35	947

M. Ellinger Bang, Tabeller over Skibsfart og Varetransport gennem Oresund 1497–1660, II: Tabeller over Varetransporten A (1933).

# Приложение

## Список ганзейских городов

Города, чьи купцы пользовались ганзейскими привилегиями за границей в XIV–XVI вв. (в отдельных случаях очень недолго), сгруппированы по географическому принципу.

ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ выделены главные города третьей или четвертей, например КЁЛЬН.

*Курсивом* выделены города, которые играли важную роль в делах Ганзейского союза, например *Девентер*.

Ниже перечислены 200 городов<sup>[85]</sup>.

**Маас-Рейн:** Венло, Везель, Грит, Динан, Дуйсбург, Дюссельдорф, Залтбоммел, КЁЛЬН, Нойс, Неймеген, Рурмонд, Тиль, Эммерих.

**Эйссел и Зейдерзе:** Арнем, *Девентер*, Дуйсбург, Зволле, Зютфен, Кампен, Оммен, Ставорен, Хардервейк, Хасселт, Хаттен, Элбюрг.

**Побережье Северного моря:** *Бремен*, Букстехуде, Гамбург, Гронинген, Штаде.

**Вестфалия:** Ален, Аллендорф, Альтена, Арнсберг, Аттендорн, Бальве, Беккум, Белекке, Билефельд, Бланкенштайн, Бохолт, Бохум, Бёдефельд, Боргентрайх, Боркен, Бракель, Бреккерфельд, Брилон, Варбург, Варендорф, Варштайн, Ваттеншайд, Верль, Верне, Вестхофен, Веттер, Виденбрюк, Гезеке, Гревенштайн, Дорстен, ДОРТМУНД, Дрольсхаген, Дюльмен, Зост, Золинген, Зундерн, Ибург, Изерлон, Каллен-хардт, Камен, Квакенбрюк, Косфельд, Лангеншайд, Лемго, Липпштадт, Люденшайд, Люнен, Мелле, Менден, Минден, *Мюнстер*, Нехайм, Нихайм, Нойенраде, Нойштадт (Гессен), Олдензал (Нидерланды), Ольпе, *Оснабрюк*, Падерборн, Пеккельсхайм, Плеттенберг, Ратинген, Реклингсхаузен, Райне, Рютен, Тельgte, Унна, Фёрден (Вестфалия), Фрайеноль, Фреден, Фюрстенау, Хахен, Хаген, Хальтерн, Хамм, Хаттинген, Херфорд, Хиршберг, Хёрде, Хюстен, Шверте, Эссен, Эверсбург.

**Нижняя Саксония:** Айнбек, Альфельд, Ашерслебен, Боккенем, БРАУНШВЕЙГ, Вербен, Гаммельн, Ганновер, Гарделеген, *Гослар*, Гронау, Зальцведель, Зеехаузен, Кведлинбург, *Люнебурге*, *Магдебург*,

Остербург, Тангермюнде, Ульцен, Хальберштадт, Хельмштедт, Хильдесхайм, Штендаль.

**Центральная Германия** (между верхним течением Везера и Заале): Геттинген, Дудерштадт, Мерзебург, Мюльхаузен (Тюрингия), Наумбург, Нордхаузен, Нортхайм, Остероде, Услар, Халле, Эрфурт.

**Бранденбург:** Берлин, Бранденбург, Кёльн-на-Шпрее, Кириц, Перлеберг, Прицвальк, Франкфурт-на-Одере, Хавельберг, Перлеберг, Прицвальк.

**Балтийское побережье западнее Одера:** Англам, Висмар, Грайфсвальд, Деммин, Киль, ЛЮБЕК, Росток, Штеттин, Штральзунд.

**Дальняя Померания, восточнее Одера:** Бельгард, Воллин, Гольнов, Грайфенберг, Каммин, Кольберг, Кёслин, Рюгенвальде, Трептов-на-Реге, Шлаве, Штаргард, Штольп.

**Пруссия, Силезия, Польша:** Браунсберг, Бреслау, ДАНЦИГ, Кёнигсберг, Краков, Кульм, Торн, Эльбинг.

**Ливония:** Венден, Виндау, Вольмар, Дерпт, Гольдинген, Кокенгаузен, Лемзаль, Пернау, Ревель, Рига, Рооп, Феллин.

**Швеция:** ВИСБЮ, Кальмар, Нючёпинг(?), Стокгольм.



# Хронология Ганзы

Общая история		История Ганзы	
1-я пол. XII в.	Начало немецкой колонизации Центральной и Восточной Европы		
1125—1137	Годы правления короля (с 1113 императора) Лотаря III		
1142—1180	годы правления Генриха Льва, герцога Саксонии	1143—1159	Генрих II дарует привилегии кёльнским купцам в Лондоне
1152—1190	Годы правления императора Священной Римской империи Фридриха I		
1154—1189	Годы правления Генриха II, короля Англии	Ок. 1160	Образование Сообщества немецких купцов, регулярно посещающих Готланд
1189—1192	Третий крестовый поход	Конец XII в.	Учреждение немецкой конторы в Новгороде
		1201	Основание Риги
1202—1242	Годы правления Вальдемара II, короля Дании		
1213—1250	Годы правления императора Священной Римской империи Фридриха II	1226	Любеку предоставлены имперские привилегии, он становится имперским городом
1216—1272	Годы правления Генриха III, короля Англии	1227	Победа над датчанами при Борнхёведе
1230—1283	Завоевание Пруссии Тевтонским орденом	Ок. 1230	Первый союз между Любеком и Гамбургом
1237	Ливония становится вассалом Тевтонского ордена, а Эстония — Дании (до 1346)	Ок. 1230	Основание Стокгольма
		2-я пол. XIII в.	Строительство церкви Святой Марии в Любеке
1253	Учреждение архиепархии в Риге	1252—1253	Привилегии предоставлены ганзейским купцам во Фландрии
1254	«Рейнская лига»	1256—1264	Образование Союза вендских городов
1273—1291	Годы правления короля Германии Рудольфа Габсбурга	1280—1282	Первый перевод конторы из Брюгге в Аарденбург
		1281	Учреждение «Стального двора» в Лондоне
1285—1314	Годы правления короля Франции Филиппа Красивого	1284—1285	Ганзейская блокада Норвегии

		1293	Контроль над новгородской конторой переходит от Висбю к Любеку
1286— 1319	Годы правления короля Дании Эрика Менведа	1307— 1319	Датский протекторат в Любеке
1309	Тевтонский орден переносит штаб-квартиру в Мариенбург	1307— 1309	Перенос конторы из Брюгге в Аарденбург
1327— 1377	Годы правления короля Англии Эдуарда III	1347	Устав конторы в Брюгге
1337— 1453	Столетняя война		
1340— 1375	Годы правления короля Дании Вальдемара IV Аттердага	1356	Первый общий Ганзейский собор (Gansetag). Постепенное развитие Ганзы городов
1346— 1378	Годы правления императора Священной Римской империи Карла IV	1358— 1360	Эмбарго, направленное против Фландрии
		1361	Висбю захвачен Вальдемаром IV
1346— 1384	Годы правления Луи Маля (Людовика II Мальского), графа Фландрии		
1348— 1350	«Черная смерть» (пандемия бубонной чумы)		
1356	«Золотая булла», законодательный акт Священной Римской империи	1367— 1385	Образование Кёльнской конфедерации против Дании
		1370	Штральзундский мир
1375— 1412	Годы регентства Маргариты I, королевы-регента Дании, Норвегии (1380) и Швеции (1389)	1380	Прервана торговля с Фландрией, Англией и Новгородом
1384— 1404	Годы правления Филиппа II Смелого, герцога Бургундии и графа Фландрии	1388— 1392	Эмбарго против Фландрии
1386— 1434	Годы правления Владислава II Ягелло, короля Польского и великого князя Литовского	1392	Нибуров мир с Новгородом
1397	Кальмарский союз трех скандинавских королевств	1390— 1401	«Виталийские братья»
1400— 1410	Годы правления императора Священной Римской империи Рупрехта	1408— 1416	Свержение патрицианского строя в Любеке
1411— 1437	Годы правления императора Священной Римской империи Сигизмунда	1410	Поражение Тевтонского ордена при Танненберге

1412— 1439	Годы правления короля Скандинавского союза Эрика Померанского	1418	«Ганзейские статуты» против смутьянов
1419— 1467	Годы правления герцога Бургундии Филиппа III Доброго	1419	Основание Ростокского университета
1422— 1471	Годы правления короля Англии Генриха IV		
Ок. 1428	Введение «зундской пошлины»	1426— 1435	Война между Ганзой и Данией. Вордингборгский мир
1428— 1430	Объединение Нидерландов при Филиппе Добром	1419— 1441	Конфликт Ганзы и Кастилии
1439— 1448	Годы правления короля Скандинавского союза Кристофера (Христофора) II Баварского	1438— 1441	Война между Ганзой и голландцами. Копенгагенский мир
		1436— 1438	Перевод конторы из Брюгге в Антверпен
1455— 1485	Война Алой и Белой розы		
1461— 1483	Годы правления короля Франции Людовика XI	1451— 1457	Последнее эмбарго против Фландрии
1461— 1483	Годы правления короля Англии Эдуарда IV		
1467— 1477	Годы правления герцога Бургундии Карла Смелого	1454— 1466	Война между Польшей и Тевтонским орденом
		1466	Второй Торуньский мир: города на Висле отходят к Польше
		1470— 1474	Ганза воюет с Англией
1477— 1493	Годы правления Максимилиана, регента Нидерландов (император в 1486—1519)	1471	Кёльн выходит из Ганзейского союза
1478	Завоевание Новгорода Иваном III	1474	Утрехтский мир
1470— 1503	Годы регентства Стена Стуре в Швеции	1483	Вечный мир между Ганзой и Францией
		1489	Статуя святого Георгия работы Бернта Нотке
1509— 1547	Годы правления короля Англии Генриха VIII	1494	Иван III закрывает новгородскую контору
1513— 1523	Годы правления Кристиана II, последнего короля Скандинавского союза	1522— 1531	Распространение лютеранства на севере Германии

1523— 1533	Годы правления короля Дании Фредерика I	1525	Альберт Гогенцоллерн секуляризует прусские владения Тевтонского ордена
1519— 1556	Годы правления императора Священной Римской империи Карла V		
1523— 1560	Годы правления короля Швеции Густава Вазы	1533— 1535	Вулленвевер, бургомистр Любека
1547— 1584	Годы царствования Ивана IV Грозного (1533—1547 — великий князь Московский и всея Руси)	1534— 1591	Зюдерман, синдик Ганзы
1558— 1603	Годы правления королевы Англии Елизаветы I	1557	Ганзейский собор в Любеке, реорганизация Ганзы
1561— 1581	Эстония под шведским протекторатом, Литва под протекторатом Польши	1558	Завоевание Нарвы и Дерпта Иваном IV
1562	Секуляризация владений Тевтонского ордена в Ливонии Кеттелером, который становится герцогом Курляндии и Семигалии и вассалом Польши		
1563— 1570	Северная Семилетняя война между Швецией и Данией, последняя в союзе с Любеком	1564— 1568	Строительство «Ганзейского дома» в Антверпене
1566	Начало революции в Нидерландах. Разрушение Антверпена	1566	Любек терпит поражение на море вблизи Готланда
		1567	Гамбург предоставляет привилегии английским купцам
1581	Соединенные провинции Нидерландов провозглашают независимость	1579	Эльбинг предоставляет привилегии английским купцам
1588	Разгром Непобедимой армады	1598	Елизавета I закрывает «Стальной двор» в Лондоне
1588— 1648	Годы правления Кристиана IV, короля Дании и Норвегии	1601	Штаде выходит из Ганзейского союза
		1607	Ганзейское посольство в Испании
1609— 1621	Перемирие между Испанией и Республикой Соединенных провинций Нидерландов	1616	Ганза и Республика Соединенных провинций Нидерландов заключают союз против Дании
1611— 1632	Годы правления Густава-Адольфа, короля Швеции	1621	Шведы высаживаются в Ливонии и захватывают Ригу

1618— 1648	Тридцатилетняя война		
1625— 1629	Война Дании против Габсбургов; Любекский мир	1626	Завоевание Пруссии Густавом-Адольфом
		1628	Осада Штральзунда Валленштейном
1630	Густав-Адольф высаживается в Северной Германии	1630	Союз Любека, Бремена и Гамбурга
		1631	Осада Магдебурга войсками Тилли
1648	Вестфальский мир		
		1669	Последний Ганзейский собор в Любеке





Филипп  
Доллингер

ГАНЗЕЙСКИЙ  
ТОРГОВАЯ ИМПЕРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ  
от Лондона и Брюгге  
до Пскова и Новгорода  
Союз



# Примечания

1

Документ № 2.  
[Вернуться](#)

2

Документ № 1.  
[Вернуться](#)

3

Документ № 3.  
[Вернуться](#)

4

Документ № 15 (а).  
[Вернуться](#)

5

Документ № 17.  
[Вернуться](#)

6

Документ № 6.  
[Вернуться](#)



## 7

Документ № 18. Некоторые историки не желают смириться с мыслью о том, что бременские купцы, исключенные из сообщества в 1275 г. за отказ участвовать в блокаде Норвегии, оставались вне Ганзы вплоть до 1358 г. Основываясь на туманном отрывке из одной хроники, они выдвигают гипотезу, согласно которой Бремен приняли обратно еще до конца XIII в., но затем около 1350 г. снова исключили. Впрочем, для второго исключения правдоподобных причин не находят. Кажется довольно естественным, что бременские купцы, которые полагались на давние связи со Скандинавией, Фландрией и Англией и полученные ими там особые привилегии, не видели смысла во вступлении в Ганзу, пока последняя не превратилась в сплоченную организацию. Вот один пример сдержанности, которую выказывали купцы из «старых» городов по отношению к «Истерлингам», новичкам. Другим примером может служить отношение к Ганзе кёльнских купцов, обосновавшихся в Англии. См.: Н. Schwarzwald, Bremens Aufnahme in die Hanse 1358 in neuer Sicht/Hansische Geschichtsblätter, 79 (1961).

[Вернуться](#)

## 8

Документ № 19.

[Вернуться](#)

## 9

Документ № 7.

[Вернуться](#)

## 10

Документ № 22.

[Вернуться](#)

**11**

Документ № 15 (б).

[Вернуться](#)

**12**

Документ № 21.

[Вернуться](#)

**13**

Документ № 22.

[Вернуться](#)

**14**

Документ № 17.

[Вернуться](#)

**15**

Документ № 26.

[Вернуться](#)

**16**

Документ № 23.

[Вернуться](#)

**17**

В Средние века немецкие корабли всегда измерялись в ладах. Лад был мерой не объема, а веса; его применяли к грузу, какой мог нести корабль. Размер лада менялся в зависимости от груза, но в целом лад примерно равен 2 метрическим тоннам.

[Вернуться](#)

**18**

Документ № 28.

[Вернуться](#)

**19**

Документ № 41.

[Вернуться](#)

**20**

Документ № 34.

[Вернуться](#)

**21**

Документ № 39.

[Вернуться](#)

**22**

Документ № 24.

[Вернуться](#)

**23**

Документ № 33 (а).

[Вернуться](#)

**24**

Документ № 33 (б) и (с).

[Вернуться](#)

**25**

Документ № 37.

[Вернуться](#)

**26**

Документ № 9.

[Вернуться](#)

**27**

Документ № 35.

[Вернуться](#)

**28**

Документ № 23.

[Вернуться](#)

**29**

Документ № 10, § 6 и 9.

[Вернуться](#)

**30**

Документ № 36 (б).

[Вернуться](#)

**31**

Документ № 44.

[Вернуться](#)

**32**

Документ № 27.

[Вернуться](#)

**33**

Документ № 30.

[Вернуться](#)

**34**

Документ № 35.

[Вернуться](#)

**35**

Документ № 31.

[Вернуться](#)

**36**

Вот как приблизительно соотносились монеты в начале XV в.  
Серебряные монеты: 100 любекских марок = 53 прусские марки = 64  
рижские марки = 15 фламандских фунтов = 13 фунтов стерлингов.  
Золотые монеты: 100 любекских марок = 64 английских нобля = 47  
гентских нобля = 92 французские кроны = 110 рейнских гульденов =  
213 гелдернских гульденов = 100 венецианских дукатов. 1 любекская  
марка = 16 шиллингов по 12 пфеннигов каждый, то есть 192 пфеннига.

[Вернуться](#)

## 37

Документ № 47.

[Вернуться](#)

## 38

Документ № 45.

[Вернуться](#)

## 39

Документ № 48.

[Вернуться](#)

## 40

Документ № 33 (с).

[Вернуться](#)

## 41

Документ № 36 (б).

[Вернуться](#)

**42**

См. выше.

[Вернуться](#)

**43**

Документ № 43.

[Вернуться](#)

**44**

Документ № 12, см. запись за 1481 г.

[Вернуться](#)

**45**

Документ № 47.

[Вернуться](#)

**46**

Документ № 40.

[Вернуться](#)

**47**

Документ № 48.

[Вернуться](#)

**48**

Документ № 11.

[Вернуться](#)

**49**

Документ № 37.

[Вернуться](#)

**50**

Документ № 16.

[Вернуться](#)

**51**

Основные параметры церкви Святой Марии в Любеке (и собора Парижской Богоматери в Париже): общая высота 102 м (130 м), ширина 32 м (48 м), высота центрального нефа 38 м (35 м), высота колоколен 125 м (69 м).

[Вернуться](#)

**52**

Документ № 15 (б).

[Вернуться](#)

**53**

Документ № 40.

[Вернуться](#)

**54**

Документ № 27.



[Вернуться](#)

**55**

Документ № 42.

[Вернуться](#)

**56**

Документ № 13.

[Вернуться](#)

**57**

Документ № 29.

[Вернуться](#)

**58**

Документ № 14.

[Вернуться](#)

**59**

Документ № 15.

[Вернуться](#)

**60**

Документ № 43.

[Вернуться](#)

**61**

Документ № 51.

[Вернуться](#)

**62**

Документ № 50.

[Вернуться](#)

**63**

Документ № 49.

[Вернуться](#)

**64**

Легкие корабли.

[Вернуться](#)

**65**

Мыс на острове Хиддензе, к западу от Рюгена.

[Вернуться](#)

**66**

Тогдашнее название померанского пенни.

[Вернуться](#)

**67**

Должностные лица Тевтонского ордена, ведавшие торговлей и судоходством.

[Вернуться](#)

## 68

В Магдебурге патрициат как привилегированный класс прекратил свое существование в 1330 г.; входивших в него распределили по пяти гильдиям.

[Вернуться](#)

## 69

Ссылка на исключение из Ганзы бременских купцов в 1275 г. в результате их отказа участвовать в блокаде Норвегии.

[Вернуться](#)

## 70

Ссылка на блокаду Фландрии, провозглашенную Ганзой в том же 1358 г.

[Вернуться](#)

## 71

Брауншвейг вновь приняли в Ганзу в 1380 г. на следующих условиях: мятежники должны воздвигнуть часовню в знак искупления, послать паломника в Рим за каждого убитого, официально объявить о своем раскаянии на соборе в Любеке, вернуть конфискованное имущество и восстановить ссыльных в должности (там же, № 219, с. 259).

[Вернуться](#)

## 72

Железо из Швеции, считавшееся самым качественным.

[Вернуться](#)

## 73

Судя по заметке в долговой книге, товарищество было распущено через 5 лет.

[Вернуться](#)

## 74

Несомненно, имеется в виду переводной вексель, выписанный Свартекопом.

[Вернуться](#)

## 75

Этот ласт сельди эквивалентен 12 т, то есть он получил около 2000 кг.

[Вернуться](#)

## 76

Текст переводного векселя приведен в том же издании за № 3: Хильдебранд в Брюгге должен был дать получателю 1263 франка 5 грошей, где франк = 33 гроша.

[Вернуться](#)

## 77

Зиверт Векинхузен, брат Хильдебранда, вел дела в Кёльне и был партнером в венецианской компании.

[Вернуться](#)

## 78

Разновидности сушеной рыбы.

[Вернуться](#)

**79**

Плоскодонное судно.

[Вернуться](#)

**80**

Сотня соли обычно составляла 7½ лада, то есть приблизительно 15 тыс. кг.

[Вернуться](#)

**81**

Под заголовком «Специи» значатся также фрукты из Средиземноморья, миндаль, виноград и инжир.

[Вернуться](#)

**82**

При подсчетах не учитывались годы с нулевыми данными.

[Вернуться](#)

**83**

Падение вызвано англо-ганзейской войной 1469–1474 гг., во время которой продолжалась торговля только с Кёльном.

[Вернуться](#)

**84**

Цифра взята из: K. Friedland, Der Plan des Dr Heinrich Sudermann zur Wiederstellung der Hanse // Jahrbuch des Kolnischen Geschichtsvereins, 31–32 (1956–1957), с. 244.

[Вернуться](#)

## 85

В книге приводятся исторические немецкие названия многих городов и населенных пунктов Пруссии, Силезии, Польши и Ливонии (соответственно, Бранево, Вроцлав, Гданьск, Калининград, Хелмно, Торунь, Эльблонг, Цесис, Виндава (Вентспилс), Тарту, Кулдига, Кокнесе, Лимбажи, Пярну, Таллин, Вильянди). (*Примеч. пер.*)

[Вернуться](#)